

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 15, № 5, 2022

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
08.00.00 –
экономические науки;
22.00.00 –
социологические науки.

Журнал размещается
в следующих рефера-
тивных и полнотексто-
вых базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEc,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНИТИ РАН,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ).

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомика Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишицкоф Т. Конекки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 15, no. 5, 2022

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiyama, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulina, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency: six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:
08.00.00 – economic sciences;
22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества.....	9
---	---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Балацкий Е.В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: признаки будущего доминирования	33
--	----

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Сапир Ж. Французская экономика между пандемией COVID-19 и новой геополитической ситуацией: рецидив кризиса или его преодоление?	55
---	----

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Влияние формальных и неформальных институтов на инновационное развитие экономики.....	77
--	----

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Пилясов А.Н., Цукерман В.А. Становление нового технологического уклада в Арктике за период 1990–2021 гг.: региональный разрез	95
Шаклеина М.В., Шаклеин К.И. Факторы регионального развития предпринимательства России: оценка и роль пространственных взаимосвязей	118
Климова Ю.О., Устинова К.А., Фролов И.Э. Финансирование исследований и разработок в регионах: задачи, состояние, перспективы	135
Алтынер А., Бозкурт Э., Топчуоглу О. Влияние расходов на НИОКР на экспорт высокотехнологичной продукции.....	153

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Ворошилов Н.В. Проблемы и перспективы развития института местного самоуправления в России	170
---	-----

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Бабич Н.С., Батыков И.В. Общество потребления и социальное развитие: моделирование статистических взаимосвязей	189
Нацун Л.Н. Влияние барьеров трудоустройства на характеристики занятости инвалидов	203
Старшинова А.В., Бородкина О.И. Стратегии устойчивости социально ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки	221
Головчин М.А. Проявления цифровой социализации в молодежной среде: на данных пилотного опроса старшеклассников	237
Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. Моделирование влияния институциональной среды на развитие цифровых платформ и экономики совместного пользования.....	257

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Витязь П.А., Щербин В.К. Вопросы охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий в деятельности Международной ассоциации академий наук и Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства	274
--	-----

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	290
Правила для авторов	304
Информация о подписке	305

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. The Special Military Operation Reveals New Features of Civil Society	9
---	---

PUBLIC ADMINISTRATION

Balatsky E.V. Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: Signs of Eventual Domination	33
--	----

FOREIGN EXPERIENCE

Sapir J. The French Economy between the COVID-19 Pandemic and a New Geopolitical Situation: Relapsing into the Crisis or Overcoming It?.....	55
--	----

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Volchik V.V., Maslyukova E.V. The Impact of Formal and Informal Institutions on Innovative Economic Development	77
---	----

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION DEVELOPMENT

Pilyasov A.N., Tsukerman V.A. Development of a New Technological Paradigm in the Arctic Regions in 1990–2021	95
Shakleina M.V., Shaklein K.I. Drivers of Entrepreneurship Development in Russia's Regions: Assessment and the Role of Spatial Interrelations.....	118
Klimova Yu.O., Ustinova K.A., Frolov I.E. Funding Research and Development in Regions: Tasks, Current State, Prospects.....	135
Altiner A., Bozkurt E., Topcuoglu O. The Impact of R&D Expenditures on High-Tech Product Exports	153

REGIONAL ECONOMICS

Voroshilov N.V. Development of the Institution of Local Self-Government in Russia: Problems and Prospects	170
--	-----

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Babich N.S., Batykov I.V. Consumer Society and Social Development: Modeling Statistical Relationships	189
Natsun L.N. The Impact of Employment Barriers on the Employment Characteristics of Persons with Disabilities	203
Starshinova A.V., Borodkina O.I. Sustainability Strategies of Socially Oriented NPOs: Grant Support Mechanism	221
Golovchin M.A. Manifestations of Digital Socialization among Young People: Findings of a Pilot Survey of High School Students	237
Veretennikova A.Yu., Kozinskaya K.M. Modeling the Impact of the Institutional Environment on the Development of Digital Platforms and the Sharing Economy	257

ACADEMIC LIFE

Vityaz P.A., Shcherbin V.K. Intellectual Property Protection and Technology Transfer in the Activities of the International Association of the Academies of Sciences and the Inter-Academy Council on the Development of the Union State.....	274
---	-----

MONITORING OF PUBLIC OPINION

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	290
Manuscript Submission Guidelines	304
Subscription Information	305

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. Спустя восемь месяцев после того как Президент РФ объявил о начале специальной военной операции на территории Украины (24 февраля 2022 г.), внешнеполитическая обстановка вокруг России стала более тревожной. Непростое положение на линии фронта, участившиеся случаи терактов, военная помощь киевскому режиму со стороны стран НАТО – всё это требовало от верховного главнокомандующего РФ принятия сложных, но необходимых решений, которые не могли не затронуть значительную часть российского общества. В статье анализируются ключевые события, связанные с ходом ведения специальной военной операции, а также решения, оперативно принимаемые Президентом в соответствии с требованиями времени и обстановкой на линии фронта. Акцентируется внимание на таких шагах главы государства, как объявление в стране частичной мобилизации населения (21 сентября 2022 г.); внесение изменений в Уголовный кодекс РФ с целью усиления дисциплины в армии и обществе в период военного

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 9–32. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2022). The special military operation reveals new features of civil society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 9–32. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.1

положения и военного времени (24 сентября 2022 г.); принятие в состав России новых территорий – ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей (5 октября 2022 г.); возобновление массированных ударов высокоточным оружием по инфраструктурным объектам на территории Украины (10 октября 2022 г.); введение военного положения в новых субъектах РФ и установление специальных мер по обеспечению безопасности всех регионов Российской Федерации (19 октября 2022 г.). Проводится анализ тенденций общественного мнения, а также результатов Единого дня голосования (11 сентября 2022 г.), которые рассматриваются в качестве индикаторов общественных настроений в сложный для страны период. Резюме проведенного исследования заключается в том, что тревожная внешнеполитическая обстановка, а также сложные решения, которые приходилось принимать главе государства в последние месяцы, способствовали проявлению в России новых черт гражданского общества, привели к изменению внутреннего осознания людьми масштабов угроз национальной безопасности. Это, в частности, выразилось в готовности многих россиян принять участие в специальной военной операции в качестве добровольцев, в активизации волонтерской помощи, в консолидированном осуждении людей, покинувших страну после начала спецоперации, в объединении всех слоев населения вокруг Президента РФ, что показывает динамика оценок общественного мнения. Все эти факторы могут сыграть важную роль в преодолении Россией внутреннего рубикона в виде переориентации широких слоев российского общества, и прежде всего его элитарных групп, с навязанных в период 30-летия рыночной трансформации западных догматов развития на национально ориентированные цели и ценности. А без прохождения этого внутреннего рубикона невозможно достичь главной цели России в нынешнем цивилизационном противостоянии с коллективным Западом – обретения полного (политического, экономического, военного и, главное, культурного) национального суверенитета.

Ключевые слова: специальная военная операция, частичная мобилизация, Президент, система государственного управления, гражданское общество, выборы, общественное мнение.

Специальная военная операция, начало которой было объявлено Президентом РФ 24 февраля 2022 г., «провела незримую, но неустранимую черту в истории страны», обозначив конец

истории России как «квазиколонии» Запада и отправную точку её новой истории как суверенного государства и одного из центров многополярного мира.

«Начавшаяся 24 февраля 2022 г. специальная военная операция России на Украине провела **незримую, но неустранимую черту в истории страны...** Именно СВО обозначила старт нового политического движения в стране, которое можно охарактеризовать как **освобождение от колониальных ограничений**. Тем самым водораздел событиями 2022 года обозначен очень четко: история России как квазиколонии с 1991 года до 24.02.2022; **новейшая история суверенной России после указанной даты**»¹.

Однако долгое время уже после начала боевых действий на территории Украины среди экспертов поднимался вопрос о том, насколько российское общество, и прежде всего его элитарные круги, осознают и готовы принять **масштабность и необратимость** происходящих со страной изменений. **«Мы безвозвратно и радикально порвали с Западом. Но этого пока ещё не осмыслили»**, – писал в июле 2022 г. российский философ А. Дугин². У элиты «не только мировоззрения нет для последнего решительного боя с Западом. **У неё вся система долговременных интересов протестует против чего-то подобного**»³. «Не стоит делать

¹ Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года // Journal of Institutional Studies. № 14(3). С. 75.

² Дугин А.Г. Интегральный суверенитет // Официальный сайт Изборского клуба. 04.07.2022. URL: <https://izborsk-club.ru/23057>

³ Кургинян С.Е. Чтобы не рухнуть в бездну // Суть времени. 30.06.2022. URL: <https://eot.su/node/23743>

вид, что нынешние элиты легко перестроятся на новый лад. Так не бывает...»⁴

Своего рода ответом на эти далеко небезосновательные сомнения экспертов во многом стали события, которые начались спустя 6 месяцев проведения специальной военной операции и повлекли за собой череду важных решений, принятых Президентом РФ В.В. Путиным.

С середины августа 2022 года ситуация внутри и вокруг России существенно усложнилась. Продолжающийся рост международной политической напряженности (в виде громких заявлений в публичной риторике международного политического истеблишмента и мировых СМИ, «накачки» Украины оружием, наемниками, инструкторами, экономических санкций и т. д.) усугубился **непростой обстановкой на линии фронта** (контрнаступление Вооруженных сил Украины 6–12 сентября 2022 г., в результате которого российские войска были вынуждены отойти с прежних позиций в Харьковской области; отвод союзных сил из г. Красный Лиман 1 октября 2022 г.).

Вследствие активных поставок вооружения из стран НАТО продолжились регулярные обстрелы Вооруженными силами Украины приграничных территорий, в итоге **25 сентября** в Херсонской области была разрушена гостиница (среди погибших – известный общественный деятель А. Журавко⁵); **15 октября** в Белгородской области поражен один из резервуаров местной нефтебазы...

Кроме того, со второй половины августа против России (причем как за пределами, так и на ее территории) стали совершаться **крупные теракты**, которые приобрели фактически регулярный характер:

✓ **15 августа** – предотвращена попытка теракта на объекте нефтегазового комплекса в Волгоградской области;

✓ **20 августа** – убийство российской журналистки, дочери философа А. Дугина Дарьи Дугиной;

✓ **26 сентября** – подрывы газопроводов «Северный поток» и «Северный поток – 2»;

✓ **8 октября** – теракт, способствовавший обрушению части Крымского моста (после чего было принято решение о нанесении ударов высокоточным оружием по объектам энергетики, военного управления и связи на территории Украины);

✓ **10 октября** – предотвращена попытка подрыва на одном из участков газотранспортной системы «Турецкий поток»;

✓ **11 октября** – предотвращен теракт на нефтепроводе «Дружба» – крупнейшем российском трубопроводе, осуществляющем поставки нефти в Европу.

Таким образом, крайне напряженная ситуация требовала от верховного главнокомандующего принятия **решительных действий**. Как отметил Президент: «При угрозе территориальной целостности нашей страны, для защиты России и нашего народа мы, безусловно, используем **все имеющиеся в нашем распоряжении средства**»⁶.

«Владимир Путин принимает все решения с открытыми глазами, осознанно. Сомнений в этом нет»⁷. Фактически с самого начала специальной военной операции Президент и Правительство РФ регулярно принимают меры, направленные как на общее укрепление духовно-нравственной атмосферы и традиционных ценностей в российском обществе, так и на

⁴ Аверьянов В.В. Предстоит битва за обновление государства // Официальный сайт Изборского клуба. 16.07.2022. URL: <https://izborsk-club.ru/23090>

⁵ Журавко А.В. – украинский политик, член Партии регионов; бывший депутат Верховной Рады Украины, член фракции Партии регионов, секретарь Комитета по правам инвалидов и ветеранов. После смены власти в Киеве в 2014 году находился в оппозиции к власти Украины. В 2015 году покинул Украину, переехал жить в Россию и в 2022 году вернулся в Херсонскую область. За свою общественную деятельность был посмертно награжден медалью «За отвагу» Главой Донецкой Народной Республики Д. Пушилиным.

⁶ Обращение Президента РФ к россиянам 21 сентября 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69390>

⁷ Что означает указ Президента // Независимая газета. 22.09.2022. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-09-22/2_8547_editorial.html

решение конкретных, первоочередных задач, связанных с поддержкой экономики страны и уровня жизни населения в условиях санкций, с социальной защитой отдельных категорий граждан, с укреплением морального духа и дисциплины в российской армии, с кадровыми изменениями в системе государственного управления, в науке и образовании, культуре, СМИ и т. д.

Мониторинг⁸ решений, принимаемых Президентом и Правительством РФ в сложившихся непростых для России внешних и внутренних условиях, показывает наиболее значимые из них.

✓ **4 марта 2022 г. установлена административная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооружённых сил России⁹ и уголовная ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооружённых сил России¹⁰.** Как отметил министр МВД РФ В. Колокольцев, «на фоне специальной военной операции МВД пресекло порядка 4,5 тыс. административных правонарушений, связанных с дискредитацией Вооружённых сил РФ... возбуждено свыше 100 уголовных дел»¹¹.

✓ **3 мая 2022 г. принят Указ Президента РФ № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций»¹².** В нем был утвержден перечень компаний, с которыми (и с подконтрольными которым) российским юридическим и физическим лицам запрещены

любые финансовые операции и поставки товаров. В списке организаций недружественных стран фигурирует 31 предприятие. Эксперты отметили, что данный указ стал «внятным, жестким и при этом демонстративно обдуман- ным ответом в наиболее чувствительной для стран-агрессоров газовой сфере»¹³.

✓ **14 июля 2022 г. принят Федеральный закон № 255 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»,** который, по оценкам экспертов, выступил «своего рода кодексом об иноагентах... Его суть – в размещении всех категорий иноагентов в едином реестре Минюста, унификации разнообразных запретов и ограничений»¹⁴. Стоит отметить, что по данным на 14 октября 2022 г. в официальном «Реестре иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента» фигурирует 193 иноагента (физические и юридические лица, общества, СМИ), 75 из них (то есть почти 40%) занесены в реестр в период после начала специальной военной операции на территории Украины¹⁵.

✓ **31 июля 2022 г. утверждены Морская доктрина Российской Федерации и Корабельный устав Военно-морского флота,** в которых четко обозначены основные угрозы национальной безопасности (к ним впервые отнесен «стратегический курс США на доминирование в Мировом океане и их глобальное влияние на развитие международных процессов») и которыми, по мнению экспертов, «Россия показывает всему миру, что будет защищать себя всеми доступными способами»¹⁶.

⁸ Первые данные мониторинга опубликованы в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубликона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 29–32.

⁹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67910>

¹⁰ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67908>

¹¹ Доклад министра МВД РФ В. Колокольцева в Государственной Думе 10 октября 2022 г. // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/55541/>

¹² Официальный сайт Президента РФ. 03.05.2022. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/68347>

¹³ Делягин М. Правительство Мишустина: переходя в наступление // Завтра. 19.05.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/pravitel_stvo_mishustina_perehodya_v_nastuplenie

¹⁴ Родин И. Драконовские законы применяют не только к оппозиции // Независимая газета. 28.06.2022.

¹⁵ Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента (данные на 14.10.2022) // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>

¹⁶ Морская доктрина России – это ответ на амбиции США в Арктике // Взгляд. 31.07.2022. URL: <https://vz.ru/news/2022/7/31/1170278.html> (мнение героя Российской Федерации, контр-адмирала И. Козлова).

В условиях участвовавших терактов и непростой ситуации на линии фронта в августе – октябре 2022 г. глава государства, Правительство, Федеральное Собрание РФ продолжили процесс разработки и принятия первоочередных мер для укрепления национального суверенитета страны (наиболее важные из них представлены во *вкладке 1*).

5 августа 2022 г. Президент РФ подписал Указ о применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций, продолжающий процесс регулирования международной политики Российской Федерации в отношении недружественных стран.

«...три компонента [Концепции], которые означают, что Москва прошла в отношениях с Западом точку невозврата:

Первым пунктом среди национальных интересов Российской Федерации в гуманитарной сфере за рубежом названа „защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей”...

Второй компонент – закрепление на официальном уровне понятия „русский мир”...

Третий компонент – формулирование... концепции евразийства. Речь идет о „синтезе европейского и азиатского начал”, что, собственно, и составляет суть этой идеологии...

Эти положения концепции – формулировка **тотальной идеологической альтернативы со стороны России**. Мы отныне не просто неинтегрируемы в „Атлантическое сообщество”, а предлагаем **консервативную ценностную альтернативу**, бросая вызов левому либерализму»¹⁷.

27 августа 2022 г. подписан Указ о временных мерах по урегулированию правового положения граждан ДНР, ЛНР и Украины в России, упрощающий возможности проживания в России для граждан указанных территорий.

5 сентября 2022 г. принята Концепция гуманитарной политики РФ¹⁸, которая, по оценкам экспертов, стала свидетельством того, что «Россия заявила о себе не только как о военно-политической альтернативе США... Впервые после 1985 года она сформулировала свой альтернативный Западу ценностный проект... Россия теперь – ценностная альтернатива американоцентричному проекту»¹⁹.

21 сентября 2022 г. подписан Указ «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», согласно которому граждане, призываемые на военную службу по мобилизации, получают статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных силах РФ по контракту. По заявлению Министра обороны РФ С. Шойгу, для участия в специальной военной операции будет мобилизовано 300 тыс. резервистов (прежде всего имеющих боевой опыт), что составляет около 1,1% от всего мобилизационного ресурса страны²⁰.

24 сентября 2022 г. принят Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», законодательно закрепивший поправки в Уголовный кодекс РФ о наказаниях за действия, связанные с военной службой и совершенные в периоды мобилизации, военного положения и военного времени (во *вкладке 1* это решение выделено заливкой). Поправки уточняют категории «мобилизация», «военное положение», «военное время», вводят в УК РФ новые виды нарушений («добровольная сдача в плен», «мародерство»), ужесточают меры

¹⁷ Фененко А. Ценностное противостояние. Россия прошла точку невозврата во внешней политике // Независимая газета. 12.09.2022. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2022-09-12/3_8537_kb.html

¹⁸ Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611.

¹⁹ Фененко А. Ценностное противостояние. Россия прошла точку невозврата во внешней политике // Независимая газета. 12.09.2022. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2022-09-12/3_8537_kb.html

²⁰ Министр обороны Сергей Шойгу дал ряд пояснений насчет частичной мобилизации // Первый канал. Новости. 21.09.2022. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-09-21/438147-ministr_oborony_sergey_shoygu_dal_ryad_poyasneniy_naschet_chastichnoy_mobilizatsii

наказания за оставление части или неявку в срок на службу, неисполнение подчиненным приказа начальника, отказ от участия в военных или боевых действиях, неисполнение государственного оборонного заказа, повреждение или уничтожение военной техники (за все эти преступления предусматриваются сроки наказания от 3 до 15 лет лишения свободы). Как отметил генеральный директор Института политических исследований С. Марков, «потребовалось и укрепить дисциплину. Ужесточение наказания направлено на решение этой задачи... После 30 лет разболтанности, расслабленности пришло время испытаний, а оно требует большей жесткости»²¹.

30 сентября 2022 г. Президент РФ подписал договоры о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России. Это важнейшее событие в истории страны. Фактически весь комплекс процедур²², связанных с вхождением новых территорий в состав Российской Федерации, начиная с референдумов 23–27 сентября и заканчивая подписанием Президентом РФ соответствующих федеральных конституционных законов 5 октября 2022 г., по сути **подвел итог первых восьми месяцев проведения специальной военной операции на территории Украины:** одновременно с подписанием

Глава государства на церемонии подписания договоров отметил: «За выбором миллионов жителей в Донецкой и Луганской народных республиках, в Запорожской и Херсонской областях – **наша общая судьба и тысячелетняя история...** Хочу, чтобы меня услышали киевские власти и их реальные хозяева на Западе, чтобы это запомнили все: **люди, живущие в Луганске и Донецке, Херсоне и Запорожье, становятся нашими гражданами навсегда**»²³.

договоров о вступлении четырех новых субъектов в состав России **страна вышла «на очередной виток своего исторического бытия», на котором вступила в жесткую конфронтацию со странами НАТО,** включающую «практически все измерения — геополитическое, цивилизационное, экономическое, культурное, военное... Всё, о чем мы лишь догадывались, что предполагали и на что надеялись — теперь названо своими собственными именами... Теперь всем очевидно, что Москва по существу подошла к постановке под вопрос Беловежских соглашений..., а значит, мы идем на пересмотр всей постсоветской истории России и, соответственно, мира»²⁴.

²¹ «Мобилизация — опция на всякий случай»: политологи раскрыли смысл поправок УК (мнение С. Маркова, гендиректора Института политических исследований) // МК.ру. 20.09.2022. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/09/20/mobilizaciya-opciya-na-vsyakiy-sluchay-politologi-raskryli-smysl-popravok-uk.html>

²² 23–27 сентября 2022 г. на территории ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей состоялись референдумы о вхождении в состав Российской Федерации. По их итогам за присоединение к России проголосовали 99,23% жителей Донецкой Народной Республики; 98,42% жителей Луганской Народной Республики; 93,11% жителей Запорожской области; 87,05% жителей Херсонской области (источник: <https://vz.ru/news/2022/9/30/1180132.html>).

²³ 29 сентября 2022 г. В.В. Путин подписал указы о признании независимости Запорожской и Херсонской областей (Указы № 685, 686).

30 сентября 2022 г. состоялась церемония подписания договоров о принятии в Россию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и образовании новых субъектов Российской Федерации.

2 октября 2022 г. Конституционный суд одобрил пакет документов о принятии Донецкой и Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей в состав России.

3 октября 2022 г. депутаты Государственной Думы РФ единогласно ратифицировали соответствующие договоры о принятии в состав России четырех новых территорий.

4 октября 2022 г. договоры о принятии ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей ратифицировал Совет Федерации.

5 октября 2022 г. Президент РФ подписал федеральные конституционные законы о принятии в Российскую Федерацию и образовании в составе РФ новых субъектов — Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области.

²⁴ Выступление В. Путина на церемонии подписания договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465>

²⁵ Дугин А. Путин провозгласил Русскую идею // Завтра. 04.10.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/putin_provvozglasil_russkuyu_ideyu

10 октября 2022 г., после теракта на Крымском мосту, выступая на совещании с постоянными членами Совета Безопасности РФ В.В. Путин озвучил решение о возобновлении (после первых подобных действий 24–25 февраля 2022 г.) «массированных ударов высокоточным оружием большой дальности воздушного, морского и наземного базирования по объектам энергетики, военного управления и связи Украины».

19 октября 2022 г. В.В. Путин подписал Указ о введении военного положения на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, а также Указ «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756».

Принципиальная важность этих указов состоит в том, что таким образом (как отмечают некоторые эксперты) Президент «обдумывает контуры той системы госуправления, которая соответствовала бы военному положению»²⁵. Кроме собственно введения военного положения на новых российских территориях **все субъекты РФ** были распределены на территории с «максимальным», «средним», «повышенным» и «базовым» уровнем реагирования; **все губернаторы наделены дополнительными полномочиями; создан специальный Координационный совет**, в который вошли вице-премьеры, представители силовых ведомств, социально-экономического блока Правительства, Администрации Президента, а также Государственного совета.

Его цель — «продолжить работу по совершенствованию координации деятельности для решения задач обеспечения специальной военной операции»²⁶. Как отметил руководитель фракции, депутат Государственной Думы С. Миронов, Координационный совет «станет ключевым органом, который будет решать все задачи, связанные с СВО. А эти задачи, разумеется, шире чисто военных мер, которые проводят силовые ведомства»²⁷.

Таким образом, в условиях сложной внешнеполитической ситуации глава государства вынужден осуществлять «модернизацию системы госуправления под задачи спецоперации и ее следствий»²⁸, и это фактически открывает реальные перспективы для того, чтобы в рамках данного процесса постепенно приводить в соответствие с национальными интересами качество правящих элит, многие из которых сформировались, существовали и по-прежнему находятся под «многолетним гипнотическим влиянием либерально-капиталистической парадигмы развития»²⁹.

В частности, такая модернизация системы государственного управления, по оценкам ряда экспертов, могла бы позволить «на весь период мобилизации экономики» ограничить вывоз национального капитала, который, по их мнению, в настоящее время «свободно вытекает из страны» и таким образом «объективно превращает себя в ресурс развития остальных, поневоле конкурирующих с Россией либо прямо враждебных ей обществ»³⁰.

²⁵ Родин И. Путин проводит спецоперацию в сфере управления страной // Независимая газета. 20.10.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-10-20/1_3_8571_decree.html

²⁶ Выступление В.В. Путина на заседании Совета Безопасности 19.10.2022 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69636>

²⁷ Официальный сайт С. Миронова. 20.10.2022. URL: <https://mironov.ru/moya-pozitsiya/nado-privlech-k-rabote-koordinatsionnogo-soveta-svo-deputatov-gosdumy/>

²⁸ Родин И. Путин проводит спецоперацию в сфере управления страной // Независимая газета. 20.10.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-10-20/1_3_8571_decree.html

²⁹ Ильин В.А., Морев М.В. (2022). На пути к преодолению внутреннего рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 9–31.

³⁰ Делягин М. Запирание в России творческой энергии капитала // Завтра. 21.10.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/zapiranie_v_rossii_tvorcheskoy_energii_kapitala

**Мониторинг действий федеральных органов государственной власти
по укреплению внутренних основ национального суверенитета (август – октябрь 2022 г.)³¹**

<p>5 августа – Указ о применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций. «Согласно новым правилам, до конца 2022 г. запрещаются сделки с долями, которые принадлежат компаниям недружественных государств³², в стратегических предприятиях и их „дочках”... при этом операции, которые запрещаются документом, могут осуществляться на основании специального разрешения Президента»³³.</p>
<p>12 августа – внесены изменения в указ о дополнительных социальных гарантиях пограничникам и членам их семей. Российские пограничники в районе спецоперации получили новые льготы (засчитывать выполнение задач в выслугу лет для назначения пенсии на льготных условиях: один день выполнения задач по охране государственной границы РФ за два дня; пограничникам, получившим ранения в зонах, примыкающих к районам спецоперации, месяц нахождения на излечении в случае получения ранения будет засчитываться за два месяца службы). Причем новые льготы распространяются и на тех, кто охранял границу в этих районах с 24 февраля 2022 г.³⁴</p>
<p>27 августа – Указ о временных мерах по урегулированию правового положения граждан ДНР, ЛНР и Украины в России. Указом предоставляется право гражданам ДНР, ЛНР и Украины пребывать в РФ без ограничения сроков при условии дактилоскопии, фото и медосвидетельствования.</p>
<p>5 сентября – Указ Президента Российской Федерации № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом».</p> <p>Концепция отражает национальные интересы России в гуманитарной сфере, а также прописывает основные цели, задачи, принципы и направления гуманитарной политики за рубежом. Она затрагивает важность продвижения российской науки и образования за рубежом, а также поддержки и популяризации русского языка в качестве средства международного общения. Поставлена задача повышать конкурентоспособность отечественного образования, научных исследований и разработок. Отмечается необходимость должного освещения роли российских ученых в развитии мировой науки и поддержки двусторонних связей с иностранными вузами, в частности в развитии международного взаимодействия по линии образовательных сетей ЮНЕСКО³⁵. «Целями гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом являются формирование и укрепление объективного восприятия нашей страны в мире, содействие пониманию исторического пути, роли и места России в мировой истории и культуре, расширение контактов между людьми»³⁶.</p>

³¹ Вкладка представляет собой продолжение мониторинга управленческих решений органов власти, который мы начали в предыдущей статье (Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 29–32).

³² Перечень недружественных стран создан в соответствии с Указом Президента РФ от 5 марта 2022 г. «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами». В списке числятся 49 недружественных стран, включая 27 государств Евросоюза.

³³ Путин подписал указ об ответных мерах в сферах ТЭК и финансов // РИА-новости. 06.08.2022. URL: <https://ria.ru/20220806/ukaz-1807681096.html>

³⁴ Путин предоставил новые льготы пограничникам в районах спецоперации // РБК. 12.08.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/08/2022/62f651fc9a794759cfc0352a>

³⁵ Владимир Путин утвердил Концепцию гуманитарной политики России за рубежом // Пресс-центр Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. 07.09.2022. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/57537/>

³⁶ Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: Указ Президента РФ № 611 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/G3CkAuMhZXio8AzNaweT3wTGTaEA16OU.pdf>

Продолжение вкладки 1

21 сентября – Указ «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». Законом предусматривается осуществление призыва граждан Российской Федерации на военную службу по мобилизации в Вооруженные силы РФ, при этом граждане Российской Федерации, призванные на военную службу по мобилизации, получают статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных силах РФ по контракту.

По заявлению Минобороны РФ, «призыву по мобилизации подлежат рядовые и сержанты в возрасте до 35 лет, младшие офицеры – до 50 лет, старшие – до 55 лет. Призываться будут те, кто необходим для выполнения текущих задач – это стрелки, танкисты, артиллеристы, водители и механики-водители. Один из ключевых факторов при призыве – наличие боевого опыта»³⁷. Как отметил Министр обороны РФ С. Шойгу, «у нас огромный мобилизационный ресурс, то есть ресурс тех, кто отслужил, тех, кто имеет боевой опыт, тех, кто имеет военную специальность. У нас их почти 25 миллионов. Таким образом, вы можете понять, что эта мобилизация, частичная мобилизация, она 1% или чуть больше, 1,1% от общего мобилизационного ресурса... это 300 тысяч резервистов, которые будут призваны»³⁸.

22 сентября – Постановление Правительства РФ № 1677 «О сохранении рабочих мест для мобилизованных граждан». Согласно Постановлению «трудовые договоры с гражданами, призванными по частичной мобилизации, будут приостановлены, но не расторгнуты», а «их рабочие места будут сохранены»³⁹.

23 сентября – Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии об импортозамещении программного обеспечения в отраслях.

Председателем Правительства РФ поручено до 1 ноября разработать законопроект о преимущественном использовании отечественного софта, программно-аппаратных комплексов, телекоммуникационного оборудования и радиоэлектронной продукции. За подготовку законопроекта отвечает Минцифры.

24 сентября – Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Закон утверждает поправки к Уголовному Кодексу РФ, внесенные Государственной Думой РФ 20 сентября 2022 г. В УК РФ вводятся понятия «мобилизация», «военное положение» и «военное время». Статья 63 УК РФ («обстоятельства, отягчающие наказание») дополнена понятиями «период мобилизации и военного положения», а также «военное время». В соответствующие периоды ужесточаются наказания: за повреждение или уничтожение военной техники – до 5 лет лишения свободы; за оставление части или неявку в срок на службу в период мобилизации и военного положения – до 10 лет колонии; за неисполнение подчиненным приказа начальника, за отказ от участия в военных или боевых действиях – до 3 лет лишения свободы (если подобные случаи повлекли за собой тяжкие последствия – от 3 до 10 лет). Также в УК РФ появились новые статьи: «Добровольная сдача в плен» (ст. 352.1; от 3 до 10 лет лишения свободы) и «Мародерство» (ст. 356.1; до 15 лет). Вводится группа статей о нарушении условий госконтракта и неисполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.2, ст. 201.3 285.6 УК)⁴⁰.

30 сентября – Указ об упрощённом порядке приёма в гражданство Российской Федерации иностранных граждан, заключивших контракт о прохождении службы в ВС РФ. Упрощён порядок получения гражданства для иностранцев, а также лиц без гражданства, заключивших контракт на военную службу в российских вооруженных силах⁴¹.

³⁷ Минобороны РФ разъяснило порядок частичной мобилизации // Российская газета. 22.09.22. URL: <https://rg.ru/2022/09/22/minoborony-rf-dalo-raziasneniia-po-naibolee-chastym-voprosam-o-chastichnoj-mobilizacii.html>

³⁸ Министр обороны Сергей Шойгу дал ряд пояснений насчет частичной мобилизации // Первый канал. Новости. 21.09.2022. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-09-21/438147-ministr_oborony_sergey_shoygu_dal_ryad_poyasneniy_naschet_chastichnoy_mobilizatsii

³⁹ Правительство утвердило сохранение рабочих мест за мобилизованными // РБК. 22.09.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2022/632c9f649a79472f8fec02b4>

⁴⁰ Поправки в УК с «мобилизацией» и «военным временем». Что важно знать // РБК. 20.09.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/09/2022/6329a4059a794731c2e205f9>

⁴¹ Путин упростил получение гражданства для контрактников-иностранцев // РБК. 30.09.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2022/6336f9e9a7947f6f8308904>

<p>5 октября – Президентом подписаны федеральные конституционные законы о принятии в Российскую Федерацию и образовании в составе РФ новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области.</p>
<p>7 октября – в Трудовой кодекс внесены изменения, направленные на регулирование отношений между работодателем и работником, призванным для прохождения военной службы по мобилизации. Законом устанавливается, что в период мобилизации действие заключённого работником и работодателем трудового договора приостанавливается, но засчитывается в трудовой стаж работника; за ним сохраняется место работы (должность), расторжение трудового договора по инициативе работодателя не допускается. Также федеральным законом устанавливаются дополнительные трудовые гарантии членам семей лиц, призванных на военную службу по мобилизации или проходящих военную службу по контракту.</p>
<p>8 октября – Министр обороны Сергей Шойгу назначил генерала армии С. Суворовкина командующим группировкой сил в зоне специальной военной операции. Большинство экспертов называют это назначение знаковым, поскольку раньше командование группировкой велось из Москвы, многие решения требовали долгих согласований, что, несомненно, влияло на ход проведения СВО⁴². Военный эксперт А. Леонков отметил: «Генерал армии Сергей Суворовкин – один из авторитетнейших военных руководителей в нашей армии. Он обладает большим военным опытом (в том числе в Сирии). Это, несомненно, поможет грамотно спланировать ход проведения специальной военной операции на Украине. В принципе, Суворовкина всегда назначают туда, где необходимо действовать решительно и быстро... Сейчас, когда наша группировка на Украине серьезно увеличивается, ее должен возглавить опытный военный руководитель, имеющий несомненный авторитет в войсках. Суворовкин является именно таким человеком»⁴³.</p>
<p>10 октября – на совещании с постоянными членами Совета Безопасности Президентом было объявлено о нанесении первого «массированного удара высокоточным оружием большой дальности воздушного, морского и наземного базирования по объектам энергетики, военного управления и связи Украины»⁴⁴. Как отметил глава государства, «в случае продолжения попыток проведения на нашей территории терактов ответы со стороны России будут жёсткими и по своим масштабам будут соответствовать уровню угроз, создаваемых Российской Федерации. Ни у кого не должно быть никаких в этом сомнений»⁴⁵.</p>
<p>19 октября – Указ о введении военного положения на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, а также Указ «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756». Согласно им, с 20 октября 2022 г. в четырех новых субъектах РФ вводится военное положение; руководители всех субъектов РФ получают дополнительные полномочия по принятию решений о проведении отдельных мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне, мероприятий по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также полномочия по реализации мер для удовлетворения потребностей Вооруженных сил. Все субъекты РФ делятся на территории с «максимальным», «средним», «повышенным» и «базовым» уровнем реагирования с соответствующими различиями в полномочиях глав регионов. Как отметили некоторые эксперты, «введение военного положения использовано для перевода страны на мобилизационные рельсы...», при этом усилением полномочий губернаторов Президент фактически «повторяет схему разделения ответственности, использованную в ходе борьбы с ковидом»⁴⁶.</p>

⁴² Степанов А. Командующим российской объединенной группировкой войск на Украине назначен Сергей Суворовкин // Российская газета. 09.10.2022. URL: <https://rg.ru/2022/10/09/general-bystrogo-reagirovaniia.html>

⁴³ Там же.

⁴⁴ Выступление В.В. Путина на совещании с постоянными членами Совета Безопасности. 10.10.2022 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69568>

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Родин И. Путин вводит Россию в полувоенное положение // Независимая газета. 19.10.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-10-19/3_8569_securitycouncil.html

Одним из наиболее важных и сложных шагов верховного главнокомандующего РФ стало решение о проведении в стране частичной мобилизации населения, принятое 21 сентября 2022 г. По мнению ряда экспертов, этим шагом В.В. Путин «фактически проинформировал общество о том, что **ситуация хоть и плановая, но трудная и требует полной мобилизации всех сил общества**»⁴⁷.

«...представление о том, что в боевых действиях участвуют только профессиональные военные, успокаивало общество... но и те, кто спецоперацию полностью поддерживал и поддерживает, переживают за близких, которые могут оказаться мобилизованными»⁴⁸.

Частичная мобилизация стала одной из наиболее «чувствительных для общества» тем⁴⁹. Она оказалась «**реальным вызовом действующей властной вертикали**»⁵⁰. На начальном этапе организации процесса частичной мобилизации возникло значительное количество проблем, связанных с информированием граждан о ходе и критериях мобилизации, размещением мобилизованных военнослужащих, снабжением их формой и оружием, с ростом цен на необходимую экипировку, возвращением домой мо-

билизованных граждан, не соответствующих критериям первоочередности призыва, и т. д.⁵¹

Во многом из-за этих фактов неразберихи частичная мобилизация населения вызвала в обществе повышенную тревожность. В первые дни после объявления о частичной мобилизации в средствах массовой информации (со ссылкой на официальные источники зарубежных стран) стали появляться сообщения о второй после 24 февраля 2022 г. волне эмиграции из России⁵². В отдельных регионах страны прошли акции протеста против мобилизации, в ходе которых было задержано более 1000 протестующих⁵³.

Тем не менее, по оценке официального представителя МВД РФ И. Волк, число участников акций протеста являлось «незначительным»⁵⁴, что соответствует мнению ряда экспертов, охарактеризовавших прошедшие выступления как «**стихийные всплески**, на которые оперативно реагирует власть... Организованный протест как форма политической реакции едва ли осуществим в нынешней ситуации»⁵⁵.

Результаты мониторинговых социологических исследований, проводимых как на федеральном (ВЦИОМ), так и на региональном (ВолНЦ РАН) уровнях, также свидетельствуют о том, что, несмотря на тревожные события августа — октября 2022 г., в российском обществе

⁴⁷ Что означает указ Президента // Независимая газета. 22.09.2022. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-09-22/2_8547_editorial.html

⁴⁸ О реакции общества на частичную мобилизацию // Независимая газета. 03.10.2022. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-10-03/2_8555_editorial.html

⁴⁹ Аргументы недели. 27.09.2022. URL: <https://argumenti.ru/society/2022/09/791413> (В.А. Фадеев — с 21 октября 2019 г. Советник Президента РФ, председатель Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека).

⁵⁰ Гармоненко Д. Мобилизация как испытание для вертикали власти (мнение генерального директора Центра политической информации А. Мухина) // Независимая газета. 21.09.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-09-21/1_8545_vertical.html

⁵¹ См., например: Гармоненко Д. Борьба за правду о спецоперации и мобилизации развернулась внутри власти // Независимая газета. 06.10.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-10-06/1_8559_administration.html

⁵² А. Аталыков (исполняющий обязанности председателя комитета миграционной службы МВД Республики Казахстан): «Порядка 98 тыс. россиян заехало в Казахстан с 21 сентября, выехало 64 234 россиянина» (источник: РБК. 27.09.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/09/2022/6332a8b29a794720fabf3450>).

А. Дарахвелидзе (заместитель министра внутренних дел Грузии): «В последние дни в Грузию ежедневно входят около шести тысяч российских граждан. В конце сентября этот показатель составлял десять тысяч. Надо отметить, что число ежедневно въезжающих и выезжающих из Грузии российских граждан почти сравнялось» (источник: Интерфакс. 03.10.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/866025>).

⁵³ Официальных данных по количеству участников акций протеста нет, однако по оценкам некоторых правозащитных организаций было задержано 1312 протестующих в 38 городах, в том числе 468 — в Москве, 490 — в Санкт-Петербурге (источник: <https://www.kommersant.ru/doc/5571951>).

⁵⁴ Газета «Коммерсант». 21.09.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5571951>

⁵⁵ О реакции общества на частичную мобилизацию // Независимая газета. 03.10.2022. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-10-03/2_8555_editorial.html

сохраняется высокий уровень поддержки деятельности главы государства и, в целом, позитивный фон эмоционального состояния.

Так, по данным ВЦИОМ, в октябре 2022 г. доля россиян, поддерживающих деятельность Президента РФ, составила 77%, при этом с февраля 2022 г. (когда было объявлено о начале специальной военной операции) по октябрь 2022 г. доля положительных оценок деятельности главы государства увеличилась на 12 п. п. (с 65 до 77; табл. 1).

По данным мониторинга общественного мнения, реализуемого ВолНЦ РАН на территории Вологодской области, за последние 12 месяцев (с октября 2021 по октябрь 2022 г.) доля людей, положительно оценивающих деятельность Президента РФ, увеличилась на 7 п. п. (с 52 до 59%), а с февраля 2022 г. – на 11 п. п. (с 48 до 59%; табл. 2, вкладка 2), причем негативных изменений не наблюдается ни в одной из

основных социально-демографических категорий населения (вкладка 2). Однако за последние 2 месяца (с августа по октябрь 2022 г.) доля положительных суждений о работе главы государства незначительно снизилась (на 2 п. п., с 61 до 59%; табл. 2, вкладка 2), причем в большинстве (в 11 из 14) социально-демографических категорий населения (вкладка 2).

В динамике социального настроения общества за период с августа по октябрь 2022 г. доля людей, испытывающих преимущественно позитивные эмоции, уменьшилась на 6 п. п. (с 70 до 64%; табл. 3, вкладка 3), однако за весь предыдущий период проведения спецоперации (февраль – август 2022 г.) удельный вес жителей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», оставался стабильным (69–70%), причем в большинстве (в 8 из 14) основных социально-демографических категорий населения (вкладка 3).

Таблица 1. Динамика оценки деятельности Президента РФ с февраля по октябрь 2022 г., % от числа опрошенных

Вариант ответа	февраль 2022	апрель 2022	июнь 2022	август 2022	сентябрь 2022	октябрь 2022*	Изменение (+/-), февраль – октябрь 2022
Одобрение	65,4	78,7	78,5	78,2	77,0	76,5	+12
Неодобрение	23,9	13,5	13,4	13,0	13,8	14,0	-10

* Данные ВЦИОМ за октябрь – среднее за три опроса (2, 9 и 16 октября 2022 г.). В сентябре 2022 г. опросы проходили 4, 11, 18 и 25 числа (в таблице представлены средние данные за эти 4 опроса). Данные представлены на основании всероссийских телефонных опросов «Спутник». Предельная погрешность – 2,5%.
 Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?»
 Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/>

Таблица 2. Динамика оценок деятельности Президента РФ* (данные ВолНЦ РАН), % от числа опрошенных

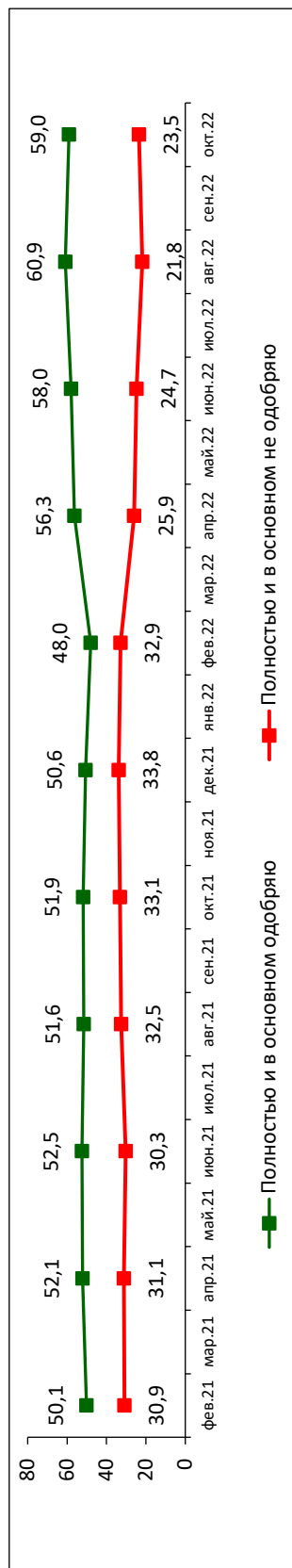
Оценки населения	Окт. 2021	Фев. 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Изменение (+/-)		
					окт. 2021 – окт. 2022	окт. – фев. 2022	окт. – авг. 2022
Доля положительных оценок деятельности Президента	51,9	48,0	60,9	59,0	+7	+11	-2
Доля отрицательных оценок деятельности Президента	33,1	32,9	21,8	23,5	-10	-9	+2

* В таблицах 2–3 представлены изменения за периоды проведения опросов, которые позволяют увидеть динамику оценок общественного мнения за всё время проведения специальной военной операции (февраль – октябрь 2022 г.), в том числе с учетом событий последних месяцев (август – октябрь 2022 г.). Справочно представлены изменения оценок общественных настроений за последние 12 месяцев (октябрь 2021 – октябрь 2022 г.), включающие 4 месяца до проведения специальной военной операции на территории Украины.

Таблица 3. Динамика оценок социального настроения (данные ВолНЦ РАН), % от числа опрошенных

Оценки населения	Окт. 2021	Фев. 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Изменение (+/-)		
					окт. 2021 – окт. 2022	окт. – фев. 2022	окт. – авг. 2022
Доля положительных оценок социального настроения	70,5	69,3	70,0	64,1	-6	-5	-6
Доля отрицательных оценок социального настроения	25,5	26,6	24,8	33,1	+8	+7	+8

Динамика оценок деятельности Президента РФ (данные ВоллЦ РАН), % от числа опрошенных

Доля положительных оценок деятельности Президента РФ в различных социально-демографических категориях, %

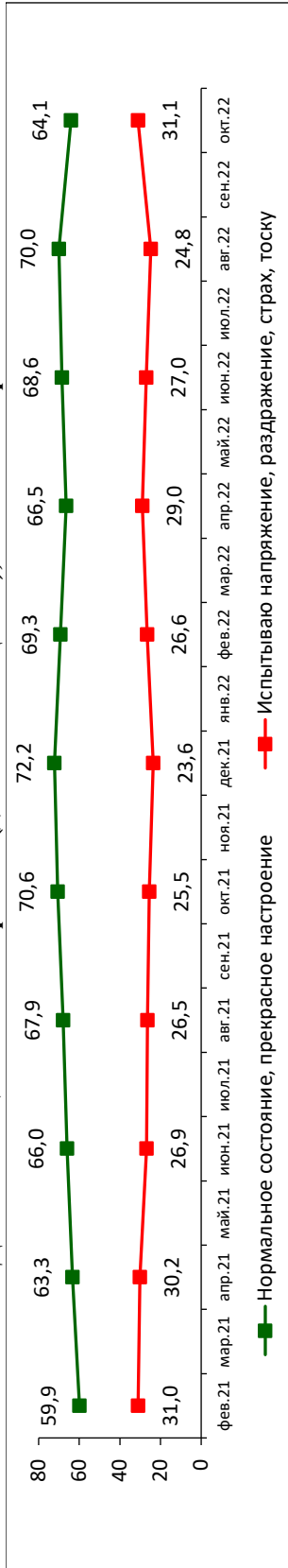
Категория	фев. 2021	окт. 2021	фев. 2022	апр. 2022	июль 2022	авг. 2022	окт. 2022	Изменение (+/-) за период...	
								фев. 2021 – фев. 2022 (12 месяцев)	фев. 2021 – окт. 2022 (2 месяца)
Пол									
Мужской	48,9	50,4	45,9	51,7	52,2	59,9	58,9	-3	+14
Женский	51,0	53,2	49,7	60,1	62,7	61,8	59,1	-1	+12
Возраст									
до 30 лет	38,6	52,5	51,6	50,9	51,4	53,7	45,4	+13	+2
30 – 55 лет	48,1	50,7	44,4	55,5	54,6	59,0	58,6	-4	+15
старше 55 лет	56,9	53,2	51,0	59,4	64,6	66,2	64,6	-6	+15
Образование									
Среднее и н/среднее	47,5	46,4	44,0	48,3	52,0	56,9	53,9	-4	+13
Среднее специальное	50,2	51,7	48,5	59,2	60,0	59,5	59,4	-2	+11
Высшее и н/высшее	52,7	57,7	54,2	63,8	62,6	67,4	64,3	+2	+13
Доходные группы									
20% наименее обеспеченных	38,5	40,7	37,0	41,1	39,3	43,1	42,6	-2	+6
60% среднеобеспеченных	53,1	52,2	50,4	57,6	61,0	64,0	63,4	-3	+14
20% наиболее обеспеченных	63,7	65,9	56,5	63,4	67,8	63,2	63,6	-7	+7
Территория									
Вологда	44,4	42,5	38,8	48,1	49,6	52,4	50,6	-6	+14
Череповец	55,0	58,1	53,3	62,0	64,2	67,4	66,4	-2	+12
Районы	50,4	53,8	50,1	57,7	59,2	62,0	59,5	0	+14
Область	50,1	51,9	48,0	56,3	58,0	60,9	59,0	-2	+13
Общее количество положительных и отрицательных изменений в 14 социально-демографических группах								2 / 11	14 / 0
Формулировка вопроса «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?».									
Источник: мониторинг общественного мнения ВоллЦ РАН.									

За период с февраля по август 2022 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ возрос во всех социально-демографических категориях населения, особенно среди людей в возрасте 30–55 лет (на 15 п. п., с 44 до 59%) и старше 55 лет (на 15 п. п., с 51 до 66%).

В августе – октябре 2022 г. в большинстве социально-демографических категорий населения (в 11 из 14) было зафиксировано незначительное снижение уровня одобрения деятельности главы государства, особенно среди людей в возрасте до 30 лет (на 8 п. п., с 53 до 45%).

Вкладка 3

Динамика социального настроения (данные Волнц РАН), % от числа опрошенных

Динамика положительных оценок социального настроения в различных социально-демографических категориях населения, %

Категория	фев. 2021	окт. 2021	фев. 2022	апр. 2022	июн. 2022	авг. 2022	окт. 2022	Изменение (+/-) за период...		
								фев. 2021 – фев. 2022 (12 месяцев)	фев. – фев. 2022 (7 месяцев)	авг. – окт. 2022 (2 месяца)
Мужской	60,8	70,0	65,6	68,3	67,4	69,9	65,0	+5	+4	-5
Женский	59,2	70,9	72,3	65,1	69,7	70,2	63,3	+13	-2	-7
Пол										
Возраст										
до 30 лет	60,9	75,3	75,3	81,8	77,8	77,8	74,5	+14	+3	-3
30–55 лет	64,4	70,8	70,7	71,1	68,8	72,0	65,2	+6	+1	-7
старше 55 лет	54,1	68,3	65,3	55,2	65,3	64,6	58,7	+11	-1	-6
Образование										
Среднее и н/среднее	56,2	64,1	68,7	63,0	65,8	68,5	58,9	+13	0	-10
Среднее специальное	60,9	70,4	68,3	69,8	70,5	71,0	65,8	+7	+3	-5
Высшее и н/высшее	62,7	77,1	71,5	66,9	69,7	70,8	67,5	+9	-1	-3
Доходные группы										
20% наименее обеспеченных	44,3	60,4	60,5	61,5	58,4	55,4	50,7	+16	+4	-5
60% среднеобеспеченных	60,1	70,9	68,8	64,2	70,3	73,2	65,9	+9	+4	-7
20% наиболее обеспеченных	76,0	84,2	81,5	81,9	75,7	77,0	78,7	+6	+6	+2
Территория										
Вологда	55,8	64,0	63,2	60,2	61,0	61,5	55,7	+7	+7	-6
Череповец	64,4	75,2	72,6	70,1	72,8	74,6	67,9	+8	+2	-7
Районы	59,7	71,5	70,8	68,1	70,6	72,3	66,6	+11	+2	-6
Область	59,9	70,5	69,3	66,5	68,7	70,1	64,1	+9	+1	-6
Общее количество положительных и отрицательных изменений в 14 социально-демографических группах								14 / 0	7 / 6	1 / 13
Формулировка вопроса «Что бы Вы могли сказать о своём настроении в последние дни?».										
Источник: мониторинг общественного мнения Волнц РАН.										

За период с февраля по август 2022 г. доля положительных оценок социального настроения в целом по области оставалась стабильной (69–70%). Негативные изменения отмечались прежде всего среди людей, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наименее обеспеченных (на 5 п. п., с 60 до 55%) и 20% наиболее обеспеченных (на 5 п. п., с 82 до 77%) жителей области.

За последние два месяца (август – октябрь 2022 г.) снижение доли положительных оценок социального настроения отмечается во всех основных социально-демографических категориях населения, кроме 20% наиболее обеспеченных; особенно среди людей со средним и неполным средним образованием (на 10 п. п., с 69 до 59%), женщин (на 7 п. п., с 70 до 63%), лиц в возрасте 30–55 лет (на 7 п. п., с 72 до 65%), 60% среднеобеспеченных слоев населения (на 7 п. п., с 73 до 66%), а также среди жителей Череповца (на 7 п. п., с 75 до 68%).

Таким образом, социологические измерения позволяют в мониторинговом режиме следить за «температурой» общества и динамикой социальных настроений в различных слоях населения. Исследования, проводимые Вологодским научным центром РАН, показывают, что даже несмотря на незначительные колебания в оценках деятельности Президента и психологическом самочувствии людей в августе – октябре 2022 г., **с момента начала спецоперации в обществе сохраняются стабильный эмоциональный фон** (более 50% позитивных суждений во всех социально-демографических категориях) и **высокий уровень одобрения работы главы государства** (доля положительных оценок в 12 из 14 основных социально-демографических категорий населения составляет от 50 до 65%).

Следует также акцентировать внимание на том, что после проведения частичной мобилизации; в условиях, когда общество все более четко понимает, что в ходе специальной военной операции России противостоит не Украина, а все страны НАТО, и, соответственно, в связи с более очевидным и острым осознанием угроз национальной безопасности, нависших над страной, **в РФ начали формироваться новые черты гражданского общества**. И это проявляется не просто в благих намерениях или, как говорится, «на бумаге», а в конкретных делах и поступках обычных граждан, представителей некоммерческих организаций, бизнеса, органов власти.

Министр обороны РФ С. Шойгу отметил, что «в военные комиссариаты приходит большое количество добровольцев»⁵⁶. В первые дни проведения частичной мобилизации во всех регионах России были открыты отделения Общероссийского народного фронта по защите прав граждан, призванных на военную службу. Начали работу официальные информационные каналы, предназначенные для разъяснения населению любых вопросов, касающихся этой темы (круглосуточные «горячие» линии («122»), официальные сайты («Объясняем.рф»). Активизировались общественные и волонтерские объединения, осуществляя различные гуманитарные акции по поддержке российских военнослужащих, задействованных в специальной

военной операции. Благотворительными организациями были оперативно созданы круглосуточные телефонные линии для психологической и юридической помощи мобилизованным гражданам и их родственникам.

Важную миссию взяли на себя ведущие средства массовой информации. Регулярное освещение событий в новостях, экспертные оценки, звучащие в аналитических программах, отчеты военных корреспондентов непосредственно с линии фронта, – всё это направлено не просто на информирование населения о ходе спецоперации. Благодаря своей широкой представленности (на телеканалах, в радиоэфирах, в сети Интернет) СМИ, во-первых, создают в стране определенный, патриотически ориентированный психологический климат, разъясняют широкому слою российского общества глубинные цели как самой спецоперации, так и общего цивилизационного конфликта между Россией и коллективным Западом; во-вторых, служат эффективным средством коммуникации между гражданским обществом, армией и органами власти. Они открыто говорят о проблемах, возникающих в ходе ведения боевых действий, проведения частичной мобилизации; акцентируют внимание на наиболее насущных потребностях военнослужащих; информируют население о гарантиях и существующих инструментах поддержки членов семей мобилизованных граждан.

Консолидированное осуждение российским обществом граждан (прежде всего людей, ранее считавшихся представителями культурных, политических и предпринимательских элит), которые покинули страну после 24 февраля 2022 года, низкая вероятность массовых акций протеста, несмотря на сложное время, во многом являются результатом деятельности СМИ и, в частности, таких политических и культурных программ, как «Время покажет» и «Большая игра» (Первый канал), «60 минут» и «Вечер с В. Соловьевым» («Россия 1»), авторская программа Н. Михалкова «Бесогон ТВ» («Россия 1», «Россия 24», «Спас»), аудитория которой с марта по октябрь 2022 года увеличилась примерно с 10 до 12 млн человек⁵⁷.

⁵⁶ РИА-новости. 04.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221004/shoygu-1821393672.html>

⁵⁷ Источник: официальный сайт проекта «Бесогон ТВ». Выпуски № 202 «Снег сойдёт, и мы увидим, кто где на... гадил» (18 марта 2022 г.), № 212 «За скобками» (7 октября 2022 г.). URL: <https://besogontv.ru/videos/>

В напряженных условиях, связанных с продолжением боевых действий на Украине, проведением частичной мобилизации и нарастающей напряженностью в отношениях с коллективным Западом, одним из важных маркеров, отражающих отношение населения к деятельности органов власти, являются также результаты выборов и явка населения на выборы. На протяжении последних лет на основании официальных данных Центральной избирательной комиссии РФ мы продолжаем в мониторинговом режиме⁵⁸ отслеживать и анализировать результаты основных федеральных, региональных и муниципальных выборов, уделяя при этом особое внимание явке людей на избирательные участки, которая, по сути, отражает отношение людей к самим выборам как законному и демократическому способу волеизъявления народа.

С 9 по 11 сентября 2022 года на фоне продолжающейся спецоперации на территории Украины в России состоялся очередной Единый день голосования, в котором приняли уча-

стие 19 субъектов РФ и 12 областных центров, представляющих практически все федеральные округа страны⁵⁹.

Главный результат прошедших выборов — поддержка населением партии власти «Единая Россия». Так, на выборах руководителей субъектов РФ «во всех 14 регионах переизбрались действующие губернаторы и врио, представители „Единой России” или поддержанные ею самовыдвиженцы»⁶⁰.

«У губернаторов, которые подтверждали свои полномочия, результат оказался выше, чем в прошлый раз. И это — итог консенсуса вокруг президента»⁶¹.

Тем не менее следует обратить внимание на то, что по сравнению с предыдущими аналогичными выборами (то есть за период с 2017 по 2022 год) во многих регионах и областных центрах число людей, пришедших на избирательные участки, снизилось⁶².

⁵⁸ Анализ результатов выборов и референдумов различного уровня по официальным данным ЦИК РФ представлен в статьях от главного редактора с 2016 г. В ходе мониторинга анализировались итоги выборов Президента РФ за период 2000–2018 гг.; выборы в Государственную Думу III–VIII созывов (1999–2020 гг.); результаты общероссийского голосования по поправкам к Конституции (2020 г.), а также региональных и муниципальных выборов, которые проводились в период Единого дня голосования в 2012–2022 гг.

⁵⁹ Выборы высших должностных лиц субъектов Российской Федерации проходили в 15 регионах России (в Республике Адыгея руководитель субъекта РФ избирался депутатами Государственного Совета — Хасэ по предложению Президента РФ, поэтому в нашем исследовании данная территория не рассматривалась).

В 6 регионах проходили выборы депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации.

В 12 регионах проходили выборы депутатов представительных органов муниципальных образований административных центров субъектов Российской Федерации.

Также состоялись выборы депутатов представительных органов местного самоуправления в 125 муниципальных округах г. Москвы.

В целом выборы проходили во всех федеральных округах России, кроме Крымского федерального округа. Объектом наших исследований стали все состоявшиеся 11 сентября выборы, кроме выборов в г. Москве.

На 8 территориях предусматривалась возможность дистанционного электронного голосования: выборы глав Калининградской, Новгородской, Томской, Ярославской областей; выборы депутатов законодательных органов в Курской и Псковской областях; выборы депутатов представительных органов местного самоуправления в городе Москве и дополнительные выборы депутата Городской Думы города Калуги VII созыва по одномандатному избирательному округу № 7 (источник: ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/analogs/ediny-den-golosovaniya-2022/distantsionnoe-elektronnoe-golosovanie/>).

⁶⁰ Скоробогатый П. (2022). Новая консолидация: итоги Единого дня голосования // Эксперт. № 38. С. 50.

⁶¹ Эксперты об итогах выборов: Политическая система успешно сдала ЕДГ // Российская газета. 12.09.2022. URL: <https://rg.ru/2022/09/12/eksperty-ob-itogah-vyborov-politicheskaia-sistema-uspeshno-sdala-edg.html> (мнение руководителя Департамента стратегических исследований и прогнозирования Экспертного института социальных исследований Е. Соколовой).

⁶² Здесь следует иметь в виду, что в 16 из 18 регионов, а также в 13 из 26 муниципальных образований, по которым проводился анализ итогов выборов, за период с 2017 по 2022 г. уменьшилась численность населения и, в том числе, количество избирателей. Не стоит забывать о негативных последствиях пандемии COVID-19, с которой Россия столкнулась преимущественно в 2020–2021 гг. и которая во многом повлияла на общее снижение численности населения страны (по официальным данным Росстата, численность населения России на 1 января 2019 и 2020 гг. составляла 146,8 млн чел.; на 1 января 2021 г. — 146,2 млн чел., на 1 января 2022 г. — 145,6 млн; источник: ЕМИСС. Численность постоянного населения на 1 января. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928/>).

Так, на выборах руководителей субъектов РФ явка⁶³ населения за период с 2017 по 2022 год сократилась в среднем по регионам на 2,58 п. п. (с 39,29 до 36,71%, или с 6,2 до 5,5 млн чел.; табл. 4, вкладка 4), по областным центрам – на 3,27 п. п. (с 30,47 до 27,20%, или с 1,7 до 1,5 млн чел.; табл. 5, вкладка 4). Причем уменьшение числа избирателей, принявших участие в голосовании, отмечается в большинстве субъектов РФ (в 10 из 14) и их областных центров (в 9 из 14).

Аналогичная тенденция отмечалась на выборах депутатов представительных органов муниципальных образований: явка избирателей за период с 2017 по 2022 год снизилась на 3,11 п. п. (с 29,35 до 26,24%, или с 931 до 753 тыс. чел.; табл. 6, вкладка 5). Причем число людей, принявших участие в голосовании, уменьшилось в 9 из 12 областных центров.

Снижение явки на региональных выборах 2022 года заставляет обратить внимание на предостережения экспертов, по мнению которых низкая явка может свидетельствовать о том, что «у власти есть проблемы или нет полной уверенности»⁶⁴. Однако следует отметить, что более низкая явка населения на выборы регионального уровня по сравнению с выборами федерального уровня – явление, в принципе, вполне традиционное. Так, за последние годы явка населения на выборы Президента РФ, а также на общероссийское голосование по поправкам к Конституции в целом по стране составляла в среднем 67%; на выборы депутатов Государственной Думы РФ – 57%, а на выборы регионального уровня – 42% (табл. 7).

Таблица 4. Динамика явки на выборы руководителей субъектов РФ за период 2017–2022 гг., % от числа избирателей*

Количество субъектов РФ, в которых...		Средняя явка по 14 субъектам РФ		Изменение (+/-), 2017–2022 гг.
явка снизилась	явка увеличилась	2017 г.	2022 г.	
10	4	39,29	36,71	-2,58

* Более подробные данные о явке на выборы в 2017–2022 гг. представлены во вкладке 4.

Таблица 5. Динамика явки на выборы руководителей субъектов РФ в областных центрах за период 2017–2022 гг., % от числа избирателей*

Количество областных центров, в которых...		Средняя явка по 14 областным центрам		Изменение (+/-), 2017–2022 гг.
явка снизилась	явка увеличилась	2017 г.	2022 г.	
9	5	30,47	27,20	-3,27

* Более подробные данные о явке на выборы в 2017–2022 гг. представлены во вкладке 4.

Таблица 6. Динамика явки на выборы депутатов представительных органов муниципальных образований административных центров субъектов РФ за период 2017–2022 гг., % от числа избирателей*

Количество областных центров, в которых...		Средняя явка по 14 областным центрам		Изменение (+/-), 2017–2022 гг.
явка снизилась	явка увеличилась	2017 г.	2022 г.	
9	3	29,35	26,24	-3,11

* Более подробные данные о явке на выборы в 2017–2022 гг. представлены во вкладке 4.

Таблица 7. Динамика явки на основные выборы федерального и регионального уровней, % от числа избирателей

Выборы Президента РФ / голосование по поправкам к Конституции РФ	год	2000	2004	2008	2012	2018	2020	Среднее за 2000–2020 гг.
	данные	68,74	64,39	69,81	65,34	67,54	67,97	
Выборы в Государственную Думу РФ	год	1999	2003	2007	2011	2016	2021	Среднее за 1999–2021 гг.
	данные	61,85	55,67	63,78	60,21	47,88	51,72	
Выборы руководителей субъектов РФ	год	2013	2014	2017	2018	2019	2022	Среднее за 2013–2022 гг.
	данные	44,79	43,97	40,54	42,95	44,58	36,71	

⁶³ Показатель явки рассчитывался по официальным данным ЦИК РФ как сумма числа «бюллетеней, выданных избирателям, проголосовавшим досрочно»; «числа бюллетеней, выданных избирателям в помещении для голосования» и «числа бюллетеней, выданных избирателям, проголосовавшим вне помещения для голосования» в процентах от «числа избирателей». Показатель «Число избирателей» – «число избирателей, внесенных в список на момент окончания голосования».

⁶⁴ Гармоненко Д. Власть продолжает побеждать при любом количестве избирателей // Независимая газета. 11.09.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-09-11/1_8536_elections.html

Выборы глав субъектов РФ (2017, 2022 гг.; итоги по регионам и областным центрам*)

2017 год				2022 год				Изменение (+/-), 2022 к 2017				
Численность населения	Численность избирателей	Явка		Численность населения избирателей	Численность избирателей	Явка		Численность населения избирателей	Численность избирателей	Явка		
		% от численности нас.	% от числа избирателей			% от численности нас.	% от числа избирателей			% от численности нас.	% от числа избирателей	
4782475	3919678	1655602	34,62	4617178	3779071	1430286	30,98	165297	-140607	-225316	-3,64	-4,39
1794865	1410573	434451	24,21	1759429	1370785	360812	20,51	26,32	-35436	-73639	-3,70	-4,48
1. РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ												
1126739	928667	335721	29,80	1085152	884553	379726	34,99	42,93	-41587	-44005	+5,19	+6,78
г. РЯЗАНЬ												
537622	421460	92181	17,15	529401	416971	110873	20,94	26,59	-8221	-18692	+3,79	+4,72
1007000	835095	539500	53,57	980994	809704	468656	47,77	57,88	-26016	-70844	-5,8	-6,72
2. ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ (предыдущие выборы проходили в 2020-м году)												
292140	245289	82703	28,31	287407	242987	78208	27,21	32,19	-4733	-2302	-4,95	-1,53
г. ТАМБОВ												
1270736	1021588	346097	27,24	1227383	993990	264999	21,59	26,66	-43353	-27598	-81098	-7,22
3. ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ												
608079	466703	147843	24,31	593958	438043	91553	15,41	20,90	-14121	-28660	-56290	-10,78
г. ЯРОСЛАВЛЬ												
1378000	1134328	434284	31,52	1323659	1090824	316905	23,94	29,05	-54341	-43504	-117379	-9,24
4. ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ (предыдущие выборы проходили в 2018-м году; представлены итоги 2 тура)												
357024	277121	111724	31,29	348663	272784	80178	23,00	29,39	-8361	-4337	-31546	-8,29
г. ВЛАДИМИР												
5972454	4765114	2164483	36,24	5751654	4533187	1964081	34,15	43,14	-220800	-211927	-200402	-2,09
5. КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ												
2259720	1784306	645925	28,58	2266508	1819940	591465	26,10	32,50	+6788	+35634	-54480	-3,70
г. КИРОВ												
1291684	1076750	327207	25,33	1234780	1016583	338993	27,45	33,35	-56904	-60167	+11786	+2,12
6. УДИМУРСКАЯ РЕСПУБЛИКА												
501468	410024	95618	19,07	523543	419669	102739	19,62	24,48	+22075	+9645	+7121	+0,55
1516826	1208494	520795	34,33	1484460	1166781	464298	31,28	39,79	-32366	-41713	-56497	-3,05
г. ИЖЕВСК												
646277	493261	131327	20,32	645163	492230	152014	23,56	30,88	-1094	-1031	+20687	+3,24
7. САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ												
2479260	1930142	1057605	42,66	2360959	1839804	988939	41,89	53,75	-118301	-90338	-68666	-0,77
г. САРАТОВ												
845300	675894	349446	41,34	818383	702831	289712	35,40	41,22	-26917	+26937	-59734	-5,94
8. РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ												
684684	549728	258876	37,81	671455	530019	171651	25,59	32,42	-13229	-19709	-87025	-12,22
г. ИОШКАР ОЛА												
266675	205127	69534	26,07	279399	206210	47000	16,82	22,90	+12724	+83	-22534	-9,25

Окончание вкладки 4

2017 год				2022 год				Изменение (+/-), 2022 к 2017			
Численность (чел.)		Явка		Численность (чел.)		Явка		Численность (чел.)		Явка	
населения	избирателей	% от численности нас.	% от числа избирателей	населения	избирателей	чел.	% от численности нас.	населения	избирателей	чел.	% от численности нас.
2225866	1840778	27,63	33,41	2216874	1821816	621012	28,01	-8992	-18962	+5986	+0,38
968434	780001	22,90	28,43	1004011	795311	198812	19,80	+35577	+15310	-22929	-3,10
612522	505412	23,40	28,36	586129	477158	156559	26,71	-26393	-28254	+13246	+3,31
222594	178425	43892	19,72	224861	169050	44556	19,81	+2267	-9375	+664	+0,09
986261	801351	31,97	39,35	1027678	839700	323347	31,46	+41417	+38349	+8010	-0,51
467289	390076	113302	24,25	498260	414900	98814	20,03	+30971	+24824	-13488	-4,22
627083	534015	156376	24,94	603067	504958	141106	23,40	-24016	-29057	-15270	-1,54
278551	211500	64547	23,17	280890	211361	54442	19,38	+2339	-139	-10105	-3,79
2063025	1485357	496383	24,06	2050933	1799408	507329	24,74	-12092	+254051	10946	0,68
1004682	668553	175567	17,48	1007182	648134	169208	16,80	+2520	-20419	-6359	-0,68
1078891	771404	198892	18,43	1068304	756779	234192	21,92	-10587	-14625	+35300	+3,49
572740	373110	72162	12,60	570776	352127	84913	14,88	-1964	-20983	+12751	+2,28
984134	713953	297491	30,23	982629	826229	273137	27,80	-1505	+268676	-24354	-2,43
431922	295443	103405	23,94	436406	296007	84295	19,32	+4484	+564	-19110	-4,62
4329341	3401744	1269560	29,32	4264340	3303323	940546	22,06	-65001	-98421	-329014	-7,26
1455514	1086603	271648	18,66	1493600	1125263	264050	17,68	+38086	+38660	-7598	-0,98
19373161	15412671	6201054	31,47	18900979	15196805	5463254	29,13	-472182	-215866	-737800	-2,34
7483195	5730036	1749332	23,59	7530730	5759433	1584347	20,93	+47535	+29397	-164985	-2,66
* Федеральные округа ранжированы по количеству субъектов РФ, в которых проходили выборы в 2022 году.											
Внутри каждого федерального округа субъекты РФ ранжированы по изменению явки за период с 2017 по 2022 год (чел.).											

Выборы депутатов представительных органов муниципальных образований административных центров субъектов РФ*

2017 год				2022 год				Изменение (+/-), 2022 к 2017				
Численность населения	Явка		Численность населения избирателей	Явка		Численность населения избирателей	Явка		Чел.	Чел.	% от численности нас.	% от численности избирателей
	Чел.	% от численности нас.		% от численности нас.	% от численности избирателей							
1991970	1521756	17,34	345480	22,70	1519590	258346	17,04	17,04	-87134	-5806	-4,04	-5,66
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ (ИТОГО ПО 4 ОБЛАСТНЫМ ЦЕНТРАМ СУБЪЕКТОВ ОКРУГА)												
116983	67753	29,79	34854	51,44	123260	38962	31,61	53,55	+6277	+5007	+1,82	+2,11
1. Кызыл, Республика Тыва (предыдущие выборы проходили в 2018 г.)												
63295	43067	21,15	13387	31,08	64558	43291	13648	31,53	+1263	+224	-0,01	+0,45
2. Горно-Алтайск, Республика Алтай												
633301	510579	16,05	101644	19,91	627789	526789	77706	12,38	14,75	+16210	-23938	-3,67
3. Барнаул, Алтайский край												
1176391	900357	16,60	195595	21,72	1126193	873110	128030	11,37	14,66	-52198	-27247	-67565
4. Омск, Омская область												
1476509	1143912	20,65	304847	26,65	1126811	232095	15,83	20,60	-10252	-17101	-4,82	-6,05
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ (ИТОГО ПО 3 ОБЛАСТНЫМ ЦЕНТРАМ СУБЪЕКТОВ ОКРУГА)												
449063	349037	20,46	91890	26,33	447387	344569	81810	18,29	23,74	-1676	-10080	-2,17
5. Курск, Курская область												
419367	328351	15,46	64835	19,75	424912	323347	41321	9,72	12,78	+5545	-5004	-5,74
6. Тверь, Тверская область												
608079	466524	24,36	148122	31,75	593958	458895	108964	18,35	23,74	-14121	-7629	-39158
7. Ярославль, Ярославская область												
787043	577880	11,02	86729	15,01	782563	566495	73225	9,24	12,77	-4480	-11385	-1,78
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ (ИТОГО ПО 2 ОБЛАСТНЫМ ЦЕНТРАМ СУБЪЕКТОВ ОКРУГА)												
180454	132712	12,01	21670	16,33	181293	129711	18769	10,35	14,47	+839	-3001	-1,66
8. Петропавловск-Камчатский, Камчатский край												
606589	445168	10,73	65059	14,61	601270	436784	53556	8,91	12,26	-5319	-8384	-1,82
9. Владивосток, Приморский край												
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ												
209840	165067	18,03	37825	22,91	209073	157780	33349	15,95	21,14	-767	-4476	-2,08
10. Псков, Псковская область												
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ												
122478	84332	50,43	61770	73,25	122579	83512	56947	46,46	68,19	+101	-820	-3,97
11. Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика												
ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ												
501468	408430	18,82	94357	23,10	523543	416846	100293	19,16	24,06	+22075	+8416	+0,34
12. Киров, Кировская область												
5089308	3901377	21,16	931008	29,35	5045615	3867394	753355	18,64	26,24	-43493	-33983	-2,52
ИТОГО ПО 12 ОБЛАСТНЫМ ЦЕНТРАМ СУБЪЕКТОВ РФ												
* Федеральные округа ранжированы по количеству областных центров субъектов РФ, в которых проходили выборы в 2022 году.												
Внутри каждого федерального округа областные центры субъектов РФ ранжированы по изменению явки за период с 2017 по 2022 год (чел.).												

Таким образом, региональные и муниципальные выборы, прошедшие во время спецоперации, несмотря на тенденцию снижения явки за последние 5 лет, продемонстрировали консолидацию общества вокруг Президента РФ и партии власти, **и это особенно важно в трудных внешнеполитических условиях.**

Итоги голосования, так же как и тенденции общественного мнения, фиксируемые мониторинговыми социологическими исследованиями, позволяют говорить о том, что, несмотря на всю тревожность внутренней и внешней политической обстановки, складывающейся вокруг России, **люди с пониманием и терпением воспринимают происходящие события, с надеждой оценивают деятельность главы государства и ждут от него дальнейших шагов, направленных на защиту общественных и национальных интересов страны.**

За 8 месяцев, прошедших с начала специальной военной операции на территории Украины, в российском обществе изменилось понимание масштабов последствий ведущихся боевых действий, включая характер угроз национальной безопасности; пришло понимание того, что в текущем противостоянии между Россией и коллективным Западом невозможно одержать победу лишь ограниченным числом людей, «где-то там» ведущих боевые действия. Как сказал Президент, необходимо «защищать нашу землю всеми имеющимися у нас силами и средствами»⁶⁵.

Однако сложно не согласиться с экспертами, подчеркивающими: **«Время от времени надо называть вещи своими именами... чтобы наступать на фронтах, мы должны дать решительный бой внутри»**⁶⁶. В этом смысле ярким маркером

положения дел в стране стал процесс организации частичной мобилизации, который обнажил много существовавшей и накапливающейся в течение долгого времени «бестолковщины».

«...к сожалению, бестолковщины у нас достаточно, собственно говоря, как, к сожалению, ещё раз повторю, часто бывает и по другим направлениям [кроме организации процесса частичной мобилизации]. **Но если бы не начали этим заниматься так, как сейчас это делаем, никогда бы и не увидели тех проблем, которые там накапливались, и, видимо, накапливались достаточно долго.** Это для нас хороший повод, чтобы разобраться со всеми этими вопросами»⁶⁷.

Причем проблемы, возникшие в ходе проведения частичной мобилизации — это не первый и далеко не единственный случай, когда именно под давлением внешних обстоятельств начинают вскрываться, признаваться и только после этого решаться многолетние назревающие проблемы.

«Сегодня главная проблема в нашем силовом потенциале. **Но её корни уходят в общество, в отсутствие идеологии, в разложенный комфортный стиль жизнь, в ту реальность, которая была навязана нам после нашего поражения и капитуляции в 90-е. Мы пожинаем плоды парадигмальной ментальной оккупации России.** Путин уже дал сигнал покончить с этим, но кому он его дал? Если и не прямым агентам влияния, то продуктам этого долговременного саботажа... – представителям той элиты, которая сложилась в черные 90-е»⁶⁸.

⁶⁵ Выступление В.В. Путина на церемонии подписания договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465>

⁶⁶ Дугин А. СВО и смена миропорядка // Официальный сайт Изборского клуба. 11.10.2022. URL: <https://izborsk-club.ru/23426>

⁶⁷ Выступление Президента на встрече с избранными главами регионов // Официальный сайт Президента РФ. 10.10.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69567>

⁶⁸ Дугин А. СВО и смена миропорядка // Официальный сайт Изборского клуба. 11.10.2022. URL: <https://izborsk-club.ru/23426>

Многие эксперты по-прежнему обращают внимание на существование во власти «обычного номенклатурного соперничества», то есть на продолжающуюся борьбу различных групп влияния в системе государственного управления, в экономике, культуре, в средствах массовой информации и виртуальной коммуникации (интернет, соц. сети) и, в конечном итоге, практически во всех сферах жизни... Когда подобное «номенклатурное соперничество» тормозит реализацию целей национального развития или реализацию общественных ожиданий, оно начинает вызывать в обществе вопросы, недоумение и в конечном итоге негативно влияет на его психологическое состояние. Это особенно заметно проявляется в настоящее время, когда страна находится перед лицом реальных и общих для всех слоев населения угроз национальной безопасности.

«За последние дни среди депутатов и госпропагандистов обострилось внимание к ходу спецоперации и мобилизации. Похоже, что борьба за правду разворачивается уже внутри самой власти... Конечно, здесь есть и элемент **обычного номенклатурного соперничества** за должности и звания, то есть внимание президента. Но нельзя исключать и того, что борьба пресловутых башен Кремля уже выходит наружу»⁶⁹.

Пока преждевременно говорить о том, что идет активное «приведение в соответствие системы ценностей правящей вертикали (во многом формировавшейся в предшествующий спецоперации период движения страны в рамках либерально-капиталистической парадигмы) целям национального развития, в основе которых лежат такие понятия, как „суверенитет“, „социальное государство“, „социальная справедливость“, „традиционные ценности“»⁷⁰.

«Социальная дифференциация в нашей стране остается чудовищной: 1% семей владеет 70% рыночных семейных активов. Это не просто примерно вдвое больше, чем в США: **эта пропасть разрывает наше общество...**

Чтобы избежать катастрофы и сохранить государственность, надо снизить социальную дифференциацию, довести разрыв между 10% наиболее богатых и бедных с нынешних официальных 16 раз (в реальности он, понятно, много больше) до советских 5, максимум до 7 раз. **Но вся либеральная политика, возвращая нашу некогда самую развитую в социальном плане страну мира в дикий даже не капитализм, а феодализм и возрождая сословное общество, прямо противоречит этому»**⁷¹.

Это долгий, вероятно, многолетний процесс. «Для того чтобы достойно и качественно ответить на вызовы и давление, Владимиру Путину требуется проявить максимальную способность успешного поиска... единственно верных решений. От этого зависит судьба страны»⁷².

⁶⁹ Гармоненко Д. Борьба за правду о спецоперации и мобилизации развернулась внутри власти // Независимая газета. 10.06.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-10-06/1_8559_administration.html

⁷⁰ Ильин В.А., Морев М.В. (2022). На пути к преодолению внутреннего рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 9–31.

⁷¹ Делягин М. Снизить социальную дифференциацию! // Завтра. 17.10.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/snizit_sotcial_nuyu_differentsiatciyu

⁷² Путин под давлением // Независимая газета. 18.09.2022. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-09-18/2_8542_editorial.html

Слишком много жизненно важных для страны вопросов (в первую очередь касающихся боевых действий на Украине) на сегодняшний день по-прежнему остаются в «подвешенном» состоянии. Слишком глубоко за последние 30 лет укоренились в российской элите и бюрократии «ядовитые догматы западной экономической науки: о минимизации участия государства в экономической жизни; о том, что „невидимая рука рынка” сама все отрегулирует...; о важности и даже необходи-

мости для развития национальной экономики иностранных инвестиций; о конкуренции как двигателе экономики и прочие»⁷⁴.

Однако многие вещи (тенденции общественного мнения, фиксируемые результатами социологических измерений, конкретные поступки граждан, быстрое реагирование властей на проблемы, возникшие в ходе мобилизации, активное включение в данный процесс представителей общественных сил и т. д.) позволяют говорить о том, что в трудную минуту к мобилизации способна вся страна в целом, в том числе и система государственного управления, которая находит в себе силы увидеть и признать свои ошибки. Это крайне важно, поскольку **«выиграть в бою можно, только вступив в него и полностью осознав происходящее — риски, ставки, ресурсы, варианты развития событий...»**⁷⁵

Специальная военная операция выявляет и формирует в России новые черты гражданского общества, и вполне возможно, что это станет началом реального движения страны к преодолению внутреннего рубикона в системе интересов, ценностей, целей правящих кругов и всего общества, что является необходимым условием для достижения Россией полного национального суверенитета.

«Сегодня необходимо как можно более конструктивно понять, возможно ли в принципе в короткие сроки профессионально точно поставить и эффективно решить труднотруктурируемые категории и гиперсложные проблемы... **речь должна идти о целостном программно-целевом мобилизационном социально-экономическом и военно-техническом развитии... Для адекватного противостояния враждебной глобально спроектированной организации нам предстоит проектное создание собственной оргсистемы такого же класса мощности в рамках мобилизационного проекта»**⁷³.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

⁷³ Скрипко В. Настройка системы: некоторые аспекты мобилизационной стратегии // Завтра. 22.09.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/nastrojka_sistemi

⁷⁴ Катасонов В. Идеология конкуренции как экономическая версия социал-дарвинизма // Завтра. 17.10.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/ideologiya_konkurentcii_kak_ekonomicheskaya_versiya_sotcial-darvinizma

⁷⁵ Дугин А. Путин провозгласил Русскую идею // Завтра. 04.10.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/putin_provozglasil_russkuyu_ideyu

Ilyin V.A., Morev M.V.

The Special Military Operation Reveals New Features of Civil Society

Abstract. Eight months have passed since the RF President announced the launch of a special military operation on the territory of Ukraine (February 24, 2022); thus, currently Russia is facing a global political situation that has become more turbulent. Difficulties on the front line, frequent terrorist attacks, military aid to the Kiev regime from NATO countries – all this urged the Supreme Commander-in-Chief of the RF Armed Forces to make tough but necessary decisions that could not but affect the majority of Russian society. The paper analyzes key events related to the special military operation, as well as the decisions promptly taken by the President in accordance with the requirements of the time and the situation on the front line. We focus on some of the President's decisions, such as the announcement of partial military mobilization (September 21, 2022); amendments to the RF Criminal Code aimed to strengthen discipline in the army and society during martial law and wartime (September 24, 2022); accession of new territories to Russia – the Donetsk People's Republic, the Lugansk People's Republic, the Kherson and Zaporozhye oblasts (October 5, 2022); large-scale precision missile strikes on Ukrainian infrastructure, military communications and command posts (October 10, 2022); introduction of martial law in the new constituent entities of the Russian Federation and the establishment of special measures to ensure security of all regions of the Russian Federation (19 October 2022). We analyze public opinion trends and the results of the Single Voting Day (September 11, 2022), which are considered as indicators of public sentiment in the hard times that our country is facing. On the whole, our research has shown that the alarming political situation on the global arena, as well as the tough decisions adopted by the head of state in recent months, revealed new features in Russian civil society, provoked changes in the people's internal awareness of the scale of threats to national security. This, in particular, was expressed in the following: many Russians are participating in the special military operation as volunteers; volunteer aid is increasing; in society, there is strong condemnation of those who left Russia after the start of the special operation; all the social strata are consolidating around the RF President; the above trends are observed in the dynamics of public opinion assessments. All these factors can play an important role in Russia's crossing its internal Rubicon in the form of the reorientation of broad strata of Russian society, and above all its elite groups, from the Western development dogmas imposed during the 30th anniversary of the market transformation toward nationally oriented goals and values.

Key words: special military operation, partial mobilization, RF President, public administration system, civil society, elections, public opinion.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Россия в эпицентре геополитической турбулентности: признаки будущего доминирования

**Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: evbalatsky@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. В статье рассматривается совокупность факторов, способствующих превращению России в новый мировой центр капитала в перспективе ближайших двух-трех десятилетий. Новизна авторского подхода состоит в нетрадиционном наложении концепции циклов накопления капитала на текущую фазу глобальной геополитической турбулентности с целью определить вектор будущего развития мирохозяйственной системы. Раскрытие темы основано на формировании целостной картины потенциальных преимуществ России совершенно разной природы. В зону внимания попали географические явления (таяние льдов в российской зоне Арктики, превращение России из сухопутной державы в морскую, наделенность природными ресурсами), философские (диалектическое противоборство гомогенности и гетерогенности мировой системы), исторические (синдром ложного претендента на роль мирового центра капитала, пассионарность этноса), политические (парад суверенитетов и имперских реваншистов, диффузия ядерного синдрома, легитимация борьбы с политической и управленческой оппозицией), политэкономические (циклы накопления капитала, мировой центр капитала, вхождение российской экономики в мировую систему капитализма), экономические (эффективность международных экономических санкций, технологии широкого применения, отраслевые циклы, регуляторно-технологические триады), демографические (демографическое проклятие), культурологические (открытость Русской Цивилизации для иммигрантов, ее цивилизаторский опыт в отношении других народов, высокая цивилизационная абсорбция), военные (латентная и активная фазы гибридной

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: признаки будущего доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 33–54. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.2

For citation: Balatsky E.V. (2022). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: Signs of eventual domination. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 33–54. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.2

войны, парадокс гибридной войны) факторы и управленческие эффекты (автономно-авторитарное управление, модели гегемона и лидера). Это позволило реконструировать сформировавшуюся вокруг Российской Федерации систему сдержек и противовесов в гибридной войне Запад/Не-Запад. Для углубления анализа дана авторская трактовка морских и сухопутных государств. Главный вывод исследования состоит в том, что Россия обладает уникальными геополитическими преимуществами, позволяющими ей успешно противостоять консолидированному Западу и в перспективе стать новым лидером мирохозяйственной системы.

Ключевые слова: геополитическая турбулентность, мировой центр капитала, конкуренция, война, мирохозяйственная система.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2022 г. по теме «Социально-экономическое развитие в эпоху фундаментальной трансформации систем».

Введение

Стартовавшее в 2022 году в связи со специальной военной операцией (СВО) России на Украине переформатирование мирового геополитического пространства (МГПП) находится в самом разгаре. Итогом этого процесса должно стать появление среди самых могущественных держав нынешнего времени нового мирового центра капитала (МЦК) в форме государства-лидера. Ранее было подробно обосновано, что реальными претендентами на эту роль сегодня являются Китай и Россия (Balatsky, 2022). Причем по ряду обстоятельств у России шансов занять это положение даже больше, чем у Китая. Можно смело утверждать, что главной политической интригой десятилетия станет именно указанный вопрос. В связи с этим цель, поставленная в статье, состоит в системном изучении факторов и обстоятельств, позволяющих рассматривать Россию в качестве будущего нового МЦК и дать ей возможность возглавить Пятый цикл накопления капитала, идущий на смену нынешнему.

Как было показано ранее, сложившееся геополитическое противостояние России и коллективного Запада предполагает прямое столкновение между ними в ходе развернувшейся Четвертой (гибридной) мировой войны (Balatsky, 2022). Ниже мы постараемся ответить на вопрос о наиболее вероятном ее исходе.

Новизна авторского подхода состоит в нетрадиционном наложении концепции циклов накопления капитала на текущую фазу глобальной геополитической турбулентности с целью определить вектор будущего развития миро-

хозяйственной системы; раскрытие темы сопровождается использованием материала из смежных наук.

Генезис нового потенциального мирового центра капитала

Возможности России в качестве нового МЦК можно понять только в контексте разразившейся Четвертой мировой войны гибридного типа. Однако предварительно разберем вопрос о том, насколько правомерно говорить о новом МЦК в лице России. По поводу этого факта могут быть весьма веские сомнения. Например, сегодня уже всем ясно, что именно Китай, обогнавший в 2021 году США по объему ВВП (ППС) на 19%, вырывается в новые лидеры, тогда как Россия, имеющая соответствующий показатель в 5,7 раза меньше Поднебесной, попадает скорее в категорию аутсайдеров, нежели будущих лидеров¹. Однако здесь все несколько сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Чтобы понять это, достаточно вспомнить историческую хронологию циклов накопления по Дж. Арриги: 1560–1740 – Первый, венециано-генуэзский (продолжительность 180 лет); 1740–1870 – Второй, голландский (130 лет); 1870–1970 – Третий, британский (100 лет); 1970 – н/в – Четвертый, американский (Арриги, 2006, с. 42–49). Подобная периодизация показывает, что Первый цикл был в 1,4 раза продолжительнее Второго, а Второй – в 1,3 раза

¹ См.: https://databankfiles.worldbank.org/data/download/GDP_PPP.pdf

длиннее Третьего. Если исходить из примерного постоянства коэффициента сжатия цикла накопления, то можно ожидать, что Четвертый цикл составит 72–77 лет, а это означает, что начало Пятого цикла накопления придется примерно на период 2042–2047 гг. Не исключено, что с учетом масштаба начавшейся геополитической инверсии этот период окажется сдвинут на еще более поздний срок – за пределы 2050 года. До указанной временной границы около 30 лет, что по историческим меркам отнюдь не так мало. В связи с этим, не вдаваясь в лишние подробности, напомним ряд важных исторических фактов в обратной хронологии.

Во время Третьего цикла накопления (1870–1970), за 30–50 лет до начала Четвертого цикла, главным претендентом на роль нового МЦК вместо Великобритании выступала Германия: проиграв борьбу за колонии, она противопоставила британскому могуществу свой *технологический перфекционизм* (Арриги, 2006). Эта стратегия позволила ей стать ведущей индустриальной державой мира и развязать сначала Первую, а потом и Вторую мировые войны, однако поражение в них лишило ее этих привязаний, а на роль нового лидера стали претендовать США и СССР; через 15 лет Советский Союз проиграл начавшуюся гонку, а США стали четвертым МЦК в истории капиталистической формации.

Во время Второго цикла накопления (1740–1870) период 1796–1815 гг. ознаменовался наполеоновскими войнами, когда на протяжении четверти века Франция, на короткое время ставшая континентальной империей, активно претендовала на роль нового МЦК. Однако в середине цикла накопления, в 1815 г., она окончательно уступила свои позиции Великобритании.

В середине Первого цикла накопления (1560–1740) в рамках Восемидесятилетней войны или так называемого Голландского восстания (1566–1648) велась ожесточенная англо-испанская война (1585–1604), когда за право стать новым МЦК боролись Испания и Великобритания. В этот период Нидерланды находились под протекторатом Испании и явным образом не претендовали на передовые позиции в мировой системе. Только к концу Первого цикла накопления Нидерланды отвоевали свою независимость, построили систему *склад-*

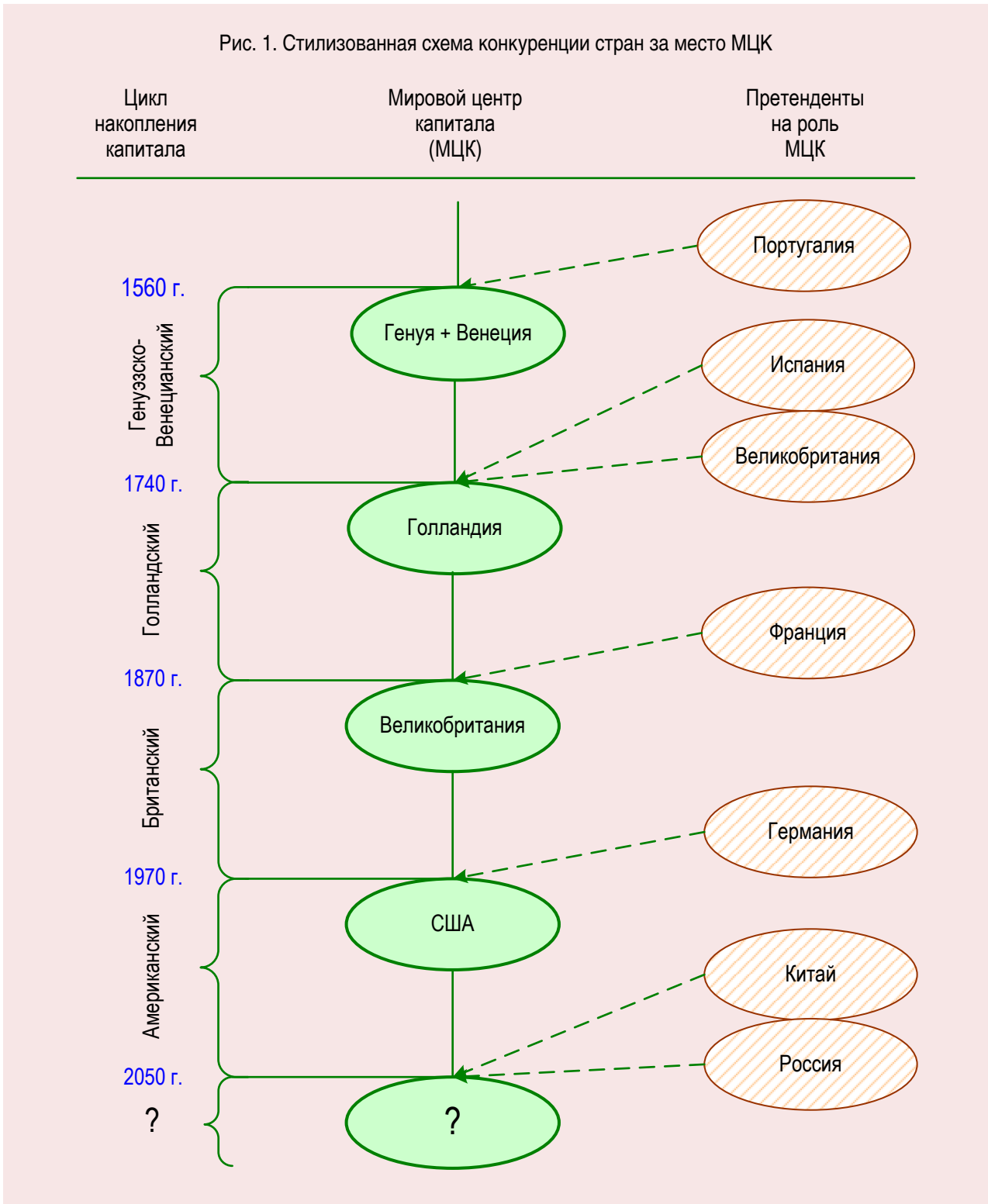
ского капитализма и создали свою колониальную империю с последующим вытеснением Португалии с ее заморских территорий.

К сказанному можно добавить, что даже Генуя и Венеция в период борьбы за свою гегемонию вступали в жесткую конкуренцию с Португалией, которая во многом превосходила эти города-государства. На *рисунке 1* показана стилизованная хронология процесса конкуренции разных стран за место МЦК в мирохозяйственной системе.

Приведенные примеры позволяют сформулировать интересную закономерность, которую можно назвать *синдромом ложного претендента*. Суть этого эффекта состоит в возникновении примерно в середине цикла накопления государства, претендующего на роль нового МЦК, но со временем теряющего изначальные преимущества и уступающего передовую позицию другой стране. Синдром ложного претендента требует очень осторожного подхода при определении глобальных перспектив мирохозяйственной системы. Применительно к нынешней ситуации это означает, что за 30 лет до начала Пятого цикла накопления списывать со счетов Россию и окончательно отдавать пальму первенства Китаю нельзя – за ближайшие 20 лет могут произойти весьма серьезные рокировки, как это уже имело место в прошлом. Не исключено, что Китай сегодня выступает в роли ложного претендента и в будущем утратит привилегию лидера. Разумеется, в данный момент этот вопрос является открытым.

Следует особо оговорить, что в синдром ложного претендента заложен глубокий исторический смысл и сам этот эффект отнюдь не случаен. Проявляющееся в нем стремление социальной системы к своеобразной *конспирации* будущего лидера определяется логикой межстрановой конкуренции. Так, государство-претендент становится центром внимания для действующего МЦК, который с учетом своих гигантских управленческих и ресурсных возможностей способен подавить нарождающуюся политическую и экономическую активность во внешней юрисдикции и тем самым продлить свое существование. Именно поэтому почти всегда возникает некий ложный претендент, оттягивающий на себя внимание крупных игроков МГПП и тем самым дающий возможность истинному претенденту пройти путь

Рис. 1. Стилизованная схема конкуренции стран за место МЦК

с меньшими рисками и издержками. При этом сам процесс зарождения и кристаллизации новых игроков МГПП во многом является стихийным и неосознанным — государства борются за свое существование и постепенно

усиливаются до того уровня, когда могут претендовать на привилегированное положение; осознание собственной глобальной роли национальной элитой происходит, как правило, лишь в конце кристаллизации нового МЦК.

Выдвижение России в качестве потенциального МЦК стало очевидным только в 2022 году при разворачивании Второго конфликта с Украиной, тогда как в 2014 году, когда возник Первый конфликт, это еще казалось невероятным. Данный факт подтверждает положение, согласно которому идентификация нового МЦК в условиях геополитической турбулентности является нетривиальной задачей.

Теперь рассмотрим логику превращения России из государства-аутсайдера, проигравшего Третью мировую войну (Balatsky, 2022), в претендента на роль МЦК. Крушение СССР в 1991 году привело к становлению в РФ неоколониального политического режима с отсутствием у национального правительства реального суверенитета. Однако военный потенциал РФ остался и это по-прежнему создавало угрозу ее политического реванша. В целях недопущения этого США взяли стратегический ориентир на окончательное расчленение России, ее демилитаризацию и превращение в безопасный сырьевой придаток. Надо сказать, что стремление США сохранить свою мировую гегемонию делало указанную стратегию безальтернативной, однако допущенные тактические ошибки американских политических кругов привели к прямо противоположному результату.

Например, до 2014 года Россия, всецело находясь под патронажем сети эмиссаров Запада и США, монотонно и весьма уверенно деградировала технологически, культурно и духовно. Можно вполне обоснованно утверждать, что при сохранении установившейся тенденции Россия к 2030 году, скорее всего, либо сама распалась бы на части, либо полностью утратила всякую способность к сопротивлению американскому давлению извне. Однако политические архитекторы из США перешли к форсированию этого результата посредством расширения НАТО на Восток и развязывания военных конфликтов вдоль границ России. Это должно было отвлечь дополнительные ресурсы страны и окончательно ослабить ее. Однако в своем стремлении решить поставленную задачу США перешли черту, и в 2014 году для РФ возникла фактически безвыходная ситуация, когда ее военная база в Севастополе готовилась к ликвидации, а вместо нее там могла появиться база НАТО (США). Россия была загнана в

угол и отреагировала путем интеграции Крыма и поддержки населения в ЛНР и ДНР. С этого момента начинается Четвертая (гибридная) мировая война Запада в лице США с «разбуженным» Русским Медведем (Balatsky, 2022).

Отметим, что современная гибридная война предполагает *латентную* и *явную* (активную) фазы. В 2014–2022 гг. развернулась латентная фаза войны, когда против России вводились ограниченные экономические санкции, а Украина готовилась в качестве плацдарма для будущих столкновений с ней. Параллельно российская власть повергалась экономическому шантажу со стороны США путем угрозы введения «страшных» санкций в виде отключения от международной финансовой системы и наложения эмбарго на экспорт российских энергоносителей. Несмотря на это, в России развернулась военно-промышленная мобилизация, разрабатывались и апробировались новые виды вооружений. К февралю 2022 года ситуация на Украине достигла точки кипения, и Россия начала СВО. С этого момента Четвертая мировая война вошла в активную фазу с горячими точками в ЛНР, ДНР, а затем и по всей Украине. В ответ на это со стороны консолидированного Запада в отношении России было введено 8 пакетов санкций, совокупный масштаб которых достиг максимума за всю историю. Кроме того, США и страны Европы оказывали военную помощь Украине против России. В это время Россия окончательно разрушила систему неоколониальной зависимости от Запада и превратилась в некую альтернативную цивилизацию в период усилившейся глобальной геополитической турбулентности.

Напомним, что некоторые политологи не без основания считают, что старт открытому противостоянию России и Запада дали события 2008 года в Цхинвале с последующим признанием независимости Южной Осетии и Абхазии (Дугин, 2009, с. 235). Уже тогда возникло первое горячее столкновение двух полюсов МГПП. Однако тогда еще не была пройдена точка невозврата, что и показали последующие события, когда Россия по-прежнему оставалась в орбите интересов США. Разумеется, периодизация начала необъявленной Четвертой мировой войны гибридного типа может быть разной; здесь и далее будет использоваться ранее

предложенная дата начала войны – 2014 год (Balatsky, 2022). Именно в этот период началась *реинтеграция Русского Мира*, что и послужило детонатором мировой войны. Если в 2014 году Россия «приросла» за счет территории Крыма, то в 2022 – за счет Луганской, Донецкой, Херсонской и Запорожской областей; последнее обстоятельство окончательно обнажает процесс реинтеграции Русского Мира и не позволяет Западу примириться с этим фактом.

Сегодня уже можно смело утверждать, что именно Россия и ее СВО на Украине дали старт деглобализации мировой системы, что и позволяет говорить о стране как о потенциальном МЦК. Вместе с тем еще раз подчеркнем, что ни о какой предопределенности речь не идет. Как было показано выше, не исключено, что в ближайшие годы может появиться новый претендент, который пока себя в качестве такового не проявил. Гипотетически можно предположить, что через 3–5 лет Иран войдет в клуб ядерных держав и со своей впечатляющей ресурсной базой станет джокером нынешнего МГПП. Однако этот сценарий пока невозможно рассматривать с определенной степенью объективности в силу его недостаточной проявленности.

Перспективы Четвертой мировой войны

В соответствии с современной доктриной войны ее цель состоит в переобустройстве мирового порядка на условиях победителя (Владимиров, 2018). Именно победитель в мировой войне станет новым МЦК и выступит архитектором новой мировой геополитической конфигурации. В связи с этим правомерно задаться вопросом: возможна ли победа России в развернувшейся Четвертой мировой войне?

Для ответа на поставленный вопрос следует учесть, что нынешняя война – это война Запад/Не-Запад. Это гораздо шире конкретного противостояния США/Россия. Именно поэтому СВО дала старт к образованию глобальных коалиций – Западной (США, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Япония, страны Евросоюза) и Не-Западной (Россия, Китай, Иран, Турция, Саудовская Аравия, Индия и др.). В связи с этим с *общесистемных* позиций война носит еще и измерение гомогенность/гетерогенность, а потому победа Запада будет означать унификацию мира по западному образцу, выстраивание гомогенного мира с преобладанием не

естественных, а искусственных жизненных императивов. Такой исход можно считать невозможным по системным и философским причинам: мир развивается только при наличии гетерогенности и противоречий между разными подсистемами МГПП; в противном случае культурное и институциональное выравнивание грозит миру тотальной стагнацией и деградацией. Это означает, что в долгосрочной перспективе коалиция во главе с Россией, скорее всего, победит. По-видимому, это лишь вопрос времени. Именно этот аспект проблемы толкает различные страны к созданию относительно устойчивых антиамериканских альянсов типа Россия-Иран-Китай и Россия-Иран-Турция.

Второй – *ресурсный* – аспект войны связан с невозможностью США контролировать весь мир, динамичность которого стремительно нарастает – множатся региональные конфликты разного рода (Израиль/Палестина, Южная Корея / Северная Корея, Каталония/Испания, Шотландия/Англия, Сербия/Косово, Тайвань/Китай, Польша/Германия и др.). Одновременно нарастает, с одной стороны, *парад суверенитетов* в лице таких стран, как Россия, Иран, Северная Корея, Индия, Китай, Турция и др., а с другой – *парад имперских реваншистов* (Турция как бывшая Османская империя, Иран как персидская империя Ахеменидов, Китай как синьская империя, РФ как бывшая Российская Империя, Польша как бывшая Речь Посполитая и т. д.). Практически все эти процессы разворачиваются в Восточном полушарии, в Евразии. У США и коллективного Запада нет таких ресурсов, чтобы эффективно управлять указанными движениями, следовательно, они выйдут из-под контроля, а это будет означать ослабление антироссийской коалиции и поражение США в нынешней гибридной войне. Множественность проблем по всей планете уже сегодня, через полгода после начала СВО на Украине, ведет к угасанию интереса мирового сообщества к этому событию на фоне еще более значимых конфликтов (например, Китай/Тайвань).

Третий – *внутрисистемный* – аспект войны связан с геоэкономическими преимуществами России перед странами Запада. Так, расчет Запада на поражение РФ на Украине в течение первых месяцев и рост народного недовольства внутри страны с последующим свержением вер-

ховной власти не оправдался. Россия медленно, но верно ведет наступательные действия на украинском фронте, внутри страны наметилась явная консолидация, значительная часть народа охвачена патриотическим порывом, расширяется импортозамещение, восстанавливаются ранее утраченные производства, а влияние торговых санкций для населения оказалось в основном несущественным. В будущем указанные процессы могут превратиться в технологический и экономический рывок страны, что окончательно поставит крест на ее возможном поражении.

Более того, внутрисистемный фактор имеет еще одно важное измерение – СВО оказалась чрезвычайно востребованной во внутриполитической борьбе и активно используется для *зачистки* политической и управленческой *опозиции*. В обычных мирных условиях жесткая чистка управленческих кадров может восприниматься как не имеющий под собой веских оснований антидемократический демарш со стороны властей и не найти понимания среди населения, тогда как в военных условиях она, наоборот, положительно воспринимается почти на всех уровнях общественной жизни. Учитывая, что чистки ведут к разрушению западной сети эмиссаров внутри России и повышению эффективности управления экономикой, можно констатировать, что уже на этом этапе страна одерживает верх в гибридной войне.

К сказанному можно добавить и еще один не вполне очевидный аспект проблемы – России не нужна быстрая победа в СВО; это противоречит ее стратегическим интересам. Дело в том, что главная проблема РФ в предыдущие 32 года состояла в наличии сдерживающего эффекта экономики со стороны западной сети эмиссаров – так называемой *пятой колонны*. В этом смысле СВО как бы экранирует и легитимирует борьбу с этим явлением, а так как эта борьба носит долговременный характер, то и военные действия должны быть достаточно длительными, для того чтобы успеть до ее окончания полностью зачистить враждебные управленческие сети внутри страны. В условиях же мирного времени оправдание кадровых чисток найти трудно и это в любом случае не будет приветствоваться широкими слоями населения; военное положение в корне меняет ситуацию. Это один из современных *парадок-*

сов гибридной войны – чем дольше длятся военные столкновения, тем более очистительным оказывается эффект от них во внутреннем экономическом пространстве страны. Пока СВО работает в пользу России.

Нельзя не отметить еще один аспект событий. Запад постепенно поднимает ставки в российско-украинском конфликте (поставка на Украину все более тяжелого вооружения, лояльное отношение к бомбардировке АЭС и т. п.), тогда как Россия не отвечает на провокации и воздерживается от разрушительных военных ударов.

Разумеется, все сказанное отнюдь не означает окончательного вердикта по поводу победы России в СВО, тем более в Четвертой мировой войне, и ее превращения в МЦК, однако оно делает рассматриваемый сценарий весьма вероятным.

Предпосылки превращения России в Пятый мировой центр капитала

Ранее уже рассматривались некоторые преимущества России, позволяющие ей претендовать на роль МЦК (Balatsky, 2022), в связи с чем ниже остановимся на относительно новых фактах и аспектах этой проблемы. Однако предварительно заметим, что здесь и далее обосновывается тезис о *моноцентричности МГПП* в противовес доктрине *многополярности*. Последнюю следует считать ложной или, по крайней мере, устаревшей теоретической конструкцией. Некая *видимость многополярности* возникает только в периоды геополитической турбулентности, когда прежний МЦК ослабевает, а другие усилившиеся государства сами начинают претендовать на эту роль. Однако это своего рода *переходный период* в существовании МГПП, который рано или поздно завершается возникновением нового МЦК. Учитывая масштабы геополитических процессов, указанный переходный период может длиться несколько десятилетий, однако это не меняет сущность моноцентричной модели организации МГПП.

При рассмотрении факторов превращения страны в МЦК оговоримся, что темпы прироста ВВП и других экономических параметров государства в данном контексте сами по себе не имеют никакого значения; они обретают определенный смысл только при выполнении необходимых условий *масштаба и расположения* страны.

Наличие пассионарности. Пользуясь удачной терминологией Л.Н. Гумилева, можно констатировать, что для превращения страны в новый МЦК ее народ должен обладать неким критическим объемом *пассионарности*, проявляющейся в готовности к горячим конфликтам ради сохранения своей культурной идентичности и своей цивилизации (Гумилев, 2016). Опыт СВО показывает, что Россия готова на высшие (людские) жертвы, тогда как остальные потенциальные центры себя в этом качестве пока не проявили. Например, 3 января 2020 года в результате ракетного удара США по Багдаду был убит командующий силами специального назначения «Аль-Кудс» Корпуса стражей исламской революции генерал Касем Сулеймани (Qasem Soleimani); удар был нанесен по распоряжению американского президента Дональда Трампа (Donald Trump). С учетом того, что Касем Сулеймани считался вторым человеком в военном и политическом руководстве Ирана, данная акция США носила характер неприкрытой диверсии и политической провокации. Хотя иранский президент Хасан Роухани (Hassan Rouhani) пообещал, что «Иран и другие страны региона отомстят Америке», а Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи (Ali Khamenei) — «суровую месть» в ответ на убийство иранского командира², никаких ответных действий со стороны Ирана не было. Нечто похожее имело место, когда спикер палаты представителей США Нэнси Пелоси (Nancy Pelosi) 2 августа 2022 года совершила провокационный визит на Тайвань. И хотя КНР расценила этот визит как нарушение собственного суверенитета, министр иностранных дел Китая Ван И (Wang Yi) заявил, что Пекин «никогда не оставит места» расколу и вмешательству внешних сил независимо от того, каким образом США «потворствуют независимости Тайваня», посол КНР в Вашингтоне Цинь Ган (Qin Gang) подчеркнул, что ответ Пекина будет мощным и сильным, китайский МИД подтвердил, что «США заплатят цену в случае нанесения ущерба интересам безопасности Китая», а предста-

² См.: <https://www.rbc.ru/politics/03/01/2020/5e0ede4b9a7947639df8729c?>; <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7460997>; <https://rg.ru/2020/01/16/obratnaia-storona-operacii-likvidacii-pochemu-ssha-ubili-kasema-sulejmani.html>

витель китайского Министерства обороны Тан Кефей (Tan Kefei) пообещал, что «китайские военные никогда не будут сидеть сложа руки и, безусловно, примут решительные меры для предотвращения любого вмешательства внешних сил и сепаратистских заговоров о «независимости Тайваня», а также решительно защитят национальный суверенитет и территориальную целостность»³, никаких ответных действий со стороны КНР, не считая последующих демонстративных военных учений вокруг Тайваня, не последовало.

Согласованность экономических систем. Ранее отмечалось (Balatsky, 2014), что уже накануне Второй мировой войны СССР потенциально выступал в качестве альтернативного МЦК, однако его социалистический строй отрицал само понятие и существование на его территории капитала, в связи с чем он принципиально не мог взять на себя миссию по управлению мировыми потоками капитала. Сегодня в России установлен капитализм, который позволяет стране действовать в глобальном масштабе без принципиальных институциональных расхождений с другими странами мира. Кроме того, бедность населения и товарный дефицит, характерные для СССР, сегодня в РФ преодолены, а современные технологии и потепление климата позволяют ей использовать всю свою территорию с небывалым ранее уровнем эффективности⁴. Можно сказать, что произошедшие с середины XX века институциональные, экономические, технологические и климатические изменения действуют в пользу России и предоставляют ей те преимущества, которые по всем историческим меркам являются беспрецедентными. Например, только сегодня начинается активное освоение Сибири и находящихся под патронажем России просторов Арктики; именно сейчас снова активизируется вопрос о российском сухопутном транзите («Великом шелковом пути») и Северном морском пути. Таких возможностей открывается все больше.

³ См.: <https://www.rbc.ru/politics/03/08/2022/62e91a819a794747582ae47b>; https://lenta.ru/brief/2022/08/02/pelosi_taiwan/

⁴ Сегодня уже установлены причины того, почему льды в российской части Арктики тают быстрее, чем в американской. URL: <https://ria.ru/20190424/1553012341.html>. Подробнее об этом см. в (Ivanov et al., 2019).

Самостоятельное значение имеет и тот факт, что сегодня суверенное правительство страны может ликвидировать «экономику с дырой в одном направлении», когда на протяжении 30 лет имело место отрицательное сальдо капитала. Для понимания масштаба экономического потенциала только этой меры приведем несколько показательных цифр. По имеющимся оценкам, суммарный объем потерь России по линии вывода прямых инвестиций в страны Запада только за период 2007–2020 гг. составляет почти 600 млрд долл. (Гусев, Ширяев, 2021). В 2020 году доля чистых валовых накоплений основного капитала (за вычетом его выбытия) в стране составила 21,9%⁵. Это означает, что мультипликатор инвестиций для российской экономики в этот период составлял величину 4,6. Следовательно, утерянный Россией за 14 лет объем инвестиций мог бы, по самым грубым расчетам, проинвестировать прирост российского ВВП в размере 2,7 трлн долл. Если учесть валютный курс рубля на конец 2020 года (73,8 руб./долл.), то получим почти 200 трлн руб. «утраченного» ВВП России. В 2020 году объем ВВП России в текущих ценах составил 106,6 трлн руб., что почти в два раза меньше его утерянного объема. Иными словами, если бы в России удалось предотвратить вывоз капитала только в форме прямых инвестиций за период 2007–2020 гг., то ВВП России был бы в три раза больше его нынешней величины⁶. Мировой опыт показывает, что политика по регулированию вывоза успешно проводилась в странах поздней индустриализации (например, в Южной Корее). Таким образом, только перекрытие каналов вывоза капитала из России позволит восстановить естественный режим

⁵ См. данные Росстата (<https://rosstat.gov.ru/>).

⁶ Поясним, что в данном случае общую величину «утраченного» ВВП не следует переводить в среднегодовое измерение путем ее деления на 14 лет. Это связано с тем, что для простоты расчетов осуществлялось простое суммирование «утраченных» инвестиций с их последующим пересчетом в «утраченный» ВВП, тогда как на самом деле каждая годовая порция инвестиций давала бы прирост ВВП на протяжении многих лет. Иными словами, в данном случае учитывается тот факт, что инвестиции дают не разовый эффект роста производства в течение года, а ежегодный, воспроизводящийся из года в год, эффект стимулирования производства. Более точный расчет дает еще более впечатляющие цифры, однако здесь берется нижняя граница соответствующей оценки.

его накопления и дальнейшее динамическое развитие национальной экономики.

В XXI веке грядут поразительные изменения мирового порядка, в том числе в раскладе между разными типами государств. Один из традиционных постулатов геополитики состоит в разделении всех государств и культур на два типа – сухопутные и морские. Это имеет первоочередное значение, так как морские цивилизации, основанные на мореплавании, имеют, как правило, рыночную экономическую систему и тяготеют к либерал-демократическому укладу в политике, тогда как сухопутные, напротив, отдают предпочтение нерыночной (плановой или частично плановой) экономике и недемократическим (авторитарным) формам устройства общества (Дугин, 2010, с. 246). Однако восходящее еще к Хэлфорду Маккиндеру (Halford Mackinder) разделение всех народов на два типа – кочевники суши (сухопутные разбойники) и кочевники моря (морские пираты) – не является операциональным (Mackinder, 1904). Это связано с отсутствием простых и хорошо верифицируемых критериев отнесения того или иного государства к одному из двух типов цивилизации; это можно определить лишь с определенной степенью условности на основе качественных признаков. Тем не менее, исходя из этой во многом эвристической методологии, все известные МЦК можно отнести к рафинированным морским державам, что говорит о наличии преимуществ морской ориентации страны. Однако сейчас ситуация радикально меняется.

Например, Китай, несколько столетий находившийся в тени развитых государств Запада, не может быть однозначно отнесен ни к морскому, ни к сухопутному типу культур. Это стало особенно очевидно в последнее десятилетие, когда КНР продемонстрировала невероятные успехи в создании и расширении своего морского военного флота, что позволяет стране активизировать 40% своих внешних границ. Россия также всю предыдущую историю относилась преимущественно к сухопутным государствам, но сегодня с запуском Северного морского пути она превращается в морскую державу, особенно если учесть ее уникальное (монопольное) положение на рынке атомных ледоколов. Так, без учета выхода в Северный

Таблица 1. Длина государственных границ США, РФ и КНР, км

Длина государственной границы	Страна		
	США*	КНР	РФ
Всего	32141	36957	60932
Морской	19924	14500	38807
Сухопутной	12217	22457	22125
Доля морской границы в ее общей длине, %	62,0	39,2	63,7

*Без учета Аляски, Гавайских островов и Пуэрто-Рико.
Составлено по: <https://tourisminchina.ru/granitsa-kitaya/>; https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fe6ad038-6307758b-b081c5a6-74722d776562/https/web.archive.org/web/20170313051914/http://www.rosgranitsa.ru/node/2636; https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F_%D0%A1%D0%A8%D0%90

Ледовитый океан доля морских границ страны составляет 31,5%, что меньше, чем у Китая, тогда как с разблокированием этого транспортного коридора она будет опережать США (табл. 1).

Будем считать, что при доле морской границы государства больше 50% всей ее длины оно считается морской державой; в противном случае – сухопутной. Тогда КНР все-таки остается сухопутной державой, а РФ меняет статус с сухопутной на морскую. В любом случае, если раньше морские перевозки были самыми выгодными в экономическом плане, то с развитием сверхскоростных железнодорожных линий это преимущество все больше утрачивается. В связи с этим происходящая конвергенция экономических систем разных стран под воздействием технологических и климатических изменений снимает сухопутно-морские противоречия и уравнивает шансы России и Китая в

сравнении с США и другими странами Запада на доминирование в МГПП; потенциал же РФ представляется как самый впечатляющий.

Обеспеченность природными ресурсами.

Сегодня мир находится в состоянии истощения природных ресурсов, в связи с чем можно утверждать, что новый МЦК должен обладать огромным ресурсным потенциалом. Тенденция к глобализации МЦК, установленная в (Balatsky, 2014), предполагает не только укрупнение территории страны-лидера, но и ее ресурсной базы. В этом отношении Россия обладает абсолютно уникальным положением. Так, по данным портала *247wallst.com*, рейтинг 10 государств мира с самыми богатыми сырьевыми запасами с большим отрывом возглавляет Россия (табл. 2); ресурсы, имеющие узкое применение или низкую себестоимость, в рейтинге не учитываются⁷.

Таблица 2. Объем запасов природных ресурсов по странам мира, 2021

Страна	Объем запасов, трлн долл.	Отношение к России, %
Россия	75,7	100,0
США	45,0	59,4
Саудовская Аравия	34,4	45,3
Канада	33,2	43,9
Иран	27,3	36,0
Китай	23,0	30,4
Бразилия	21,8	28,9
Австралия	19,9	26,3
Ирак	15,9	21,0
Венесуэла	14,3	18,9
Коалиция «Запад» (США + Канада + Австралия)	98,1	129,6
Коалиция «Не-Запад» (Россия + Иран + Китай)	150,3	166,4
Коалиция «Лидеры»	95,3	125,8

Составлено по: <https://247wallst.com/special-report/2012/04/18/the-worlds-most-resource-rich-countries/>

⁷ В указанном рейтинге не учитываются пашни и запасы пресной воды стран из-за неясности цены этих благ. С учетом этих ресурсов Россия еще больше улучшит свою позицию.

Из таблицы 2 видно, что по своим природным запасам даже следующую за ней страну — США — Россия опережает в 1,7 раза, а третье в списке государство — Саудовскую Аравию — в 2,2 раза. Это как раз то преимущество, которым должен обладать МЦК в новой геополитической реальности. Столь масштабные природные богатства России позволяют ей успешно функционировать даже в условиях полной блокады со стороны Запада в режиме самообеспечения.

Напомним, что назревающий ресурсный мировой кризис привел к перестановке базовых экономических ценностей: стала очевидна первичность природных ресурсов и вторичность — технологий (Balatsky, 2022). В этих обстоятельствах положение России в условиях Четвертой мировой войны становится если и не однозначным выигранным, то вполне конкурентным.

В свое время Джованни Арриги (Giovanni Arrighi) подметил чередование *экстенсивного* и *интенсивного* типов развития мировой системы при формировании циклов накопления капитала. Так, при генуэзско-венецианском и британском режимах накопления капитала осуществлялась экспансия мировой экономики, а при голландском и американском — ее географическая консолидация (Арриги, 2006, с. 41). Если следовать этой закономерности, то следующий цикл должен снова стать экстенсивным, однако нынешний этап исчерпания перераспределительных возможностей в рамках МГПП неизбежно трансформирует сложившийся механизм. Поясним сказанное.

Приморские города Италии — Генуя и Венеция — стремились подчинить *торговые коммуникации* для обеспечения своей рыночной монополии. На том этапе контроля именно торговых путей было вполне достаточно для решения поставленной задачи. Однако уже Великобритании пришлось расширить рыночную экспансию путем завоевания *сырьевых баз*, что потребовало контроля над заморскими территориями, чего итальянские города-государства не делали. Соответственно, Голландия расширяла и укрепляла торговую сеть и усиливала контроль над ней, тогда как США делали то же самое уже в отношении торговых и информационных сетей, а также рынков сбыта, сырьевых и производственных ниш, включая трудо-

вые ресурсы. В связи с этим возникает вопрос: какой должна быть модель доминирования нового МЦК?

По всей видимости, следующий цикл будет представлять собой смесь экстенсивного и интенсивного типов развития, что возможно только при уникальном российском потенциале. Сегодня Россия осуществляет процесс реинтеграции своих бывших территорий, что рано или поздно закончится хотя бы частичным (на определенных условиях) включением в зону своих интересов Белоруссии, Украины и даже Казахстана; не исключено, что это коснется Армении и Грузии. В любом случае, выражаясь словами А.Г. Дугина, «СНГ — котлован грядущей империи» (Дугин, 2009, с. 233). Независимо от конечной конфигурации воссозданной империи, это создаст дополнительный эффект масштаба, который необходим для фазы экстенсивного развития МЦК; другие страны такого преимущества не имеют. Параллельно уже сейчас Россия разворачивает глобальные транспортные проекты — Северный морской путь, Великий шелковый путь, Транссибирскую магистраль. Скорее всего, все будущие транспортные линии будут более плотными и высокотехнологичными, что автоматически обеспечивает фазу интенсивного развития МЦК. Ни одно другое государство мира не обладает такими возможностями, что и делает позицию России абсолютно уникальной, когда экстенсивная и интенсивная составляющие цикла накопления реализуются преимущественно на территории самой страны и напрямую не вступают в антагонистические противоречия с интересами других стран.

Уже сегодня парад суверенитетов во многих африканских государствах привел к потере европейскими державами, в основном Францией, важнейших ресурсных месторождений. В будущем можно ожидать укрепления наметившегося тренда. Это означает, что всем странам придется в большей степени, чем раньше, опираться на свою собственную ресурсную базу, что опять-таки выдвигает Россию на первое место. Если же сравнивать ресурсный потенциал коалиции «Не-Запад», представленной Россией, Ираном и Китаем, то он в 1,3 раза больше потенциала коалиции «Запад», представленной геополитической дугой США — Канада —

Австралия (см. табл. 2). Это подтверждает, что в новой геополитической конфигурации коалиция «Запад» будет иметь далеко не первостепенное значение. Все это опять-таки делает победу в Четвертой мировой войне коалиции «Не-Запад», в которой Россия играет ключевую роль, гораздо более вероятной, нежели победу коалиции «Запад».

Неэффективность экономических санкций в отношении России. Как уже указывалось ранее, попытка «наказать» Россию за СВО на Украине выразилась в принятии 8 пакетов санкций, однако их политическая результативность оказалась нулевой, а экономическая пока остается под вопросом. Период санкций против России 2014–2021 гг. сегодня уже принято называть «вегетарианским этапом», а последующие события – «санкционным цунами» (Тимофеев, 2022). Тем не менее, Москве удалось избежать экономической катастрофы, на которую рассчитывал коллективный Запад. Например, если майский прогноз Министерства экономического развития РФ предполагал падение производства в 2022 году на 7,8%, темпы инфляции в 17,5%, падение реальных доходов населения на 6,8%, а уровень безработицы на уровне 6,7%, то уже в августовском прогнозе указанные цифры составили 4,2, 13,4, 2,8 и 4,8% соответственно⁸. Независимо от того, насколько точны приведенные цифры, показательно, что ожидаемый санкционный шок со временем не нарастает, а ослабевает, следовательно, российская экономика пока справляется с беспрецедентным экономическим давлением Запада. Тем самым можно утверждать, что сопротивляемость российской экономики международным санкциям и ее устойчивость к внешним воздействиям оказались достаточно высоки.

Одновременно с этим санкции против России имели и обратный вектор действия – отрицательное влияние на благополучие в странах Запада. Так, из-за СВО и сопутствующих ей событий инфляционное давление на мировую экономику возросло: проблемы с поставками зерна, удобрений и энергоносителей спровоцировали резкий рост цен на них. Например, в США потребительские цены в среднегодовом исчислении в июне 2022 года увеличились

⁸ См.: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/08/16/936321-minek-prognoz-rublya>

на 9,1%, что стало максимальным показателем за последние 40 лет; продукты питания в стране подорожали на 10,4%, а бензин – почти на 60%. В ЕС в это же время инфляция достигла отметки 9,6% годовых, в зоне евро – 8,6%. Это в 4–5 раз превышает целевой показатель, установленный Европейским центральным банком на уровне 2%. При этом рост потребительских цен в Германии по методологии Евростата составил 8,2%, Великобритании – 9,4%, а в Литве и Эстонии – 20,5 и 22% соответственно⁹. На этом фоне к середине мая 2022 года доходы Москвы от нефти выросли по сравнению с началом года на 50%¹⁰.

Приведенные цифры говорят о том, что развернувшаяся экономическая война оказалась не так страшна для России и не так безболезненна для Запада, как изначально предусматривалось. В будущем эти оценки могут измениться, однако уже совершенно ясно, что Россия и Запад могут существовать друг без друга, но для обеих сторон это одинаково некомфортно.

Влияние цикла технологий широкого применения. Сегодня уже стало общепризнанным понятие *технологий широкого применения* (ТШП), под которыми понимаются технологии, применимые во многих секторах национальной экономики, обладающие способностью к усовершенствованию в разных направлениях, имеющие различные варианты использования и обладающие свойством технологической комплементарности (Bresnahan, Trajtenberg, 1995). Раскрывая особенности распространения указанных технологий, С.А. Толкачев и А.Ю. Тепляков выдвинули концепцию отраслевых циклов (КОЦ) ТШП (Толкачев, Тепляков, 2019а; Толкачев, Тепляков, 2019б; Толкачев, Тепляков, 2020; Толкачев, Тепляков, 2022), согласно которой они подчиняются технологической и регуляторной триадам – «производство – транспорт – информация» и «протекционизм – фритредерство – глобализм», в значительной степени синхронизированным во времени.

⁹ См.: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2022/62d84de39a79478f87860522>; <https://zaim.com/poleznye-sovety/sravnenie-stavok/inflyatsiya-v-rossii-i-v-mire-v-godu-demonstriruet/>; <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2022/62d84de39a79478f87860522>

¹⁰ См.: <https://inosmi.ru/20220614/eksport-254536396.html>

Идентификация отраслевых циклов на временном отрезке в 250 лет позволила установить, что в 2010 году начался их новый виток в форме качественно нового этапа производства средств производства (производство оборудования): промышленный Интернет, аддитивные и нанобиотехнологии, наноэлектроника, нанофотоника, наноматериалы, виртуальная и дополненная реальность и т. п. (Толкачев, Тепляков, 2022); этот этап сопровождается переходом большинства стран к политике протекционизма; наступление же фазы опережающего развития производства транспортных средств ориентировочно приходится на 2040-е гг. Действительно, последние годы ознаменовались торговыми войнами между США и Китаем, отчасти между США и Евросоюзом, а целый ряд стран (Россия, Иран, Северная Корея, Венесуэла и др.) Запад вообще старался исключить из мирового рынка торговли. Однако именно эти обстоятельства играют в пользу России. Политика протекционизма крайне выгодна России для защиты национального производителя, а сектор машиностроения страны нуждается в воссоздании на новой основе. Эта линия постепенно начинает реализовываться, а к 2030–2035 гг., скорее всего, достигнет своего апогея. Однако, как уже указывалось, именно в этот период страны – претенденты на роль МЦК выйдут на финишную прямую. И именно в это время в России должна вступить в силу вторая фаза отраслевого цикла в виде повсеместного расширения транспортных сетей. Именно тогда можно ожидать окончательного оформления системы транспортных коммуникаций страны и получения на этой основе колоссального экономического эффекта, что и должно стать окончательным шагом к статусу МЦК. В этот период протекционизм сменится на фритрейдерство, которое и позволит России в полной мере реализовать преимущества имеющегося у нее технологического эффекта масштаба¹¹

¹¹ Напомним: наличие технологического эффекта масштаба предполагает, что рост капиталовооруженности национального производства должен приводить к ускоренному росту производительности труда (Балацкий, Юревич, 2020, с. 48). Примечательно, что данный эффект – редкое явление и отнюдь не многие страны опираются на него. В России он выражен чрезвычайно ярко и выступает важнейшим экономическим преимуществом страны.

(Балацкий, Юревич, 2020) и превратиться за счет этого в мировой транспортный хаб. В дальнейшем страна уже будет строить передовой сектор производства коммуникации с его последующей экспансией по стране и близлежащим пространствам. Хотя этот процесс может начаться в 2060–2065 гг., однако именно в это время можно ожидать, что Россия станет инициатором глобализации мирового рынка коммуникации¹². Таким образом, технологические и регуляторные закономерности развития мировой экономики пока действуют в пользу РФ.

Подводя итог, можно констатировать: Россия обладает достаточным военным потенциалом (вооружением, тактическим опытом офицеров и боевой подготовкой солдат) и морально-психологической готовностью (пассионарностью) защитить свое право на существование; уже сегодня экономика страны готова сдерживать удар международных санкций и продолжать движение вперед; наличие же собственной гигантской базы природных ресурсов и институциональной основы по привлечению мирового капитала позволяет стране успешно продвигаться к своей зрелой фазе развития с последующим превращением в пятый МЦК. Начало первой фазы нового цикла ТШП с присущей ей протекционистской политикой регулирования будет способствовать реализации задачи российского доминирования в МГПП.

Борьба за статус нового мирового центра капитала: Россия vs Китай

Если мы считаем достаточно обоснованным право России на претензии в качестве будущего МЦК, то сейчас самое время сравнить ее потенции с потенциями другого конкурента на это место – Китая.

Главное, что нужно уяснить в этом вопросе, – то, у какой страны объективно больше шансов

¹² Отметим, что КОЦ пока не доведена до своего зрелого состояния, в связи с чем ее авторы исходят из примерного постоянства длительности отраслевого цикла (Толкачев, Тепляков, 2022). Вместе с тем, как уже неоднократно отмечалось, циклы накопления капитала со временем сокращаются. Совершенно очевидно, что эти два цикла должны быть синхронизированы и для отраслевых циклов ТШП должен быть также характерен определенный коэффициент сжатия. Данная проблема не является трудноразрешимой: полная конгруэнтность двух типов циклов имеет место для британского цикла накопления; в дальнейшем, начиная с 1970 г., их длительность должна быть примерно равной.

занять позицию мирового лидера. Для этого достаточно рассмотреть ключевые преимущества России перед Китаем, оставляя в стороне вопросы, которые либо уже хорошо известны (Valatsky, 2014), либо не имеют принципиального значения. В связи с этим сосредоточим внимание на двух аспектах геополитической конкуренции двух стран.

Демографическое проклятие Китая. Нет никаких сомнений, что КНР превратилась в страну-лидера и, будучи экономическим гигантом, стремится упрочить свое положение. Однако у страны есть уходящая в глубокую древность специфика, мешающая этим амбициозным замыслам. Так, Китай всегда был страной с огромной численностью населения и его высокой плотностью. Более того, как уже отмечалось, Поднебесная до сих пор является единственной страной в мире за все время существования человечества, которая в явном виде регулировала рождаемость и сдерживала демографический фактор (Даймонд, 2008, с. 496; Попов, 2002). Однако уже сегодня эта практика прекращена и демографический джин КНР снова вырвался наружу. Что это означает с точки зрения статуса МЦК?

Огромная численность населения Китая способствует тому, что даже на сегодняшнем пике своего могущества душевой ВВП (ППС) страны за 2021 год в 1,7 меньше, чем у России, и в 3,6 раза меньше, чем у США¹³. Это означает, что для достижения среднего уровня материального благосостояния своего населения, сравнимого с Россией, Китай должен увеличить свой ВВП еще на 70%, а для выхода на уровень США — на 260%. Формально в этом нет ничего невозможного, однако проблема в том, что на нынешнем этапе развития человечества планета просто-напросто не выдержит роста китайского ВВП в 3–4 раза. Но и без достижения указанного уровня КНР не сможет стать МЦК, ибо таковой должен обеспечить своему населению самые комфортные условия жизни и тем самым служить своеобразным эталоном для других стран. Например, на протяжении многих десятилетий высокий уровень жизни среднего гражданина США делал в глазах всего мира американскую модель экономики и полити-

ки самой передовой и достойной подражания. Китай уже не сможет в обозримом будущем добиться этого результата, а потому и его место в качестве МЦК оказывается во многом иллюзорным.

Относительно проблематичности роста китайского ВВП в 3,5 раза достаточно указать некоторые последствия бурного экономического роста страны: между 1972 и 1997 гг. Хуанхэ пересыхала в нижнем течении 20 раз, а безводный период увеличился с 10 дней в 1988 г. до 230 дней в 1997 г. (Даймонд, 2008, с. 502–503); в 1998 г. от наводнения в стране пострадало 240 млн чел. (Даймонд, 2008, с. 504); средний уровень свинца в крови китайских городских жителей почти в два раза выше уровня, считающегося во всем мире опасно высоким и представляющим угрозу для умственного развития детей (Даймонд, 2008, с. 508); из-за исчезновения лесов, эрозии почвы и засухи, вызванных производственной деятельностью человека, чаще возникают пылевые бури: например, с 300 г. до н. э. до 1950 г. они обрушивались на северо-западный Китай в среднем 1 раз в 31 год, в 1950–1990 гг. — 1 раз в 20 месяцев, а после 1990 г. — ежегодно (Даймонд, 2008, с. 509). Но, как справедливо отмечает Дж. Даймонд, Китай занимает ту же планету, использует те же океаны и атмосферу, что и весь мир (Даймонд, 2008, с. 494); следовательно, ущерб, наносимый Китаем природе, будет глобальным и коснется всех. Можно предположить, что новые технологии позволят существенно уменьшить антропогенную нагрузку КНР на природу и за счет этого снизить градус экологических проблем, однако этот вопрос остается открытым.

Можно сказать, что Поднебесная исчерпала свои экономические возможности задолго до своего подъема, заложив под себя демографическую бомбу замедленного действия. Теперь огромное население Китая мешает ему стать лидером в формировании образцового образа жизни. У России этой проблемы нет — ей нужно нарастить свой нынешний относительно небольшой ВВП в 2,1 раза, чтобы выйти на уровень США. При имеющихся запасах природных ресурсов, благоприятных обстоятельствах и эффективном государственном управлении РФ может это безболезненно сделать в течение 12–15 лет.

¹³ См.: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>

Культурная закрытость Китая и открытость России. РФ и КНР образуют две диаметрально противоположные цивилизации — открытую и закрытую. В отношении Китая действуют всем хорошо известные культурные факторы: сложность языка и его принципиальное отличие от европейских языков; специфика образа совместной жизни многолюдных сообществ на ограниченном жизненном пространстве; строго определенный монголоидный антропологический тип представителя китайского этноса. Неудивительно, что эти свойства китайской цивилизации не позволяют ей интегрировать в свою среду разнородные массы пришлых людей. В результате возникает своеобразный цивилизационный *эффект отторжения*, когда даже европеоид, прекрасно знающий мандаринский язык, историю, обычаи и культуру Китая, проживающий в стране много десятилетий, все равно не может стать китайцем — независимо от желания иммигранта и местного населения. Это принципиально отличается от интеграционных возможностей США, натурализация в которых требует от европеоида знания близкого по своим свойствам и относительно простого языка, понятной истории и схожей логики мышления. Уже эти обстоятельства ставят под сомнение возможность замещения Китаем Соединенных Штатов на пьедестале МЦК.

Если же говорить о России, то для нее, наоборот, характерно свойство *высокой цивилизационной абсорбции*, когда люди совершенно разных национальностей и народов, попадая в Россию, с одной стороны, добровольно и довольно легко проникаются русской культурой и сами себя начинают считать русскими, а с другой стороны — воспринимаются в качестве таковых местным населением. Вся история русской цивилизации пронизана подобными примерами. Сегодня трудно представить Россию без представителя негроидной расы Абрама Петровича Ганнибала, прадеда А.С. Пушкина, который был военным инженером и преподавал военное дело в российских военных учебных заведениях; еще сложнее это сделать без самого А.С. Пушкина — хотя он и сохранял внешние родовые признаки прадеда, это не помешало ему встать у истоков русской словесности. Нельзя представить Россию и без

ее великих путешественников — датчанина по происхождению Витуса Ионассена Беринга, морехода шведско-немецкого происхождения Ивана Фёдоровича Крузенштерна, географа и натуралиста польского происхождения Николая Михайловича Пржевальского и т. п. Невозможно представить страну и без создателя «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина из татарского рода Кара-мурзы, и без поэта Гавриила Романовича Державина с теми же национальными корнями. И таких примеров можно приводить бесконечно много, ибо это сама сущность русской цивилизации.

Сегодня в России принципиально ничего не изменилось. Национальный и конфессиональный полиморфизм русской цивилизации не только по-прежнему притягивает иностранцев, но и усиливает это притяжение. Неудивительно, что американский киноактер буддийского вероисповедания Стивен Сигал получает российское гражданство и искренне считает себя русским¹⁴, а его сын Доминик Сигал собирается вообще окончательно уехать жить в Россию¹⁵. Еще дальше в этом отношении пошел американско-российский боец смешанных единоборств Джеффри Монсон, который не только принял российское гражданство и переехал жить в Россию, но и отказался от американского гражданства ради выполнения обязанностей депутата городской думы Красногорска¹⁶. И опять-таки — подобных примеров можно привести бесконечно много.

Таким образом, при сравнении культурных систем Китая и России с точки зрения возможностей вовлечения в свою орбиту граждан других стран и регионов можно констатировать их несопоставимость: китаец может стать русским, тогда как русский китайцем — нет; большинство иммигрантов разных национальностей могут стать русскими, а китайцами — нет. Это важное препятствие на пути превращения КНР в МЦК.

¹⁴ См. об этом: https://tsargrad.tv/articles/neizvestnyj-stiven-sigal-evrej-mongol-drug-putina_33174

¹⁵ См.: https://www.popcornnews.ru/news/hochu-peree-hat-syn-stivena-sigala-vyskazalsya-o-rossii_id295579_a157

¹⁶ См.: <https://24smi.org/celebrity/1767-dzheff-monson.html>

В контексте сказанного нельзя не затронуть вопрос о факторе времени и своевременности тех или иных событий. Например, относительно Китая можно смело говорить, что он вступил в гонку за мировое лидерство слишком поздно. Если бы ему удалось осуществить старт беспрецедентного экономического роста на 30–40 лет раньше (не в 1980-е, а, например, в 1950 году), то он смог бы преодолеть свое демографическое проклятие (в тот период еще не было физических ограничений расширения производства) и обеспечить себе нужный объем ВВП; сейчас это либо невозможно, либо крайне сложно реализуемо. Аналогично можно сказать и по поводу России: если бы она пошла на прямой конфликт с Западом в 2000-е или даже в 2010-е годы, то она бы заведомо проиграла; в то время ситуация внутри страны еще не «созрела» ни экономически, ни психологически, а Запад был монолитным. Лишь в 2020 году внутри США наметился принципиальный раскол между демократической и республиканской партиями, а единство Запада стало ослабевать. Аналогичным образом, еще 20 лет назад трудно было представить, что преуспевающие жители развитых стран Запада, включая США, будут принимать российское гражданство и переезжать жить в Россию. Все эти обстоятельства выводят на первый план *доктрину покорения времени*, согласно которой история есть сумма волн разных периодов, а искусство политики состоит в умении учитывать порядок следования событий и в способности поймать максимально удобный момент времени при конструировании будущего (Девятков, 2020, с. 72). Согласно этой доктрине любой процесс представляет собой волну, в которой имеют значение три характеристики: хронос (амплитуда волны), циклос (частота) и кайрос (фаза волны максимальной энергии реализации) (Девятков, 2020, с. 71). Умение поймать миг удачи (кайрос) позволяет войти в открывающееся окно возможностей (Девятков, 2020, с. 72). С этой точки зрения Китай пропустил свой кайрос, тогда как Россия пока вполне удачно вписывается в открывающееся окно новых возможностей.

Новая геополитическая конфигурация в Пятом цикле накопления

Обсуждая возможности превращения России в МЦК, следует уяснить специфику харак-

тера доминирования страны в Пятом цикле накопления. Если задаться вопросом о том, сможет ли Россия достичь такого же уровня гегемонии в предстоящем цикле накопления, как США в нынешнем, то ответ будет однозначно отрицательным. Это невозможно!

Поясним сказанное.

Сегодняшний тип управления мирохозяйственной системой со стороны США может быть охарактеризован как сугубо авторитарный или даже *автономно-авторитарный*. Нынешний МЦК живет в своем мире и категорически не учитывает чужие интересы, решая проблемы путем силового продавливания своих решений. Воссоздать такую систему управления миром в новых условиях представляется нереальным. Ресурсы во многом исчерпаны, а прямые вооруженные конфликты становятся все более губительными для их участников. Поэтому будущий МЦК, скорее всего, уже будет базироваться не столько на *модели гегемона*, сколько на *модели лидера*. А такой вариант для России выглядит вполне реализуемым.

Сегодня в научной литературе активно обсуждаются контуры будущей капиталистической системы. В частности, за последние 20 лет фокус дискуссий о конкуренции между либеральными и координируемыми рыночными экономикami постепенно сместился на анализ «зависимых рыночных экономик» и «рыночных экономик, проникнутых государством» (Яковлев, 2021a). При этом большинство аналитиков полагает, что ответ на вызовы, вставшие перед глобальным капитализмом, возможен только через кооперацию между ведущими государствами, базирующуюся на способности их элит к ограничению своих притязаний (Яковлев, 2021b).

Более углубленный анализ показывает, что среди всех стран мира имеется кластер из 7 государств (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды), которые занимают первые места по индексу удовлетворенности жизнью (индексу счастья) и одновременно являются лидерами по интегральному индексу качества жизни, уровня гражданской культуры и эффективности институтов; при этом отставание США от Семерки по всем значимым показателям со временем только увеличивается (Polterovich, 2022a).

Сегодня принято разделять экономические системы на *либеральные* и *скоординированные* рынки, социальные – на институты *капитализма акционеров* и *капитализма стейкхолдеров*, политические – на *мажоритарные* и *консенсусные демократии*. В каждой паре первый тип систем опирается преимущественно на конкурентные механизмы, а второй – на механизмы сотрудничества. Тщательный анализ показывает, что достижения Семерки основаны на *коллективных преимуществах*, под которыми понимается доминирование механизмов сотрудничества в экономической, социальной и политической сферах (Polterovich, 2022b).

Сказанное недвусмысленно задает точку отсчета для будущего МЦК. Его *модель доминирования*, скорее всего, будет основана не на *треугольнике гегемона* (рис. 2), как это было характерно для США, а на *треугольнике лидера* (рис. 3).

Следует сказать, что идеологом необходимости перехода от модели гегемона к модели лидера можно считать Збигнева Бжезинского (Zbigniew Brzezinski), который совершенно ясно высказывался на сей счет. В частности, он писал: «Имперская стабильность исторически зависела от искусства власти, высокой организации и, что важнее всего, политической пассивности со стороны угнетаемых народов в отношении их менее многочисленных, но более активных поработителей» (Бжезинский, 2007, с. 204). Сегодня покорность «третьих» стран уходит в прошлое.

Треугольник гегемона базируется на цепочке «власть – монополия – сверхприбыль», предполагающей замкнутый контур трех взаимосвязанных процессов: обеспечение *власти* государства-гегемона над всей мирохозяйственной системой для поддержания своей *монополии*

Рис. 2. Треугольник гегемона

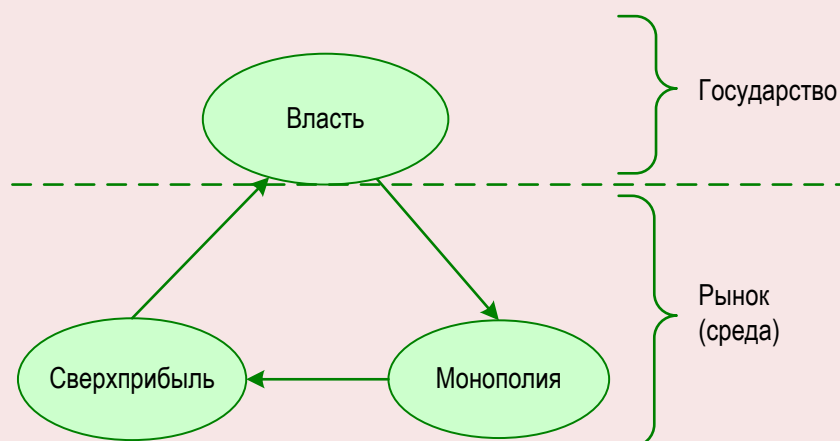
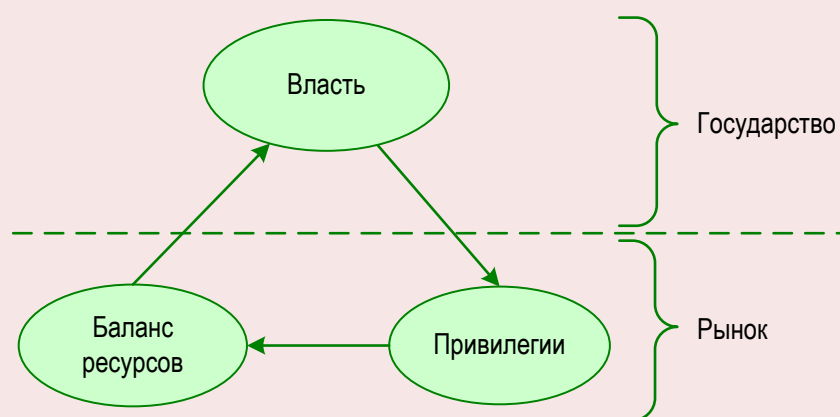

Рис. 3. Треугольник лидера

на всех наиболее важных рынках — экономических и политических; использование монополии для управления дисбалансами рынков, ценами и, как следствие, *нормой прибыли*, что в конечном счете позволяет получать *сверхприбыли*; трата получаемых сверхдоходов на сохранение и укрепление власти над мировой системой. Сегодня США продолжают действовать в рамках этой модели: игнорирование политических интересов других стран, тотальный контроль над рынком высоких технологий, наркотиков, вооружения и т. п.; финансирование любых операций по сохранению американской политической власти на территории всей планеты. Однако Зб. Бжезинский еще в первом десятилетии XXI века высказывал озабоченность по этому поводу: «Даже самая могущественная держава может сбиться с правильного пути и поставить первенство под угрозу, если ее стратегия окажется неверной, а ее понимание мира ошибочным» (Бжезинский, 2007, с. 12). Он же подчеркивал следующую истину: «Военной силы, даже подкрепленной экономической мощью и изощренной стратегией высшей элиты, уже недостаточно, чтобы обеспечить имперское доминирование. В прошлом сила контроля превышала силу разрушения. Требовалось меньше усилий и затрат, чтобы управлять миллионом людей, чем для того, чтобы убить миллион человек. Сегодня наоборот: сила разрушения превышает силу управления» (Бжезинский, 2007, с. 214).

Сегодня в мире разворачивается диффузия ядерного синдрома — клуб ядерных держав находится на старте стремительного расширения. Сегодня США, проводя стратегию тихоокеанского противостояния Китаю, включили в свою орбиту Австралию, которая теперь станет обладательницей флота с ядерным оружием, производимым на ее территории. Так, в 2021 году США, Великобритания и Австралия объявили о создании трёхстороннего оборонного альянса безопасности, известного как AUKUS (акроним, образованный по составу участников Australia, United Kingdom, United States), в рамках которого военно-морской флот Австралии впервые получит возможность строить атомные подводные лодки¹⁷. Укрепляя позиции против Китая и Северной Кореи, США готовы

¹⁷ См.: <https://hightech.fm/2021/09/24/aukus>

согласиться на ядерное вооружение Японии и Южной Кореи¹⁸. В качестве ответной меры на такое нагнетание ситуации Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко заявил о переоборудовании самолетов страны под ядерные заряды¹⁹; учитывая, что Белоруссия и Россия являются членами Союзного государства, такие действия считаются совершенно легитимными. Параллельно с этим в гонку за ядерное оружие включились не только Иран, но теперь уже Турция и Саудовская Аравия. В качестве ответа на предполагаемое расширение НАТО за счет Швеции и Финляндии²⁰ Россия намеревается создать военные базы в латиноамериканском треугольнике Никарагуа — Куба — Венесуэла в непосредственной близости от США²¹. Все эти события требуют других отношений между сверхдержавами, их взаимоуважения и иной системы управления мирохозяйственными процессами.

В таких условиях сохранить гегемонию Соединенным Штатам вряд ли удастся. «То, что раньше требовало столетий, сегодня требует лишь десятилетия, а то, что требовало десятилетия, теперь происходит в течение одного года. Отныне верховенство любой державы будет подвергаться все возрастающему давлению — необходимости адаптации, изменения и в конце концов упразднения» (Бжезинский, 2007, с. 206). Чтобы избежать бессмысленной катастрофы, Зб. Бжезинский призывал руководство США перейти к модели лидерства: «...единственным реальным путем осуществления лидерства становится не прямое, а косвенное, гибкое и согласованное управление» (Бжезинский, 2007, с. 205).

Треугольник лидера базируется на цепочке «власть — привилегии — баланс ресурсов», которая предполагает замкнутый контур трех взаимосвязанных процессов: обеспечение *власти* государства-лидера над мирохозяйственной системой для поддержания своего привилегированного положения на всех наиболее важ-

¹⁸ См.: <https://rg.ru/2017/09/10/ssha-prigrozili-kitaiuiadernym-vooruzheniem-iaponii-i-iuzhnoj-korei.html>

¹⁹ См.: <https://www.rbc.ru/politics/26/08/2022/630894409a7947e9ee51723a>

²⁰ См.: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15576669?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

²¹ См.: <https://ria.ru/20220204/nikaragua-1771098369.html>

ных рынках — экономических и политических; использование *привилегий* для поддержания баланса ресурсов, что, в конечном счете, позволяет осуществлять бесперебойную экономическую деятельность страны; *сбалансированное использование ресурсов* выступает основой сохранения и укрепления власти государства-лидера над мировой системой. Привилегии на рынке означают одно из ведущих (но не обязательно первое) мест государства на рынке при наличии на нем других участников — в отличие от монополии, где все прочие участники устраняются. Баланс ресурсов означает достаточность жизненно важных природных и прочих ресурсов для успешной (нормальной) работы экономики лидера, что выступает залогом стабильности его мировой власти и влияния. Обеспечение же власти лидера достигается не сугубо силовым давлением на участников МГПП, как в треугольнике гегемона, а за счет объективного геополитического превосходства страны.

Зб. Бжезинский дал вполне достаточную характеристику модели лидера: «Для того чтобы руководить, Америка должна быть не только чувствительной к глобальным реальностям. Она еще должна быть и социально привлекательной» (Бжезинский, 2007, с. 198). «Теперь глобальное лидерство должно сопровождаться социальной ответственностью, готовностью к компромиссам, касающейся собственной суверенности, культурной привлекательностью, не сводящейся к гедонистскому содержанию, и подлинным уважением к разнообразным человеческим традициям и ценностям» (Бжезинский, 2007, с. 214).

Если исходить из того факта, что будущий МЦК должен действовать в рамках модели не гегемона, а лидера, то перспективы России в этом качестве представляются вполне реалистичными: треугольник гегемона Россия почти наверняка не сможет создать, тогда как треугольник лидера — сможет. Учитывая, что в прошлом Российская империя выступала в роли «жандарма Европы», можно предположить ее более широкие полномочия в Пятом цикле накопления — в качестве мирового жандарма или, выражаясь современным языком, координатора и миротворца глобальной политической системы.

Таким образом, по всем имеющимся признакам в Пятом цикле накопления должен реализоваться более *щадящий режим управления* миром со стороны МЦК, основанный на большем равноправии и уважении участников МГПП, консенсусном сдерживании экономического роста всеми странами, их более ответственном демографическом и экологическом поведении. Россия вполне подходит на эту роль.

Заключение

Выше были собраны воедино разнородные факторы возможного будущего доминирования РФ в качестве Пятого МЦК. Это *географические* явления (таяние льдов в российской зоне Арктики, превращение России из сухопутной державы в морскую, наделенность природными ресурсами), *философские* (диалектическое противоборство гомогенности и гетерогенности мировой системы), *исторические* (синдром ложного претендента на роль МЦК, пассионарность этноса), *политические* (парад суверенитетов и имперских реваншистов, диффузия ядерного синдрома, легитимация борьбы с политической и управленческой оппозицией), *политэкономические* (циклы накопления капитала, мировой центр капитала, вхождение российской экономики в мировую систему капитализма), *экономические* (эффективность международных экономических санкций, технологии широкого применения, отраслевые циклы, регуляторно-технологические триады), *демографические* (демографическое проклятие), *культурологические* (открытость Русской Цивилизации для иммигрантов, ее цивилизаторский опыт в отношении других народов), *военные* (латентная и активная фазы гибридной войны, парадокс гибридной войны) факторы и управленческие эффекты (автономно-авторитарное управление, модели гегемона и лидера).

С таким набором глобальных преимуществ Россия не только имеет все шансы стать Пятым МЦК, но и почти «обречена» занять это место. Вместе с тем следует помнить предостережение Зб. Бжезинского: «Лидерство — частично вопрос характера, частично интеллекта, частично организации, а частично того, что Макиавелли назвал „фортунной“ — понятие, выражающее мистическую связь судьбы и случая» (Бжезинский, 2007, с. 13). В связи с этим никакой предопределенности в будущем России нет и быть

не может — многое будет зависеть от субъективного фактора (дееспособности властной элиты, готовности масс на новую роль страны, своевременности необходимых действий и т. п.).

Сегодня СВО на Украине идет крайне медленно, а смена управленческих кадров вообще практически отсутствует. Накопленные за это время ошибки, нерешительность властей, отсутствие у них ясного представления образа будущей России вызывает в массах чувство неудовлетворенности и тревожности. Однако на

это можно ответить лишь то, что срок существования суверенной РФ, начинающийся с 24.02.2022, пока насчитывает полгода, а за это время трудно ожидать каких-либо чудес. Даже при предположении, что в военное время год идет за три, все равно пока рано делать выводы о готовности или неготовности России стать новым МЦК. Архитектура и содержание Русской Цивилизации, которые позволяют стране реализовать свои потенциалы нового центра мира, выходят за рамки данной статьи.

Литература

- Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего. 472 с.
- Балацкий Е.В., Юревич М.А. (2020). Технологический эффект масштаба и экономический рост // *Terra Economicus*. Т. 18. № 1. С. 43–57.
- Бжезинский Зб. (2007). Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения. 240 с.
- Владимиров А.И. (2018). Основы общей теории войны. Часть 1: Основы теории войны. М.: Университет «Синергия», 1008 с.
- Гумилев Л.Н. (2016). Этногенез и биосфера Земли. М.: АЙРИС-пресс. 560 с.
- Гусев А.Б., Ширяев А.А. (2021). Болевые точки стратегического развития России // *Journal of Economic regulation* (Вопросы регулирования экономики). Т. 12. № 3. С. 6–25.
- Даймонд Дж. (2008). Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ. 762 с.
- Девятов А.П. (2020). Управление духом, или Технология инкогнито. М.: ИП Соколова А.А. 240 с.
- Дугин А.Г. (2009). Четвертая политическая теория. Россия и политические идет XXI века. СПб.: Амфора. 351 с.
- Дугин А.Г. (2010). Конец экономики. СПб.: Амфора. 479 с.
- Попов В.В. (2002). Три капельки воды. Заметки некитаиста о Китае. М.: Дело. 184 с.
- Тимофеев И.Н. (2022). Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // *Россия в глобальной политике*. Т. 20. № 4. С. 136–152.
- Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. (2019а). Концепция циклической последовательности распространения базисных технологий в экономике и онтологическая обусловленность теорий индустриального общества // *Экономическое возрождение России*. № 4. С. 19–36.
- Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. (2019б). Эволюция внешнеэкономической политики ведущих стран мира на современном этапе через призму долгосрочных технологических изменений в экономике // *XXVII Кондратьевские чтения*. М.: ИЭ РАН. С. 205–211.
- Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. (2020). Концепция отраслевого распространения базисных технологий: новый технологический мегацикл // *Экономист*. № 1. С. 25–35.
- Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. (2022). Технологические и регуляторные циклы в мирохозяйственном развитии: историко-экономическая ретроспектива // *Terra Economicus*. Т. 20. № 3. С. 72–86.
- Яковлев А.А. (2021а). Конкуренция моделей капитализма: проекция на Россию // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 41–49.
- Яковлев А.А. (2021б). Куда идет глобальный капитализм? // *Мир России*. Т. 30. № 3. С. 29–50. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-29-50.
- Balatsky E.V. (2014). Prerequisites for global geopolitical inversion. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2(32), 28–42.
- Balatsky E.V. (2022). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: Accumulation of global contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 42–59.

- Bresnahan T., Trajtenberg M. (1995). General purpose technologies: “Engines of growth”? *Journal of Econometrics*, 65(1), 83–108.
- Ivanov V., Varentsov M., Matveeva T., Repina I., Artamonov A., Khavina E. (2019). Arctic Sea ice decline in the 2010s: The increasing role of the ocean – air heat exchange in the late summer. *Atmosphere*, 10(4), 184–207.
- Mackinder H.J. (1904). The geographical pivot of history. *The Geographical Journal*, 170(4), 421–437. Available at: https://www.iwp.edu/wp-content/uploads/2019/05/20131016_MackinderTheGeographicalJournal.pdf
- Polterovich V.M. (2022a). Competition, collaboration, and life satisfaction. Part 1. The Seven of European leaders. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 31–43. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.2
- Polterovich V.M. (2022b). Competition, collaboration, and life satisfaction. Part 2. The fundament of leadership – collaborative advantage. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 42–57. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: evbalatsky@inbox.ru), главный научный сотрудник, лаборатория математической экономики, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47)

Balatsky E.V.

Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: Signs of Eventual Domination

Abstract. The paper investigates a set of factors contributing to Russia’s transformation into a new world capital accumulation center in the next two to three decades. The novelty of our approach lies in the fact that we consider the current phase of global geopolitical turbulence through the prism of the capital accumulation cycles theory in order to determine the vector of future development of the world economic system. We dig into the topic by forming a comprehensive picture of Russia’s potential advantages that are quite versatile. Thus, we look into the following phenomena: geographical (ice decline in the Russian Arctic; Russia evolving from a land power into a sea power; natural resources endowment), philosophical (dialectical confrontation of homogeneity and heterogeneity of the world system), historical (syndrome of false contender for the role of a world capital accumulation center; passionarity of the ethnos), political (parade of sovereignties and imperial revanchists, diffusion of the nuclear syndrome, legitimization of the struggle against political and managerial opposition), political economy (cycles of capital accumulation; world capital accumulation center; Russia’s economy joining the world system of capitalism), economic (effectiveness of international economic sanctions; general-purpose technologies; industry cycles; regulatory and technology triads), demographic (demographic curse), cultural (openness of the Russian Civilization to immigrants, its civilizing experience in relation to other peoples, high civilizational absorption), military (latent and active phases of hybrid warfare; hybrid warfare paradox), factors and management effects (autonomous and authoritarian management, hegemon and leader models). This helped us to reconstruct the system of checks and balances formed around the Russian Federation in the hybrid warfare between the West and the Non-West. We deepen the analysis by providing our own interpretation of sea states and land states. The main conclusion of the research is that Russia possesses unique geopolitical advantages that allow it to successfully counteract the Collective West and eventually become a new leader of the world economic system.

Key words: geopolitical turbulence, world capital accumulation center, competition, war, world economic system.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru); Chief Researcher, Laboratory of Mathematical Economics, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Статья поступила 30.08.2022.

Французская экономика между пандемией COVID-19 и новой геополитической ситуацией: рецидив кризиса или его преодоление?

Жак САПИР

Высшая школа социальных наук (EHESS)
Центр исследований индустриализации (CEMI)
Париж, Франция
e-mail: sapir@msh-paris.fr

Аннотация. Французская экономика, все еще восстанавливающаяся после кризиса COVID-19, в настоящее время столкнулась с особыми проблемами, возникшими в результате новой геополитической ситуации. Признаки слабости французской экономики в начале года могут обернуться настоящей рецессией в 2023 году. Последние прогнозы в этом отношении особенно пессимистичны. Непосредственное влияние прекращения поставок нефти и газа Россией после санкций, введенных Европейским союзом, создаст серьезную инфляционную проблему для французской экономики. Перебои в поставках могут иметь значительные последствия для Франции прежде всего из-за их косвенного воздействия, возникшего в результате влияния на соседнюю Германию. Инфляция, поразившая французскую экономику наравне с другими экономиками стран Европейского союза, является формой инфляции, вызванной дефицитом, а не избыточным спросом. Французское правительство, потратившее много денег на защиту людей и бизнеса во время кризиса COVID-19, столкнулось с необходимостью снова оказывать значительную помощь. И фискальная, и денежно-кредитная политика будут нарушены. Также ожидается резкий рост государственного долга. Франция столкнулась с беспрецедентной экономической ситуацией, когда правила рыночной экономики кажутся бессильными перед грядущими проблемами. Экономическое планирование, подобное тому, которое применялось с 1946 до конца 1960-х гг., вероятно, представляет собой наилучшую возможность для французской экономики адаптироваться к последствиям новой геополитической ситуации.

Ключевые слова: инфляция, нехватка, рост, неопределенность, бытовые расходы, административные расходы, политика «во что бы то ни стало».

Для цитирования: Сапир Ж. (2022). Французская экономика между пандемией COVID-19 и новой геополитической ситуацией: рецидив кризиса или его преодоление? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 55–76. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.3

For citation: Sapir J. (2022). The French economy between the COVID-19 pandemic and a new geopolitical situation: Relapsing into the crisis or overcoming it? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 55–76. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.3

Введение

К концу первой половины 2022 года французская экономика оказалась на перепутье. Двигаясь к восстановлению после различных потрясений, вызванных COVID-19 и связанными с пандемией ограничениями, теперь она столкнулась с последствиями ситуации на Украине и взаимодействием санкций и контрсанкций, то есть, иными словами, с экономическими последствиями реструктуризации международной торговли и того, что было названо глобализацией. Последняя уже выступала предметом многочисленных критических замечаний (Sapir, 2009a). Однако сегодня глобализация оказывается под серьёзной угрозой из-за образования в мире двух антагонистических блоков¹. В этих условиях французская экономика испытывает значительные экзогенные потрясения, касающиеся как ее роста, так и инфляции. Они уже признаются на высшем уровне, например Банком Франции² или Национальным институтом статистики и экономических исследований (INSEE)³. Несомненно, эти потрясения способны разбалансировать положение французской экономики.

Однако помимо этого французская экономика все ещё борется с последствиями кризиса 2008–2010 гг. (Streeck, 2018), из которого она вышла сильно ослабленной. Полностью их преодолеть ей так и не удалось (Sapir, 2009b). Следовательно, проблемы, с которыми она сталкивается и столкнётся ещё больше к концу 2022 года, нельзя связывать исключительно с внешними шоками.

Но многие экономисты и чиновники из министерств, отвечающих за экономику и финансы, склонны как минимизировать влияние этих внешних шоков, так и не замечать, что они ударяют по экономике, изменившейся из-за кризиса COVID-19. При этом, как правило, игнорируется, что проблемы, вызванные новой

¹ Lukyanov F.A. Why the West has failed to get the rest of the world on board to support its confrontation with Russia. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/why-the-west-failed/>

² Available at: <https://publications.banque-france.fr/projections-macroeconomiques-juin-2022>

³ Available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/6468527>

геополитической ситуацией⁴, также явились частью структурной динамики французской экономики в последние годы. Это объясняет, по крайней мере частично, ограниченный и неполный характер ответов, которые экономисты и чиновники намереваются дать в отношении проблем, с которыми сталкивается французская экономика. В ситуации, когда производство частично ограничено предложением, классический кейнсианский ответ хотя и может быть необходим⁵, но недостаточен. Инфляция, поразившая французскую экономику, так же как и все экономики стран Европейского союза, представляет собой форму инфляции, вызванной дефицитом, а не избыточным спросом. Борьба с этим типом инфляции требует проводить политику, отличающуюся от традиционной денежно-кредитной политики.

В ситуации неопределённости нецелесообразно полагаться и на функционирование рыночной экономики. Формы планирования по образцу того, что внедрялось во Франции с конца 1940-х до конца 1960-х годов прошлого века, гораздо больше соответствовали бы задачам, стоящим перед французской экономикой.

Условия восстановления экономики после рецессии, вызванной COVID-19

В конце 2021 года французская экономика вышла на траекторию относительно быстрого экономического восстановления после рецессии, вызванной пандемией COVID-19⁶. Однако важные вопросы остаются нерешёнными. Так, рост ВВП заметно замедлился (-0,2% в I квартале 2022 г. против +0,5% в IV квартале 2021 г.) из-за падения внутреннего спроса: резко снизилось потребление домашних хозяйств (-1,3%

⁴ Kammer A., Azour J., Aemro Selassie A., Goldfajn I., Rhee C. Comment la guerre en Ukraine se répercute dans toutes les régions du monde. Available at: <https://www.imf.org/fr/Blogs/Articles/2022/03/15/blog-how-war-in-ukraine-is-reverberating-across-worlds-regions-031522>

⁵ Allègre G., Geerolf F., Timbeau X. Inflation en Europe: les conséquences sociales de la guerre en Ukraine. Available at: <https://www.ofce.sciences-po.fr/blog/inflation-en-europe-les-consequences-sociales-de-la-guerre-en-ukraine/>

⁶ Хороший подход к методологии, необходимой для анализа этих экзогенных потрясений, можно найти в работе: Dauvin M., Sampognaro R. (2021). Le modèle "mixte": un outil d'évaluation du choc de la Covid-19. *Revue de l'OFCE*, 2(172), 219–241.

после +0,6%), рост инвестиций, другими словами, валовое накопление основного капитала (ВНОК) несколько уменьшился (+0,2% после +0,3%). Таким образом, конечный внутренний спрос, не привязанный к запасам, упал на -0,5% в первом квартале 2021 г. после изменения +0,4% в предыдущем квартале⁷. Это создало проблему, поскольку Франция пострадала от рецессии COVID-19 сильнее, чем многие ее соседи (Sapir, 2021). Полугодовые результаты хотя и показали небольшое улучшение, не развеяли опасений по поводу роста. Последний восстановился во втором квартале 2022 г. (+0,5%), но по прогнозу, который кажется нам оптимистичным, должен замедлиться до +0,2% в третьем квартале и 0,0% в четвертом квартале⁸.

В 2020 году экономика Франции испытала гораздо большее потрясение, чем экономика некоторых стран-соседей. Депрессия, вызванная полной и частичной изоляцией в 2020 году и начале 2021 года, во Франции оказалась силь-

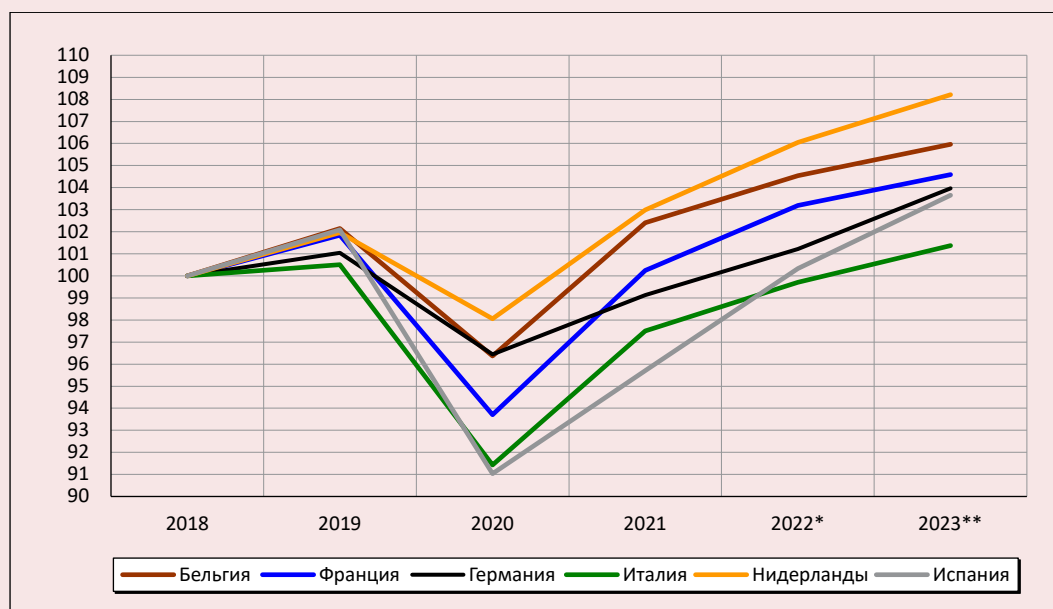
нее, чем в Германии, Бельгии или Нидерландах, но относительно слабее, чем в Испании и Италии (рис. 1).

Следует отметить, что Франция находится между странами, сильно пострадавшими от этой депрессии, такими как Италия и Испания, и странами, гораздо менее пострадавшими (Германия и Нидерланды). Принятые правительством меры, в частности принцип «во что бы то ни стало», благоприятствовавший массовой поддержке трудящихся, несомненно, позволили Франции ограничить негативное влияние COVID-19 на экономику, но дорогой ценой для государственного бюджета. Поэтому следует обратить внимание на два момента:

– с одной стороны, общий вес долга в ВВП намного выше, чем в среднем по странам ЕС, даже если он остается значительно ниже, чем у Италии;

– во-вторых, поддержка была оказана в основном не денежными мерами и не напрямую за счет бюджета (табл. 1).

Рис. 1. Развитие основных европейских экономик в условиях кризиса COVID-19, % (2018 год – 100%)

Источник: FMI, *World Economic Outlook*, апрель 2022.

* Прогнозы.

** Оценки.

⁷ Available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/6526900>

⁸ Available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/6539677>

Таблица 1. Объем государственной поддержки в 2020 г., % к ВВП

	Фискальные меры	Монетарные меры	Общий эффект	Фискальные меры, % от общего объема
ЕС	3,8	6,8	10,6	35,9
Франция	7,7	15,8	23,5	32,9
Германия	11,0	27,8	38,9	28,4
Италия	6,8	35,5	42,3	16,1
Испания	4,1	14,4	18,6	22,2
Австрия	8,6	2,4	11,0	78,0
Бельгия	7,2	11,9	19,1	37,7
Финляндия	3,0	7,0	10,0	29,9
Не входящие в ЕС				
Великобритания	16,3	16,1	32,4	50,2
США	16,7	2,4	19,2	87,3

Источник: МВФ.

Таблица 2. Динамика расходов (по кварталам), %

	2020				2021				2022			
	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.
ВВП	-5,7	-13,7	19,4	-1,4	0,2	1,0	3,2	0,4	-0,2			
Потребительские расходы домохозяйств	-5,5	-11,5	19,0	-5,6	0,2	1,2	5,8	0,3	-1,5			
Общее государственное потребление	-3,5	-11,7	18,4	-0,6	-0,2	-0,1	3,3	0,4	0,2			

Источник: INSEE.

Последствия такого способа поддержки проявились в 2021 и начале 2022 года. Усилилась задолженность малых и средних предприятий, что повлекло за собой новые способы поддержки.

По окончании каждого периода самоизоляции, особенно в третьем квартале 2020 года, потребление домохозяйств восстанавливалось. Положительное влияние на это оказали экономические меры, предпринятые правительством в рамках так называемой политики «во что бы то ни стало» (табл. 2). В конце 2021 года министр государственных счетов, работающий под руководством министра финансов, оценил расходы, вызванные COVID-19, в 170–200 миллиардов евро⁹.

Однако снижение потребления домохозяйств в 1 квартале 2022 г. (-1,5% после +0,3%) свидетельствует о неустойчивом восстановлении активности. Валовой располагаемый доход домохозяйств в текущих евро снизился в первом квартале 2022 года (-0,5% после +1,9%).

⁹ Available at: <https://www.20minutes.fr/economie/3133535-20210926-crise-covid-19-coute-entre-170-200-milliards-euros-etat>

Анализ источников доходов населения показывает, что, в частности, социальные выплаты резко сократились в первом квартале 2022 года (-1,5% после +2,7%). Это результат механического люфта выплаты «инфляционной компенсации» домохозяйствам в конце 2021 года.

Снижение потребления было частично компенсировано повышением базовых пенсий в январе 2021 года и резким ростом числа отпусков по болезни, вызванной штаммом Omicron. Кроме того, резко увеличились налоговые сборы (+3,6% после -0,5%).

Рост заработной платы членов домохозяйств немного замедлился (+1,0% после +1,3%): занятость по найму продолжила увеличиваться (+0,3% после +0,4%), но размер средней заработной платы на душу населения несколько снизился (+0,7% после +0,9%) за счёт, в частности, увеличения количества больничных¹⁰.

Таким образом, потребление населения сократилось, особенно в отношении транспортных средств (-2,3% после -0,9%), других промышленных товаров (-2,1% после -0,6%),

¹⁰ INSEE, *Informations Rapides*, 137, 31 mai 2022.

а также услуг гостиниц и ресторанов (-3,9% после -0,9%). Следовательно, потребление домохозяйств в 1 квартале 2022 года оставалось ниже уровня, которого оно достигло в 4 квартале 2019 года (рис. 2, табл. 3). Если конечный внутренний спрос превысит уровень 4 квартала 2019 года, это произойдет за счет принятых мер, не позволивших потреблению снизиться слишком сильно с осени 2020 года до начала лета 2021 года.

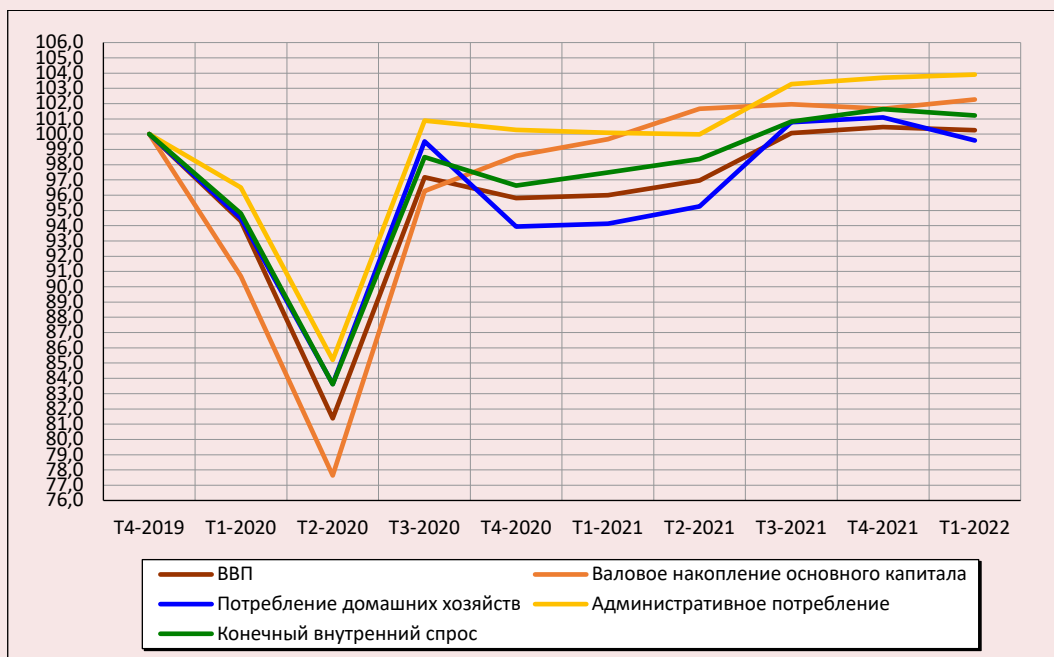
Однако нужно отметить, что меры поддержки не охватывали часть населения, особенно людей с самыми низкими доходами и samozанятых (частных предпринимателей). Помощь в основном оказывалась населению, работающему по найму.

Стоит отметить, что замедление восстановления роста инвестиций связано как с сокращением государственных инвестиций, так и со стагнацией с 3 квартала 2021 года инвестиций домашних хозяйств и нефинансовых компаний (рис. 3).

Тем не менее сбережения домохозяйств резко увеличились во время карантина в 2020 году и в начале 2021 года. Большинство представителей среднего и высшего среднего класса сохранили то, что не могли больше потреблять. Поэтому можно было бы подумать, что мы столкнулись с конъюнктурным явлением.

Однако события 2021 года показывают, что, хотя норма сбережений немного снизится, она не вернется к уровню 2018–2019 гг. (рис. 4).

Рис. 2. Макроэкономические показатели, % (4 кв. 2019 г. – 100%)

Источники: INSEE и CEMI.

Таблица 3. Динамика компонентов конечного спроса (4 кв. 2019 г. – 100%)

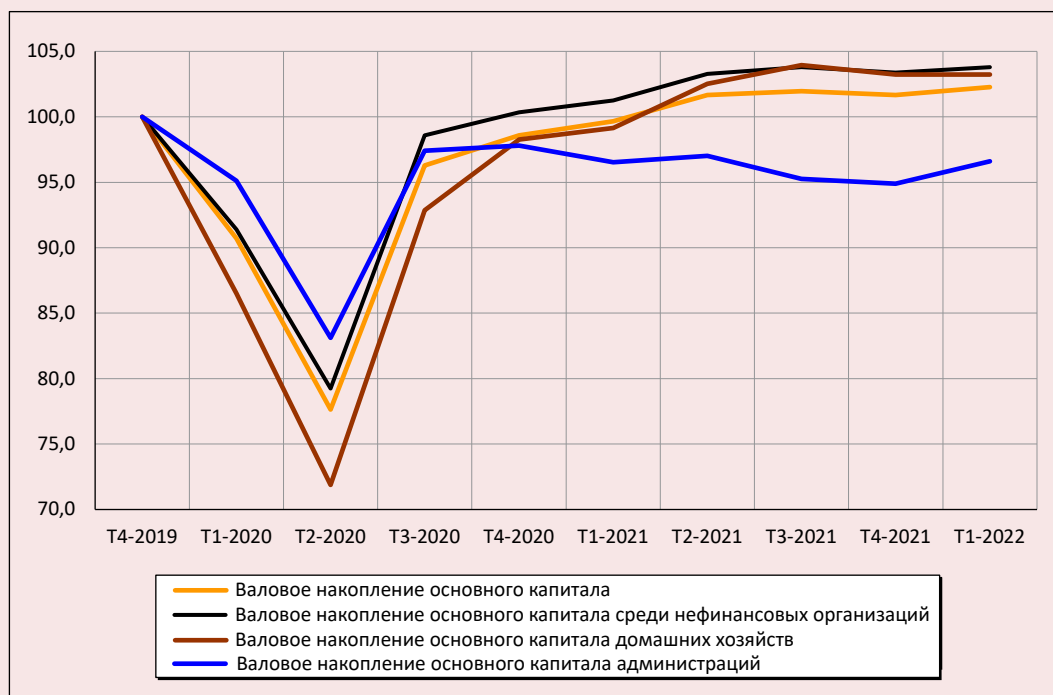
	4 кв. 2019	1 кв. 2020	2 кв. 2020	3 кв. 2020	4 кв. 2020	1 кв. 2021	2 кв. 2021	3 кв. 2021	4 кв. 2021	1 кв. 2022
ВВП	100,0	94,3	81,4	97,2	95,8	96,0	97,0	100,1	100,5	100,3
Потребление домашних хозяйств	100,0	94,5	83,6	99,5	93,9	94,1	95,3	100,8	101,1	99,6
Административное потребление	100,0	96,5	85,2	100,9	100,3	100,1	100,0	103,3	103,7	103,9
Конечный внутренний спрос	100,0	94,8	83,6	98,5	96,6	97,5	98,4	100,8	101,6	101,2

Источник: INSEE.

Таким образом, кризис в области здравоохранения, по-видимому, послужил предупреждением о неопределённости глобальной ситуа-

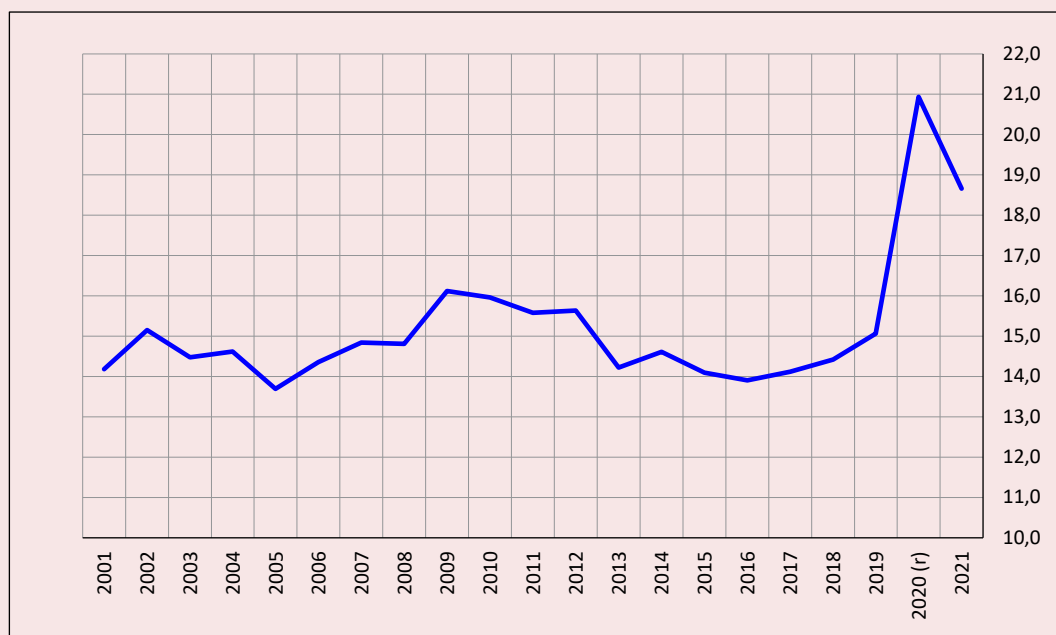
ции. Таким образом, домохозяйства, столкнувшиеся с этой неопределённостью, стремятся увеличить свои сбережения.

Рис. 3. Динамика инвестиций, % (4 кв. 2019 г. – 100%)

Источник: INSEE.

Рис. 4. Норма сбережений домохозяйств, %

Источник: INSEE.

Следует отметить, что сказанное касается только населения из 4-го дециля. Первые децили, то есть население с самыми низкими доходами, в действительности потеряли сбережения в связи с кризисом в области здравоохранения. Таким образом, кризис привел к увеличению неравенства в доходах населения.

Сбережения, накопленные частью населения, в основном остаются пассивными. Одна из причин такой ситуации заключается в том, что ожидания как предпринимателей, так и домохозяйств относительно перспектив французской экономики не способствуют инвестированию. Следует также отметить, что компании, уровень задолженности которых резко вырос из-за кризиса в области здравоохранения, предпочитают использовать свои ресурсы для сокращения долга, опасаясь значительного повышения процентных ставок.

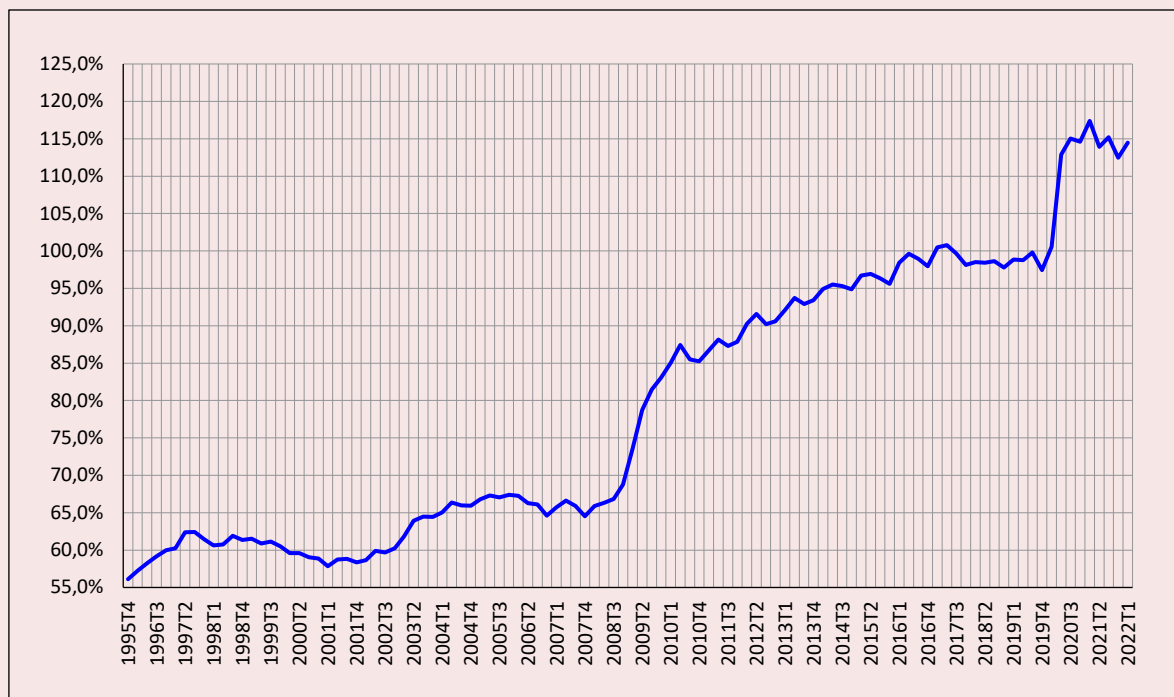
Слабые инвестиции домохозяйств и бизнеса могли (и должны были) быть компенсированы государственными инвестициями. Однако государство находится в тисках значимого роста социальных расходов (в связи с кризисом

COVID-19 и необходимостью защиты населения от роста цен, который начал ощущаться летом 2021 года) и страха оказаться не в состоянии обслуживать резко возросший государственный долг.

Фактически государственный долг, достигший 114,5% ВВП в 1 квартале 2022 г., увеличился с 2000 года в два этапа. На *рисунке 5* отражено, что его рост происходит по «лестнице во время кризисов», будь то финансовый кризис 2008–2010 годов или кризис, связанный с COVID-19. Такое увеличение является нормальным. Этапы роста долга соответствуют периодам реализации бюджетной политики, направленной на ограничение воздействия этих кризисов. Однако мы также видим, что он медленно, но верно увеличивался в период с 2010 по 2019 год.

Опасения по поводу обслуживания долга (или его стоимости) возникают из-за того, что Европейский центральный банк, как и другие международные центральные банки, повышает ключевые ставки. Тем не менее этого можно было ожидать с конца 2020 или даже начала

Рис. 5. Государственный долг, % от ВВП

Источник: INSEE.

2021 года. В связи с этим правительство Франции не видело другой возможности, кроме как поддерживать социальные расходы на высоком уровне и ограничивать государственные инвестиции, при том что спрос на них очень высокий. Таким образом, этот политический выбор сочетается с рефлексами «жесткой экономии», что приводит к относительно низкому уровню государственных инвестиций, которые сдерживают рост ВВП с 3 квартала 2021 года.

С началом кризиса, вызванного COVID-19, стала снижаться производительность труда. Такое снижение, обусловившее рост наёмной занятости, поскольку производство из всех сил пытается вернуться к уровню 2019 года, имеет много объяснений.

В какой-то степени на него повлияли принятые в компаниях меры по охране здоровья. В частности, массовый переход на удалённую работу в случае необходимости весной 2020 года, приветствовавшийся руководителями компаний, со временем оказался негативным с точки зрения условий труда (возникли риски изоляции сотрудников, работавших удалённо более двух дней в неделю) и пагубно отразился на производительности.

Также следует отметить, что меры поддержки сотрудников и компаний привели к сохранению определенного количества организаций, которые в обычной ситуации должны были бы исчезнуть. Их называют «компаниями-зомби»¹¹.

Кроме того, диспропорции на рынке труда, связанные с недостатками профессионального обучения и перекосами в структуре заработной платы, делающими неэффективными различные меры по повышению производительности, могли привести к ситуации, при которой производительность падает. Также ее снижению, безусловно, способствовали перебои с поставками, характерные для экономики Франции с конца весны 2021 года. В целом показатели заработной платы, занятости и производительности труда не вернулись к уровню 2019 года¹².

¹¹ Benassy-Quéré A. L'année des Zombis? Available at: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/Articles/2021/01/07/2021-1-annee-des-zombis>

¹² Emploi, chômage, revenus du travail. Edition 2022. Available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/6453776>

Однако, несмотря на то что снижение производительности труда благоприятно сказывается на ситуации с безработицей, оно воздействует на макроэкономическую ситуацию в двух аспектах:

- способствует общему росту цен;
- приводит к большему, чем у конкурентов, ухудшению торгового баланса.

Это подтверждается статистическими данными.

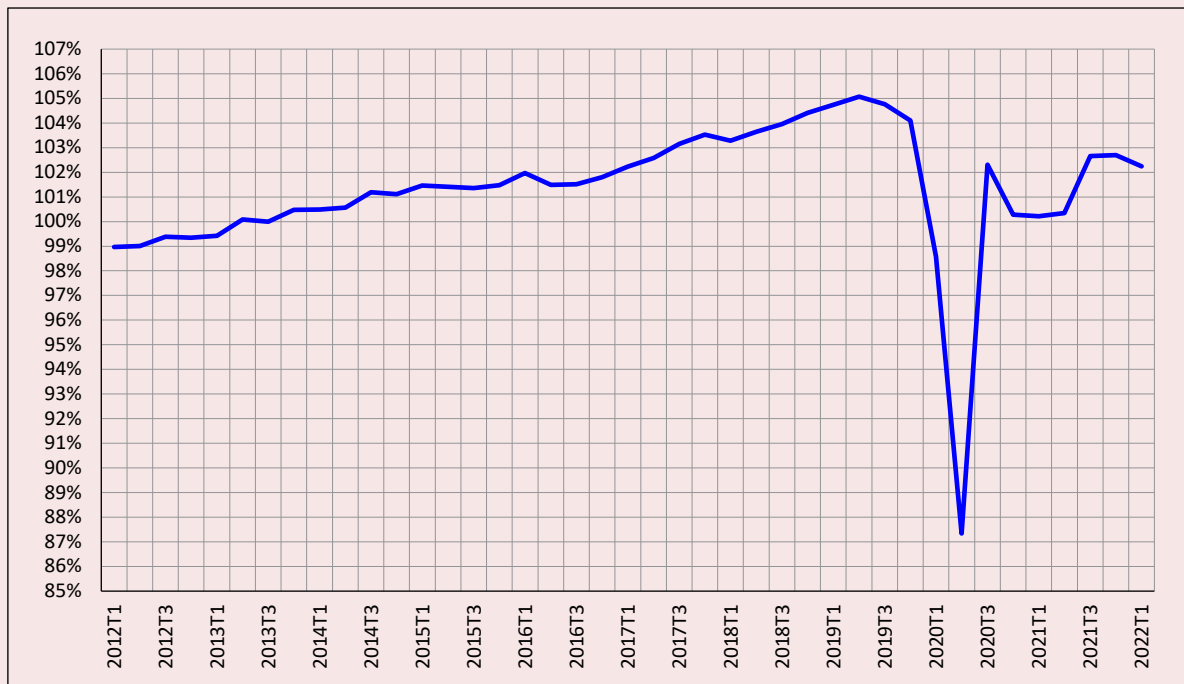
Действительно, одним из последствий кризиса, вызванного COVID-19, во Франции стало большее сокращение экспорта, чем импорта. Это можно понять, если учесть, что многим предприятиям пришлось приостановить деятельность из-за карантина и что мировой спрос на товары, производимые французской промышленностью (в частности транспортное оборудование), значительно упал. Однако мы видим, что разрыв по сравнению с ситуацией 2019 года сохраняется и в 2021 году, во время постепенного выхода мировой экономики из кризиса, вызванного COVID-19 (рис. 6, 7).

Несомненно, конкурентоспособность французской экономики резко ухудшилась из-за кризиса в области здравоохранения. Это может повлиять на конкурентоспособность экономики в дальнейшем, а также создает риски инфляционной напряженности.

В связи со сказанным следует отметить следующее:

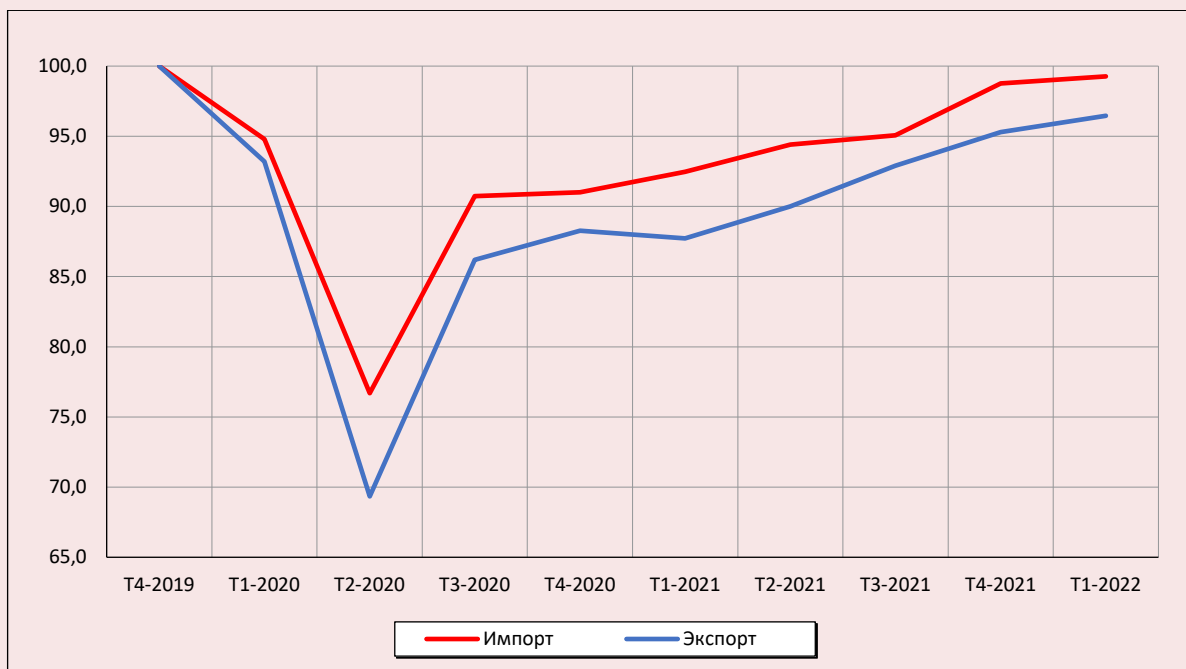
- экономика Франции не восстановилась, несмотря на значительные финансовые усилия правительства во время кризиса; после подъёма в конце 2020 года она осталась в стадии слабого роста;
- показатели внешнеторговой деятельности ниже уровня 2018–2019 гг., однако торговый дефицит имеет тенденцию к значительному увеличению, что свидетельствует о резком ухудшении конкурентоспособности страны;
- с июня 2021 года стагнирует производство в обрабатывающей промышленности, при этом в отраслях «автомобилестроение» и «транспортная техника» зафиксировано падение объемов производства, что явно указывает на продолжение цикла деиндустриализации.

Рис. 6. Кажущаяся продуктивность производства, % (3 кв. 2013 г. – 100%)

Источник: INSEE.

Рис. 7. Динамика внешней торговли, % (4 кв. 2019 г. – 100%)

Источник: INSEE.

Проблемы «дефицитной» инфляции во Франции

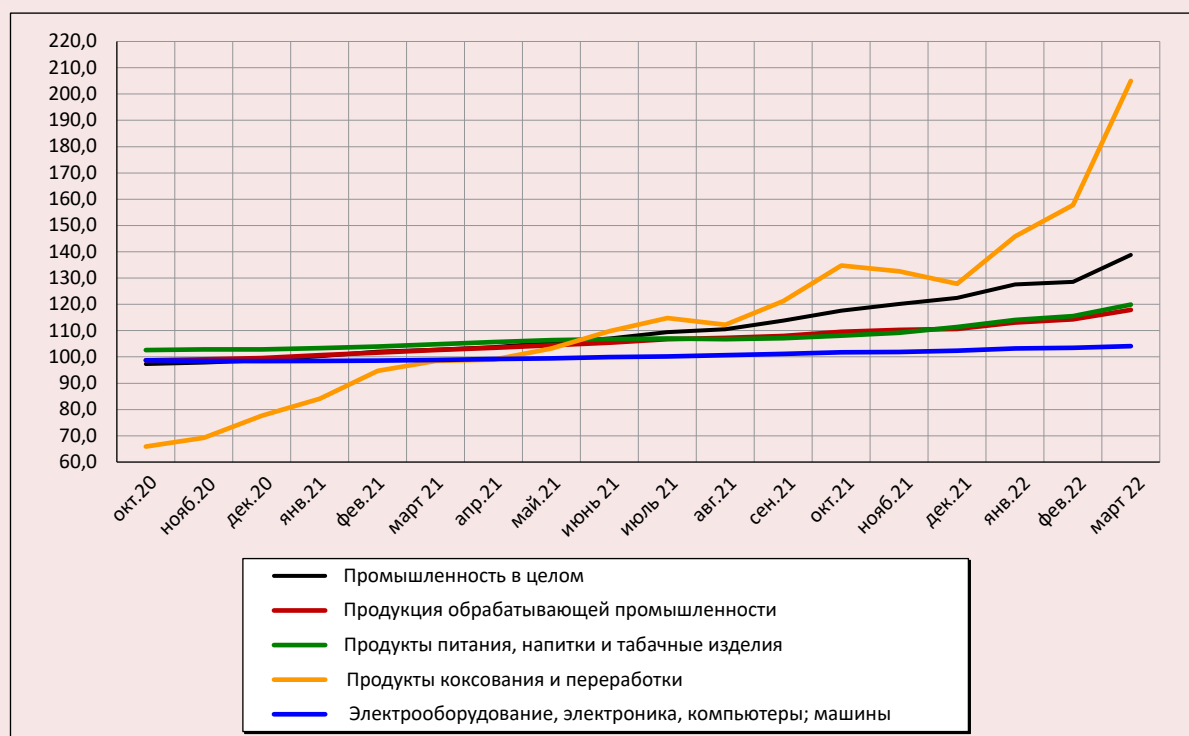
Инфляция стала серьёзной проблемой для французской экономики с начала осени 2021 года. Это отразилось в росте цен на некоторые критически важные товары (топливо, микропроцессоры, а также продукты питания), которые, помимо непосредственного влияния на экономику, приводят к увеличению цен на другие продукты¹³. Таким образом, это инфляция особого типа, связанная не с чрезмерным спросом, а с дефицитом предложения, вызванным определенными условиями. Монетарное измерение этой инфляции кажется слабым. Французская экономика, как и все европейские экономики, фактически сталкивается с массовым изменением относительных цен, что требует принятия конкретных мер (Aoki, 2001). Такая инфляция может распространяться из-за жёсткости, существующей в производственном процессе, и невозможности замены, по крайней

мере в краткосрочной и среднесрочной перспективе, определенных продуктов (Greenwald, Stiglitz, 1989; Stiglitz, 1989).

Переломный момент фактически наступил в конце весны 2021 года. Именно тогда стало возможно измерить разрыв между восстановлением спроса, который постепенно возвращался к нормальному уровню, и трудностями возобновления предложения. Последнему препятствовали долгосрочные последствия COVID-19 в производственных секторах (относительно медленное возобновление определенных видов деятельности), а также в секторах транспорта и логистики.

Это объясняет, почему инфляция в первую очередь ощущалась на уровне импортной продукции (рис. 8). Затем она постепенно отразилась на различных промышленных секторах Франции из-за увеличения себестоимости или нехватки определенных ресурсов. Этот подъем постепенно приобрел черты внутреннего

Рис. 8. Рост цен на импортную продукцию, % (2015 г. – 100%)

Источник: INSEE.

¹³ INSEE, *Informations Rapides*, 139, 31 mai 2022.

подъема. К нему добавляется рост, вызванный противоречием между сбережениями и инвестициями.

Таким образом, инфляция не является результатом ни ситуации на Украине, ни китайской изоляции (хотя они, несомненно, ухудшили положение).

В течение года, согласно предварительной оценке INSEE, потребительские цены вырастут на 5,8% в июне 2022 года после повышения на 5,2% в мае 2022 года и +4,8% в апреле. Повышение цен обусловлено тремя основными причинами: ускорением роста цен на энергоносители, увеличением цен на продукты питания и промышленные товары. Однако рост происходит неравномерно.

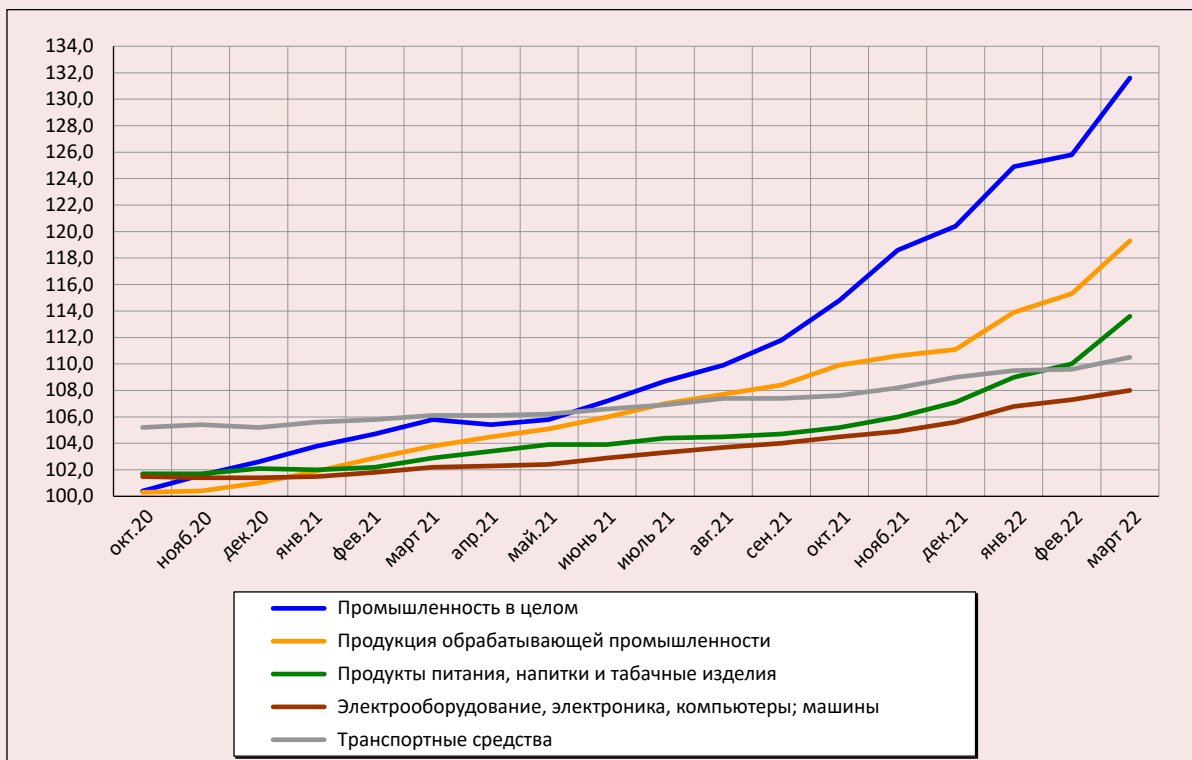
Если за месяц потребительские цены выросли на 0,6%, то по сравнению с +0,4% в апреле разница незначительная. Цены на энергоносители восстанавливаются вместе с ростом цен

на нефтепродукты, однако, по данным INSEE, рост цен на продукты питания будет менее заметным, чем в апреле. Цены на услуги и промышленные товары будут снижаться (рис. 9).

Следовательно, рост цен в значительной степени зависит от нарушений в производстве и логистике, вызванных кризисом, связанным с распространением COVID-19. Он не имеет прямого отношения к ситуации на Украине. Но, очевидно, что она может только ускорить увеличение цен. В случае Франции это усугубляется снижением производительности труда, которое имеет определенные инфляционные последствия.

Рост цен в основном связан со сбоями в производственном процессе и цепочках поставок. Как уже говорилось, рост цен на продукцию в основном обусловлен увеличением затрат¹⁴. Но важно помнить, что инфляция всегда вызывает значительные перемещения

Рис. 9. Рост цен, %

Источник: INSEE.

¹⁴ Benassy-Quéré A. Coup de chaud sur les prix. Available at: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/Articles/2021/10/18/coup-de-chaud-sur-les-prix>

богатства в экономике (Varoudakis, 1995). Это по-разному сказывается на бизнесе. Малые и средние предприятия страдают больше, чем крупные и очень крупные, что во многом связано со способностью крупных компаний договариваться об определенных ценах. Таким образом, влияние на норму маржи может быть различным в зависимости от размера компаний. Также очевидно, что динамика этого явления не будет одинаковой в зависимости от сфер деятельности. Поэтому при формировании цен необходимо учитывать особенности каждого сектора (Mankiw, Reis, 2002). Этот вывод затем открывает программу исследований, которая отличается от стандартной, подчеркивает дисбаланс спроса и может быть близка к программе исследований экономистов, представляющих французскую школу регулирования, в частности из-за важности, придаваемой понятию производственной системы, состоящей из разнородных секторов (Aglietta, 1976; Boyer, Mistral, 1983; Mazier et al., 1984).

Следует отметить, что Германия, похоже, страдает от этого явления больше, чем Франция, из-за большей зависимости от импорта энергии.

Свою роль играет и снижение производительности труда, о котором мы уже упоминали. С этой точки зрения, учитывая размер ее падения после кризиса COVID-19, неудивительно, что наблюдается резкий рост цен.

В целом явно прослеживается немонетарная инфляция (Sapir, 2010). Сегодня ставится вопрос об ее устойчивости¹⁵.

Наконец, следует отметить, что повышение цен не может восприниматься населением одинаково. Образ жизни очень сильно коррелирует с уровнем дохода, и от жилищного вопроса, включая транспортные расходы, будет зависеть, как повлияет повышение цен на разные категории населения.

Тот факт, что основной прирост цен приходится на энергоносители и продукты питания, свидетельствует, что часть населения, проживающая за пределами крупных мегаполисов и имеющая низкий уровень дохода (с высокой

долей потребления продуктов питания), будет значительно затронута этим восходящим движением.

Влияние роста цен на «остаток» доходов существенной части населения, то есть на то, что остаётся домашнему хозяйству после основных расходов, значительно.

Таким образом, мы видим, что всплеск инфляции, безусловно, продолжится, поскольку его причины остаются или даже усугубляются из-за ситуации на Украине, введения санкций и контрсанкций.

Меры денежно-кредитной политики, которые планирует принять Центральный банк, приведут к незначительному эффекту. Спрос не является чрезмерным, но внешние факторы препятствуют росту предложения.

Однако важно, что инфляция, которой не было в течение почти тридцати лет, вернулась в качестве основной экономической проблемы. Также не исключено, что в 2023 году появится очередная инфляция, на этот раз связанная с проблемами распределения. Инфляция усугубляет социальные различия, поэтому необходимо срочно воссоздать «Конференцию по ценам и доходам», которая действовала во Франции с 1948 до конца 1960-х гг.

Усугубление проблем французской экономики в контексте ситуации на Украине

Контекст, созданный ситуацией на Украине, с различными волнами санкций, принятых Европейским союзом, и контрсанкциями России подрывает международную торговлю. Это неизбежно будет иметь болезненные последствия для французской экономики, связанные с влиянием роста цен на энергоносители и возможным дефицитом энергии к зиме 2022/2023 гг., а также с проблемой цепей поставок.

Зависимость французской экономики от международной торговли является серьезной проблемой. Ясно, что одной только игрой на рынке ее не решить и нужна будет соответствующая и активная экономическая политика. Но последнее остается — по политическим причинам — на данный момент маловероятным.

Ситуация, сложившаяся вокруг Украины, через механизмы санкций и контрсанкций приводит к серьезным последствиям для экономики Франции. Несмотря на то, что Франция в меньшей степени зависит от поставок углеводо-

¹⁵ Gaffard J.L. L'inflation, phénomène durable ou transitoire? Un aperçu historique pour comprendre. *Sciences-Pô – OFCE Working Paper 05/2022*. Available at: www.ofce.sciences-po.fr/pdf/dtravail/WP2022-05.pdf

Таблица 4. Сравнение основного сценария и неблагоприятного сценария

	Основной сценарий			Неблагоприятный сценарий		
	2022	2023	2024	2022	2023	2024
ВВП	+2,3%	+1,2	+1,7%	+1,5%	-1,3%	+1,3%
Индекс цен	5,6%	3,4%	1,9%	6,1%	7,0%	0,7%
Государственный долг (% ВВП)	112	109	109	113	114	117

Источник: Banque de France, *Projections Macroéconomiques*, June 21, 2022. URL: <https://publications.banque-france.fr/projections-macroéconomiques-juin-2022>

родов из России, чем другие европейские страны, общий рост цен на энергоносители окажет на нее существенное влияние. Рост цен на энергоносители будет продолжаться, даже если благодаря возможной региональной рецессии в Европе стабилизируется в течение лета. Ожидается резкое повышение цен на электроэнергию следующей зимой¹⁶.

Обратите внимание, что прогнозы (табл. 4) были сделаны в июне 2022 года. С тех пор ситуация с поставками нефти и газа еще больше ухудшилась. Таким образом, мы можем считать эти прогнозы очень оптимистичными в отношении ситуации, которая сложится этой зимой и в 2023 году. Государственный долг, вероятно, превысит 112% ВВП и может достичь 120% за счет бюджетных мер, принятых для компенсации увеличения цены на топливо. Что касается роста ВВП, то прогноз рецессии около -1% в настоящее время не кажется реалистичным. Если в Германии спад составит от -3,0 до -4%¹⁷, то во Франции как минимум -2% или даже хуже.

Также возникает вопрос о продуктах переработки (дизель) и продуктах, полученных из углеводов (удобрения). Французская экономика относительно слабо зависит от импорта российской нефти, однако в России закупается большая часть потребляемого дизельного топлива. Значительна и доля удобрений, прямо или косвенно закупаемых в России, поэтому рост цен окажет влияние на сельское хозяйство Франции.

¹⁶ Available at: <https://www.latribune.fr/entreprises-finance/industrie/energie-environnement/electricite-la-france-s-oriente-vers-des-prix-deux-a-trois-fois-plus-eleves-qu-ailleurs-en-europe-924199.html>

¹⁷ Available at: https://www.dbresearch.com/PROD/RPS_EN-PROD/PROD000000000524884/Shipwrecked.pdf?undefined&reaload=EBk972~j44ueAbDDeho5nDAJ0UrRxxKaLtzeG23hN2zBXgqmDHPH5KECgPjFGCii

Помимо воздействия на промышленное производство и транспортные услуги будет проявляться влияние на потребление домохозяйств. Последствия роста цен и дефицита некоторых товаров могут оказать значительное влияние на экономический рост в 2022 и 2023 гг. Однако эта проблема затрагивает не только Францию. Например, в Германии рост может составить всего 1,7% вместо 4,5% в 2022 году, и рецессия начнется в 2023 году.

Учитывая высокую степень неопределённости текущей ситуации, прогнозисты Банка Франции разработали неблагоприятный сценарий для экономики, при котором материализуются дополнительные риски, в том числе значительно более выраженная напряженность в отношении цен на энергоносители и продукты питания. Неблагоприятный вариант следует интерпретировать как риск по отношению к основному сценарию, который на данном этапе все ещё считается наиболее вероятным. Согласно неблагоприятному сценарию экономический рост в 2022 году значительно замедлится, в 2023 году ВВП снизится на -1,3% и частично восстановится (до +1,3%) в 2024 году. Рост цен на сырьевые товары приведёт к инфляции выше 6% в 2022 (INSEE прогнозирует рост на 7%) и 2023 гг., затем последует ее более заметное снижение в 2024 году.

Государственный долг в этом варианте резко вырастет даже при неизменной налогово-бюджетной политике. Следует отметить, что прогнозы не включают все потенциальные эффекты «второго раунда», вызванные началом рецессии в таких странах, как Германия, Италия или Испания.

Общие потери, связанные с ситуацией на Украине, прежде всего с введением санкций и контрсанкций, для французской экономики составили бы около 2 пунктов ВВП за период 2022–2024 гг.

Зависимость производства Франции от импорта делает его особенно уязвимым относительно будущих потрясений. Это уже было замечено во время кризиса, вызванного COVID-19.

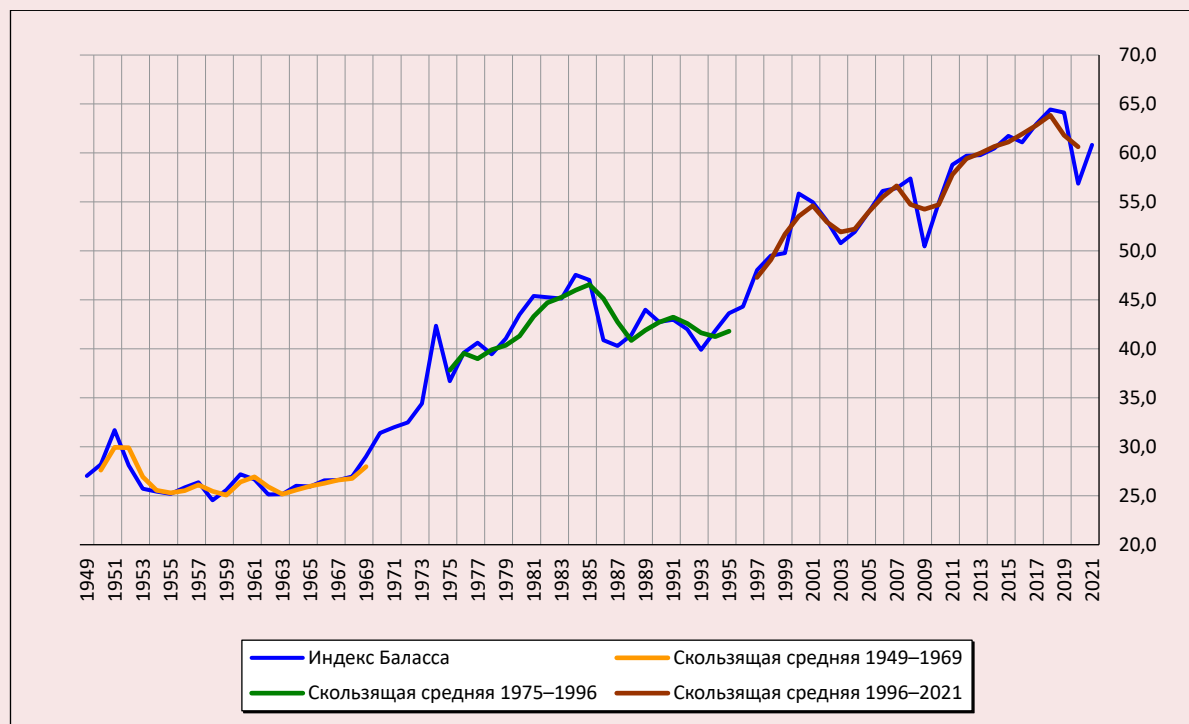
Последствия ситуации на Украине усугубили ранее существовавшую напряжённость в сфере поставок, возникшую в результате кризиса, связанного с COVID-19. Эта напряжённость подпитывает высокую инфляцию за счёт значительного вклада цен на энергоносители, привязанных к цене на нефть. Кроме того, цена на очищенное дизельное топливо, которая уже увеличивалась в течение 2021 года во время восстановления после пандемии коронавируса, с февраля 2022 года резко выросла. Действительно, конфликт на Украине привёл к значительному сокращению российского экспорта дизельного топлива (Франция импортирует около 20% своего дизельного топлива из России), что

способствовало увеличению маржи переработки и в итоге отражается на ценах на заправках.

Открытость французской экономики (рис. 10) привела к зависимости от потрясений, вызванных мировой экономикой. Такая ситуация характерна не только для Франции¹⁸. Несмотря на то что большая открытость способствовала более быстрому росту экономики, она, безусловно, повысила восприимчивость к внешним потрясениям.

Экономика Франции открывалась постепенно, в три этапа. Первый связан с вступлением в силу ЕЭС (предшественника ЕС) с 1965 по 1975 год. Второй соответствует периоду так называемой «глобализации», последним годам ГАТТ и введению ВТО (с 1991 по 2000 год). Третий этап продолжался с 2010 по 2019 год. Стоит рассмотреть причины третьей волны, т. к. ситуация во Франции в это время отличалась от ситуации в других странах, индекс Баласса в

Рис. 10. Процесс формирования открытой экономики во Франции, %

Источник: INSEE.

¹⁸ Clavin P. Turbulence and the lessons of history. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/06/turbulence-and-the-lessons-of-history-patricia-clavin>

которых, напротив, снизился с 2012 года. В случае Франции третья волна также соответствует падению ставки ЕС, покрывающей импорт за счет экспорта, и тенденции к усугублению торгового дефицита.

Сегодня эта открытость экономики во Франции заметно трансформировалась в зависимость, что отражено на *рисунке 11*. Ухудшение коэффициента охвата представляется структурным и более длительным, чем в предыдущих эпизодах ухудшения.

С продолжением кризиса и введения санкций, а также контрсанкций следует ожидать повышения цен на все импортируемые промышленные ресурсы, причём повышение тарифов, как уже отмечалось, отразится на всех видах производства.

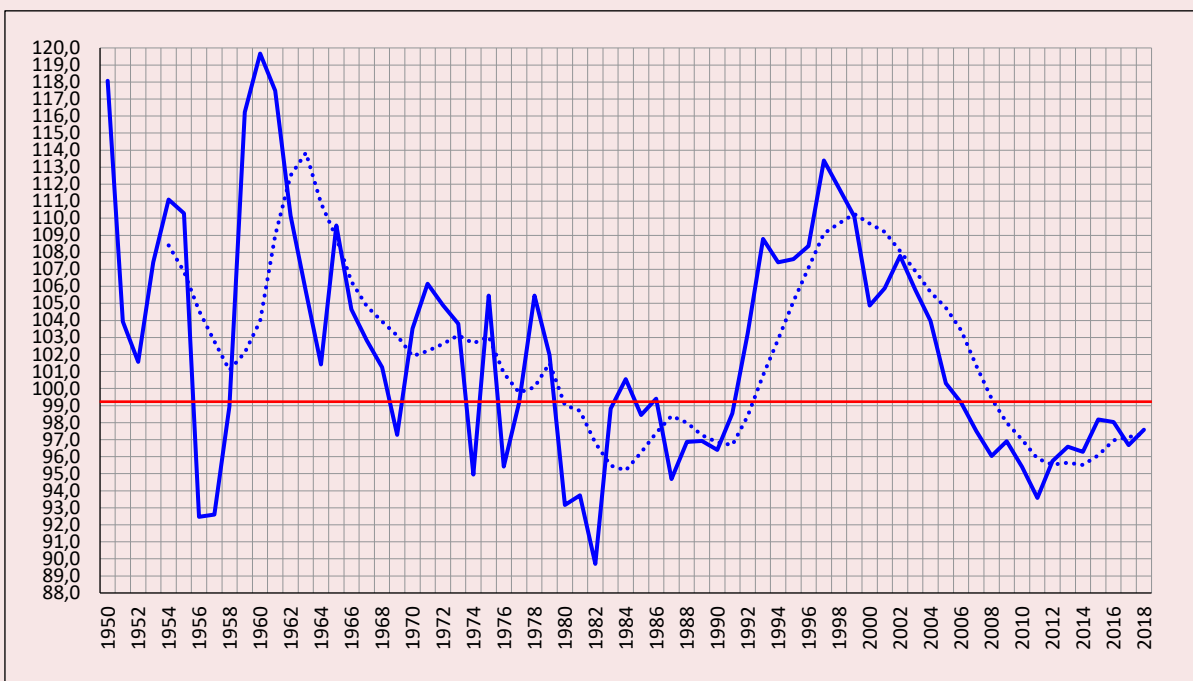
Политика замещения возможна, но ее реализация будет дорогостоящей и трудоемкой. Готовность перенести некоторые виды производства на территорию страны, безусловно,

потребуется времени. Таким образом, вопрос о чрезмерной зависимости французской экономики от международной торговли является сегодня центральным.

В настоящее время серьезную проблему представляет увеличение торгового дефицита. Показатели внешней торговли Франции ухудшились как из-за того, что продукция французской промышленности (авиастроение) была менее востребована на международном рынке, так и из-за ограниченности специализации французской экономики¹⁹.

Сказанное возвращает нас к проблеме самодостаточности, которая уже поднималась во время кризиса, вызванного COVID-19. В связи с этим следует вспомнить заявление президента на открытии выставки «Сделано во Франции» 2 июля 2021 года: *«то, что сделано во Франции, – это суверенитет, независимость, то есть способность также, как это сделали многие из вас, перенести ноу-хау или часть производства на*

Рис. 11. Коэффициент покрытия, %

Источник: INSEE.

¹⁹ Ministère des Finances – Direction du Trésor, *Spécialisation à l'exportation de la France et de quatre grands pays de l'Union Européenne entre 1999 et 2009*, Lettre Trésor-Éco, n°98, février 2021.

французскую землю»²⁰. В его речи, произнесённой 29 июня по случаю презентации инновационной стратегии в области здравоохранения до 2030 года, слово «суверенитет» прозвучало четыре раза²¹. Оно также присутствовало в обращении к французскому народу 24 ноября 2020 года²².

Эммануэль Макрон 12 октября 2020 года назвал ряд вызовов, стоящих перед Францией²³. Он признает феномен сильной зависимости: *«Второе – это наша зависимость от зарубежных стран. Мы хотели забыть о ней, потому что жили в чуде, но мы немного забыли тогда о его хрупкости(...) Я не забыл, что 18 месяцев назад нам всем не хватало масок. Никто не думал, что у нас могут закончиться маски, это была одна из вещей, которые имели наименьшую добавленную стоимость. К тому же мы их использовали коллективно, косвенно, потому что это никогда не было предполагаемым выбором нации, мы делегировали производство масок странам, которые производили их с гораздо меньшими затратами, чем мы, говоря: «Неважно, маски всегда найдутся». Переживание зависимости может быть драматичным. Когда есть зависимость и мы оказываемся в ситуациях, когда больше нет никакого сотрудничества, – это и есть драма. И поэтому мы больше не можем думать о нашей экономике, о наших производственных системах так, как будто все устроено таким образом, что все будет идти хорошо при любых обстоятельствах»*²⁴. Здесь важны два слова, потому что они очень показательны.

Во-первых, слово «чудо», использованное для описания ситуации глобализации. Во-вторых, «сотрудничество». Очевидно, Макрон игнорирует тот факт, что сотрудничество никогда не является единой нормой, но сопутствует конфликту. Из последних предложений цитаты следует, что он воспринимал сотрудничество

как вечную норму и был очень удивлен, обнаружив, что это не так. Помимо этого, предполагаем, что он видел мир как структуру, в которой исключались радикальная неопределенность и конфликты.

Однако сначала предстоит решить вопрос об основных направлениях экономической политики. Действительно, выход из ситуации зависимости не может быть предопределен.

Рыночные механизмы не в состоянии сами по себе преодолеть эти проблемы. Очевидно, что необходимы важные государственные решения, отражающиеся в фискальной и денежно-кредитной, а также в структурной политике. В случае Франции ясно, что шок от кризиса в области здравоохранения сыграл большую роль, особенно сильно обнажив ранее существовавшую проблему деиндустриализации страны. Результатом стало возвращение идеи Плана на общественное обсуждение.

Идея «плана» в отношении того, что было сделано в прошлом, теперь становится необходимостью. Эммануэль Макрон и его правительство, похоже, приняли меры для ухудшения состояния французской экономики. Одной из его первых реакций было воссоздание Верховного комиссариата по плану в сентябре 2020 г. Год спустя, 12 октября 2021 г., он представил проект плана на 2030 г. Однако статья 1 указа № 2020-1101, восстанавливая Генеральную плановую комиссию (ГКП), обеспечивает следующее: «Настоящим учреждается Верховный комиссар по планированию, ответственный за руководство и координацию работы по планированию и перспективному анализу, проводимой от имени государства, и за разъяснение выбора государственных органов в отношении демографических, экономических, социальных, экологических, медицинских, технологических и культурных вопросов». Функции ГКП находятся на уровне перспективных, полезных и необходимых задач, но это не то, что требуется такому организму. ГКП в большей степени занимается координацией деятельности различных органов прогнозирования, таких как France-Strategie, чем выполняет свою функцию, которая должна заключаться в определении приоритетов развития и их реализации, в постоянном диалоге с администрациями и предприятиями, планировании способов достижения поставленных целей.

²⁰ Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/07/02/inauguration-de-la-grande-exposition-du-fabrique-en-france>

²¹ Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/06/29/faire-de-la-france-la-1ere-nation-europeenne-innovante-et-souveraine-en-sante>

²² Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/11/24/adresse-aux-francais-24-novembre>

²³ Available at: <https://www.elysee.fr/index.php/emmanuel-macron/2021/10/12/presentation-du-plan-france-2030>, pp. 1, 2.

²⁴ Ibidem, p. 3.

Последствия финансового кризиса 2008–2010 годов для экономики Франции

Можно считать, что французская экономика до сих пор не решила структурные проблемы, выявленные финансовым кризисом 2008–2010 гг., также известным как кризис «субстандартного кредитования». Это было замаскировано экзогенными потрясениями, но на самом деле представляет собой «фон», на который накладываются последствия внешних шоков. Сохранение этих проблем объясняет очень хрупкую ситуацию, в которой мы находились до кризиса, вызванного COVID-19. Несомненно, последний привел к специфическим проблемам, усиленным затем международным контекстом, и эти проблемы приобрели такое значение только потому, что французская экономика не преодолела последствия предыдущего финансового кризиса и не извлекла для себя уроки.

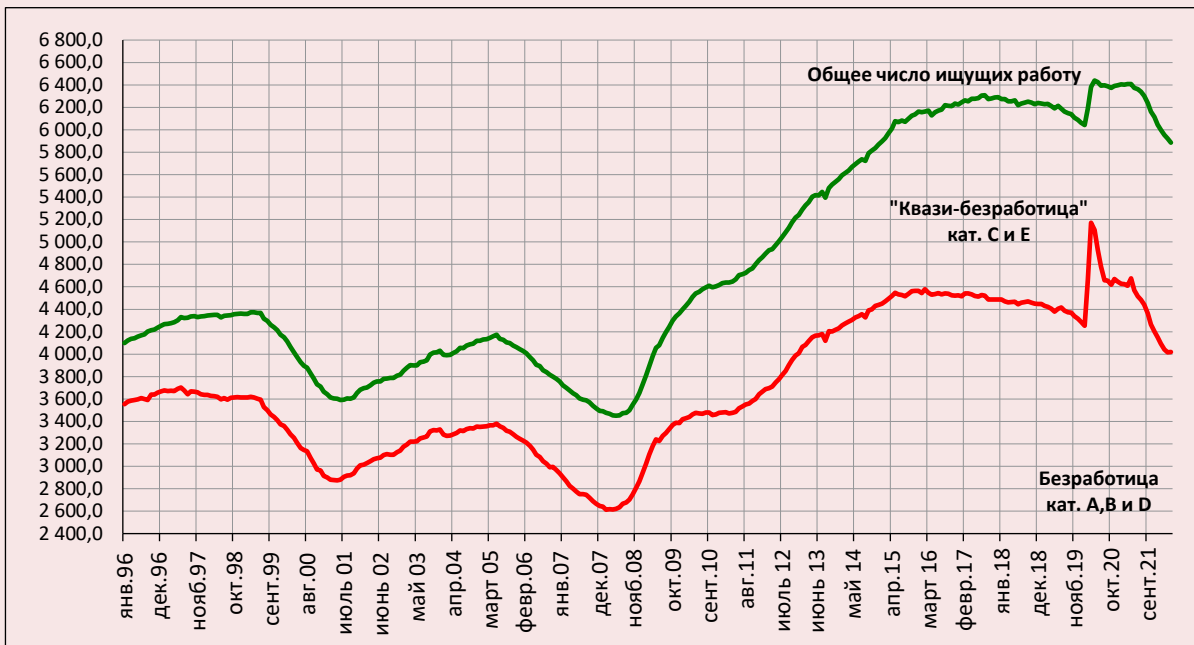
Феномен массовой безработицы возник уже давно, и мы должны подвергнуть сомнению утверждение нынешнего правительства о том, что

это явление находится в состоянии регресса и что «полная занятость» будет достигнута²⁵.

Действительно, в течение многих лет правительство считало безработными только тех, кого DARES (Pôle-Emploi) относит к «категории А», то есть безработных, которые активно ищут работу. Однако более справедливо рассматривать еще и категории «В» и «D», т. е. работников, занятых неполный рабочий день (В), и лиц, не имеющих работы, но административно освобожденных от «активного поиска» (D). Все три категории вместе (А + В + D) представляют фактическое число безработных. В данный момент эта группа людей многочисленна и составляет более 4 миллионов человек, хотя немного уменьшилась с января 2021 года (рис. 12).

На самом деле эта цифра составляет 13,7% активного населения Франции (включая безработных), а не 7,2%, как указано в данных, предоставленных правительством. К этому следует добавить людей с вынужденной неполной занятостью (которые хотели бы работать больше) и лиц, находящихся на дотационных работах,

Рис. 12. Спрос на работу во Франции, тыс. чел.

Источник: DARES/INSEE.

²⁵ Available at: <https://www.latribune.fr/economie/france/plein-emploi-une-promesse-comme-un-mirage-921101.html>

т. е. работах, напрямую зависящих от социальной политики государства. Эта группа, соответствующая категориям «С» и «Е» в системе DARES, в настоящее время насчитывает 2 миллиона человек. Со временем она резко увеличилась, поскольку накануне кризиса 2008 года включала всего 800000 человек. Таким образом, в общей сложности 6 миллионов человек, или 20% экономически активного населения, находятся в условиях безработицы или отсутствия гарантий занятости.

Следует отметить, что создание статуса «микрорепрезимателя» примерно для 780000 человек также помогло замаскировать безработицу.

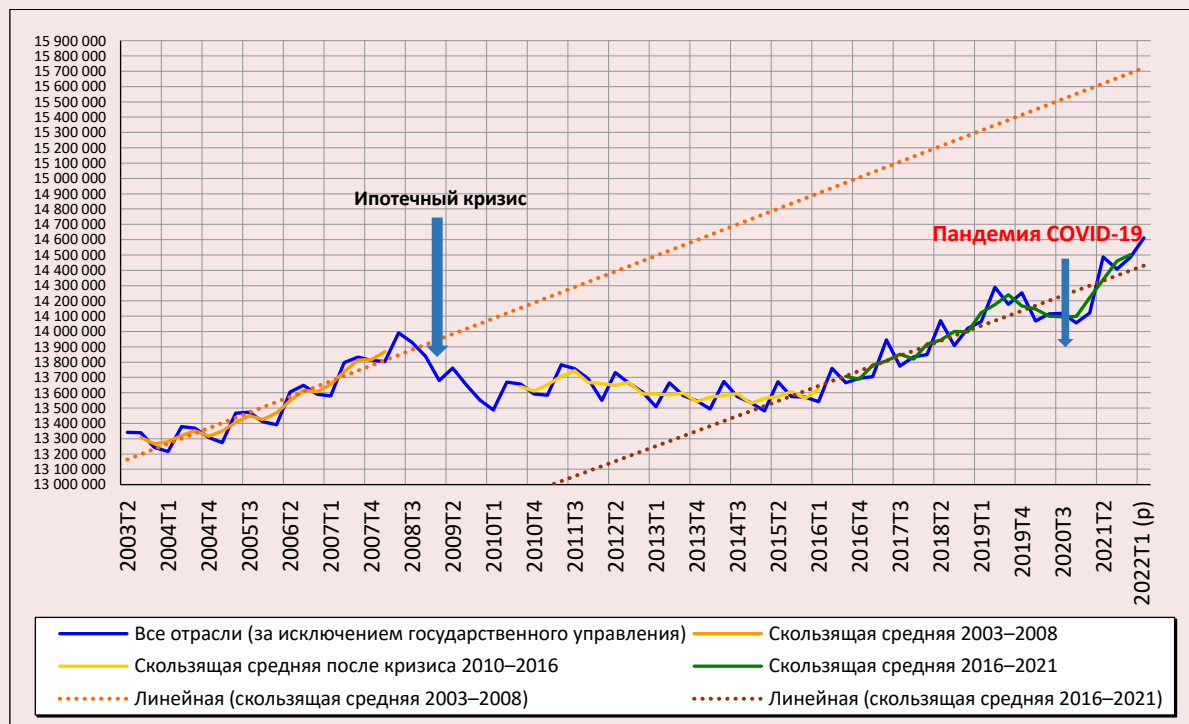
Фактически последствия финансового кризиса 2008–2010 гг. не сглажены и не преодолены. Он подорвал динамику экономики Франции, и она до сих пор не восстановилась. Если мы рассмотрим общую занятость работников по найму, без учёта государственного управления и самозанятости (рис. 13), то увидим, что по сравнению с докризисным периодом нехватка

составляет около 1,3 млн работников, или 9% от общего числа. Это свидетельствует о масштабах проблем, с которыми сегодня сталкивается французская экономика.

Тем не менее анализ общей наёмной занятости, какими бы красноречивыми ни были его результаты, скрывает другое явление – деиндустриализацию, которую уже много лет переживает Франция. Абсолютная численность занятых в промышленности неуклонно снижалась с 2003 по 2015 год (рис. 14). В период с 2015 по 2021 год ее уровень оставался неизменным, однако численность занятых увеличилась. В некоторой степени на это повлиял рост производительности труда.

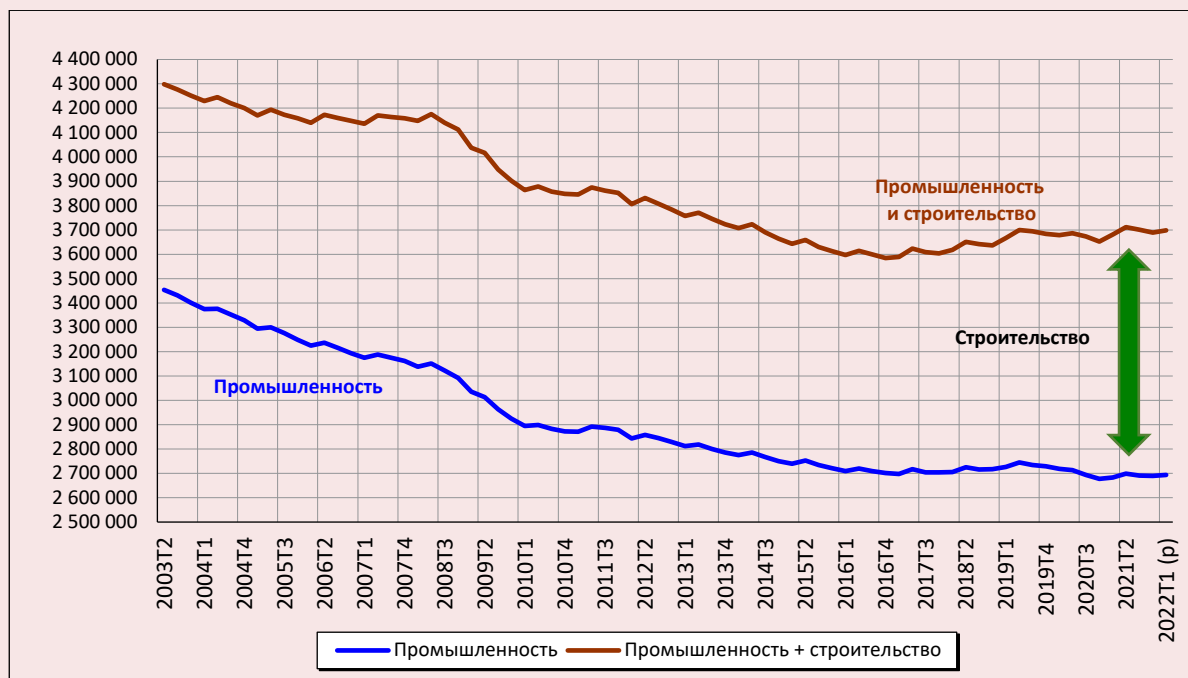
Однако наблюдается рост числа неудовлетворенных заявлений о приёме на работу во всех отраслях промышленности (рис. 15). На самом деле это явление существует довольно давно, но приобрело новое измерение в связи с кризисом, вызванным COVID-19. Фактически этот рост отражает как диспропорции на рынке труда, так и соответствующую привлекательность

Рис. 13. Занятость по найму (не включая государственное управление), тыс. чел.

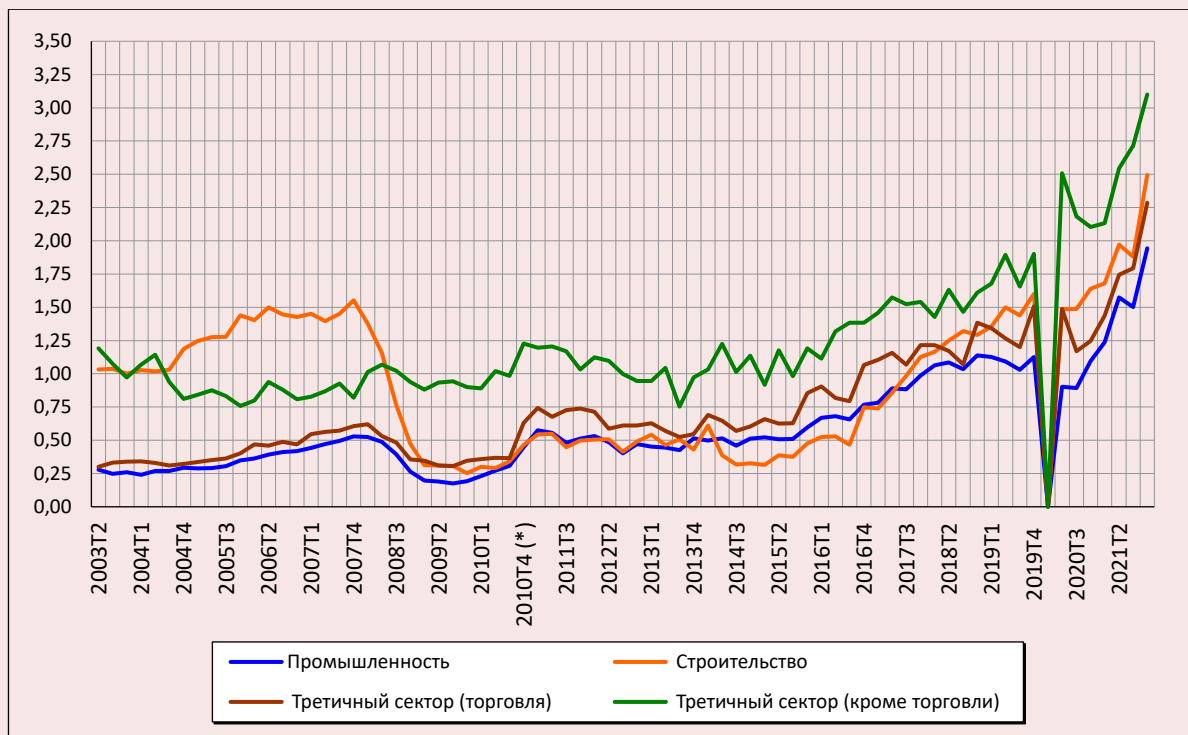
Источник: INSEE.

Рис. 14. Занятость в промышленности и строительстве (в том числе в государственных органах), чел.

Источник: INSEE.

Рис. 15. Неудовлетворенные заявления о приеме на работу, % от числа занятых в отрасли

Источник: DARES/INSEE.

(или непривлекательность) различных секторов деятельности. То, что процент неудовлетворенных заявок стремительно растёт в сфере услуг, не связанной с торговлей, во многом свидетельствует о несоответствии заработной платы ожиданиям потенциальных работников в этом секторе.

Заключение

Таким образом, ситуация, характерная для французской экономики на конец первого полугодия 2022 года, не внушает оптимизма. Ожидается значительное ухудшение активности с осени или зимы 2022 года. Сочетание высокой инфляции, значительного снижения деловой активности и тяжести непредвиденных последствий кризиса 2008–2010 гг. ставит перед правительством сложные задачи. Из представленного нами обзора состояния французской экономики вытекают три вывода.

1. Французская экономика столкнется с последствиями международной ситуации, связанной с положением на Украине, а также введением санкций и контрсанкций, в состоянии двойного ослабления из-за пандемии COVID-19 и кризиса 2008–2010 гг., последствия которых не были полностью преодолены. Недостаток инвестиций, от которого страдают ключевые объекты инфраструктуры страны, например в энергетическом секторе, усугубит последствия сокращения поставок газа в результате санкций²⁶. Это ослабление окажет значительное влияние на экономику в ближайшие месяцы. Кроме того, столкнувшись с инфляцией и её влиянием на самые скромные доходы людей, управляющий Банком Франции г-н Франсуа Вильруа де Гальо предупредил главу государства о «значительных бюджетных затратах» на объявленные меры по борьбе с инфляцией. По его словам, эти меры должны быть максимально длитель-

²⁶ Available at: <https://www.latribune.fr/entreprises-finance/industrie/energie-environnement/electricite-la-france-s-oriente-vers-des-prix-deux-a-trois-fois-plus-eleves-qu-ailleurs-en-europe-924199.html>

ными и целенаправленными²⁷. В таких условиях зимой 2022–2023 гг. возможен рост социальной напряженности.

2. Прогнозы последних недель свидетельствуют об ухудшении ситуации (спад/сохранение высокой инфляции). Следует отметить, что в прогнозах, сделанных различными организациями (Trésor, INSEE, Banque de France), следующие полтора – два года предстают гораздо более мрачными, чем можно было предположить в марте или апреле прошлого года. Осознание серьёзности нынешней ситуации постепенно растёт. Риск крупной рецессии в основных странах Евросоюза уже нельзя исключать. Это непосредственно или опосредованно привело бы к дальнейшему ухудшению французской экономики.

3. Для того чтобы справиться с новой ситуацией, необходим приток инвестиций, как государственных, так и частных. Вопрос, связанный с инвестированием, в настоящее время представляется решающим для способности французской экономики преодолевать трудности, вызванные международной ситуацией. Помимо того что необходимо вновь поднять вопрос о государственных инвестициях, которым, к сожалению, с начала 2021 года уделялось мало внимания, следует отдавать предпочтение частным инвестициям, в особенности инвестициям в производство, которые являются ключом к восстановлению роста производительности. Однако, учитывая неопределенность, вызванную состоянием французской экономики и международной экономической ситуацией, следует опасаться, что в предстоящие месяцы объем частных производственных инвестиций останется незначительным. Таким образом, политика возобновления инвестиций должна осуществляться при координации действий заинтересованных сторон.

²⁷ Available at: <https://www.latribune.fr/economie/france/inflation-un-nouveau-quoi-qu-il-en-coute-n-est-pas-justifie-juge-le-gouverneur-de-la-banque-de-france-924868.html>

Литература

- Aglietta M. (1976). *Régulation et Crises du Capitalisme*. Paris: Camann-Levy.
- Aoki K. (2001). Optimal monetary policy responses to relative-price changes. *Journal of Monetary Economics*, 48(1), 55–80.
- Boyer R., Mistral J. (1983). *Accumulation, Inflation et Crises*. 2è ed. Paris: PUF.
- Dauvin M., Sampognaro R. (2021). Le modèle “mixte”: un outil d’évaluation du choc de la Covid-19. *Revue de l’OFCE*, 2(172), 219–241.
- Greenwald B.C., Stiglitz J.E. (1989). Toward a theory of rigidities. *American Economic Review*, 79(2).
- Mankiw N.-G., Reis R. (2002). What Measure of Inflation Should a Central Bank Target. Working Paper. Harvard University.
- Mazier J., Baslé M., Vidal J.-F. (1984). *Quand les Crises Durent*. Paris: Economica.
- Sapir J. (2009a). La mise en concurrence financière des territoires. La finance mondiale et les États. In: Colle D. (Ed.). *D’un protectionnisme l’autre – La fin de la mondialisation?* Paris: Presses Universitaires de France.
- Sapir J. (2009b). The social roots of the financial crisis: Implications for Europe. In: Degryze C. (Ed.). *Social Developments in the European Union: 2008*. Bruxelles: ETUI.
- Sapir J. (2010). What should Russian monetary policy be? *Post-Soviet Affairs*, 26(4), 342–372.
- Sapir J. (2016). Global finance, national interests, and the model of development. In: Zapesotsky A.S. (Ed.). *Contemporary Global Challenges and National Interest – The 16th International Likhachov Scientific Conference*. Saint Petersburg.
- Sapir J. (2021). The economic shock of the health crisis in 2020: Comparing the scale of governments support. *Studies on Russian Economic Development*, 32(6), 579–592.
- Stiglitz J.E. (1989). Toward a general theory of wage and price rigidities and economic fluctuations. *American Economic Review*, 79.
- Streeck W. (2018). *Du temps acheté. La crise sans cesse ajournée du capitalisme démocratique*, Paris: Gallimard.
- Varoudakis A. (1995). Inflation, inégalités de répartition et croissance. *Revue Economique*, 46(3), 889–899.

Сведения об авторе

Жак Сапир – доктор экономических наук, профессор, иностранный член РАН, директор, Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (CEMI) (Франция, Париж, 75006, Bd Raspail, 54; e-mail: sapir@msh-paris.fr)

Sapir J.

The French Economy between the COVID-19 Pandemic and a New Geopolitical Situation: Relapsing into the Crisis or Overcoming It?

Abstract. The French economy, while still recovering from the COVID-19 crisis, is currently dealing with special problems that have emerged due to the new geopolitical situation. Signs of weakness in the French economy at the beginning of the year may turn into an actual recession in 2023. The latest forecasts are particularly pessimistic in this regard. Since Russia has terminated its oil and gas deliveries after the sanctions imposed by the European Union, the French economy is at risk of serious inflation issues. Delivery interruptions can have significant negative consequences for France primarily due to their indirect impact resulting from the influence on its neighbor, Germany. The inflation that has hit the French economy and other economies of the European Unions is a kind of inflation caused by deficit rather than excessive demand. The French government, which spent considerable amount of money to protect people and businesses during the COVID-19 crisis, is faced with the need to provide significant assistance again. Both fiscal and monetary policy will be disrupted. A sharp increase in public debt is also expected. France has encountered an unprecedented economic situation, when the rules of a market

economy seem powerless in the face of incoming problems. Economic planning, similar to the one that was used from 1946 to the end of the 1960s, probably represents the best opportunity for the French economy to adapt to the consequences of the new geopolitical situation.

Key words: inflation, shortage, growth, uncertainty, household expenses, administrative expenses, “at all costs” policy.

Information about the Author

Jacques Sapir – Doctor of Economics, Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, École des hautes études en sciences sociales (EHESS), Centre d'études des modes d'industrialisation (CEMI) (54, Bd Raspail, 75006, Paris, France; e-mail: sapir@msh-paris.fr)

Статья поступила 15.07.2022.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.4

УДК 338.2, ББК 65.05

© Вольчик В.В., Маслюкова Е.В.

Влияние формальных и неформальных институтов на инновационное развитие экономики

Вячеслав Витальевич

ВОЛЬЧИК

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: volchik@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0027-3442; ResearcherID: K-7832-2012

Елена Васильевна

МАСЛЮКОВА

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: maslyukova@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-9918-3040; ResearcherID: K-7143-2016

Аннотация. Формальные институты являются важным элементом институциональной структуры национальной инновационной системы. Развитие законодательного регулирования российской инновационной системы укладывается в рамки эволюции административного государства: рост масштабов регулирования сопровождается ростом количества законов и подзаконных актов. Динамичность формальных институтов выступает необходимым условием адаптации к меняющейся среде, однако оказывает и негативное влияние на акторов, увеличивая неопределенность. Анализ функционирования формальных институтов может быть проведен с позиций двух подходов: дедуктивного и индуктивного. Дедуктивный подход, основанный на анализе издержек, связанных с законодательным регулированием, близок к традиции новой институциональной экономики. Индуктивный подход, используемый в данной работе, базируется на научных

Для цитирования: Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2022). Влияние формальных и неформальных институтов на инновационное развитие экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 77–94. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.4

For citation: Volchik V.V., Maslyukova E.V. (2022). Impact of formal and informal institutions on innovative economic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 77–94. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.4

традициях оригинального институционализма и нарративной экономики. При анализе нарративов о российской инновационной системе выделены проблемы, связанные с функционированием формальных институтов, среди них отсутствие необходимого законодательства, некомплектность и противоречивость законов и подзаконных актов, несовершенство существующего законодательства, отсутствие реальной поддержки инноваций при формальном создании соответствующих правовых актов, фондов и организаций и др. Проведено эконометрическое моделирование влияния формальных и неформальных институтов на инновационное развитие экономики. Определены значимые переменные, в числе которых находятся общие показатели формальных институтов и социального капитала. На основе анализа сделан вывод о том, что улучшение формальных институтов необходимо для развития инновационной деятельности, а более высокий социальный капитал способствует укреплению доверия и, следовательно, сотрудничеству и обмену знаниями, важными для инициирования инновационной деятельности.

Ключевые слова: нарративная экономика, институциональная экономика, формальные институты, российская инновационная система, нормативно-правовые акты, институциональное моделирование.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00562 (<https://rscf.ru/project/21-18-00562/>) «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики» в Южном федеральном университете.

Введение

В институциональной экономической теории традиционно много внимания уделяется праву и правовым институтам в контексте формирования действующих правил для экономических взаимодействий. Право и весь корпус нормативных актов, от конституции и конституционных законов до различных подзаконных актов, обычно относят к формальным институтам. Однако институциональная структура любой экономики состоит как из формальных, так и неформальных институтов. Противоречия между этими двумя типами институтов могут рассматриваться как один из источников институциональных изменений.

В случае изменения формальных институтов, например в ходе реформ, изменения одних правил влияют на другие правила и нормы. Это может приводить к непредсказуемым последствиям (Klammer, Scorsone, 2022).

Формальные институты в виде различных нормативных актов имеют «объективную» форму, т. к. представляют собой текст. Однако функциональность формальных институтов зависит от того, как они выполняют свои регулятивные функции. Эффективное или удовлетворительное выполнение регулятивных функций зависит от правоприменения, судеб-

ной системы, административных структур, а также возможностей по их эффективному воспроизводству во времени. В современном мире эволюция формальных институтов сопряжена со значительным увеличением количества действующих нормативных актов. Также эффективность формальных институтов зависит от комбинации формальных и неформальных ограничений, которые вместе составляют институциональную структуру общества и экономики (Норт, 2010). Как показывает социальная история, именно неформальные институты и культура часто не позволяют эффективно функционировать формальным нормам, даже если они сделаны по подобию лучших правовых практик и норм, например в ходе импорта институтов.

В современных экономиках различных стран, от развитых до развивающихся, наблюдается явление, которое Н. Фергюсон назвал «административное государство». Под административным государством понимается государство, «иерархическое и бюрократическое по характеру своего функционирования, усердно производившее на свет все более усложненные правила, которые приносили не ожидаемые, а ровно противоположные результаты»

(Фергюсон, 2020). Н. Фергюсон приводит пример США, где за последние годы происходит лавинообразный рост нормативных актов, сопровождающийся ростом административных структур, ответственных за их имплементацию (Фергюсон, 2020).

Отечественная правовая система развивается в русле мировых тенденций административного государства – рост масштабов регулирования сопровождается ростом количества законов и подзаконных актов. В российской инновационной системе также постоянно увеличивается количество нормативных актов: от федеральных законов до множества программ развития разного уровня. Формальные институты изменяются довольно динамично. Например, федеральный закон № 127-ФЗ от 23 августа 1996 года «О науке и государственной научно-технической политике» изменялся 45 раз, причем с 2010 года было принято 27 изменений. Также растет количество подзаконных актов и ведомственных регламентов, регулирующих науку и инновационную деятельность. В этом контексте необходимо учитывать, что в российской практике нет сильных и устойчивых традиций правовой культуры. Это выливается в непреднамеренные формы оппортунистического поведения, когда акторы нарушают нормы, из-за того что не знают и не понимают их. Примером может служить правовой нигилизм в сфере образования и науки, о котором хорошо сказал историк Л. Грэхэм: «Предприниматели, профессора университетов, государственные служащие — все с легкостью нарушают правила игры, поскольку никто не знает точно, каковы они» (Грэхэм, 2014).

Взаимодействия между формальными и неформальными институтами сложны и зависят от исторических, культурных и социальных контекстов. Влияние формальных и неформальных институтов может по-разному отражаться на деятельности, например, малых и крупных фирм. Как показывают эмпирические исследования, крупные фирмы лучше адаптируются к недостаткам формальных институтов, чем мелкие, что зависит от возможностей интернализировать определенные аспекты деятельности (Kafourous et al., 2022).

Акторы воспринимают нормативные акты через призму действующих правил, исследова-

нию которых уделялось много внимания в рамках оригинальной институциональной экономики. Действующие правила не обязательно воспринимаются в различных социальных ситуациях через призму опыта акторов, а также социальных контекстов, влияющих на поведение в соответствии с нисходящей причинной связью (Hodgson, 2003).

Исследования институциональной структуры российской инновационной системы должны учитывать, что формальные и неформальные институты эволюционируют с разными темпами. Это приводит к различного рода эффектам, например дихотомии Веблена – Эйрса (Вольчик, 2008). Для понимания особенностей эволюции институциональной структуры, состоящей как из формальных, так и неформальных институтов, необходимо использовать синтетическую методологию.

В плане анализа формальных институтов можно рассмотреть следующие проблемы: 1) частота и скорость изменения нормативных актов, 2) структура нормативных актов, 3) особенности правового регулирования, 4) особенности правоприменения, 5) содержание ключевых норм и их влияние на осуществление трансакций. В данной работе мы основываемся на гипотезе о том, что существует взаимосвязь между институтами и развитием инновационной системы. В связи с этим основная цель заключается в исследовании влияния формальных и неформальных институтов на инновационное развитие экономики с позиций двух подходов: качественного с применением нарративов и количественного с использованием эконометрического моделирования. Актуальность работы объясняется тем, что сравнение выводов, полученных в рамках традиционного экономического моделирования российской инновационной системы, ее институционального анализа, и результатов нарративного исследования позволит сформулировать новые рекомендации для дальнейшего проведения реформ.

Сопряжение формальных и неформальных институтов

Для экономического развития проблема несоответствия формальных и неформальных институтов играет значительную роль. Если под неформальными институтами понимать культуру в широком смысле (Alesina, Giuliano, 2015),

становится понятно, что, например, академические ценности и культура в сфере науки и образования могут значительно влиять на действенность формальных институтов, внедряемых в ходе реформ, особенно если такие реформы связаны с импортом институтов. Поэтому исследования эволюции формальных и неформальных институтов должны рассматриваться в рамках широких социальных контекстов и общественного дискурса, в котором отражается ситуационное понимание акторами эффективности или неэффективности тех или иных институтов.

Возможности нарративной экономики позволяют рассматривать истории, которые транслируются акторами как источники важных качественных данных о социальных контекстах (Вольчик, Маслюкова, 2021; Akerlof, Snower, 2016). Через нарративы можно проследить, как в общественном мнении циркулируют идеи, связанные с вопросами правового регулирования инновационной деятельности.

Функционирование национальной инновационной системы связано не только с рынками и производством частных торгуемых благ. Многие блага, значимые для создания и внедрения инноваций, имеют отличные от торгуемых частных благ формы. Это создает условия для создания гибридных форм регулирования, объединяющих формы рыночного, административного и коллективного. В таком контексте можно рассматривать различные режимы регулирования прав собственности, которые связаны с адаптацией акторов, например, как в случае использования коммунальной собственности (Остром, 2011).

Анализ правового регулирования российской инновационной системы в нашей работе будет рассматриваться через призму взаимовлияния формальных и неформальных институтов и нарративов об этих процессах, для чего необходимо использовать синтетическую методологию, охватывающую элементы новой институциональной экономики в традиции Д. Норта, оригинальной институциональной экономики в традиции Дж. Коммонса и нарративной экономики в традиции Р. Шиллера.

Современная экономическая наука рассматривает право и формальные институты прежде всего через призму трансакционных издержек

и спецификации прав собственности. Действительно, в новой институциональной экономической теории теорема Коуза в классическом варианте предполагает существование нулевых трансакционных издержек как условия для эффективного рыночного распределения прав собственности. Однако сам Коуз подчеркивал, что в реальном мире с ненулевыми трансакционными издержками правовое решение имеет очень важное значение. Спецификация прав собственности также является важнейшей предпосылкой для осуществления рыночных обменов, т. к. только разграничив права собственности, мы можем четко их индивидуализировать, что имеет критическое значение для рыночного хозяйственного порядка (Найек, 1988).

В национальной инновационной системе формальное институциональное регулирование также может быть связано со спецификацией прав собственности и трансакционными издержками. Однако возникают новые моменты, сопряженные со спецификой производимых благ в различных сферах инновационной системы. Например, в академической сфере производятся не только частные блага, но и ряд других: общественные, опытные и доверительные (Тамбовцев, 2016). В случае нерыночного характера благ правовое регулирование также имеет значение, однако издержки, с которыми сталкиваются акторы при использовании таких благ, отличаются от трансакционных издержек на открытых рынках.

Для национальной инновационной системы правовое регулирование имеет большое значение в определении направлений и сфер инновационной деятельности, которые поддерживаются со стороны государства. Однако здесь необходимо принимать фактор четкости и нечеткости институтов. В случае когда доминируют нечеткие институты, акторы сталкиваются со значительной неопределенностью и институциональной энтропией, что отражается на эффективности функционирования отраслей и сфер экономики (Балацкий, 2007).

В научной литературе большое внимание уделяется формальным институтам, связанным с интеллектуальной собственностью в различных контекстах развития национальной инновационной системы. Система формальных

институтов кроме транзакционных эффектов создает разнообразные внешние эффекты, как отрицательные, так и положительные, которые в трактовке О. Голиченко сопряжены с феноменом технологического спilloвера, то есть ситуацией, когда результатами интеллектуальной деятельности пользуются субъекты, не участвующие в процессе ее создания (Голиченко, 2011). В конечном итоге государственная инновационная политика должна приводить к созданию системы формальных институтов, направленных на устранение или компенсацию факторов, связанных с «низкой мотивацией акторов к деятельности в рамках национальной инновационной системы; устаревшей парадигмой, неразвитостью инновационного потенциала акторов, недостаточной компетенцией; отсутствием доступных ресурсов и элементов системы, способных обеспечить функционирование ее процессов; нарушением и недостаточной интенсивностью связей системы; сложностью и провалами рамочных условий» (Голиченко, 2017).

Дихотомия формальных и неформальных институтов инновационной системы может быть рассмотрена через призму понимания акторами различных эффектов, связанных с институциональной структурой инновационной деятельности. То, что для актора воспринимается как система действующих правил или норм, может включать как объективно существующие нормы, например законодательство, так и субъективно воспринимаемые правила, которые интерпретируются через призму социального опыта, ценностей, конкретных обстоятельств деятельности, обусловленных различными социальными контекстами.

Неформальные институты в экономической теории связывают с медленно эволюционирующими и плохо поддающимися изменению феноменами, например с культурой, этикой, в том числе хозяйственной, и религией. Также с неформальными институтами связан целый класс феноменов, которые обычно относят к социальному капиталу, например доверие и ассоциации.

Влияние неформальных институтов на инновационную деятельность очень разнообразно и зависит от их исторических и национальных особенностей. Хорошим примером может слу-

жить неформальный институт клановости в Китае. Проведенные исследования показали, что увеличение региональной клановой культуры на 1% резко снижает риск со стороны менеджеров местных предприятий на 2,66%, поэтому клановость значительно влияет на склонность предпринимателей инвестировать в рискованные инновационные проекты, связанные с большим риском потерь (Huang et al., 2022).

Для формальных институтов характерно противоположное свойство быстро изменяться за короткие промежутки времени. Изменчивость формальных институтов хорошо объясняется проводимой экономической и социальной политикой, цели которой направлены на улучшение среды для инновационной деятельности. Однако нестабильность формальных институтов создает дополнительную неопределенность для акторов, что негативно сказывается на долгосрочных планах и особенно пагубно — на реализации сложных инновационных проектов.

Дуализм стабильности и изменчивости, присущий неформальным и формальным институтам, не может быть разрешен с помощью простых и универсальных решений или моделей. Для повышения качества институциональной структуры инновационной деятельности важно иметь релевантную картину о состоянии как формальных, так и неформальных институтов. Получить релевантное знание возможно путем проведения институционального мониторинга с применением различных приемов правовых и качественных исследований.

Формальные институты национальной инновационной системы имеют многоуровневую структуру. Это федеральные законы, постановления правительства, ведомственные нормативные акты, региональные нормативные акты. Государственное стимулирование инновационной деятельности связано прежде всего с типом формальных институтов, который можно обобщенно назвать «государственные проекты и программы». Например, в научной литературе встречается подобная классификация таких формальных институтов на региональном уровне: институт господдержки инновационной деятельности, институт разработки программ и стратегий, институт технопарков и технополисов, институт взаимодействия науки и предпринимательства (Попов, Власов, 2013).

Исследования формальных и неформальных институтов: дедуктивный и индуктивный подход

Исследования неформальных институтов в контексте их влияния на инновационную деятельность часто обращаются к количественным показателям, которые, по мнению авторов, характеризуют значимость того или иного института для производительности фирм, использующих инновации. Например, неформальный институт коммунитаризма как предпочтения групповых целей индивидуальным в странах, где он развит, часто негативно воздействует на инновационное развитие, однако выводы о его влиянии необходимо соотносить с конкретными социальными контекстами той или иной страны (Ploeg et al., 2022). Поэтому количественные исследования неформальных институтов требуют понимания социальных контекстов в конкретных страновых или региональных условиях. Социальные контексты — это прежде всего информация о значимых для акторов правилах, ценностях и ограничениях. Получить сведения о социальных контекстах можно в ходе качественных исследований, которые развиты, например, в экономической социологии, экономической антропологии или оригинальной институциональной экономике. Современное развитие нарративной экономики может быть комплементарно методам и подходам оригинального институционализма, что позволяет анализировать нарративы через призму отраженного в дискурсах акторов понимания сущности и значения тех или иных институтов для структурирования социальных взаимодействий.

Формальные институты существуют во взаимодействии с механизмами, обеспечивающими их выполнение. Эти механизмы связаны с различного рода организациями, от правоохранительных и контрольных органов до общественных объединений. Механизмы инфорсменты, в свою очередь, так же как и институты, могут быть тесно связаны явным или неявным образом с сетью неформальных институтов, например с обычаями делового оборота.

Анализ соблюдения или несоблюдения формальных правил может быть осуществлен с позиций двух подходов: дедуктивного и индуктивного. С позиций дедуктивного подхода соблюдение или несоблюдение норм зависит от

ограниченной рациональности выбора актора. Формальные институты нарушают, когда ожидаемые выгоды от нарушения больше, чем ожидаемые издержки от санкций (Тамбовцев, 2016а; Тамбовцев, 2016б). Выгоды различаются в зависимости от того, что их определяет и каких они могут быть типов. Прямые ожидаемые выгоды тех или иных видов зависят от действия, не соответствующего формальному институту, но вследствие ограниченной рациональности можно не знать, верно ли ожидание, и то, что это действие — наилучшее нарушение. Издержки также зависят от типов потенциальных нарушений. Они могут быть связаны с прямой величиной санкций с учетом вероятности выявления нарушения. Также издержки могут рассматриваться через призму репутационных потерь в сообществе, если нарушение будет выявлено.

Несоблюдение формальных правил с позиций индуктивного подхода может быть обусловлено следующими причинами: их некомплементарностью сильным неформальным правилам, незнанием акторов о формальных правилах, паттернами оппортунистического поведения, которые более выгодны акторам, чем соблюдение формальных правил, запрети-тельно высокими трансакционными издержками, связанными с соблюдением формальных правил, отсутствием предмета для регулирования формальных правил (вернее, его постепенным исчезновением).

Важным является также вопрос, как исследователь узнает о том, что то или иное формальное правило не соблюдается. Получение этой информации становится нетривиальной задачей, учитывая, что «объективная» информация о несоблюдении формальных норм связана со статистикой правоприменения, но не дает исследователю знания о том, почему та или иная норма перестает работать. И здесь может быть полезен подход нарративной экономики — через нарративы проследить, как акторы объясняют действенность или недейственность той или иной нормы.

По отношению к инновациям формальные институты обычно рассматриваются в контексте обеспечения работы рыночных механизмов и поэтому оцениваются через индекс экономических свобод (Bennett, Nikolaev, 2021).

Согласно указанной точке зрения на роль формальных институтов, неформальные институты, способствующие инновациям, соответственно, рассматриваются через призму обеспечения индивидуалистических свобод. Не оспаривая такой подход, можно заметить, что он опирается на значительные упрощения при исследовании влияния институциональной структуры на развитие национальной инновационной системы. Например, неформальные институты, связанные с такими негативными явлениями, как коррупция и взяточничество, могут в специфических институциональных условиях не препятствовать, а способствовать инновационной деятельности через преодоление чрезмерных формальных барьеров для экономического обмена (Chadee et al., 2021). Подобные эффекты неформальных институтов были замечены и исследованы в конце двадцатого века в Латинской Америке. Там, где высоки транзакционные издержки государственного регулирования предпринимательства, неформальные институты становятся значимым фактором предпринимательских и иных инноваций (Coto, 1995).

Формальные институты в широком смысле являются правилами и нормами, которые принимаются государством или связанными с ним учреждениями и организациями. Однако такие нормы в неодинаковой степени воздействуют на поведение акторов в зависимости от сферы деятельности (Hirao, Hoshino, 2020).

В контексте данного исследования изучение действенности формальных институтов относительно регулирования отношений в российской инновационной системе производится на основе анализа распространения через нарративы оценок акторов действенности тех или иных регулирующих норм, правил и регламентов. Фактически через нарративы мы получаем информацию о действующих правилах (working rules) в трактовке оригинального институционализма (Коммонс, 2011). Поведение акторов о восприятии регулирования со стороны формальных институтов дает информацию о том, как акторы воспринимают их воздействие на процессы в инновационной системе и какие нормы для них являются наиболее релевантными.

Нарративы о формальных институтах в российской инновационной системе

Формальные институты в российской инновационной системе трудно отделить от всего корпуса гражданского законодательства, и в данной статье мы не ставим такую цель. Мы рассматриваем формальные институты через призму реакции акторов на них в процессе своей деятельности, поэтому для понимания, как функционирует институциональная структура российской инновационной системы, важны контексты, в которых акторы говорят о проблемах формальных институтов. Среди таких контекстов можно выделить следующие.

1. Для внедрения и массового производства инновационных продуктов необходимо разработать законы и регламенты (отсутствие необходимого законодательства).

«Политическая воля руководства страны к изменению ситуации вроде бы есть, но реальной поддержки отечественных производителей на внутреннем рынке не чувствуется. Владимир Кононов, председатель совета директоров одной из компаний (Дубна), привел такие цифры: за второй квартал текущего года его предприятие сумело продать российским потребителям всего 5 аппаратов для гемодиализа, а за рубеж поставило 52. В стране до сих пор отсутствует федеральный закон «Об инновационной деятельности», понятия самой этой деятельности, инноваций, инновационного продукта законодательно не определены, соответственно, отсутствуют подзаконные нормативные акты, которые создавали бы благоприятные условия для развития инноваций. Таможенное регулирование ведется так, что, к примеру, ввезти в страну готовое медицинское изделие гораздо дешевле, чем компоненты для отечественной техники, в результате чего она изначально становится неконкурентоспособной на международном рынке. Разрушена система профтехобразования, в промышленности скоро просто некому будет работать»¹.

2. Некомплементарность и противоречия законов и подзаконных актов.

¹ Федорова В. Почему тормозят инновации? Модернизаторы подсчитали, сколько законов им мешает работать // Московский Комсомолец. 29.06.2011. URL: <https://www.mk.ru/science/2011/06/28/601155-pochemu-tormozyat-innovatsii.html>

3. Несовершенство существующего законодательства (законы и другие нормативные акты препятствуют инновационной деятельности и создают высокие трансакционные издержки).

4. Отсутствие реальной поддержки инноваций при формальном создании соответствующих правовых актов, фондов и организаций.

5. Законодательство блокирует высокорискованные инвестиции в инновационные сферы (нужно менять законодательство, чтобы рискованные вложения не приводили к уголовным делам).

6. Неопределенность норм законодательства.

7. Запретительная модель законодательства и поведения чиновников.

8. Законодательство, связанное с инновациями (интеллектуальной собственностью), — на уровне лучших мировых тенденций, но его применение плохо адаптировано к российским реалиям.

«Есть предложение по проработке изменений в главу 77 «Единые технологии» части 4 Гражданского кодекса о том, чтобы по возможности использовать в каком-то виде основной элемент „интеллектуалки” — конструкторскую документацию. Я думаю, что не один год еще пройдет, пока его примут, это сложная работа. Есть заинтересованность высокого уровня руководителей, идет обсуждение. Эти изменения в законодательство не будут касаться конкретных изобретателей.

У нас в Гражданском кодексе достаточно хорошо проработаны вопросы по „интеллектуалке” на уровне лучших мировых тенденций юриспруденции. Однако применение этого законодательства в России очень плохо адаптировано — элементарно изобретатель не может достучаться до внедрения.

До конца не урегулированы отношения по всей вертикали: государство, госкорпорации, головные исполнители, соисполнители и далее вниз. Ни у кого из этих структур нет четкой поставленной государственной задачи работать с изобретателями. Сложилась парадоксальная ситуация, когда все говорят про инновации, в каждом субъекте РФ создан департамент по инновациям, на каждом предприятии есть заместитель директора по инновациям и так далее, но все забыли, что

инновация — это введение в хозяйственный оборот некоего продукта, созданного на основе изобретения, имеющего правовую охрану.

Раз у нас с изобретателем вообще не работают, получается, что у него нет вариантов что-то делать лучше — изобретатели фактически немотивированы... Отсюда мы возвращаемся к вопросу, как сделать законодательство, чтобы все были заинтересованы. Если выстроить грамотную систему стимулирования, то изобретатель в составе предприятия будет точно знать, кто у него что ворует за рубежом, он будет ощущать сопричастность»².

9. Негибкость существующих правовых норм для стартапов.

Определение влияния разных элементов институциональной структуры (формальных и неформальных) национальной инновационной системы на ее развитие представляет собой нетривиальную задачу. Необходимо учитывать неодинаковую природу формальных и неформальных институтов. И хотя в рамках неоинституционализма все институты рассматриваются скорее как экзогенные (Greif, 2006; Lee, Law, 2017), существуют альтернативные подходы. Так, например, в рамках оригинальной институциональной экономики институты рассматриваются как преимущественно эндогенные, влияющие на поведение акторов через эволюционное формирование привычек (Hodgson, 2003).

Качественные формальные и неформальные институты дополняют друг друга в составе институциональной структуры национальной инновационной системы. Среди неформальных институтов по отношению к инновациям отмечается наиболее сильное влияние социального капитала (Lee, Law, 2017). Действительно, социальный капитал можно рассматривать как один из способов снижения трансакционных издержек при коммуникации внутри и вне инновационной системы. Однако понятие социального капитала очень широко и связано с доверием, высокие показатели которого также положительно влияют на экономическое и инновационное развитие (Volchik, Maslyukova, 2019).

² Згировская Е. У нас очень низкий уровень зарубежной патентной защиты // Газета.Ru. 25.06.2016. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2016/06/24/8324447.shtml>

Оценка действенности тех или иных институтов через различные индексы, безусловно, продуктивна и довольно сильно распространена в современных социальных науках. Однако такой подход к исследованию институтов имеет свои недостатки. Он не отвечает на вопросы, какие конкретно нормы препятствуют развитию инновационной системы, почему акторы не выполняют те или иные нормы, как акторы оценивают различные регуляторные альтернативы, регулирование каких взаимодействий связано с запретительными издержками выполнения или невыполнения различных норм.

Поэтому любое количественное исследование институтов должно дополняться качественными исследованиями, направленными на выявление неэффективных и неработающих норм, а также тех сфер и форм социальных взаимодействий, которые они регулируют.

Социальные взаимодействия структурируются различными институтами, в самом общем виде разделяющимися на формальные и неформальные. В рамках нарративной экономики об институтах мы получаем информацию через истории, которые транслируют акторы. В этих историях содержится объяснение взаимодействий, а также информация о социальных контекстах, в которых они осуществляются. В ходе анализа нарративов мы реконструируем и интерпретируем понимание акторов о том, как функционирует национальная инновационная система и как институты способствуют или препятствуют ее развитию.

Одной из важных особенностей российских формальных институтов в инновационной сфере является отсутствие системности. Эклектичность законодательства открывает возможности для различных форм оппортунистического поведения, и, наоборот, для добросовестных инноваторов создается недостаточно стимулов.

Правовая база для инновационной деятельности выступает одним из главных условий для создания благоприятной среды.

«Общемировая практика создания инновационных систем предполагает системные усилия со стороны государства в этом направлении на протяжении восьми-десяти лет. За это время разрабатывается и настраивается законодательство, создаются и развивают свою деятельность институты развития и венчурные фонды. Они, как катализаторы процесса, обеспечивают

начальный спрос на инновационные идеи и разработки, предоставляют стартовое финансирование. Затем уже формируется рынок предложения, выстраивается инновационная экосистема — сначала вокруг государственных институтов развития, а потом на расширяющееся предложение приходят частные деньги. России не хватило трех-пяти лет для создания фундамента под будущую инновационную экономику. Но самое главное — не успела сформироваться экономическая среда, в которой конкуренция за эффективность будет предпочтительнее конкуренции за административный ресурс»³.

Задача построения эффективной конкурентной среды связана с проблемой адаптивного поведения акторов инновационной системы. Действительно, конкуренция может быть разной, в условиях значительного административного распределения средств и контроля могут возникать (и возникают) сильные стимулы конкурировать за «административный ресурс» в ущерб инновационному продукту и его рыночным перспективам.

Нестабильность и запретительный уклон российского законодательства существенно препятствуют инновациям. Предприниматели, сталкиваясь с данными тенденциями, вынуждены адаптироваться, искать более простые и менее инновационные направления бизнеса. Регулирование в таких случаях сталкивается с разрешительно-запретительной дилеммой.

«Развитие новых направлений на рынке привлекает инвесторов. Однако главное, что их привлекает, — стабильность условий, в которых бизнес будет развиваться. Ужесточение законодательства относительно вейпов в очередной раз покажет, что развивать бизнес в России — крайне рискованная задача, ведь в любой момент правила игры могут измениться. Зачастую наше законодательство, как артиллерия вековой давности, „бьет по площадям“, не видя значимых нюансов внутри регулируемой отрасли.

На самых верхних этажах власти неоднократно говорилось, что необходимо создавать условия для экономического рывка, перехода от сырьевой экономики к инновационной, развития малого и среднего предпринимательства. Однако практика показывает, что многие российские

³ Белова А. «Генераторы будущего»: как России вернуться на путь инноваций. URL: <https://www.rbc.ru/news/paper/2015/09/21/56bc9c139a7947299f72bb37>

чиновники предпочитают принцип будочника Мыррецова – „держать и не пущать”. При таком подходе нам еще долго ждать успешного развития и диверсификации экономики»⁴.

Формальные институты – это часть рыночной инфраструктуры, которая является фундаментальным условием для развития национальной инновационной системы. Однако само создание такой инфраструктуры связано с очень сложным процессом нормотворчества и нормоприменения.

При анализе нарративов об инновационной системе часто встречается конструкция «не хватает законов и регламентов для успешного ведения инновационной деятельности». Поэтому важно проследить путь от осознания проблемы до формирования действующих правил, которые позволяют решить ту или иную проблему, связанную с недостатком регулирования.

Более того, существует вероятность, что созданные новые нормы и механизмы регулирования будут связаны с ростом трансакционных издержек, что нивелирует отдачу от их имплементации в практику хозяйственной деятельности. Необходимо разделять проблемы, связанные с формальными институтами, на два блока: во-первых, связанные со структурными проблемами законодательства, во-вторых, связанные с имплементацией законодательства в конкретных отраслевых и исторических условиях.

Структурные проблемы законодательства обусловлены его динамическим и эволюционным характером. Законодательство должно развиваться, чтобы создавать нормативные рамки для возникающих видов деятельности, новых технологий, новых внешних эффектов. При изменении структуры законодательства важно устранять конфликты между новеллами и существующими нормами, которые могут проявлять некомплементарность при регулировании новых технологических и экономических процессов.

Имплементация законодательства в современных условиях также становится задачей, которая зависит от динамики изменений в регулируемых отраслях. Характерным примером

может служить законодательство об инновационных закупках для государственных нужд, которое после неоднократных изменений так и не привело к созданию системы, способствующей инновационному развитию российских предприятий и организаций (Tsygankov et al., 2021).

Если рассматривать формальные институты с позиций новой институциональной экономики, то становятся значимыми вопросы, связанные с издержками соблюдения того или иного закона. В экономической науке есть методики оценки связанных с соблюдением закона трансакционных издержек, например через альтернативные издержки увеличения затраченного рабочего времени на выполнение предписанных законом процедур (Вольчик, Нечаев, 2015). Однако для понимания того, как содержание тех или иных правил влияет на поведение акторов, такой подход мало полезен, так как трансакционные издержки могут носить имплицитную форму и просто блокировать некоторые виды деятельности. Если те или иные виды деятельности блокированы и взаимодействия там не осуществляются, то очень трудно выявить сам факт такой ситуации без качественного анализа дискурсов акторов.

Индуктивный подход позволяет получить два подхода, обусловленные двумя типами объяснений поведения акторов инновационной системы. Первый подход основан на выделении наиболее общих правил и объяснений поведения, которые, например, могут быть связаны с упрощенными экономическими протомоделями. Такие упрощенные протомодели мы связываем с протонарративами, через которые они транслируются. Второй подход основан на анализе социальных контекстов, которые содержатся в нарративах акторов. Социальные контексты при их совпадении и повторении могут быть сведены в обобщающие нарративы.

Анализ протонарративов и обобщающих нарративов позволяет получить комплексную картину понимания акторами действия и ответственности формальных институтов в эффективном или неэффективном структурировании социальных взаимодействий в рамках национальной инновационной системы. На основании полученного понимания о том, как функционируют формальные институты, можно осуществлять попытки продвижения идей по реформированию законодательства.

⁴ Шатилов А. Популизм против логики // Известия (iz.ru). 29.03.2019. URL: <https://iz.ru/862125/aleksandrshatilov/populizm-protiv-logiki>

Дисфункции институтов интеллектуальной собственности могут проявляться в современных условиях из-за связи, например, с патентами, практиками и процедурами. Так, у инноваторов снижаются стимулы патентовать изобретение из-за практики раскрытия информации.

«Промышленная разработка, являющаяся know-how, может соответствовать требованиям, необходимым для признания ее изобретением, если данную технологию можно использовать в промышленности и сведения о ней нельзя получить из общедоступных мировых источников информации. Но как только технология know-how выносится на суд патентного ведомства, она автоматически теряет свой секретный статус, так как российским законодательством предусмотрена обязанность Роспатента публиковать в открытом реестре сведения о выдаче патента на изобретение, включая название и формулу изобретения»⁵.

Одной из самых важных проблем, связанных с инновациями, является проблема привлечения финансирования. В российских условиях государство играет значимую роль при финансировании инноваций. Однако формальные институты и практики правоприменения препятствуют инновационной деятельности.

«И у нас в России еще нет культуры оценки рисков в венчурном финансировании. Та же прокуратура, Следственный комитет, когда речь идет о бюджетном финансировании. Они считают, что, если у вас не получилось, значит, бюджетные деньги были потрачены нецелевым образом. А венчурное финансирование, финансирование и поддержка стартапов — это всегда право на ошибку. Из ста проектов могут выстрелить десять. Как корпорациям правильно внутри российского законодательства выстраивать эти механизмы? Поэтому и было принято решение разработать правила игры. Без права на ошибку невозможно идти дальше и говорить о новых технологиях и инновациях»⁶.

Существует множество формальных институтов, которые непосредственно не связаны с

инновациями, но формируют среду, влияющую на поведение предпринимателей и бизнеса. Например, низкая конкурентность на региональных и федеральных рынках может рассматриваться как один из факторов, влияющих на формирование спроса на инновации.

«Потому что нет спроса на инновации. Был бы спрос — были бы и инновации. Это рыночная экономика. Да, кривая-косая какая-то, но всё-таки рыночная экономика, в которой именно спрос имеет решающее значение. А вот почему нет спроса на инновации?»

Даю подсказку. Есть весьма показательная статистика Федеральной антимонопольной службы, согласно которой от 50% до 60% дел, возбуждаемых по нарушениям законодательства о защите конкуренции, это дела в отношении органов власти (всех уровней, от муниципального до федерального). Значит, у нас первый враг конкуренции — это государство. Такой вывод просто железобетонно следует из статистики федерального органа, ответственного за развитие конкуренции в стране.

Но если нет конкуренции, то инновации попросту не нужны, они не являются аргументом в конкурентной борьбе. Гораздо большее значение имеет наличие административных возможностей»⁷.

Протоколы, которые связаны с формальными институтами, объясняют их значимость, функции и дисфункции в рамках той или иной отрасли или экономической проблематики. Протонырративы, касающиеся национальной инновационной системы, можно отнести к различным модификациям теоремы Коуза (Коуз, 2007, с. 150–151). В нарративах акторы транслируют несколько идей, связанных с транзакционными издержками и спецификацией различных прав собственности, что так или иначе влияет на развитие инновационной системы.

Согласно Коузу, наличие ненулевых транзакционных издержек и недостаточная спецификация прав собственности требуют правового решения, следовательно, это связано с созданием формальных институтов и механизмов регулирования.

⁵ Зяблов Е. Завод-изобретатель: как сохранить в тайне секреты производства // РБК. 10.10.2019. URL: <https://legal-support.ru/information/publications/zavod-izobretatel-kak-sohranit-v-taine-sekrety-proizvodstva/>

⁶ Глава АСИ Светлана Чупшева: «Новые технологии нужны везде: и на внутреннем, и на внешнем рынках». 11.09.2018. URL: <https://asi.ru/news/95130/>

⁷ Игорь Николаев, Директор Института стратегического анализа ФБК. Академический ответ // Газета.Ру. 25.09.2013. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/nikolaev/s62993/5668061.shtml>

Актеры неоднократно отмечают, что в отсутствие эффективных норм не возникает системных условий для инновационной деятельности.

«В российской инновационно-венчурной экосистеме есть несколько „узких“ мест. Первое – это отсутствие в законодательстве адекватной организационно-правовой формы для регулирования деятельности фондов прямых и венчурных инвестиций. Второе – излишняя зарегулированность и негибкость существующих правовых форм для стартапов. Третье – недостаточный объем грантовой поддержки инноваторов на ранних, предпосевных стадиях для налаживания стабильного потока проектов, а также отсутствие большого спектра механизмов привлечения финансирования в эти проекты. Сюда же можно отнести недостаток сервисных услуг и дефицит инфраструктуры для развития венчурного инвестирования. Серьезным препятствием для развития инноваций с точки зрения бизнеса выступают и недоработанность законодательства по защите интеллектуальной собственности, а также отсутствие результативного техрегулирования»⁸.

В приведенном нарративе мы видим, что формальные институты, в частности, связываются с дефицитом инфраструктуры для инновационной деятельности. Этот фактор является ключевым для динамики транзакционных издержек и, следовательно, формирования действенного правового регулирования.

Неоднократно отмеченная проблема отсутствия требуемого законодательства является фундаментальной для понимания того, что рыночные механизмы могут не работать в плане создания сильных стимулов для эффективной инновационной деятельности.

«Заместитель председателя Счетной палаты РФ Валерий Горегляд напомнил еще об одной проблеме: «У нас нет полноценного инновационного законодательства, в том числе по налогам. По сути, мы формировали его в кризисный период развития, когда были очень большие проблемы с наполнением казны». По мнению Горегляда, у России при выборе инновационного пути было две

возможности. Одна – это создание полноценной инновационной среды с либеральной налоговой системой, с существенным снижением налоговой нагрузки на все хозяйствующие субъекты, а не только на отдельные компании. Второй вариант – точечные решения для создания элементов инновационной системы. Именно этот путь и выбрала Россия, хотя первый предпочтительнее, считает Валерий Горегляд. Но для этого в нынешней социально-экономической ситуации у России нет ни времени, ни возможностей. Например, ни одна из крупных российских компаний не воспользовалась налоговыми преимуществами в целях модернизации. А сэкономленные на налогах деньги были вывезены через офшоры за рубеж и вернулись в Россию в виде яхт...»⁹

И здесь основная проблема при проведении реформ состоит в том, чтобы задача развития российской инновационной системы решалась комплексно с учетом фундаментальных условий и предпосылок. К фундаментальным условиям относятся политическая и экономическая устойчивость (стабильность); предпринимательская инициатива; механизмы возрастающей отдачи. Только при выполнении всех этих трех условий запускаются механизмы инновационного развития и начинает эффективно развиваться национальная инновационная система. Кроме названных фундаментальных условий, должны выполняться еще две предпосылки – создание и развитие рыночной инфраструктуры, а также качественной системы образования и науки (Вольчик, 2022).

Эконометрическое моделирование влияния формальных и неформальных институтов на инновационную систему

В современной институциональной экономике широко распространено эконометрическое моделирование, которое может быть использовано и в рамках данной работы. Количественный анализ институтов представляет собой особый класс индуктивных исследований, опирающихся на различного рода индексы и показатели, характеризующие различные аспекты функционирования как формальных, так и неформальных институтов.

⁸ Калышева Е. Игорь Агамирзян: В российской инновационно-венчурной экосистеме есть несколько «узких» мест // Российская газета. 15.09.2011. URL: <https://rg.ru/2010/09/21/agamirzyan.html>

⁹ Теряева Н. Российские фирмы не воспользовались налоговыми льготами для модернизации // Российская газета. 14.12.2010. URL: <https://rg.ru/2010/12/14/lgoty.html>

Таблица 1. Центральные проблемы российской инновационной системы

№ п/п	Центральные проблемы, выявленные через анализ нарративов	Количество нарративов
1	Государственное управление инновационной деятельностью	295
2	Выбор тематики и направлений исследований	292
3	Спрос на инновации	229
4	Институциональная структура и конкурентная среда для инноваций	202
5	Проблема кадров для исследовательской и инновационной деятельности	80
6	Проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью	51

Источник: составлено авторами.

Формальные институты мы оцениваем через призму индекса эффективности государственного управления, а неформальные – через индекс социального капитала.

Действительно, исходя из ранее проведенного анализа 1149 отобранных нарративов о российской инновационной системе были выделены шесть центральных проблем (Вольчик, Маслюкова, 2021), которые акторы считают наиболее релевантными (табл. 1).

Как видно из анализа нарративов, «государственное управление инновационной деятельностью» является самой упоминаемой проблемой инновационной системы России. Также значимое внимание в нарративах уделяется проблеме «институциональная структура и конкурентная среда для инноваций» (4 место по количеству упоминаний в нарративах), что и стало причиной выбора переменных для построения модели.

В целях анализа влияния формальных и неформальных институтов на инновации использовались следующие спецификации уравнений регрессии:

модель с фиксированными эффектами (оценки «within»):

$$Intellectual_cap_{i,t} = \alpha + \delta \times Governance_{i,t} + \gamma \times Social_cap_{i,t} + \beta \times X_{i,t} + \mu_i + \varepsilon_{i,t}$$

$$Intellectual_cap_{i,t} = \alpha + \delta \times Governance_{i,t} + \gamma \times Social_cap_{i,t} + \beta \times X_{i,t} + u_i + \varepsilon_{i,t}$$

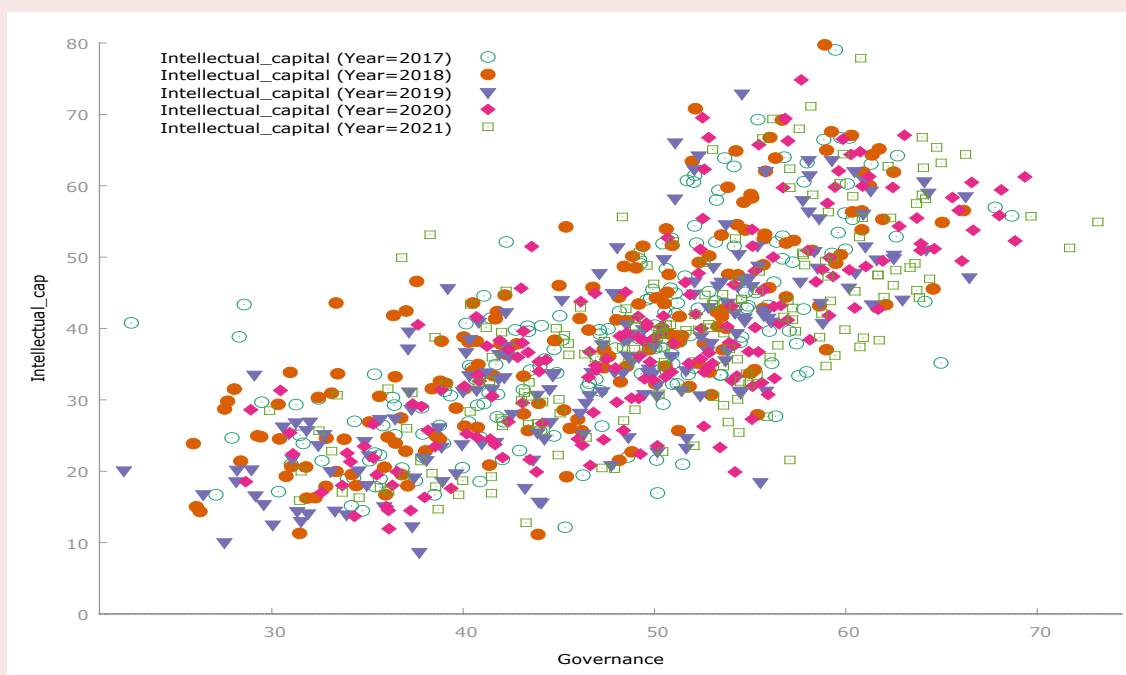
где i – номер страны; t – год; $Intellectual_cap$ (индекс интеллектуального капитала и инноваций) – зависимая переменная – показатель развития национальной инновационной системы i -й страны, $Governance$ (индекс эффективности государственного управления) – переменная, характеризующая уровень развития формальных институтов, $Social_cap$ (индекс социального капитала) – переменная, характеризующая

социальный капитал i -й страны (уровень развития неформальных институтов), X – вектор контрольных переменных, μ – специфические страновые особенности (фиксированные эффекты), позволяющие учесть гетерогенность стран, которая не улавливается прочими контрольными переменными; u – индивидуальные страновые особенности (индивидуальные эффекты); ε – случайные ошибки модели, δ, γ, β – оцениваемые параметры модели, α – константа.

Оценка параметров δ, γ, β моделей осуществлялась на основе панельных данных за 5 лет (с 2017 по 2021 год) по 185 странам, представленным в рейтинге стран мира по индексу глобальной конкурентоспособности (<https://solability.com/the-global-sustainable-competitiveness-index/the-index/>). В качестве контрольных переменных использовались индекс природного капитала ($Natural_cap$), характеризующий наличие и уровень истощения природных ресурсов, и индекс ресурсоэффективности и интенсивности ($Resource_Intensity$), характеризующий эффективность использования доступных ресурсов как измерение операционной конкурентоспособности в мире с ограниченными ресурсами.

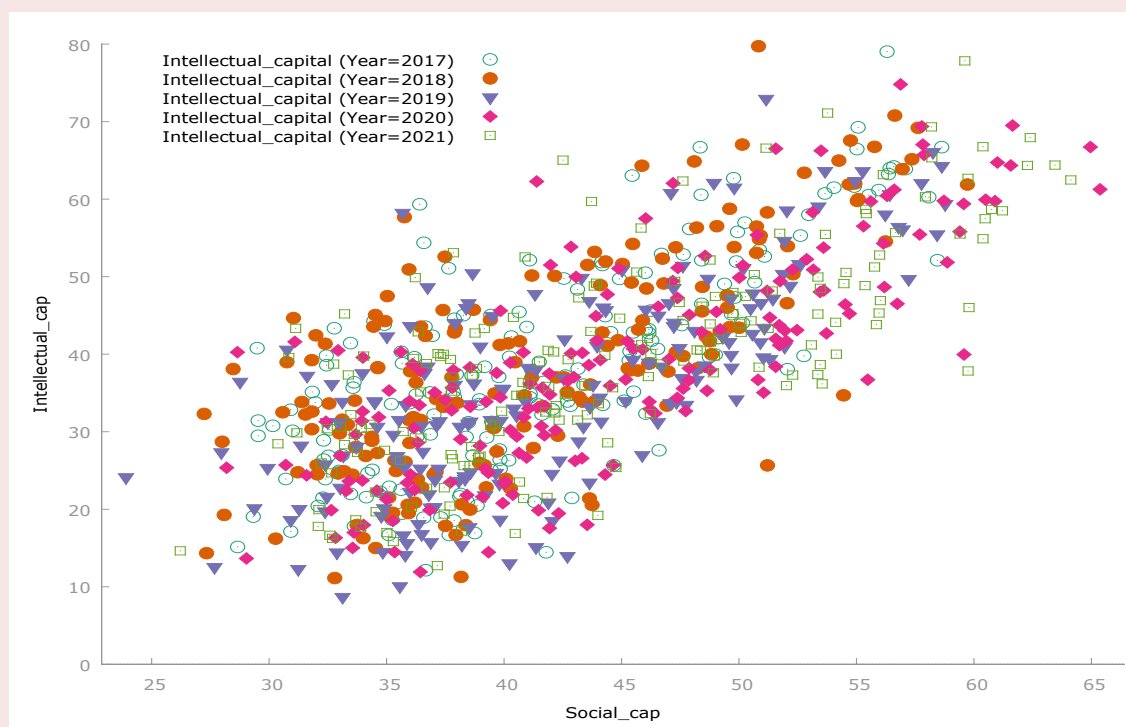
Мы предполагаем, что коэффициенты δ и γ будут положительными, показывая, что более высокое качество формальных институтов и более прочные социальные связи способствуют развитию инновационной активности. На рисунке 1 отражена корреляция между инновациями ($Intellectual_cap$) и формальными институтами ($Governance$). Рисунок 2 иллюстрирует корреляцию между инновациями ($Intellectual_cap$) и социальным капиталом ($Social_cap$). Оба графика свидетельствуют, что страны с лучшими институтами и социальным капиталом, как правило, имеют более интенсивную инновационную деятельность.

Рис. 1. Диаграмма рассеивания инноваций (*Intellectual_cap*) по сравнению с формальными институтами (*Governance*) (с разделением по годам)

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Диаграмма рассеивания инноваций (*Intellectual_cap*) по сравнению с социальным капиталом (*Social_cap*) (с разделением по годам)

Источник: составлено авторами.

Таблица 2. Результаты оценивания моделей (зависимая переменная – Intellectual_cap)

Переменная	Модель с фиксированными эффектами (FE model)	Модель со случайными эффектами (RE model)
<i>const</i>	30,670*** (3,3610)	18,593*** (3,091)
<i>Governance</i>	0,103** (0,041)	0,225*** (0,044)
<i>Social_cap</i>	0,140** (0,055)	0,361*** (0,051)
<i>Natural_cap</i>	-0,065* (0,037)	-0,106*** (0,036)
<i>Resource_Intensity</i>	-0,007 (0,032)	-0,037 (0,033)
<i>N</i>	925	925
<i>R²-within</i>	0,0384	-
<i>LSDV R²</i>	0,9563	-
Робастный тест на различие констант в группах Нулевая гипотеза: Группы имеют общее пересечение Тестовая статистика: Welch F(184, 250,3) = 26,8641 p-значение = P(F(184, 250,3) > 26,8641) = 7,69918e-105		
Тест Бройша – Пагана (Breusch-Pagan) Нулевая гипотеза: Дисперсия специфических для наблюдений ошибок = 0 Асимптотическая тестовая статистика: Хи-квадрат(1) = 913,456 p-значение = 1,16593e-200		
Тест Хаусмана (Hausman) Нулевая гипотеза: ОМНК оценки состоятельны Асимптотическая тестовая статистика: Хи-квадрат(4) = 196,283 p-значение = 2,36608e-41		
Примечание: стандартные ошибки указаны в скобках. *, **, *** – значимость коэффициентов на 10%, 5%, 1% уровне значимости соответственно. Источник: результаты исследований авторов.		

Результаты оценивания моделей с фиксированными и случайными эффектами представлены в *таблице 2*.

В соответствии с робастным тестом на различие констант в группах, тестом Бройша – Пагана и тестом Хаусмана наилучшей спецификацией является модель с фиксированными эффектами. Результаты оценки модели с фиксированными эффектами демонстрируют, что общий показатель формальных институтов (*Governance*) оказывает статистически значимое положительное влияние на инновации. Этот вывод подтверждает точку зрения о том, что улучшение формальных институтов необходимо для развития инновационной деятельности. Социальный капитал (*Social_cap*) также оказывает статистически значимое положительное влияние на инновации: различия в уровне развития социального капитала определяют различия в интенсивности инновационной деятельности. Показатели *Natural_cap* и

Resource_Intensity, включенные в модель в качестве контрольных переменных, оказались статистически незначимыми.

Проведенный количественный анализ влияния институтов на инновационное развитие дает важное понимание значимости качества институциональной структуры в плане эволюции национальной инновационной системы. Однако комплексное знание о конкретных правилах и социальных контекстах можно получить при дополнительном исследовании нарративов. В ходе анализа влияния формальных институтов с использованием нарративов как источников данных мы концентрируемся на двух моментах: выделении протомоделей и интерпретации влияния социальных контекстов на поведение акторов инновационной системы.

Заключительные замечания

Качество формальных институтов оказывает заметное влияние на развитие национальной инновационной системы. В рамках институци-

ональной экономики можно выделить два подхода к анализу формальных институтов: дедуктивный и индуктивный. Дедуктивный подход связан с научной традицией новой институциональной экономики, а индуктивный — с оригинальным институционализмом. В статье использован индуктивный подход к исследованию формальных институтов. Также для анализа институциональной структуры национальной инновационной системы мы применяем подходы нарративной экономики, поэтому основным источником данных для качественного анализа формальных институтов инновационной системы являются нарративы, которые были отобраны в ходе анализа российских средств массовой информации и интернет-источников.

В результате эконометрического анализа была подтверждена гипотеза о существовании взаимосвязи между институтами и развитием инновационной системы. Проведенный анализ и выявленные статистически значимые переменные в модели в дальнейшем могут использоваться для организации сбора и анализа качественных данных — нарративов о развитии российской инновационной системы. Совместное качественное исследование нарративов наряду с эконометрическим модели-

рованием позволило более глубоко понять особенности функционирования формальных и неформальных институтов и их влияние на создание и внедрение инноваций. Проведенный анализ формальных институтов российской инновационной системы позволяет сделать вывод о недостаточной системности законодательства об инновациях, его фрагментарности и противоречивости. Избыточность регулирования несколько компенсируется неформальными нормами. Однако неформальные институты не могут компенсировать провалы регулирования в плане создания сильных стимулов для инновационной деятельности.

При реформировании законодательства, связанного с функционированием инновационной системы, сохраняется опасность движения по пути создания избыточных барьеров и регулирования, увеличивающих бюрократическую нагрузку на бизнес. Одним из выходов может служить адаптивный рамочный характер регулирования, который использовался при проведении реформ в Китае и характеризуется известным китайским афоризмом: «Сначала сядь в автобус, а потом купи билет». Такой порядок регулирования означает, что формирование норм должно не препятствовать нововведениям.

Литература

- Балацкий Е. (2007). Нечеткие институты, культура населения и институциональная энтропия // *Общество и экономика*. № 5-6. С. 37–53.
- Вольчик В.В. (2008). Эволюция институтов постиндустриальной экономики в контексте дихотомии Веблена // *Terra Economicus*. № 6 (2). С. 53–65.
- Вольчик В.В. (2022). Фундаментальные условия инновационного развития экономики // *Journal of Economic Regulation*. № 13 (2). С. 86–99.
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2021). Возможности нарративной экономики в исследованиях российской инновационной системы // *Terra Economicus*. № 19 (4). С. 36–50. URL: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-4-36-50>
- Вольчик В.В., Нечаев А.Д. (2015) Транзакционный анализ сферы государственных закупок: монография. Ростов н/Д: Содействие — XXI век. 144 с.
- Голиченко О.Г. (2011). Основные факторы развития национальной инновационной системы: уроки для России. М.: Наука. 634 с.
- Голиченко О.Г. (2017). Государственная политика и провалы национальной инновационной системы // *Вопросы экономики*. № 2. С. 97–108. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-97-108>
- Грэхэм Л. (2014). Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер. 272 с.
- Коммонс Д.Р. (2011). Правовые основания капитализма. М: Изд. дом ВШЭ. 416 с.
- Коуз Р. (2007). Заметки к «Проблеме социальных издержек». Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство. 224 с.

- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики. 256 с.
- Остром Э. (2011). Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН. 448 с.
- Попов Е.В., Власов М.В. (2013). Формальные и неформальные институты инвенций // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. № 3 (3) С. 4–14.
- Сото Э. (1995). Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy. 320 с.
- Тамбовцев В. (2016а). Право и экономическая теория. М: Проспект. 224 с.
- Тамбовцев В. (2016б). Теории государственного регулирования экономики. М.: Проспект. 160 с.
- Фергюсон Н. (2020). Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook. М.: Издательство АСТ. 736 с.
- Akerlof G., Snowder D. (2016). Bread and bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 126(B), 58–71. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.021>
- Alesina A., Paola G. (2015). Culture and institutions. *Journal of Economic Literature*, 53 (4), 898–944. Available at: <https://doi.org/10.1257/jel.53.4.898>
- Bennett D.L., Nikolaev B. (2021). Individualism, pro-market institutions, and national innovation. *Small Business Economics*, 57(4), 2085–2106. Available at: <https://doi.org/10.1007/S11187-020-00396-Y>
- Chadee D., Roxas B., Kouznetsov A. (2021). Corruption, bribery and innovation in CEE: Where is the link? *Journal of Business Ethics*, 174(4), 747–762. Available at: <https://doi.org/10.1007/S10551-021-04925-X>
- Greif A. (2006). *Institutions and the Path to the Modern Economy*. Cambridge University Press. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511791307>
- Hayek F. (1988). *The Fatal Conceit*. University of Chicago Press.
- Hirao T., Hoshino Y. (2020). Transition of innovation context: Text mining of newspaper editorials in Japan. *Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship, ECIE, 2020-September*, 304–311. Available at: <https://doi.org/10.34190/EIE.20.045>
- Hodgson G.M. (2003). The hidden persuaders: Institutions and individuals in economic theory. *Cambridge Journal of Economics*, 27(2), 159–175. Available at: <https://doi.org/10.1093/cje/27.2.159>
- Huang L., Ma M., Wang X. (2022). Clan culture and risk-taking of Chinese enterprises. *China Economic Review*, 72, 101763. Available at: <https://doi.org/10.1016/J.CHIECO.2022.101763>
- Kafourous M., Chandrashekar S.P., Aliyev M., Au A.K.M. (2022). How do formal and informal institutions influence firm profitability in emerging countries? *Journal of International Management*, 28 (1), 100890. Available at: <https://doi.org/10.1016/J.INTMAN.2021.100890>
- Klammer S.S., Scorsone E.A. (2022). *The Legal Foundations of Micro-Institutional Performance: A Heterodox Law & Economics Approach*. Edward Elgar Publishing. Available at: <https://doi.org/10.4337/9781802204339>
- Lee W.C., Law S.H. (2017). Roles of formal institutions and social capital in innovation activities: A cross-country analysis. *Global Economic Review*, 46(3), 203–231, Available at: <https://doi.org/10.1080/1226508X.2017.1292859>
- Ploeg M., Knoben J., Vermeulen P. (2022). We are in it together: Communitarianism and the performance-innovation relationship. *Research Policy*, 51(5), 104507. Available at: <https://doi.org/10.1016/J.RESPOL.2022.104507>
- Tsygankov S., Syropyatov V., Volchik V. (2021). Institutional governance of innovations: Novel insights of leadership in Russian public procurement. *Economies*, 9(4), 189. Available at: <https://doi.org/10.3390/ECONOMIES9040189>
- Volchik V., Maslyukova E. (2019). Trust and development of education and science. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 6(3), 1444–1455. Available at: [https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.3\(27\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.3(27))

Сведения об авторах

Вячеслав Витальевич Вольчик – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Южный федеральный университет (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42; e-mail: volchik@mail.ru)

Елена Васильевна Маслюкова – кандидат экономических наук, доцент, Южный федеральный университет (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42; e-mail: maslyukova@sfedu.ru)

Volchik V.V., Maslyukova E.V.

Impact of Formal and Informal Institutions on Innovative Economic Development

Abstract. Formal institutions are important elements of the institutional structure of the national innovation system. The development of legislative regulation of the Russian innovation system fits within the framework of the administrative state evolution: the growth of the scope of regulation is accompanied by an increase in the number of laws and by-laws. Although the dynamism of formal institutions is an essential condition for adapting to changing environment, it also increases uncertainty and therefore has a negative impact on actors. The analysis of the functioning of formal institutions can be conducted from two perspectives: deductive and inductive. The deductive approach is based on the analysis of the legislative regulation-associated costs and is close to the new institutional economics tradition. The inductive approach, which is used in this paper, follows original institutionalism and narrative economics scholarly tradition. The following problems associated with the functioning of formal institutions have been highlighted in the analysis of narratives about the Russian innovation system: the lack of the necessary legislation, non-complementarity and inconsistency of laws and by-laws, the imperfection of existing legislation, lack of real support for innovations in the formal creation of relevant legal acts, funds and organizations, etc. An econometric modeling of formal and informal institutions influence on the innovative development of the economy has been carried out. Significant variables have been identified including the general indicators of formal institutions and social capital. It leads to the conclusion that the improvement of formal institutions is necessary for the innovative activity development, and high social capital contributes to building trust and, therefore, promotes knowledge sharing and cooperation, which are crucial for innovation initiation.

Key words: narrative economics, institutional economics, formal institutions, Russian innovation system, legal acts, institutional modeling.

Information about the Authors

Vyacheslav V. Volchik – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: volchik@mail.ru)

Elena V. Maslyukova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: maslyukova@sfedu.ru)

Статья поступила 11.07.2022.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.5

УДК 338.2(985)(082), ББК 65.9(211)я431

© Пилясов А.Н., Цукерман В.А.

Становление нового технологического уклада в Арктике за период 1990–2021 гг.: региональный разрез

**Александр Николаевич
ПИЛЯСОВ**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
АНО «Институт регионального консалтинга»
Москва, Российская Федерация
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина ФИЦ КНЦ РАН
Апатиты, Российская Федерация
e-mail: pelyasov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2249-9351; ResearcherID: J-9120-2013

**Вячеслав Александрович
ЦУКЕРМАН**

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина ФИЦ КНЦ РАН
Апатиты, Российская Федерация
e-mail: tsukerman@iep.kolasc.net.ru
ORCID: 0000-0002-0844-1180; ResearcherID: J-1884-2018

Аннотация. Исследования по эволюции технологических укладов в странах мира должны быть дополнены уровнем регионов и муниципальных образований. Статья восполняет этот пробел — цель, поставленная в ней, состоит в изучении становления нового технологического уклада в Арктической зоне Российской Федерации. Определена хронология развертывания нового технологического уклада в российской Арктике в последние три десятилетия; объяснены причины выдвижения Ненецкого автономного округа на роль пилотной площадки технологических, организационных, институциональных экспериментов и инноваций для Арктической зоны; охарактеризованы блокировки и факторы-катализаторы формирования нового технологического уклада в Мурманской области. Методы исследования (системный подход, ретроспективный, картографический, сравнительный, структурный анализ) определялись выбранной теоретико-

Для цитирования: Пилясов А.Н., Цукерман В.А. (2022). Становление нового технологического уклада в Арктике за период 1990–2021 гг.: региональный разрез // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 95–117. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.5

For citation: Pilyasov A.N., Tsukerman V.A. (2022). Development of a new technological paradigm in the Arctic regions in 1990–2021. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 95–117. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.5

методологической рамкой: теория технико-экономических парадигм, теория хозяйственного освоения Севера и Арктики, концепция эволюционной экономической географии. В результате выделены и охарактеризованы пять этапов становления новой технологической парадигмы в Арктике в период 1990–2021 гг. На примере Ненецкого автономного округа показана благоприятная роль факторов малых и средних по размеру природных активов и организационного разнообразия добычных фирм, активной политики региональной власти, проводящей принципы конструктивной двойственности на первом этапе становления нового технологического уклада. На примере Мурманской области показана роль ресурсного монополизма местных крупных горнодобывающих предприятий в торможении прихода новых акторов и развертывании новых проектов в горнопромышленном освоении региона. Сделан вывод о значительной неравномерности (асинхронности) становления нового технологического уклада в арктических регионах: восприимчивость арктической территории к приходу новых акторов, технологий и институтов определяет возраст ресурсной провинции, тип природного ресурса, размер и формы размещения основных месторождений. Важнейшая задача для будущей научной проработки состоит в изучении оптимальных форм государственного воздействия на процесс становления нового уклада на территориях Арктики инструментами и институтами активной промышленной политики федерального, регионального и муниципального уровней.

Ключевые слова: становление нового технологического уклада, регионы Российской Арктики, Ненецкий автономный округ как район пионерного освоения, Мурманская область как старопромышленный регион, пилотный проект, морская логистика, технологические инновации.

Введение

К настоящему времени в мире относительно хорошо проработана тематика национальной технико-экономической динамики, перехода на новый технологический уклад стран-лидеров. Усилиями К. Фримана (Freeman et al., 1982; Freeman, Perez, 1988; Freeman, 1987), К. Переса (Perez, 2010), в России С. Глазьева (Глазьев, 1993; Глазьев, 2012) и других ученых развиты идеи длинных волн Н. Кондратьева (Кондратьев, 1925) в виде объемной картины сопряженной технологической, экономической и социокультурной (институциональной) динамики, которая сопровождает переход на новые технологии и организационные принципы хозяйственной деятельности, показаны особенности этапов зарождения, становления и расширения новой технико-экономической парадигмы в экономике передовых стран мира.

Однако не решена задача применения концепции технологических укладов к конкретным местным экономическим, социальным и природным особенностям. Для России ввиду огромных межрегиональных контрастов и различий она имеет особое значение и актуальность. Учет местного контекста особенно важен на первых стадиях укоренения нового технологического уклада, когда территориальные раз-

личия оказываются исключительно большими (потом, при его последующей пространственной экспансии, ситуация выравнивается).

Задача состоит не только в смене оптики с телескопа на микроскоп при изучении становления нового технологического уклада в арктических регионах. Очень важно уделять внимание и свойствам регионального *пространства* как среды распространения технологических инноваций, других атрибутов нового технологического уклада. Система расселения, инфраструктурная начинка регионального пространства, территориальная структура хозяйства, качественные характеристики местных сообществ людей, а для арктических территорий — и возраст в десятилетиях хозяйственного освоения — определяют *разные степени проницаемости регионального пространства к новшествам*¹: в одном случае выступают в виде катализатора диффузии инноваций, в другом, наоборот, фильтром и тормозом (барьером) радикальной инновационной модернизации.

¹ Комплексный феномен, который зависит от ландшафтов, системы расселения, инфраструктурной обустроенности, институтов власти и социокультурных характеристик местных сообществ людей.

Контекст регионального пространства и его различных свойств с точки зрения проницаемости к технологическим новшествам пропадает и при панорамном страновом взгляде (макроуровень), и при внутрифирменном корпоративном взгляде (микроуровень). Получается парадокс: на фоне многочисленных исследований инновационного процесса в стране и корпорациях, на предприятиях, работ по «контексту», по среде развертывания нового уклада в виде конкретных региональных пространств практически нет. Однако именно в Арктике эта среда исключительно специфична и, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения в контексте изучения распространения нового технологического уклада. Наше исследование направлено на восполнение этого пробела.

Предметом исследования стал процесс распространения нового технологического уклада в региональных пространствах за последние 30 лет, который рассматривался на конкретном объекте – регионах Арктики. Цель работы состоит в изучении особенностей становления нового технологического уклада в российской Арктике. Она предусматривает решение трех задач: 1) определить хронологию развертывания нового технологического уклада в российской Арктике в последние три десятилетия; 2) охарактеризовать Ненецкий автономный округ как район нового хозяйственного освоения и пилотную площадку становления нового технологического уклада в Арктике и определить причины выдвигания его на эту роль; 3) определить последовательность формирования нового технологического уклада в старопромышленной Мурманской области, факторы-катализаторы и блокировки этого процесса.

Методология и методы

Становление нового технологического уклада в Арктике рассматривается в данной работе как процесс проникновения новых технологий в освоение ресурсов и пространств, зависящий от региональной среды, восприимчивость которой к новшествам определяется мероприятиями региональной власти в области промышленной политики и системой ее отношений с федеральным центром, основными корпоративными акторами региона, местным производственным бизнесом.

Теоретико-методологический фундамент исследования представлен тремя источниками. Во-первых, это концепция технико-экономических укладов, формируемая для уровня стран в последние десятилетия работами многочисленных сторонников и последователей теории «длинных волн» Н.Д. Кондратьева. Выполнить задачи по адаптации данной страновой концепции для арктических регионов, с учетом их значительной специфики в ресурсном профиле, малонаселенности, транспортной периферийности и природной экстремальности, позволила методология эволюционной экономической географии, которая ставит акцент на развертывание процесса в региональном пространстве.

Во-вторых, это теория хозяйственного освоения Севера и Арктики. На протяжении многих десятилетий ее развивали советские и российские экономико-географы. Она обеспечивает конструктивную стыковку технико-экономической внепространственной «укладной» концепции с очень специфичными свойствами регионального пространства российской Арктики: становление нового технологического уклада в Арктике органично связано с новым циклом освоения ресурсов, сухопутных и морских пространств. Особенности применяемых нами методов (ретроспективного анализа, картографического, сравнительного и др.) определяются наследием освоенческой школы.

Третьим теоретико-методологическим источником является системный подход. Авторы исходили из того, что становление нового технологического уклада связано с внедрением не одной, а многочисленных сопряженных инноваций по всей ресурсной цепочке.

Основные результаты

Пять этапов развертывания нового технологического уклада в пространствах российской Арктики

В 1992 году, вместе с радикальной рыночной реформой в России, начался первый, стартовый период «пробного нащупывания» технологического и организационного нового в освоении Арктики. В это время новая парадигма «вынашивалась» в коконе старой: в результате акционирования, приватизации и дробления десятков крупных государственных добывающих

объединений, главков и предприятий возникла новая экспериментальная среда тестирования потенциальных новых путей технико-экономического развития Арктики.

Значение реформы для базовых добывающих отраслей Арктики состояло в том, что она открыла возможность войти в добывающую отрасль людям извне — из геологии, финансового сектора. При этом они могли получить шанс на рискованное предпринимательство и свободный капитал, чтобы пробовать новые технические и организационные решения.

Некоторые руководители советских горно-нефтегазодобывающих предприятий также оказались способными на революционные технологические и организационные эксперименты. Однако в основном старт технологической революции в Арктике в 1990-е гг. давали специалисты, находящиеся не внутри, а снаружи производственной системы, например молодые предприимчивые финансисты.

Парадокс технологической революции, начатой в 1990-е гг., состоял в том, что для ее успеха были необходимы не только новые технологии, но и инвесторы с новым мышлением. Технологии были разработаны, использовались, но к революционному преобразованию не приводили: более того, сами новые технологии зачастую закрепляли зависимость от прежнего индустриального пути.

Финансовый капитал и его носители, как отмечает Карлота Перес (Перес, 2011), в силу своей мобильности, неукорененности, незашоренности на сложившуюся десятилетиями производственно-технологическую траекторию² обеспечивали расшатывание старой парадигмы и условия для радикального обновления добычного производства — переход к новым технологическим схемам, решениям, ресурсам.

² Финансовый капитал подвижен в силу своей непривязанности к конкретному производственному знанию. В стационарные периоды это часто является недостатком, однако в периоды технологических революций становится его огромным достоинством: производственный капитал укоренен в конкретный географический регион, конкретную область технического и инженерного знания. После десятилетий успешной работы ему трудно одолеть свою зависимость от пути в периоды технологических революций. Неудивительно поэтому, что здесь новаторскую роль играет именно финансовый капитал и его носители.

Реформа сформировала условия (новый режим соглашений о разделе продукции (СРП), новые совместные предприятия (СП), малые и средние ресурсные предприятия и др.) для прихода новых, негосударственных источников свободного финансового капитала, частных иностранных инвестиций и появляющихся новых российских инвесторов в арктическую добычную промышленность.

Конкретные формы прихода частного финансового капитала в добычные активы Арктики были многообразными: в одном случае молодые специалисты становились финансовыми менеджерами и первый накопленный капитал отдавали инвестициями в высокомаржинальный ресурсный бизнес (например, комбинат «Норильский никель»); в другом случае частный капитал приходил в форме совместного предприятия, когда российский содиректор отвечал за производственные компетенции, а иностранный — за финансовый капитал и финансовые компетенции (СП «Сайпрус минералз» на месторождении Кубака в Магаданской области); в третьем случае в совет директоров российской арктической корпорации приглашался иностранный специалист — ответственный за иностранные инвестиции.

Ключевым событием первого периода пробного «нащупывания» контуров нового технологического уклада в добывающей промышленности российской Арктики, который завершился в 1998 году глобальным финансово-экономическим кризисом, стало масштабное экспериментирование в Ненецком автономном округе (НАО), районе пионерного освоения нефтяных и нефтегазовых активов.

Следующий период, который начался в кризисном 1998 году, ознаменовался реинтеграцией технологически сопряженных добычных производств Арктики под эгидой новых частных вертикально-интегрированных ресурсных компаний. ПАО «Лукойл» и ПАО ГМК «Норильский никель», актуализируя принципы морской логистики, реализовали в это время масштабные программы строительства судов усиленного ледового класса.

Именно в этот период, после корпоративизации найденных решений, создания новых и приватизации государственных добывающих предприятий, начал масштабно развертываться

ся другой важнейший процесс – омоложение традиционных добычных отраслей старопромышленных районов Арктики за счет перехода на новые технологии, нередко с частичным изменением прежнего ресурсного профиля (с россыпного золота на рудное в Чукотском автономном округе, к большому извлечению палладия, меди в норильской руде и т. д.).

Глобальный финансово-экономический кризис 2008 года стал временем завершения прежнего этапа становления новой технико-экономической парадигмы, опирающейся на энергию новосозданных частных вертикально-интегрированных компаний и началом этапа укрепления государственных корпоративных структур освоения, которые выступили основными акторами тиражирования новшеств пятого «Кондратьева» в Арктике. Именно в этот период выделения АО «Газпромнефти» из ПАО «Газпром», отграничения нормативно и статусно укрепляемой Арктики от слабо нормативно защищенного Севера, отказа от разработки Штокмановского газоконденсатного месторождения и ввода морской ледостойкой платформы «Приразломная»³ в отработку резко усилились противоречия новых и старых технологических и организационных решений при освоении российской Арктики: например, между опирающимися на морскую логистику проектами «Приразломная» и «Новый порт», с одной стороны, и проектом освоения Бованенковского месторождения, которое опиралось на традиционную, апробированную с 1970-х гг. трубопроводную схему транспортировки газа.

2014 год ознаменовал завершение прежнего и начало нового этапа становления пятого «Кондратьева» в российской Арктике. Ввод первого СПГ-проекта НоваТЭКа «Ямал-СПГ» и экспоненциальный рост объемов перевозок по Северному морскому пути стали знаком агрессивного утверждения, победы нового технологического уклада с его базовыми чертами: платформенные технологии добычи и переработки, вахтовый метод организации работ, морская логистика и дистанционные технологии управления.

³ Длительное откладывание ввода проекта «Приразломной» в эксплуатацию, помимо субъективных причин, можно оценить и более широко – как неспособность ранее 2000-х гг. выйти на новую технико-экономическую парадигму в добывающей отрасли российской Арктики.

Технологические, организационные, институциональные и даже климатические изменения в этот период «подхлестывали» друг друга и обеспечили утверждение нового формата передовой хозяйственной практики, передовых решений в лице проекта «Ямал-СПГ» и связанного с ним нового порта Сабетта. Именно в этот период новая технологическая парадигма показала свою реальную силу (*таблица*), хотя тотального ее внедрения еще не произошло.

Новый технологический уклад манифестирует себя в новой природе процесса хозяйственного освоения ресурсов и пространств Арктики, т. е. является переходом к отработке либо новых природных ресурсов на старых освоенческих площадях, либо новых сухопутных и морских пространств, на которых извлекаются ранее эксплуатируемые природные ресурсы, либо новым в квадрате, то есть освоением новых ресурсов на новых пространствах⁴. Чтобы перейти к более конкретному пониманию механизмов и ключевых акторов становления нового технологического уклада в Арктике, необходим не зональный, в масштабе всей Арктической зоны России, а региональный уровень конкретных арктических территорий.

Ненецкий автономный округ – пилотная площадка развертывания нового технологического уклада в российской Арктике

В первое десятилетие российской реформы НАО стал районом пионерного хозяйственного освоения в российской Арктике и местом внедрения технологических, организационных, институциональных инноваций, методов социально ответственного и экологически сбалансированного природопользования, с которыми было связано формирование новой технико-экономической парадигмы в Арктике⁵. Ее черты обозначились здесь раньше и отчетливее, чем в других российских арктических территориях. Почему это произошло?

Привычные ответы на этот вопрос состоят в упоминании феномена развития «с чистого листа», не обремененного материальными

⁴ Подробно все варианты схем освоения ресурсных проектов Арктики описаны в статье (Пилясов, Путилова, 2020).

⁵ Ненецкий автономный округ: территория парадоксов. М.: Институт регионального консалтинга. 2022. 234 с.

Этапы развертывания пятого технологического уклада в российской Арктике

	Годы				
	1980–1992	1992–1998	1998–2008	2008–2014	2014–2021
	Становление новой парадигмы				
Взаимоотношение черт старой и новой парадигмы	Умирание старого	«Вынашивание» нового: старое «больше» нового. Одиночные инновации. <i>Первые новаторы-предприниматели</i> . Противодействие новому в форме сопротивления реформам. В центре освоенческих новаций – НАО.	Старое и новое уравновешены. Первые попытки кластеризации инноваций (добыча, переработка, логистика). <i>Корпоративные имитаторы новаторов-предпринимателей</i> . В центре освоенческих новаций – НАО.	Настройка новой парадигмы: новое «больше» старого. Кластеризация инноваций. <i>Госкорпоративные имитаторы «второй волны»</i> . Начало острого расхождения старого и нового освоения в Арктике, гринфилд и браунфилд проектов. В центре освоенческих новаций – ЯНАО.	Взрывной рост нового: новое подавляет старое. Разлом на зоны добычи трубного и СПГ-газа. Сильная экономическая и социальная поляризация и острые контрасты нового и старого. <i>Агрессивное становление новой парадигмы</i> . В центре освоенческих новаций – Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и Чукотский автономный округ (ЧАО).
Основные события	Ресурсный кризис в старопромышленных районах Арктики и Севера	Разгосударствление (дробление) и приватизация государственных промышленных предприятий. Поиск новых производственных и логистических решений новыми хозяйственными акторами. Демонтаж и реструктуризация старой инфраструктуры в виде малодетальных железных дорог, авиаплощадок, портопунктов, монопрофильных поселений и др. Пионерное опробование новых организационных (СРП), производственных и морских логистических решений малыми и средними предприятиями в НАО.	Корпоративизация ключевых природных активов Арктики. Начало перехода на морскую логистику крупных гринфилд-проектов (СМЛОП Варандей «Лукойла» как пилотный проект). Продолжение демонтажа и реструктуризации объектов инфраструктуры прежнего индустриального освоения.	Госкорпоративизация морского освоения Арктики. Шельфовая мания приобретения лицензионных участков госкомпаниями. Начало экспериментов с умной морской логистикой и платформенными технологиями добычи «Газпромнефтью» в проектах Новопортовское (ЯНАО) и Приразломное (НАО). Начало освоения Бованенковского месторождения (ЯНАО) в старой схеме южного трубопроводного вывоза и Майского золоторудного месторождения (ЧАО) на новых технологиях добычи и старых логистических схемах. Освоение месторождения Купол (ЧАО) на новых технологиях добычи и логистики.	Бум запущенных СПГ и новых нефтяных проектов «лучшей практики» (Восток Ойл и др.), опирающихся на морскую логистику. <i>«СПГ-мания»</i> . <i>«Большой взрыв» Сабетты – начало новой технологической революции в российской Арктике</i> . Начало освоения Бамской рудной зоны (ЧАО). Кратный рост объемов грузоперевозок по Северному морскому пути. Формирование новой суперорганизации современного освоения Арктики – госкорпорации «Росатом» с инновационным потенциалом в добыче, транспортной логистике и энергообеспечении новых ресурсных проектов.

Окончание таблицы

	Годы				
	1980–1992	1992–1998	1998–2008	2008–2014	2014–2021
		Становление новой парадигмы			
Арктические регионы основных событий новой технологической революции		Связь технологических преобразований в Арктике с политическими, экономическими и управленческими реформами в России.	Омолождение состарившихся добычных отраслей и ресурсных провинций Мурманской, Архангельской областей, Норильского промышленного района, Республики Саха (Якутия) за счет перехода к освоению новых природных объектов в старых местах хозяйственной деятельности (газоконденсат, медь, палладий, рудное золото и др.).	Интенсивное финансирование новых проектов ЯНАО, ЧАО и Таймыра европейскими и азиатскими иностранными инвесторами.	Интенсивное финансирование новых проектов ЯНАО, ЧАО и Таймыра азиатскими иностранными инвесторами.
Взаимоотношение финансового и производственного капитала		Разграничение финансовых менеджеров и «красных» производственных директоров. Иностранный и российский финансовый капитал помогает новым предпринимателям в экспериментах по становлению новой парадигмы, «расшатывает» инерцию прежнего развития («зависимость от пути»).	Разграничение финансового и производственного капитала, финансовых менеджеров и производственных директоров.	Начало соединения финансового капитала с производственным. Зарубежный финансовый капитал в основных крупных проектах Арктики.	Слияние финансового капитала с производственным. Зарубежный финансовый капитал в избранных проектах.
Опорная ИКТ-инфраструктура нового уклада	Нет	Нет	Нет	Активное формирование	Создание новой ИКТ-инфраструктуры для гринфилд и браунфилд ресурсных проектов. Цифровая трансформация арктических корпораций. Цифровые двойники реальных процессов.
Источник: составлено авторами.					

активами и укоренившимися представлениями прежнего индустриального времени, которые хорошо работали в ту эпоху, а для новой скорее являются тормозом. Это важный фактор, его не было у остальных арктических автономных округов и регионов, активное хозяйственное освоение которых началось десятилетиями раньше, но он один не в состоянии объяснить феномен НАО как стартовой площадки нового для всей российской Арктики.

Другое часто упоминаемое обстоятельство состоит в удаче обретенной политической самостоятельности, полноценной субъектности внутри Российской Федерации, которое обеспечило новой команде региональной власти невиданные прежде полномочия в управлении развитием региона (например, право использовать региональную квоту от добытой нефти на финансирование социально-экономического развития региона) и, что еще важнее с точки зрения становления нового технологического уклада, полноценное участие во всех переговорах по новым добычным проектам, которые обсуждались с иностранными инвесторами и федеральными министерствами в первые годы реформы (Комаровский, 2014). Другие ставшие самостоятельными субъектами РФ автономные округа Арктики тоже получали в начале 1990-х гг. беспрецедентные права, но полигоном для нового технологического уклада тогда не стали.

Региональная среда, дружественная инновациям: разнообразие, базовые отношения, пространство

Мы имеем дело с комплексным феноменом «позитивного отбора» региона в первопроходцы нового технологического уклада в российской Арктике, который нельзя объяснить каким-либо одним, даже самым очевидно благоприятным, фактором. Речь должна идти о системе взаимосвязанных факторов и обстоятельств, которые повлекли конечный результат: к такому взгляду нас подталкивает детально описанный феномен Кремниевой долины (Saxenian, 1994): исследователи отмечают, что ее «стихийное» назначение в лидеры-первопроходцы американской компьютеризации и тот факт, что она обошла в этом прежнего признанного лидера – Бостон, Массачусетс – есть результат не одного фактора, а системно работающей группы факторов, сформировавших среду поощре-

ния экспериментов, в которой и появились условия для массового внедрения компьютерных новшеств.

В рассмотренном случае речь должна идти о поиске не какого-то одного фактора, но о группе факторов-причин, которые смогли сформировать среду поощрения экспериментов (как успешных, так и неуспешных, забытых), и уже из этой среды «отсеивались» истории успеха и передовые практики, которые потом тиражировались на остальные территории Арктики. Исходным благоприятным обстоятельством для ее формирования стало *исключительное разнообразие* природных активов – нефтяных, нефтегазовых и нефтегазоконденсатных месторождений севера Тимано-Печорской нефтегазовой провинции⁶.

Радикальные различия природных активов региона от месторождения к месторождению (по содержанию серы, вязкости, плотности и др.) и высокая специфичность многих из них обусловили «штучный» подход к каждому ресурсному объекту и, соответственно, сказались на большом числе недропользователей на сравнительно небольшой по сравнению с другими регионами добычной территории (*рисунок*).

То, что являлось проклятием в советское индустриальное время, что задержало хозяйственное освоение автономного округа в 1980-е гг. (например, Ардалинское месторождение было открыто еще в 1980-е гг., а стало добычным проектом в середине 1990-х гг.): средние и малые запасы при значительной уникальности черт каждого природного объекта и нередко наличии не однородных, а смесовых природных активов, брать которые индустриальная позднесоветская экономика, настроенная на получение эффекта экономии на размере, просто не умела (в моде были однородные по метану и нефти, без «примесей», «правильные» месторождения Ямала и Хантов) – в новую хозяйственную эпоху стало условием для уникального технологического, организационного, логистического и институционального разнообразия, а это и есть лучшая среда для экспериментов и инноваций, для становления нового уклада.

⁶ О нем пишут многие исследователи Ненецкого автономного округа, например: «Особенность северной части Тимано-Печорской провинции – наличие большого количество месторождений со средними и малыми запасами» (Илюмжинов, 2003).

Среда организационного разнообразия в нефтегазовом секторе НАО

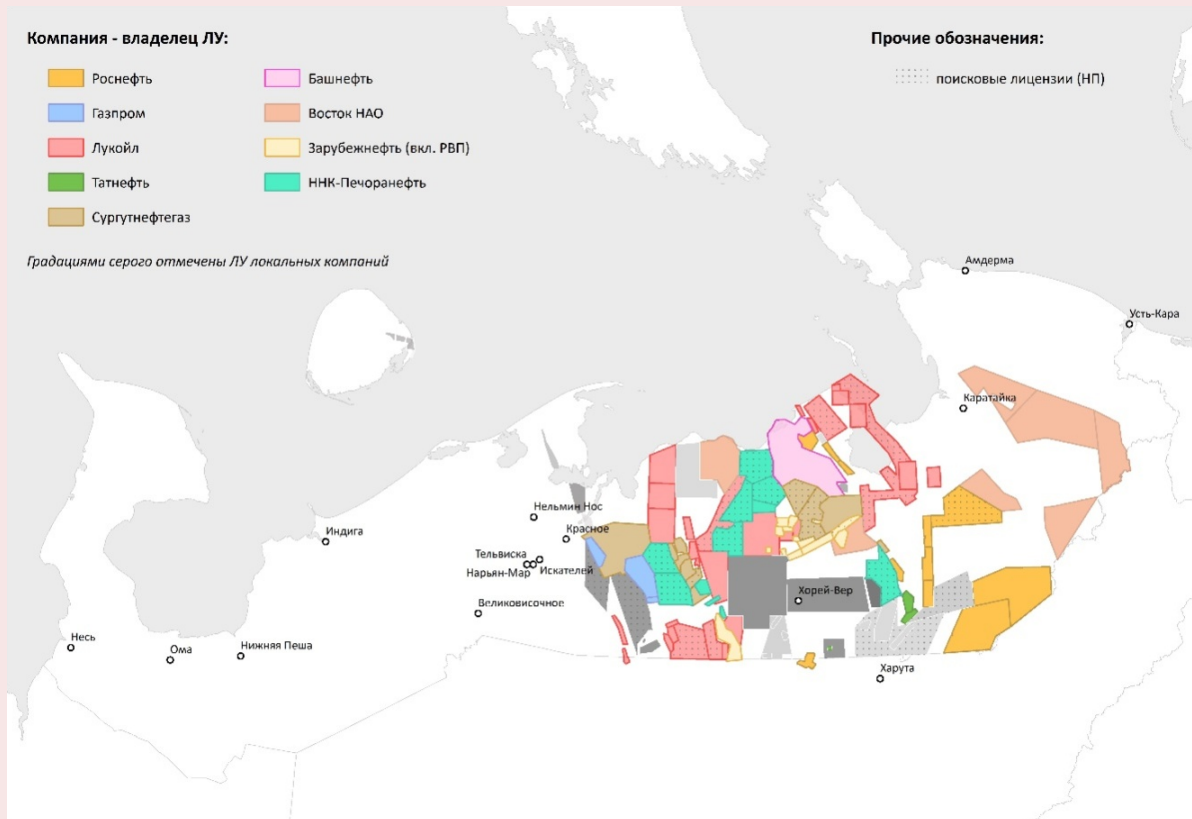

Схема размещения лицензионных участков ключевых нефтегазодобывающих компаний на территории Ненецкого автономного округа – конструктивное условие для институционального и организационного разнообразия как катализатора становления нового уклада в нефтедобыче.

Источник: данные Федерального агентства по недропользованию за 2016 год.

Картография: канд. геогр. наук Р.В. Гончаров.

Если бы освоение НАО началось в советское время, то природное разнообразие месторождений было бы «заглушено» унифицированной организационной схемой освоения – одна государственная компания на всю нефтегазовую территорию. В условиях же новой России, приватизации прав недропользования и первоначальной автономизации низовых добычных хозяйственных структур (в условиях пионерного освоения НАО в результате прихода новых международных компаний и консорциумов крупных иностранных компаний и российских участников; в староосвоенных арктических территориях, например Мурманской и Архангельской областях, – в результате разгосударствления старых советских главков и трестов) это исходное разнообразие природ-

ных объектов по своим свойствам, наоборот, было акцентировано за счет появления разных недропользователей.

Разнообразие природных объектов и их собственников сыграло для отбора НАО в качестве пилотной площадки нового технологического уклада ту же роль, что и десятки фирм венчурного IT-бизнеса Кремниевой долины: в обоих случаях разнообразие стало условием формирования среды непрерывного, каскадного инновационного поиска и экспериментов, в бездорожном НАО в сфере добычи и особенно логистики. Исключительную роль для последующего утверждения принципов нового технологического уклада в российской Арктике сыграла робко обозначившаяся уже в первые годы освоения НАО дуальная схема традици-

онной «южной» трубопроводной и новой морской транспортировки углеводородов «по временной схеме» (развивалась усилиями малых недропользователей).

В инновационном поиске первых лет хозяйственного освоения НАО поражения значили для закрепления черт нового технологического уклада не меньше, а даже больше, чем передовые практики состоявшихся проектов, потому что прерванные неудачные эксперименты закрепляли приоритет и значимость победивших. «Стихийная правота» реальной ситуации состояла в том, что неудачи помогали отобрать те проекты и решения, которые становились временными монополистами удачи. Если бы среда массового экспериментального поиска сохранялась длительное время, то ресурсов природных активов не хватило бы на всех и могла иметь место уже не созидательная, а разрушительная конкуренция со всеми негативными издержками (уничтожение конкурентов, коррупция государственных органов для гарантированного назначения победителей и др.).

Почему это разнообразие структур и институтов недропользования не было быстро «погашено» региональными властями, Архангельской областью, федеральным центром, крупным недропользователем-монополистом? Региональная власть первых лет нового освоения НАО, возглавляемая первым губернатором Ю.В. Комаровским, была нацелена на раскрепощение сил экономического развития территории и максимизацию социальных выгод от этого процесса (Комаровский, 2014). В отличие от других арктических регионов, в том числе автономных округов, в НАО радикальные преобразования 1990-х гг. начались в условиях пионерного освоения уникальных природных активов нефти, но без присутствия крупных корпоративных структур. То есть у местной власти был карт-бланш на проведение самостоятельной, независимой экономической политики в большей степени, чем у властей всех других арктических регионов.

Именно региональная власть обеспечила закрепление важного для инноваций структурного разнообразия дружественной средой, которая формировалась прежде всего отношениями с федеральным центром, Архангельской областью, ключевыми недропользователями региона. Общей чертой всех этих отношений была

конструктивная двойственность, которая предполагала мирное сосуществование элементов старого и нового (идти напролом с новым означало бы уничтожение самой возможности экспериментов).

С конца 1991 года «субъектный» автономный округ получил значительную свободу в принятии экономических решений, например право использовать региональную квоту нефти на цели социально-экономического развития. Эту свободу региональная власть конструктивно направила на поощрение освоения природных ресурсов в открывшихся и ставших возможными новых формах и схемах.

Наряду с общей новообретенной самостоятельностью по сравнению с другими автономными округами Арктики НАО имел ряд важных преимуществ в отношениях с федеральным центром. Географическая близость к федеральным центрам принятия решений сочеталась здесь с тотальной бездорожностью, что означало, во-первых, легкость лоббирования местных решений в ключевых центрах страны (Администрация Президента РФ, Правительство РФ, Государственная дума и Совет Федерации), во-вторых, — трудности бюрократического контроля и опеки текущих экономических процессов со стороны федеральных министерств и ведомств: остановить эксперименты здесь было сложнее. «Внутреннее» положение НАО по сравнению с геополитически чувствительным ЧАО также благоприятствовало формированию эффективных рабочих отношений с федеральным центром.

Конструктивная двойственность, которая не приводила к конфликтам (нередко в других случаях они просто останавливали всякое инновационное экспериментирование), длительное время сохранялась и в отношениях НАО как нового субъекта РФ с «материнской» Архангельской областью. Новообразованный нефтегазовый субъект Российской Федерации экономически был сильнее лесопромышленной области: «в 1993 году, как отмечает первый Губернатор НАО в своей книге воспоминаний, в округе было построено больше жилья, чем во всех районах Архангельской области вместе взятых» (Комаровский, 2014). Иная ситуация наблюдалась в Чукотском автономном округе, который, будучи экономически слабее «материнской» Магаданской области, сразу и реши-

тельно порвал с ней, утратив тем самым возможности поддержки своих экономических инициатив в первые годы реформы.

У НАО, с одной стороны, были беспрецедентные по сравнению с советским прошлым новые права; с другой стороны, незавершенный процесс отделения от Архангельской области, который позволял получать поддержку от области для всех своих инициатив. Недооформленная независимость, которая традиционно считается тормозом реформ и инноваций, на самом деле на первом этапе робкого становления нового уклада может быть благом, потому что позволяет самые трудные первые годы пользоваться поддержкой «материнской структуры», формирует условия для последующего бесконфликтного обособления. В классической ситуации отношений материнской структуры и «вылупившегося» из нее инновационного спин-офа условиями его успеха являются не только высокая самостоятельность в принятии новаторских решений, но и бесконфликтные, мирные отношения с «матерью», создать которые непросто, но именно они гарантируют успешное становление нового уклада.

Во второй половине 1990-х гг. в НАО пришел ПАО «Лукойл», который уже в нулевые годы стал самым крупным актором местного недропользования. В НАО местные власти встретили его настороженно и тут же принялись укреплять главную структуру местного недропользования – Ненецкую нефтяную компанию. По этой причине, но прежде всего ввиду наличия других недропользователей среднего размера и значительного политического веса, ПАО «Лукойл» не смог здесь получить все нефтегазовые активы и тем самым превратить Ненецкий автономный округ в свою монопрофильную корпоративную территорию.

Именно условия конструктивной двойственности – крупнейший, но не монополярный – обеспечили в последующем, когда ПАО «Лукойл» поглотил всех мелких недропользователей и совместные предприятия (в том числе важнейших – Архангельскгеолдобычу (1997) и КомиТЭК (1999)), его неожиданное и конструктивное для округа и Арктики поведение: он не остановил инновационный поиск, не пошел на «трубопроводное» апробированное логистическое решение, как полагали многие

эксперты⁷, но закрепил новую морскую логистику вывоза углеводородов в масштабном проекте Варандейского терминала.

Территория НАО была исключительно благоприятной для самых радикальных инноваций. Восточная зона хозяйственного освоения пролегла вне (западных) территорий традиционного расселения, в том числе коренных малочисленных народов Севера и поморов. Значит, конфликт по земельным требованиям народов Севера на исторические территории предков был исходно исключен, что значительно повысило инвестиционную привлекательность природных активов для иностранных инвесторов.

Тимано-Печорская нефтегазовая провинция простирается на юге на территорию Республики Коми, и это давно эксплуатируемые и истощенные природные активы; на севере – НАО, и это молодые и свежие активы месторождений. Если бы вся провинция входила в Республику Коми, то такой дружественной к новшествам среды на ее молодом севере не было бы.

С другой стороны, существовало разделение региона на две ресурсные базы: северную часть простирающейся с юга, от Республики Коми, Тимано-Печорской провинции, и приморскую Баренцевоморскую часть⁸. Можно сказать, что было проведено естественное районирование территории по степени готовности к новому укладу: южные природные активы естественным образом опирались на традиционную трубопроводную логистику, а северные – на новую морскую. К сожалению, в последующие годы эта логически оправданная схема была нарушена: «практически параллельно друг другу, но в разных направлениях перегоняется нефть по нефтепроводам Харьяга – Варандей («Лукойл», с юга на север через месторождение Южное Хыльчу) и с месторождений Вала Гамбурцева

⁷ «По-видимому, компании „Лукойл“, которая планирует осуществлять нефтедобычу на континентальной части Тимано-Печорской провинции, более выгодно при меньшем риске транспортировать нефть до Мурманска привычным способом по системе трубопроводов, чем мало- и среднетоннажными танкерами в ледовых условиях Баренцева и Печорского морей...» (Тоскунина, 2003, с. 242).

⁸ Ненецкий автономный округ. Современное состояние и перспективы развития. Государственная полярная академия. Санкт-Петербург. 2005. 512 с.

(Хасырейское месторождение) до Баганского месторождения («Роснефть», с севера на юг), *разрывая ранее сложившуюся структуру экспорта нефти с северных месторождений округа — через Варандейский терминал, с южных — через структуру нефтепроводов „Транснефти”*⁹.

НАО является самым малолюдным регионом России. Но это означает, что на месте потенциальных сопротивляющихся новому было очень немного. И это опять давало местной власти карт-бланш на поощрение самых смелых и радикальных инноваций в 1990-е гг.

«Спонтанно-венчурный» и корпоративный этапы пионерного освоения НАО

В ходе пионерного нефтепромышленного освоения НАО важно разграничить два этапа: первый, 1992–1999 гг., — коллективное экспериментирование малых и средних фирм и СП, и второй, 2000–2008 гг., — корпоративная материализация ранее найденных новаторских решений ПАО «Лукойл» и другими крупными компаниями. Силы и эффекты, которые работали на первом и втором этапе, были абсолютно различными. Сначала важнейшим стал эффект разнообразия от работы малых и средних нефтепользователей, а затем — экономии на корпоративном масштабе производства.

Впервые в России в 1992 году было создано совместное российско-американское предприятие «Полярное сияние» (ГП «Архангельскгеология» и корпорация «Коноко») по добыче нефти в Ардалинском проекте, который стал первым в России образцом применения зарубежной технологии бурения в Арктике — исключительно зимой, со специально замороженных снежно-ледовых площадок¹⁰, благодаря чему не повреждается растительный покров и тундра не покрывается «шрамами» от тяжелой техники. Уже через полтора года, в августе 1994 года, первопроходческий ардалинский проект нового нефтепромышленного освоения обеспечил первые тонны нефти. Проект опирался на традиционную трубопроводную схему вывоза: для него был построен специальный трубопровод Ардалинское месторождение — Хартыга протяженностью 64 км. Ардалинский проект

стал местом подготовки специалистов новой формации, обученных соблюдению экологических норм (Комаровский, 2014) как императива нового технологического уклада, которые впоследствии работали и на других предприятиях Арктики (а полученный здесь опыт передавался дальше, в новые арктические проекты).

В конце 1995 года было подписано соглашение по разработке второго крупного проекта нового нефтепромышленного освоения — Хартыгинского, которое с января 1999 года реализовывалось на условиях соглашений о разделе продукции (СРП): НАО стал пионером в Российской Федерации по внедрению схемы софинансирования освоения месторождений с иностранными партнерами¹¹. Реализуя идею региона-собственника, власти автономного округа в 1998 году создали Ненецкую нефтегазовую компанию (ННК), которая стала полноправным участником СРП наряду с StatoilNorskHydro (Норвегия) и «Тоталь Разведка Разработка Россия» (Франция). В 2009 году в проект вошла ОАО «Зарубежнефть».

Геологическая общность севера и юга единой Тимано-Печорской нефтегазовой провинции неизбежно толкала проектировщиков на продолжение уже созданной трубопроводной схемы вывоза нефти НАО на суше и даже на шельфе по существующей системе трубопроводов на юг через Республику Коми. Неудивительно, что именно в этой идеологии были выдержаны первые проекты нефтепромышленного освоения НАО (Ардалинский и Хартыгинский). Нефть из них поступала по трубопроводу в Ухту и далее по системе магистральных трубопроводов в западном направлении.

Для того чтобы начать мыслить в новых категориях, важнейшее значение имела исходно, уже в начале 1990-х гг., существующая альтернатива официальной традиционной трубопроводной схеме в виде полуправильной морской временной схемы вывоза нефти. Одновременно с трубопроводной существовал и «капиллярный» скромный и несопоставимый по объемам выгрузки («экспериментальный») опыт вывоза нефти Песчаноозерского месторождения на острове Колгуев танкерами. Он давал возможность думать, что морская транспортировка в

⁹ Ненецкий автономный округ: территория парадоксов. М.: Институт регионального консалтинга. 2022. 234 с.

¹⁰ См.: <http://www.oilru.com/nr/79/774/>

¹¹ См.: <http://nnk.noilco.ru/projects/>

существенно больших объемах может быть возможна и для «материковых» проектов севера Тимано-Печорской провинции, находящейся в НАО. Без колгуевского проекта не было бы и Варандейского терминала, и всей морской логистики вывоза арктической нефти.

По мере того как собственники из числа малых и совместных предприятий приходили на новые приморские месторождения, вопрос поиска подходящего морского терминала для вывоза нефти неизбежно приобретал усиленное звучание. В целях консолидации усилий новых собственников и отработки оптимальной морской схемы и места для терминала (прежде всего по критерию минимизации длины трубопроводной транспортировки к нему от месторождений и географического удобства места размещения) возник проект терминала «Северные ворота». После нескольких итераций было предложено три варианта размещения терминала: Индига, Колгуев (Канинский вариант), Варандей (Тоскунина, 2003).

Варандейский вариант в конкуренции с Индигским и Канинским обладал преимуществом минимальной сухопутной трубопроводной транспортировки нефти с месторождений северной части НАО (Тоскунина, 2003) к терминалу по малоземельской и тиманской тундре (обеспечивал минимизацию давления на животный мир и растительные ландшафты), то есть это был вариант, в максимальной степени опирающийся на морскую логистику.

Варандейский терминал как лучшее место размещения победил. Однако оставалось неясным, кто конкретно будет реализовывать этот вариант. Дело в том, что многие эксперты сомневались, что «Лукойл», ставший к тому времени уже грандом НАО-нефтедобычи, решится на новую морскую логистику. Одно дело – экспериментальная временная погрузка нефти в районе Варандея (действовала уже в 2000 году), на которую пойти было легче, но она не решала вопросы многомиллионной погрузки нефти, потому что для таких объемов нужны были более мощные танкеры, которые не могли подойти к варандейскому мелководью – значит, нужно было вытягивать терминал на десятки километров от суши, что резко удорожало весь проект, но обеспечивало на порядок большие объемы перевалки нефти.

Но пойдет ли на этот «полноценный» вариант «Лукойл», было неочевидно. В районе Варандея суша переходит в море почти незаметно, глубины небольшие, и строительство традиционного нефтеналивного порта на суше потребовало бы исключительно затратных дноуглубительных работ (порт есть, но для танкеров он не подходит). Компания «Лукойл» приняла решение вынести терминал на 22 км в море; нефть подается на стационарный морской ледостойкий отгрузочный причал (СМЛОП) по трубопроводу, а уже с причала перегружается на танкеры. СМЛОП был построен в 2008 году.

Главная удача НАО состояла в том, что, несмотря на радикальное изменение характера и природы освоения на первом и втором этапах, была сохранена преемственность решений, а это произошло ввиду условий структурного разнообразия (неполного монополизма «Лукойла»), долгосрочности ключевых решений, принятых еще в начале 1990-х гг., которые невозможно было отменить – то есть конструктивной зависимости от пути. Переход от малого бизнеса к крупному игроку не нарушил логику, сохранил преемственность новаторского морского логистического решения, которому «Лукойл» придал системный характер: глубоководный варандейский терминал, специализированные суда ледового класса с частичным ледокольным сопровождением, перегрузочный терминал с судов ледового класса на обычные грузовые суда в Кольском заливе.

С точки зрения устойчивости региональной системы, входящей в эксперимент, существует понятие чрезмерного разнообразия, которое может быть губительным для самого эксперимента, деструктивным для него и связанного с ним нового технологического уклада. Вот почему завершение фазы разнообразия в начале нулевых годов и одновременное выдвижение «Лукойла», к тому времени поглотившего основную массу малых недропользователей автономного округа, на роль суперструктуры хозяйственного освоения автономного округа было конструктивным. Именно «Лукойл» обладал достаточными инвестиционными ресурсами, чтобы быстро реализовать системный переход на революционную морскую логистику – ключевой элемент нового технологического уклада в российской Арктике. Он обеспечил преем-

ственность между новаторскими наработками «по временной схеме» морского вывоза нефти малыми и средними фирмами первой фазы пионерного освоения и «монументальным» решением в виде Варандейского терминала на второй фазе пионерного освоения НАО.

Для нового технологического уклада все детали морской логистической схемы, наработанные в первые годы освоения новых проектов НАО, имели фундаментальное значение и огромный потенциал тиражирования. Если бы в НАО были «изобретены» только новая система морской логистики со всеми ее элементами, это уже было бы революционным вкладом в становление нового технологического уклада в российской Арктике.

Мурманская область: причины торможения на пути внедрения нового технологического уклада

Мурманская область среди старопромышленных регионов Арктики представляет особый интерес с точки зрения становления нового технологического уклада, т. к. она являлась регионом-лидером советской индустриальной Арктики. Процесс ее разворота от прежнего технологического уклада к новому, от крупных градообразующих предприятий советского времени, предельной военной закрытости до новых проектов морского освоения «НоваТЭКа» и реалий корпоративного освоения, был очень длительным, а препятствия, возникающие на этом пути, проявились максимально рельефно.

Период разгосударствления, приватизации и инвестиционного обвала (1992–2004 гг.)

Процесс приватизации крупных государственных горнообогатительных комбинатов и их обособления в самостоятельные хозяйственные ячейки и процесс «сборки» в филиалы — структурные подразделения новых российских частных холдингов сопровождался длительным разрывом, в период которого у предприятий возникали иллюзии относительно возможности самостоятельного, автономного выживания в новых рыночных условиях, а у появляющихся крупных холдингов были сомнения по поводу привлекательности мурманских активов для приобретения, несмотря на мировое и общероссийское значение большинства полезных ископаемых на Кольском полуострове (апатиты, железные руды, медно-никелевые руды, редкоземельные металлы), ввиду значительного груза старых индустриальных матери-

альных активов и многочисленных социальных обязательств. В то время, когда в других регионах новые собственники уже начинали реализовывать свою инвестиционную программу, занимались поверхностной модернизацией материальных активов, преобразованием основных бизнес-процессов, в моногородах Мурманской области еще продолжались структурные преобразования на основных градообразующих добычных предприятиях.

Возможности для разворота к новому укладу в традиционном для региона горнопромышленном комплексе были — ввиду прихода иностранных компаний «на чистый лист» нового освоения. В этот бурный период «политики открытых дверей» для потенциальных зарубежных партнеров финская компания «Оутокумпу» изучала перспективы освоения бедных медно-никелевых руд Ловнозерского месторождения в Печенгском районе; австралийская ВНР совместно с АО «Пана» и Кольским научным центром РАН вела геолого-поисковые работы на платину и палладий в Федоровотундровском и Панском массивах, а шведский концерн «Булиден» получил лицензию на разведку месторождений молибдена, серебра и золота в зоне Колмоозеро-Воронья в Ловозерском районе; норвежская фирма «Элкем» участвовала в доразведке хромитовых руд месторождения «Большая Варака» в Апатитском районе (Дидык, Рябова, 2012); Норвежское АО «Хусткалк» совместно с ЗАО «Северо-Западная Фосфорная Компания» и КНЦ РАН изучали возможность организации на побережье Баренцева моря совместного предприятия по производству цемента и глинозема на основе хибинских нефелинов и мраморов месторождения Аскельберг (Виноградов, 2011). Многолетние радужные ожидания эффективного сотрудничества в ходе освоения нефтегазовых ресурсов Баренцево-морского шельфа на грани веков были связаны с долгосрочными планами взаимодействия мурманского АО «Росшельф» и ПАО «Газпром» с крупнейшими транснациональными корпорациями «Тоталь», «BP» и «STATOIL» при освоении Штокманского газоконденсатного месторождения-гиганта с формированием береговой логистической базы на Мурманском побережье (Селин и др., 2008). К сожалению, дальше предпроектных изысканий и поисково-разведочных работ дело не продвинулось ни в одном из

перечисленных направлений — и в этом состоит отличие, например, от Чукотского автономного округа и Магаданской области, где в этот период возникли СП на инвестиционно привлекательных горнорудных объектах, которые стали провозвестниками черт нового технологического уклада в регионах базирования.

Иностраный капитал в силу специфичных причин (прежде всего консерватизма местного горнопромышленного лобби, настроенного недружественно к варягам) не стал агентом перемен на первом этапе преобразований, который в регионе ограничился институциональными, но не технологическими реформами. Когда в области возникал редкий инвестор в горнопромышленный комплекс, его вытаскивали обвинениями, что он приходит на уже созданную инфраструктуру, то есть оппортунистически использует эффект Джека Лондона (Huskey, 2017).

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что Мурманская область обладала в начале XXI века наиболее развитым и продвинутым научно-техническим потенциалом среди всех арктических регионов России и приарктических государств, а программа перехода к новому технологическому укладу была достаточно ясно намечена и обоснована в трудах крупнейшего на тот период арктического научного учреждения — Кольского научного центра РАН (Калинников, Виноградов, 2005; Калинников, Виноградов, 2012). Углубленный анализ причин торможения новшеств показал, что ключевые факторы прогрессивной эволюции находились в тот период внутри, а не снаружи местной производственной системы. В попытке поиска этих эндогенных причин была проанализирована структура исследовательских работ базового регионального экономического подразделения Мурманской области — Института экономических проблем КНЦ РАН¹².

Уже в темах пятилетних научно-исследовательских работ (НИР) начала 1990-х гг.¹³ заметен приоритет освоения морских нефтегазовых

месторождений Западно-Арктических регионов, который выходит за рамки только Штокмановского проекта к системному осознанию потенциальной роли Мурманской области в этом новом приморском и морском освоении ресурсов Западной Арктики. Другой мощной темой, абсолютно созвучной императиву нового технологического уклада, стала региональная промышленная и инновационная политика на Севере. Она была поставлена в исследованиях Института экономических проблем уже в начале нулевых годов (в более узком формате — для горнопромышленного комплекса — еще в теме НИР 1991–1995 гг.). Тогда же была выдвинута тема создания Технопарка «Апатиты», также не получившая практической реализации. Еще в 1990-е гг. региональные эксперты достаточно точно предвидели, с какими видами деятельности будет связано становление нового технологического уклада. Но тогда возникает вопрос: в чем причина пробуксовки с его внедрением в Мурманской области?

Первое окошко возможностей, связанное с беспрецедентной децентрализацией и новыми правами регионов, Мурманская область не смогла использовать, т. к. не было свободных природных активов, небольших по размерам и потому привлекательных для инвестиционно маломощных малых и средних фирм, которые в других регионах проводили на этих объектах первые эксперименты с элементами нового уклада. Такие предприятия в области возникали, но только в сфере геологоразведки, и никогда не доходили до стадии добычных работ ввиду сопротивления местного горнопромышленного лобби, которое именно в этот период по причинам приватизации и акционирования обрело беспрецедентные права. В дальнейшем сила сопротивления переменам возрастала прямо пропорционально степени монополизации национального рынка мурманскими предприятиями, а она была велика у каждого предприятия в своей рыночной нише.

Местные эксперты не видели в этих малых фирмах реальных агентов изменений, потому что традиционно привыкли к доминированию в области крупных военных и гражданских структур. Так и со стороны региональной экономической науки, в общем правильно оценивающей главный вектор движения к новому укладу, не вызрело понимание конкретных

¹² Используются материалы монографии: Арктика в исследованиях Института экономических проблем имени Г.П. Лузина КНЦ РАН: тридцать лет научного поиска (2017) / отв. ред. Л.А. Рябова, Е.П. Башмакова. Апатиты: Издательство КНЦ РАН. 251 с.

¹³ Например, тема «Комплексная оценка и определение стратегии освоения ресурсов европейской части Арктики».

акторов, которые могли бы взбудоражить местную атмосферу и стать первыми движителями перемен.

Таким образом, главной бедой Мурманской области в этот период была не затянутая приватизация основных градообразующих предприятий, а неявное, но мощное сдерживание процесса преобразований. Основная проблема заключалась в том, что не возник новый массовый слой малых и средних недропользователей. Именно эта нетрадиционная для региональной экономики группа хозяйствующих субъектов могла бы выйти на добычу новых видов полезных ископаемых или старых, но с новыми технологиями на новых лицензионных участках. Однако вся система местного недропользования сопротивлялась их массовому приходу.

Как пишут местные эксперты, сами крупные предприятия Мурманской области, «удерживающие на рынке монопольное положение, не всегда заинтересованы в интенсивном инновационном развитии и зачастую рассматривают инновационную деятельность как необязательную, которая отвлекает от достижения основных целей, в том числе от получения максимальной прибыли» (Цукерман, Горячевская, 2020). Они ограничивали, будучи локальными монополистами, приход новых акторов в область и передачу им старых и новых лицензионных участков перспективных месторождений, что стало главной причиной временной пробуксовки и сверхмедленного вызревания элементов нового уклада в экономике региона в этот период.

Период поверхностной модернизации (ре-структуризации) добычных предприятий региона (2004–2012 гг.)

Ранг инновационного климата агентства «Эксперт-РА» с 2000 по 2014 год фиксирует ухудшение позиций Мурманской области, которая с 35 места переместилась на 55 в кругу всех российских регионов. Одновременно другая старопромышленная территория российской Арктики – Архангельская область – улучшила свои позиции (прежде всего за счет нового федерального университета САФУ, созданного в этот период), поднявшись с 46 на 39 место¹⁴ (Механизм согласования..., 2016, с. 54).

¹⁴ Рейтинги инвестиционной привлекательности регионов России.

Ведущий эксперт по развитию Мурманской области профессор В.С. Селин пишет про «хождение по кругу и воспроизводство прежних заблуждений» (Механизм согласования..., 2016, с. 27) как феномен старопромышленных территорий, что в полной мере можно отнести к этому периоду развития Мурманской области.

Структурообразующие предприятия Мурманской области: Кольская горнометаллургическая компания, ОАО «Олкон», ОАО «Ковдорский ГОК», ОАО «Апатит» – вошли в состав федеральных холдингов и стали зависеть от их инвестиционных программ, то есть преимущественно ограничивались «легкой» необременительной модернизацией в виде закупки импортной техники, переводом многих видов работ на аутсорсинг, сокращением работников и частичным переходом на вахтовый метод организации работ. Стратегической перелицовки мурманских предприятий в этот период не происходило.

Основная ставка была сделана на обновление техники и сокращение занятых. То есть речь о переходе на новый технологический уклад с необходимыми для этого революционными инновациями, а не оперативным бюджетированием в интересах максимизации прибыли и урезания инвестиционных и социальных программ, не шла. Этот период очень слабо работал на решение задач становления нового технологического уклада в Мурманской области, хотя именно тогда тематика «активной промышленной политики, направленной на становление и развитие новых технологических укладов на Европейском Севере России» была впервые заявлена как тема НИР Института экономических проблем 2008–2010 гг. (научный руководитель В.С. Селин). Она блокировалась вместе с разработками по инновационной промышленной политике, инновационной индустриализации, модернизации, региональному научно-техническому и инновационному комплексу, которые осуществлялись в институте в это время. Были выполнены работы по стратегии морской деятельности в российской Арктике, по западно-арктическим шельфовым территориям, проведена оценка региональных эффектов от Штокмановского проекта (на который сохранялись надежды) и завода СПГ в Видяево. Постепенно формировалось понимание, с чем именно будет связан новый тех-

нологический уклад в Мурманской области: конечно, с активной инновационной промышленной политикой, новыми видами морской деятельности, которые «освежат» и придадут местной экономике новый тонус развития, а также с формированием в области национального центра обеспечения высокотехнологических отраслей российской индустрии редкометалльными и редкоземельными компонентами стратегического значения (Селин и др., 2006 и др.).

Период глубокой модернизации и вхождения региона в новый технологический уклад (2012 – настоящее время)

Внутри этого периода с точки зрения радикальности преобразований важно разграничить первый этап омоложения существующей десятилетия траектории развития, который осуществлялся силами новых, пришедших в регион акторов (именно они начали этот процесс), и местными акторами; и этап создания радикальной новой траектории, связанной с приходом в Мурманскую область ПАО «НоваТЭК» и его проекта Центра строительства крупнотоннажных морских сооружений (ЦСКМС).

В 2005 году в регионе было создано АО «Северо-Западная фосфорная компания» (СЗФК) – дочерняя структура ПАО «Акрон». Первоначально ее деятельность слабо затрагивала интересы работающих в регионе «грандов» горнопромышленного бизнеса: первые годы она покупала апатитовый концентрат у компании «Апатит» и была тотально зависима от его монопольного ценообразования. Но все изменилось, когда «СЗФК» в 2012 году запустила собственное производство апатитового концентрата на ресурсах месторождения «Олений ручей».

Значение этого проекта было для очень консервативной среды горнопромышленного производства области абсолютно революционным. С этого момента начались реальные, давно откладываемые, глубокие организационные и технологические изменения на горных предприятиях области. Сила новых проектов в старопромышленном регионе (и этим они по «объемности» своего влияния отличаются от новых проектов в районе пионерного освоения, где процесс идет «с чистого листа») заключалась в том, что даже без значительных экономических эффектов на региональную экономику

в виде новой занятости и потока бюджетного дохода они оказывают глубокое ментальное воздействие на производственную атмосферу, на атмосферу хозяйствования в регионе.

Успехи пришедшего внешнего конкурента сломали монопольную неподвижность среды и вызвали стимулы к внедрению технологических, организационных, кадровых новшеств на мурманских горных предприятиях (переход от закупки новой техники к реконструкции старых фабрик и внедрение на них новых бизнес-процессов и их тотальная оцифровка, привлечение вахтовиков, вывод непрофильных видов деятельности на аутсорсинг, выход на отработку новых месторождений в рамках давно полученных лицензионных участков и др.). Для региональной власти стимулом к поощрению этих процессов стало окончательное закрытие проекта Штокман на неопределенную перспективу (до 2030-х гг.).

Косвенным критерием глубины модернизации производственных процессов является тот факт, что впервые в темах Института экономических проблем тема инновационной модернизации стала смыкаться с темой развития монопрофильных городов. Впервые было заключено соглашение между регионом и компанией «ФосАгро» о поддержке инновационной деятельности на десять лет (2016–2026 гг.). В исследованиях наметился комплексный феномен региональной инновационной системы, в том числе в контексте взаимодействия горнопромышленных корпораций и региона при формировании инновационной политики (вообще, тема корпораций в аспекте инновационных преобразований приобрела более пристальное внимание), была сформулирована концепция интеллектуального месторождения, поднята тема малого бизнеса как агента инновационных преобразований и др. Осмыслен феномен Мурманской области как старопромышленной территории с присущими ей типовыми блокировками инновационного развития (прежде всего феномен зависимости от пути). Произошел переход от общих абсолютно правильных формулировок направлений нового развития, сделанных региональными экспертами еще в 1990-е гг., к пониманию главных акторов, институтов, систем, которые должны осуществлять переход экономики региона на новый технологический уклад.

В 2020-е гг. компания «НоваТЭК» ввела в строй Центр строительства крупнотоннажных морских сооружений (ЦСКМС) в Кольском заливе Баренцева моря (поселок Белокаменка). С точки зрения «открытия» новой технологической траектории развития региона можно назвать этот проект аналогом Штокмана. Он стал реальным фактом формирования нового технологического уклада: строительство завода гравитационных платформ для СПГ-производств встраивает область в то новое производство, которое уже развивается в первых арктических проектах в Ямало-Ненецком автономном округе.

В новейшей экономической истории Мурманской области парадоксально то, что благоприятные факторы (приграничное положение, потенциально обещающее перетоки знания, компетенций и технологий, мощный незамерзающий порт, богатейшая минерально-сырьевая база Хибин, относительная близость к федеральным столицам) стали работать на торможение, а не ускорение радикальной технологической модернизации на принципах нового уклада: близость к странам Европейского союза и федеральным столицам способствовала оттоку молодых предприимчивых кадров (в общей сложности сотни тысяч человек уехали из Мурманской области за первые два десятилетия реформ); надежды на масштабные иностранные инвестиции соседних стран также не оправдались; богатая минерально-сырьевая база региона использовалась для генерирования прибыли в штаб-квартирах федеральных холдингов, но не для активной новаторской инвестиционной политики в горнопромышленном комплексе самого региона. Наоборот, местные градообразующие предприятия, желая сохранить монопольные позиции на своих рынках, препятствовали появлению новых внешних игроков.

То, что местные эксперты называют порочком «слабой диверсификации» и «политики продолжения узкой специализации» (Дидык, Рябова, 2012, с. 64), на самом деле является описанным в мировой литературе феноменом «зависимости от пути» и «блокировок развития» (Замятина, Пилясов, 2015), который в конкретном случае Мурманской области на два десятилетия затормозил ее продвижение к новому технологическому укладу, имеющему здесь многочисленные благоприятные условия, для того чтобы состояться относительно быстро.

Сравнение становления нового уклада в НАО и в Мурманской области

Основные события в НАО происходили в период 1992–2008 гг., после которого развитие по новой траектории вошло в спокойное (устойчивое) русло. С другой стороны, в Мурманской области основные события стали разворачиваться с нарастающей интенсивностью уже в 2010-е гг., когда приход новых акторов, в том числе на абсолютно новые для региона виды экономической деятельности, наконец, сломал инерцию зависимости от прошлого пути и вывел регион на путь становления нового технологического уклада.

В НАО, где освоение проходило уже «по-новому», без создания стационарной сети монопрофильных городов, они и не могли стать самостоятельными участниками процесса технологической модернизации, а столичный Нарьян-Мар сыграл прежде всего роль авиабазы для пересадки вахтовиков на корпоративные транспортные средства для доставки к местам промыслов. В Мурманской области монопрофильные города характеризовали сложившийся ранее городской характер ресурсных промыслов, и поэтому радикальная модернизация промыслов была невозможна без радикального же обновления городского хозяйства.

Сравнение Мурманской области и Ненецкого автономного округа с точки зрения траектории их развития в последние три десятилетия поднимает вопрос о том, как тип природного актива и формы его залегания влияют на темпы институциональных и организационных преобразований. При прочих равных условиях для целей радикального реформирования лучше иметь небольшие и средние по запасам, относительно легко берущиеся месторождения, пусть даже в неблагоприятных транспортно-географических условиях, которые по силам (проще) обрабатывать структурам малого и среднего бизнеса.

При этом небольшой размер, относительно высокое содержание полезного компонента, его уникальность по любому параметру важнее, чем удобства логистики. Реалии появления новых проектов в российской Арктике в первые годы реформ подтверждают, что оригинальные и новаторские логистические решения малый бизнес найти был в состоянии, а вот отменить законы природы и изменить свойства имеющихся природных активов — нет.

Приверженность НАО радикальным реформам в 1990-е гг. отчасти определялась тем, что малые и средние месторождения углеводородов были органично приспособлены для начала отработки малыми и средними структурами недропользования. С другой стороны, крупные («блоковые») природные активы эксплуатируемых рудных месторождений Кольского полуострова, наоборот, затрудняли их делимость и дробление для структур малого бизнеса. Так, и от свойств природных активов, возникали в Мурманской области факторы торможения технологической модернизации.

Значение имеет и тип природного ресурса. Месторождения углеводородов НАО, ввиду того что нефть создает беспрецедентную по сравнению с другими природными ресурсами ренту (Эткинд, 2020), в первые годы реформ «проливали» частичный доход и в регион, что давало региональной власти силу политически самостоятельных решений — и если она была настроена на активную промышленную политику, то это становилось важнейшим позитивным фактором для динамичных преобразований. С другой стороны, минеральные ресурсы Мурманской области не могли сгенерировать ренту сопоставимых размеров. Степень отчуждения области от находящихся в ее недрах природных ресурсов и генерируемого с них дохода (именно в силу его сравнительно меньшего размера) была выше, чем в автономном округе, в котором сравнительный размер ренты больше, а численность проживающего населения — многократно меньше.

Зависимость власти Мурманской области от федеральных решений и поддержки, ее несамостоятельность по сравнению с властями НАО была значительно выше. Для проведения самостоятельной промышленной политики она длительное время не имела ни финансовых ресурсов, ни административного веса.

Пространство обоих регионов в ходе процесса технологической модернизации обособлялось на ту часть, которая оставалась относительно консервативной, сохраняло хозяйственные черты прежнего технологического уклада и ту существенно более динамичную часть, которая входила в процесс технологического реформирования, оказывалась в силу многих причин к нему более готова. Естественным образом, в ходе процесса технологической

модернизации, в обоих регионах возникало внутреннее производственно-технологическое районирование территории по степени ее готовности к новому укладу.

В НАО это разлом на приморскую баренцевоморскую часть, месторождения которой естественно выходили на новую морскую логистику, и «южную» часть, сохранявшую верность прежней трубопроводной логистике. В Мурманской области это внутренний район старого горнопромышленного освоения в составе многочисленных моногородов (Оленегорск, Мончегорск, Апатиты, Кировск, Кандалакша, Ковдор, Заполярный) и поселка городского типа Ревда, с одной стороны, — здесь длительное время осуществлялась лишь поверхностная технологическая модернизация, а потом обновление давно существующей траектории развития; с другой стороны, восток Кольского полуострова и Кольский залив, где находятся областная столица Мурманск и многочисленные ЗАТО (Североморск, Александровск, Заозерск, Видяево, Островной), где в 2010-е гг. шло создание новой траектории развития: возникали проекты в новых видах деятельности (например, ЦСКМС) или на отработке новых лицензионных участков горнопромышленного освоения.

Очевидно, что институты и инструменты промышленной политики региональной власти, нацеленные на формирование нового технологического уклада, должны быть адаптированы для каждого производственно-технологического района: например, на севере Мурманской области критичным является приход новых компаний, в центре — создание промышленных парков и укрепление связей по тройной спирали наука — бизнес — власть для массового внедрения новых технологий и отыскания новых возможностей в русле существующих траекторий развития.

Дискуссия и выводы

Реалии последних 30 лет в сфере социально-экономического развития регионов российской Арктики свидетельствуют о значительном разнообразии, одновременно с наличием общих векторов, в траекториях их движения к новому технологическому укладу, основанному на информационно-телекоммуникационных технологиях, дистанционном управлении, технологиях искусственного интеллекта и оцифро-

ванных бизнес-процессах. Достигнутая к концу советского индустриального периода относительная выравненность развития территорий российской Арктики с началом радикальной экономической реформы в 1990-е гг. и запуском глубоких институциональных, технологических и организационных преобразований сменилась сильными межрегиональными контрастами.

Эти контрасты закономерны для этапа становления нового технологического уклада и, с одной стороны, определяются разными стартовыми условиями регионов, входящих в трансформацию; с другой стороны, связаны с разной скоростью, интенсивностью трансформационного процесса, различиями в годах быстрого развертывания добычных проектов, выполненных в идеологии уже новой хозяйственной эпохи. Они определяют быстрое смещение с пьедестала лидеров прежней индустриальной эпохи и выдвижение на роль технологических лидеров совсем новых арктических регионов.

Общий для всех регионов «код» становления нового технологического уклада выглядит следующим образом.

1. Огромную роль в сломе инерции прежней траектории в старопромышленных районах или формировании новой траектории в районах пионерного освоения играют пилотные проекты. Как правило, они еще не обладают радикальным новаторством, чтобы иметь зональный (для всей Арктики) потенциал тиражируемости, несут в себе черты нового и старого (например, новой «платформенной», роботизированной добычи, но старой логистики). Эти новые проекты очень редко реализуют хозяйственные гранды прежней индустриальной эпохи. Как правило, это структуры, обладающие той или иной степенью организационной новизны: новообразованные корпорации, «дочки» (спин-оффы или спин-ауты) старых предприятий и производственных объединений, совместные предприятия с иностранным участником, слой малого и среднего бизнеса.

2. Пилотный проект запускает процесс глубокой технологической модернизации не только самим фактом своего появления, но и формированием исподволь новой хозяйственной атмосферы в регионе базирования, «расширением» прежних интеллектуальных представлений (а что, так действительно уже можно?).

И неслучайно следующие за ним проекты обладают существенно большим новаторством и смелостью, а значит, и потенциалом тиражируемости для всей Арктики.

3. Подлинную устойчивость процесс технологической модернизации обретает в дружественной среде, которая формируется усилиями в области новой промышленной политики региональной власти (в старопромышленных регионах – совместной с властями монопрофильных городов). Успех в новой промышленной политике определяется не только (не столько) размером финансовых ресурсов в руках местной власти, сколько формированием новых отношений с федеральной властью, ключевыми компаниями в регионе и местным производственным бизнесом. Эти отношения обязательно несут на себе печать конструктивной двойственности, то есть сочетания традиций и новаторства. Чрезмерная традиционность угрожает консерватизмом, чрезмерное новаторство способно погубить зародыши нового уклада в регионе «на корню».

4. От региональной власти требуется упорство и терпение одновременно в сложном деле строительства благоприятной для инноваций среды. Без поощрения новшеств и экспериментов в добыче, логистике, сбыте природных ресурсов невозможно надеяться на формирование основ нового технологического уклада. Дело в том, что отбор и «назначение» во флагманы проходит один проект из десятка. Но без широкого поля экспериментов итоговый победитель не сможет быть определен, официально признан и административно назначен демонстрационной площадкой нового технологического уклада.

5. Реализацию флагманского проекта со значительным потенциалом тиражируемости его отдельных успешных элементов на всю Арктику обычно осуществляет федерально признанная корпоративная структура, которая материализует на практике новаторские идеи и подходы малых структур, наработанные на предшествующих этапах освоения.

На современном уровне знания о путях вхождения арктических регионов в новый (информационный) технологический уклад недостаточно проработанными представляются следующие вопросы:

– какие конкретно материальные и социокультурные (институциональные) факторы обеспечивают переход от отдельных атомарных проектов новой технологической эпохи к захвату ею всего пространства региона и как эти факторы различаются от одного арктического региона к другому;

– можно ли существенно повлиять на скорость развертывания нового технологического уклада (включить кнопку «турбо») в регионах Арктики и какими именно мерами/ структурами/институтами региональной и федеральной власти;

– если рассматривать развитие арктических регионов в «укладной логике», то есть ли

возможность «срезать» протяженность становления и развертывания нового (информационного) технологического уклада и быстрее перейти уже к следующему, основанному на биотехнологиях, науках о жизни, материалах с заданными свойствами (3D печать и др.)?

Важнейшая задача для научной проработки состоит в изучении оптимальных форм государственного воздействия на процесс становления нового технологического уклада в российской Арктике инструментами и институтами активной промышленной политики федерального, регионального и муниципального уровней в интересах максимизации выгод и минимизации социальных издержек.

Литература

- Виноградов А.Н. (2012). Перспективы российско-норвежской кооперации для производства цемента и глинозема на Севере Европы за счет нефелинового сырья Хибин, кианитов, кейв и графитсодержащих мраморов Северной Норвегии // Горнодобывающая промышленность — взгляд в будущее: конф. горнопромышленного комплекса, 10–11 ноября 2011 г., г. Кировск. Мурманск: Изд. СТПП. С. 28–29.
- Глазьев С.Ю. (1993). Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар. 310 с.
- Глазьев С.Ю. (2012). Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. № 2 (57). С. 27–42.
- Дидык В.В., Рябова Л.А. (2012). Тренды экономического и социального развития Мурманской области. Результаты мониторинга за два десятилетия рыночных реформ. Апатиты. 266 с.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. (2015). Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий. М.: ЛЕНАНД/УРСС. 216 с.
- Илюмжинов В.Н. (2003). НАО: ресурсы и будущее. Траектория нефтяного региона. М.: ИНЭС. 536 с.
- Калинников В.Т., Виноградов А.Н. (2005). Вехи истории: 75 лет научного сопровождения ускоренной урбанизации Мурманска (1930–2005 гг.) // Формирование основ современной стратегии природопользования в Евро-арктическом регионе: сб. статей / под ред. В.Т. Калинникова и А.Н. Виноградова. Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН. С. 3–7.
- Калинников В.Т., Виноградов А.Н. (2012). Актуальные задачи научного обеспечения освоения и развития Арктической зоны России // Российский Север: модернизация и развитие. М.: Центр стратегического партнерства. С. 296–301.
- Комаровский Ю.В. (2014). Ненецкий автономный округ. Время перемен. Можайск: МПК. 192 с.
- Кондратьев Н.Д. (1925). Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. № 1 (1). С. 28–79.
- Механизм согласования государственной, региональной и корпоративной инновационной политики в Арктике (2016) / науч. ред. В.А. Цукерман. Апатиты: КНЦ РАН. 135 с.
- Перес К. (2011). Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. 232 с.
- Пилясов А.Н., Путилова Е.С. (2020). Современный ресурсный проект Арктики для промышленной политики России: полюс роста национальной экономики или собор в пустыне? // Север и рынок: формирование экономического порядка. Т. 3. С. 4–17.
- Селин В.С., Виноградов А.Н., Цукерман В.А. (2006). Организационно-экономические основы создания национального резерва стратегических материалов на европейском Севере // Север: наука и перспективы инновационного развития / отв. ред. чл.-корр. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар: Изд. НС РАН по вопросам регионального развития и Коми НЦ УрО РАН. С. 145–155.

- Селин В.С., Цукерман В.А., Виноградов А.Н. (2008). Экономические условия и инновационные возможности обеспечения конкурентоспособности месторождений углеводородного сырья арктического шельфа. Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН. 267 с.
- Тоскунина В.Э. (2003). Освоение нового нефтегазового региона в современных экономических условиях. Екатеринбург: ИЭ Уро РАН. 280 с.
- Цукерман В.А., Горячевская Е.С. (2020). Пространственные индикаторы инновационного развития арктических регионов // Друкеровский вестник. № 2 (34). С. 294–304. DOI: 10.17213/2312-6469-2020-2-294-304
- Эткинд А. (2020). Природа зла. Сырье и государство. М.: Новое литературное обозрение. 504 с.
- Freeman C., Clark J., Soete L. (1982). *Unemployment and Technical Innovation: A Study of Long Waves and Economic Development*. Westport, Conn.: Greenwood Press.
- Freeman C., Perez C. (1988). Structural crises of adjustment, business cycles and investment behavior. In: Dosi G. Freeman C. et al. (Eds.). *Technical Change and Economic Theory*. London: Pinter.
- Freeman C. (1987). *Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan*. London: Frances Printer Publishers.
- Huskey L. (2017) Alaska's economy: The First World War, frontier fragility, and Jack London. *Northern Review*, 44, 327–346.
- Perez C. (2010). Technological revolutions and techno-economic paradigms. *Cambridge Journal of Economics*, 34(1), 185–202.
- Saxenian A.L. (1994). *Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128*. Boston: Harvard University Press.

Сведения об авторах

Александр Николаевич Пилясов – доктор географических наук, профессор, профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1); Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина, ФИЦ КНЦ РАН (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а); АНО «Институт регионального консалтинга» (117997, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: pelyasov@mail.ru)

Вячеслав Александрович Цукерман – кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина, ФИЦ КНЦ РАН (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: tsukerman@ier.kolasc.net.ru)

Pilyasov A.N., Tsukerman V.A.

Development of a New Technological Paradigm in the Arctic Regions in 1990–2021

Abstract. Research on the evolution of technological paradigms in various countries should be continued at the level of regions and municipalities. The article fills the gap, as its purpose is to study the formation of a new technological paradigm in the Arctic zone of the Russian Federation. We identified the chronology of the new technological paradigm deployment in the Russian Arctic over the past three decades; explained the reasons for making Nenets Autonomous Okrug a pilot site for technological, organizational, institutional experiments and innovations in the Arctic zone; we characterized factors impeding and promoting the formation of a new technological paradigm in the Murmansk Oblast. We determined the methods of research (system-wide approach, retrospective, cartographic, comparative, structural

analysis) depending on the chosen theoretical and methodological framework: the theory of techno-economic paradigms, the theory for economic development of the North and the Arctic, the concept of evolutionary economic geography. As a result, we have identified and characterized five stages in the formation of a new technological paradigm in the Arctic in 1990–2021. We use the data on Nenets Autonomous Okrug to show the favorable role of small and medium-sized natural assets and the organizational diversity of extractive companies, an active policy of the regional government that pursues the principles of constructive duality at the first stage of the formation of the new technological paradigm. We also consider the data on the Murmansk Oblast to show the role of the resource monopoly of local large mining enterprises in inhibiting the entry of new actors and the deployment of new projects in the mining development of the region. We conclude that the formation of the new technological paradigm in the Arctic regions is characterized by significant unevenness (asynchrony): the susceptibility of the Arctic territory to the arrival of new actors, technologies and institutions is determined by the age of the resource province, type of natural resource, size and forms of location of the main deposits. The most important task for future research is to study optimal forms of state influence on the development of a new way of life in the territories of the Arctic with tools and institutions of active industrial policy at the federal, regional and municipal level.

Key words: formation of a new technological paradigm, regions of the Russian Arctic, Nenets Autonomous Okrug as a pilot development area, Murmansk Oblast as an old industrial region, pilot project, marine logistics, technological innovation.

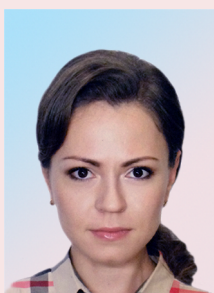
Information about the Authors

Aleksandr N. Pilyasov – Doctor of Sciences (Geography), Professor, professor of department, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation); Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre, Russian Academy of Sciences (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Murmansk Oblast, Russian Federation); ANO “Institute of Regional Consulting” (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: pelyasov@mail.ru)

Vyacheslav A. Tsukerman – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, leading researcher, Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre, Russian Academy of Sciences (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Murmansk Oblast, Russian Federation; e-mail: tsukerman@iep.kolasc.net.ru)

Статья поступила 23.08.2022.

Факторы регионального развития предпринимательства России: оценка и роль пространственных взаимосвязей

**Марина Владиславовна
ШАКЛЕИНА**

Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: shakleina.mv@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1947-8640; ResearcherID: AAS-5460-2020

**Константин Игоревич
ШАКЛЕИН**

ОАО «Российские железные дороги»
Москва, Российская Федерация
e-mail: mrshaklein@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3508-7372; ResearcherID: E-6910-2018

Аннотация. В исследовании впервые рассматривается влияние эффектов пространственного взаимодействия социально-экономических факторов на развитие предпринимательской деятельности в регионах. Оно было оценено с помощью построения комплекса пространственных моделей на панельных данных за 2011–2019 гг. Необходимость учета пространственного взаимодействия обусловлена рассчитанным индексом Морана, а также статистической значимостью коэффициента пространственной авторегрессии. В ходе работы были построены следующие модели: модель с пространственным лагом, модель с пространственной структурой в ошибках, модель с пространственным лагом и пространственной структурой в ошибках, модель Дарбина, панельная регрессия. Целью моделирования является оценка роли пространственного фактора в развитии предпринимательской деятельности в регионах России. В результате предложена система индикаторов предпринимательской активности и осуществлен отбор наиболее инфор-

Для цитирования: Шаклеина М.В., Шаклеин К.И. (2022). Факторы регионального развития предпринимательства России: оценка и роль пространственных взаимосвязей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 118–134. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.6

For citation: Shakleina M.V., Shaklein K.I. (2022). Drivers of entrepreneurship development in Russia's regions: Assessment and the role of spatial interrelations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 118–134. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.6

мативных индикаторов, определено влияние факторов предпринимательской активности с учетом и без пространственного лага зависимой и независимых переменных; произведена оценка пространственных эффектов (прямых, косвенных, общих); показано, что влияние заработной платы и уровня безработицы на изменение предпринимательской активности намного больше, если учитывать пространственные взаимодействия. Научная новизна работы заключается в определении степени и направления влияния пространственных эффектов, которые оказывают воздействие на предпринимательскую активность и ее факторы. Результаты подтверждают важность использования в анализе предпринимательской деятельности не только региональных характеристик, но и пространственно-временных зависимостей. Ожидается, что полученные результаты дадут практическую информацию органам власти и управления, стремящимся содействовать развитию предпринимательской деятельности на национальном уровне.

Ключевые слова: предпринимательская активность, пространственная эконометрика, регионы России, индекс Морана.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-68-47030 «Эконометрические и вероятностные методы для анализа финансовых рынков сложной структуры».

Введение

Эффективное развитие предпринимательской экосистемы в регионах является необходимым условием интенсивного функционирования всей рыночной среды. Малое и среднее предпринимательство (МСП) формирует единую структуру экономики, увеличивает численность среднего класса, снижает уровень безработицы, способствует росту доходности бюджета и укреплению экономической, политической и социальной стабильности общества.

В последние годы возрастает интерес к географии предпринимательской деятельности, что проявляется в таких темах, как размещение фирм и их связь с экономическим ростом (Krugman, 1991), усиление роли географии в стратегическом управлении фирмами (Sorenson, Baum, 2003). Большое значение для регионального экономического развития играет, во-первых, местоположение и новых, и уже существующих фирм (Audretsch, Keilbach, 2004; Fritsch, Mueller, 2008), во-вторых, пространственная зависимость факторов предпринимательской активности (Acs et al., 2007). Заметим, что в ряде работ зарубежных ученых под предпринимательской активностью понимается доля занятых, которые имеют предприятие. Российская статистика не располагает такого рода данными. Среди российских официальных статистических ресурсов показатель численности малых и средних предприятий в большей степени отвечает логике данного понятия.

Непринятие во внимание таких аспектов, как миграция, расположение, распространение знаний и инноваций, движение капитала, в современных условиях приводит к ошибочным суждениям. Если в одних регионах происходят значительные изменения в экономическом и социальном развитии, то это отражается на других регионах, в особенности на соседних. «Под региональными пространственными эффектами понимается влияние изменений в одном регионе на другие регионы, причем интенсивность этого влияния зависит от расположения регионов друг относительно друга» (Семерикова, Демидова, 2016). Использование методов пространственной эконометрики позволяет учитывать прямую и косвенную зависимость между наблюдениями, расположенными в пространстве.

Целесообразность моделирования взаимосвязей между переменными предпринимательской активности на региональном уровне объясняется рядом причин. Россия обладает огромной территорией, соответственно, регионы, расположенные в разных территориальных единицах, обладают разными свойствами и возможностями. Также субъекты характеризуются неоднородностью распределения ресурсов и различными условиями работы. Возможности выбора сферы деятельности для каждого региона разные, некоторые ориентированы на предоставление услуг, другие на тяжелую промышленность и обрабатывающее производство.

Использование в работе методов пространственной эконометрики позволяет учесть взаимосвязь между группой регионов и их влияние друг на друга, т. к. чем ближе регионы находятся друг к другу, тем сильнее их связь, то есть тем проще будет проходить переток знаний, рабочей силы и капитала. Игнорирование пространственного эффекта при моделировании влечёт за собой смещенность и неэффективность оценок полученных моделей.

Целью исследования является оценка роли пространственного взаимодействия в развитии предпринимательской деятельности в регионах.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1) разработать систему факторов предпринимательской активности и осуществить отбор наиболее информативных факторов для моделирования;

2) определить факторы, оказывающие значимое влияние на развитие предпринимательской деятельности в регионах, на основе оценки широкого набора спецификаций пространственно-эконометрических моделей;

3) произвести оценку пространственных эффектов (прямых, косвенных, общих);

4) определить необходимость учета пространственных взаимосвязей в развитии предпринимательской деятельности.

Научная новизна работы состоит в учете пространственной зависимости факторов предпринимательской активности.

Теоретико-методологический обзор

В научном исследовании (Verheul et al., 2002) представлена комплексная теоретическая система, включающая факторы социального обеспечения и национальной культуры. Возможность создания малого предприятия объясняется различными институциональными детерминантами, такими как политические, культурные и социальные факторы.

Наличие предпринимательских паттернов связывается с природными преимуществами. Например, создание винодельческой промышленности в Калифорнии, расположение старых городов и поселений вблизи водоемов объясняется географическим фактором (Kuechle, 2014).

Определение «пространственная зависимость» предпринимательской деятельности по методологии (Saxenian, 1994) подразумевает

территориально взаимозависимую инновационную и предпринимательскую деятельность в географически близких районах. Географическая близость может способствовать непосредственному взаимодействию, а также обмену географически ограниченными общими ресурсами, инфраструктурой и деловыми практиками.

В исследовании (Plummer, 2010) обсуждается, почему предпринимательская деятельность может быть пространственно-зависимой и почему в исследовании предпринимательства необходимо учитывать пространственные эконометрические методы. Автор отмечает, что новые фирмы в одном и том же секторе, как правило, географически сгруппированы и больше полагаются на региональную среду или близлежащие ресурсы. Кроме того, пространственная зависимость в предпринимательстве обусловлена миграцией, межрегиональной торговлей, распространением технологий и знаний, бизнес-кластеров по соседним регионам, деловых норм, а также социальными и институциональными сетями (Audretsch, Keilbach, 2004; Pijnenburg, Kholodilin, 2014).

Пространственная зависимость рассматривается в исследованиях предпринимательства, однако временной фактор учитывается достаточно редко (Qian, Zhao, 2018). Примером синтеза пространственно-временных эффектов является работа (Hong et al., 2015), где изучена пространственно-временная динамика новых производственных фирм в Южной Корее. Исследование объединяет ряд аспектов: пространственную неоднородность, вызванную региональными различиями; временную зависимость, объясненную синергетическим эффектом стартапов; пространственную зависимость, связанную с межрегиональными взаимодействиями. Результатом построения пространственной модели является доказательство статистической значимости одновременного воздействия двух составляющих: пространственной и временной.

Следует отметить, что пространственный эконометрический подход используется и в других работах (Acs et al., 2002; Audretsch et al., 2010; Autant-Bernard, Lesage, 2011; Qian, Haynes, 2014). Авторы изучают влияние различных детерминант (человеческого капитала, культур-

ного разнообразия и пр.) предпринимательской активности в контексте исследования пространственных взаимосвязей. Отечественных исследований, посвященных данной проблематике, не так много. Моделирование пространственного эффекта в развитии предпринимательской деятельности представлено в (Земцов, Царева, 2018). Однако существенный недостаток большинства работ (в том числе отечественных) заключается в том, что в моделях учитывается пространственная зависимость лишь объясняемой переменной и игнорируются пространственные взаимосвязи факторов предпринимательской активности.

Анализ пространственно-временных взаимосвязей предпринимательской активности невозможен без базовых предпосылок о составе ее детерминант.

Так, О.И. Образцова, Е.В. Поповская поднимают вопрос о контекстуальных условиях региона и утверждают, что поведение предпринимателя может быть лучше понято при исследовании пространственных связей, институциональных, общественных и социальных норм в обществе (Образцова, Поповская, 2017). Авторы рассуждают о наличии тесной связи между всей экосистемой предпринимательской активности,

выделяют ряд самых важных факторов для ее анализа: демография, занятость и безработица, уровень жизни и ресурсы населения, развитие бизнеса, инвестиции и инвестиционная привлекательность, региональные ресурсы основного капитала, безопасность и правовая среда, государственная поддержка развития малого бизнеса.

Названное выше исследование видится наиболее комплексным с точки зрения учета факторов предпринимательской активности. В настоящее время существует огромное количество моделей, представляющих взгляд на проблему с одной стороны: институциональных факторов (Acs et al., 2008; Aparicio et al., 2016), социальных аспектов (Song et al., 2020), уровня технологического развития (Qian, Zhao, 2018), географических аспектов (Plummer, 2010; Kuechle, 2014; Hong et al., 2015) и пр.

В нашем исследовании набор базовых факторов предпринимательской активности был определен на основе изученной литературы. Он позволяет рассмотреть возможности регионального развития бизнеса со всех сторон (человеческого капитала, финансового положения, правовой среды, уровня развития ИКТ и пр.). Представим основные факторы предпринимательской активности (табл. 1).

Таблица 1. Факторы предпринимательской активности

Название блока	Наименование показателя	Литература, в которой упоминаются данные факторы
Человеческий капитал	Доля учащихся в высших учебных заведениях в составе численности населения трудоспособного возраста, %	Влияние факторов человеческого капитала на развитие предпринимательства отмечается в работах (Acs et al., 2007; Образцова, Поповская, 2017; Земцов и др., 2021).
	Численность докторантов, чел.	
	Численность аспирантов, чел.	
	Выпуск обучающихся с аттестатом об основном общем образовании, чел.	
	Численность персонала, осуществляющего образовательную деятельность по программам высшего образования, чел.	
Финансовое положение населения	Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 чел. населения	Влияние денежных доходов населения на рост занятости в сфере предпринимательства не является однозначным. С одной стороны, чем выше ВВП на душу населения, тем выше численность тех, кто работает не по найму (Robson, 1998; Hong et al., 2015). В (Образцова, Чепуренко, 2020) отмечается, что материальные факторы положительно влияют на вовлеченность в предпринимательскую деятельность во всех типах контекстуальных условий. Обратное влияние рассматривается в (Wennekers et al., 2005).
	Покупательная способность среднедушевых денежных доходов по отношению к наборам прожиточного минимума, тыс. руб.	
	Реальные денежные доходы населения, тыс. руб.	
	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м ²	
	Средний размер вклада (депозит) физических лиц на рублевых счетах, тыс. руб.	
	Население за чертой бедности, %	
	Оборот розничной торговли на душу населения, тыс. руб.	
	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, тыс. руб.	
Коэффициент фондов, раз		
Доля расходов на питание в потребительских расходах населения, %		

Окончание таблицы 1

Название блока	Наименование показателя	Литература, в которой упоминаются данные факторы
Занятость и безработица	Уровень безработицы, %	Показатели занятости и безработицы используются в большинстве исследований, посвященных предпринимательской активности. Их влияние неоднозначно (Образцова, Поповская, 2017; Qian, Zhao 2018; Земцов и др., 2021).
	Уровень экономической активности населения, %	
	Нагрузка безработных на одну вакансию, чел.	
Безопасность и правовое регулирование	Число лиц, совершивших преступления в сфере экономики, на 1000 жителей	Высокий уровень личной безопасности и развитая правовая среда оказывают непосредственное положительное влияние на развитие предпринимательской активности (Xheneti, Bartlett, 2012; Образцова, Поповская, 2017; Земцов и др., 2021).
	Число зарегистрированных умышленных убийств и покушений на убийство на 100 тыс. чел. населения	
	Число зарегистрированных изнасилований и покушений на изнасилование, на 100 тыс. чел. населения	
	Число разбоев в расчете на 100 тыс. чел. населения	
	Число краж из квартир граждан в расчете на 100 тыс. чел. населения	
	Число грабежей в расчете на 100 тыс. чел. населения	
Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)	Удельный вес пользователей сети Интернет в общей численности населения, %	Развитие цифровизации и всеобщего доступа в интернет способствует увеличению числа фрилансеров (Sorgner, 2017) и повышает возможности существующих малых предприятий по выходу на новые рынки (Shideler, Badasyan, 2012).
	Телефонная плотность фиксированной связи на 100 чел. населения, ед.	
	Удельный вес телефонизированных населенных пунктов сельской местности в общем числе сельских населенных пунктов, %	
	Число абонентов подвижной радиотелефонной связи, чел.	
	Численность активных абонентов фиксированного и мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел. населения	
	Доля домашних хозяйств, имеющих персональный компьютер, %	
Инновационные возможности региона	Доля домашних хозяйств, имеющих доступ в интернет, %	Инновационные факторы, как и факторы развития ИКТ, оказывают положительное влияние на стимулирование предпринимательской активности (Zemtsov, 2020). В частности, в исследовании (Qian, Zhao; 2018) в числе факторов эконометрической модели на рост количества малых предприятий значимо влияет фактор «число патентов на 10 тыс. работников». Инновации предпринимателей побуждают других предпринимателей вступать в предпринимательские начинания и инновации (Duguet, 2004). И наоборот, лучшая экономическая деятельность создает новые возможности для предпринимателей и стимулирует инновации.
	Затраты на технологические инновации к ВРП, %	
	Внутренние затраты на научные исследования и разработки к ВРП, %	
	Организации, выполнявшие научные исследования и разработки, ед.	
	Доля персонала, занятого исследованиями и разработками, в общей численности занятых в регионе, %	
	Количество поданных патентных заявок на изобретения и полезные модели на тыс. занятых в экономике	
	Доля экспорта технологий и услуг технического характера в общем объеме экспорта региона, %	
Доля импорта технологий и услуг технического характера в общем объеме импорта региона, %		
Демография	Удельный вес городского населения в общей численности населения (оценка на конец года), %	Демографические факторы в эконометрических моделях предпринимательской активности отмечаются в работах (Fritsch, Noseleit, 2013; Образцова, Поповская, 2017; Баранова и др., 2018; Song, 2020, Земцов и др., 2021).
	Плотность населения, чел. на км ²	
	Коэффициент демографической нагрузки (оценка на конец года), лиц нетрудоспособных возрастов на 1000 человек трудоспособного возраста	
Источник: составлено автором на основе данных Росстата и научной литературы.		

Наиболее информативные факторы внутри каждого блока предпринимательской активности определены на основе методики С.А. Айвазяна по отбору информативных частных критериев среди показателей априорного набора каждого интегрального свойства (Айвазян, 2012).

Общая методологическая схема выглядит следующим образом.

1) Расчет матриц значений парных коэффициентов корреляции отдельно по каждому блоку факторов предпринимательской активности. Анализ полученных числовых характеристик позволяет провести предварительную стадию выявления тесно связанных между собой пар, троек и т. п. групп переменных внутри каждого блока (Айвазян, 2012). Далее с помощью расчета коэффициента детерминации решается вопрос об отборе по одному представителю от каждого блока.

2) Расчет коэффициентов детерминации R^2 каждого из показателей априорного набора по всем остальным показателям, входящим в состав анализируемого блока факторов предпринимательской активности.

Пусть задан количественный состав (p') редуцированного набора показателей определенного интегрального свойства (например, блока «Демография»), $p' < p$. Сокращенный набор показателей считается информативным, если находится максимальное значение коэффициента детерминации:

$$\max\{R^2(x^{(l)}; (x^{(l_1)}, \dots, x^{(l_{p'})}))\}, \quad (1)$$

где $x^{(l_1)}, \dots, x^{(l_{p'})}$ – сокращенный набор показателей блока «Демография»;

R^2 – коэффициент детерминации каждого из частных критериев $x^{(l)}$ (показателей предпринимательской активности внутри соответствующего блока l – «Демография») со всеми остальными частными критериями блока.

В результате были отобраны самые информативные показатели для каждого блока:

– блок «*Человеческий капитал*» представляет показатель численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 человек населения (далее – stud);

– блок «*Финансовое положение населения*» – среднемесячная номинальная начисленная

заработная плата работников организаций, тыс. руб. (далее – wage);

– блок «*Занятость и безработица*» – уровень безработицы, % (далее – unemp);

– блок «*Безопасность и правовое регулирование*» – число лиц, совершивших преступления в сфере экономики, на 1000 жителей (далее – safety);

– блок «*ИКТ*» – численность активных абонентов фиксированного и мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 человек населения (далее – internet);

– блок «*Инновационные возможности региона*» – внутренние затраты на научные исследования и разработки к ВРП, % (далее – innovation);

– блок «*Демография*» – плотность населения, чел. на кв. км (далее – demogr).

В дальнейшем самые информативные показатели будут использоваться на этапе построения пространственных моделей.

Представим основные этапы моделирования.

1. Выбор взвешивающей матрицы. Аппарат пространственной эконометрики позволяет учитывать пространственную структуру вследствие включения в модель взвешенного значения показателя в других регионах (пространственный лаг). Для этого в модель вводится «весовая матрица» $W = (w_{ij})$, ее элементы определяются на основе следующих правил:

а) наличие или отсутствие общей границы с соседними регионами (бинарная матрица):

$$w_{ij} = \begin{cases} 1, & \text{если у объекта } i \text{ общая граница с объектом } j, \\ 0, & \text{если у объекта } i \text{ нет общей границы с объектом } j. \end{cases}$$

б) обратное расстояние между парами регионов:

$$w_{ij} = \begin{cases} 0, & \text{если } i = j, \\ \frac{1}{d_{ij}}, & \text{если } i \neq j, \end{cases}$$

где d_{ij} – расстояние между административными центрами регионов по железным или автомобильным автодорогам в км.

Следует отметить, что приоритетом в ходе создания пространственных моделей для России является матрица обратных расстояний, что доказали Е.В. Семерикова, О.А. Демидова (Семерикова, Демидова, 2015) с помощью метода Монте-Карло, смещение коэффициентов было минимальным.

Матрица обратных расстояний улавливает связь между регионами лучше, чем бинарная, так как в России есть регионы с большой площадью (в основном восточная часть), при этом наличие границ с соседями не обязывает регионы к обмену знаниями и, соответственно, предпринимательским опытом. В западной части, где расстояния намного меньше, переток знаний может осуществляться более эффективно, поэтому в работе используется матрица обратных расстояний.

Вместе с тем слишком высокая степень близости может привести к эффектам блокировки (Qian, Zhao, 2018), когда низкий уровень развития фирм одного региона ограничивает развитие фирм в близлежащих регионах. Тем самым не возникает перетока знаний, а только создаются барьеры, препятствующие эффективно предпринимательскому развитию. Однако чаще встречается ситуация, описанная выше, когда более развитый регион выходит на рынки менее развитого соседа для увеличения рынков сбыта, поэтому малоразвитые регионы пытаются быть схожими по уровню развития институциональных условий с возможным регионом-донором.

2. Построение глобального индекса Морана – проверка пространственных зависимостей. Данный индекс определяется по формуле:

$$I_g = \frac{\sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^N w_{ij} (X_i - \bar{X})(X_j - \bar{X})}{\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N (X_i - \bar{X})^2 \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^N w_{ij}}, \quad (2)$$

где w_{ij} – элементы матрицы весов W ;
 N – число наблюдений в пространстве (в нашем случае – число регионов России);
 \bar{X} – среднее значение;
 X_i, X_j – значения переменных в регионах i и j .

Значимость показателя вычисляется по формуле:

$$Z_i = \frac{(I - E[I])}{SD[I]}, \quad (3)$$

где $E[I]$ – математическое ожидание;
 $SD[I]$ – стандартное отклонение.

Если показатель отличен от нуля и статистически значим, то можно говорить о наличии пространственной зависимости. Индекс Морана варьируется от -1 до 1. Если он близок к 1, то наблюдается положительная взаимосвязь, если к -1, то отрицательная зависимость.

3. Построение панельных регрессий и пространственных моделей. В работе были построены следующие спецификации:

а. Панельная регрессия с двунаправленными эффектами

$$Y_t = \alpha I_N + X_t \beta + \eta + \mu + u_t, \quad (4)$$

где Y_t – вектор размерности $N \times 1$ значений эндогенной переменной – число малых предприятий в России – в момент времени t ($t = 2011, 2012, \dots, 2019$),

N – общее количество объектов наблюдения (77 регионов России),

αI_N – вектор размерности $N \times 1$ значений константы α ,

X_t – вектор размерности $N \times K$ объясняющих переменных – факторов предпринимательской активности – в момент времени t , где K – число объясняющих факторов,

β – вектор оцениваемых параметров размерности $K \times 1$,

η – постоянные во времени региональные эффекты (региональная неоднородность),

μ – фиксированные временные эффекты,

u_t – вектор ошибок модели размерности $N \times 1$ в момент времени t .

б. Модель с пространственным лагом (SAR) – учитывает взаимовлияние зависимой переменной между элементами выборки:

$$Y_t = \alpha I_N + X_t \beta + \rho W Y_t + \eta + \mu + u_t, \quad (5)$$

где $W Y_t$ – пространственный лаг зависимой переменной (глобальные эффекты предпринимательской активности),

W – матрица пространственных весов размерности $N \times N$,

ρ – пространственный коэффициент авторегрессии, который измеряет силу пространственной зависимости зависимой переменной среди наблюдений.

в. Модель с пространственной структурой в ошибках (SEM):

$$Y_t = \alpha I_N + X_t \beta + \eta + \mu + u_t, \quad (6)$$

где $u_t = \lambda W u_t + \varepsilon_t$,

где $W u_t$ – пространственный лаг в ошибках регрессии,

λ – коэффициент пространственной корреляции в ошибках регрессии, который измеряет силу автокорреляции пространственных ошибок,

ε_t – вектор размерности $N \times 1$ из одинаково и независимо распределенных членов ошибки с нулевым средним значением и дисперсией σ^2 .

d. Модель с пространственным лагом и пространственной структурой в ошибках (SAC) – является обобщением двух предыдущих моделей:

$$Y_t = \alpha I_N + X_t \beta + \rho W Y_t + \eta + \mu + u_t, \quad (7)$$

где $u_t = \lambda W u_t + \varepsilon_t$.

e. Модель Дарбина (SDM) – включает пространственные лаги как зависимой, так и независимой переменной:

$$Y_t = \alpha I_N + X_t \beta + \rho W Y_t + W X_t \theta + \eta + \mu + u_t, \quad (8)$$

где $W X_t$ – пространственные эффекты факторов предпринимательской активности,

θ – вектор неизвестных параметров размерности $K \times 1$.

4. Далее строятся разные виды спецификаций внутри каждой модели – с фиксированными и случайными эффектами.

5. После этого проводится тест LeSage and Pace на $\theta = 0$ и $\rho \neq 0$ для выявления лучшей модели среди SDM vs SAR.

H0: $\theta = 0$ и $\rho \neq 0$, то есть коэффициенты модификации модели SDM равны 0, соответственно, данная модель не отличается от модели SAR.

H1: $\theta \neq 0$ и $\rho \neq 0$, то есть коэффициенты модификации модели SDM не равны 0, соответственно, данная модель отличается от модели SAR.

6. Тест Elhorst на $\theta = -\beta\rho$ для выявления лучшей модели среди SDM vs SEM.

H0: $\theta = -\beta\rho$, то есть коэффициенты модификации модели SDM равны коэффициентам модели SEM, соответственно, модель SEM является лучшей моделью по сравнению с SDM.

H1: $\theta \neq -\beta\rho$, то есть коэффициенты модификации модели SDM не равны коэффициентам модели SEM, соответственно, модель SDM является лучшей моделью по сравнению с SEM.

7. Далее рассчитываются критерии AIC и BIC для сравнения и выбора лучшей модели среди полученных.

8. По полученной наилучшей модели для её интерпретации рассчитываются прямые, косвенные, общие эффекты.

Данные и предварительный анализ

В настоящей работе используются данные с официального статистического ресурса Росстат за 2011–2019 гг. по 77 регионам России.

Всего в сборниках Росстата 87 объектов наблюдения, агрегировано представлены Архангельская область (разделяется на 2 объекта) и Тюменская область (разделяется на 3 объекта).

Исключены следующие объекты наблюдения:

1) города федерального значения (г. Москва, г. Санкт-Петербург) и Чукотский автономный округ из-за наличия экстремальных значений по финансово-экономическим индикаторам, которые представлены в таблице 1, в частности блоки «Финансовое положение населения» и «Инновационные возможности региона»;

2) Республика Крым и г. Севастополь из-за отсутствия данных в период 2010–2014 гг.;

3) Ненецкий автономный округ и Архангельская область без НАО, так как информация агрегировано представлена для Архангельской области;

4) ХМАО, ЯНАО и Тюменская область без учета ХМАО и ЯНАО, так как информация агрегировано представлена для Тюменской области.

Количество объектов наблюдения в проводимом исследовании – 77 ед.

Период 2020–2021 гг. был исключен в связи с наличием структурных изменений в данных, которые обусловлены влиянием пандемии и ее последствий на бизнес-процессы предпринимательских экосистем. В частности, это переход торговли в онлайн-режим, изменение каналов и географии поставок продуктов промежуточного потребления, подходов к маркетингу и продвижению товаров и т. д.

Далее представим эмпирический анализ входящих переменных модели, проанализируем матрицу парных коэффициентов корреляций и стандартные описательные статистики (табл. 2).

Матрица парных коэффициентов корреляций факторов предпринимательской активности свидетельствует об отсутствии мультиколлинеарности между анализируемыми переменными. Аналогичные матрицы за прошлые периоды также показали отсутствие мультиколли-

Таблица 2. Описательные статистики и корреляции переменных модели*

	stud	wage	unemp	safety	internet	innovation	demogr
stud	1						
wage	-0,31	1					
unemp	-0,05	-0,16	1				
safety	-0,02	0,18	0,16	1			
internet	0,25	0,27	-0,48	-0,15	1		
innovation	0,27	-0,01	-0,27	-0,14	0,25	1	
demogr	0,16	-0,63	-0,18	-0,46	-0,11	0,21	1
Mean	233	39 307	5.55	0.3	19.52	0.63	30.19
Median	229	35 212	4.75	0.29	20.2	0.37	23.46
S.D.	80	13 686	3.95	0.11	6.16	0.8	30.85
Min	36	26 835	2.21	0.14	1.5	0	0.3
Max	533	94 856	33.75	0.74	37.5	5.46	173.5

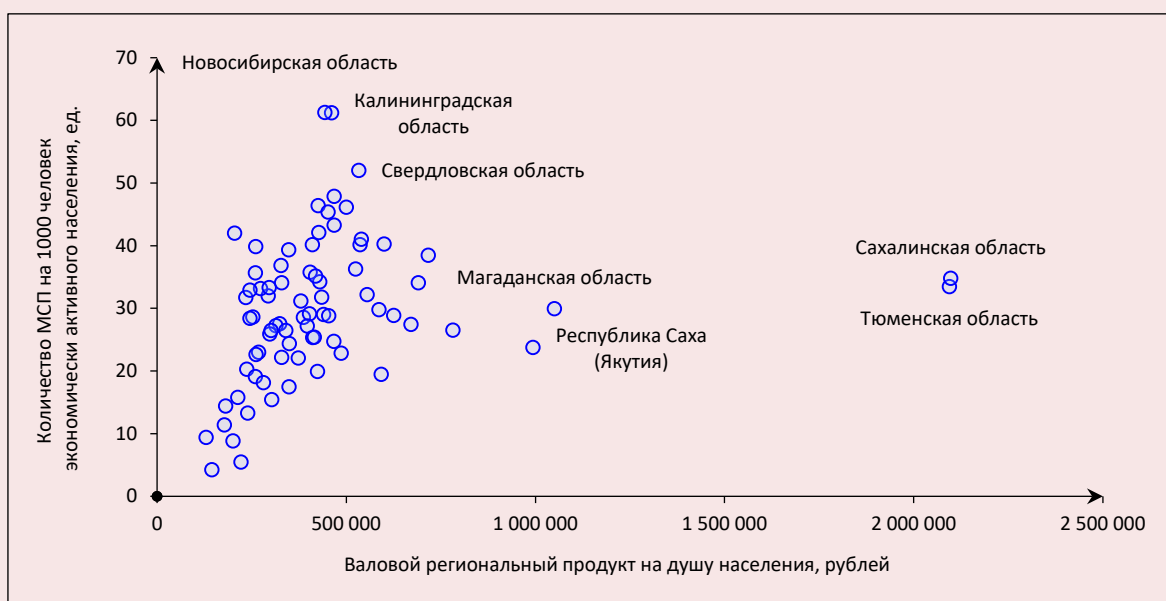
* Составлено по данным за 2019 год.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

линейности. Анализ описательных статистик позволяет сказать о высокой вариабельности переменных заработная плата, безработица, затраты на научные исследования и разработки, плотность населения. Степень межрегиональных различий велика не только по зависимой переменной – число малых и средних предприятий, но и по ее факторам. Это свидетельствует о необходимости использования в моделях взвешивающей матрицы по анализируемым переменным.

В целом концентрация анализируемого признака высокая и находится в интервале от 4 до 62 ед. МСП на 1000 человек экономически активного населения (рис. 1). Преимущественно они сконцентрированы в регионах с низким и умеренным уровнем ВРП на душу населения. Однако для регионов с высоким уровнем ВРП на душу населения, например Сахалинской и Тюменской областей, отмечается средний уровень количества МСП на 1000 человек экономически активного населения.

Рис. 1. Зависимость количества МСП от ВРП на душу населения в 2019 году

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/>).

Результаты моделирования

Необходимость использования пространственных моделей обусловили результаты построения индекса Морана. Наблюдается устойчивая пространственная положительная корреляция зависимой переменной – число малых и средних предприятий (*рис. 2*). Данный результат означает, что регионы России можно разбить на паттерны предпринимательской активности: регионы с высоким значением числа малых и средних предприятий (ЦФО), регионы с низким значением (Северный Кавказ).

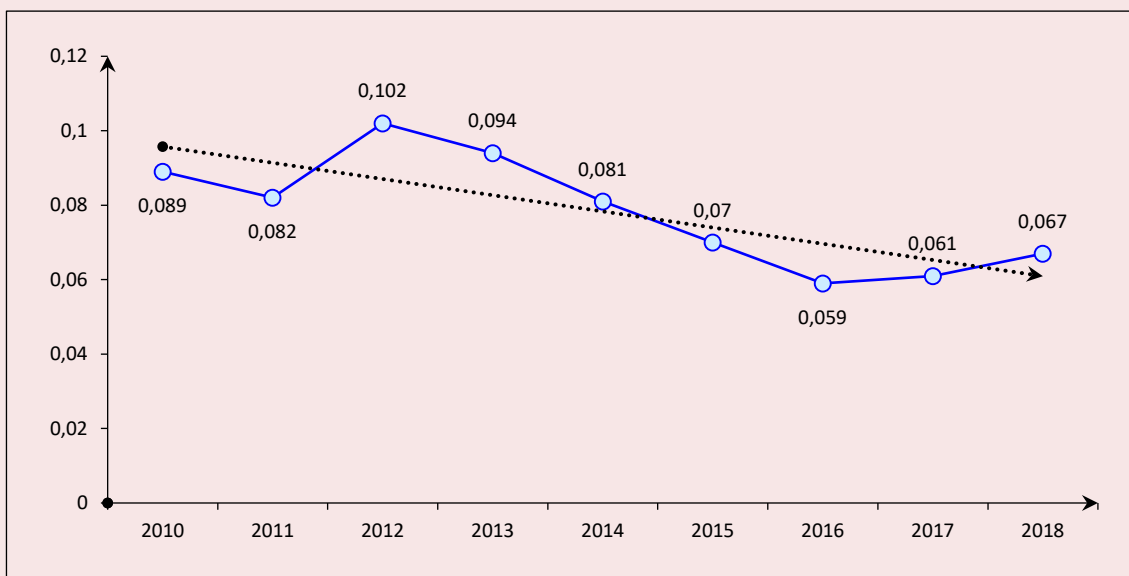
В *таблице 3* представлены результаты моделирования. Были построены основные спецификации пространственных моделей по панельным данным: SAR, SEM, SDM, SAC. Моделирование проводилось в пакете STATA, оценки пространственных моделей были найдены с помощью метода максимального квази-правдоподобия (ММКП), который заложен в основу пакета xsmle (Belotti et al., 2017). Перед моделированием все показатели были логарифмированы. Эта процедура является стандартной в исследованиях и позволяет масштабировать переменные, снижать высокую вариацию, которая ведет к неоднородности в ошибках модели (Hong et al., 2015). Ранее упо-

миналось о том, что невключение в модель пространственного фактора приводит к смещенным оценкам. В связи с этим, для того чтобы располагать информацией о последствиях неучета в модели пространственного лага, была оценена панельная регрессия с фиксированными эффектами без пространственных взаимосвязей.

В рамках каждой спецификации рассматривались модели с фиксированными и случайными эффектами. Для выбора среди них лучшей модели использовался тест Хаусмана о некоррелированности ошибок и регрессоров. Если гипотеза не отвергается, то используются случайные эффекты (следовательно, ОМНК для нахождения оценок коэффициентов), в противном случае – модель с фиксированными эффектами (within-преобразования и МНК для нахождения оценок). Учитывая данные таблицы 3, можно заключить, что на 5% уровне значимости предпочтение отдается моделям с фиксированными эффектами (модели 2, 4, 6).

Дальнейший выбор между модельными спецификациями осуществлялся с помощью проведения тестов на значимость коэффициентов, стоящих перед соответствующими пространственными лагами.

Рис. 2. Индекс Морана за период с 2010 по 2018 год

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Таблица 3. Результаты оценки по пространственным панельным моделям на данных за 2011–2019 гг. с использованием робастных стандартных ошибок (N = 693)

Объясняющая переменная (в натуральных логарифмах)	Зависимая переменная – количество малых и средних предприятий, в натуральных логарифмах							
	SAR-RE	SAR-FE	SEM-RE	SEM-FE	SDM-RE	SDM-FE	SAC	FE
	1	2	3	4	5	6	7	8
Численность студентов	-0.160***	-0.183***	-0.175***	-0.208***	-0.117*	-0.123**	-0.132***	-0.234***
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	0.246***	0.250***	0.377***	0.374***	0.403**	-0.176	0.197***	0.392***
Уровень безработицы	0.0150	0.0003	0.0319	0.0101	0.0222	0.0147	0.0124	0.0108
Преступность в сфере экономики на 1000 жителей	0.0167	0.0235	0.0161	0.0237	0.0207	0.0283	0.0204	0.0245
Численность активных абонентов фиксированного и мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 человек населения	0.161***	0.185***	0.159***	0.181***	0.176***	0.193***	0.186***	0.175***
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, % к ВРП	0.0362***	0.0289**	0.0344***	0.0272**	0.0336***	0.0258**	0.0300***	0.0314**
Плотность населения	0.250***	0.744**	0.268***	0.756**	0.405***	0.684**	0.605*	0.740**
ρ (пространственный коэффициент авторегрессии)	0.470***	0.503***		0.476***	0.453***	0.478***	0.796***	
λ (коэффициент пространственной корреляции в ошибках регрессии)			0.472***				-0.923***	
Константа	3.256***		6.513***		2.179			5.356***
Критерии качества модели								
AIC	-318,9	-884,9	-315,9	-879,3	-314,4	-882,5	-892,3	-860,5
BIC	-268,9	-844,1	-266,0	-838,5	-232,7	-809,9	-846,9	-824,2
Тест Хаусмана (Hausman)		26,8		18,7		46,4		103,6
Prob > chi2		0,0008		0,0167		0		0
FE vs RE		FE		FE		FE		FE
LeSage and Pace (SDM vs SAR) на $\theta = 0$ и $\rho \neq 0$, chi2=						190,4		
Prob > chi2						0,000		
SDM vs SAR						SDM		
EIhorst (SDM vs SEM) на $\theta = -\beta\rho$, chi2=						175,7		
Prob > chi2						0,000		
SDM vs SEM						SDM		

Примечание: ***, **, * – значимость коэффициентов на 1, 5, 10%-ном уровне соответственно. Источник: составлено автором по данным Росстата.

Следуя стратегии, описанной в работах Лейсажа и Пейса (LeSage, Pace, 2009) и Элхорста (Elhorst, 2010), исследователи должны начать проверку спецификаций с SDM в качестве общей спецификации и проанализировать, есть ли возможность упростить SDM до SAR или SEM. Далее по тесту LeSage производится выбор между SDM (модель 6) и SAR (модель 2). Проведенный тест показал, что наилучшей моделью является модель SDM ($\chi^2 = 190.4$, $\text{Prob} > \chi^2 = 0,000$).

Тест Elhorst на $\theta = -\beta\rho$ позволяет определить наилучшую модель среди SDM (модель 6) и SEM (модель 4). В результате проведенного теста $\chi^2 = 175,7$, $\text{Prob} > \chi^2 = 0,000$, нулевая гипотеза отвергается и выбор делается в пользу модели SDM.

Анализируя оценки модели 6, можно заметить значимый пространственный эффект двух переменных: уровня безработицы и заработной платы. Исследования, проводимые ранее, исключали данный аспект проблемы из анализа. Полученная пространственная зависимость не только зависимой переменной – количество новых малых предприятий, но и факторов, ее образующих, свидетельствует о том, что политику, проводимую в отношении развития пред-

принимательства, необходимо строить с учетом анализа размера средней заработной платы и уровня безработицы в соседних регионах, так как эти факторы имеют сильные пространственные взаимосвязи и влияние на предпринимательскую активность.

Сравнение SDM и SAC моделей осуществляется на основе информационных критериев Акаика (AIC) и Шварца (BIC). У модели SAC информационные критерии немного ниже, что обуславливает целесообразность использования данного вида спецификации для дальнейшего обсуждения и интерпретации.

У этой модели статистически значимыми являются пространственный лаг зависимой переменной (ρ) и пространственная корреляция в ошибках (λ). Коэффициент пространственной корреляции значим и соответствующая оценка положительная. Это свидетельствует, что рост предпринимательской активности в одном регионе влечет за собой развитие предпринимательства в других регионах.

Для того чтобы осуществить интерпретацию полученных оценок пространственных моделей, обратимся к вычислению прямых, косвенных и общих эффектов (табл. 4). Дана интерпретация только для статистически значимых эффектов.

Таблица 4. Прямые, косвенные, общие эффекты SDM и SAC моделей

Переменная	SDM	SDM	SDM	SAC	SAC	SAC	Panel-FE
	Прямые	Косвенные	Общие	Прямые	Косвенные	Общие	
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры	-0.119*	0.221	0.102	-0.138***	-0.564*	-0.702**	-0.234**
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций	-0.169	1.308**	1.139**	0.210***	0.900	1.110	0.392***
Уровень безработицы	0.0254	0.556*	0.581*	0.0163	0.0766	0.0929	0.0108
Преступность в сфере экономики на 1000 жителей	0.0295	0.119	0.148	0.0210	0.0832	0.104	0.0245
Численность активных абонентов фиксированного и мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 человек населения	0.194***	0.170	0.364	0.196***	0.861	1.058	0.175***
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, % к ВРП	0.0273**	0.0889	0.116	0.0325***	0.142	0.174	0.0314**
Плотность населения	0.646*	-3.577	-2.931	0.631*	2.715	3.346	0.740**

Примечание: ***, **, * – значимость коэффициентов на 1, 5, 10%-ном уровне соответственно.
Источник: построено автором в программе STATA.

Несмотря на то, что лучшей по критериям качества модели оказывается SAC, интерпретация будет дана SAC и SDM, так как SDM незначительно уступает SAC в качестве, а расчетные прямые и косвенные эффекты близки.

Прямой эффект интерпретируется как среднее изменение количества новых малых предприятий в регионе при изменении соответствующего объясняющего фактора **в том же** регионе. *Косвенный эффект* (эффект перетока) – это среднее изменение количества новых малых предприятий в регионе при изменении соответствующего объясняющего фактора во всех **других** регионах. *Общий эффект* определяется суммой прямого и косвенного эффектов, в нашем случае это среднее изменение количества новых малых предприятий в регионе при изменении соответствующего объясняющего фактора **во всех** регионах.

В соответствии со значениями прямых эффектов рост **числа студентов по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры** на 1% в регионе уменьшает количество новых малых предприятий в этом же регионе на 0,119% в модели SDM и на 0,138% в модели SAC. Данный результат согласуется с выводами исследования (Образцова, Чепуренко, 2020), в котором постулируется, что «уровень образования в регионах разного типа действует на вовлечение в предпринимательскую деятельность в разном направлении: тормозит его в одних случаях и стимулирует – в других». Обратное влияние фактора «образование» на развитие предпринимательской деятельности в группе благополучных регионов объясняется опытом и образованием индивидуумов, которые лучше представляют себе уровень рисков и барьеры для развития предпринимательства в регионе своего проживания.

Влияние **заработной платы и уровня безработицы** на изменение предпринимательской активности намного больше, если учитывать пространственные взаимодействия (1,139 против 0,392 по заработной плате; 0,581 против 0,0108 по уровню безработицы). По заработной плате и уровню безработицы можно отметить, что прямые эффекты незначимы и гораздо меньше косвенных (SDM модель). Это означает, что рост заработной платы во всех других регионах на 1% увеличивает количе-

ство малых предприятий в данном регионе на 1,139%; рост уровня безработицы во всех других регионах на 1% увеличивает количество малых предприятий в данном регионе на 0,556%. Полученные результаты свидетельствуют, что локальные меры по стимулированию предпринимательства в конкретном регионе приведут к более скромным результатам, чем политика, проводимая на государственном уровне (Pereira, 2014).

Преступность в сфере экономики статистически незначимо влияет на количество малых и средних предприятий, так как деятельность малых и средних предприятий преимущественно сконцентрирована в правовом поле Российской Федерации.

Положительное влияние на развитие предпринимательства имеет **численность абонентов сети Интернет**. Рост численности абонентов на 1% в регионе увеличивает количество новых малых предприятий **в этом же** регионе на 0,194% в SDM и на 0,196% в SAC. Совокупный эффект в модели SAC 1,058%. Косвенный эффект незначим, то есть рост численности абонентов в одном регионе не увеличивает предпринимательскую активность в соседних. Направление влияния соответствует ожидаемому и согласуется с результатами в работах (Shideler, Badasyan, 2012; Sorgner, 2017).

Влияние **внутренних затрат на научные исследования и разработки** на развитие предпринимательства количественно сопоставимо в обычной модели панельной регрессии и пространственных моделях. Прямой эффект равен 0.0273 в модели SDM и 0.0325 в модели SAC. Инновационный фактор в развитии предпринимательства играет важную роль (Drucker, 1998) и побуждает многих предпринимателей заниматься предпринимательской деятельностью. Как было отмечено выше, инновации предпринимателей побуждают других предпринимателей вступать в предпринимательские начинания и инновации (Duguet, 2004).

Плотность населения в пространственных моделях также является значимым фактором среди факторов развития малого предпринимательства. Оценка прямого эффекта количественно сопоставима с оценкой в модели панельной регрессии и составляет 0.646 в модели SDM и 0.631 в модели SAC. Это разумно, так

как в городах, регионах с высокой плотностью населения выше уровень урбанизации, концентрации технологий, что стимулирует развитие предпринимательской деятельности (Helsley, Strange, 2011; Fritsch, Noseleit, 2013).

Заключение

В ходе исследования проведено моделирование факторов предпринимательской активности в регионах России за 2011–2019 гг. с помощью использования моделей пространственной регрессии. В модель включаются взвешенные значения не только показателя числа малых предприятий в других регионах (пространственный лаг зависимой переменной), но и факторов предпринимательской активности: численности студентов, заработной платы, уровня безработицы, преступности в сфере экономики, числа активных пользователей сети Интернет, затрат на научные исследования и разработки, плотности населения (пространственный лаг объясняющих факторов). Выбор факторов пространственных моделей производился на основе методики отбора информативных частных критериев С.А. Айвазяна. Отбор проведен внутри каждого из семи блоков переменных, объясняющих появление новых малых предприятий в регионах.

В исследовании приняты во внимание несколько аспектов проблемы. Первый – пространственная неоднородность с точки зрения существования сложившихся особенностей экономического развития региона, что может способствовать или ограничивать предпринимательские начинания. Второй аспект – существование зависимого характера развития предпринимательской деятельности, а также образующих факторов – знания о предпринимательстве, инновации и пр., которые используются в соседнем регионе. В существующих работах по предпринимательству либо рассматриваются исключительно факторы предпри-

нимательства при нивелировании возможных пространственных взаимосвязей, либо анализируется наличие пространственных эффектов только по зависимой переменной (предпринимательская активность). Нами предложено и протестировано несколько пространственных эконометрических моделей предпринимательской активности. На основе доказанных критериев отбора информативных индикаторов были определены показатели-представители внутри каждого блока факторов предпринимательской активности, что позволяет говорить об обоснованном и комплексном подходе к отбору признаков – детерминантов предпринимательской активности. Анализ построенных моделей свидетельствует, что в России существуют сильные взаимосвязи между регионами и их взаимное влияние друг на друга по зависимой переменной – образование новых малых предприятий, а также по таким факторам предпринимательской активности, как заработная плата и уровень безработицы. Определено, что в случае учета пространственного аспекта влияние **заработной платы и уровня безработицы** на изменение предпринимательской активности намного больше.

Для развития предпринимательства большое значение играют размер средней заработной платы и уровень безработицы в соседних регионах, а также образованность населения, развитие цифровизации, инновационных возможностей и уровень концентрации трудовых ресурсов в каждом конкретном регионе. В связи с этим ожидается, что полученные в ходе исследования результаты дадут органам, занимающимся разработкой и внедрением программ содействия развитию предпринимательства, практическую информацию о роли пространственного фактора в исследовании детерминантов развития предпринимательской активности.

Литература

- Айвазян С.А. (2012). Анализ качества и образа жизни населения: монография. М.: ЦЭМИ РАН. 432 с.
- Баринова В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. (2018). Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России // Вопросы экономики. Т. 6. С. 92–116. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-6-92-116
- Земцов С.П., Царева Ю.В., Салимова Д.Р., Баринова В.А. (2021). Занятость в малом и среднем бизнесе в России: в поисках факторов роста // Вопросы экономики. № 12. С. 66–93.

- Земцов С.П., Царева Ю.В. (2018). Предпринимательская активность в регионах России: насколько пространственные и временные эффекты детерминируют развитие малого бизнеса // Журнал Новой экономической ассоциации. № 37. С. 145–165.
- Образцова О.И., Поповская Е.В. (2017). Опыт применения многомерного статистического анализа для характеристики контекстуальных условий предпринимательской деятельности в регионах РФ // Социологические исследования. № 4. С. 93–106.
- Образцова О.И., Чепуренко А.Ю. (2020). Предпринимательская активность в России и ее межрегиональные различия // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 14. № 2. С. 199. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-12
- Семерикова Е.В., Демидова О.А. (2015). Анализ региональной безработицы в России и Германии: пространственно-эконометрический подход // Пространственная экономика. № 2. С. 64–85.
- Семерикова Е.В., Демидова О.А. (2016). Взаимодействие региональных рынков труда в России: анализ с помощью пространственных эконометрических моделей // Пространственная экономика. № 3. С. 57–80.
- Acs Z.J., Desai S., Hessels J. (2008). Entrepreneurship, economic development and institutions. *Small Business Economics*, 31(3), 219–234. DOI: 10.1007/s11187-008-9135-9
- Acs Z.J., Anselin L., Varga A. (2002). Patents and innovation counts as measures of regional production of new knowledge. *Research Policy*, 31(7), 1069–1085. DOI: 10.1016/S0048-7333(01)00184-6
- Acs Z.J., Armington C., Zhang T. (2007). The determinants of new-firm survival across regional economies: The role of human capital stock and knowledge spillover. *Papers in Regional Science*, 86(3), 367–391. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2007.00129.x
- Aparicio S., Urbano D., Audretsch D. (2016). Institutional factors, opportunity entrepreneurship and economic growth: Panel data evidence. *Technological Forecasting and Social Change*, 102, 45–61. DOI: 10.1016/j.techfore.2015.04.006
- Audretsch D.B., Keilbach M.C. (2004). Entrepreneurship capital and economic performance. *Regional Studies*, 38(8), 949–959. DOI: 10.1080/0034340042000280956
- Audretsch D., Dohse D., Niebuhr A. (2010). Cultural diversity and entrepreneurship: A regional analysis for Germany. *The Annals of Regional Science*, 45(1), 55–85. DOI: 10.1007/s00168-009-0291-x
- Autant-Bernard C., Lesage J.P. (2011). Quantifying knowledge spillovers using spatial econometric models. *Journal of Regional Science*, 51(3), 471–496. DOI: 10.1111/j.1467-9787.2010.00705.x
- Belotti F., Hughes G., Mortari A.P. (2017). Spatial panel-data models using Stata. *The Stata Journal*, 17(1), 13–180. DOI: doi.org/10.1177/1536867X1701700109
- Drucker P.F. (1998). The discipline of innovation. *Harvard Business Review*, 76(6), 149–157.
- Duguet E. (2004). Are R&D subsidies a substitute or a complement to privately funded R&D? Evidence from France using propensity score methods for non-experimental data. *Revue d'Economie Politique*, 114(2), 245–274. DOI: 10.3917/redp.142.0245
- Elhorst J.P. (2010). Applied spatial econometrics: Raising the bar. *Spatial Economic Analysis*, 5(1), 9–28. DOI: 10.1080/17421770903541772
- Fritsch M., Noseleit F. (2013). Investigating the anatomy of the employment effect of new business formation. *Cambridge Journal of Economics*, 37(2), 349–377. DOI: 10.1093/cje/bes030
- Fritsch M., Mueller P. (2008). The effect of new business formation on regional development over time: The case of Germany. *Small Business Economics*, 30(1), 15–29. DOI: 10.1007/s11187-007-9067-9
- Helsley R.W., Strange W.C. (2011). Entrepreneurs and cities: Complexity, thickness and balance. *Regional Science and Urban Economics*, 41(6), 550–559. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2011.04.001
- Hong E., Lee I.H., Sun L., Harrison R. (2015) Entrepreneurship across time and space: Empirical evidence from Korea. *Small Business Economics*, 44(3), 705–719. DOI: 10.1007/s11187-014-9613-1
- Krugman P. (1991). Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*, 99(3), 483–499. DOI: 10.1086/261763
- Kuechle G. (2014). Regional concentration of entrepreneurial activities. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 102, 59–73. DOI: 10.1016/j.jebo.2014.03.017

- LeSage J.P., Pace R.K. (2009). *An Introduction to Spatial Econometrics*. New York: Chapman and Hall/CRC. DOI: 10.1201/9781420064254
- Pereira R.M. (2014). Okun's law, asymmetries and regional spillovers: Evidence from Virginia metropolitan statistical areas and the District of Columbia. *The Annals of Regional Science*, 52(2), 583–595.
- Pijnenburg K., Kholodilin K.A. (2014). Do regions with entrepreneurial neighbours perform better? A spatial econometric approach for German regions. *Regional Studies*, 48(5), 866–882. DOI: 10.1080/00343404.2012.697143
- Plummer L.A. (2010). Spatial dependence in entrepreneurship research: Challenges and methods. *Organizational Research Methods*, 13(1), 146–175. DOI: 10.1177/1094428109334199
- Qian H., Haynes K.E. (2014). Beyond innovation: The small business innovation research program as entrepreneurship policy. *The Journal of Technology Transfer*, 39, 524–543. DOI: 10.1007/s10961-013-9323-x
- Qian H., Zhao C. (2018). Space-time analysis of high technology entrepreneurship: A comparison of California and New England. *Applied Geography*, 95, 111–119. DOI: 10.1016/j.apgeog.2018.04.006
- Robson M.T. (1998). Self-employment in the UK regions. *Applied Economics*, 30(3), 313–322. DOI: 10.1080/000368498325831
- Saxenian A. (1994). *Regional Advantage*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Shideler D., Badasyan N. (2012). Broadband impact on small business growth in Kentucky. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 19(4), 589–606. DOI: 10.1108/14626001211277415
- Song C., Park K.M., Kim Y. (2020). Socio-cultural factors explaining technology-based entrepreneurial activity: Direct and indirect role of social security. *Technology in Society*, 61, 1-9101246. DOI: 10.1016/j.techsoc.2020.101246
- Sorenson O., Baum J.A.C. (2003). Editors' introduction: Geography and strategy: The strategic management of space and place. *Advances in Strategic Management*, 20, 1–19. DOI: 10.1016/S0742-3322(03)20016-4
- Sorgner A. (2017). The automation of jobs: A threat for employment or a source of new entrepreneurial opportunities? *Foresight and STI Governance*, 11(3), 37–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.37.48
- Verheul I., Wennekers S., Audretsch D., Thurik R. (2002). An eclectic theory of entrepreneurship: Policies, institutions and culture. *Entrepreneurship: Determinants and Policy in a European-US Comparison*, 27, 11–81. DOI: 10.1007/0-306-47556-1_2
- Wennekers S., van Wennekers A., Thurik R., Reynolds P. (2005). Nascent entrepreneurship and the level of economic development. *Small Business Economics*, 24(3), 293–309. DOI: 10.1007/s11187-005-1994-8
- Xheneti M., Bartlett W. (2012). Institutional constraints and SME growth in postcommunist Albania. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 19(4), 607–626. DOI: 10.1108/14626001211277424
- Zemtsov S. (2020). New technologies, potential unemployment and 'nescience economy' during and after the 2020 economic crisis. *Regional Science: Policy & Practice*, 12(4), 723–743. DOI: 10.1111/rsp3.12286

Сведения об авторах

Марина Владиславовна Шаклеина — кандидат экономических наук, доцент кафедры, Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, корп. 61; e-mail: shakleina.mv@gmail.com)

Константин Игоревич Шаклеин — кандидат экономических наук, главный специалист, открытое акционерное общество «Российские железные дороги» (107174, Российская Федерация, г. Москва, Новая Басманная ул., д. 2; e-mail: mrshaklein@gmail.com)

Shakleina M.V., Shaklein K.I.

Drivers of Entrepreneurship Development in Russia's Regions: Assessment and the Role of Spatial Interrelations

Abstract. The study examines for the first time the influence of the spatial interaction effects of socio-economic factors on the entrepreneurship development in the regions. This effect was assessed by constructing a set of spatial models on panel data for 2011–2019. The need to take into account spatial interaction is due to the calculated Moran's index, as well as the statistical significance of the spatial autoregressive coefficient. In the work, we have built the following models: spatial lag model, spatial error model, spatial lag and spatial error model, Durbin model, and panel regression. The purpose of the simulation is to assess the role of the spatial factor in the entrepreneurship development in Russia's regions. As a result, we have proposed a system of indicators of entrepreneurial activity, selected the most informative indicators, determined the influence of factors of entrepreneurial activity taking into account and without a spatial lag of dependent and independent variables, and evaluated spatial effects (direct, indirect, general). The article shows that the influence of wages and the unemployment rate on the change in entrepreneurial activity is much greater if spatial interactions are taken into account. The scientific novelty of the research lies in determining the degree and direction of the influence of spatial effects that have an impact on entrepreneurial activity and its factors. The results confirm the importance of using not only regional characteristics, but also spatial and temporal dependencies in the analysis of entrepreneurial activity. We expect that the research results will provide practical information to authorities and administrations seeking to promote the entrepreneurship development at the national level.

Key words: entrepreneurial activity, spatial econometrics, Russia's regions, Moran's index.

Information about the Authors

Marina V. Shakleina – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Moscow School of Economics (1, building 61, Leninskie Gory Street, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: shakleina.mv@gmail.com)

Konstantin I. Shaklein – Candidate of Sciences (Economics), Chief Specialist, Joint Stock Company "Russian Railways" (2, Novaya Basmannaya Street, Moscow, 107174, Russian Federation; e-mail: mrshaklein@gmail.com)

Статья поступила 30.05.2022.

DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.7

УДК 37.01:004, ББК 74.4:32.81

© Климова Ю.О., Устинова К.А., Фролов И.Э.

Финансирование исследований и разработок в регионах: задачи, состояние, перспективы

**Юлия Олеговна
КЛИМОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: j.uschakowa2017@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3295-9510; ResearcherID: Q-6340-2017

**Ксения Александровна
УСТИНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6198-6462; ResearcherID: I-8164-2016

**Игорь Эдуардович
ФРОЛОВ**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: frolovecfor@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0673-2133; ResearcherID: A-5961-2017

Для цитирования: Климова Ю.О., Устинова К.А., Фролов И.Э. (2022). Финансирование исследований и разработок в регионах: задачи, состояние, перспективы // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 5. С. 135–152. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.7

For citation: Klimova Yu.O., Ustinova K.A., Frolov I.E. (2022). Funding research and development in regions: Tasks, current state, prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 135–152. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.7

Аннотация. Важным условием роста инновационной активности регионов выступает финансирование сектора исследований и разработок. Однако доля затрат на НИОКР в России за последние десять лет продолжает сокращаться. По данному показателю Россия уступает другим странам – лидерам инновационного развития в 3–4 раза. Формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности может способствовать росту объемов финансирования НИОКР. Цель исследования состоит в изучении организационных условий формирования фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. С использованием статистических данных Росстата были просчитаны варианты роста затрат на НИОКР при условии создания региональных фондов, бюджет которых складывается за счет отчислений от выручки организаций в сумме до 1,5%. Выделены группы компаний, чьи финансовые ресурсы могли бы стать источником формирования бюджета фондов. В статье обозначены основные направления и объем использования аккумулируемых в фондах денежных средств. В заключительной части статьи рассмотрены меры поддержки компаний, участвующих в наполнении бюджета фондов, предложена корректировка основных направлений стимулирования организаций. Научная новизна работы заключается в реализации комплексного исследования фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности в субъектах РФ как инструмента роста объемов затрат на НИОКР, включающего изучение вопросов финансового наполнения бюджета фондов, определение направлений и расчет возможного объема расходования аккумулируемых средств по ним, а также корректировку существующих мероприятий по стимулированию организаций к участию в финансировании бюджета фондов. Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут служить в качестве экономического обоснования и организационного обеспечения в ходе создания региональных фондов региональными органами власти. Кроме этого, материалы исследования могут быть использованы для разработки отдельного федерального закона, регламентирующего деятельность по созданию и функционированию рассматриваемых фондов.

Ключевые слова: регион, наука, инновации, инновационная активность, исследования и разработки, НИОКР, фонды, финансирование НИОКР.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания № FMGZ-2022-0002 «Методы и механизмы социально-экономического развития регионов России в условиях цифровизации и четвертой промышленной революции».

Введение

Задача развития инновационной экономики поставлена почти перед всеми странами, в том числе российским государством. Масштабные изменения последнего времени требуют существенной переработки сложившихся представлений о научно-технической и инновационной деятельности, что является многоаспектной задачей. Здесь излагаются лишь некоторые результаты исследования актуальных проблем, связанных с формированием региональных фондов поддержки научной и научно-технической

деятельности. Проблематика научно-технологического развития в аспекте технологической модернизации российской экономики представлена в работе «О долгосрочном научно-технологическом развитии России»¹.

Одним из ключевых индикаторов, характеризующих степень участия организаций в осуществлении инновационной деятельности и отражающих возможность предприятий создавать и реализовывать нововведения, выступает инновационная активность². За 10 лет (с 2010 по

¹ О долгосрочном научно-технологическом развитии России / под ред. Д.Р. Белоусова, И.Э. Фролова. М.: Артник Принт, 2022. 167 с.

² Индикаторы инновационной деятельности. 2022: стат. сб. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/589979442.pdf>

2020 год) уровень инновационной активности организаций в России вырос незначительно – на 1,3 п. п., в 2020 году составил 10,8%. По данным на 2020 год аналогичный индикатор в Бельгии и Германии равнялся 67,8%, в США – 64,7%, в Швеции – 63,1%³. Статистические данные свидетельствуют о значительном отставании российских организаций по уровню инновационной активности от мировых лидеров (на 52,3–57,0 п. п.).

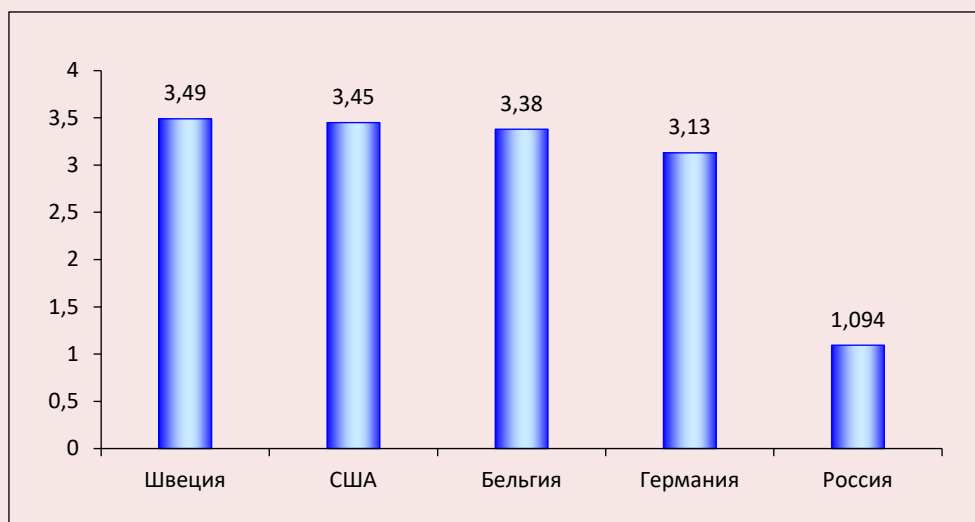
«Рост инновационной активности во многом определяется наличием развитого сектора исследований и разработок, обеспечивающего создание новых продуктов, материалов и технологий, которые впоследствии могут быть реализованы в производственном процессе и найти воплощение в товарной продукции, конкурентоспособной на современных рынках» (Мазилов, Ушакова, 2019). Важным условием эффективного функционирования инновационной деятельности является финансирование сектора исследований и разработок. Однако за период с 2010 по 2020 год наблюдалось незначительное сокращение доли затрат на исследования и разработки в ВВП России (на 0,36 п. п.).

В 2020 году данный показатель составил 1,094%. В странах с высокой инновационной активностью этот индикатор в разы больше. Так, в Швеции он составляет 3,49%, в Германии – 3,13%, в США – 3,45%, в Бельгии – 3,38% (рис. 1). Данный показатель свидетельствует о том, что по доле затрат на исследования и разработки в ВВП Россия отстает от мировых лидеров на 2,0–2,4 п. п.

«Наряду с этим проблема усугубляется существованием диспропорций в финансировании сектора исследований и разработок между регионами РФ. Разница между регионами-лидерами и регионами-аутсайдерами России, по состоянию на 2019 год, составляет 140 раз. В 58 субъектах РФ из 79 (73,4%) доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП равняется менее 1% и лишь в 8,9% субъектах РФ расходуют на эти цели выше 2% ВРП» (Климова, 2021).

Важно подчеркнуть, что в России существует проблема, связанная с финансовым планированием объема денежных средств, направляемых на развитие сектора НИОКР. Так, федеральным законом «О науке и государствен-

Рис. 1. Доля затрат на исследования и разработки в международном сопоставлении, 2020 год, %

Источник: Статистическая база Организации экономического сотрудничества и развития (OECD). Main Science and Technology Indicators. URL: <https://stats.oecd.org/>

³ Индикаторы инновационной деятельности. 2022: стат. сб. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/589979442.pdf>

ной научно-технической политике» (от 2000 года) было установлено, что на финансирование НИОКР до 2004 года необходимо направлять 4% от федерального бюджета. При этом отмечается, что в 2004 году эта норма была отменена, поскольку никогда не соблюдалась (Тодосийчук, 2013).

Кроме этого, согласно данным Минфина РФ, в 2021 году бюджетное финансирование научных исследований и разработок составило 635 млрд руб., а на 2022 год запланировано только 586 млрд руб., что на 7,7% меньше по сравнению с предыдущим годом⁴.

Проблема финансового обеспечения НИОКР поднимается как среди экспертов, так и в органах государственной власти. Например, руководство РАН и научное сообщество отмечают, что при существующих объемах денежных средств, выделяемых на науку, конкурировать с ведущими странами нереально⁵. Специалисты Счетной палаты РФ также подчеркивают, что по затратам на НИОКР Россия на порядок отстает от стран-лидеров, что, в свою очередь, не позволяет российской науке и технологиям стать основным драйвером социально-экономического роста⁶. О необходимости решения данной проблемы заявлено на государственном уровне. Согласно паспорту национального проекта «Наука», к 2024 году планируется увеличение расходов на НИОКР до 1,02% ВВП⁷. Противоречие заключается в том, что по статистическим сведениям этот показатель уже на 2019 год составлял 1,2%. Данное обстоятельство свидетельствует о несоответствии между запланированными значениями целевых показателей и достигнутыми. Кроме этого, даже при таких показателях объем затрат на НИОКР остается низким. Требуется увеличить его как минимум до 3% ВВП, доведя до уровня инновационно развитых стран.

⁴ Как будет финансироваться российская наука. URL: <https://rg.ru/2021/12/15/kak-budet-finansirovatsia-rossijskaia-nauka.html>

⁵ Там же.

⁶ Уровень финансирования российской науки недостаточен для обеспечения технологического прорыва. URL: <https://ach.gov.ru/checks/9658>

⁷ Паспорт национального проекта «Наука». URL: <http://static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVsuy2Yk7D8hvQbpbUSwO8y.pdf>

Недостаточный объем финансирования инновационной деятельности влечет за собой низкую отдачу науки и научных исследований. В связи с этим проблема финансового обеспечения сектора исследований и разработок является актуальной. На предыдущих этапах исследования нами было установлено, что «одним из действенных и легитимных методов активизации финансирования науки в регионах России может стать создание региональных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности» (Мазилов, Ушакова, 2019). Согласно федеральному закону «О науке и государственной научно-технической политике» под этими фондами понимаются «организации, которые создаются РФ, субъектами РФ, физическими и (или) юридическими лицами в целях финансового обеспечения научной, научно-технической и инновационной деятельности в том числе на условиях софинансирования за счет средств различных источников, не запрещенных законодательством РФ»⁸.

Цель исследования состоит в изучении организационных условий формирования фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Основные задачи работы: 1) определить источники формирования бюджета рассматриваемых фондов; 2) предложить направления использования аккумулируемых в фондах денежных средств; 3) рассмотреть и скорректировать существующие направления стимулирования компаний к участию в программе финансирования фондов.

Научная новизна представленной работы заключается в реализации комплексного исследования фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности в субъектах РФ как инструмента роста объемов затрат на НИОКР, включающего изучение вопросов финансового наполнения бюджета фондов, определение направлений и расчет возможного объема расходования аккумулируемых средств по ним, а также корректировку суще-

⁸ О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ddc6aeb0b1616c6dfe6f3794ef646a8fc98794f6/

ствующих мероприятий по стимулированию организаций к участию в финансировании бюджета фондов.

Теоретические аспекты исследования

Потребность в формировании фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности обуславливается необходимостью совершенствования имеющихся в стране механизмов финансирования НИОКР. Важно подчеркнуть, что сам процесс формирования включает в себя различные аспекты (создание фондов, определение их функций, целей и полномочий субъектов, нормативное и финансовое обеспечение и т. д.). В рамках данного исследования акцент сделан на финансовой стороне формирования бюджета фондов.

В целом проблемы, связанные с финансированием науки, инноваций, поднимаются в работах как отечественных (Аганбегян, 2015; Иванченко, Горбунов, 2018; Миндели, Черных, 2017; Осовин, 2020 и т. д.), так и зарубежных (Paunov, Bogowiecki, 2018; Larrue et al., 2018; Jesemann, 2020; Kimberly, 1979; Schumpeter, 1954 и др.) исследователей. В ряде работ подчеркивается значение финансового обеспечения для ведения инновационной, научной и другой деятельности. Так, например, по мнению автора работы (Аганбегян, 2015), финансирование играет значительную роль в развитии научной сферы, образования, информационных технологий и т. д. С точки зрения авторов исследования (Иванченко, Горбунов, 2018), финансовые ресурсы являются важным условием инновационного развития и внедрения инноваций, а также реализации инновационных направлений. В некоторых трудах роль финансового обеспечения конкретизируется, например подчеркивается значимость финансового обеспечения в поддержании фундаментальных научных исследований и разработок (Миндели, Черных, 2017). М.Н. Осовин финансирование сферы НИОКР называет центральным элементом создания будущих прорывных технологий (Осовин, 2020). Аналогичная точка зрения обозначена в трудах (Larrue et al., 2018; Schumpeter, 1939). Анализ научной литературы показал, что во многих исследованиях, посвященных проблеме финансирования НИОКР, подчеркивается значение затрат на исследова-

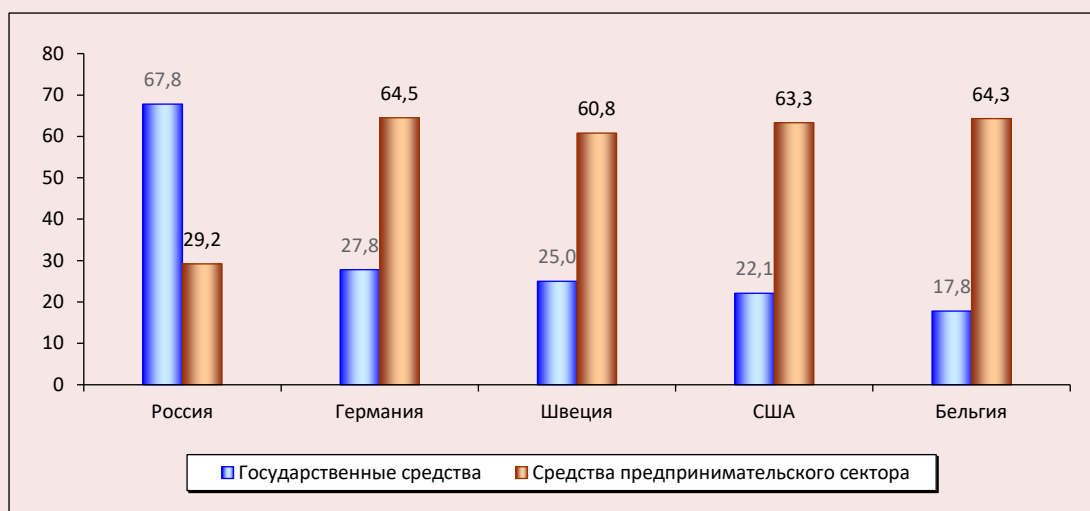
ния и разработки в активизации инновационной деятельности. Из этого следует, что развитая система финансового обеспечения НИОКР выступает одним из главных условий повышения инновационной активности, что, в свою очередь, способствует экономическому росту и повышению конкурентоспособности страны.

Однако следует отметить, что в России основным источником финансирования науки и инноваций являются средства государственного бюджета. Этот факт подтверждается статистическими данными. В структуре внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования по состоянию на 2020 год доля денежных средств государства, выделяемых на НИОКР, в России составляет 67,8%, а предпринимательского сектора – 29,2%. Однако среди мировых лидеров, выделенных по уровню инновационной активности, наблюдается обратная ситуация. Так, например, в Германии на долю финансирования со стороны предпринимательского сектора приходится 64,5%, государственного – 27,8%, в Бельгии – 64,3 и 17,8%, США – 63,3 и 22,1%, Швеции – 60,8 и 25,0% соответственно (рис. 2).

Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что в зарубежных странах в структуре внутренних затрат на НИОКР основным источником финансирования выступают средства предпринимательского сектора. Данный факт обусловлен развитой системой взаимодействия науки и бизнеса, когда частный сектор заинтересован в расширении и накоплении научного знания с целью повышения конкурентоспособности производимой продукции (Bekkers, Bodas Freitas, 2008; Perkmann, Walsh, 2007). Однако в России не сложилось устойчивой системы взаимодействия науки и бизнеса⁹, поэтому в стране большая доля финансирования НИОКР приходится на государство. В структуре расходов на НИОКР роль этого источника за последние 10 лет изменяется незначительно (на 2,5 п. п.). Данный вывод также подтверждается различными исследователями и экспертами. Специалисты Счетной палаты РФ, Института стати-

⁹ Взаимодействие науки и бизнеса в процессе коммерциализации исследований и разработок: информационно-аналитический материал / НИУ ВШЭ. 2017. 12 с.

Рис. 2. Структура внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования в международном сопоставлении, 2020 год, %

Примечание: Ранжировано по убыванию по столбцу «государственные средства».

Источник: Индикаторы науки. 2022: стат. сб. / НИУ ВШЭ. М., 2022. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/581310357.pdf>

стических исследований и экономики знаний ВШЭ и др. отмечают, что вопреки общемировым тенденциям крупнейшим источником финансирования российской науки остаются средства государства (60–70%)¹⁰.

Результаты анализа научной литературы показали, что единое мнение по вопросу о результативности российской модели финансового обеспечения НИОКР, характеризующейся доминирующей ролью государства, не сложилось, в основном преобладают две крайние позиции — положительная оценка государственного финансирования НИОКР и отрицательная. Первая позиция отражена в исследовании (Макашева, 2013), где отмечается, что «государственное финансирование позволяет осуществлять „неподъемные“ даже для крупного бизнеса научные исследования, практическая значимость которых может проявиться только в очень отдаленной перспективе, развивать принципиально новые направления науки и технологий». Средства государства в формиро-

¹⁰ Кузнецова Е., Старостина Ю. Счетная палата назвала проблемы российской науки. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/02/2020/5e3c1bf19a7947cce149aa99>; Наука ждет бизнес. URL: <https://rg.ru/2020/12/15/gossredstva-ostaiutsia-krupnejshim-istochnikom-finansirovaniia-nauki.html>

вании инновационной среды играют важную роль, что выражается в финансировании научных исследований и инноваций¹¹.

Вместе с тем среди экспертов и представителей научного сообщества распространена противоположная точка зрения по поводу эффективности финансового обеспечения НИОКР со стороны государства. Так, отмечается, что большая часть исследований и разработок ничем не заканчивается, а качество получаемых результатов носит сомнительный характер (Лебедев, 2019). Аналогичная точка зрения представлена в исследовании (Феоктисова, Фокина, 2015), где подчеркивается, что при сравнительно высоких государственных расходах на НИОКР в России фиксируется значительно меньший результат по сравнению с другими странами.

В частности, одной из причин неэффективности государственных расходов на НИОКР является коррупционная деятельность. В итоговом документе «Рекомендации участников IX Международного форума «Инновационное

¹¹ Мурзагалина Г.М., Каримова С.Р. Роль государства в поддержке инновационной деятельности. URL: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2009/Innov_razv_129-132.pdf

развитие через рынок интеллектуальной собственности» подчеркивается, что в сфере НИОКР в течение последних 20 лет наиболее выражена коррупционная деятельность. «„Откаты“ за оборонные исследования достигали 80%, а до непосредственных исполнителей доходило всего 2–3% сумм, выделяемых на НИОКР»¹². Как отмечает С.С. Губанов, поддержка сектора науки со стороны государства направлена не на формирование и совершенствование материально-технической базы НИОКР, а на выплату заработной платы научным сотрудникам (Губанов, 2021). «Вся система государственной поддержки науки направлена на поддержание существующей структуры ведомств и организаций, а не на достижение целей и реализацию приоритетов государства в научной сфере»¹³. Специалисты Счетной палаты подчеркивают «токсичность» получения госфинансирования. Зачастую бюджетные средства распределяются на исследования и разработки «неактуальной тематики». Помимо этого, предъявляются «избыточные требования» к отчетности и процедурам контроля над расходованием средств¹⁴.

Таким образом, следует подчеркнуть, что в России система финансового обеспечения НИОКР характеризуется высокой долей государственного участия, однако уровень инновационной активности страны продолжает оставаться низким. При этом в зарубежных странах, где средства предпринимательского сектора играют доминирующую роль в финансировании науки, наблюдается высокий уровень инновационного развития. В качестве одного из инструментов, способствующих изменению сложившейся ситуации в России, могут выступать фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, способствующие реализации инновационной политики, увеличению внутренних

затрат на НИОКР (Чернова, Михайлова, 2019). По мнению А.А. Гретченко, фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности путем финансирования НИОКР способствуют реализации различных научно-технических проектов (Гретченко, 2007). Специалисты НИУ ВШЭ подчеркивают, что данные фонды могут выступать как инструмент аккумулирования средств для проведения длительных научных проектов¹⁵. Необходимость их формирования обосновывается и в других работах (Лапочкина и др., 2018; Черных, Букина, 2013). Т.Н. Тополева отмечает, что деятельность фондов способствует реализации мер, направленных на стимулирование и повышение эффективности научно-инновационного сектора на региональном уровне (Тополева, 2021). О роли данных фондов в создании и развитии национальной инновационной системы сказано в работе (Коокуева, 2021).

Несмотря на наличие многочисленных исследований, связанных с вопросами финансового обеспечения инновационной деятельности, публикации по теме фондов являются малочисленными, практически нет ни одного комплексного исследования. Неизученными остаются вопросы, касающиеся финансового наполнения бюджета фондов, направлений расходования аккумулируемых средств. Кроме этого, отсутствуют исследования, в которых поднимаются проблемы стимулирования компаний к участию в финансировании фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, что определяет научную и практическую значимость работы.

Важно подчеркнуть, что в России уже действует порядка 15 фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности (например, в Томской, Челябинской областях, Республике Башкортостан, Красноярском крае и т. д.) (Мазилов, Ушакова, 2019). Однако формирование их бюджета осуществляется за счет государства. Самой распространенной формой ресурсного обеспечения НИОКР является предоставление грантов через эти фонды на основе конкурсного отбора.

¹² Итоговый документ «Рекомендации участников IX Международного форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» от 07.04.2017. URL: https://rniis.ru/download/mf/2017/itog_doc.pdf

¹³ Кузнецов Ю. Финансирование гражданской науки в России из федерального бюджета. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/7/finansirovanie-grazhdanskoy-nauki-v-rossii-iz-federalnogo-byudzheta.html>

¹⁴ Счетная палата заявила о «токсичности» госфинансирования для российской науки. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4244514>

¹⁵ Корпоративные Фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности как инструмент финансирования // R&D. URL: <http://irdclub.ru/wp-content/uploads/2015/03/Rozmirovich.pdf>

В ряде зарубежных стран также функционируют подобные фонды (Германия, США, Швеция и т. д.). В ходе анализа мирового опыта выявлено, что в инновационно развитых странах нагрузка по финансированию НИОКР распределяется между государством и бизнесом. Так, например, в странах с высокой долей участия предпринимательского сектора в финансовом обеспечении сектора исследований и разработок (Германия, США, Швеция) источником наполнения бюджетов фондов в большинстве случаев выступает государство (табл. 1). В России же государственное финансирование преобладает как в целом в сфере НИОКР, так и при формировании бюджетов фондов. С учетом зарубежного опыта финансовое обеспечение НИОКР в России также может быть разграничено между государством и бизнесом. Например, наполняемость фондов могла бы происходить за счет средств предпринимательского сектора. Подобная практика наблюдается в Казахстане и Узбекистане.

Таким образом, если принять во внимание опыт финансирования НИОКР в зарубежных странах, одним из источников формирования бюджета фондов в России может выступать процент от выручки компаний. Взаимодействие организаций с фондами путем финан-

сового обеспечения их бюджета позволит учитывать приоритетные направления НИОКР со стороны предпринимательского сектора. «Это окажет значительное влияние на рост конкурентоспособности продукции как на внутреннем, так и на внешних рынках, а также усиление практической значимости разработок в связи с учетом потребностей реального сектора экономики» (Огурцова, 2014).

Важно подчеркнуть, что в России существуют определенные нормативно-правовые условия для создания таких фондов. Например, статья 262 Налогового кодекса РФ регламентирует вопросы, связанные с расходами на НИОКР. Согласно п. 2 ст. 262 к расходам относятся и «отчисления на формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, созданных в соответствии с Федеральным законом „О науке и государственной научно-технической политике“ от 23.08.1996 г. №127-ФЗ, в сумме не более 1,5% доходов от реализации продукции»¹⁶. В п. 1 ст. 15.1 ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» указано, что «фонды могут создаваться Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, физическими лицами и (или) юридическими лицами в организационно-правовой форме фонда»¹⁷.

Таблица 1. Зарубежный опыт наполнения бюджетов фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности

Страна	Фонд поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности	Источник наполнения бюджета фонда
Германия	Немецкий федеральный экологический фонд	Федеральный бюджет
США	Национальный научный фонд США (NSF)	Федеральный бюджет
Швеция	Шведское инновационное агентство (VINNOVA)	Федеральный бюджет
Республика Казахстан	Национальный фонд Республики Казахстан	Предпринимательский сектор
Республика Узбекистан	Фонд научно-инновационного развития	Предпринимательский сектор
	Фонд поддержки инновационной деятельности крупных государственных предприятий и органов хозяйственного управления	Предпринимательский сектор

Источники: Федеральный фонд Германии по окружающей среде. URL: https://deru.abcdef.wiki/wiki/Deutsche_Bundesstiftung_Umwelt; Национальный научный фонд. URL: <https://devki.su/2021/03/26/nacionalnyj-nauchnyj-fond-ssha/>; В Узбекистане создан Фонд научно-инновационного развития. URL: <https://www.podrobno.uz/cat/tehn/v-uzbekistane-sozdan-fond-nauchno-innovatsionnogo-razvitiya/>

¹⁶ Налоговый кодекс РФ от 05.08.2000. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/aa9832fb416dd0274acf737be8e4c157866abf0b/; О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ddc6aeb0b1616c6dfe6f3794ef646a8fc98794f6/

¹⁷ О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ddc6aeb0b1616c6dfe6f3794ef646a8fc98794f6/

Таким образом, вопросы, связанные с финансированием науки и инноваций, являются актуальными и поднимаются в трудах различных исследователей и экспертов¹⁸ (Kim, Heshmati, 2014). Результаты изучения статистических данных показали, что в России основным источником финансового обеспечения сектора исследований и разработок является государство. Однако дискуссионными остаются вопросы об эффективности такой модели. Анализ данных статистики свидетельствует о значительном отставании России от мировых лидеров по затратам на НИОКР и уровню инновационной активности регионов. Одним из инструментов решения этой проблемы выступает формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Существующее в России законодательство предполагает возможность их создания за счет отчислений от выручки частных компаний. Но до сих пор не решены проблемы, связанные с тем, какие организации могут участвовать в финансировании таких фондов, на какие направления будут расходоваться аккумулированные средства и как стимулировать компании производить отчисления в бюджет фондов.

Методы и информационная база исследования

Для реализации цели и задач использовался системный подход, который предполагает проведение комплексного исследования, акцентируя внимание на воспроизводстве фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности с позиций не только их формирования, но и использования привлеченных денежных средств.

В работе применен комплекс научных методов. Метод сравнительного анализа использовался для изучения научной литературы при рассмотрении теоретико-методологических аспектов поднимаемой проблемы. На основе статистики были просчитаны варианты увеличения затрат на НИОКР посредством отчисления от выручки компаний. Кроме этого, применялись табличные и графические приемы визуализации данных.

¹⁸ Fostering Innovative Entrepreneurship. Challenges and Policy Options. United Nations. Geneva, 2012. 68 p.

В качестве информационной базы исследования выступили статистические данные Росстата, НИУ ВШЭ (уровень инновационной активности, объем затрат на НИОКР). Для анализа деятельности компаний, часть выручки которых может потенциально рассматриваться как источник наполнения бюджета фондов, использовались сведения рейтинга Forbes, аналитического центра «Эксперт», системы СБИС, а также финансовой отчетности банков. Одним из источников стала информация, публикуемая на официальных порталах региональных правительств.

Если более детально характеризовать информационную базу исследования, нужно подчеркнуть, что применялись действующие законодательные акты в области поддержки научной и инновационной деятельности, с помощью которых была обоснована возможность создания фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также формирования их бюджета за счет отчислений компаний в размере до 1,5% от их выручки. Наряду с этим применялись статистические данные в отношении доли внутренних затрат на НИОКР в ВВП за 2019 год (последний год, по которому представлены сведения по ВВП в Росстате), а также данные о выручке компаний. В ходе исследования изучены существующие меры стимулирования компаний к участию в формировании бюджета рассматриваемых фондов, внесены коррективы и предложения.

Результаты исследования

На предыдущих этапах исследования была обоснована необходимость формирования региональных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Научно-исследовательская работа базировалась на нормативно-правовых положениях, закрепленных, в частности, в статье 262 Налогового кодекса РФ и статье 15.1 ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». В результате определены варианты увеличения затрат на НИОКР в разрезе регионов РФ при условии отчисления организациями в бюджет рассматриваемых фондов до 1,5% выручки (Гулин и др., 2019).

Подобный анализ в части финансирования НИОКР был проведен по состоянию на 2015 и 2019 (последний год, по которому доступны

Таблица 2. Варианты увеличения объемов финансирования НИОКР при условии создания во всех субъектах РФ региональных фондов

Показатель	Год					Доля затрат с учетом выручки			Прирост в случае отчислений в размере 1,5%
	2008	2012	2016	2018	2019	+0,5%	+1,0%	+1,5%	
Фактическая доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП, %	1,27	1,31	1,33	1,37	1,20	2,06	2,91	3,74	2,54
Затраты на исследования и разработки в РФ, тыс. руб. на душу населения, в текущих ценах	3,0	4,6	6,0	7,0	7,7	13,4	19,1	24,8	17,1

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

сведения Росстата о ВРП) годы. Определено, что создание во всех субъектах РФ региональных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности позволит увеличить долю затрат на НИОКР в ВВП до 3,74% (в случае отчисления 1,5% от выручки промышленных организаций). В абсолютном выражении прирост денежных средств на исследования и разработки достигнет 17,1 тыс. руб. на душу населения, затраты на исследования и разработки могут возрасти втрое (с 7,7 до 24,8 тыс. руб.) по сравнению с 2019 годом (табл. 2).

Таким образом, проведенные расчеты свидетельствуют об увеличении возможностей для финансирования исследований и разработок за счет отчислений от выручки организаций в размере до 1,5%. Они могут направляться на формирование бюджетов региональных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Тем самым создаются предпосылки для финансирования на региональном уровне необходимых фундаментальных и прикладных исследований и разработок, поддержания инновационной деятельности. Включенность предпринимательского сектора в наполнение бюджета фондов дает право и самим компаниям влиять на проведение актуальных НИОКР, усиливая тем самым их практическую значимость, связанную с учетом потребностей реального сектора экономики.

Подчеркнем, что вариант отчислений в бюджет фондов со стороны всех компаний является идеальным. Для участия в предлагаемой модели на практике становится значимым учет

финансовых возможностей предприятий для ресурсного обеспечения сектора исследований и разработок. Наполнение бюджета фондов может осуществляться за счет отчислений от выручки компаний, обладающих финансовыми возможностями для этого. Среди примеров таких организаций – российские компании, входящие в топ-400, первые 15 компаний-олигархов рейтинга Forbes, государственные банки (Климова, 2021). Они могут способствовать финансированию НИОКР в связи с незначительным характером влияния отчислений от их выручки в размере до 1,5% на доходы предпринимательского сектора.

Проведенный анализ с использованием данных «Эксперт-400» за 2019 год позволил сделать вывод о том, что в случае отчислений от выручки анализируемых компаний в размере до 1,5% объем затрат на НИОКР в России увеличится до 2,3 раза. В наибольшей степени изменения значений показателя наблюдаются в Сибирском (16,1%), а также в Центральном (в 6,7 раза; табл. 3) федеральных округах (Климова, 2021).

В случае участия в формировании фондов компаний, входящих в топ-400, производить отчисления на исследования и разработки будет только половина регионов РФ, поскольку в этот рейтинг входят организации 44 субъектов РФ. Данное обстоятельство может приводить к усилению региональной дифференциации в области финансирования НИОКР. Например, на Москву и Санкт-Петербург приходится почти треть всех затрат (29%) от всех рассмотренных регионов, в то время как «регионы Северо-

Таблица 3. Проведение расчетов по наполнению бюджета фондов при условии участия организаций, входящих в перечень «Эксперт-400» (по данным на 2019 год, в скобках – 2018 год)

Федеральный округ	0,5% выручки	1,0% выручки	1,5% выручки
	затраты на ИиР+0,5% выручки, руб./чел.	затраты на ИиР+1% выручки, руб./чел.	затраты на ИиР+1,5% выручки, руб./чел.
ЦФО	14564,1 (13782,1)	24112,3 (22989,3)	33660,6 (32196,5)
СЗФО	6178,3 (5760,2)	7721,5 (7344,5)	9264,7 (8928,7)
ЮФО	2233,0 (1931,1)	3056,8 (2757,9)	3880,5 (3584,7)
ПФО	5729,0 (5166,6)	6386,1 (5804,1)	7043,3 (6441,6)
УФО	5860,8 (5726,9)	8259,0 (8010,3)	10657,3 (10293,7)
СФО	5279,7 (4710,1)	6268,3 (5479,3)	7256,8 (6248,4)
ДФО	3198,7 (3479,7)	3846,4 (4361,3)	4494,1 (5242,8)

Примечание: регионы Северо-Кавказского федерального округа не вошли в рейтинг топ-400.
Составлено по: Рейтинг крупнейших компаний России. URL: <https://expert.ru/expert/2020/43/spetsdoklad/1/>

Кавказского федерального округа не участвуют в финансировании. Следствием этого становится необходимость перераспределения части средств между регионами» (Климова, 2021).

На основе данных рейтинга Forbes и системы деловых коммуникаций и обмена электронными документами СБИС оценено изменение объема затрат на НИОКР при условии участия в формировании бюджета фондов крупных компаний, входящих в данный рейтинг. «По данным на 2019 год, есть возможность увеличения объема затрат на исследования и разработки за счет отчислений на 3,4%. В 2019 году по сравнению с 2018 г. значения этого показателя увеличились бы на 11,9%» (Климова, 2021).

В рамках финансового сектора России («Сбербанк», «ВТБ», «Газпромбанк», «Россельхозбанк» и др.) проведен анализ, для которого использовались данные ежегодной финансовой отчетности за 2019 год, свидетельствующие о возможности роста объемов затрат на НИОКР за счет отчислений от выручки государственных банков на 5,3%. Определено наличие возможностей для увеличения значений рассматриваемого показателя в 2019 году по сравнению с предыдущим годом на 9,3% (Климова, 2021).

Таким образом, были выявлены группы крупных организаций по объему реализации продукции, обладающие значительными финансовыми возможностями для осуществления отчислений в рассматриваемые фонды. Проведенные расчеты показали, что это будет способствовать увеличению объемов финансирования НИОКР. Наибольший рост затрат на НИОКР

будет наблюдаться при участии в наполнении бюджета фондов компаний, входящих в топ-400 (более чем в два раза). Это создает предпосылки для перераспределения части средств в другие регионы, в которых крупных организаций, способных производить отчисления, не имеется.

В контексте воспроизводства деятельности фондов важным является вопрос не только о формировании их бюджета, но и его использовании. В связи с этим решалась задача, касающаяся определения направлений при расходовании аккумулируемых за счет отчислений от выручки компаний средств в фондах поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Отдельные направления по финансированию научной сферы закреплены в нормативно-правовых актах, в частности в паспорте национального проекта «Наука». В Отчете о промежуточных результатах мониторинга хода реализации мероприятий в рамках национального проекта «Наука» указано, что «участие в нем субъектов РФ не предусмотрено, несмотря на поступление предложений со стороны 53 регионов»¹⁹. При этом в некоторых субъектах

¹⁹ Отчет о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации национального проекта «Наука», необходимых для выполнения задач, поставленных в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/5a5/5a58a9ddd73fefb7df5c0435b4a16d96.pdf>

Таблица 4. Финансовое обеспечение реализации национального проекта «Наука», млн руб.

Источник	Объем финансового обеспечения по годам реализации							Всего, 2019–2024 гг.
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Всего по национальному проекту за счет всех источников, в т. ч.:	0,0	49747,6	62087,9	76517,3	111046,3	148080,5	188480,4	635959,9
федеральный бюджет	0,0	36992,2	42965,8	55111	80404,9	97904,9	91408,9	404787,6
бюджеты государственных внебюджетных фондов РФ	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
консолидированные бюджеты субъектов РФ	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
внебюджетные источники	0,0	12755,4	19122,1	21406,2	30641,5	50175,6	97071,5	231172,0

Примечание: В паспорте нацпроекта «Наука» значения объемов финансирования указаны в целом по проекту.
 Источник: Паспорт национального проекта «Наука». URL: <http://static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVsuy2Yk7D8hvQbpbUSw08y.pdf>

проект все же реализуется, что подтверждается публикацией его региональных паспортов на официальных порталах правительств субъектов РФ (Республика Алтай, Республика Ингушетия, Челябинская и Тульская области). Тем не менее представленные сведения свидетельствуют о преобладающей роли федерального финансового обеспечения развития науки (табл. 4).

Выдвинем предположение о том, что отчисление определенного процента от выручки компаний в фонды способствует формированию дополнительных финансовых средств, которые могли бы направляться на реализацию мероприятий в качестве софинансирования с федеральным бюджетом, предусмотренным национальным проектом «Наука».

В ходе исследования выявлено, что фактическая сумма затрат на НИОКР в тех регионах, где реализуется национальный проект (Республика Алтай, Республика Ингушетия, Челябинская и Тульская области), составила

29,9 млрд руб. на 2019 год. В то же время при условии отчислений в размере 0,5% от выручки компаний в рассматриваемых субъектах дополнительный объем финансирования сектора исследований и разработок в 2019 году мог бы составить 17,1 млрд руб. (табл. 5).

Проведенные расчеты, демонстрирующие рост объемов затрат на НИОКР за счет формирования фондов, свидетельствуют о следующем. Финансовые средства только четырех регионов (участников национального проекта «Наука»), формируемые при условии отчислений компаний на НИОКР в размере 0,5% (17136,0 млн. руб.), превышают почти половину средств федерального бюджета, запланированного на 2019 год национальным проектом. Данное обстоятельство создает предпосылки для возможного распределения нагрузки по финансированию НИОКР между государством и региональными компаниями.

Таблица 5. Затраты на исследования и разработки с учетом отчислений в фонды 0,5% от выручки компаний, 2019 год, млрд руб.

Регион	Затраты на НИОКР факт.	0,5% от выручки компаний	Затраты на НИОКР + 0,5% выручки
Тульская область	8,3	5,02	13,3
Республика Ингушетия	0,1	0,07	0,17
Челябинская область	21,4	11,8	33,2
Республика Алтай	0,09	0,3	0,39
<i>Всего</i>	<i>29,9</i>	<i>17,1</i>	<i>47,0</i>

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Среди других направлений, по которым могут выделяться аккумулируемые в фондах денежные средства, в научных источниках чаще всего встречается финансирование НИОКР посредством предоставления грантов, реализации государственного задания и т. д.²⁰

Бюджет региона также является важным источником финансового обеспечения науки. Расчеты были проведены исходя из того, какой объем денежных средств может быть выделен на обозначенные направления за счет финансов, аккумулируемых посредством отчислений от выручки компаний в размере 0,5%, и как он изменится в сопоставлении с фактическими данными. Подход был апробирован на данных Вологодской и Московской областей как регионов с низкими и высокими значениями показателей затрат на НИОКР соответственно.

Проведенные ранее расчеты показали, что в случае отчислений от выручки компаний в размере 0,5% в Вологодской области может быть дополнительно получено 6636,1 млн руб.,

в Московской области – 76102,7 млн руб. (Гулин и др., 2019). Введем допущение, что полученные средства будут распределены по вышеуказанным направлениям в соответствии с существующей структурой их распределения. Так, в Вологодской области 0,1% от формируемых средств будет направлено на финансирование конкурса научных грантов для бизнеса, в Московской области – 0,8%, на бюджетные программы – 1,8 и 12,2%, на финансирование региональных научно-исследовательских проектов – 0,8 и 7,7%, на государственные заказы – 97,4 и 79,2% соответственно.

Финансирование конкурсов научных грантов для бизнеса в Вологодской области по состоянию на 2019 год составило 1 млн руб., в Московской области – 40 млн руб.²¹ Отчисления от выручки компаний в размере 0,5% (по данным 2019 года) могут способствовать увеличению размера денежных средств, поступающих на данное направление в Вологодской области, почти в 5 раз, в Московской области – в 15 раз (табл. 6).

Таблица 6. Направления по использованию аккумулируемых в региональных фондах поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности финансовых средств, млн руб.

Направление	Значения факт, 2019 год				Значения с учетом 0,5% от выручки компаний			
	Вологодская область	%	Московская область	%	Вологодская область	%	Московская область	%
Конкурсы научных грантов для бизнеса	1,0	0,1	40,0	0,8	4,9	0,1	614,5	0,8
Бюджетные программы	23,4	1,8	606,8	12,2	116,7	1,8	9320,9	12,2
Государственные заказы	1296,0	97,4	3924,9	79,2	6464,5	97,4	60291,6	79,2
Финансирование региональных научно-исследовательских проектов	10,0	0,8	382,5	7,7	49,9	0,8	5875,7	7,7
Всего	1330,4	100	4954,2	100	636,0	100	76102,7	100

Источники: Объявление о предоставлении государственных научных грантов Вологодской области по итогам конкурса, проведенного в 2019 году. URL: <https://vologda-oblast.ru/dokumenty/2327142/>; Подмосковные компании получают гранты в сумме 50 млн. рублей на научные разработки. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/podmoskovnye-kompanii-poluchili-granty-v-summe-50-mln-rublei-na-novye-razrabotki>; Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>; Нелегкая принесла: госзаказ не может стать гарантом стабильности промышленности. URL: https://www.dp.ru/a/2020/09/30/NeIjogkaja_prinesla; СБИС. URL: <https://sbis.ru/>; Российский научный фонд. URL: <https://xn--m1afn.xn--p1ai/project/>

²⁰ Ерохина Е. Тех, кто не тянет, государству не надо финансировать. Как может измениться система финансирования науки в России // Indicator.ru. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/press_about/o_2081084

²¹ Объявление о предоставлении государственных научных грантов Вологодской области по итогам конкурса, проведенного в 2019 году. URL: <https://vologda-oblast.ru/dokumenty/2327142/>; Подмосковные компании получают гранты в сумме 50 млн. рублей на научные разработки. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/podmoskovnye-kompanii-poluchili-granty-v-summe-50-mln-rublei-na-novye-razrabotki>

В ходе анализа консолидированных бюджетов субъектов РФ выявлено, что в 2019 году на деятельность, связанную с НИОКР, в Вологодской области было выделено 23,4 млн руб., в Московской области — 606,8 млн руб.²² Участие компаний в формировании бюджетов фондов способствует росту объема финансовых средств, сумму которых можно заложить в бюджет региона и направить на развитие НИОКР. В Вологодской области такие отчисления позволяют увеличить в бюджете региона статью расходов на научные исследования и разработки до 116,7 млн руб., в Московской области — до 9320,9 млн руб.

Проведен анализ в отношении государственных заказов с использованием данных крупнейших компаний регионов: в Вологодской области — «Северсталь», в Московской области — «Загорский трубный завод», который входит в рейтинг крупных российских компаний Эксперт-400. Финансирование государственных заказов за счет отчислений компаний может быть увеличено в Вологодской области с 1296 до 6464,5 млн руб., в Московской области — с 3924,9 до 60291,6 млн руб.²³

Анализ объема финансирования региональных научно-исследовательских проектов был проведен на основе данных РНФ²⁴. В 2019 году в Вологодской области было выделено 10 млн руб., в Московской области — 382,5 млн руб. Участие компаний в наполнении бюджета фондов позволит увеличить финансирование региональных научно-исследовательских проектов в 5 и 15,3 раза соответственно.

Таким образом, полученные в случае отчисления от выручки компаний средства могут идти на финансирование реализации мероприятий национального проекта «Наука». Это создает условия для направления части федеральных средств в другие сферы, требующие дополнительных финансовых ресурсов, на

²² Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

²³ Нелегкая принесла: госзаказ не может стать гарантом стабильности промышленности. URL: https://www.dp.ru/a/2020/09/30/Neljogkaja_prinesla; СБИС. URL: <https://sbis.ru/>

²⁴ Российский научный фонд. URL: <https://xn--m1afn.xn--p1ai/project/>

финансирование конкурсов научных грантов для бизнеса, бюджетных программ, государственных заказов, региональных научно-исследовательских проектов. Участие компаний в формировании дополнительных средств, направляемых на НИОКР, способствует росту налоговых поступлений в федеральный и региональные бюджеты.

Возможность компаний производить отчисления в бюджет фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности в сумме до 1,5% от их выручки актуализирует вопрос о заинтересованности организаций участвовать в данной программе финансирования. В связи с этим целесообразно рассмотреть направления стимулирования организаций к участию в формировании бюджета данных фондов.

К прямым формам финансирования относится предоставление субсидий организациям, ведущим НИОКР. В пункте 1 Постановления Правительства РФ от 12.12.2019 № 1649 указана возможность получения субсидий организациями, ведущими НИОКР²⁵. В исследовании показано, что в формировании бюджета фондов могут принимать участие крупные промышленные компании, банковские структуры и др., которые непосредственно не занимаются исследованиями и разработками. Это приводит к необходимости расширить перечень организаций, указанных в п. 1 Постановления, имеющих возможность получить субсидии на обеспечение затрат, направляемых в фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Среди косвенных мер стимулирования наиболее распространены налоговые льготы. Согласно ст. 286.1 Налогового кодекса предусмотрен «инвестиционный налоговый вычет, составляющий в совокупности не более 90% суммы расходов на НИОКР. Если налогоплательщик воспользовался правом на применение инвестиционного налогового вычета, он также вправе уменьшить сумму налога (аван-

²⁵ Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на финансовое обеспечение затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по современным технологиям в рамках реализации такими организациями инновационных проектов: Постановление Правительства РФ от 12.12.2019 № 1649. URL: <https://base.garant.ru/73229392/>

сового платежа), подлежащую зачислению в федеральный бюджет, на величину, составляющую 10% суммы расходов»²⁶. На основании содержания данной статьи можно сделать вывод о том, что инвестиционный налоговый вычет могут получить только те компании, которые занимаются исследованиями и разработками. В связи с этим целесообразно в ст. 286.1 Налогового кодекса включить другие компании, сфера деятельности которых напрямую не связана с НИОКР, но которые косвенно участвуют в формировании фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Предлагается также расширить ст. 78 Налогового кодекса²⁷ распространенным за рубежом инструментом стимулирования – налоговым зачетом, предполагающим вычет расходов на НИОКР из суммы начисленного налога на прибыль.

Наряду с этим видится целесообразным внесение в Налоговый кодекс положения о подходе, при котором предполагается снижение налога на прибыль организации при увеличении её расходов в виде отчислений в бюджет фондов, а также увеличение предоставляемых ей налоговых льгот в отношении, например, «освобождения от уплаты таможенных пошлин, тарифов, НДС с приобретаемых оборудования, приборов, сырья, материалов, объектов интеллектуальной собственности, необходимых для осуществления радикальных инновационных проектов» (Тодосийчук, 2012).

Необходимо отметить, что сама возможность формирования фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности регламентирована в федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике». В этом документе есть информация о правовом положении фондов, а также о направлениях их деятельности²⁸, однако в законе не представлены положения о стиму-

лирующих инструментах создания таких фондов. С нашей точки зрения, необходимо внести в этот документ предложения о предоставлении различных льгот и преференций, например предусмотреть предоставление бюджетных инвестиций, государственных гарантий, преференций в сфере государственных закупок, информационной поддержки и т. д.

Важно подчеркнуть, что на региональном уровне действуют нормативно-правовые акты, ориентированные на научно-технологическое развитие, основанные на федеральном законодательстве. Соответственно, они содержат положения о формировании фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Представляется необходимым включить в региональные акты информацию о том, что органы государственной власти субъектов РФ могут предоставлять преференции организациям, которые принимают участие в наполнении бюджета рассматриваемых фондов.

Заключение

Важным фактором, способствующим росту инновационной активности регионов, является развитая система финансирования НИОКР. Однако Россия демонстрирует низкие объемы затрат на исследования и разработки и по данному показателю значительно отстает от мировых лидеров инновационного развития. Результаты анализа статистических данных и научной литературы свидетельствуют, что в России сложилась такая модель финансирования НИОКР, при которой значительную роль играют государственные средства. В настоящее время не сложилась единая точка зрения по поводу эффективности данной модели, однако, как показывает статистика, страна продолжает значительно отставать от мировых лидеров по объемам затрат на НИОКР и уровню инновационной активности.

На основании проведенных расчетов и анализа нормативных документов сделан вывод о том, что одним из эффективных и легитимных методов повышения финансирования НИОКР может стать создание фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Формирование их бюджета предусматривает отчисления от выручки компаний в сумме до 1,5%. Однако было отмечено, что не все организации имеют финансовые возмож-

²⁶ Статья 286.1. Налоговый кодекс РФ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/7260ba686ad1fa7b436a67a764ee41663d78d2cb/

²⁷ Статья 78. Налоговый кодекс РФ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/fbacbcfd4debdc278494b8260675cc5f93f4a24b/

²⁸ О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_11507/

ности производить подобные отчисления. На основании этого вывода выделены категории компаний (крупнейшие компании, входящие в топ-400, компании бизнесменов, входящих в рейтинг Forbes, а также государственные банки), чьи денежные ресурсы позволяют осуществлять отчисления от выручки на формирование бюджета региональных фондов без ущерба для дальнейшего функционирования и развития организаций. Создание таких фондов может стать одним из вариантов увеличения объема финансовых средств на проведение региональных НИОКР (реализация мероприятий национальной программы «Наука», предоставление грантов, финансирование региональных научно-исследовательских программ и т. д.). Для реализации такого механизма наполнения бюджета фондов необходима совокупность мер, стимулирующих компании к участию в данной программе. Проведенный анализ показал, что существуют различные формы государственной поддержки инновационной деятельности, наиболее распространенными из них являются финансовые меры стимулирования. В свою очередь среди финансовых мер поддержки выделяются прямое бюджетное стимулирование (субсидии и др.) и косвенное стимулирование. Однако в основном они предусмотрены только

для образовательных организаций, а также для организаций, чья деятельность непосредственно связана с НИОКР. Данный факт свидетельствует о необходимости внесения корректировок в нормативные акты в части расширения перечня субъектов, имеющих возможность получить определенную меру поддержки.

Работа представляет собой комплексное исследование, в рамках которого внимание обращено не только на роль фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности в повышении инновационной активности, но и на изучение организационно-правовых условий их создания, возможностей наполнения бюджета фондов, направлений расходования средств и т. д., что определяет теоретическую значимость статьи. Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования могут служить в качестве экономического обоснования и организационного обеспечения создания региональных фондов органами власти на уровне субъектов РФ. Кроме этого, результаты анализа существующих современных практик могут быть использованы для разработки отдельного федерального закона, регламентирующего деятельность по созданию и функционированию рассматриваемых фондов.

Литература

- Аганбегян А.Г. (2015). Шесть шагов, необходимых для возобновления социально-экономического роста и преодоления стагнации, рецессии и стагфляции // Деньги и кредит. № 2. С. 7–13.
- Гретченко А.А. (2007). Международный опыт государственных фондов поддержки активизации научной и инновационной деятельности // Экономика. Налоги. Право. № 1. С. 15–27.
- Губанов С.С. (2021). Российская наука и ее проблема проблем // Экономист. № 2. С. 27–40.
- Гулин К.А., Мазилев Е.А., Алферьев Д.А., Ушакова Ю.О. (2019). Стимулирование прикладных исследований и разработок. Возможности регионов: научно-аналитическое издание. Вологда: ВолНЦ РАН. 138 с.
- Иванченко В.А., Горбунов Ю.В. (2018). Проблемы привлечения источников финансирования инновационной деятельности предприятий Алтайского края // Аллея науки. № 5. С. 747–756.
- Климова Ю.О. (2021). Источники формирования бюджета фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности // Вестник Омского университета. № 2. С. 93–106.
- Коокуева В.В. (2021). Роль фонда содействия инновациям в реализации государственной инновационной политики // Экономика и предпринимательство. № 2 (127). С. 326–332.
- Лапочкина В.В., Каменский А.С., Корнилов А.М. (2018). Региональные государственные фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности: успех, проблемы, зарубежный опыт // Наука. Инновации. Образование. № 2. С. 26–53.
- Лебедев К.Н. (2019). Об эффективности финансовых и нефинансовых мер решений проблем НИОКР в России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. № 1 (35). С. 185–196.
- Мазилев Е.А., Ушакова Ю.О. (2019). К вопросу формирования организационно-правовых условий стимулирования НИОКР в регионах // Проблемы развития территории. № 1 (99). С. 40–55.

- Макашева Н.П. (2013). Государственная поддержка и финансирование инновационной деятельности в России и странах мира // Вестник Томского государственного университета. № 3. С. 161–172.
- Миндели Л. Э., Черных С. И. (2017). Зарубежный опыт финансирования науки и возможности его применения в России. М.: ИПРАН РАН. 71 с.
- Огурцова В.А. (2014). Основные тенденции финансирования НИОКР в современной экономике // Вестник Белорусского государственного экономического университета. № 5. С. 33–40.
- Осовин М.Н. (2020). Обоснование условий и факторов снижения региональной дифференциации инновационной активности // Вестник Волгоградского университета. № 3. С. 65–76.
- Тодосийчук А.В. (2012). Государственное регулирование и стимулирование науки и инноваций // Научно-исследовательские исследования. № 12. С. 87–107.
- Тодосийчук А.В. (2013). Методические подходы к расчету нормативов финансовых затрат на выполнение научных исследований и разработок в государственном секторе науки // Инвестиции в России. № 2. С. 33–39.
- Тополева Т.Н. (2021). Региональные фонды поддержки научной и инновационной деятельности: институциональный аспект // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. № 4 (118). С. 92–108.
- Феоكتисова О.А., Фокина Т.В. (2015). Особенности планирования и выделения государственных средств на науку за рубежом // Финансы и кредит. № 39. С. 23–40.
- Чернова О.А., Михайлова Е.Л. (2019). Затраты на НИОКР как фактор развития потенциала капитализации высокотехнологичных компаний // Азимут научных исследований: экономика и управление. № 1. С. 226–228.
- Черных С.И., Букина И.С. (2013). Государственные фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности: состояние, проблемы, перспективы // Инновации. № 10. С. 25–31.
- Bekkers R., Bodas Freitas I.M. (2008). Analysing knowledge transfer channels between universities and industry: To what degree do sectors also matter? *Research Policy*, 10, 1837–1853.
- Jesemann I. (2020). Support of startup innovation towards development of new industries. *Procedia Cirp*, 88, 3–8.
- Kim T.-Y., Heshmati A. (2014). *Economic Growth: The New Perspectives for Theory and Policy*. Berlin: Springer.
- Kimberly J.R. (1979). Issues in the creation of organizations: Initiation, innovation, and institutionalization. *Acad. Management*, 22, 437–457.
- Larrue Ph., Guellec D., Sgard F. (2018). New trends in public research funding. In: *OECD Technology and Innovation Outlook*, 185–204.
- Paunov C., Borowiecki M. (2018). The governance of public research policy across OECD countries. In: *OECD Technology and Innovation Outlook*, 205–219.
- Perkmann M., Walsh K. (2007). University–industry relationships and open innovation: Towards a research agenda. *International Journal of Management Reviews*, 4, 259–280.
- Schumpeter J. (1939). *Business Cycles: a Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. New York; Toronto; London: McGraw-Hill Book Company.

Сведения об авторах

Юлия Олеговна Климова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: j.uschakowa2017@yandex.ru)

Ксения Александровна Устинова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: ustanova-kseniya@yandex.ru)

Игорь Эдуардович Фролов – доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: frolovecfor@gmail.com)

Klimova Yu.O., Ustinova K.A., Frolov I.E.

Funding Research and Development in Regions: Tasks, Current State, Prospects

Abstract. Financing the research and development sector is an important condition for growth of innovation activity in regions. However, the share of research and development (R&D) expenses in Russia has been decreasing over the last ten years. According to this indicator, Russia lags behind other countries – leaders of innovation development 3–4 times. The formation of funds to support research, scientific and technological, and innovation activities can contribute to the growth of the volume of R&D financing. The purpose of the study is to examine the organizational conditions for the formation of funds to support research, scientific and technological, and innovation activities. Using statistical data from Rosstat, we calculated the variants of growth of R&D costs provided that regional funds are created, the budget of which is formed by deductions from the revenues of organizations in the amount of up to 1.5%. We have identified groups of companies whose financial resources could be a source of formation of the funds budget. The article identifies the main directions and volume of use of finances accumulated in the funds. In the final part of the article we reviewed the support measures for companies that participate in filling the budget of the funds, and proposed adjustments to the main areas of incentives for organizations. The scientific novelty of the presented work lies in the implementation of a comprehensive study of the supporting funds for research, scientific and technological, and innovation activities in the RF constituent entities as a tool for the growth of R&D expenditures. The latter includes studying the issues of financial filling of the funds budget, determining the directions and calculating the possible volume of spending of accumulated funds on them, as well as adjusting the existing measures to encourage organizations to participate in financing the funds budget. The practical significance of the work lies in the fact that its results can serve as an economic justification and organizational support for the creation of regional funds by regional authorities. In addition, the materials of the study can be used to develop a separate federal law regulating the creation and operation of the funds in question.

Key words: region, science, innovation, innovation activity, research and development, R&D, funds, R&D funding.

Information about the Authors

Yuliya O. Klimova – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: j.uschakowa2017@yandex.ru)

Kseniya A. Ustinova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

Igor' E. Frolov – Doctor of Sciences (Economics), deputy director for science, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: frolovecfor@gmail.com)

Статья поступила 22.06.2022.

DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.8

УДК 339.9, ББК 65.59

© Алтынер А., Бозкурт Э., Топчуоглу О.

Влияние расходов на НИОКР на экспорт высокотехнологичной продукции

Али АЛТЫНЕР

Университет имени Реджепа Тайипа Эрдогана
Ризе, Турция
E-mail: alialtiner07@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7362-8198

Эда БОЗКУРТ

Университет имени Ататюрка
Эрзурум, Турция
E-mail: edabozkurt85@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7158-8049

Озлем ТОПЧУОГЛУ

Университет имени Ататюрка
Эрзурум, Турция
E-mail: ozlemeom3@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9821-5856

Для цитирования: Алтынер А., Бозкурт Э., Топчуоглу О. (2022). Влияние расходов на НИОКР на экспорт высокотехнологичной продукции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 153–169. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.8

For citation: Altiner A., Bozkurt E., Topcuoglu O. (2022). The impact of R&D expenditures on high-tech product exports. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 153–169. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.8

Аннотация. На современном этапе, когда эффекты глобализации ощущаются на самом высоком уровне, важная роль отводится увеличению экспорта высокотехнологичной продукции на международных рынках для достижения целей устойчивого экономического роста. В литературе признается, что на экспорт высокотехнологичной продукции влияют многие факторы, однако при этом подчеркивается, что значительное влияние оказывают расходы на исследования и разработки (НИОКР). В работе рассматривается влияние расходов на НИОКР на экспорт высокотехнологичной продукции в 11 развивающихся странах с рыночной экономикой в период 1996–2018 гг. Среди показателей, которые, как считается, влияют на экспорт высокотехнологичной продукции, в дополнение к расходам на НИОКР использовались обменный курс, иностранный спрос, экономический рост и прямые иностранные инвестиции. Для анализа взаимосвязей был применен панельный квантильный регрессионный анализ. Результаты исследования свидетельствуют, что каждая переменная по-своему влияет на экспорт высокотехнологичной продукции, например, расходы на НИОКР, экономический рост и прямые иностранные инвестиции оказывают на него очень сильное положительное влияние. В свете полученных результатов важно отметить, что необходимо выделять больше средств на расходы на НИОКР, чтобы увеличить экспорт высокотехнологичной продукции и более эффективно пользоваться преимуществами международных торговых рынков, особенно в развивающихся странах.

Ключевые слова: экономический рост, высокотехнологичная продукция, панельный квантильный регрессионный анализ, расходы на НИОКР.

Введение

В период меркантилизма, начавшийся в XV веке, происходила гонка за накоплением капитала между западными странами. В этом процессе, который может быть обозначен как торговый капитализм, было принято, что богатство передается через владение драгоценными металлами, применялась политика увеличения экспорта и сокращения импорта. Промышленная революция, начавшаяся в Англии под влиянием технологических достижений середины XVIII века – промышленного капитализма, привела к массовому производству и значительному увеличению предложения промышленных товаров. Как и в период меркантилизма, увеличение экспорта имело решающее значение для сокращения возникающего избытка предложения и для накопления благ. Между странами, которым удалось достичь индустриализации, и теми, которые этого не сделали, возникла значительная разница в уровне развития. Страны начали подразделяться на развитые и слаборазвитые в зависимости от уровня индустриализации. В настоящее время развитые страны пытаются достичь высоких темпов экономического роста, чтобы одержать верх друг над другом за счет увеличения своего богатства, в то время как слаборазвитые пытаются достичь уровня развитых стран. Как и в предыдущие периоды,

наиболее эффективным инструментом, который может быть использован для этой цели, считается экспорт. С 1980-х гг. страны проводят политику, основанную на экспорте, для достижения целей устойчивого роста.

В условиях очень жесткой конкуренции на международных рынках компании постоянно пытаются поддерживать свою деятельность и увеличивать прибыль, внося изменения в характер производимой ими продукции. Поскольку принято считать, что сегодня наиболее важным источником производства являются технологии, увеличение добавленной стоимости продукции за счет использования более высоких технологий в производстве позволяет выделиться на фоне конкурентов. Кроме того, повышение продаж компаний на международных рынках влияет на увеличение богатства страны за счет роста экспорта государства, с которым они связаны, и получения иностранной валюты. В связи с этим национальные правительства проводят различную политику, направленную на поддержку производства и экспорта высокотехнологичной продукции. Было замечено, что это оказывает значительное влияние на экономику, поэтому число исследований, проводимых для определения факторов, способствующих экспорту высокотехнологичной

продукции (ЭВТП), непрерывно растет. Хотя во многих работах было обнаружено, что таких факторов несколько, установлено, что именно деятельность в области НИОКР имеет большое значение для технологического развития, которое обеспечивает такие преимущества, как изобретения, инновации и эффективное использование ресурсов. Подчеркивается, что наиболее эффективным фактором для экспорта высокотехнологичной продукции является научно-исследовательская деятельность. По мнению (Gruber et al., 1967), в отношении достижения конкурентного преимущества «все пути ведут к взаимосвязи между показателями экспорта и деятельностью в области НИОКР». Многие исследователи отмечают значительное влияние научно-исследовательской деятельности на экспорт высокотехнологичной продукции, что пробудило наше любопытство к этому вопросу, а также послужило источником мотивации для данного исследования.

В работе исследуется влияние расходов на НИОКР на экспорт высокотехнологичной продукции в 11 развивающихся странах с рыночной экономикой. Наше исследование отличается от других по трем аспектам. Во-первых, в последние годы сократилось количество работ, изучающих влияние расходов на НИОКР на экспорт высокотехнологичной продукции. В этом отношении анализ, который будет проведен с использованием новых данных, поможет определить, в каком направлении развивалась взаимосвязь между переменными. Во-вторых, в нашем исследовании литература, рассматривающая влияние расходов на НИОКР на экспорт высокотехнологичной продукции, была изучена подробнее, чем в других. Это помогает нам создать хорошую рабочую обстановку, позволяя получить полное представление обо всех деталях темы. В-третьих, ранее взаимосвязи между переменными обычно исследовались традиционными эмпирическими методами. В нашей работе был использован панельный квантильный регрессионный анализ, который ранее не применялся. Использование панельного квантильного регрессионного анализа дало возможность увидеть, как меняется влияние расходов на НИОКР в странах с высоким, средним и низким уровнем экспорта высокотехнологич-

ной продукции в рамках единого анализа. Таким образом, была получена более подробная информация о взаимосвязи между переменными, и эта информация является полезной при выработке политических рекомендаций.

Работа построена следующим образом. Сначала даются концептуальные пояснения по теме, а также приводится теоретический обзор. Далее представлен обзор эмпирической литературы, в третьем разделе вводится набор данных и эконометрический метод. В четвертом разделе представлены результаты эмпирического анализа. Исследование завершается общей оценкой и рекомендациями по выработке мер. Благодаря примененному эконометрическому методу была получена более подробная информация о взаимосвязи между переменными по сравнению с другими исследованиями на эту тему.

Концептуальные и теоретические основы

Согласно определению, предложенному Дэвисом (Davis, 1982), высокотехнологичный продукт производится со значительными затратами на НИОКР. Высокотехнологичный продукт также можно определить как технологически емкий товар с высокой эластичностью дохода и сложными стадиями производства, которые оказывают значительное влияние на рост экономики страны. Таким образом, высокотехнологичное производство подразумевает обеспечение эффективности и повышение качества производства. В настоящее время, когда проводится экспортоориентированная политика, быстрорастущие страны пытаются увеличить экспорт высокотехнологичной продукции, чтобы защитить и расширить свою долю на экспортных рынках (Mani, 2000; Çolakoğlu, 2021; Sara, 2012).

Как утверждают Агион и др. (Aghion et al., 2000), основным источником технического прогресса являются инновации, которые обеспечивают появление новых продуктов, методов производства, производственной деятельности и новых организаций. Инновации, с другой стороны, создаются в результате научно-исследовательской деятельности стремящихся к получению прибыли фирм, предпринимателей и ученых. Таким образом, важной частью технологического развития является

продукт научно-исследовательской деятельности компаний, направленной на создание новых технологий. Этот аспект также выступает отправной точкой для моделей внутреннего роста (Jones, 2013). Идея интернализации технологического развития в теории экономического роста была впервые предложена Шумпетером (Schumpeter, 1942). Позже Ромер (Romer, 1986) развил предложенную Эрроу модель обучения в процессе деятельности и создал на ее основе модель роста, основанную на исследованиях и разработках. Согласно Ромеру, компании, стремящиеся максимизировать свою прибыль, реализуют знания, которые они получили, вкладывая средства в НИОКР для производства, и пытаются стать монопольной силой. Увеличение объемов производства компаний стимулирует экономический рост. Кроме того, новая информация, полученная компаниями, используется в производстве другими компаниями, работающими в том же секторе, создавая эффект «перелива», и эта ситуация положительно влияет на экономический рост. Гроссман и Хелпман (Grossman, Helpman, 1989, 1990), Агион и Ховитт (Aghion, Howitt, 1992) предлагают различные мнения о важности НИОКР для экономического роста. Согласно их моделям, увеличение числа людей, работающих в секторе исследований и разработок, и положительные внешние эффекты, создаваемые в этом секторе, оказывают положительное влияние на экономический рост (Taban, Şengür, 2014). На основании данной теоретической информации утверждается, что расходы на НИОКР оказывают двустороннее влияние на технологию. Во-первых, они расширяют возможности страны по разработке новых продуктов, во-вторых, увеличивается способность получать информацию за счет расходов на НИОКР, ускоряется передача технологий между странами или секторами (Griffith et al., 2004).

Ав и др. (Aw et al., 2009) разработали динамическую модель экспорта для изучения взаимосвязи между деятельностью в области НИОКР и экспортом. Согласно их модели, производительность в значительной степени зависит от научно-исследовательской деятельности фирмы и участия в экспортных рынках. Поэтому они подчеркивают, что деятельность в

области исследований и разработок окажет положительное влияние на доходы от экспорта за счет повышения производительности (Harris, Moffat, 2011). Как правило, влияние НИОКР на экспорт выражается двумя различными способами, такими как затраты и выпуск. В рамках подхода, основанного на затратах, рассматривается взаимосвязь между экспортом и такими факторами, как расходы на НИОКР и персонал, участвующий в исследованиях и разработках нового продукта или технологии производства. В рамках подхода, основанного на выпуске, рассматривается взаимосвязь между патентами, полученными в результате НИОКР, и экспортом (Yıldırım, Kesiköglü, 2012).

ОЭСР классифицирует продукцию обрабатывающей промышленности страны на четыре группы в зависимости от уровня технологии. Соответственно, плотность технологий учитывает и уровень технологии, характерный для данного сектора (отношение затрат на НИОКР к добавленной стоимости), и затраты на НИОКР на промежуточные товары и основные средства, а также технологии, различаемые как низкие, средние низкого уровня, средние высокого уровня и высокие. В этом контексте высокотехнологичные продукты включают продукты с высокой интенсивностью исследований и разработок, например произведенные в компьютерной, аэрокосмической, фармацевтической, химической, электротехнической, электронной и телекоммуникационной промышленности или произведенные в результате научных исследований (Hatzichronoglou, 1997; OECD, 2011). В свете этих объяснений можно утверждать, что путь к высоким технологиям в производстве и, следовательно, в экспорте лежит через научно-исследовательскую деятельность. По этой причине можно сказать, что страны, которые выделяют больше средств на НИОКР, находятся в лучшем положении с точки зрения экспорта высокотехнологичной продукции (ЭВТП) (табл. 1).

Из таблицы 1 видно, что самые высокие расходы на НИОКР в соответствии с классификацией доходов приходятся на страны с высоким уровнем дохода. Самые низкие расходы на НИОКР приходятся на страны с доходом ниже среднего. Было установлено, что доля

Таблица 1. Расходы на НИОКР и экспорт высокотехнологичной продукции в группах стран по доходам и региональной классификации

Группа стран	Расходы на НИОКР, % ¹ (2018)	Экспорт высокотехнологичной продукции, % ² (2019)
Страны с высоким уровнем дохода	2,59	20,23
Страны с доходом выше среднего	1,64	23,60
Страны с доходом ниже среднего	0,53 (2017)	16,92
Страны с низким уровнем дохода	-	5,38
Европейский союз	2,19	16,21
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	2,44	33,85
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	0,67	14,09
Ближний Восток и Северная Африка	0,61 (2017)	4,61
Страны Африки к югу от Сахары	0,48 (2007)	6,02
Мир	2,20	20,75

¹ Доля расходов на НИОКР в ВВП.
² Доля ЭВТП в экспорте обрабатывающей промышленности.
 Источник: World Bank (2022).

ЭВТП наибольшая в государствах с высоким уровнем дохода, наименьшая – с низким уровнем дохода. На данный момент можно сказать, что как расходы на НИОКР, так и ЭВТП выше в группах стран с высоким уровнем дохода, чем в странах с низким уровнем дохода. Согласно региональной классификации было определено, что страны Восточной Азии и Тихого океана, которые в последние годы стали производственными базами транснациональных компаний, особенно из-за низких затрат на рабочую силу, находятся в лучшем положении с точки зрения обеих переменных. Кроме того, установлено, что расходы на НИОКР и ЭВТП значительно выше в развитых западных странах по сравнению с другими регионами, состоящими из развивающихся стран.

Обзор литературы

С 1980-х гг. в теориях эндогенного развития подчеркивалось, что деятельность в области НИОКР оказывает значительное влияние на экономический рост благодаря технологическим разработкам. Поэтому стали широко распространены исследования влияния НИОКР на экономический рост, а также на другие переменные, такие как общий объем экспорта, ЭВТП, экспорт промышленных товаров, экспорт информационно-коммуникационных технологий. С 1990-х гг. растет число исследований, изучающих взаимосвязь НИОКР

с ЭВТП. НИОКР является одним из основных факторов, определяющих ЭВТП. Как указано в теоретическом разделе, деятельность в области НИОКР включается в анализ в виде переменных, таких как расходы на НИОКР, число исследователей, работающих в секторе НИОКР, количество патентных заявок или патентов, в зависимости от подхода «затраты-выпуск». В исследованиях, проведенных в основном в странах Европейского союза, ОЭСР и азиатских странах, было установлено, что в целом НИОКР оказывает положительное влияние на экспорт высокотехнологичной продукции. Стоит отметить, что наличие данных также имеет большое значение при выборе страны. Некоторые исследования, проведенные по этому вопросу, представлены в *таблице 2*.

Данные и эконометрический метод

Цель исследования – изучить влияние расходов на НИОКР на экспорт высокотехнологичной продукции в 11 развивающихся странах с рыночной экономикой¹, выделенных в соответствии с имеющимися данными по странам, охваченных индексом развивающихся рынков Morgan Stanley Capital International (MSCI). Кроме того, в исследование была включена Россия, которая многими организациями

¹ Колумбия, Мексика, Чехия, Венгрия, Кувейт, Польша, Россия, Турция, Китай, Индия и Южная Корея.

Таблица 2. Обзор литературы

Автор(ы)	Годы/страна	Переменные	Метод	Результат
Le (1987)	1975, 1979, 1980 и 1983, страны ОЭСР	HTE, R&D1	Регрессионный анализ	Положительное влияние
Fagerberg (1995)	1960–1980, 19 стран ОЭСР	SI, R&D1, PATENT, SAL, POP, DEF, INV	Панельный регрессионный анализ	Расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на индекс специализации по некоторым продуктам и отрицательное влияние на некоторые продукты
Landesmann и Pfaffermayr (1997)	1967–1987, 7 стран ОЭСР	EXP, ER, LABORC, R&D1	Панельный регрессионный анализ	Положительное влияние
Seyoum (2004)	1996–1998, 54 страны	HTE, FDI, R&D2, EDU1, UICL, ER, PINFS	Межстрановой анализ	Положительное влияние
Gourlay и др. (2005)	1988–2001, Великобритания (1468 компаний)	EXP, SALE, VPRO, R&D1, CAP1, ER	Анализ межстрановых данных	Положительное влияние
Srholec (2007)	2001–2003, 111 стран	EPEXP, TECH, R&D1, POP, FPIMP, IGIMP	Панельный регрессионный анализ	Положительное влияние
Braunerhjelm и Thulin (2008)	1981–1999, 19 стран ОЭСР	HTE, R&D1, GDP, EDU2, GOV1, FDI, MIDTECH, PCGDP	Панельный регрессионный анализ	Положительное влияние
Özer и Çiftçi (2009)	1990–2005, 30 стран ОЭСР	HTE, ICTEXP, GEXP, R&D1	Панельный регрессионный анализ	Положительное влияние
Bojnec и Ferto (2011)	1995–2003, 18 стран ОЭСР	IEXP, GDP, DIST, LANG, R&D1	Анализ временных рядов	Расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на промышленный экспорт
Alemu (2012)	1994–2010, 11 стран Восточной Азии	HTE, R&D1, R&D2, PCGDP, PHONE, EDU3, CAP2, FDI	Анализ панельных данных	Научно-исследовательская деятельность оказывает положительное влияние на ЭВТП
Uzay и др. (2012)	1995–2005, Турция (25 отраслей)	EXP, R&D1, ER, VOL, WGDP	Анализ временных рядов	Расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на экспорт
Yıldırım и Kesikoğlu (2012)	1996–2008, Турция (25 подотраслей обрабатывающей промышленности)	REXP, REER, R&D1	Анализ панельных данных	Существует односторонняя причинно-следственная связь между расходами на НИОКР и экспортом
Göçer (2013)	1996–2012, 11 стран Азии	HTE, ICTEXP, EXP, FTBAL, GROWTH, R&D1	Анализ панельных данных	Расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на ЭВТП; кроме того, существует односторонняя причинно-следственная связь между расходами на НИОКР и ЭВТП
Ismail (2013)	2004–2009 (кроме 2007–2007), 10 стран Азии	HTE, R&D1, FDI, GDP, PCGDP.	Модель Drawing	Расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на ЭВТП
Kılıç и др. (2014)	1996–2011, страны G8	HTE, R&D1, REER	Анализ панельных данных	Расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на ЭВТП; кроме того, существует односторонняя причинно-следственная связь между расходами на НИОКР и ЭВТП
Sandu и Ciocanel (2014)	2006–2010, 26 стран ЕС	HTE, R&D3, R&D4, INFEMP	Анализ панельных данных	Расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на ЭВТП

Окончание таблицы 2

Автор(ы)	Годы/страна	Переменные	Метод	Результат
Şahbaz и др. (2014)	1996–2011, 17 стран ЕС и Турция	HTE, R&D1	Анализ панельных данных	Существует односторонняя причинно-следственная связь между расходами на НИОКР и ЭВТП
Özkan и Yılmaz (2017)	1996–2015, 12 стран ЕС и Турция	HTE, GDP, R&D1	Анализ панельных данных	Расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на HTE; кроме того, существует односторонняя причинно-следственная связь между расходами на НИОКР и ЭВТП
Karasaç и Sağın (2018)	2008–2015, 35 стран ЕС	HTE, R&D3, R&D4, REER	Анализ панельных данных	Расходы государственного и частного секторов на НИОКР оказывают положительное влияние на ЭВТП
Gaberli (2018)	1996–2014, страны G7	HTE, R&D1, IPR, ECI	Анализ панельных данных	Расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на ЭВТП
Boz и др. (2019)	2000–2015, страны БРИКС, а также Мексика, Индонезия, Южная Корея и Турция	HTE, R&D1	Анализ панельных данных	Существует двунаправленная причинно-следственная связь между расходами на НИОКР и ЭВТП в Южной Корее; существует односторонняя причинно-следственная связь между ЭВТП и расходами на НИОКР в Китае, Бразилии и Турции
Durmuş (2020)	2007–2017, 7 развивающихся стран с рыночной экономикой	HTE, R&D1, PATENT, FRTRADE, FRINV	Анализ панельных данных	Расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на ЭВТП
Oğuz и Sökmen (2020)	1996–2016, 31 страна ОЭСР	HTE, R&D1, PATENT, REER	Анализ панельных данных	Расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на ЭВТП
Yaman и др. (2020)	1998–2017, 35 стран ОЭСР	HTE, R&D1, R&D2, GOV2, EDU4, FDI, RER, PCGDP	Анализ панельных данных	Расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на ЭВТП
Yavuz и Uysal (2020)	1991–2016, 15 стран ОЭСР	HTE, R&D1, GROWTH, FDI	Анализ панельных данных	Расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на ЭВТП
Akay (2021)	2007–2018, 27 12 стран ЕС и Турция	HTE, R&D1, PATENT, OPEN, FDI	Анализ панельных данных	Расходы на НИОКР оказывают значительное влияние на ЭВТП
Aktaş и Gür (2021)	2010–2020, страны E7 и G7	HTE, R&D1, ICT, FDI, GROWTH, GOV3, CAP3, ARTICLE	Анализ панельных данных	Положительное влияние
Sey и Aydın (2021)	1990–2018, Турция	HTE, R&D1, PATENT	Анализ временных рядов	Положительное влияние

Примечание: HTE – доля экспорта высокотехнологичной продукции в экспорте обрабатывающей промышленности, EXP – экспорт, ICTEXP – экспорт информационных и коммуникационных технологий, GEXP – экспорт товаров, IEXP – промышленный экспорт, REXP – реальный экспорт, EPEXP – экспорт электронной продукции, R&D1 – расходы на НИОКР, R&D2 – количество исследователей в секторе НИОКР, R&D3 – государственные расходы на НИОКР, R&D4 – частные расходы на НИОКР, PATENT – общее количество патентных заявок, SI – индекс специальности, DEF – расходы на оборону, ER – обменный курс, RER – реальный обменный курс, REER – реальный эффективный валютный курс, VOL – волатильность обменного курса, LABORC – стоимость рабочей силы, FDI – прямые иностранные капиталовложения, EDU1 – уровень образования в области математики и физики, EDU2 – общие расходы на образование, EDU3 – уровень охвата населения средним образованием, EDU4 – расходы на образование в государственном секторе, UICL – уровень сотрудничества вузов и промышленности, PINFS – уровень физической инфраструктуры, SALE – объем продаж, VPRO – разнообразие продукции, TECH – уровень технологии, FPIMP – импорт конечной продукции, IGIMP – импорт промежуточных товаров, GOV1 – общий объем государственных расходов, GOV2 – расходы на общественное потребление, GOV3 – индекс активности правительства, MIDTECH – производство технологий среднего уровня, PCGDP – реальный ВВП на душу населения, WGDP – мировой ВВП, GDP – Реальный ВВП, DISTT – расстояние, PHONE – количество телефонов на 100 человек, CAP1 – капиталоемкость, CAP2 – доля общего основного капитала страны, CAP3 – формирование валового капитала, FTBAL – внешнеторговый баланс, INFEMP – количество занятых в информационно-интенсивных секторах, IPR – расходы в сфере прав интеллектуальной собственности, ECI – индекс экономической сложности, FRTRADE – свобода торговли, FRINV – свобода инвестиций, OPEN – коэффициент открытости внешнему миру, ICT – использование информационно-коммуникационных технологий, ARTICLE – соотношение количества научных и технических статей, GROWTH – экономический рост, POP – население, LANG – язык, SAL – зарплата, INV – инвестиции.

рассматривается как страна с развивающимся рынком. Анализируемые государства в работе рассматриваются как страны, которые продемонстрировали высокие показатели экономического роста, привлекли большие объемы иностранных капиталовложений с начала 2000-х гг. и чье влияние на мировую экономику быстро возросло благодаря этим характеристикам. Они пытаются увеличить производство высокотехнологичной продукции, чтобы достичь уровня развитых стран, сделав свой быстрый экономический рост устойчивым. Учитывая, что производственный и экспортный потенциал в них растет с каждым годом, необходимо изучить, как расходы на НИОКР, которые рассматриваются в качестве наиболее важного элемента для высокотехнологичной продукции, влияют на ЭВТП с точки зрения экономического развития. В исследовании использовались годовые данные за период 1996–2018 гг. в зависимости от их наличия.

Результаты обзора литературы свидетельствуют, что расходы на НИОКР широко используются для представления деятельности в области исследований и разработок, и показатель расходов на НИОКР был выбран в качестве независимой переменной, которая составляет основу исследования. Поскольку зависимой переменной является экспортная переменная, обменный курс, который в литературе считается основным фактором, определяющим экспорт, в дополнение к переменным мирового дохода и внутреннего дохода в модель включены переменные прямых иностранных инвестиций в качестве контрольных переменных (табл. 3).

Эконометрическая модель, созданная на основе представленных данных, выглядит следующим образом:

$$HTE_{it} = \beta_{it} + \beta_1 R\&D_{it} + \beta_2 LREER_{it} + \beta_3 LFGDP_{it} + \beta_4 LGDP_{it} + \beta_5 FDI_{it} + \varepsilon_{it} . \quad (1)$$

Эмпирический анализ включает пять этапов. На первом этапе для изучения перекрестной зависимости между рядами и в модели использовался критерий Бройша – Пагана $CDLM_1$ (Breusch, Pagan, 1980), который дает эффективные результаты, когда измерение времени (Т) больше, чем измерение поперечного среза (N). Кроме того, также использовались критерий Песарана (Pesaran, 2004) $CDLM_2$, который дает эффективные результаты, когда Т и N стремятся к бесконечности, и критерий Песарана и др. (Pesaran et al., 2008) $CDLM_{adj}$, который дает эффективные результаты при $T > N$ и $N < T$. В ходе анализа панельных данных предполагается, что единицы поперечного среза (страны) независимы, то есть неподвержены влиянию друг друга. Однако в современном глобализованном мире потрясения, испытываемые одной страной, могут затронуть и другие. По этой причине использование критериев, которые не учитывают зависимость между единицами поперечного среза, может привести к предвзятым и противоречивым результатам. Применение критериев зависимости поперечного среза также имеет большое значение для отбора критериев на более поздних этапах.

На втором этапе был применен панельный модульный корневой тест второго поколения CADF (расширенный тест Дики – Фуллера, Cross-Section Augmented Dickey – Fuller), раз-

Таблица 3. Описание переменных

Переменная	Описание	Источник
HTE	Доля экспорта высокотехнологичной продукции в промышленном экспорте, %	World Bank
R&D	Доля расходов на НИОКР в ВВП, %	World Bank
LREER	Индекс реального эффективного обменного курса (2007 = 100%); использовались логарифмические значения	Bruegel.org
LFGDP	Мировой ВВП. Сумма реального ВВП стран с наибольшим объемом торговли рассчитывается в соответствии с фиксированными ценами на 2015 год; использовались логарифмические значения	World Bank
LGDP	Реальный ВВП, рассчитанный на основе фиксированных цен на 2015 год; использовались логарифмические значения	World Bank
FDI	Доля чистого притока прямого иностранного капитала в ВВП, %	World Bank

работанный Песараном (Pesaran, 2007). Его можно использовать при наличии перекрестной зависимости. Этот тест представляет собой расширенную версию уровней запаздывания и значений первой разности для каждой серии со средними перекрестными значениями в стандартной регрессии CADF. С помощью теста CADF можно использовать среднее арифметическое статистики каждого поперечного среза для получения статистики CIPS, действительной для всей панели. Таким образом, анализ стационарности может быть выполнен как для каждого поперечного среза, так и для всей панели. Если значения статистики CADF и CIPS меньше указанных в таблице критических значений в абсолютном выражении, указывается, что в ряду имеется единичный корень, а если больше, то в ряду нет единичного корня, то есть ряд имеет стационарную структуру.

На третьем этапе был применен тест коинтеграции Дарбина – Хаусмана (Westerlund, 2008). Согласно тесту, нулевая гипотеза показывает, что для всех единиц нет коинтеграции. Однако одна из двух подвариантных гипотез показывает, что существует коинтеграция для всей панели, другая – для некоторых единиц среза в панели.

На четвертом этапе исследуется, показывают ли переменные нормальное распределение, чтобы нам определиться с выбором метода оценки. Для этой цели были использованы некоторые статистические методы. Одним из них является статистика асимметрии и эксцесса, которые оцениваются в рамках описательной статистики. Асимметрия используется для измерения симметрии распределения данных. Если статистические значения равны нулю, то данные распределены нормально. Распределение смещено вправо, если оно больше нуля, и влево, если оно меньше нуля. Эксцесс используется для измерения ширины распределения данных. Статистическое значение, равное нулю, указывает на то, что данные распределены нормально, а отличное от нуля – на то, что они распределены ненормально. В дополнение к этим двум описательным статистическим данным также широко используются тесты Шапиро – Уилка и Шапиро – Франсиа. Согласно им, уровень вероятности составляет

менее 5%, что означает, что данные не распределены нормально (Xu, Lin, 2018). Хотя статистика асимметрии и эксцесса, отличная от нуля, указывает на отсутствие нормального распределения, в некоторых исследованиях статистические значения от -1 до +1, от -1,5 до +1,5 или от -2 до +2 принимаются за нормальное распределение.

На заключительном этапе анализа, поскольку было обнаружено, что переменные распределены ненормально, для оценки коэффициента был применен панельный квантильный регрессионный анализ, разработанный Кенкером и Бассетом-младшим (Koenker, Basset, 1978) и широко используемый в статистическом анализе линейных и нелинейных моделей в различных областях. Модель квантильной регрессии используется для регрессионного анализа между условным квантилем зависимой переменной и объясняющими переменными и позволяет получить оценку коэффициента для всех квантилей. Эта модель дает возможность проводить более точные и эффективные оценки коэффициентов, чем обычная оценка методом наименьших квадратов (Ordinary Least Squares), когда переменные распределены ненормально, т. к. в таком случае, если для оценки регрессии используется обычный метод, искаженное распределение экономических переменных можно игнорировать. Когда переменные смещены влево или вправо, распределение может быть полностью охарактеризовано с помощью квантильной регрессии и может быть получен всесторонний анализ. Математическое представление модели панельной квантильной регрессии выглядит следующим образом:

$$y_i = x_i b_{\theta i} + \mu_{\theta i}, \quad 0 < \theta < 1$$

$$Quant_{i\theta} \left(\frac{y_i}{x_i} \right) = x_i \beta_{\theta} . \quad (2)$$

В уравнении (2) x – вектор объясняющих переменных, y – зависимая переменная, μ – случайная ошибка, для которой условное распределение квантилей равно нулю. $Quant_{i\theta}(y_i/x_i)$ – квантильное значение определяемой переменной. β_{θ} – θ -я квантильная регрессия, и она решается по следующей формуле:

$$\min \sum_{y_i \geq x_i' \beta} \theta |y_t - x_i' \beta| + \sum_{y_i < x_i' \beta} (1 - \theta) |y_t - x_i' \beta|. \quad (3)$$

Таблица 4. Результаты теста перекрестной зависимости

	CDLM ₁	CDLM ₂	CDLM _{adj}
HTE	186,776*** (0,000)	12,564*** (0,000)	12,314*** (0,000)
R&D	400,587*** (0,000)	32,950*** (0,000)	32,700*** (0,000)
LREER	297,082*** (0,000)	23,082*** (0,000)	22,832*** (0,000)
LFGDP	1263,760*** (0,000)	115,251*** (0,000)	115,001*** (0,000)
LGDP	1174,721*** (0,000)	106,761*** (0,000)	106,511*** (0,000)
FDI	114,018*** (0,000)	5,627*** (0,000)	5,377*** (0,000)
Model	202,180*** (0,000)	14,033*** (0,000)	7,701*** (0,000)

Примечание: ***, ** и * обозначают уровень значимости 1%, 5% и 10% соответственно. В круглых скобках даны значения вероятности.

Когда θ принимает различные значения, получаются разные оценки параметров. Средняя регрессия является частным случаем квантильной регрессии в условиях, когда $\theta = 0,5$ (Ху, Lin, 2018; Salari et al., 2021). В дополнение к панельной квантильной регрессии для проведения сравнений также применялось статистическое значение OLS.

Результаты эмпирического анализа

В соответствии с ранжированием, описанным в разделе «Данные и эконометрический метод», сначала было проверено, существует ли перекрестная зависимость между переменными в модели (табл. 4).

По результатам трех отдельных тестов было обнаружено, что существует перекрестная зависимость на уровне значимости 1% по всем переменным и модели. Для определения уровня стационарности переменных был при-

менен панельный модульный корневой тест CADF, который является одним из модульных корневых тестов второго поколения, учитывающих перекрестную зависимость. Чтобы определить уровень стационарности для всей группы, были учтены статистические данные CIPS. Результаты приведены в таблице 5.

Согласно результатам модульного корневого теста было определено, что переменные HTE и R&D были стационарными I(1) при разности первого порядка. Кроме того, замечено, что другие переменные были стационарными I(0) при одинаковых значениях. Поскольку присутствовала перекрестная зависимость и некоторые переменные были I(0) и I(1), то долгосрочная взаимосвязь между рядами исследована с применением теста коинтеграции Дарбина – Хаусмана (табл. 6).

Таблица 5. Результаты панельного модульного корневого теста CADF

Переменная	Статистическое значение CIPS	
	Уровень	Разность первого порядка
HTE	-2,032	-3,341***
R&D	-1,672	-4,292***
LREER	-2,333**	-
LFGDP	-2,443**	-
LGDP	-2,452**	-
FDI	-2,607**	-

Примечание: приведенные в таблице критические значения для уровней значимости 1%, 5% и 10% составляют -2,57, -2,32 и -2,20 соответственно. ***, ** и * обозначают уровень значимости 1%, 5% и 10% соответственно.

Таблица 6. Результаты теста на коинтеграцию

	Статистика критерия	Вероятность
DH Group	61,531***	0,000
DH Panel	38,374***	0,000

Примечание: ***, ** и * обозначают уровень значимости 1%, 5% и 10% соответственно.

Результаты теста на коинтеграцию указывают на существование коинтеграции между рядами как для группы, так и для всей панели. В свете всех этих выводов для определения метода оценки коэффициентов было исследовано, имеют ли переменные нормальное *распределение* (табл. 7).

Значения асимметрии в диапазоне от -1,5 до +1,5 говорят о том, что переменные R&D и FDI не показывают нормального распределения, но другие переменные имеют нормальное распределение. Значения эксцесса указывают на то, что ни одна из переменных не распределена

нормально. Поскольку на основании этих результатов невозможно сделать окончательный вывод, были применены еще два теста, описанных в литературе. Согласно результатам тестов Шапиро – Уилка и Шапиро – Франсия было определено, что переменные не были распределены нормально, поскольку значения вероятности переменных оказались меньше 0,05. В результате решено, что переменные не были распределены нормально. Это доказывает целесообразность использования панельной квантильной регрессионной модели для эмпирического анализа (табл. 8).

Таблица 7. Результаты теста на нормальное распределение

Переменная	Искажение	Асимметрия	Тест Шапиро – Уилка		Тест Шапиро – Франсия		Наблюдение
			Статистика	Вероятность	Статистика	Вероятность	
HTE	0,494	1,985	0,919	0,000	0,923	0,000	253
R&D	2,008	7,717	0,802	0,000	0,801	0,000	253
LREER	-0,442	3,536	0,984	0,006	0,983	0,005	253
LFGDP	-0,471	2,984	0,975	0,000	0,976	0,001	253
LGDP	0,336	2,622	0,962	0,000	0,964	0,000	253
FDI	3,491	41,283	0,446	0,000	0,433	0,000	253

Таблица 8. Результаты оценки коэффициентов

Переменная	КВАНТИЛИ					OLS
	10	25	50	75	90	
R&D	7,688*** (0,000)	7,439*** (0,000)	8,608*** (0,000)	6,325*** (0,000)	5,539*** (0,000)	7,332*** (0,000)
LREER	6,835** (0,029)	6,115* (0,075)	4,143 (0,119)	-11,283** (0,017)	-8,812 (0,181)	0,822 (0,765)
LFGDP	-7,405*** (0,000)	-3,285 (0,453)	-3,049 (0,236)	3,517 (0,163)	-6,909 (0,257)	-3,179 (0,147)
LGDP	1,985* (0,093)	1,341 (0,237)	2,481*** (0,000)	3,442*** (0,000)	2,141*** (0,000)	2,114*** (0,000)
FDI	0,294*** (0,000)	0,419*** (0,000)	0,371*** (0,000)	0,280*** (0,000)	0,144*** (0,003)	0,265*** (0,000)
Константа	147,087 (0,143)	39,311 (0,699)	13,257 (0,855)	-141,322* (0,075)	218,151 (0,247)	45,152 (0,483)

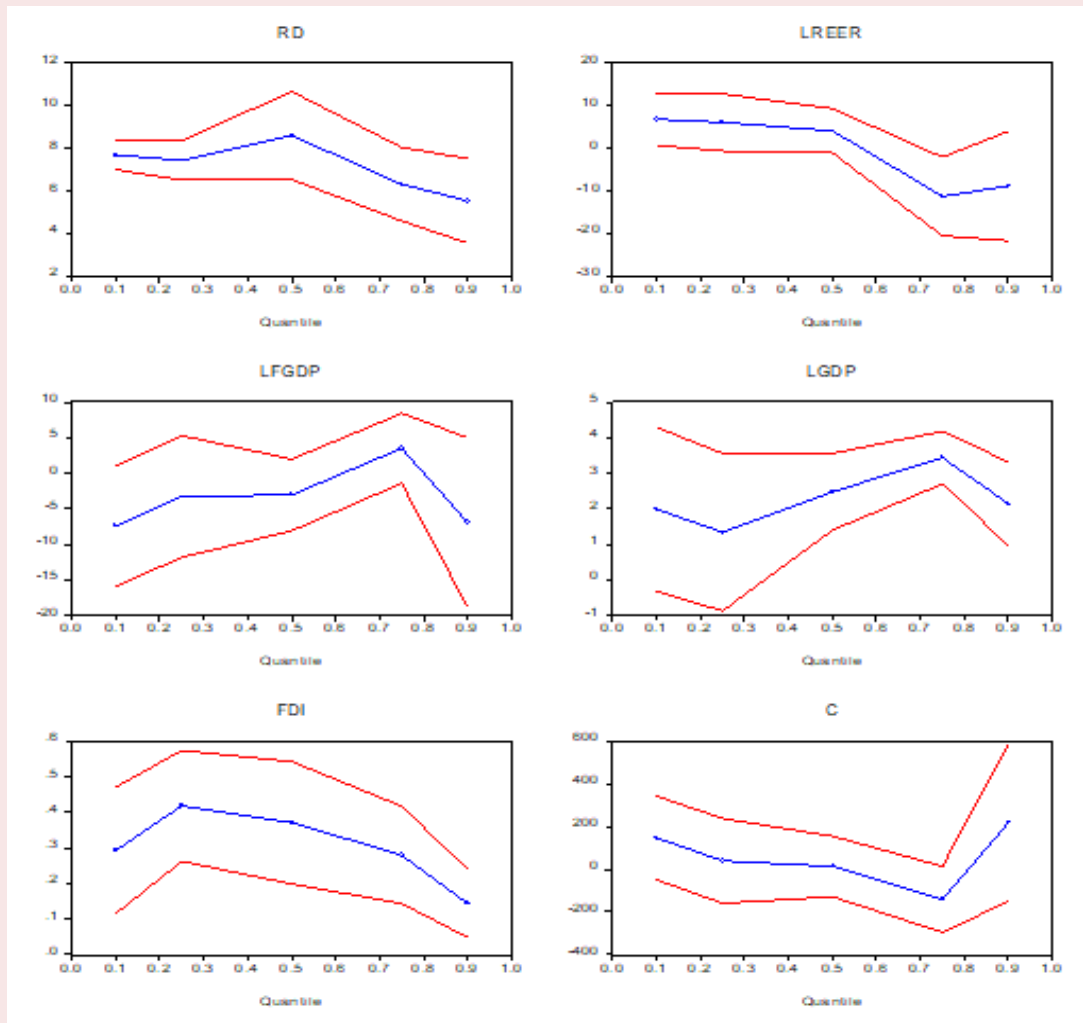
Примечание: ***, ** и * обозначают уровень значимости 1%, 5% и 10% соответственно. В круглых скобках указаны значения вероятности.

Согласно таблице, влияние независимых переменных на ЭВТП различается в зависимости от квантилей. Было определено, что влияние расходов на НИОКР на ЭВТП было значительным и положительным во всех квантилях. Также замечено, что эта переменная оказывает самое сильное влияние на ЭВТП. Однако в странах, где уровень ЭВТП выше среднего, положительный эффект от увеличения отношения расходов на НИОКР к ВВП ниже. Этот результат можно интерпретировать следующим образом: в странах с более высокой долей ЭВТП в промышленном экспорте расходы на НИОКР также были направлены на производство продукции на разных технологических уровнях, поскольку ассортимент экспортируемой продукции в них намного шире. Влияние реального эффективного обменного курса, представленного индикатором $LREER$, на экспорт высокотехнологичной продукции является положительным и значительным, за исключением показателей 50-го и 90-го квантилей. Направление эффекта является положительным для 10-го и 25-го квантилей, в то время как оно отрицательно для 75-го квантиля. Соответственно, оценка национальной валюты в странах с объемом экспорта высокотехнологичной продукции ниже среднего положительно влияет на экспорт высокотехнологичной продукции. В то же время снижение курса национальной валюты в группе стран в 75-м квантиле, которое выше, положительно влияет на экспорт высокотехнологичной продукции. Такая ситуация отражает влияние внешней зависимости от производства. При повышении курса национальной валюты увеличение производства и экспорта может быть достигнуто за счет поставок промежуточных и инвестиционных товаров в более значительных объемах при меньших затратах. Определено, что переменная $LFGDP$, используемая для представления внешнего спроса, не оказала существенного влияния на другие квантили, кроме 10-го квантиля. Соответственно, отмечено, что влияние внешнего спроса было отрицательным в группе стран с самым низким уровнем экспорта высокотехнологичной продукции. Такой результат можно объяснить тем, что увеличение мирового спроса смещается в другие страны,

поскольку государства с низкими показателями экспорта высокотехнологичной продукции имеют низкую конкурентоспособность на международных рынках или не способны продемонстрировать ценность бренда. Хотя влияние переменной $LGDP$, представляющей экономический рост, варьируется в зависимости от разных квантилей, было обнаружено, что она оказывает значительное положительное влияние на экспорт высокотехнологичной продукции. Следовательно, рост внутреннего производства позволяет увеличить объем экспорта для удовлетворения зарубежного спроса. Наконец, был сделан вывод о том, что переменная FDI , представляющая прямые иностранные инвестиции, также оказывает значительное положительное влияние на экспорт высокотехнологичной продукции во всех квантилях. Эту информацию можно интерпретировать как тот факт, что увеличение прямых иностранных инвестиций ускоряет передачу более высоких технологий в группу стран, тем самым позволяя компаниям увеличить экспорт высокотехнологичной продукции.

Согласно оценке обычного метода наименьших квадратов OLS , используемого для сравнения результатов панельной квантильной регрессии, переменные расходов на НИОКР, экономического роста и прямых иностранных инвестиций оказывают значительное влияние на экспорт высокотехнологичной продукции. Как и в случае с результатами панельной квантильной регрессии, наибольшее влияние на экспорт высокотехнологичной продукции оказывают расходы на НИОКР. Однако, хотя переменные $LREER$ и $LFGDP$ не имеют смысла в соответствии с показателем OLS , существуют ситуации, когда они оказывают значительное влияние при рассмотрении в разных квантилях в соответствии с панельным квантильным регрессионным анализом. Поэтому, как указано в разделе «Данные и эконометрический метод», хотя в некоторых моментах есть сходство, было замечено, что результаты панельного квантильного регрессионного анализа предоставляют больше информации, чем классический регрессионный анализ. На *рисунке* представлено влияние объясняющих переменных на НТЕ с 95% доверительным интервалом.

Результаты оценки панельных квантилей

Обсуждение и заключение

Влияние расходов на НИОКР на ЭВТП в 11 развивающихся странах с рыночной экономикой было изучено за период 1996–2018 гг. Для этой цели применялся панельный квантильный регрессионный анализ, коэффициенты объясняющих переменных были интерпретированы в соответствии с различными степенями квантиля. В дополнение к расходам на НИОКР, которые составляют основу исследования в качестве объясняющей переменной, в модель, созданную для эмпирического анализа, были включены реальный эффективный обменный курс, мировой доход, внутренний доход и прямые иностранные инвестиции в качестве контрольных переменных. В результате анализа опре-

делено, что увеличение расходов на НИОКР оказало значительное положительное влияние на ЭВТП во всех квантилях. Кроме того, влияние реального эффективного обменного курса на ЭВТП варьируется в зависимости от различных квантилей; мировой доход оказывает существенное влияние только на группу стран с наименьшим квантилем; переменная, используемая для представления внутреннего дохода, оказывает положительное влияние на все квантили, кроме 25-го; с другой стороны, было установлено, что прямые иностранные инвестиции оказывают положительное влияние на все квантили. Эти результаты свидетельствуют, что расходы на НИОКР, экономический рост и прямые иностранные инвестиции являются

важными показателями ЭВТП с точки зрения рассматриваемого периода и в отношении конкретной страны. В частности, учитывая силу эффекта, было замечено, что увеличение расходов на НИОКР дает большие положительные результаты. Это связано с тем, что, хотя они различаются по квантилям, увеличение на 1% отношения расходов на НИОКР к ВВП обеспечивает среднее увеличение доли экспорта высокотехнологичной продукции в экспорте промышленной продукции примерно на 7,2%. Кроме того, этот эффект выше в странах с уровнем экспорта высокотехнологичной продукции ниже среднего, и вклад увеличения расходов на НИОКР в них будет выше.

Полученные нами результаты о влиянии расходов на НИОКР на ЭВТП полностью согласуются с выводами, представленными в других исследованиях. Эта ситуация позволяет нам сделать вывод о том, что расходы на НИОКР оказывают положительное влияние на ЭВТП. Важно, чтобы страны выделяли больше средств на НИОКР, поскольку обеспечение и поддержание конкурентных преимуществ зависит от увеличения объемов ЭВТП. На этом этапе сле-

дует обратить внимание на способность государственного и частного секторов осуществлять расходы на НИОКР. Из-за нехватки капитала почти во всех развивающихся странах, в частности в большинстве стран исследуемой группы, частный сектор не может играть ведущую роль в научно-исследовательской деятельности. По этой причине подсекторы обрабатывающей промышленности с высокой добавленной стоимостью должны определяться государством путем применения селективной политики индустриализации, им должна предоставляться поддержка в виде налоговых льгот, дешевого сырья и грантов для увеличения инвестиций частных предпринимателей. Кроме того, выделение государством большей доли бюджетных средств на НИОКР в отдельных секторах может внести значительный вклад как в производство, так и в экспорт высокотехнологичной продукции. Наконец, инвестиции, которые будут сделаны государством для повышения уровня информационной инфраструктуры и человеческого капитала, окажут дополнительное влияние на научно-исследовательскую деятельность.

Литература

- Aghion P., Howitt P. (1992). A model of growth through creative destruction. *NBER Working Paper Series*, 3223, 1–48. Available at: <https://doi.org/10.3386/w3223>
- Aghion P., Garcia-Penalosa C., Howitt P. (2000). “Knowledge and Development: A Schumpeterian Approach,” Paper presented at the World Bank ABCDE Conference, June 2000.
- Akay Ö. (2021). Yüksek teknoloji ihracatında Türkiye’nin yeri ve belirleyicileri. *Düzce Üniversitesi Bilim ve Teknoloji Dergisi*, 9(4), 1128–1141. Available at: <https://doi.org/10.29130/dubited.861464>
- Aktaş N., Gür B. (2021). E7 ve G7 ülkelerinin yüksek teknolojili ürün ihracatını belirleyen faktörler: panel eşbütünleşme analizi. *International Journal of Applied Economic and Finance Studies*, 6(2), 72–88. Available at: http://www.ijaefs.com/wp-content/uploads/2021/12/05_AKTAS-GUR.pdf (accessed: January 7, 2022).
- Alemu A.M. (2012). The effect of R&D on high-tech product export competitiveness: Empirical evidence from panel data of East Asian economies. *STI Policy Review*, 3(1), 46–62. Available at: <https://doi.org/10.22675/STIPR.2012.3.1.046>.
- Aw B.Y., Roberts M.J., Xu D.Y. (2009) R&D investment, exporting, and productivity dynamics. *NBER Working Paper Series*, 14670. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w14670/w14670.pdf (accessed: 1 March 2022).
- Bojnec Š., Fertő I. (2011). Impacts of research and development on manufacturing trade. *Zbornik radova Ekonomskog fakulteta u Rijeci: časopis za ekonomsku teoriju i praksu*, 29(1), 65–88. Available at: <https://hrcak.srce.hr/69468> (accessed: December 25, 2021).
- Boz F.Ç., Gültekin Ö.F. (2019). BRICS ve MIST Ülkelerinde Ar-Ge Harcamaları İle Yüksek Teknolojili Ürün İhracatı Arasındaki İlişki Üzerine Bir Araştırma. *Itobiad: Journal of the Human & Social Science Researches*, 8(2), 1111–1124. Available at: <http://www.itobiad.com/issue/44987/533402>, (accessed: January 6, 2022).
- Braunerhjelm P., Thulin P. (2008). Can countries create comparative advantages? R&D expenditures, high-tech exports and country size in 19 OECD countries, 1981–1999. *International Economic Journal*, 22(1), 95–111. Available at: <https://doi.org/10.1080/10168730801887026>

- Breusch T.S., Pagan A.R. (1980). The Lagrange multiplier test and its applications to model specification in econometrics. *The Review of Economic Studies*, 47(1), 239–253. Available at: <https://doi.org/10.2307/2297111>
- Çolakoğlu M. (2021). *OECD Ülkelerinde Beşeri Sermayenin Yüksek Teknolojili Ürün İhracatı ve Ekonomik Kompleksite Endeksi Üzerindeki Etkisi*. Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tezi, Denizli (диссертация).
- Davis L.A. (1982). *Technology intensity of US output and trade*. U.S Department of Commerce, International Trade Administration.
- Durmuş S.M. (2020). *Ar-ge ve inovasyonun yüksek teknoloji ürün ihracatı üzerindeki etkisi: Yükselen piyasa ekonomileri örneği*. Gümüşhane Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü İktisat Anabilim Dalı Yüksek Lisans Programı, Yüksek Lisans Tezi, Gümüşhane. (диссертация)
- Fagerberg J. Is there a large-country advantage in high-tech? Available at: <https://www.sv.uio.no/tik/InnoWP/archive/wpno526-1995.pdf> (accessed: January 24, 2022).
- Gaberli Ü. (2018). G7 ülkelerinde fikri mülkiyet haklarına yapılan ödemeler ve ar-ge harcamalarının yüksek teknoloji ihracatına etkisi: Bir panel veri analizi. *Finans Politik ve Ekonomik Yorumlar*, (641), 667–682 Available at: <https://dergipark.org.tr/en/pub/fpeyd/issue/47981/607037> (accessed: January 6, 2022).
- Gourlay A., Seaton J., Suppakitjarak J. (2005). The determinants of export behaviour in UK service firms. *The Service Industries Journal*, 25(7), 879–889. Available at: <https://doi.org/10.1080/02642060500134154>
- Göçer İ. (2013). Ar-Ge harcamalarının yüksek teknoloji ürün ihracatı, dış ticaret dengesi ve ekonomik büyüme üzerindeki etkileri. *Maliye Dergisi*, 165(2), 215–240. Available at: <https://www.acarindex.com/pdfler/3a556386-9a95.pdf> (accessed: December 27, 2021).
- Griffith R., Redding S., Reenen J.V. (2004). Mapping the two faces of R&D: Productivity growth in a panel of OECD industries. *Review of Economics and Statistics*, 86(4), 883–895. Available at: <https://doi.org/10.1162/0034653043125194>
- Grossman G.M., Helpman E. (1989). Product development and international trade. *Journal of Political Economy*, 97(6), 1261–1283. Available at: <https://doi.org/10.1086/261653>
- Grossman G.M., Helpman E. (1991). Quality ladders in the theory of growth. *The review of Economic Studies*, 58(1), 43–61. Available at: <https://doi.org/10.2307/2298044>
- Gruber W., Mehta D., Vernon R. (1967). The R&D factor in international trade and international investment of United States industries. *Journal of Political Economy*, 75(1), 20–37. Available at: <https://doi.org/10.1086/259235>
- Harris R., Moffat J. R&D, innovation and exporting. Available at: <http://eprints.lse.ac.uk/33593/1/sercdp0073.pdf> (accessed: February 15, 2022).
- Hatzichronoglou T. Revision of the high-technology sector and product classification. Available at: <https://doi.org/10.1787/050148678127>
- Ismail N.W. (2013). Innovation and high-tech trade in Asian countries. In: *Proceedings from International Conference on Recent Developments in Asian Trade Policy and Integration*. Available at: <https://www.nottingham.ac.uk/gep/documents/conferences/2013/malaysia-conference/normaz-wana-ismail.pdf> (accessed: January 14, 2022).
- Jones C.I., Ateş S., Tuncer İ. (2001). *İktisadi büyümeye giriş*. Literatür Yayıncılık. Birinci Basım, İstanbul.
- Karasaç F., Sağın A. (2018). Kamu ve özel kesim Ar-Ge harcamalarının yüksek teknoloji malların ihracatına etkisi: Avrupa ekonomileri analizi. *The Journal of European Theoretical and Applied Studies*, 6(1), 11–23. Available at: <https://hdl.handle.net/20.500.11857/1129> (accessed: January 5, 2022).
- Kılıç C., Bayar Y., Özekicioğlu H. (2014). Araştırma geliştirme harcamalarının yüksek teknoloji ürün ihracatı üzerindeki etkisi: G–8 ülkeleri için bir panel veri analizi. *Erciyes Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*, (44), 115–130. Available at: <https://doi.org/10.18070/euiibfd.62317>
- Koenker R., Basset Jr. G.S. (1978). Regression quantiles. *Econometrica*, 46, 33–50. Available at: <https://doi.org/10.2307/1913643>
- Landesmann M., Pfaffermayr M. (1997). Technological competition and trade performance. *Applied Economics*, 29(2), 179–196. Available at: <https://doi.org/10.1080/000368497327254>
- Le C.D. (1987). The role of R&D in high-technology trade: An empirical analysis. *Atlantic Economic Journal*, 15(4), 32–38. Available at: <https://doi.org/10.1007/BF02304202>
- Mani S. (2000). *Exports of High Technology Products from Developing Countries: Is It Real or a Statistical Artifact?* New York: United Nations University, Institute for New Technologies.

- ISIC Rev. 3 Technology Intensity Definition – Classification of manufacturing industries into categories based on R&D intensities*. July 2011. Available at: <https://www.oecd.org/sti/ind/48350231.pdf> (accessed: January 1, 2022).
- Oğuz S., Sökmen A.G. (2020). Araştırma geliştirme harcamalarının yüksek teknoloji ürünü ihracatına etkisi: OECD ülkeleri üzerine bir panel veri analizi. *International Journal of Economic & Administrative Studies*, 27, 209–222. Available at: <https://doi.org/10.18092/ulikidince.651992>
- Özer M., Çiftçi N. (2009). Ar-Ge harcamaları ve ihracat ilişkisi: OECD ülkeleri panel veri analizi. *Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 23(3), 39–50. Available at: <https://dergipark.org.tr/en/pub/dpusbe/issue/4765/65481> (accessed: December 5, 2021).
- Özkan G., Yılmaz H. (2017). Ar-ge harcamalarının yüksek teknoloji ürünü ihracatı ve kişi başı gelir üzerindeki etkileri: 12 AB ülkesi ve Türkiye için uygulama (1996–2015). *Bilgi Ekonomisi ve Yönetimi Dergisi*, 12(1), 1–12. Available at: <https://dergipark.org.tr/en/pub/beyder/issue/31845/318349>, (accessed: January 25, 2022).
- Pesaran M.H. (2004). General diagnostic test for cross section dependence in panels. *Cambridge Working Papers in Economics*, (0435), 1–39, Available at: <https://doi.org/10.1007/s00181-020-01875-7>
- Pesaran M.H. (2007). A simple panel unit root test in the presence of cross-section dependence. *Journal of Applied Econometrics*, 22(2), 265–312. Available at: <https://doi.org/10.1002/jae.951>
- Pesaran M.H., Ullah A., Yamagata T. (2008). A bias-adjusted LM test of error cross-section independence. *The Econometrics Journal*, 11(1), 105–127. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1368-423X.2007.00227.x>
- Romer P.M. (1986). Increasing returns and long-run growth. *Journal of Political Economy*, 94(5), 1002–1037. Available at: <https://doi.org/10.1086/261420>
- Salari T.E., Roumiani A., Kazemzadeh E. (2021). Globalization, renewable energy consumption, and agricultural production impacts on ecological footprint in emerging countries: Using quantile regression approach. *Environmental Science and Pollution Research*, 28(36), 49627–49641. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11356-021-14204-x>
- Sandu S., Ciocanel B. (2014). Impact of R&D and innovation on high-tech export. *Procedia Economics and Finance*, 15, 80–90. Available at: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(14\)00450-X](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(14)00450-X)
- Sara T.S., Jackson F.H., Upchurch L. T. (2012). Role of innovation in hi-tech-exports of a nation. *International Journal of Business and Management*, 7(7), 85–93. Available at: <http://dx.doi.org/10.5539/ijbm.v7n7p85>
- Schumpeter J. (1942). Capitalism, socialism and democracy. *Social Science Electronic Publishing*, 27(4), 594–602.
- Sey N., Aydın B. (2021). Türkiye’de Yüksek Teknoloji Ürün İhracatı ve İnovasyon İlişkisi Üzerine Ekonometrik Bir İnceleme. *Ordu Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi*, 11(1), 238–252. Available at: <https://doi.org/10.48146/odusobiad.785193>
- Seyoum B. (2004). The role of factor conditions in high-technology exports: An empirical examination. *The Journal of High Technology Management Research*, 15(1), 145–162. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.hitech.2003.09.007>
- Srholec M. (2007). High-tech exports from developing countries: A symptom of technology spurts or statistical illusion? *Review of World Economics*, 143(2), 227–255. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10290-007-0106-z>
- Şahbaz A., Yanar R., Adıgüzel U. (2014). Ar-Ge harcamaları ve ileri teknoloji mal ihracatı ilişkisi: panel nedensellik analizi. *Çukurova Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, 23(1), 47–60. Available at: <https://dergipark.org.tr/en/pub/cusosbil/issue/32277/353193> (accessed: January 11, 2022).
- Taban S., Şengür M. (2014). Türkiye’de ar-ge ve ekonomik büyüme. *Abant İzzet Baysal Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, 14(1), 355–376. Available at: <https://app.trdizin.gov.tr/publication/paper/detail/TWpNMU5URTFOUT09> (accessed: February 2, 2022).
- Uzay N., Demir M., Yıldırım E. (2012). İhracat performansı açısından teknolojik yeniliğin önemi: Türkiye imalat sanayi örneği. *Doğuş Üniversitesi Dergisi*, 13(1), 147–160. Available at: <https://dergipark.org.tr/en/pub/doujournal/issue/66666/1043058> (accessed: December 13, 2021).
- Westerlund J. (2008). Panel cointegration tests of the Fisher effect. *Journal of Applied Econometrics*, 23(2), 193–233. Available at: <https://doi.org/10.1002/jae.967>
- Xu B., Lin B. (2018). What cause large regional differences in PM2.5 pollutions in China? Evidence from quantile regression model. *Journal of Cleaner Production*, 174, 447–461. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.11.008>
- Yaman H., Çetin D., Dulupçu M.A. (2020). OECD ülkelerinde ar-ge harcamaları ve ileri teknoloji ihracatı: bir panel veri analizi. *Anadolu Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 20(3), 193–208. Available at: <https://doi.org/10.18037/ausbd.801751>

Yavuz G., Uysal Ö. (2020). Yüksek teknoloji ürün ihracatını etkileyen faktörlerin analizi: OECD örneği. *Uluslararası Ekonomi İşletme ve Politika Dergisi*, 4(1), 205–220. Available at: <https://doi.org/10.29216/ueip.673698>

Yıldırım E., Kesikoğlu F. (2012). Ar-Ge harcamaları ile ihracat arasındaki nedensellik ilişkileri: Türkiye örneğinde panel nedensellik testi kanıtları. *İktisadi ve İdari Bilimler Dergisi*, 32(1), 165–180. Available at: <https://dergipark.org.tr/en/pub/muiibd/issue/495/4472> (accessed: January 10, 2022).

Сведения об авторах

Али Алтынер — доктор, доцент, доцент кафедры, Университет имени Реджепа Тайипа Эрдогана (53100, Турция, г. Ризе; e-mail: alialtiner07@gmail.com)

Эда Бозкурт — доктор, доцент, доцент кафедры, Университет имени Ататюрка (25240, Турция, г. Эрзурум; e-mail: edabozkurt85@gmail.com)

Озлем Топчуоглу — доктор, доцент, доцент кафедры, Университет имени Ататюрка (25240, Турция, г. Эрзурум; e-mail: ozlemeom3@gmail.com)

Altiner A., Bozkurt E., Topcuoglu O.

The Impact of R&D Expenditures on High-Tech Product Exports

Abstract. Increasing high-tech product exports in international markets to achieve sustainable economic growth goals is considered an important element in every country in the contemporary world, where globalization is experienced at the highest level. Although it is accepted that many factors affect high-tech product exports in the literature, it is emphasized that R&D expenditures have significant effects. In this research, the effect of R&D expenditures on high-tech product exports in 11 emerging market economies in the period of 1996–2018 was examined. In the context of explanatory variables that are thought to have an impact on high-tech product export, exchange rate, foreign demand, economic growth, and foreign direct investments were used in addition to R&D expenditures. To analyze the relationships, panel quantile regression analysis was applied. The results showed that each variable had different effects on high-tech product exports, and it was seen that R&D expenditures had a positive and very strong effect. In addition, it was determined that economic growth and foreign direct investment also had positive and significant effects on high-tech product exports. In the light of the findings, it is of great importance to allocate more share to R&D expenditures to increase high-tech product exports and benefit from international trade markets more effectively, especially in developing countries.

Key words: economic growth, high-tech products, panel quantile regression analysis, R&D expenditures.

Information about the Authors

Ali Altiner — Doctor, Associate Professor, associate professor of department, Recep Tayyip Erdogan University (Rize, Turkey, 53100; e-mail: alialtiner07@gmail.com)

Eda Bozkurt — Doctor, Associate Professor, associate professor of department, Atatürk University (Erzurum, Turkey, 25240; e-mail: edabozkurt85@gmail.com)

Ozlem Topcuoglu — Doctor, Assistant Professor, assistant professor of department, Atatürk University, Erzurum, Turkey, 25240; e-mail: ozlemeom3@gmail.com)

Статья поступила 28.04.2022.

Проблемы и перспективы развития института местного самоуправления в России

**Николай Владимирович
ВОРОШИЛОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: niks789@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5565-1906; ResearcherID: I-8233-2016

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена активным обсуждением в 2022 году проекта нового федерального закона о местном самоуправлении. Цель работы — выявление предпосылок и обоснование перспективных направлений реформирования института местного самоуправления в России. Для достижения данной цели использованы ключевые общенаучные методы исследования, а также результаты проведённого в 2022 году анкетного опроса глав муниципальных образований Вологодской области, методика группировки муниципалитетов по уровню развития для выявления специфики ответов глав в разрезе разных типов территорий и отношения глав муниципалитетов к законопроекту. В этом состоит элемент научной новизны исследования. Установлено, что основной проблемой местного самоуправления по-прежнему остаётся низкая финансово-экономическая самостоятельность муниципалитетов. Кроме того, в значительном количестве субъектов Российской Федерации в течение 10 последних лет фиксировались случаи упразднения поселенческого уровня управления путём преобразования муниципальных районов в муниципальные и городские округа. Выявлено, что ключевыми дискуссионными, неоднозначными моментами в рассматриваемом законопроекте выступают упразднение поселенческого уровня управления; усиление ответственности глав муниципалитетов перед высшим должностным лицом субъекта Федерации; недостаточное внимание конкретизации полномочий и функций органов местного самоуправления и ресурсов на их полное и качественное выполнение. В отношении каждого обозначенного момента предложены рекомендации по совершен-

Для цитирования: Ворошилов Н.В. (2022). Проблемы и перспективы развития института местного самоуправления в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 170–188. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.9

For citation: Voroshilov N.V. (2022). Development of the institution of local self-government in Russia: Problems and prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 170–188. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.9

ствованию текста проекта закона. Результаты проведённого исследования могут быть использованы в деятельности федеральных органов власти при доработке законопроекта о местном самоуправлении и в ходе практической реализации новой реформы, а также служить базой для дальнейших исследований по данной тематике.

Ключевые слова: местное самоуправление, реформа, муниципальные образования, Российская Федерация, Вологодская область, анкетный опрос.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

Муниципальный уровень управления является наиболее приближенным к интересам и потребностям населения; именно на уровне муниципальных образований обеспечивается максимальное вовлечение жителей в процессы непосредственного управления развитием территорий.

В постсоветской России местное самоуправление (МСУ) постоянно подвергается реформированию. В Конституции Российской Федерации 1993 года была закреплена самостоятельность местного самоуправления и его независимость от государственной власти. Далее, в 1995 году, принят закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№ 154-ФЗ от 28.09.1995); в 2003 году принят новый аналогичный закон (№ 131-ФЗ от 06.10.2003). К 1 января 2009 года реформа местного самоуправления в России формально завершилась, положения 131-ФЗ вступили в полную силу на всей территории страны.

В 2010-х годах важные новые этапы дальнейшего реформирования данного института власти были закреплены федеральными законами о внесении изменений в 131-ФЗ (№ 136-ФЗ от 27.05.2014, № 62-ФЗ от 03.04.2017, № 87-ФЗ от 01.05.2019). Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ в статью 132 Конституции введен новый пункт: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего

на соответствующей территории». В публикациях ряда российских учёных (Бухвальд, 2020; Ворошилов, 2020; Зотов, 2021; Шугрина, 2021; Щепачёв, 2021; и др.) дана системная и объективная оценка этим конституционным изменениям.

В действующий федеральный закон о местном самоуправлении (№ 131-ФЗ) за 16 лет его реализации (с 2006 г.) было внесено множество изменений (более 180 федеральных законов о внесении изменений), которые существенно преобразовали изначальную концепцию, модель закона и механизмы функционирования местного самоуправления. В связи с этим разработка и принятие нового федерального закона о местном самоуправлении – это уже объективная необходимость, тем более если учесть принятие федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». 16 декабря 2021 года на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации внесён проект федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (законопроект № 40361-8; субъекты законодательной инициативы – сенатор Российской Федерации А.А. Клишас и депутат Государственной Думы Российской Федерации П.В. Крашенинников). 25 января 2022 года законопроект принят Государственной Думой в первом чтении; второе чтение изначально планировалось на июнь 2022 года, однако пока отложено в силу возникшей в различных кругах дискуссии относительно новой реформы местного самоуправления и ряда других существенных событий 2022 года (усиление санкционного

давления на Россию со стороны западных стран с февраля 2022 г. и необходимость эффективно-го ответа и реакции российского государства и общества на новые вызовы развития страны).

Планировалось, что общие положения закона вступят в силу со дня его официального опубликования, главы 2–5 и 7 – с 1 января 2023 года; установлен переходный период до 1 января 2028 года, в течение которого муниципальные районы будут преобразованы в муниципальные округа, будут решены отдельные организационные и юридические вопросы.

Отметим следующие принципиальные нововведения, заложенные в проекте нового федерального закона:

- сокращается с 8 до 3 количество видов муниципальных образований, в которых будет осуществляться местное самоуправление (городские округа, муниципальные округа и внутригородские территории городов федерального значения); упраздняется поселенческий уровень управления, но в то же время в целях обеспечения учета интересов населения в отдельных населенных пунктах предусматривается, что в структуру местной администрации городского округа, муниципального округа, как правило, будут входить территориальные органы местной администрации;

- устанавливается два перечня полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (27 закреплённых федеральным законом полномочий и 28 полномочий, которые могут быть закреплены за органами МСУ законом субъекта Федерации);

- сокращается количество способов формирования представительного органа муниципального образования (только из депутатов, избираемых на муниципальных выборах) и выбора главы муниципального образования (на муниципальных выборах; представительным органом муниципалитета из своего состава или из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Федерации);

- усиливается ответственность глав муниципальных образований и глав местных администраций перед высшим должностным лицом субъекта Федерации;

- повышается роль территориального общественного самоуправления, старост сельских

населённых пунктов, инициативных проектов в управлении развитием муниципалитета.

Принятие закона обеспечит встраивание местного самоуправления в единую систему публичной власти, которая была установлена изменениями 2020 года в Конституцию Российской Федерации. В данном случае речь идёт о новой, очередной полноценной реформе местного самоуправления, затрагивающей все вопросы функционирования муниципального уровня управления. Законопроект вызвал значительный повсеместный отклик среди представителей муниципального сообщества, органов государственной власти, учёных, экспертов и политических деятелей. После принятия закона в первом чтении в январе 2022 года субъектами законодательной инициативы, экспертными, общественными, научными организациями предложено уже более 1000 поправок в текст; продолжаются активные дискуссии о возможности сохранения поселенческого уровня управления.

В ходе обсуждения законопроекта учёные, эксперты, политические деятели высказывают разные мнения относительно перспектив дальнейшего развития института местного самоуправления в России: от нейтральных (закон существенно ничего не ухудшит и принципиально не изменит, а лишь закрепит на нормативном уровне объективные тенденции развития местного самоуправления за последние 7–8 лет) и крайне положительных (поправки усилят статус института местного самоуправления и устранят имеющиеся пробелы в законодательстве) до крайне отрицательных (новый закон завершит процесс фактической ликвидации реального местного самоуправления в стране и полностью подчинит его органам государственной власти).

В публикациях российских учёных (Болдырев, 2022; Бухвальд и др., 2022; Глигич-Золотарева, Лукьянова, 2022; Козлова, 2022; Упоров и др., 2022; Широков, Юркова, 2022; и др.) уже дана комплексная оценка проекту федерального закона: при наличии единой позиции относительно объективной целесообразности принятия нового закона о местном самоуправлении обоснована необходимость его существенной доработки с чётким обоснованием и пониманием концепции и дальнейших перспектив развития местного самоуправления в

России. Придерживаясь взвешенной позиции названных исследований, мы понимаем необходимость объединения в настоящее время усилий учёных, экспертов и практиков для объективного анализа имеющихся проблем местного самоуправления в России и выработки обоснованных рекомендаций по формированию нового, эффективного закона о местном самоуправлении.

Следует отметить, что реформы в сфере местного самоуправления проводятся во многих странах мира. Эти процессы реформирования находятся в фокусе внимания множества зарубежных экономистов, юристов, политологов, географов, социологов (см., например: Ezeuzue, 2020; Lockner, 2013; Meng, Cheng, 2020; Tan, 2020). Отдельный пласт публикаций (Blesse, Rosel, 2017; Blom-Hansen et al., 2016; Di Liddo, Giuranno, 2020; Erlingsson et al., 2020; Gendzwill et al., 2021; Hansen et al., 2014) посвящён оценке целесообразности преобразования муниципально-территориального устройства и его эффектов (объединение, разделение муниципалитетов, изменение их статуса, границ, функционала и т. д.) в различных странах. Учёные сходятся во мнении, что все преобразования в сфере местного самоуправления должны проводиться с учётом понимания реальной потребности в них, целей, задач, последствий (в том числе оценки различных эффектов) и механизмов реализации.

В связи с этим важно с помощью методов научного анализа выявить реальные предпосылки и обосновать перспективные направления реформирования института местного самоуправления в России. Это и стало целью исследования. Были решены следующие задачи: проанализировано текущее состояние и выявлены ключевые проблемы функционирования института местного самоуправления в России (в том числе с использованием результатов анкетного опроса глав муниципалитетов); показано влияние политических, управленческих факторов на процессы социально-экономического развития муниципальных образований; дана обобщённая оценка основным положениям проекта нового федерального закона о местном самоуправлении; обоснованы ключевые направления доработки (совершенствования) законопроекта.

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

Для достижения цели, поставленной в статье, применялись стандартные методы экономического, статистического и компаративного анализа, обобщения и экспертного (анкетного) опроса, монографический метод. Исследование опиралось на публикации зарубежных и российских учёных, занимающихся вопросами региональной экономики, государственного и муниципального управления.

Для того чтобы выявить отношение глав муниципальных образований к проекту нового федерального закона о местном самоуправлении и новой муниципальной реформе, в апреле – июле 2022 года сотрудники Вологодского научного центра РАН провели очередной ежегодный анкетный опрос глав муниципальных образований Вологодской области (анкеты были разосланы во все 207 муниципальных образований области; количество полученных заполненных анкет позволило обеспечить ошибку выборки не более 4–5%). Похожие анкетные опросы глав муниципалитетов с разной степенью регулярности осуществляются и другими организациями: Общероссийским конгрессом муниципальных образований, ассоциациями (советами) муниципальных образований субъектов Федерации, межрегиональными ассоциациями муниципалитетов (например, Ассоциацией сибирских и дальневосточных городов), отдельными вузами (например, Тверским государственным университетом). Отличительные особенности анкетного опроса ВолНЦ РАН заключаются в его регулярности (проводится ежегодно), длительности (с 2006 г. – с начала реформы МСУ в соответствии со 131-ФЗ), системности и комплексности рассматриваемых вопросов, актуальности (ежегодно анкета корректируется с учётом специфики изменений, происходящих в системе государственного и муниципального управления в России и Вологодской области).

Для России, как и большинства стран мира, характерна значительная неоднородность экономического пространства, проявляющаяся, в том числе, в существенных различиях в уровне социально-экономического развития между муниципальными образованиями каждого конкретного региона (субъекта Федерации).

Таблица 1. Группировка районов Вологодской области по уровню социально-экономического развития по итогам 2020 года

Уровень развития	Состав группы районов
Высокий	1. Шекснинский (1,536); 2. Грязовецкий (1,406); 3. Вологодский (1,298); 4. Кадуйский (1,246); 5. Сокольский (1,210); 6. Нюксенский (1,110); 7. Чагодощенский (1,106); 8. Великоустюгский (1,101)
Средний	9. Череповецкий (1,015); 10. Тотемский (1,000); 11. Бабаевский (0,998); 12. Тарногский (0,956)
Низкий	13. Кирилловский (0,898); 14. Междуреченский (0,896); 15. Харовский (0,885); 16. Устюженский (0,873); 17. Белозерский (0,850); 18. Верховажский (0,843); 19. Вашкинский (0,821); 20. Сямженский (0,821); 21. Вытегорский (0,797); 22. Усть-Кубинский (0,772); 23. Никольский (0,768); 24. Вожегодский (0,761); 25. Кичменгско-Городецкий (0,718); 26. Бабушкинский (0,677)
Примечание: в скобках представлено значение интегрального показателя уровня социально-экономического развития соответствующего муниципального района. Источник: составлено автором.	

В связи с этим была выявлена специфика ответов глав муниципалитетов Вологодской области в зависимости от уровня развития соответствующего муниципального района. Группировка районов Вологодской области по уровню развития (табл. 1) проведена на основе ранее опубликованной автором методики (Ворошилов, Губанова, 2018).

С целью оценки влияния политического фактора (проводимой на федеральном, региональном и местном уровне политики по развитию территорий, ключевым субъектом которой является, соответственно, Президент Российской Федерации, высшее должностное лицо субъекта Федерации, глава муниципального образования) на развитие муниципальных районов исследовался уровень развития района в разрезе периодов нахождения в должности соответствующего президента, губернатора и главы муниципального образования (рассмотрен один район, входящий весь анализируемый период в группу с высоким уровнем развития, и один район, весь период входящий в группу с низким уровнем развития). Исследование ограничено периодом 2000–2015 гг. в связи с тем, что с 2014–2015 гг. большинство субъектов Федерации стали переходить на модель назначения главы муниципалитета и разделения должности главы муниципалитета и руководителя местной администрации, влияние каждого из которых на развитие муниципалитетов могло быть разным. Также проводился анализ территориальной специфики (в разрезе муниципальных районов и городских округов Вологодской области) электоральной активности, присущей жителям муниципалитетов (выборы глав муниципальных образований).

Результаты исследования

Вначале кратко рассмотрим общую ситуацию с функционированием системы местного самоуправления в России на пороге новой муниципальной реформы.

Общее количество муниципальных образований в стране за 2009–2021 гг. сократилось на 4252 ед., или на 18% (табл. 2), что было обусловлено:

- процессами объединения городских и сельских поселений во многих субъектах Российской Федерации (количество сельских поселений сократилось на 20%, в отдельных федеральных округах – более чем на 30%);

- преобразованием муниципальных районов в городские округа (при этом в 131-ФЗ до 2019 года такие прямые преобразования не были предусмотрены) путём объединения всех поселений района в одно муниципальное образование с упразднением района и поселений в 2011–2019 гг. в Белгородской, Брянской, Иркутской, Калининградской, Костромской, Магаданской, Московской, Нижегородской, Оренбургской, Сахалинской, Тверской, Тульской, Тюменской, Ярославской областях; Алтайском, Пермском, Ставропольском краях; Республике Коми; Чукотском автономном округе (Ворошилов, 2021);

- преобразованием муниципальных районов в муниципальные округа (с упразднением поселений) в 2019–2021 гг. (Амурская, Архангельская, Брянская, Кемеровская, Кировская, Курганская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Тверская области; Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский, Приморский, Ставропольский края; Ямало-Ненецкий автономный округ и др.) (Ворошилов, 2021).

Таблица 2. Число муниципальных образований в России по федеральным округам на конец года, ед.

Территория (федеральный округ)	2006 г.	2009 г.	2021 г.						2021 г. к 2009 г., %			
			Всего	МР	МОкр	ГО	ГП	СП	Всего	МР	ГО	СП
Российская Федерация	24207	23907	19655	1544	180	612	1287	15742	82,2	84,4	119,5	80,4
Центральный	5444	5353	3902	343	20	140	331	2922	72,9	82,5	130,8	69,5
Северо-Западный	1636	1807	1299	133	28	38	168	821	71,9	83,6	95,0	64,5
<i>в т.ч. Вологодская область</i>	372	302	187	26	0	2	1	158	61,9	100,0	100,0	62,7
Южный	3166	1745	1972	157	0	42	96	1667	113,0	109,0	140,0	112,9
Северо-Кавказский		1702	1417	88	16	40	28	1242	83,3	75,9	133,3	82,0
Приволжский	6805	6359	4886	346	71	104	266	4086	76,8	75,9	148,6	74,8
Уральский	1351	1351	1196	84	8	111	69	917	88,5	90,3	100,9	85,7
Сибирский	4190	4186	3145	246	20	71	160	2648	75,1	76,9	92,2	75,0
Дальневосточный	1415	1404	1838	147	17	66	169	1439	130,9	117,6	137,5	135,6

Примечание: на конец 2021 года функционировали также 4 городских округа с внутригородским делением (г. Самара, г. Махачкала, г. Челябинск, г. Киров) и в них 23 внутригородских района; 267 внутригородских территорий городов федерального значения (в г. Москве – 146, в г. Санкт-Петербурге – 111, в г. Севастополе – 10).
Республика Бурятия, Забайкальский край до 2018 года относились к Сибирскому федеральному округу, с 2018 года включены в Дальневосточный ФО; этим обусловлено значительное изменение числа муниципалитетов в данных федеральных округах.
Обозначения в таблице следующие: МР – муниципальный район, МОкр – муниципальный округ, ГО – городской округ, ГП – городское поселение, СП – сельское поселение.
Составлено по: Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации по состоянию на 1 января 2022 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-adm-2022.xlsx>

Ключевой проблемой муниципалитетов России по-прежнему остаётся их низкая финансово-экономическая самостоятельность: большинство местных бюджетов более чем на 50% формируются за счёт дотаций, субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов из региональных бюджетов, а собственные (налоговые и неналоговые) их доходы составили по итогам 2021 года лишь 34% от общего объёма доходов (минимальное значение – 25% в муниципальных районах; табл. 3). В районах и городских округах значение данного показателя по сравнению с 2006 и 2009 гг. снизилось.

Таблица 3. Доля собственных (налоговых и неналоговых) доходов в бюджетах муниципальных образований России за 2006–2021 гг. в общем объёме доходов, %

Вид муниципального образования	2006 г.	2009 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2021 г. к 2006 г., п. п.	2021 г. к 2009 г., п. п.
Сельские поселения	-	-	35,7	31,6	33,8	-	-
Городские поселения	-	-	52,7	47,8	45,0	-	-
Городские и сельские поселения (в среднем)	33,3	40,6	42,9	38,2	38,5	5,2	-2,1
Муниципальные районы	27,6	24,9	24,5	23,4	24,6	-3,0	-0,3
Городские округа, муниципальные округа	49,6	51,6	38,8	37,2	38,0	-11,6	-13,6
Внутригородские МО городов федерального значения (ВМОГФЗ)	77,0	55,0	66,6	63,2	48,1	-28,9	-6,9
Внутригородские районы	-	-	34,9	44,2	45,8	-	-
Городские округа с внутригородским делением	-	-	39,0	34,7	38,2	-	-
Все МО	39,7	39,6	34,1	32,6	33,8	-5,9	-5,8

Составлено по: Отчеты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов / Федеральное казначейство Российской Федерации. URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov>

Таблица 4. Динамика и структура долга муниципальных образований Российской Федерации в 2006–2021 гг.

Наименование показателя	2006 г.	2009 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2021 г. к 2006 г.
Общий объём муниципального долга, млрд руб.	105,16	134,87	380,11	387,24	376,75	358,26%
Структура муниципального долга, %	100,00	100,00	100,00	100,0	100,0	-
муниципальные ценные бумаги	10,90	5,28	5,60	6,37	5,27	-5,63 п. п.
кредиты от кредитных организаций	32,92	45,15	68,26	68,35	58,40	+25,48 п. п.
бюджетные кредиты от других бюджетов бюджетной системы	33,04	32,00	24,23	23,54	34,14	+1,10 п. п.
муниципальные гарантии	21,68	17,10	1,91	1,74	1,18	-20,50 п. п.
иные долговые обязательства	1,45	0,46	0,001	0,001	0,001	-1,45 п. п.

Составлено по: Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований / Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/

Недостаток собственных средств в местных бюджетах привёл к значительному росту долговых обязательств муниципальных образований – в 3,6 раза за 10 лет (с 105,2 млрд руб. в 2006 году до 376,8 млрд руб. в 2021 году; *табл. 4*). В этот период в структуре муниципального долга заметно выросла доля коммерческих кредитов и сократилась доля муниципальных гарантий.

Местное самоуправление – это прежде всего участие жителей в управлении развитием муниципалитета. В законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» перечислены основные формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления: местный референдум; муниципальные выборы; голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; сходы граждан; правотворческая инициатива граждан; инициативные проекты (инициативное бюджетирование, в том числе, например, проекты «Народного бюджета»); территориальное общественное самоуправление; староста сельского населенного пункта; публичные слушания, общественные обсуждения; собрание граждан; конференция граждан (собрание делегатов); опрос граждан; обращения граждан в органы местного самоуправления и др.

Различные формы участия населения распространяются среди муниципалитетов России крайне неравномерно (что обусловлено неуре-

гулированностью многих вопросов их функционирования, а также недостаточным распространением лучшего, эффективного опыта их деятельности). Также различаются их эффективность и результативность.

По информации Министерства юстиции Российской Федерации (Минюст), «местные референдумы в 2021 году проводились 73 раза в муниципалитетах 4 субъектов Федерации (72 из них – это референдумы о введении самообложения). В 2021 году в 84 субъектах Федерации было проведено 4,5 тыс. выборных избирательных кампаний в органы местного самоуправления»¹.

Согласно данным Минюста, «сходы граждан в 2021 году собирались 1,6 тыс. раз для избрания старост; 2 тыс. раз – для решения вопросов о введении самообложения; 3 тыс. раз – по вопросам выдвижения и отбора инициативных проектов; 2,5 тыс. раз – по вопросам осуществления полномочий представительных органов поселений; 149 раз – для обсуждения вопросов изменения территориальной организации МСУ. Публичные слушания в 2021 году проводились 67,6 тыс. раз, общественные обсуждения – 20,2 тыс. раз, собрания граждан – 38 тыс. раз, конференции (собрания делегатов) – 4,3 тыс. раз. Около 65 раз органами местного самоуправления рассматривались гражданские правотворческие инициативы, в 55 случаях ре-

¹ Информация Министерства юстиции Российской Федерации (извлечение из Доклада о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации в 2021 году) / Комитет Государственной Думы Российской Федерации по региональной политике и местному самоуправлению. URL: [http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/2._INFO_MINYuSTA\(2\).pdf](http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/2._INFO_MINYuSTA(2).pdf)

результатом такого рассмотрения стало принятие соответствующих муниципальных правовых актов. Опросы граждан в 2021 году проводились 1,3 тыс. раз, а их результаты учитывались при выработке органами местного самоуправления (а в некоторых случаях и органами государственной власти) соответствующих решений». «На конец 2021 года насчитывается примерно 35 тыс. ТОСов, уставы которых зарегистрированы в органах местного самоуправления, в границах 6,6 тыс. муниципальных образований (34% от общего числа муниципалитетов России). При этом около 16,4 тыс. ТОСов (46,8% от общего их числа) находятся в сельских поселениях, 12,6 тыс. (39,2%) – в городских округах, 4,2 тыс. (12%) – в городских поселениях, 5 тыс. (4,4%) – в муниципальных округах. Около 2,9 тыс. ТОСов (8,3% от общего их числа) имеют статус юридических лиц и около 3,6 тыс. ТОСов (10,4% от общего их числа) заключили с органами местного самоуправления договоры (соглашения), предусматривающие использование средств местных бюджетов при осуществлении

ТОСами деятельности по благоустройству территорий и иной хозяйственной деятельности. Сельские старосты назначены в 27,9 тыс. населенных пунктов, расположенных в пределах 5,9 тыс. муниципалитетов».

Далее рассмотрим результаты анкетного опроса, проведенного среди глав муниципальных образований Вологодской области в 2022 году.

Ключевой проблемой функционирования муниципального уровня управления по-прежнему остаётся недостаток возможностей (финансовых; юридических – с точки зрения наличия соответствующих полномочий; организационных и иных) для решения ключевых проблем и задач во многих сферах развития муниципалитета. Так, не менее трети глав районов Вологодской области (табл. 5) указали на крайне низкие и низкие возможности управленческого воздействия в сферах развития жилья, туризма, дорожной деятельности, жилищно-коммунального хозяйства, трудоустройства, экономической базы для формирования мест-

Таблица 5. Распределение ответов глав муниципальных образований Вологодской области на вопрос «Оцените, пожалуйста, возможности органов местного самоуправления Вашего муниципального образования по решению проблем в следующих сферах», доля респондентов, выбравших варианты ответа «крайне низкие» и «низкие» возможности, %

Сфера	Вид муниципального образования			
	МР	СП	Высокий	Низкий
Обеспечение населения жильем	66,7	46,4	37,5	59,1
Повышение туристской привлекательности	41,7	50,0	43,8	45,5
Дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения	41,7	39,3	31,3	31,8
Жилищно-коммунальное хозяйство	33,3	57,1	37,5	45,5
Проблема безработицы и трудоустройства	33,3	55,6	37,5	38,1
Формирование экономической базы муниципалитета	33,3	46,4	37,5	36,4
Повышение уровня социальной активности населения	33,3	29,6	25,0	27,3
Обеспечение жителей транспортными услугами	25,0	53,6	43,8	36,4
Обеспечение социальной защиты населения	16,7	32,1	31,3	18,2
Развитие малого бизнеса	16,7	64,3	43,8	45,5
Благоустройство территории	16,7	25,9	31,3	9,5
Обеспечение общественного порядка	8,3	42,9	37,5	18,2
Обеспечение качественного образования	8,3	46,4	25,0	27,3
Охрана окружающей среды	8,3	32,1	37,5	13,6
Организация отдыха и культуры	0,0	14,3	6,3	4,5

Обозначения здесь и в последующих таблицах: МР – муниципальные районы (в среднем по ответившим главам муниципальных районов); СП – сельские поселения (в среднем по ответившим главам сельских поселений); Высокий – в среднем по ответившим респондентам из муниципальных районов с высоким уровнем социально-экономического развития; Низкий – в среднем по ответившим респондентам из муниципальных районов с низким уровнем социально-экономического развития.

Источник здесь и далее: результаты анкетного опроса глав муниципальных образований Вологодской области, проведенного в 2022 году.

ного бюджета, гражданской активности населения. В сельской местности проблемными сферами также являются транспортное обслуживание и развитие малого бизнеса. Среди респондентов из муниципалитетов с низким уровнем развития больше доля тех, кто указывает на плохие возможности для самостоятельного решения соответствующих задач и проблем, что подчёркивает, в том числе, достоверность проведённого анкетного опроса глав муниципалитетов и адекватность методики, применяемой для оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований.

Отношение глав муниципалитетов Вологодской области к ключевым аспектам новой муниципальной реформы (проекту нового федерального закона о местном самоуправлении) в целом неоднозначное. Более четверти всех ответивших глав (*табл. 6*) негативно относятся к установлению двух перечней вопросов местного самоуправления и усилению ответственности глав перед высшим должностным лицом субъекта Федерации. К ликвидации поселенческого уровня закономерно крайне отрицательно относятся главы сельских поселений (43% всех ответивших против 8% среди глав районов). От 17 до 37% респондентов также отрицательно оценивают повышение роли различных форм самоорганизации населения (ТОСы, старосты, инициативные проекты). Данный факт можно объяснить пока

ещё сохраняющейся неурегулированностью функционирования данных форм, порядка их взаимодействия с органами местного самоуправления, реальной их роли в развитии муниципалитетов и конкретных населённых пунктов. Главы муниципалитетов с более низким уровнем развития в целом более негативно относятся к основным положениям новой реформы местного самоуправления.

Респонденты указывают на аспекты, проблемы, которые должны быть решены в рамках новой реформы местного самоуправления, связанные в первую очередь с повышением финансово-экономической самостоятельности муниципалитетов (более 74% глав; *табл. 7*) и обеспечением соответствия объёма полномочий объёму ресурсов на их исполнение, конкретизацией вопросов местного значения и полномочий органов местного самоуправления. Для глав сельских поселений также важна возможность сохранения самостоятельного поселенческого уровня управления.

Что касается повышения финансово-экономической самостоятельности, то, по мнению большинства опрошенных глав, доходную базу местных бюджетов необходимо увеличить более чем в два раза (данный вариант ответа выбрали 33% глав районов и 30% глав сельских поселений; *табл. 8*). Многие опрошенные также указали на необходимость увеличения доходов более чем на 50%.

Таблица 6. Распределение ответов глав муниципальных образований Вологодской области на вопрос «Как Вы оцениваете ключевые изменения в системе местного самоуправления, предусмотренные проектом федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти“?», доля респондентов, выбравших варианты ответа «отрицательно» и «скорее отрицательно», %

Направление реформирования местного самоуправления в проекте нового федерального закона	Вид муниципального образования			
	МР	СП	Высокий	Низкий
Переход к одноуровневой организации местного самоуправления (упразднение поселений, преобразование муниципальных районов в муниципальные округа)	8,3	42,9	25,0	40,9
Установление перечня из 27 полномочий органов МСУ по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения и перечня из 28 полномочий, которые могут быть закреплены законом субъекта Российской Федерации	25,0	25,9	20,0	31,8
Усиление ответственности глав муниципальных образований и глав местных администраций перед высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации	25,0	29,6	31,3	31,8
Повышение роли территориального общественного самоуправления, старост сельских населённых пунктов, инициативных проектов в управлении развитием муниципалитета	16,7	37,0	18,8	36,4

Таблица 7. Распределение ответов глав муниципальных образований Вологодской области на вопрос «Какие ключевые моменты, на Ваш взгляд, должны быть отражены в новом федеральном законе о местном самоуправлении и реализованы в рамках новой реформы местного самоуправления?», % от числа ответивших

Желаемое направление реформирования местного самоуправления, которое должно быть отражено в новом федеральном законе	Вид муниципального образования			
	МР	СП	Высокий	Низкий
Повышение финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований, закрепление новых доходных источников местных бюджетов (например, зачисление части налога на прибыль)	91,7	74,1	82,4	81,0
Безусловное обеспечение принципа соответствия функций и полномочий органов местного самоуправления объёму закреплённых за данным уровнем доходных источников местных бюджетов на их реализацию	83,3	59,3	64,7	71,4
Установление конкретного, закрытого перечня вопросов местного значения, полномочий органов местного самоуправления (конкретизация, устранение общих, нечётких формулировок полномочий и т. д.)	66,7	48,1	58,8	42,9
Обеспечение гарантий реальной самостоятельности местного самоуправления в решении вопросов и задач местного значения, устранение чрезмерного контроля и надзора за органами местного самоуправления со стороны органов государственной власти и иных проверяющих и контролирующих структур	41,7	37,0	47,1	47,6
Возможность дифференцированного подхода к территориальной организации местного самоуправления в различных субъектах Федерации (в том числе возможное сохранение поселенческого уровня управления)	16,7	44,4	23,5	33,3
Обеспечение реализации дифференцированного подхода к направлениям и мерам государственной поддержки социально-экономического развития территорий с учетом демографической ситуации, особенностей системы расселения, уровня и динамики развития экономики и специфических природных условий	16,7	48,1	41,2	42,9
Обеспечение реальных гарантий и роли в развитии муниципалитетов различных форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления (референдум, выборы, сход граждан, территориальное общественное самоуправление) и форм участия населения в осуществлении местного самоуправления (опрос, публичные слушания, общественные обсуждения, собрание граждан, инициативные проекты, староста сельского населенного пункта)	25,0	37,0	29,4	38,1
Создание условий для эффективного развития действующих и новых форм межмуниципального сотрудничества (например, возможность создания межмуниципальных предприятий и межмуниципальных компаний)	8,3	18,5	11,8	23,8

Таблица 8. Распределение ответов глав муниципальных образований Вологодской области на вопрос «На сколько процентов, на Ваш взгляд, нужно увеличить доходную базу бюджета Вашего муниципального образования для полного и качественного решения всех вопросов и проблем местного значения?», % от числа ответивших

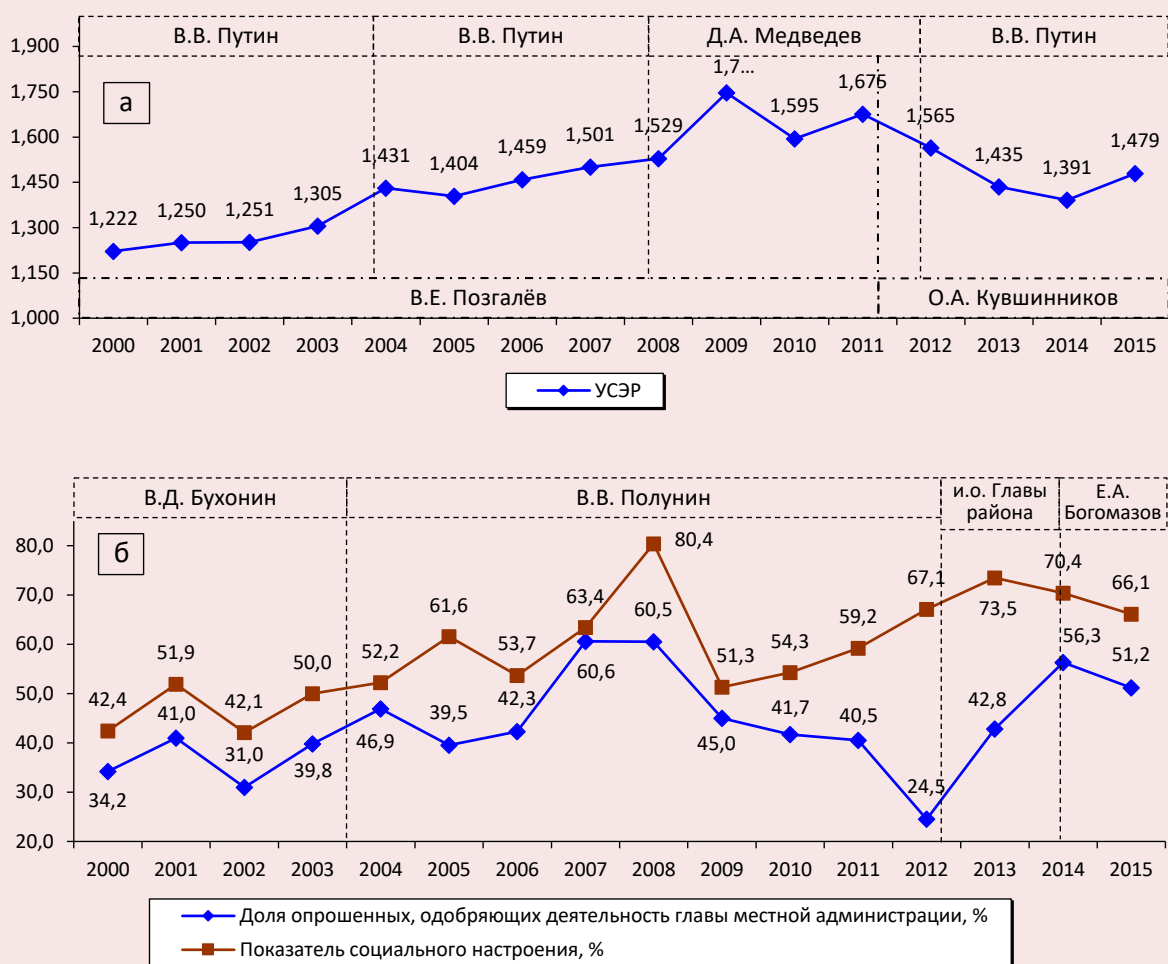
Желаемый процент увеличения доходной базы местного бюджета	Вид муниципального образования			
	МР	СП	Высокий	Низкий
На 10–20%	0,0	3,7	0,0	0,0
На 21–30%	0,0	3,7	5,9	0,0
На 31–50%	16,7	22,2	5,9	19,0
На 51–70%	25,0	11,1	11,8	23,8
На 71–100%	16,7	22,2	5,9	33,3
Более чем на 100% (более чем в два раза)	33,3	29,6	58,8	19,0
Затрудняюсь ответить	8,3	0,0	0,0	4,8

Далее рассмотрим влияние политического, управленческого фактора на развитие двух районов Вологодской области – с высоким и низким уровнем социально-экономического развития.

Весь анализируемый период (2000–2015 гг.) Шекснинский район входил в группу с высоким уровнем развития. С 2000 по 2009 год в Шекснинском районе наблюдалась положительная динамика значений интегрального показателя уровня социально-экономического развития, с 2010 по 2014 год – их снижение, а в 2015 году – рост (рис. 1). За 2000–2008 гг. в районе уровень одобрения деятельности главы

местной администрации возрос с 34 до 61% (см. рис. 1б). Однако в последующие годы он не сохранился: в 2012 году уже только четверть населения одобряли деятельность главы, что привело к его отставке в конце года. Исполняющему обязанности главы района и вновь избранному главе Е.А. Богомазову в 2013 и 2014 гг. в целом удалось вернуть достаточный уровень доверия населения. Значение показателя социального настроения в Шекснинском районе было максимальным в предкризисном 2008 году – 80%, в 2009 году оно резко снизилось (51%), а в последующие годы наблюдался его рост.

Рис. 1. Динамика уровня развития Шекснинского муниципального района Вологодской области и оценок населения относительно деятельности главы муниципалитета и своего социального настроения

Обозначения здесь и далее: УСЭР – уровень социально-экономического развития; показатель социального настроения – доля респондентов, выбравших вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», %. Источник: Социально-экономическое развитие муниципальных районов. 2000–2015 гг. Выпуск 4. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. 64 с. (Проблемы эффективности государственного управления).

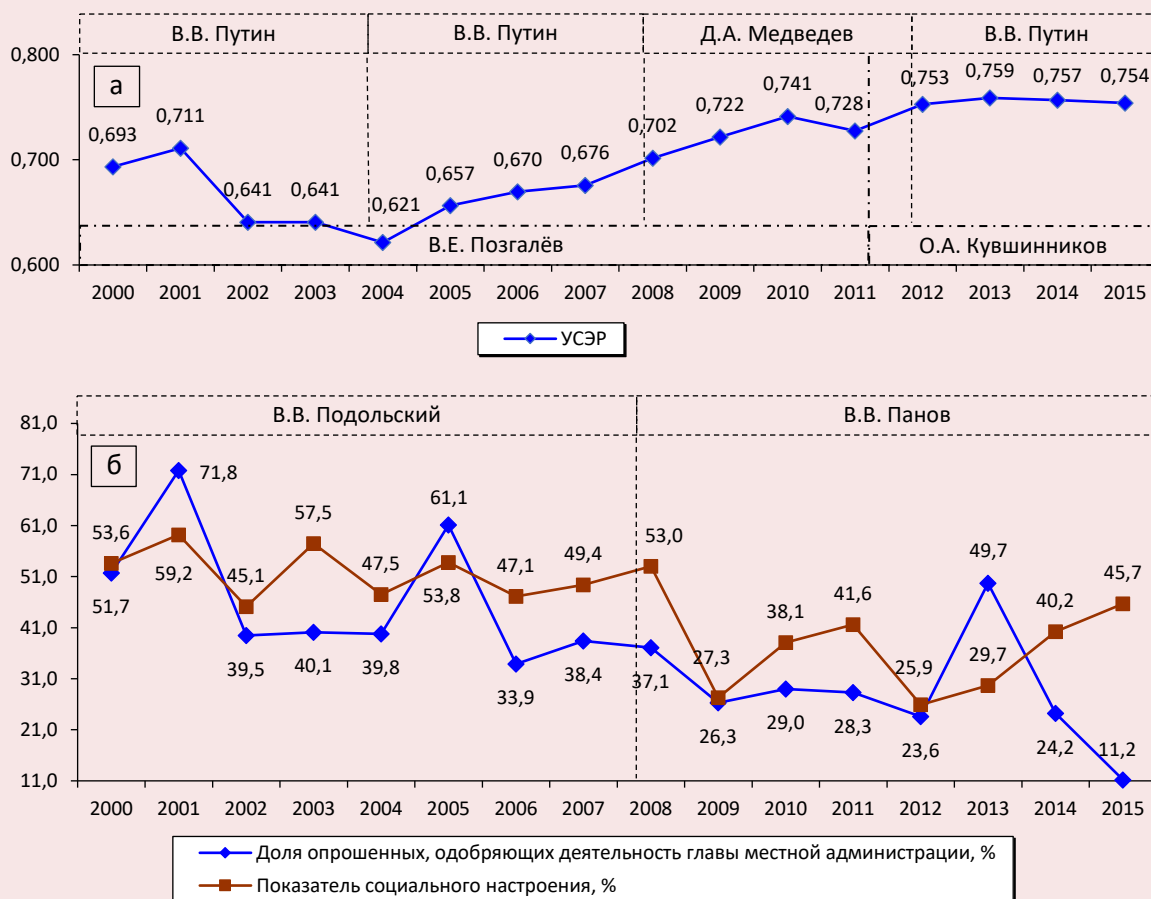
Никольский район весь анализируемый период находился в группе с низким уровнем социально-экономического развития, однако с 2005 года заметен незначительный рост этого показателя (рис. 2).

В то же время наблюдались существенные колебания в уровне одобрения деятельности главы района. К главе района В.В. Подольскому все годы его нахождения в должности положительно относились от 34 до 72% жителей, что больше, чем к его преемнику (В.В. Панову) – от 11 до 50% (см. рис. 2). Социальные настроения также непостоянны: от 26% населения района в

2012 году до 59% в 2001 году отмечали хорошее настроение и ровное состояние.

Из представленных оценок можно сделать вывод о том, что деятельность тех или иных политических деятелей федерального, регионального или местного уровня несущественно влияет на общий уровень развития рассматриваемых муниципалитетов. Имеющиеся тенденции и проблемы развития локальных территорий обусловлены действием множества различных факторов, ключевыми из которых являются государственная политика в области местного самоуправления, положение и роль

Рис. 2. Динамика уровня развития Никольского муниципального района Вологодской области и оценок населения относительно деятельности главы муниципалитета и своего социального настроения

Источник: Социально-экономическое развитие муниципальных районов. 2000–2015 гг. Выпуск 4. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. 64 с. (Проблемы эффективности государственного управления).

данного института в единой системе публичной власти в стране.

Далее рассмотрим особенности протекания электоральных процессов на местном уровне². Среди таких процессов стандартными и регулярными являются лишь выборы глав сельских поселений (в соответствии с изменениями, внесёнными в федеральное и региональное законодательство, во многих регионах, в том числе Вологодской области, главы районов, городских

округов и городских поселений не избираются непосредственно населением, а назначаются представительным органом муниципалитета по результатам конкурса, проводимого соответствующей конкурсной комиссией).

Анализируя итоги выборов глав сельских поселений Вологодской области за 2018–2022 гг. (77 избирательных кампаний), мы установили, что явка колебалась от 18 до 71% (табл. 9); процент отданных за кандидата-победителя

Таблица 9. Результаты голосования на выборах глав сельских поселений Вологодской области в 2018–2022 гг.

Дата	Поселение, район	Численность постоянного населения поселения на конец 2020 года, чел.	Явка, %	Количество кандидатов, чел.	Количество партий, которые представляют кандидаты, ед.	Доля голосов за победившего кандидата, %
13.05.2018	Ирдоматское СП Череповецкий	2403	22,1	4	3	45,4
09.09.2018	Липиноборское СП Вашкинский	3682	25,2	2	1	57,3
09.09.2018	Опокское СП Великоустюгский	1016	62,2	4	3	66,6
09.09.2018	Верховажское СП Верховажский	5581	29,2	4	2	43,3
09.09.2018	Нишнекулойское СП Верховажский	667	70,8	4	2	38,6
09.09.2018	Спасское СП Вологодский	4977	22,2	6	5	57,3
09.09.2018	Аргуновское СП Никольский	874	51,4	2	1	53,7
09.09.2018	Краснополянское СП Никольский	5254	33,4	3	2	73,8
09.09.2018	Завражское СП Никольский	982	52,5	6	3	45,8
09.09.2018	Зеленцовское СП Никольский	873	47,6	2	1	86,7
09.09.2018	Кемское СП Никольский	1231	35,6	2	2	85,6
09.09.2018	Семигороднее СП Харовский	1055	43,3	2	1	87,9
09.09.2018	Сиземское СП Шекснинский	1389	50,4	3	3	79,1
09.09.2018	Железнодорожное СП Шекснинский	613	47,4	4	4	52,0
16.12.2018	Девятинское СП Вытегорский	4070	18,0	3	3	56,4
24.03.2019	Никольское СП Кадуйский	1559	48,3	3	2	83,5
24.03.2019	Спасское СП Тарногский	920	59,1	3	2	55,8
24.03.2019	Желябовское СП Устюженский	2035	44,4	3	2	62,9
26.05.2019	Федотовское СП Вологодский	4183	40,5	6	3	41,8
08.09.2019	Анхимовское СП Вытегорский	1491	58,4	3	3	53,6
08.09.2019	Талицкое СП Кирилловский	1437	49,2	3	2	86,5
08.09.2019	Алешинское СП Кирилловский	861	56,4	3	2	76,4
08.09.2019	Липовское СП Кирилловский	724	69,3	3	2	80,1
08.09.2019	Чарозерское СП Кирилловский	578	55,6	3	2	81,4
08.09.2019	Верховское СП Тарногский	502	66,1	2	2	77,6
08.09.2019	Никольское СП Шекснинский	1359	55,3	2	2	77,5
15.12.2019	Раменское СП Сямженский	868	68,7	3	2	89,0
15.03.2020	Миньковское СП Бабушкинский	2233	41,3	3	3	49,1
15.03.2020	Марденгское СП Великоустюгский	1008	69,3	4	3	65,6
15.03.2020	Самотовинское СП Великоустюгский	3011	53,4	7	3	54,6

² Анализ избирательных кампаний федерального и регионального уровня представлен в выпусках информационно-аналитического бюллетеня, издаваемого ВолНЦ РАН (см., например: Социально-экономическое развитие муниципальных районов (2000–2021 гг.). Выпуск 9. Вологда: ВолНЦ РАН, 2022. 108 с.).

Окончание таблицы 9

Дата	Поселение, район	Численность постоянного населения поселения на конец 2020 года, чел.	Явка, %	Количество кандидатов, чел.	Количество партий, которые представляют кандидаты, ед.	Доля голосов за победившего кандидата, %
15.03.2020	Чёбсарское СП Шекснинский	1299	36,7	3	2	91,3
13.09.2020	Бабаевское СП Бабаевский	952	49,3	3	2	83,8
13.09.2020	Борисовское СП Бабаевский	3092	44,9	3	2	91,3
13.09.2020	Подболотное СП Бабушкинский	1328	59,1	4	2	56,9
13.09.2020	Шольское СП Белозерский	1193	39,6	3	2	73,3
13.09.2020	Антушевское СП Белозерский	1026	45,3	3	2	76,4
13.09.2020	Артюшинское СП Белозерский	1494	55,8	4	2	47,8
13.09.2020	Андреевское СП Вашкинский	1355	34,4	3	2	65,4
13.09.2020	Киснемское СП Вашкинский	1342	37,3	3	2	73,3
13.09.2020	Красавинское СП Великоустюгский	996	36,8	3	2	86,9
13.09.2020	Трегубовское СП Великоустюгский	1665	41,5	3	2	86,0
13.09.2020	Верховское СП Верховажский	827	54,3	3	2	71,6
13.09.2020	Ючкинское СП Вожегодский	1016	51,9	3	2	91,9
13.09.2020	Спасское СП Вологодский	4977	20,5	4	4	70,8
13.09.2020	СП Симезерье Кадуйский	1496	39,7	3	2	52,9
13.09.2020	Ферапонтовское СП Кирилловский	1528	51,5	3	2	90,5
13.09.2020	Старосельское СП Междуреченский	850	58,1	3	2	74,8
13.09.2020	Никольское СП Никольский	2028	43,9	3	2	65,6
13.09.2020	Нюксенское СП Нюксенский	5569	43,9	5	3	55,4
13.09.2020	Двиницкое СП Сокольский	733	46,4	3	2	56,6
13.09.2020	Пригородное СП Сокольский	1701	33,5	3	2	81,2
13.09.2020	Калининское СП Тотемский	1382	49,3	3	2	79,9
13.09.2020	Пятовское СП Тотемский	5644	28,6	3	2	69,8
13.09.2020	Устьянское СП Усть-Кубинский	4785	48,1	4	2	57,9
13.09.2020	Лентьевское СП Устюженский	840	54,4	4	2	85,4
13.09.2020	Ильинское СП Харовский	464	55,7	3	2	89,9
13.09.2020	Кубенское СП Харовский	1182	65,6	4	3	57,2
13.09.2020	Харовское СП Харовский	1150	58,2	3	2	89,0
13.09.2020	Шапшинское СП Харовский	774	61,3	3	2	68,2
13.09.2020	Уломское СП Череповецкий	3085	40,3	3	2	49,9
13.09.2020	Ершовское СП Шекснинский	848	59,2	3	3	46,1
13.09.2020	Угольское СП Шекснинский	4926	69,0	3	2	86,9
19.09.2021	Бабушкинское СП Бабушкинский	4724	39,9	2	1	80,2
19.09.2021	Юдинское СП Великоустюгский	2803	50,0	2	1	52,8
19.09.2021	Нижне-Важское СП Верховажский	1673	-	2	1	-
19.09.2021	Нижнеслободское СП Вожегодский	591	56,8	2	1	84,8
19.09.2021	Игмасское СП Нюксенский	520	51,5	2	1	65,6
19.09.2021	Ногинское СП Сямженский	2483	55,2	2	1	61,2
19.09.2021	Маркушевское СП Тарногский	566	61,3	2	1	66,7
19.09.2021	Мезженское СП Устюженский	544	48,3	2	1	67,6
19.09.2021	Белокретьское СП Чагодощенский	2082	53,2	2	1	78,7
19.09.2021	Климовское СП Череповецкий	2370	48,4	4	2	44,6
19.09.2021	Югское СП Череповецкий	3931	45,2	6	4	42,6
28.11.2021	Нижне-Важское СП Верховажский	1673	45,5	4	1	94,0
30.01.2022	Усть-Алексеевское СП Великоустюгский	1148	63,9	6	2	57,2
30.01.2022	Чёбсарское СП Шекснинский	1299	28,3	4	3	78,2
27.03.2022	Заречное СП Великоустюгский	818	38,8	2	1	91,3

Составлено по: Избирательная комиссия Вологодской области (ГАС «Выборы»): сайт. URL: <http://www.vologod.vybory.izbirkom.ru/region/vologod>

голосов — от 37 до 94%; в кампаниях принимали участие от 2 до 7 кандидатов, представлявших от 1 до 5 политических партий в каждой отдельной избирательной кампании. Всё это свидетельствует о достаточно низкой активности населения в электоральных процессах и достаточно слабой легитимности избранных глав поселений ввиду крайне низкой явки в ходе большинства муниципальных выборов.

Перейдём непосредственно к анализу проекта федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Не повторяя большинство высказываний, мнений, суждений по данному законопроекту, постараемся отразить некоторые моменты, не получившие повсеместного отклика и резонанса, однако имеющие важное значение для нового этапа муниципального строительства.

1. В случае ликвидации поселенческого уровня управления (упразднения городских и сельских поселений) важно не допустить снижения доступности органов местной власти для жителей. Предусматриваемую в законопроекте возможность создания территориальных органов местной администрации (на территориях упраздняемых городских и сельских поселений) целесообразно сделать обязательной и детализировать с точки зрения их функционала, штатной численности работников и т. д.

2. Муниципальные образования не будут являться административно-территориальными единицами, поэтому в отдельных случаях сохранится несоответствие между муниципально-территориальным и административно-территориальным устройством, что уже вызывает множество проблем в сфере градостроительства и землепользования (Бухвальд и др., 2022), а также создает трудности при формировании достоверной, полной и качественной статистической информации по муниципалитетам. В рамках новой реформы важно устранить все имеющиеся несоответствия между двумя видами территориального устройства.

3. Формулировку одного из оснований удаления главы муниципального образования («систематическое недостижение показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления», п. 3 ст. 21 законопроекта) желательно вообще исключить, а в случае её со-

хранения необходима конкретная нормативно-правовая проработка, учитывающая:

- определение сроков «систематичности недостижения» (полгода, 1 год, 2–3 года и т. п.);
- корректировку перечня показателей, характеризующих эффективность деятельности органов местного самоуправления и главы муниципалитета (утверждённые в настоящее время Указом Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 и Постановлением Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1317 показатели отражают деятельность не только одного главы муниципального образования, но и всех органов МСУ муниципалитета, а значения ряда показателей формируются под воздействием множества различных факторов, не всегда связанных с непосредственной деятельностью органов местного самоуправления) (Бухвальд и др., 2022);

- проработку критериев (пороговых значений, границ значений) достижения/недостижения показателей эффективности деятельности главы муниципалитета и органов МСУ в целом и обоснование вообще самой возможности определить значения показателей эффективности для нескольких тысяч различающихся по многим параметрам муниципалитетов России (Бухвальд и др., 2022).

Кроме того, в статье 23 законопроекта говорится о таком основании для освобождения главы местной администрации от занимаемой должности, как нарушения, допущенные главой в части решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Однако непонятно, что будет критерием данного нарушения, учитывая, что в бюджетах многих муниципалитетов объективно может быть недостаточно средств для полного решения всех вопросов местного значения.

4. В новом федеральном законе о местном самоуправлении должны быть закреплены не только ограничения, запреты, основания досрочного прекращения полномочий должностных лиц (их количество в рассматриваемом законопроекте уже явно избыточно), но и гарантии самим органам местного самоуправления по обеспечению их самостоятельности в решении вопросов местного значения; гарантии необходимого объёма финансовых ресурсов для качественного и эффективного исполнения

полномочий; гарантии недопущения необоснованного вмешательства в деятельность органов местного самоуправления со стороны органов государственной власти, чрезмерного контроля и надзора за деятельностью.

5. Целесообразно исключить или конкретнее детализировать указанное в статье 32 полномочие органов местного самоуправления по «обеспечению доступности медицинской помощи», учитывая, что все вопросы и задачи развития медицины на региональном уровне в настоящее время решаются органами государственной власти субъекта.

6. В главе 8 «Межмуниципальное сотрудничество» перечислены те же формы межмуниципального сотрудничества, которые есть и в действующем 131-ФЗ: участие в объединениях муниципальных образований, учреждение межмуниципальных хозяйственных обществ (в форме НАО и ООО) и создание некоммерческих организаций муниципальных образований (в форме АНО и фондов), заключение договоров и соглашений. Однако, как показывает практика, в основном сотрудничество между муниципалитетами России в настоящее время осуществляется в рамках деятельности различных ассоциаций муниципалитетов, обмена опытом между органами местного самоуправления, заключения различных «рамочных» договоров и соглашений о сотрудничестве и намерениях взаимодействия, проведения каких-либо совместных мероприятий. Наиболее тесные («хозяйственные») формы сотрудничества (учреждение межмуниципальных хозяйственных обществ и некоммерческих организаций) распространены крайне слабо (около 500–600 муниципалитетов из 20 тыс. являются учредителями таких организаций) в силу наличия множества нормативно-правовых, организационных, финансовых и иных препятствий и ограничений. Решить эти проблемы помогло бы принятие специальных нормативно-правовых актов в сфере межмуниципального сотрудничества. Так, ещё 4 сентября 2020 года Министерством экономического развития Российской Федерации на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов (<https://regulation.gov.ru/projects#npra=107906>) был размещён пакет законопроектов (однако они за 2 года не внесе-

ны на рассмотрение Государственной Думы), направленных на правовое регулирование развития городских агломераций (проект федерального закона «О городских агломерациях») и совершенствование правовых механизмов межмуниципального сотрудничества. В частности, предусматривалось ввести новые формы межмуниципального сотрудничества: межмуниципальные предприятия и межмуниципальные компании.

В целом складывается впечатление, что данный законопроект был разработан скорее всего без какого-либо видения концепции новой реформы местного самоуправления, без детального проведения глубокого анализа реальных проблем муниципального управления и развития муниципалитетов России, без широкого привлечения представителей муниципалитетов, научного и экспертного сообществ.

Анализ и пояснение полученных результатов

Главный вопрос, ответ на который нужно дать по итогам детального анализа ситуации, связанной с новой реформой местного самоуправления и оценкой текущего положения в данной сфере, — позволяет ли законопроект решить все имеющиеся проблемы функционирования института местного самоуправления? Дать однозначно положительный или отрицательный ответ пока не представляется возможным. Хочется всё же надеяться, что наиболее принципиальные недостатки законопроекта будут учтены в рамках поправок к нему до принятия закона в окончательном виде, а сама реформа местного самоуправления (если она вообще будет реализована в ближайшее время, а не отложится вследствие событий, происходящих в 2022 году) в итоге начнет реализовываться с учётом интересов, позиции, реальных запросов, потребностей органов местного самоуправления при участии ведущих экспертов, учёных и специалистов в данной сфере. Для этих целей также целесообразно рассмотреть возможность создания федеральными органами власти специального учреждения (так, с 1999 по 2010 год в г. Москве работало Федеральное государственное научное учреждение «Российский научный центр государственного и муниципального управления»), которое будет заниматься анализом процессов реформы МСУ, информационным взаимодействием с муниципали-

татами, разработкой научно обоснованных и согласованных предложений по совершенствованию местного самоуправления и всего законодательства, касающегося данного института публичной власти, а также иной аналитической и экспертной деятельностью.

В результате проведённого в 2022 году среди глав муниципальных образований Вологодской области анкетного опроса выявлены ключевые направления по совершенствованию государственной политики в области развития МСУ (на них указали от 25 до 92% опрошенных глав муниципалитетов):

- корректировка федерального законодательства в отношении закрепления за местным уровнем власти дополнительных источников доходов и чёткое установление сфер деятельности и полномочий органов местного самоуправления;
- активное развитие кластеров в области (лесного, молочного, химического, машиностроительного, туристического);
- замена дотаций местному бюджету дополнительными нормативами отчислений от НДФЛ;
- разработка совместно с муниципалитетами специальной государственной программы субъекта Федерации по поддержке и развитию местного самоуправления, в том числе по государственной поддержке территориального общественного самоуправления, местных инициатив;
- распространение на постоянной основе лучших практик муниципального управления из опыта области и других регионов;
- обязательный поиск компромиссных вариантов совместно с населением и местными

органами власти при оптимизации сети учреждений социальной сферы;

- включение территориального раздела в региональные стратегии и программы (целевые ориентиры, задачи и мероприятия по каждому муниципальному району и т. д.);
- содействие (консультационное, методическое и пр.) организации различных форм межмуниципального сотрудничества.

Обозначенные в статье общие направления, касающиеся доработки проекта нового федерального закона о местном самоуправлении, и рекомендации по реформированию данного публично-властного института, безусловно, требуют дальнейшей проработки и обоснования, с тем чтобы они стали реально действующими правовыми нормами и соответствующими эффективными управленческими механизмами. Решению этих задач будут посвящены наши последующие научные исследования и публикации.

Предлагаемые в статье идеи и рекомендации носят полемический характер, открывая возможности для дальнейших эффективных дискуссий по данной актуальной проблематике (в кругах управленцев, учёных, экспертов и иных заинтересованных лиц). Таким образом, вклад исследования, результаты которого представлены в статье, в развитие теоретической науки заключается в научном осмыслении предпосылок и перспектив функционирования института местного самоуправления в России с учётом социально-экономических, политических и иных факторов; вклад в развитие прикладной науки — в обосновании конкретных рекомендаций по корректировке проекта нового федерального закона о местном самоуправлении.

Литература

- Болдырев О.Ю. (2022). Проект нового закона о местном самоуправлении без самоуправления // Конституционное и муниципальное право. № 2. С. 65–70.
- Бухвальд Е.М. (2020). Новые основы государственной политики в сфере развития местного самоуправления в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 4. С. 125–135. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.7
- Бухвальд Е.М., Кожевников О.А., Ворошилов Н.В. (2022). Местное самоуправление: реформировать, но не уничтожать // Самоуправление. № 1 (129). С. 12–15.
- Ворошилов Н.В. (2020). Местное самоуправление в России: ожидание больших перемен или точечная настройка? // Проблемы развития территории. № 4 (108). С. 37–54. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.3

- Ворошилов Н.В. (2021). Тенденции и перспективы изменения муниципально-территориального устройства в России // Проблемы развития территории. Т. 25. № 5. С. 105–124. DOI: 10.15838/ptd.2021.5.115.7
- Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. (2018). Дифференциация территорий и механизм ее снижения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 6. С. 57–72. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4
- Плигич-Золотарева М.В., Лукьянова Н.И. (2022). Новые контуры трансформации публичной власти в Российской Федерации // Федерализм. Т. 27. № 1 (105). С. 23–50.
- Зотов В.Б. (2021). Роль местного самоуправления в развитии российского государства на современном этапе: проблематический и прогностический анализ, рекомендации // Муниципальная академия. № 1. С. 44–53.
- Козлова Н.В. (2022). Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти (по проекту федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти») // Современное право. № 4. С. 38–44.
- Упоров И.В., Гришай Е.В., Попов М.Ю. (2022). Местное самоуправление в России на пороге перемен: к законопроекту есть вопросы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 1. С. 123–127.
- Широков А.Н., Юркова С.Н. (2022). МСУ: большая реформа или упразднение? // Бюджет. № 1 (229). С. 70–74.
- Шугрина Е.С. (2021). Местное самоуправление на весах конституционных ценностей // Журнал Конституционного правосудия. № 2. С. 21–31.
- Щепачев В.А. (2021). Конституция Российской Федерации 2020 г.: местное самоуправление в единой системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 30–36.
- Blesse S., Rosel F. (2017). Was bringen kommunale Gebietsreformen? Kausale evidenz zu hoffnungen, risiken und alternativen instrumenten. *Perspektiven der Wirtschaftspolitik*, 18(4), 307–324.
- Blom-Hansen J., Houlberg K., Serritzlew S., Treisman D. (2016). Jurisdiction size and local government policy expenditure: Assessing the effect of municipal amalgamation. *American Political Science Review*, 110(4), 812–831.
- Di Liddo G., Giuranno M.G. (2020). The political economy of municipal consortia and municipal mergers. *Economia Politica*, 2020, 37(1), 105–135.
- Erlingsson G.O., Odalen J., Wangmar E. (2020). How coerced municipal amalgamations thwart the values of local self-government. *Urban Affairs Review*, 57(1), 1–26. DOI: 10.1177/1078087420921458
- Ezeozue C. (2020). Local government reforms as instrument for national development in Nigeria. *International Journal of Trend in Scientific Research and Development*, 4(3), 129–135.
- Gendzwill A., Kurniewicz A., Swianiewicz P. (2021) The impact of municipal territorial reforms on the economic performance of local governments. A systematic review of quasi-experimental studies. *Space and Polity*, 2021, 25(1), 37–56.
- Hansen S.W., Houlberg K., Pedersen L.H. (2014). Do municipal mergers improve fiscal outcomes? *Scandinavian Political Studies*, 37(2), 196–214.
- Lockner A.O. (2013). *Steps to Local Government Reform: A Guide to Tailoring Local Government Reforms to Fit Regional Governance Communities in Democracies*. Bloomington: iUniverse.
- Meng T., Cheng D. (2020). Research on local government governance structure reform and function change based on artificial intelligence technology. *International Journal of Wireless and Mobile Computing*, 18(3), 303–310.
- Tan E. (2020). Quo vadis? The local government in Turkey after public management reforms. *International Review of Administrative Sciences*, 86(1), 115–133.

Сведения об авторе

Николай Владимирович Ворошилов — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: niks789@yandex.ru)

Voroshilov N.V.

Development of the Institution of Local Self-Government in Russia: Problems and Prospects

Abstract. The relevance of the article is due to the active discussions of a draft federal law on local self-government in Russia in 2022. The purpose of the work is to identify prerequisites for and substantiate promising directions of reforming the institution of local self-government in Russia. To achieve the goal we use key general scientific research methods, a questionnaire survey of Vologda Oblast municipal formations' heads conducted in 2022, a methodology for grouping municipalities by level of development to identify the specifics of the answers of heads in the context of different types of territories and reveal the attitude of municipalities' heads toward the draft law. This is what constitutes scientific novelty of the study. It is established that the low financial and economic independence of municipalities remains the main problem of local self-government. In addition, over the past ten years a significant number of constituent entities of the Russian Federation witnessed cases of abolition of the settlement level of government as municipal districts were converted into municipal and urban okrugs. It is revealed that the key controversial and ambiguous points in the draft law under consideration are as follows: abolition of the settlement level of government; strengthening the responsibility of municipalities' heads to the top official of the RF constituent entity; insufficient attention to specifying the powers and functions of local self-government bodies and resources for their full-fledged and high-quality implementation. We put forward recommendations for improving the text of the draft law for each aspect specified above. The results of the research can be used in the work of federal authorities when finalizing the draft law on local self-government and in the practical implementation of the new reform; they can also serve as a basis for further research on this topic.

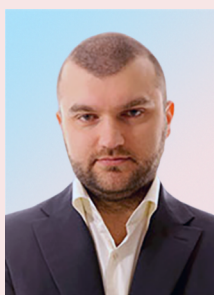
Key words: local self-government, reform, municipal formations, Russian Federation, Vologda Oblast, questionnaire survey.

Information about the Author

Nikolai V. Voroshilov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: niks789@yandex.ru)

Статья поступила 17.08.2022.

Общество потребления и социальное развитие: моделирование статистических взаимосвязей

Николай Сергеевич

БАБИЧ

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: sociolog@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8697-3038; ResearcherID: I-5630-2016

Иван Владимирович

БАТЫКОВ

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: pub@socexpertiza.ru

ORCID: 0000-0002-9026-5824; ResearcherID: AHD-4350-2022

Аннотация. В статье предпринята попытка эмпирически оценить связи процесса консьюмеризации с различными показателями социального развития. Эти показатели, как и сам процесс консьюмеризации, рассматриваются авторами на макросоциальном уровне – в качестве характеристик обществ. Последние приравниваются к национальным государствам, суверенитет которых превращает каждое из них в своего рода длительный социальный эксперимент. На материале таких «экспериментов» авторами предпринята попытка определить, как связана с показателями социального развития степень экспансии в тех же странах общества потребления. Для достижения поставленной цели анализируются способы измерения консьюмеризации обществ и их социального развития, а затем проводится корреляционный анализ доступных данных.

Для цитирования: Бабич Н.С., Батыков И.В. (2022). Общество потребления и социальное развитие: моделирование статистических взаимосвязей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 189–202. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.10

For citation: Babich N.S., Batykov I.V. (2022). Consumer society and social development: Modeling statistical relationships. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 189–202. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.10

Он позволяет осуществить проверку двух конкурирующих гипотез: отрицательного либо положительного влияния общества потребления на такие аспекты, как свобода, просвещение, равенство, безопасность и счастье. В ходе анализа статистических связей сделан вывод о том, что более высокий уровень консьюмеризации ассоциируется с более высоким уровнем социального развития, по крайней мере по некоторым показателям, таким как уровень свободы, гендерное равенство и субъективное благополучие. Корреляция с этими индикаторами сохраняется даже при введении поправки на среднедушевой валовой внутренний продукт. Наличие статистически значимых устойчивых связей с социальным развитием и отсутствие каких-либо связей с социальной деградацией позволяют сделать предварительный вывод об опровержении базовой гипотезы критики консьюмеризма и подтверждении правоты его проponentов. Однако проведенный авторами анализ подтверждает связь общества потребления с социальным развитием, основываясь на данных, в каком-то смысле отформатированных самим обществом потребления. Поэтому для окончательной проверки конкурирующих гипотез необходима разработка новых, критически ориентированных количественных показателей социального развития.

Ключевые слова: консьюмеризация, общество потребления, социальное развитие, корреляционный анализ, свобода, равенство, безопасность, просвещение, субъективное благополучие, «хорошее общество».

Введение

Понятие «общество потребления» получило широкое распространение в социальных науках только с середины XX века (Sassatelli, 2007, pp. 2–3), причем подготовка к его социологическому осмыслению и основная работа по интерпретации феномена «потребления» осуществлялась в неомарксистской среде, в рамках разработки «критической теории» и, прежде всего, критики казавшихся тогда тупиковыми путей развития капитализма (Kellner, 1983). С негативными оценками различных проявлений консьюмеризации выступали Г. Маркузе (Маркузе, 1994), Э. Фромм (Фромм, 1990), М. Хоркхаймер и Т. Адорно (Хоркхаймер, Адорно, 1997) и другие представители Франкфуртской школы, риторику которых позднее подхватили левые постмодернисты, такие как Ф. Джеймисон (Джеймисон, 2000) и Ж. Бодрийяр (Бодрийяр, 2006). Базовая гипотеза, лежащая в основе критики общества потребления, состоит в том, что с помощью методов продвижения товаров оно подменяет истинные ценности ложными, закрывая пути полноценного социального развития (Gilbert et al., 2021). Вследствие большого влияния критической теории и постмодернизма на социальные науки сам термин «общество потребления» приобрел прочные отрицательные коннотации и практически превратился в пейоратив, сегодня чаще всего читаемый как «общество безудерж-

ного потребления» или «общество, в котором потребление ценится превыше всего». Этому подходу в основном придерживаются и отечественные социологи (Ильин, 2005; Козловский, 2011; Овсянников, 2011). Для России справедливость критического подхода подкрепляется совпадением по времени экспансии идеологии потребительства и социальной деградации государства в 80-х – 90-х годах XX века. Коллизия между консьюмеризацией общества и нарастанием дефицита в позднем СССР еще плохо изучена (Зубкова, 2020), однако несомненно, что она предопределяет травматическое восприятие потребительской культуры на всем постсоветском пространстве, включая Россию (Яковенко, 2021).

Однако, как обычно бывает, в истории социальной мысли существует и противоположная теоретическая традиция. Менее популярная, она, тем не менее, предлагает собственную целостную интерпретацию общества потребления не как тупика, а как закономерной стадии экономического и социального развития, связанной с существующим впервые в истории насыщением *базовых* материальных и культурных потребностей (Katona, 1964). Имеющее свои издержки, такое общество, очевидно, все-таки может быть более предпочтительным по сравнению с обществами массовой бедности, существовавшими в прошлом. Причем предпо-

чительность эта не ограничивается только относительной сытостью, здоровьем и бытовыми удобствами. Многие теоретические модели, такие как иерархия мотивации А. Маслоу (Маслоу, 1999) или стадии экономического развития У. Ростоу (Ростоу, 1973), предсказывают, что именно с удовлетворением базовых потребностей открываются новые возможности для культурного и личностного роста, а также политического участия (Chessel, Dubuisson-Quellier, 2018). Следовательно, общество потребления, превосходящее предшествующие стадии развития в области обеспеченности товарами и услугами, в действительности может быть мостом к следующему — культурному этапу социального развития. Во всяком случае, в исторической ретроспективе становление современной потребительской культуры оказывается тесно связанным с идеями Просвещения (Kwass, 2022).

На первый взгляд, противоречия между двумя направлениями в осмыслении общества потребления могут показаться в принципе неразрешимыми, ведь они основываются на разных ценностных подходах: в одном случае во главу угла ставится достоинство человека как свободного и мыслящего существа, во втором — как заслуживающего комфортных и безопасных условий существования. Но поиски нормативной основы для оценки обществ, то есть попытки разработать модели «хорошего общества» — давно стали если не магистральным, то, по крайней мере, вполне респектабельным направлением социальных исследований (Федотова, 2005). Таким образом, вопрос о том, насколько «хорошим» является общество потребления, представляет ли оно шаг вперед в социальном развитии, имеет все основания быть заданным и достаточно часто задается. К сожалению, в литературе он рассматривается не на основе систематических статистических сравнений, а преимущественно в рамках анализа отдельных трендов, таких как роль консьюмеризма в устойчивом развитии (Cohen, 2016), экологии (Smart, 2010) или качестве жизни (Nevarez, 2011). Причем этот анализ часто граничит с публицистикой по преобладанию импрессионистских, окрашенных субъективизмом авторских суждений. Причиной тому является недостаток строгости дефиниций общества потребления (Lofgren, 1994, p. 50; Fine,

2002, p. 155) и, как следствие, недостаточность операционализации самого этого понятия, отсутствие перевода его на язык количественных индикаторов.

В статье предпринята попытка эмпирически оценить связи процесса консьюмеризации с различными показателями социального развития. Такая оценка представляет теоретический интерес, поскольку позволяет выдвинуть аргументы в пользу одной из двух рассмотренных выше моделей общества потребления. Практический же интерес состоит в том, что обоснованный выбор между критикой и поддержкой экспансии консьюмеризма может помочь в рациональном планировании социального развития. Измеряющие его показатели, как и сам процесс консьюмеризации, рассматриваются нами на макросоциальном уровне — в качестве характеристик обществ. В современном мире общества несколько условно, но небезосновательно могут быть приравнены к национальным государствам, поскольку суверенитет последних превращает каждое из них в своего рода длительный натурный социальный эксперимент. На материале таких «экспериментов» мы попытаемся определить, коррелирует ли с показателями социального развития, в разной степени выраженными в разных странах, степень развития в тех же странах общества потребления. Для достижения поставленной цели сначала будут обсуждаться способы измерения всех сопоставляемых параметров, а затем проведен корреляционный анализ доступных данных. Таким образом, предметом предпринятого исследования являются определенные взаимосвязи между имеющимися в распоряжении исследователей статистическими данными, а именно вопрос о том, какой из моделей общества потребления эти взаимосвязи лучше соответствуют.

Измерение степени консьюмеризации

Общим знаменателем многочисленных определений «общества потребления», встречающихся в литературе, выступает первоочередная роль определенных социальных практик, которые, например, З. Бауман удачно обобщил следующим образом: «Способ, которым сегодняшнее общество „формирует“ своих членов, диктуется в первую очередь обязанностью играть роль потребителей. Нормой,

которую наше общество внушает своим членам, является способность и желание играть эту роль» (Бауман, 2004, с. 116). Но если потребление становится основой для социальной идентичности, а неравенство в нем — основой для социальной структуры, то процесс такой трансформации не может быть односторонним, он должен затрагивать как индивидуальное поведение, так и макросистемные характеристики обществ, то есть платежеспособный спрос (Goodwin et al., 2018) и предложение товаров, прежде всего символически выраженное (Campbell, 2021). Тогда некоторый показатель консьюмеризации обществ может быть построен как комбинация среднелюдяческих потребительских расходов (отражающих индивидуальный спрос, ведь решения о покупках всегда принимаются конкретными людьми) и среднелюдяческого количества зарегистрированных торговых марок (отражающих макросоциальную интенсивность предложения). В предыдущих исследованиях было эмпирически показано, что натуральный логарифм от произведения этих двух переменных обладает достаточно высокой валидностью в качестве индекса консьюмеризации, а именно — приобретает высокие значения в группе стран с заведомо развитым обществом потребления и низкие — в группе стран с заведомо неразвитым, а также, в полном соответствии с теоретическими предсказаниями, положительно и сильно коррелирует с уровнем развития информационного общества, экономической и культурной глобализацией (Бабич, Батыков, 2022a) и секуляризацией (Бабич, Батыков, 2022b). Таким образом, в качестве показателя развития общества потребления мы будем использовать индекс, рассчитываемый по формуле $IC = \ln(T \times S)$, где T — количество действующих зарегистрированных торговых марок на душу населения, S — потребительские расходы на душу населения, IC — индекс консьюмеризации. Количество действующих торговых марок в национальных государствах известно из статистики Всемирной организации интеллектуальной собственности¹, а численность населения и среднелюдяческие потребительские расходы

могут быть получены из базы данных Всемирного банка². Наиболее полные и свежие данные по обоим показателям имеются для 2017 года, соответственно, уровень консьюмеризации обществ мы будем устанавливать именно на этот момент времени.

Так как становление общества потребления тесно связано с экономическим развитием вообще, может быть высказано предположение о том, что именно последнее — выражаемое, например, в среднелюдяческом уровне ВВП, — является реальным фактором, влияющим на качество социальных систем. Например, в экономически развитых странах качество образования может оказываться выше не из-за экспансии массового потребления, а потому, что государство может позволить себе более высокие расходы на учебные заведения. Тогда наблюдаемые корреляции между развитием общества потребления и чертами «хорошего» общества будут ложными. Чтобы исключить такую возможность, мы будем рассматривать все корреляции не только сами по себе, но и с поправкой на среднелюдяческий ВВП (этот показатель также доступен через базу данных Всемирного банка).

Измерение черт «хорошего общества»

В трактовке социального развития мы не будем привязываться к теоретическим дискуссиям о консьюмеризме и предлагаем рассматривать «хорошее» общество как свободное, просвещенное, обеспечивающее равенство, безопасность и счастье составляющих его людей. Такая трактовка не имеет твердого теоретического обоснования и занимает позицию, близкую к «здоровому смыслу» или, можно даже сказать, «бытовым рассуждениям». Однако в данном случае не столько игнорируется различие между «конструктами первого и второго порядка» (Шюц, 2003), сколько признается прямая генетическая связь между ними. Иными словами, мы принимаем тот факт, что в глазах любого исследователя «хорошим» будет то общество, в котором он сам хотел бы жить, а потому используемые критерии сравнения должны отражать обязательную, хотя и отрефлексированную субъективность.

¹ WIPO IP Statistics Data Center. URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/index.htm> (дата обращения 04.05.2022).

² DataBank. URL: <https://databank.worldbank.org> (дата обращения 04.05.2022).

Итак, оценивать социальное развитие мы будем как движение к более свободному, просвещенному, обеспечивающему равенство, безопасность и счастье составляющих его людей обществу. Все показатели, репрезентирующие эти черты, также должны быть измерены на уровне национальных государств. Современные межстрановые исследования и международная статистика предоставляют в наше распоряжение достаточно богатый арсенал индикаторов, позволяющий охватить все выделенные направления социального развития. Рассмотрим их по порядку.

Уровень свободы в разных странах мира будет оцениваться нами на основе рейтингов проекта «Свобода в мире» неправительственной организации Freedom House³. Он представляет собой консенсус экспертных оценок, основанных на региональных исследованиях, текущих новостях, отчетах правительств и неправительственных организаций и т. п. В число анализируемых аспектов свободы входят избирательный процесс, политический плюрализм и участие, функционирование правительства, свобода слова, право на собрания и создание организаций, верховенство закона, личная автономия и индивидуальные права. Будучи экспертной оценкой, рейтинг свободы Freedom House, несомненно, может быть подвержен субъективным искажениям, возникающим как под влиянием политических событий, так и особенностей восприятия информации. Однако это не просто самый известный показатель такого рода, но и показатель, наиболее активно используемый в исследованиях. Поэтому, хотя мы не должны переоценивать точность позиций стран в рейтинге, отдельные возможные искажения не обесценивают его в качестве индикатора свободы как коррелята консьюмеризации.

Наиболее естественным показателем уровня просвещенности общества служит степень распространения в нем образования. Но разнородность систем образования, а главное, различие их качества очень сильно осложняют любой сравнительный анализ. И если первое обстоятельство еще может быть преодолено, напри-

мер, с помощью приведения показателей образованности к единой количественной мере, такой как потраченные на обучение годы, то второе становится гораздо более существенным препятствием. Понятно, что один год образования, полученного человеком в Швейцарии, совершенно не эквивалентен тому же году образования, полученного в Афганистане. Для того чтобы как-то элиминировать эти нестыковки в межстрановых сопоставлениях, желательно использовать именно оценку общего качества системы образования, данную по некоторой единой числовой шкале. Такая оценка может быть найдена в докладах о глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума⁴. Она основана на результатах опроса 14375 руководителей бизнеса в 148 странах, проведенного с февраля по июнь 2017 года. Все руководители отвечали на вопрос «Насколько в Вашей стране система образования отвечает нуждам конкурентной экономики?» по шкале от 1 (совершенно не соответствует) до 7 (полностью соответствует). Хотя этот вопрос имеет скорее экономическую, чем просвещенческую направленность, нельзя не заметить, что важнейшей прагматической целью системы образования является удовлетворение спроса на квалифицированную рабочую силу, поэтому мнение работодателей может служить хорошим индикатором качества образования в целом.

Следующим интересующим нас аспектом социального развития является сокращение неравенства. Оно может идти в различных направлениях, из которых универсальными и наиболее важными представляются два: экономическое и гендерное. Разделение между бедными и богатыми и между мужчинами и женщинами присутствует во всех современных обществах, и именно эти разделения так или иначе затрагивают большинство жителей любой страны. Экономическое неравенство будет проанализировано нами с помощью показателя, предлагаемого для этих целей Программой развития ООН⁵. Он представляет собой отно-

³ Freedom in the World. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world> (дата обращения 04.05.2022).

⁴ Reports – World Economic Forum. URL: <https://reports.weforum.org> (дата обращения 04.05.2022).

⁵ United Nations Development Programme Human Development Reports. Income inequality, quintile ratio. URL: <https://hdr.undp.org/en/indicators/135106> (дата обращения 04.05.2022).

шение доходов 20% самых богатых жителей каждой страны к доходам 20% самых бедных. Индекс гендерного неравенства, используемый в рамках той же Программы развития⁶, учитывает различия в положении мужчин и женщин с точки зрения репродуктивного здоровья, прав и рынка труда.

Под безопасностью проживания в обществе мы будем понимать прежде всего бытовую, повседневную безопасность, наиболее явную угрозу которой обычно составляет криминальное насилие. В качестве индикатора безопасности нами был использован показатель числа убийств на 100 тысяч человек населения. Он наиболее подходит для анализа по двум причинам. Во-первых, скорее всего это наиболее достоверный статистический индикатор преступности, так как убийство из всех рядовых преступлений труднее всего скрыть или сфабриковать, следовательно, для статистики по убийствам имеются наименьшие шансы быть заниженной или завышенной. Во-вторых, это преступление, напрямую и наиболее сильно влияющее на безопасность. Статистика уровня убийств была получена из базы данных Управления ООН по наркотикам и преступности⁷.

Наконец, последний рассматриваемый аспект социального развития – счастье – относится к наиболее трудноопределимым. Мы предлагаем рассматривать его в двух измерениях: установок и поведения. В поведенческом измерении об уровне счастья можно судить от противного, рассматривая в качестве обратного ему индикатора уровень самоубийств, приводимый Всемирной организацией здравоохранения⁸. Конечно, этот индикатор, как и всякий другой, не идеален, потому что может подвергаться влиянию культурных особенностей (так, отно-

шение к самоубийствам существенно отличается в разных религиозных традициях). Тем не менее суицид представляется не только достаточно очевидным следствием несчастной жизни, но и действием, требующим максимального усилия со стороны актора, и если уж оно предпринимается, то свидетельствует об очень сильной мотивации. Это, так сказать, поведенческий индикатор *rag excellence*. С точки зрения измерения установок нам важны самоотчеты жителей разных стран. Одна из наиболее обширных коллекций таких самоотчетов может быть получена в базе данных Международного индекса счастья⁹. Она представляет собой усредненные по странам самооценки удовлетворенности жизнью по шкале в виде «лестницы», на нижней ступени которой находится наихудшая, а на верхней – наилучшая возможная жизнь. Эти самооценки собраны в ходе всемирного опроса Gallup World Poll.

Анализ данных

Показатели, обсуждавшиеся в двух предыдущих разделах, сведены вместе в *таблице 1*, позволяющей произвести расчет нужных нам взаимосвязей. В ней представлены 59 государств, для которых имеются данные каждого ряда – индекса конъюмеризации, ВВП на душу населения, уровня свободы, качества образования, неравенства доходов, гендерного неравенства, уровня убийств, уровня самоубийств, субъективного благополучия. Все показатели приведены по состоянию на 2017 год. Конечно, выборка стран не является полной, но она ограничивается наличием соответствующей информации. То есть эта выборка представляет собой один из наилучших возможных сегодня срезов исследуемых процессов. Кроме того, 59 наблюдений вполне достаточно для получения статистически значимых коэффициентов корреляции. Их величина (по модулю) при этом может содержательно интерпретироваться следующим образом: менее 0,1 – несущественная связь, в диапазоне от 0,1 до 0,3 – слабая, от 0,3 до 0,5 – средняя и более 0,5 – сильная связь (Cohen, 1988, p. 79–80).

⁶ United Nations Development Programme Human Development Reports. Gender Inequality Index (GII). URL: <https://hdr.undp.org/en/indicators/68606> (дата обращения 04.05.2022).

⁷ United Nations Office on Drugs and Crime. Victims of intentional homicide, 1990–2018. URL: <https://dataunodc.un.org/content/data/homicide/homicide-rate> (дата обращения 04.05.2022).

⁸ World Health Organization. Global Health Observatory data repository. Suicide rate estimates, age-standardized Estimates by country. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.MHSUICIDEASDR> (дата обращения 04.05.2022).

⁹ Happy Planet Index. URL: <https://happyplanetindex.org/countries/> (дата обращения 04.05.2022).

Таблица 1. Сопоставление показателей социального развития и коньюмеризации

Страна	Индекс коньюмеризации ¹	ВВП на душу населения (в постоянных долларах США 2010 г.) ²	Уровень свободы (по шкале Freedom House) ³	Качество образования (по шкале от 1 до 7) ⁴	Неравенство доходов (отношение доходов верхних 20% населения к нижним) ⁵	Гендерное неравенство (Gender Inequality Index) ⁶	Уровень убийств (на 100 тыс. чел. населения) ⁷	Уровень самоубийств (на 100 тыс. чел. населения) ⁸	Субъективное благополучие (по шкале от 0 до 10) ⁹
Австралия	6,7	56095,19	98	5,2	6,3	0,1	0,79	11,8	7,26
Австрия	5,67	49112,73	95	4,5	4,9	0,08	0,79	10,8	7,29
Аргентина	4,92	10404,26	82	3,3	8,8	0,33	5,21	8,7	6,04
Бангладеш	-1,83	1127,27	47	3,5	4,8	0,54	2,22	3,7	4,31
Беларусь	4,05	6375,29	20	4,7	3,6	0,13	2,54	18,5	5,55
Болгария	3,68	8350,66	80	3,3	7,3	0,21	1,45	6,7	5,1
Босния и Герцеговина	3,11	5772,85	55	2,5	5,4	0,16	1,25	8,1	5,09
Бразилия	3,55	11021,72	79	2,6	18,1	0,43	30,83	6,2	6,33
Великобритания	5,62	43010,71	95	4,8	5,4	0,13	1,2	7,2	7,1
Венгрия	3,82	15809,77	76	2,9	4,9	0,24	2,49	12,6	6,07
Гана	0,94	1739,47	83	3,9	10,3	0,54	2,09	11,3	5,48
Гватемала	3,36	3286,74	54	2,6	11,9	0,51	26,07	6	6,33
Германия	5,65	46916,82	95	5,3	5,1	0,08	0,98	8,3	7,07
Дания	6,04	62733,02	97	5,1	4	0,04	1,24	8,3	7,59
Доминиканская Республика	4,16	7273,35	68	2,7	10,5	0,46	11,57	6	5,61
Израиль	5,7	34243,01	80	4,7	8,5	0,11	1,49	5	7,33
Индия	0,29	1986,63	77	4,5	5,5	0,53	3,12	12,5	4,05
Ирландия	6	71755,97	96	5,5	5	0,11	0,86	9,3	7,06
Исландия	8,47	51045,94	97	5,3	4	0,07	0,9	11,7	7,48
Испания	5,71	32282,9	94	3,8	7,3	0,08	0,66	5,8	6,23
Италия	5,1	35086,48	89	3,8	7	0,08	0,61	4,8	6,2
Казахстан	2,52	10867,74	22	3,7	3,8	0,19	5,06	21,2	5,88
Канада	6,15	51170,48	99	5,2	6,2	0,1	1,8	11,7	7,41
Кипр	6,77	30650,24	94	4,1	5,3	0,09	0,59	3,3	6,06
Китай	3,45	7346,61	15	4,3	7,1	0,17	0,56	6,9	5,1
Колумбия	3,46	7622,28	64	3,3	13,4	0,43	25,02	4,5	6,16
Коста-Рика	5,58	9775,85	91	4,6	12,3	0,31	12,18	5,8	7,23
Кыргызстан	0,42	1072,49	37	3,1	3,8	0,38	4,14	9,2	5,63
Латвия	4,82	15429,7	87	3,8	5,8	0,21	4,15	17,1	5,98
Литва	4,96	16855,42	91	4	7,2	0,13	4,53	23,5	6,27
Маврикий	4,76	10199,48	89	4,2	5,9	0,39	2,61	9,6	6,17
Мальта	6,42	27750,68	96	4,8	4,5	0,19	2,06	4,8	6,68
Марокко	1,82	3305,42	41	2,8	7	0,46	2,14	7,3	5,31
Мексика	4,05	10301,36	65	3	8,8	0,34	25,71	5,9	6,41
Монголия	2,27	3997,49	85	3	5,1	0,32	6,13	19,1	5,33
Норвегия	7,42	91549,04	100	5,4	4,1	0,05	0,53	10,4	7,58
Пакистан	-0,45	1155,36	43	3,7	4,8	0,54	3,96	10	5,83
Панама	5,29	11530,07	83	3,4	15,9	0,42	9,67	3,2	6,57
Перу	3,73	6314,29	72	2,6	10,3	0,41	7,91	2,7	5,71
Польша	4,05	15845,25	89	3,6	4,6	0,13	0,76	11,1	6,2
Португалия	5,73	23380,69	97	4,3	6,4	0,09	0,74	7,9	5,71

Окончание таблицы 1

Страна	Индекс консьюмеризации ¹	ВВП на душу населения (в постоянных долларах США 2010 г.) ²	Уровень свободы (по шкале Freedom House) ³	Качество образования (по шкале от 1 до 7) ⁴	Неравенство доходов (отношение доходов верхних 20% населения к нижним) ⁵	Гендерное неравенство (Gender Inequality Index) ⁶	Уровень убийств (на 100 тыс. чел. населения) ⁷	Уровень самоубийств (на 100 тыс. чел. населения) ⁸	Субъективное благополучие (по шкале от 0 до 10) ⁹
Российская Федерация	3,19	11550,53	20	3,7	6,6	0,24	9,13	24,4	5,58
Сальвадор	3,69	3441,36	70	2,3	7	0,38	61,71	6,2	6,34
Сербия	2,93	6560,32	76	3,2	4,2	0,15	1,06	0,3	5,12
Словакия	4,52	19829,82	89	2,9	4,1	0,19	1,47	9,6	6,37
США	5,52	53382,76	89	5,1	9,4	0,23	5,32	14,4	6,99
Таиланд	2,91	6135,47	32	3,7	6	0,43	2,58	7,5	5,94
Турция	4,65	14874,78	38	3,2	8,5	0,33	3,09	2,3	5,61
Украина	2,19	2988,5	61	4	3,5	0,27	6,18	16,9	4,31
Уругвай	5,57	14437,38	98	3	7,8	0,29	8,26	18,5	6,34
Финляндия	6,15	48086,67	100	5,7	3,9	0,06	1,25	14,4	7,79
Франция	5,68	43015,21	90	4,5	5,2	0,06	1,27	10,4	6,64
Хорватия	4,1	15350,44	87	3,1	5,3	0,13	1,1	10,9	5,34
Чешская Республика	4,85	22754,75	94	3,9	3,7	0,13	0,62	11,2	6,79
Швейцария	7,06	77684,05	96	6,2	5,2	0,04	0,53	10,4	7,47
Швеция	5,84	57467,25	100	4,7	4,6	0,04	1,14	12,5	7,29
Эстония	6,05	19109,31	94	4,6	5,4	0,12	2,2	15,2	5,94
Южная Африка	3,33	7476,39	78	2,3	28,4	0,41	35,7	25,8	4,51
Япония	5,99	48510,61	96	4,4	5,4	0,1	0,24	13,5	5,91

¹ Рассчитано по: WIPO IP Statistics Data Center. URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/index.htm> (дата обращения 04.05.2022); DataBank. URL: <https://databank.worldbank.org> (дата обращения 04.05.2022).

² Источник: DataBank. URL: <https://databank.worldbank.org> (дата обращения 04.05.2022).

³ Источник: Freedom in the World. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world> (дата обращения 04.05.2022).

⁴ Источник: Reports – World Economic Forum. URL: <https://reports.weforum.org> (дата обращения 04.05.2022).

⁵ Источник: United Nations Development Programme Human Development Reports. Income inequality, quintile ratio. URL: <https://hdr.undp.org/en/indicators/135106> (дата обращения 04.05.2022).

⁶ Источник: United Nations Development Programme Human Development Reports. Gender Inequality Index (GII). URL: <https://hdr.undp.org/en/indicators/68606> (дата обращения 04.05.2022).

⁷ Источник: United Nations Office on Drugs and Crime. Victims of intentional homicide, 1990–2018. URL: <https://dataunodc.un.org/content/data/homicide/homicide-rate> (дата обращения 04.05.2022).

⁸ Источник: World Health Organization. Global Health Observatory data repository. Suicide rate estimates, age-standardized Estimates by country. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.MHSUICIDEASDR> (дата обращения 04.05.2022).

⁹ Источник: Happy Planet Index. URL: <https://happyplanetindex.org/countries/> (дата обращения 04.05.2022).

Так как практически все шкалы имеют метрический или псевдометрический (представляют собой среднее от рейтинговых оценок) уровень измерения, основным инструментом для обнаружения интересующих нас взаимосвязей логично выбрать хорошо известный коэффициент корреляции Пирсона, который позволяет выявлять линейные зависимости между

переменными. Кроме того, для коэффициента Пирсона легко рассчитать частную корреляцию, позволяющую проверить гипотезу о ложности статистической связи между консьюмеризацией и социальным развитием. В *таблице 2* приведены результаты расчетов коэффициента корреляции Пирсона между интересующими нас переменными.

Таблица 2. Парные коэффициенты корреляции Пирсона

	Индекс консьюмеризации	ВВП на душу населения	Уровень свободы	Качество образования	Неравенство доходов	Гендерное неравенство	Уровень убийств	Уровень самоубийств	Субъективное благополучие
Индекс консьюмеризации	1,00	0,74**	0,65**	0,56**	-0,08	-0,74**	-0,18	-0,02	0,76**
ВВП на душу населения	0,74**	1,00	0,59**	0,78**	-0,27*	-0,72**	-0,34**	0,02	0,76**
Уровень свободы	0,65**	0,59**	1,00	0,41**	-0,02	-0,47**	-0,15	-0,04	0,55**
Уровень образования	0,56**	0,78**	0,41**	1,00	-0,42**	-0,61**	-0,51**	0,10	0,61**
Неравенство доходов	-0,08	-0,27*	-0,02	-0,42**	1,00	0,47**	0,59**	0,01	-0,16
Гендерное неравенство	-0,74**	-0,72**	-0,47**	-0,61**	0,47**	1,00	0,46**	-0,14	-0,54**
Уровень убийств	-0,18	-0,34**	-0,15	-0,51**	0,59**	0,46**	1,00	0,00	-0,10
Уровень самоубийств	-0,02	0,02	-0,04	0,10	0,01	-0,14	0,00	1,00	-0,10
Субъективное благополучие	0,76**	0,76**	0,55**	0,61**	-0,16	-0,54**	-0,10	-0,10	1,00

Примечание: здесь и далее двумя звездочками отмечены величины, значимые на уровне 0,01, одной звездочкой – значимые на уровне 0,05, остальные величины статистически незначимы.
Источник: расчёты авторов.

Данные таблицы 2 говорят о том, что индекс консьюмеризации вполне ожидаемо сильно коррелирует с уровнем ВВП. Однако структура связей ВВП и консьюмеризации с показателями социального развития существенно отличается. Первый индикатор демонстрирует значимые корреляции с уровнем свободы, качеством образования, гендерным неравенством и субъективным благополучием, в то время как второй значимо коррелирует со всеми показателями социального развития, кроме уровня самоубийств.

Конечно, корреляционный анализ не позволяет установить направленность связей: остается неизвестным, ведет ли лучшее образование к росту потребления или, наоборот, с развитием потребления повышается качество образования. Тем не менее ясно, что экспансия общества потребления может быть все-таки ассоциирована с позитивным социальным развитием, а не с деградацией. В обществах, демонстрирующих более высокий уровень консьюмеризации, в среднем наблюдаются более

высокие уровни свободы, качества образования и субъективного благополучия, меньшее гендерное неравенство. Однако остается вопрос: не обусловлены ли эти связи просто большим богатством соответствующих обществ? Для ответа на него рассмотрим частные коэффициенты корреляции (табл. 3, 4).

Из таблицы 3 следует, что консьюмеризация на самом деле не связана с качеством образования, однако в странах с более развитым обществом потребления в среднем выше уровень свободы и субъективного благополучия и ниже – гендерного неравенства, даже с поправкой на среднедушевой ВВП. Эта последняя переменная оказывается, в целом, более существенной для избранных показателей социального развития, так как демонстрирует корреляции не только с субъективным благополучием и гендерным неравенством, но и с качеством образования и уровнем убийств (см. табл. 4). С другой стороны, связь ВВП с таким важным показателем, как уровень свободы, исчезает, если сделать поправку на степень консьюмеризации.

Как видим, развитие общества потребления действительно может быть ассоциировано с позитивными социальными изменениями, но изменениями особого характера, связанного скорее с культурой, чем с материальным богатством. Уровень свободы, гендерное неравенство и субъективное благополучие могут быть отнесены к «идеологическим», «настроенческим» аспектам социальных систем, в то время как неравенство доходов, уровень убийств и качество образования (переменные, связанные с ВВП, но не конъюмеризацией) больше похожи на «базисные» аспекты.

Таблица 3. Частные коэффициенты корреляции Пирсона при исключенном влиянии уровня ВВП на душу населения

	Индекс консьюмеризации	Уровень свободы	Качество образования	Неравенство доходов	Гендерное неравенство	Уровень убийств	Уровень самоубийств	Субъективное благополучие
Индекс консьюмеризации	1,00	0,39**	-0,05	0,19	-0,45**	0,12	-0,05	0,44**
Уровень свободы	0,39**	1,00	-0,11	0,18	-0,07	0,07	-0,07	0,18
Качество образования	-0,05	-0,11	1,00	-0,34**	-0,11	-0,42**	0,14	0,03
Неравенство доходов	0,19	0,18	-0,34**	1,00	0,40**	0,55**	0,02	0,08
Гендерное неравенство	-0,45**	-0,07	-0,11	0,40**	1,00	0,34*	-0,18	0,02
Уровень убийств	0,12	0,07	-0,42**	0,55**	0,34*	1,00	0,00	0,26*
Уровень самоубийств	-0,05	-0,07	0,14	0,02	-0,18	0,00	1,00	-0,18
Субъективное благополучие	0,44**	0,18	0,03	0,08	0,02	0,26*	-0,18	1,00

Источник: расчёты авторов.

Таблица 4. Частные коэффициенты корреляции Пирсона при исключенном влиянии уровня консьюмеризации

	ВВП на душу населения	Уровень свободы	Качество образования	Неравенство доходов	Гендерное неравенство	Уровень убийств	Уровень самоубийств	Субъективное благополучие
ВВП на душу населения	1,00	0,22	0,66**	-0,32*	-0,38**	-0,32*	0,05	0,46**
Уровень свободы	0,22	1,00	0,07	0,04	0,03	-0,05	-0,04	0,11
Качество образования	0,66**	0,07	1,00	-0,45**	-0,36**	-0,50**	0,14	0,34**
Неравенство доходов	-0,32*	0,04	-0,45**	1,00	0,61**	0,59**	0,01	-0,15
Гендерное неравенство	-0,38**	0,03	-0,36**	0,61**	1,00	0,51**	-0,23	0,05
Уровень убийств	-0,32*	-0,05	-0,50**	0,59**	0,51**	1,00	-0,01	0,05
Уровень самоубийств	0,05	-0,04	0,14	0,01	-0,23	-0,01	1,00	-0,13
Субъективное благополучие	0,46**	0,11	0,34**	-0,15	0,05	0,05	-0,13	1,00

Источник: расчёты авторов.

Таблица 5. Профиль России относительно среднего по выборке стран

	Индекс консьюмеризации	ВВП на душу населения (в постоянных долларах США 2010 г.)	Уровень свободы (по шкале Freedom House)	Качество образования (по шкале от 1 до 7)	Неравенство доходов (отношение доходов верхних 20% населения к нижним)	Гендерное неравенство (Gender Inequality Index)	Уровень убийств (на 100 тыс. чел. населения)	Уровень самоубийств (на 100 тыс. чел. населения)	Субъективное благополучие (по шкале от 0 до 10)
Российская Федерация	3,19	11550,53	20	3,7	6,6	0,24	9,13	24,4	5,58
Среднее значение по выборке стран	5,99	48510,61	96	4,4	5,4	0,1	0,24	13,5	5,91

Источник: данные таблицы 1, расчёты авторов.

Связь между консьюмеризацией и социальным развитием может быть показана и на частных примерах. Так, если мы рассмотрим профиль Российской Федерации в сравнении со средними значениями по проанализированной выборке государств (табл. 5), то увидим, что для нашей страны характерны существенно меньшее развитие общества потребления и одновременно значительно худшая ситуация с уровнем ВВП на душу населения, свободой, качеством образования, неравенством, насилием и уровнем самоубийств. Заметим, что сравнение осуществляется не с общемировыми значениями, а только с 59 попавшими в анализ национальными государствами, поэтому представленную статистику нельзя считать пессимистической для России. Но она явно демонстрирует необходимость улучшения показателей социального развития российского общества. И, казалось бы, выявленные взаимосвязи прямо свидетельствуют о возможности такого улучшения через потребление. Во всяком случае потребительский спрос рассматривается многими видными отечественными экономистами в качестве если не основы, то важного фактора экономического роста (Аганбегян, 2019; Григорьев и др., 2019; Ивантер, 2019). Однако, например, З. Бауман обращает внимание на то, что рост потребления в сочетании с неравенством может быть разрушительным для социальной ткани (Bauman, Donskis, 2016, p. 43), а неравенство в России оказывается сравнительно высоким. Кроме того, сами по себе тенденции развития общества потребления могут подвергаться историческим изменени-

ям, и новые экономические отношения со временем могут просто вытеснить консьюмеризм из числа факторов развития (Castells, Hlebič, 2017, p. 180). Все это свидетельствует о необходимости крайне осторожно подходить к извлечению практических следствий из рассмотренных нами моделей статистической связи между показателями развития.

Заключение

Предпринятый анализ статистических связей, которые могут быть установлены между развитием общества потребления и социальным развитием, позволяет сделать вывод о том, что более высокий уровень консьюмеризации ассоциируется с более высоким уровнем социального развития, по крайней мере по некоторым показателям, таким как уровень свободы, гендерное неравенство и субъективное благополучие. Ни для одного из шести рассмотренных индикаторов социального развития не было зафиксировано связи экспансии общества потребления с социальной деградацией. Корреляционный анализ не позволяет установить направленность причинно-следственной связи, поэтому мы не можем говорить о том, ведет ли консьюмеризация, например, к большей свободе или большая свобода к консьюмеризации. Но наличие статистически значимых устойчивых связей с социальным развитием и отсутствие каких-либо связей с социальной деградацией дают возможность сделать предварительный вывод об опровержении базовой гипотезы критики консьюмеризма и подтверждении правоты сторонников подхода постепенного насыщения иерархически организованных

потребностей. Более того, корреляция развития общества потребления именно с культурными, идеологическими аспектами, такими как свобода, гендерное равенство и субъективное благополучие, дополнительно подтверждает справедливость иерархических моделей, предсказывающих духовную самореализацию личности и социальных общностей после удовлетворения ими базовых материальных потребностей.

Хотя сделанные выводы базируются на достаточно правдоподобном статистическом фундаменте, необходимо отдельно остановиться на их предварительном характере. Разумеется, дальнейшие исследования предполагают более масштабный в хронологическом и методическом отношении анализ, включение в рассмотрение не одного года, а протяженного периода, а также выделение причинно-следственных, а не только корреляционных связей. Однако это направление с высокой вероятностью лишь подтвердит полученные нами выводы на более развернутом материале. Возможность их опровержения открывается в другой перспективе — перспективе переосмысления и полной замены используемых показателей. В самом деле, про-

веденный нами анализ подтвердил связь общества потребления с социальным развитием, основываясь на данных, в каком-то смысле отформатированных самим обществом потребления. Ибо где же, как не в нем, живут эксперты, которые формируют шкалу свободы Freedom House, и откуда, как не из консьюмеризированной массовой коммуникации, черпают свои представления о счастье респонденты глобальных опросов Гэллапа. Так что вполне возможно, что положительные корреляции общества потребления со свободой и субъективным благополучием просто запрограммированы в моделях восприятия того и другого. В таком случае связь консьюмеризации с социальным развитием оказывается вовсе не такой однозначной, как это видится на первый взгляд, и гипотеза о подмене ценностей и закрытии путей социального развития консьюмеризмом все еще может оказаться истинной. Но для ее проверки необходимо разработать новые, критически ориентированные количественные показатели социального развития. Именно это направление кажется нам наиболее перспективным в дальнейших исследованиях общества потребления.

Литература

- Аганбегян А.Г. (2019). О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. № 1 (172). С. 3–15.
- Бабич Н.С., Батыков И.В. (2022а). Индекс развития общества потребления: теоретическое обоснование и первичная валидизация показателя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 22. № 1. С. 84–96. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-84-96
- Бабич Н.С., Батыков И.В. (2022b). Общество потребления: опыт моделирования взаимосвязей консьюмеризма и религиозности // Социологические исследования. № 7. С. 97–108.
- Бауман З. (2004). Глобализация. Последствия для человека и общества / под ред. Е.В. Яновской. М.: Весь мир. 188 с.
- Бодрийяр Ж. (2006). Общество потребления. Его мифы и структуры / под ред. Е.А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция. 269 с.
- Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Бриллиантова В.В., Кулаева Н.М. (2019). Модели российского экономического роста: тенденции личного потребления // Пространственная экономика. Т. 15. № 2. С. 150–168. DOI: 10.14530/se.2019.2.150-168
- Джеймисон Ф. (2000). Постмодернизм и общество потребления // Логос. Т. 4. С. 63–77.
- Зубкова Е.Ю. (2020). Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Вестник Российской академии наук. Т. 90. № 9. С. 882–890. DOI: 10.31857/S0869587320090091
- Ивантер В.В. (2019). Возможности ускорения темпов экономического роста в России // Общество и экономика. № 7. С. 5–11. DOI: 10.31857/S020736760005829-0
- Ильин В.И. (2005). Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. Социология. Этнология. Т. 14. № 2. С. 3–40.

- Козловский В.В. (2011). Общество потребления и цивилизационный порядок современности // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 14. № 5. С. 55–65.
- Маркузе Г. (1994). Одномерный человек / под ред. А. Жаровского. М.: REFL-book. 368 с.
- Маслоу А.Г. (1999). Мотивация и личность. СПб.: Евразия. 478 с.
- Овсянников А.А. (2011). Общества потребления: системность и тотальность кризиса // Народонаселение. № 2 (52). С. 12–31.
- Ростоу У.У. (1973). Политика и стадии роста. № 1. М.: Прогресс. 262 с.
- Федотова В. Г. (2005). Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция. 544 с.
- Фромм Э. (1990). Иметь или быть? М.: Прогресс. 336 с.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. (1997). Диалектика Просвещения. М.: Медиум. 312 с.
- Шюц А. (2003). Формирование понятия и теории в социальных науках // Вестник культурологии. № 1. С. 5–24.
- Яковенко А.В. (2021). СССР как зеркало нереализованной гуманистической перспективы // Социологические исследования. № 8. С. 72–81. DOI: 10.31857/S013216250015534-0
- Bauman Z., Donskis L. (2016). *Liquid Evil: Living with TINA*. Cambridge: Polity Press.
- Campbell C. (2021). *Consumption and Consumer Society*. Cham: Palgrave.
- Castells M., Hlebig S. (2017). Alternative economic practices in Barcelona: Surviving the crisis, reinventing life. In: Castells M. (Ed.). *Another Economy Is Possible*. Cambridge: Polity Press.
- Chessel M.E., Dubuisson-Quellier S. (2018). The making of the consumer: Historical and sociological perspectives. In: Kravets O., Maclaran P., Miles S. (Eds.). *The Sage Handbook of Consumer Culture*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Cohen M.J. (1988). *Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates.
- Cohen M.J. (2016). *The Future of Consumer Society: Prospects for Sustainability in the New Economy*. Oxford: Oxford University Press.
- Fine B. (2002). *World of Consumption: The Material and Cultural Revisited. 2nd ed.* London: Routledge.
- Gilbert J.R., Royne Stafford M.B., Sheinin D.A. et al. (2021). The dance between darkness and light: A systematic review of advertising's role in consumer well-being (1980–2020). *International Journal of Advertising*, 40(4), 491–528. DOI: 10.1080/02650487.2020.1863048
- Goodwin N., Harris J.M., Nelson J.A. et al. (2018). *Microeconomics in Context*. New York: Routledge.
- Katona G. (1964). *The Mass Consumption Society*. New York: McGraw-Hill.
- Kellner D. (1983). Critical theory, commodities and the consumer society. *Theory, Culture & Society*, 1(3), 66–83. DOI: 10.1177/026327648300100306
- Kwass M. (2022). *The Consumer Revolution, 1650–1800*. New York: Cambridge University Press.
- Lofgren O. (1994). Consuming interests. In: Friedman J. (Ed.). *Consumption and Identity*. London: Harwood.
- Nevarez L. (2011). *Pursuing Quality of Life: From the Affluent Society to the Consumer Society*. New York: Routledge.
- Sassatelli R. (2007). *Consumer Culture: History, Theory and Politics*. Los Angeles: Sage.
- Smart B. (2010). *Consumer Society: Critical Issues and Environmental Consequences*. Los Angeles: Sage.

Сведения об авторах

Николай Сергеевич Бабич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; e-mail: sociolog@mail.ru)

Иван Владимирович Батыков – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; e-mail: pub@socexpertiza.ru)

Babich N.S., Batykov I.V.

Consumer Society and Social Development: Modeling Statistical Relationships

Abstract. The article attempts to empirically assess the links between the consumerization process and various indicators of social development. We consider these indicators, as well as the process of consumerization itself, at the macrosocial level, as characteristics of societies. The latter are equated with nation-states, whose sovereignty turns each of them into a kind of long-term social experiment. Based on such “experiments”, we attempted to determine how the degree of expansion of the consumer society in the same countries is related to the indicators of social development. To achieve this goal, we analyze ways to measure the consumerization of societies and their social development, and then conduct a correlation analysis of the available data. It allows testing two competing hypotheses: the negative or positive impact of the consumer society on aspects such as freedom, education, equality, security and happiness. This analysis of statistical relationships suggests that a higher level of consumerization is associated with a higher level of social development, at least on some indicators, such as the level of freedom, gender equality, and subjective well-being. The correlation with these indicators persists even after adjusting for per capita GDP. The presence of statistically significant stable links with social development and the absence of any links with social degradation allows drawing a preliminary conclusion about the refutation of the basic hypothesis of the consumerism criticism and the confirmation of its proponents’ correctness. However, our analysis confirms the connection between consumer society and social development, based on data in a sense formatted by consumer society itself. Therefore, for the final verification of competing hypotheses, it is necessary to develop new, critically oriented quantitative indicators of social development.

Key words: consumerization, consumer society, social development, correlation analysis, freedom, equality, safety, education, subjective well-being, “good society”.

Information about the Authors

Nikolay S. Babich – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (5, building 24/35, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: sociolog@mail.ru)

Ivan V. Batykov – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (5, building 24/35, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: pub@socexpertiza.ru)

Статья поступила 04.07.2022.

Влияние барьеров трудоустройства на характеристики занятости инвалидов

**Лейла Натиговна
НАЦУН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: leyla.natsun@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9829-8866; ResearcherID: I-8415-2016

Аннотация. Инвалидность — сложное явление, порождающее целый ряд негативных социально-экономических последствий, в том числе сокращение численности населения трудоспособного возраста. В то же время не всегда инвалидность сопровождается полной утратой способности к трудовой деятельности. Как правило, лица с инвалидностью второй и третьей группы сохраняют возможность трудиться при наличии подходящих условий, однако на практике реализация их трудового потенциала ограничивается рядом обстоятельств. Цель работы состоит в обосновании негативного влияния барьеров трудоустройства на характеристики занятости инвалидов. На основе анализа статистических данных показан современный социально-демографический портрет работающих инвалидов, проанализированы характеристики их занятости и экономической активности. Установлено, что на протяжении длительного периода наиболее высокую экономическую активность проявляли лица с третьей группой инвалидности. Обосновано, что их более высокая представленность в составе занятых инвалидов, с одной стороны, обусловлена менее выраженными нарушениями здоровья и относительно невысокой потребностью в создании специализированных рабочих мест, а с другой стороны, имеет экономические предпосылки. Реализация трудового потенциала инвалидов не всегда сопровождается существенным ростом их материального благосостояния. Занятость для части инвалидов может быть вынужденным шагом, что подтверждает распространённость среди них трудоустройства не по специальности, а также на основе устной договорённости, без официального оформления. В заключительной части статьи обозначены рекомендации, которые могут способствовать более полной реализации трудового потенциала инвалидов и улучшению их материального положения.

Для цитирования: Нацун Л.Н. (2022). Влияние барьеров трудоустройства на характеристики занятости инвалидов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 203–220. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.11

For citation: Natsun L.N. (2022). The impact of employment barriers on the employment characteristics of persons with disabilities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 203–220. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.11

Ключевые слова: инвалидность, трудовая деятельность инвалидов, содействие трудоустройству инвалидов, специализированные рабочие места, квотирование рабочих мест для инвалидов, половозрастная структура контингента занятых инвалидов.

Введение

По оценкам Всемирной организации здравоохранения, 15% жителей планеты имеют ту или иную форму инвалидности. Всего же в мире проживает более 1 млрд лиц с инвалидностью¹. Эксперты прогнозируют увеличение масштабов этой острой проблемы в связи с демографическим старением. В развитых странах именно хронические неинфекционные заболевания, сопровождающие старение, становятся ведущими причинами инвалидизации и существенно снижают качество жизни населения². В работах отечественных и зарубежных авторов неоднократно демонстрировалась взаимосвязь субъективных оценок здоровья, высказываемых респондентами, с их социально-демографическими характеристиками (Максимова, Лушкина, 2014; Паутова, Паутов, 2015; Fylkesnes, Førde, 1992; Idler, 1993). Для Российской Федерации характерно значительное снижение самооценок и объективных показателей здоровья населения при переходе к старшим возрастным группам (Денисова и др., 2018; Канева, 2016). Именно этот контингент населения составляет основную группу риска наступления инвалидности.

В российских условиях значимость проблем сохранения общественного здоровья тесно связана не только с необходимостью поддержания его воспроизводства, но также и с решением задачи обеспечения экономики трудовыми ресурсами. Учитывая необратимость процесса демографического старения и инерционность поведенческих практик населения в сфере здоровьесбережения, можно предполагать, что проблема инвалидизации не утратит актуальность в ближайшие 10 лет³.

¹ Disability. World Health Organization. URL: https://www.who.int/health-topics/disability#tab=tab_1 (дата обращения 29.06.2022).

² Инвалидность и здоровье / Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs352/ru/> (дата обращения 02.05.2020).

³ Васин С.А. (2007). Лёгкое бремя инвалидности // Демоскоп Weekly. № 283–284. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0283/analit07.php> (дата обращения 23.04.2020).

В связи с этим важно проанализировать трудовой потенциал, которым обладают лица с инвалидностью, а также социально-демографический портрет группы работающих инвалидов.

В развитых странах вовлечённость инвалидов в трудовую деятельность находится в центре внимания при проведении социальной политики. На практике применяется несколько различных подходов к содействию их трудоустройству, соответствующих выбранной концепции социальной политики. Наибольшую результативность демонстрируют схемы «поддерживаемого трудоустройства», которые предполагают поиск подходящих для соискателей с инвалидностью рабочих мест на свободном рынке труда при одновременной реализации ряда мероприятий, повышающих их конкурентоспособность (Нацун, 2017). Помимо данных механизмов поддержки новые возможности трудоустройства инвалидов связаны с развитием гибких форм занятости. Однако такие практики сами по себе не демонстрируют ожидаемый положительный эффект роста занятости среди инвалидов и нуждаются в совершенствовании. Так, итальянский опыт показывает, что государственные программы «*flexicurity*» («гибкие гарантии защищенности на рынке труда») представляют собой попытку учесть и заинтересованность работодателей в гибкой рабочей силе, и потребность работников в безопасности — уверенности в том, что они не столкнутся с длительной безработицей. Но эти программы, будучи ориентированными преимущественно на содействие в трудоустройстве, не предоставляют гарантий защиты работников от последующего увольнения (Agovino, Rapposelli, 2016a; Agovino, Rapposelli, 2016b). На практике фиксируется отрицательное влияние активной политики содействия занятости инвалидов на показатели их трудоустройства. Основной причиной такого парадокса является то, что работодатели считают принятие инвалида экономически нерента-

бельным: затраты, которые они осуществляют, не окупаются за счёт налоговых льгот, которые предоставляет государство (Agovino, Parodi, 2014).

Образ инвалидов в обществе складывается на основе ряда стереотипов, препятствующих изменению неблагоприятной ситуации в области защиты их прав и интересов (Тарасенко, 2004), в том числе на рынке труда (Ольхина и др., 2019). При трудоустройстве инвалиды сталкиваются со множеством барьеров, в том числе связанных с негативным отношением со стороны работодателей и психологической неготовностью защищать свои интересы (Смолева, 2018). Отсутствие у инвалидов возможностей свободно реализовывать собственный трудовой потенциал делает их зависимыми от социальных выплат, закрепляя уязвимое положение в обществе. Однако сам по себе факт трудоустройства ещё не означает устранение проблем социальной дискриминации и социальной эксклюзии инвалидов. Если бы эти проблемы исчезали сразу после получения инвалидом рабочего места, то не регистрировалось бы таких явлений, как деформированность ниши, которую инвалиды занимают на рынке труда, и самой структуры их занятости по видам экономической деятельности⁴, несоответствие между образованием, квалификацией работающих инвалидов и требованиями занимаемых ими рабочих мест⁵.

⁴ Структура занятого населения, имеющего инвалидность, по видам экономической деятельности на основной работе / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/l6rFTNYB/tab4-10.html> (дата обращения 20.04.2022); Колыбашкина Н., Сухова А., Устинова М., Демьянова А., Шубина Д. (2021). Анализ барьеров и возможностей для участия людей с инвалидностью на рынке труда в Российской Федерации / Всемирный банк. 180 с. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099335011302129130/pdf/P175164082c1900f10b0d300c9326d7e3c8.pdf> (дата обращения 10.07.2022).

⁵ Наличие специальности и её соответствие выполняемой работе у инвалидов в возрасте 15 лет и более / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab4-17.html> (дата обращения 20.04.2022); Колыбашкина Н., Сухова А., Устинова М., Демьянова А., Шубина Д. (2021). Анализ барьеров и возможностей для участия людей с инвалидностью на рынке труда в Российской Федерации / Всемирный банк. 180 с. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099335011302129130/pdf/P175164082c1900f10b0d300c9326d7e3c8.pdf> (дата обращения 10.07.2022).

Эти явления косвенно указывают на существование значительных препятствий для улучшения материального положения инвалидов через содействие их трудоустройству. Проблемы преодоления дискриминации инвалидов в сфере реализации трудового потенциала не ограничиваются этапом поиска подходящей работы, а распространяются в целом на всю выстроенную систему их социальной поддержки.

Материалы и методы исследования

Информационную базу исследования составили результаты статистических, в том числе выборочных, наблюдений по социально-демографическим проблемам, проводимых Росстатом, а также данные, размещённые на информационном портале ФГИС «Федеральный реестр инвалидов».

Научная проблема, на решение которой направлено наше исследование, заключается в выявлении факторов, снижающих эффективность использования трудоустройства как инструмента повышения материального благополучия инвалидов, готовых и желающих работать. Гипотеза исследования состоит в том, что при наблюдаемых характеристиках занятости инвалидов трудоустройство не вносит значимый вклад в повышение их материального благополучия. Цель работы — обосновать негативное влияние барьеров трудоустройства на характеристики занятости инвалидов. В рамках проведения исследования решались следующие задачи: анализ социально-демографического портрета занятых инвалидов, результативности трудоустройства инвалидов, характеристик их занятости, вклада трудового дохода в общую величину денежного дохода инвалидов, а также формулирование рекомендаций по содействию трудоустройству инвалидов.

Для выявления текущей ситуации на данных статистики была проведена оценка степени включённости инвалидов в трудовую деятельность, выполнен анализ особенностей занятости инвалидов в России, ее социально-демографических детерминант и влияния на материальное и социальное положение инвалидов. С учетом результатов проведенных автором исследований и вторичного анализа литературных источников обоснована необходимость применения индивидуального подхода при трудоустройстве лиц с инвалидностью.

Результаты исследования

Инвалиды как социально-демографическая группа: динамика численности, половозрастная структура контингента

Общая численность инвалидов в период с 2000 по 2021 год превышала 10 млн человек. Максимальное значение показателя было зарегистрировано по состоянию на 1 января 2011 года — 13,2 млн человек, минимальное — в 2000 году — 10,5 млн человек. Значение данного показателя росло в период с 2000 по 2011 год, затем наблюдался непрерывный нисходящий тренд. Динамика показателя первичной инвалидности несколько расходится с динамикой общей инвалидности. В первую очередь данный показатель характеризуется более ярко выраженными колебаниями значений: отчетливый пик приходится на 2006 год. Согласно исследованиям российских авторов, помимо изменений критериев инвалидности основными изменениями законодательства, оказавшими влияние на первичную инвалидность, стало расширение самого понятия «инвалидность» (в 1996 г.), введение (в 2005 г.) и последующая отмена (в 2010 г.) привязки права на пенсию по инвалидности к степени ограничения способности к трудовой деятельности (ОСТД), «монетизация льгот» (в 2005 г.), отмена права на бессрочную инвалидность для лиц пенсионного возраста (в 2006 г.) (Васин, 2017; Демьянова, 2015; Кулагина, 2016). В отличие от общего показателя численности инвалидов после 2006 года численность впервые признанных инвалидами непрерывно снижалась. Ежегодно первичный выход населения на инвалидность обеспечивал пополнение общего контингента инвалидов на 0,5–1,8 млн человек, что составляло от 5 до 14% общей численности инвалидов. Наибольшим удельный вес впервые признанных инвалидами среди их общего контингента зафиксирован в 2006 году, а начиная с 2016 года он не превышал 5% (рис. 1), что определяется двумя моментами. Во-первых, сохраняется относительно высокий уровень общей инвалидности населения на фоне сокращения первичного выхода на инвалидность. Во-вторых, это специфика самой процедуры статистического учёта инвалидности. Случаи первичной инвалидности регистрируются на основании данных об об-

ращаемости населения в учреждения медико-социальной экспертизы (МСЭ) за первичным или повторным установлением инвалидности, что приводит к недоучёту её случаев — формированию скрытой инвалидности⁶. Поскольку эта проблема может сильно влиять на прогнозирование динамики показателей здоровья населения, обсуждаются методические подходы к выявлению уровня «латентной» инвалидности с использованием данных репрезентативных социологических исследований⁷ (Нацун, 2021).

Структура контингента инвалидов смещена в сторону старших возрастных групп. В 2020 году среди инвалидов 15–72 лет удельный вес лиц в возрасте 60–72 лет составлял 65,1%⁸. Следует отметить, что именно пожилое население в наибольшей степени отреагировало на изменения политики государства в области установления критериев инвалидности и объёма социальных выплат. Так, в период резкого подъёма первичной инвалидности в 2005–2006 гг. наибольший вклад в формирование восходящей динамики внесли обращения за установлением инвалидности со стороны лиц пенсионного возраста, что подтверждают данные о первичной инвалидности среди населения трудоспособного возраста: в этой категории резкого пика в тот же период не наблюдалось. Причём после отмены с 2006 года права на установление бессрочной инвалидности для лиц пенсионного возраста доля инвалидов трудоспособного возраста в составе контингента инвалидов вновь начала расти (рис. 2).

На 1 января 2022 года в России проживало более 10 млн взрослых инвалидов. В период 2000–2022 гг. в составе контингента инвалидов численно преобладали лица со второй группой

⁶ Васин С.А. (2007). Лёгкое бремя инвалидности // Демоскоп Weekly. № 283–284. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0283/analit07.php> (дата обращения 23.04.2020).

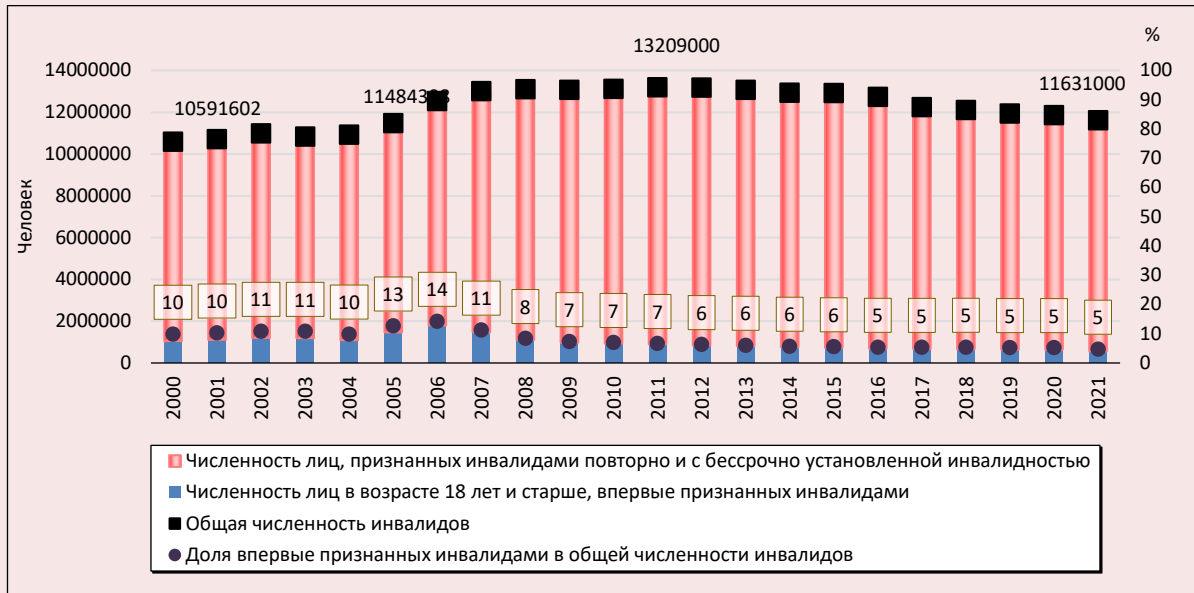
⁷ Макаренцева А.О., Васин С.А., Хасанова Р.Р. (2016). Как оценить число инвалидов в России // Демоскоп Weekly. № 695–696. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0695/tema01.php>

⁸ Структура лиц, имеющих инвалидность, по статусу участия в составе рабочей силы и возрастным группам / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Axpg9ymi/tab4-8.html> (дата обращения 20.04.2022).

инвалидности, доля которых постепенно снижалась (с 51 до 42%) на фоне роста доли лиц с третьей группой (с 33 до 40%) и сохранения от-

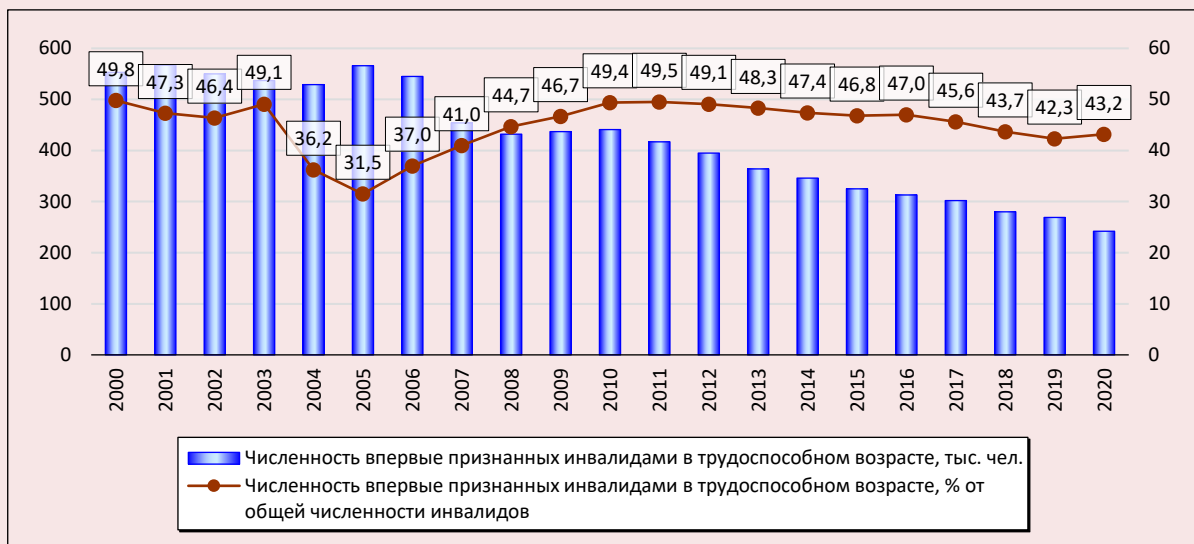
носительно стабильной доли лиц с первой группой инвалидности (11,0% в 2017 году и 11,5% в 2022 году; *рис. 3*).

Рис. 1. Динамика общей, повторной и первичной инвалидности взрослого населения Российской Федерации

Источник: Положение инвалидов / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения 20.04.2022).

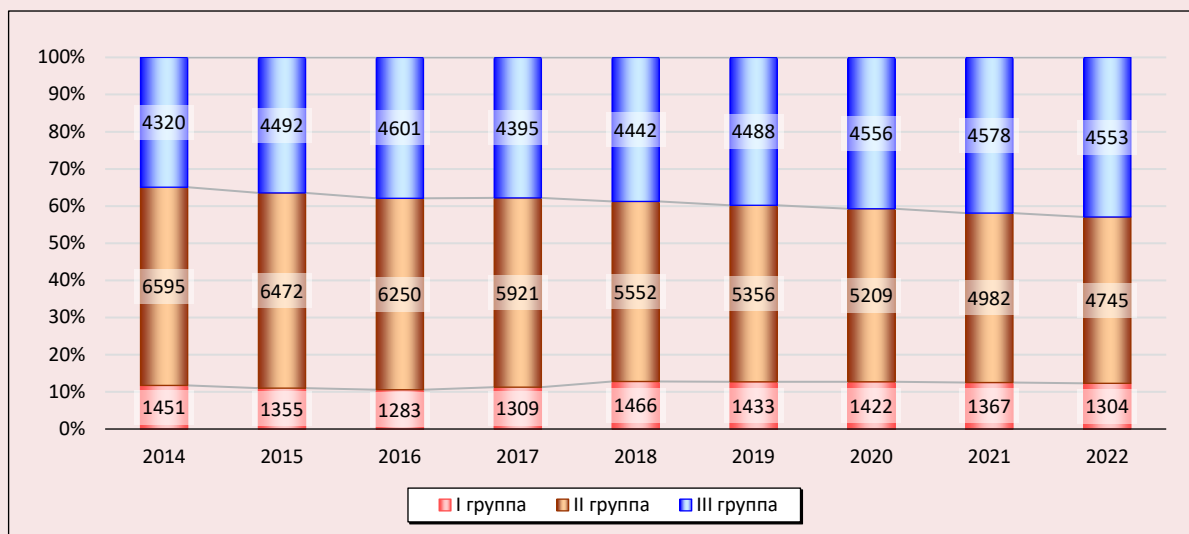
Рис. 2. Динамика первичной инвалидности взрослого населения трудоспособного возраста в 2000–2020 гг.

Примечание: данные приводятся с учётом изменения границ пенсионного возраста для мужчин и женщин.

Источник: Численность лиц в возрасте 18 лет и более, впервые признанных инвалидами // Здравоохранение в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218> (дата обращения 20.04.2022).

Рис. 3. Распределение инвалидов в возрасте 18 лет и старше по группам инвалидности, тыс. чел.

Источник: Общая численность инвалидов по группам инвалидности по субъектам Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_1.3.xlsx (дата обращения 20.04.2022).

Социально-демографический портрет занятых инвалидов

В России по данным на 1 января 2022 года численность занятых инвалидов в трудоспособном возрасте составила 1,1 млн человек, среди них на долю женщин приходилось 44%, мужчин – 56%⁹. Уровень занятости среди женщин-инвалидов в возрасте 15–72 лет был ниже, чем среди мужчин, в течение всего периода 2014–2020 гг.¹⁰

В структуре занятых инвалидов наибольший удельный вес приходился на лиц старших возрастных групп: 50–54 лет – 15,1%, 55–59 лет – 21,8%, 60–69 лет – 16,9%. Такая картина была характерна для рассматриваемой группы работников на протяжении всего периода 2014–2020 гг., за который имеются доступные статистические данные (рис. 4).

Среди работающих инвалидов наибольшую долю составляют лица с третьей группой инва-

⁹ Сведения о численности инвалидов, в том числе работающих, по субъектам Российской Федерации / Федеральный реестр инвалидов. URL: <https://sfri.ru/analitika/zanyatost/svedeniya-o-chislennosti-rabotayushchih-invalidov> (дата обращения 22.04.2022).

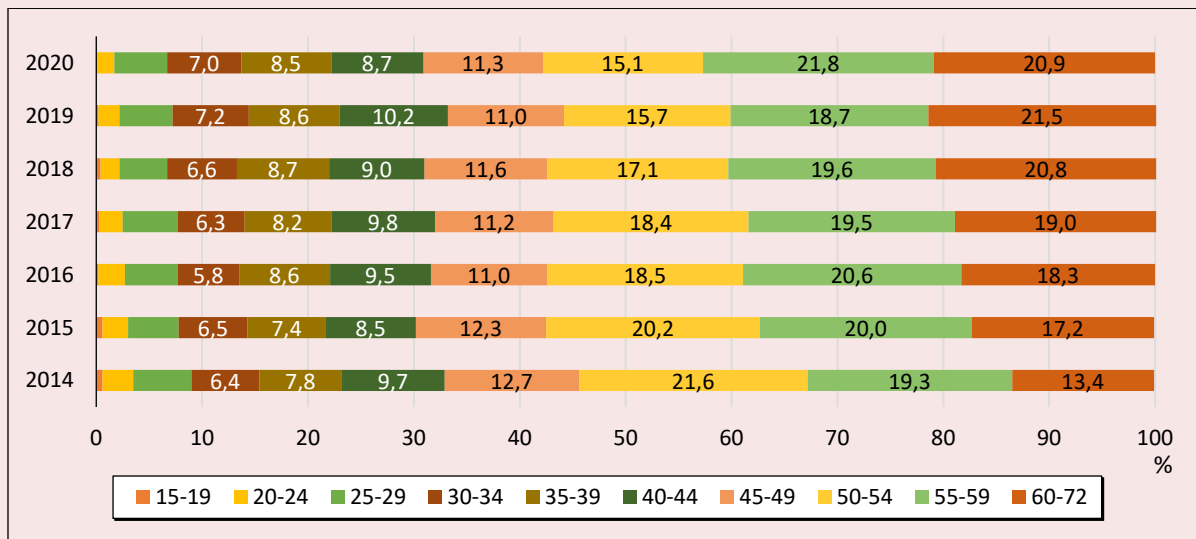
¹⁰ Примечание: до 2016 года (включительно) учитывались инвалиды в возрасте от 15 до 72 лет, с 2017 года – в возрасте 15 лет и старше.

лидности. Это обусловлено рядом обстоятельств, в первую очередь объективно более хорошим состоянием здоровья (в сравнении с инвалидами первой и второй групп), т. к. инвалидность третьей группы устанавливается в случае наименее тяжёлых нарушений и наименее выраженных ограничений функционирования. Со стороны работодателей наём инвалидов третьей группы является наименее обременительным, поскольку обычно не требуется создавать для них специально оборудованные рабочие места. Также инвалиды третьей группы обладают большей экономической заинтересованностью в наличии трудового источника дохода, поскольку средний размер пенсий по инвалидности у них ниже, чем для лиц с первой и второй группами.

На занятость также оказывает влияние ведущий тип ограничений жизнедеятельности. По данным Выборочного наблюдения Росстата, в 2021 году среди инвалидов в возрасте от 18 до 52(57)¹¹ лет относительно высокий уровень занятости наблюдался у лиц второй и третьей групп, у которых ограничения жизнедеятель-

¹¹ Верхняя граница – установленная по состоянию на 2021 год граница предпенсионного возраста для женщин и мужчин.

Рис. 4. Структура занятых лиц в возрасте 15 лет и старше, имеющих инвалидность, по возрастным группам, %

Примечание: до 2016 года (включительно) учитывались инвалиды в возрасте от 15 до 72 лет, с 2017 года – в возрасте 15 лет и старше.

Источник: Структура лиц, имеющих инвалидность, по статусу участия в составе рабочей силы и возрастным группам / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Axpg9ymi/tab4-8.html> (дата обращения 22.04.2022).

ности были связаны с ходьбой (46,4% — среди инвалидов третьей группы, 12% — среди инвалидов второй группы) или зрением (44,4% — среди инвалидов третьей группы, 15% — второй группы)¹².

Барьеры трудоустройства и особенности занятости инвалидов в России

Лица с третьей группой инвалидности, позволяющей трудиться, в структуре контингента взрослых инвалидов составляют значительную долю. Однако вовлечённость инвалидов в трудовую деятельность остаётся низкой. Так, уровень занятости среди инвалидов в 2014–2020 гг. оставался невысоким (от 8 до 12,5% в разные годы наблюдения), тогда как уровень безрабо-

тицы был выше уровня занятости в 1,5–2 раза. В 2020 году уровень занятости составил 8,6% (рис. 5). Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о том, что лица с инвалидностью недоиспользуют собственный трудовой потенциал в силу ограничивающих обстоятельств. Выявление этих препятствий и их преодоление — необходимое условие для достижения более высокого уровня доходов инвалидов и решения задачи по социальной интеграции.

По данным Федерального реестра инвалидов, в региональном разрезе наиболее высокие показатели занятости инвалидов трудоспособного возраста регистрировались в г. Санкт-Петербурге (35%), Белгородской области (34%), Курской области (33%). Самый низкий уровень занятости инвалидов трудоспособного возраста был отмечен в республиках Тыва, Хакасия, Бурятия, Еврейской автономной области, Астраханской и Ивановской областях¹³.

¹³ Занятость инвалидов в трудоспособном возрасте в разрезе субъектов РФ / Федеральный реестр инвалидов. URL: <https://sfri.ru/analitika/zanyatost/zanyatost/zanyatost-razreze-sub-ektov> (дата обращения 21.08.2022).

¹² Доли указаны в % от численности всех инвалидов данной возрастной группы, имеющих данный тип ограничений жизнедеятельности и группу инвалидности. Источник: микроданные Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, 2021 / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2021/index.html (дата обращения 22.07.2022).

Рис. 5. Уровень экономической активности, занятости и безработицы лиц, имеющих инвалидность

Примечание: до 2016 года учитывались лица в возрасте 15–72 лет, с 2017 года – лица в возрасте 15 лет и старше.
 Источник: Уровень участия в составе рабочей силы, уровень занятости и уровень безработицы населения, имеющего инвалидность / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ld0jHX0X/tab4-6.html> (дата обращения 21.04.2022).

Лидерство Санкт-Петербурга в решении вопросов содействия трудоустройству инвалидов в определённой мере обеспечивается реализацией оригинальных разработок в этой сфере, в том числе собственного подхода к использованию квотирования рабочих мест для инвалидов. В числе уникальных решений – законодательно закреплённые возможности заключения работодателями соглашений об организации рабочих мест для трудоустройства людей с инвалидностью на квотируемые рабочие места в другой организации, о направлении специалистов с инвалидностью на временные позиции в другие организации, о трудоустройстве специалистов с инвалидностью частными агентствами, о создании совместных с другими работодателями рабочих мест на основе установленной квоты¹⁴. В Санкт-Петербурге работодателям предоставляются субсидии на создание рабочих мест для инвалидов, суммы которых одни из наиболее высоких в стране¹⁵.

¹⁴ Колыбашкина Н., Сухова А., Устинова М., Демьянова А., Шубина Д. (2021). Анализ барьеров и возможностей для участия людей с инвалидностью на рынке труда в Российской Федерации / Всемирный банк. С. 47. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/0993335011302129130/pdf/P175164082c1900f10b0d300c9326d7e3c8.pdf> (дата обращения 10.07.2022).

¹⁵ Там же. С. 49.

В целом квотирование и создание специальных рабочих мест остаются ключевыми механизмами поддержки занятости среди инвалидов. В то же время в 2020 году только 6,2% инвалидов, которые нашли работу после обращения в органы службы занятости населения, были трудоустроены благодаря механизму квотирования. При этом показатели трудоустройства инвалидов через службы снижались в течение длительного периода – с 2008 по 2020 год. Численность трудоустроенных сократилась на 29%¹⁶, в том числе на квотируемые места за тот же период – на 56%¹⁷. Доля инвалидов, нашедших работу, из числа обратившихся в органы службы занятости населения также снизилась – на 4 п. п. к 2020 году по отношению к 2008 году. Эти процессы наблюдались на фоне уменьшения численности инвалидов, обратившихся за содействием в трудоустройстве в органы службы занятости населения, на 37% за

¹⁶ Численность граждан, относящихся к категории инвалидов, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы в органы службы занятости населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/grevYvAr/4-2.doc> (дата обращения 21.04.2022).

¹⁷ Трудоустройство граждан органами службы занятости населения на квотируемые рабочие места. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/63moFLyE/4-3.doc> (дата обращения 21.04.2022).

2008–2020 гг.¹⁸ Причинами сложившихся тенденций могут выступать падение доверия инвалидов к государственным системам содействия занятости, снижение заинтересованности в трудоустройстве, сокращение результативности работы органов службы занятости в части содействия трудоустройству инвалидов, в том числе на квотируемые рабочие места.

Объективной предпосылкой для снижения данных показателей также мог стать рост численности инвалидов, нуждающихся в специальных условиях труда. Однако в период 2013–2017 гг., за который доступны соответствующие данные, численность таких инвалидов¹⁹ не выросла, а, напротив, сократилась на 48%. Соотношение численности инвалидов, нуждающихся в спе-

циальных и обычных условиях труда, за указанный период также изменилось незначительно: в 2013 году в специальных условиях труда нуждались 42% освидетельствованных инвалидов, в 2017 году их доля составила 41% (табл. 1).

По данным на 2017 год большинству инвалидов третьей группы в возрасте 18 лет и старше (99,7%) было рекомендовано трудоустройство в обычных условиях. Такой высокий уровень показателя сохранялся на протяжении всего периода 2013–2017 гг. Среди инвалидов того же возраста первой и второй групп, напротив, в течение всего периода наблюдения большинство составляли те, кому было рекомендовано трудоустройство в специально созданных условиях (см. табл. 1).

Таблица 1. Численность инвалидов, которым рекомендовано трудоустройство в обычных и специальных условиях труда по результатам освидетельствования

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017	Прирост, 2017 г. к 2013 г., %
Все инвалиды, прошедшие освидетельствование, чел.	1342151	1102388	835947	730049	712518	-47
Из них рекомендовано трудоустройство:						
В обычных условиях, чел.	775093	629562	587144	431757	418699	-46,0
<i>в % от общей численности</i>	57,8	57,1	70,2	59,1	58,8	-
Среди них:						
Инвалиды I группы	51	43	55	68	91	78,4
Инвалиды II группы	10459	6537	7183	6648	6429	-38,5
Инвалиды III группы	764583	622982	579906	425041	412179	-46,1
В специальных условиях, чел.	567058	472826	248803	298292	293819	-48,2
<i>в % от общей численности</i>	42,2	42,9	29,8	40,9	41,2	-
Среди них:						
Инвалиды I группы	6720	7322	3680	4161	5042	-25,0
Инвалиды II группы	557148	463879	243393	292865	287720	-48,4
Инвалиды III группы	3190	1625	1730	1266	1057	-66,9
Источники: Численность инвалидов в возрасте 18 лет и старше, нуждающихся в трудоустройстве в специально созданных условиях труда и на дому, по рекомендациям по реабилитации граждан, признанных инвалидами, за исключением пострадавших в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/tab2-6.htm (дата обращения 21.04.2022); Численность инвалидов в возрасте 18 лет и старше, нуждающихся в трудоустройстве в обычных условиях производства с предоставлением соответствующих условий труда, по рекомендациям по реабилитации граждан, признанных инвалидами, за исключением пострадавших в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/tab2-5.htm (дата обращения 21.04.2022).						

¹⁸ Численность граждан, относящихся к категории инвалидов, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы в органы службы занятости населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/grevYvAr/4-2.doc> (дата обращения 21.04.2022).

¹⁹ Численность инвалидов в возрасте 18 лет и старше, нуждающихся в трудоустройстве в специально созданных условиях труда и на дому, по рекомендациям по реабилитации граждан, признанных инвалидами, за исключением пострадавших в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/tab2-6.htm (дата обращения 21.04.2022).

О том, что на российском рынке труда в отношении людей с инвалидностью продолжают действовать барьеры, говорит большая, по сравнению с населением в целом, средняя продолжительность периода поиска ими работы. Среднее значение в 2021 году составляло 8 месяцев, а среди населения в целом – 6,3 месяца. Наиболее распространённой причиной отказа инвалидов от предлагаемых вакансий в 2020–2021 гг. выступала низкая заработная плата (30% отказов). Соискатели с инвалидностью несколько чаще, по сравнению с населением в целом, отказывались от предложенного рабочего места из-за условий труда (26 и 25% соответственно) и удалённости рабочего места от дома (25 и 24% соответственно). Одновременно люди с инвалидностью реже, относительно населения в целом, отказывались от вакантного места, если их не устраивал характер работы (22 и 31% соответственно) или она не соответствовала их специальности (12 и 17% соответственно).

Наличие высшего профессионального образования повышает шансы инвалидов найти подходящую работу. По состоянию на 2020 год доля имеющих высшее образование была заметно выше среди занятых инвалидов (22%), чем среди безработных (16%) и неработающих (12%)²⁰. В то же время распространённой проб-

лемой остаётся трудоустройство инвалидов не по специальности. 46% лиц с инвалидностью, имеющих специальность, подтверждённую дипломом об образовании, в 2020 году работали не по специальности, причём в сельской местности доля ещё выше – 47%. Для сравнения: среди работающего населения, имеющего профессиональную подготовку, не по специальности трудились 33%²¹.

Необходимо отдельно остановиться на том, каким образом оформляются трудовые отношения между работодателем и сотрудниками с инвалидностью. На протяжении всего периода, для которого имеются доступные статистические данные, преобладающим типом оформления трудовых отношений выступал бессрочный трудовой договор (84% в 2020 году). Однако стабильной оставалась и доля тех, кто не заключал никаких официальных договорённостей с работодателем, ограничиваясь только устным соглашением (9% в 2020 году; табл. 2). Такая практика создаёт риски в первую очередь для работников, поскольку при отсутствии официального оформления трудовых отношений они лишаются части привилегий в плане режима и напряжённости труда. То же самое касается вопросов создания комфортных рабочих мест.

Таблица 2. Структура занятых инвалидов в возрасте 15 лет и старше, работающих по найму, по видам трудового договора, % от численности занятых

Вид договора	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
На основе трудового договора на неопределённый срок	83,6	84,6	84,6	85,6	85,4	84,4	84,1
На основе трудового договора на определённый срок	4,1	4,5	5,4	2,7	3,6	4,2	4,4
На основе трудового договора о выполнении работы на дому (надомника)	0,1	0,2	0,1	0,0	0,2	0,2	0,2
На основе договора гражданско-правового характера	1,3	1,3	1,3	1,1	1,2	1,9	2,3
На основе устной договорённости без оформления документов	10,7	9,2	8,6	10,5	9,6	9,3	9,0

Примечание: до 2016 года (включительно) учитывались инвалиды в возрасте от 15 до 72 лет, с 2017 года – в возрасте 15 лет и старше.
 Источник: Структура занятых в возрасте 15 лет и старше, работающих по найму и имеющих инвалидность, по видам трудового договора. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/25IMRKgb/tab4-11.html> (дата обращения 22.04.2022).

²⁰ Структура лиц, имеющих инвалидность, по статусу участия в составе рабочей силы и уровню образования (по данным выборочного обследования населения по проблемам занятости, в процентах) // Положение инвалидов / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GVyDuj5t/tab4-13.html> (дата обращения 26.04.2022).

²¹ Наличие специальности и её соответствие выполняемой работе у инвалидов в возрасте 15 лет и более (по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, в процентах) // Положение инвалидов / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab4-17.html> (дата обращения 26.04.2022).

Неофициальная занятость инвалидов, с одной стороны, является ответом на необходимость соблюдения работодателями жёстких правил при приёме инвалидов на работу, а с другой стороны, позволяет инвалидам действовать более гибко, реагируя на текущую экономическую ситуацию и изменения собственного материального положения. В то же время такую позитивную функцию могут выполнять и различные формы занятости, предусматривающие большую гибкость в плане определения сроков трудовых отношений и выбора локализации рабочего места: надомная работа, дистанционная работа, работа в рамках договоров гражданско-правового характера и срочных трудовых договоров. Однако данные способы оформления трудовых отношений представлены слабее, чем устная договорённость (см. табл. 2).

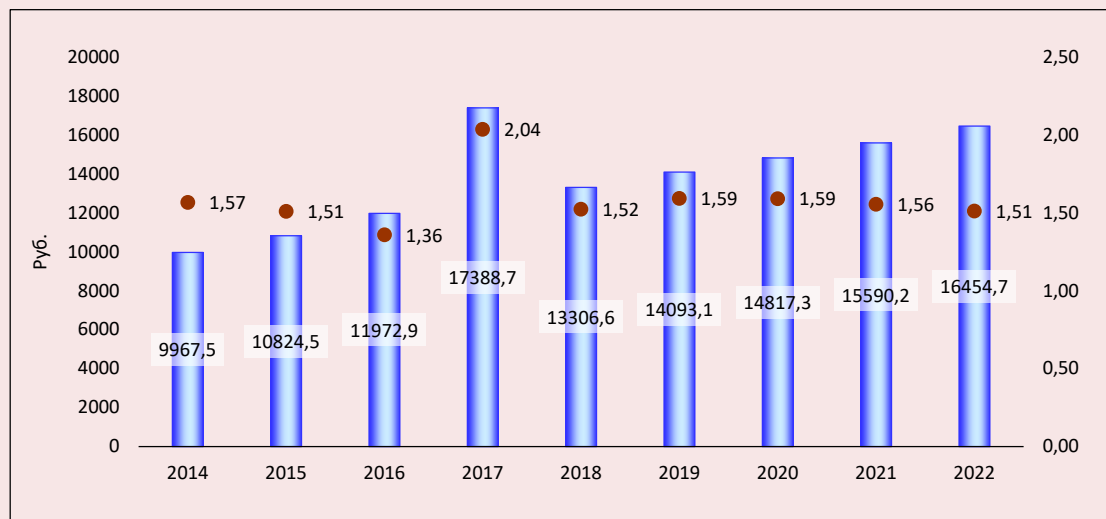
Вклад занятости в повышение материального благополучия инвалидов

В целом для абсолютного большинства инвалидов (10,31 млн человек или 87% от общей

численности) в 2020 году материальное благополучие главным образом определялось величиной государственных пенсий по инвалидности, которая в 2014–2022 гг. демонстрировала рост. Однако соотношение величины пенсии по инвалидности и прожиточного минимума пенсионера было невысоким, что свидетельствует о том, что инвалидам в России гарантирован лишь минимальный стандарт потребления, способный обеспечить только условия выживания, но не являющийся инструментом развития и реализации человеческого потенциала (рис. 6).

Следует отметить, что размер пенсионных выплат привязан к группе инвалидности, для инвалидов третьей группы он самый низкий. При проведении сравнения размера пенсий по инвалидности с величиной прожиточного минимума пенсионеров становится очевидно, что именно для инвалидов третьей группы (особенно для инвалидов с детства) наиболее актуальны вопросы повышения уровня доходов (табл. 3).

Рис. 6. Соотношение среднего размера пенсий по инвалидности с величиной прожиточного минимума

Источники: Средний размер назначенных пенсий инвалидов, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_3.1.doc (дата обращения 26.04.2022); Величина прожиточного минимума в целях установления социальной доплаты к пенсии в Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2.8.docx> (дата обращения 26.04.2022).

Таблица 3. Соотношение пенсий по инвалидности и величины прожиточного минимума

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Величина прожиточного минимума в целях установления социальной доплаты к пенсии в Российской Федерации, руб.	6354	7161	8803	8540	8726	8846	9311	10022	10882
Величина пенсионных выплат, руб.:									
Инвалиды I группы	12787,4	13907,4	15315,4	20893,8	17310,6	17977,5	18909	19940,3	21054
Отношение к величине ПМ	2,01	1,94	1,74	2,45	1,98	2,03	2,03	1,99	1,93
Инвалиды II группы	10379,4	11266,6	12479,3	17861,6	13717	14619,5	15411,3	16223,5	17132,4
Отношение к величине ПМ	1,63	1,57	1,42	2,09	1,57	1,65	1,66	1,62	1,57
Инвалиды III группы	8447,3	9203,3	10308,1	15643,3	11519,7	12336,2	13056,1	13801,5	14722,6
Отношение к величине ПМ	1,33	1,29	1,17	1,83	1,32	1,39	1,40	1,38	1,35
Дети-инвалиды	9579,3	11205,8	12339	17837,4	13030,8	13402,1	13675,9	14500,3	14998,4
Отношение к величине ПМ	1,51	1,56	1,40	2,09	1,49	1,52	1,47	1,45	1,38
Инвалиды с детства:									
I группы	9776,4	11405,7	12546,6	18107,3	13341,3	13739,3	14079,8	14953,1	15505,1
Отношение к величине ПМ	1,54	1,59	1,43	2,12	1,53	1,55	1,51	1,49	1,42
II группы	8145,8	9542,6	10479,3	15853,7	11028	11356,6	11618,7	12334,6	12787,2
Отношение к величине ПМ	1,28	1,33	1,19	1,86	1,26	1,28	1,25	1,23	1,18
III группы	4505,4	5089,6	5871,8	11126,4	6423,7	6618,4	6860,3	7203,7	7458
Отношение к величине ПМ	0,71	0,71	0,67	1,30	0,74	0,75	0,74	0,72	0,69
Источники: Средний размер назначенных пенсий инвалидов, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_3.1.doc (дата обращения 26.04.2022); Величина прожиточного минимума в целях установления социальной доплаты к пенсии в Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2.8.docx (дата обращения 26.04.2022).									

По данным социологического опроса, проведенного в 2018 году среди инвалидов, проживающих в Вологодской области²², вклад заработной платы работающих инвалидов в величину общего дохода домохозяйств варьировал в диапазоне от 9 до 67%. Причём средняя величина заработной платы работающих инвалидов составляла 10875 рублей, а её вклад в доход домохозяйства – 24%. В целом заработная плата вносила существенный вклад в доходы домохозяйств инвалидов тогда, когда её величина превышала 20000 рублей. Однако такой или более высокий уровень заработной платы был отмечен только у 10% работающих инвалидов (табл. 4).

Приведённые данные свидетельствуют, что вклад денежного дохода инвалидов от трудовой деятельности в общий объём доходов, как пра-

вило, невелик. При этом для некоторых инвалидов даже небольшой дополнительный заработок может представлять интерес, если располагаемый доход их домохозяйства в целом невысокий.

Таким образом, выполненный анализ позволяет сделать ряд обобщений. Во-первых, о том, что среди инвалидов третьей группы накоплен нереализованный трудовой потенциал на фоне их неблагоприятного материального положения по сравнению с инвалидами первой и второй групп. Во-вторых, действующие на рынке труда барьеры трудоустройства главным образом преодолевают те соискатели с инвалидностью, которые имеют низкий уровень притязаний относительно величины заработной платы и согласны работать не по своей специальности, а иногда и без официального оформления трудовых отношений. В-третьих, сочетание этих факторов приводит к тому, что трудовой потенциал инвалидов реализуется, но не обеспечивает существенного прироста материального благополучия.

²² Опрос проводился на территории Вологды, Череповца, Сокола и Великого Устюга среди инвалидов в возрасте 18 лет и старше. Объём выборки 139 человек. Из них работающих – 41 человек. Ошибка выборки – не более 5%.

Таблица 4. Вклад заработной платы работающих инвалидов в общий доход их домохозяйств

Вклад заработной платы инвалидов в общий доход домохозяйства	Статистика	Общий доход домохозяйства, руб.	Доля трудового дохода инвалида в общем доходе домохозяйства, %	Среднемесячная заработная плата, руб.
От 0 до 10% (5% от числа домохозяйств)	Среднее значение	48300	8,8	4250
	Медиана	48300	8,8	4250
	Минимум	39000	8,7	3500
	Максимум	57600	8,9	5000
От 10 до 20% (44% от числа домохозяйств)	Среднее значение	60900	15,7	9461,11
	Медиана	62000	15,5	10000
	Минимум	30000	12,9	5000
	Максимум	88000	18,8	15000
От 20 до 30% (24% от числа домохозяйств)	Среднее значение	38400	24,3	9370
	Медиана	34000	24,9	8100
	Минимум	18000	20,8	4500
	Максимум	75000	26,8	17000
От 30 до 40% (12% от числа домохозяйств)	Среднее значение	28880	32,4	9300
	Медиана	30000	31,3	10000
	Минимум	23000	30,3	8000
	Максимум	33000	36,9	10000
От 40 до 50% (7% от числа домохозяйств)	Среднее значение	46400	43,7	20000
	Медиана	45000	44,4	20000
	Минимум	22200	41,7	10000
	Максимум	72000	45,1	30000
От 60 до 70% (5% от числа домохозяйств)	Среднее значение	42000	66,6	28000
	Медиана	42000	66,6	28000
	Минимум	38000	65,8	25000
	Максимум	46000	67,4	31000
Все респонденты	Среднее значение	48610	24,3	10875
	Медиана	47000	19,8	10000
	Минимум	18000	8,7	3500
	Максимум	88000	67,4	31000

Источник: Социологический опрос инвалидов в возрасте 18 лет и старше, проживающих на территории Вологодской области (2018 год). Численность работающих респондентов – 41 человек, ответили на вопросы о доходах 40 человек.

Обсуждение

Наибольшим потенциалом вовлечения в трудовую деятельность обладают лица с третьей группой инвалидности. В то же время именно среди них фиксируется максимальный уровень безработицы, что свидетельствует о наличии проблем с поиском подходящей работы. Учитывая, что трудовая деятельность в среднем вносит несущественный вклад в общий располагаемый доход домохозяйств инвалидов, возникает вопрос, насколько такая занятость является «вынужденной», то есть обусловленной неудовлетворительным уровнем жизни инвалидов.

В России наблюдается существенная региональная дифференциация уровня занятости инвалидов. Причём занятость инвалидов связана с величиной пенсии по инвалидности, уровнем социальной защищённости населения и ситуацией на рынке труда. Так, О.В. Кучмаева указывает: во-первых, «незначительный размер пенсии по инвалидности стимулирует занятость инвалидов», а во-вторых, «в регионах, где ниже уровень бедности, даже при высоком уровне оплаты труда занятость инвалидов минимальна, что обусловлено как более высоким уровнем социальных гарантий, так и конкуренцией между инвалидами и неинвалидами».

за рабочие места» (Кучмаева, 2020). Также исследователь обосновывает, что потенциально при создании благоприятных условий для трудоустройства инвалидов рынок труда мог бы получить дополнительно 165,8 тыс. человек в качестве трудовых ресурсов, а при достижении во всех регионах страны 20% уровня занятости инвалидов численность привлечённых дополнительно работников составила бы 611,5 тыс. человек (Кучмаева, 2020).

Исследователи отмечают, что для инвалидов характерна концентрация занятости в низкоквалифицированных профессиях (Demianova, 2018). Согласно данным наблюдений, проводимых специалистами РУМЦ по Северо-Западному федеральному округу, выпускники с инвалидностью сообщают о недостатке профессиональной квалификации как о препятствии к трудоустройству (Денисова и др., 2018).

Приведённые данные свидетельствуют о том, что важным стимулом поиска работы среди инвалидов третьей группы в условиях невысокого уровня пенсионного обеспечения действительно может выступать стремление повысить уровень располагаемого дохода. Однако в условиях российского рынка труда инвалиды оказываются в невыгодном положении. На этапе поиска подходящей работы они сталкиваются с целым рядом проблем, в том числе вызванных существованием негативных стереотипов о найме работников с инвалидностью (Шкурко, Козьяков, 2018), недостаточным информированием, отсутствием подходящих вакансий и индивидуального сопровождения при трудоустройстве (Старобина и др., 2015). Квотируемые места также не решают насущные проблемы, обеспечивая лишь незначительный вклад в содействие занятости инвалидов. В результате формируется контингент работающих инвалидов, наиболее типичными представителями которого являются лица старших возрастов, мужчины, инвалиды третьей группы, лица, имеющие высшее или среднее профессиональное образование.

Специфическая структура занятости инвалидов отражается и на общем уровне их удовлетворённости своей работой и её различным аспектами. Среди работников с инвалидностью выше доля тех, кто совсем не удовлетворён величиной заработной платы (12%), надёжностью работы (5%) и выполняемыми обязанностями

(4%), в отличие от населения в целом (соответствующие значения составляли 9, 3 и 2%). Несколько выше, в сравнении с населением в целом, доля инвалидов, совсем не испытывающих профессионального (8 и 5%) и морального удовлетворения (6 и 3% соответственно) от своей работы²³. В то же время удовлетворённость различными характеристиками своего рабочего места выступает значимым критерием качества трудовой жизни человека (Белехова, 2019). Её невысокие показатели среди инвалидов свидетельствуют, что рабочие места, на которых они заняты, не в полной мере способствуют раскрытию и реализации их трудового потенциала и повышению качества жизни в целом.

Перспективы изменения сложившейся ситуации в плане повышения возможностей реализации трудового потенциала инвалидов связаны с развитием информационных ресурсов, с одной стороны, расширяющих представления инвалидов о возможностях получения профессионального образования, вариантах трудоустройства по специальности в родном регионе, а с другой стороны, направленных на расширение информированности работодателей о преимуществах найма лиц с инвалидностью, на преодоление негативных стереотипов об инвалидах в обществе. Конкретные предложения об архитектуре и содержательном наполнении таких информационных систем уже высказывались российскими исследователями (Денисова и др., 2018).

Позитивные изменения в сфере работы государственных центров содействия занятости связаны с расширением использования индивидуализированных алгоритмов работы с соискателями-инвалидами. Так, в Вологодской области органы службы занятости реализуют адресную технологию предоставления инвалидам услуг по содействию в поиске подходящей работы. Информация о каждом инвалиде, нуждающемся в таких услугах, поступает из учреждения медико-социальной экспертизы. Затем эти сведения используются для установления профессиональных предпочтений инвалидов и создания индивидуального электронного «паспорта занятости» и «индивидуального

²³ Удовлетворенность работой инвалидов в возрасте 15 лет и более. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab4-16.html> (дата обращения 26.07.2022).

плана по трудоустройству»²⁴. Для сопровождения инвалида в период поиска работы ему предоставляют персонального менеджера по трудоустройству²⁵.

Индивидуальный подход при оказании услуг по трудоустройству является распространённой практикой в развитых странах. Но и он не лишён некоторых несовершенств. Так, авторы систематического обзора исследований, опубликованных в 2002–2008 гг., об эффективности мер по содействию трудоустройству инвалидов в Великобритании, отметили, что использование личных консультантов и индивидуального ведения дел помогало людям с инвалидностью и длительными заболеваниями вернуться к работе, однако ограниченность времени и целевые показатели результатов работы консультантов по трудоустройству приводили к тому, что они изначально отбирали в программы более готовых к работе заявителей, а также к сложностям с формированием доверия со стороны клиентов, которое необходимо для эффективного ведения индивидуальных дел (Clayton et al., 2011). Безусловно, при разработке российских региональных программ следует учитывать имеющийся мировой опыт по содействию занятости инвалидов, чтобы избежать наиболее очевидных ошибок и использовать наиболее эффективные практики.

Одним из примеров успешной практики по преодолению барьеров трудоустройства инвалидов служит проведение с 2015 года ежегодных всероссийских конкурсов профессионального мастерства среди лиц с ограниченными возможностями здоровья. Движение «Абилимпикс» охватывает в настоящее время все регионы, в нём задействованы волонтёры, инструкторы и эксперты. Проведение наци-

ональных чемпионатов «Абилимпикс» осуществляется в рамках национального проекта «Образование». Для участников и победителей конкурса в своей номинации открываются возможности трудоустроиться по специальности в дружественной среде ведущих предприятий отрасли²⁶.

Содействие трудоустройству является лишь одним из направлений поддержки, которая необходима инвалидам при реализации права на труд. Поиск подходящей вакансии и устройство на работу становятся первой ступенью в профессиональной деятельности. Непосредственно на рабочем месте люди с инвалидностью также могут встречать разнообразные трудности, связанные как с самим характером выполняемой работы, так и с особенностями корпоративной культуры, отношениями в коллективе, качеством и полнотой соблюдения работодателями трудового законодательства. В зарубежном исследовании, посвящённом сравнительной оценке качества рабочих мест и удовлетворённости ими, показано, что доля тех, кто имеет высокое качество работы (интегральная величина, рассчитанная на основе оценки по четырём переменным: профессиональная должность, почасовая заработная плата, стабильность занятости, полученное обучение и субъективная удовлетворенность работой), заметно выше среди работников без инвалидности, чем среди инвалидов (Agovino, Parodi, 2014). Эти факты актуализируют исследования, направленные на оценку качества трудовой жизни работников с инвалидностью, в том числе в привязке к проблематике неустойчивой занятости и социального неравенства.

Выводы

Инвалиды слабо включены в трудовую деятельность. В составе их контингента растёт доля лиц с третьей группой инвалидности, для которых характерна наиболее высокая экономическая активность. При этом показатели уровня их занятости снижаются, сохраняется высокий уровень безработицы, а также практики трудоустройства без заключения официального договора с работодателем. В совокупности эти явления приводят к накоплению нереализованного трудового потенциала у инвалидов третьей

²⁴ Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги по организации сопровождения при содействии занятости инвалидов: Приказ Департамента труда и занятости населения Вологодской области от 11.01.2019 № 13 (ред. 16.07.2019). URL: <https://depzan.gov35.ru/deyatelnost/uchastie-v-gosudarstvennykh-i-tselevykh-programmakh/realizatsiya-tselevoy-programmy/normativno-pravovye-akty/> (дата обращения 28.04.2022).

²⁵ Наставничество и адресный подход при трудоустройстве инвалидов. URL: https://volgda-oblast.ru/novosti/novosti_organov_vlasti/nastavnichestvo_i_adresnyy_podkhod_pri_trudoustroystve_invalidov/ (дата обращения 28.04.2022).

²⁶ О движении «Абилимпикс». URL: <https://abilympics-russia.ru/mmpid/23#/> (дата обращения 26.07.2022).

группы на фоне их неблагоприятного материального положения по сравнению с инвалидами первой и второй групп. Действующие на рынке труда барьеры трудоустройства в основном преодолевают те соискатели с инвалидностью, которые согласны работать за невысокую заработную плату, зачастую не по специальности и без официального оформления трудовых отношений. Сочетание этих факторов приводит к тому, что трудоустройство не обеспечивает инвалидам существенного прироста материального благополучия.

Ключевыми направлениями мер по содействию реализации трудового потенциала инвалидов выступают развитие практик дистанционной занятости для маломобильных категорий инвалидов, тиражирование успешных практик и проектов поддерживаемого трудоустройства инвалидов, совершенствование сопровождения соискателей с инвалидностью на всех этапах оказания услуги по поиску подходящей работы и трудоустройству. Необходимо также применять индивидуальный подход к решению вопросов трудоустройства инвалидов. Инструментом совершенствования государственных

услуг в данной сфере могут служить региональные интегрированные информационные системы, содержащие сведения о вакансиях, доступных для соискателей с инвалидностью, а также о самих соискателях. Необходимы дальнейшая поддержка существующих и разработка новых проектов, направленных на повышение конкурентоспособности инвалидов на рынке труда, преодоление негативных стереотипов работодателей об их найме.

Научная новизна проведенного исследования заключается в обосновании тезиса о том, что в текущих условиях занятость инвалидов не способствует существенному улучшению их материального положения, поскольку её характеристики складываются под влиянием барьеров реализации трудового потенциала инвалидов, в условиях низкого уровня их располагаемого денежного дохода. Обоснована необходимость индивидуализированного подхода при предоставлении инвалидам услуг в области содействия трудоустройству. Результаты исследования могут представлять интерес для специалистов, занимающихся изучением вопросов качества жизни инвалидов.

Литература

- Белехова Г.В. (2019). Мнение трудоспособного населения о качестве трудовой жизни (на примере Вологодской области) // Дискурс. № 10 (36). С. 29–44.
- Васин С.А. (2017). Перспективы изменения численности и возрастного состава взрослых инвалидов в России // Проблемы прогнозирования. № 5 (164). С. 129–139.
- Демьянова А.В. (2015). Социальная политика в сфере защиты прав инвалидов в России: препринт / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 50 с. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»).
- Денисова О.А., Леханова О.Л., Самофал Р.А., Лягинова О.Ю., Парыгина С.А. (2018). К проблеме трудоустройства молодых инвалидов в Вологодской области // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. № 2. С. 208–216.
- Канева М.А. (2016). Социально-экономические, поведенческие и психологические детерминанты самооценки здоровья россиян // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 6. С. 158–171.
- Кулагина Е.В. (2016). Профиль инвалидности: демографический и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. № 11 (434). С. 103–119.
- Кучмаева О.В. (2020). Занятость инвалидов в регионах России: состояние, дифференциация, факторы // Статистика и экономика. Т. 17. № 5. С. 27–37. DOI: 10.21686/2500-3925-2020-5-27-37
- Максимова Т.М., Лушкина Н.П. (2014). Закономерности формирования самооценок здоровья в различных группах населения // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. № 1. С. 172–178.
- Нацун Л.Н. (2021). Ограничения жизнедеятельности и негативная самооценка здоровья как индикаторы риска латентной инвалидности: анализ в разрезе половозрастных групп населения // Анализ риска здоровью. № 2. С. 145–155. DOI: 10.21668/health.risk/2021.2.14

- Нацун Л.Н. (2017). «Поддерживаемое трудоустройство» инвалидов: обзор мирового опыта // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. Т. 16. № 4. С. 663–680. DOI: 10.15826/vestnik.2017.16.4.032
- Паутова Н.И., Паутов И.С. (2015). Гендерные особенности самооценки здоровья и его восприятия как социокультурной ценности (по данным 21-й волны RLMS-HSE) // Женщина в российском обществе. № 2 (75). С. 60–75.
- Ольхина Е.А., Медведева Е.Ю., Дмитриева Е.Е., Каштанова С.Н., Кудрявцев В.А. (2019). Работодатели о трудоустройстве лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью: мнения и факты // Перспективы науки и образования. № 4 (40). С. 377–392. DOI: 10.32744/pse.2019.4.29
- Молева Е.О. (2018). Барьеры инклюзии на рынке труда в восприятии социально уязвимых категорий населения (на примере Северо-Западного федерального округа) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 351–368. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.18
- Старобина Е.М., Кузьмина И.Е., Гордиевская Е.О., Климон Н.Л. (2015). Причины низкой занятости инвалидов на рынке труда в оценках инвалидов и специалистов // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. № 2. С. 40–47.
- Тарасенко Е.А. (2004). Социальная политика в области инвалидности: кросскультурный анализ и поиск оптимальной концепции для России // Журнал исследований социальной политики. Т. 2. № 1. С. 7–28.
- Шкурко Н.М., Козьяков Р.В. (2018). Идеи Л.С. Выготского и психологические проблемы занятости инвалидов // ЦИТИСЭ. № 4 (17). 17 с.
- Agovino M., Parodi G. (2014). Identifying the quality of work by fuzzy sets theory: A comparison between disabled and non-disabled workers. *Social Indicators Research*, 119, 1627–1648. DOI: 10.1007/s11205-013-0568-4
- Agovino M., Rapposelli A. (2016a). Disability and work: A two-stage empirical analysis of Italian evidence at provincial level in providing employment for disabled workers. *Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement*, 125(2), 635–648. DOI: 10.1007/s11205-014-0851-z
- Agovino M., Rapposelli A. (2016b). Does flexicurity promote the employment of disabled people? A panel analysis for Italian regional data. *Quality & Quantity*, 50, 2085–2105. DOI: 10.1007/s11135-015-0252-7
- Clayton S., Bambra C., Gosling R. et al. (2011). Assembling the evidence jigsaw: Insights from a systematic review of UK studies of individual-focused return to work initiatives for disabled and long-term ill people. *BMC Public Health*, 11, 170. DOI: 10.1186/1471-2458-11-170
- Demianova A. (2018). Employment of disabled people in Russia in the context of the digital economy. In: *Basic Research Program Working Papers. Series: Science, Technology and Innovation WP BRP 91/STI/2018*. Moscow: HSE ISSEK. Available at: <https://wp.hse.ru/data/2018/11/28/1141498514/91STI2018.pdf>
- Fylkesnes K., Førde O.H. (1992). Determinants and dimensions involved in self-evaluation of health. *Social Science & Medicine*, 35(3), 271–279. DOI: 10.1016/0277-9536(92)90023-J
- Idler E.L. (1993). Age differences in self-assessments of health: Age changes, cohort differences, or survivorship? *Journal of Gerontology*, 48(6), 289–300. DOI: 10.1093/geronj/48.6.S289

Сведения об авторе

Лейла Натиговна Нацун – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда ул. Горького д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Natsun L.N.

The Impact of Employment Barriers on the Employment Characteristics of Persons with Disabilities

Abstract. Disability is a complex phenomenon that generates a number of negative socio-economic consequences including working-age population decrease. At the same time, disability is not always accompanied by a complete loss of the ability to work. Usually, persons with disabilities of the second and

third groups retain the opportunity to work in the presence of suitable conditions, but in practice the realization of their labor potential is limited by a number of circumstances. The purpose of this work is to substantiate the negative impact of barriers to employment of disabled people on the characteristics of their employment. Based on the statistical data analysis, we have shown a modern socio-demographic portrait of working disabled people, and analyzed the characteristics of their employment and economic activity. We have found that for a long period the highest economic activity was shown by persons with the third disability group. The paper proves that their higher representation in the composition of employed persons with disabilities is due, on the one hand, to less pronounced health disorders and relatively low need to create specialized jobs, and on the other hand, has economic prerequisites. We have shown that the realization of the labor potential of disabled people is not always accompanied by a significant increase in their material well-being. Employment for some disabled people may be a forced step, which confirms the prevalence among them of employment not in their specialty, as well as on the basis of an oral agreement, without official employment. The final part of the article outlines recommendations that can contribute to the fuller realization of the labor potential of disabled people and improve their financial situation.

Key words: disability, work activity of disabled people, assistance in employment of disabled people, specialized workplaces, quotas of jobs for disabled people, gender and age structure of the contingent of employed disabled people.

Information about the Author

Leila N. Natsun – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Статья поступила 03.06.2022.

Стратегии устойчивости социально ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки

**Алевтина Викторовна
СТАРШИНОВА**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru
ORCID: 0000-0001-8804-5681; ResearcherID: Q-1245-2015

**Ольга Ивановна
БОРОДКИНА**

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: o.borodkina@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-0936-5757; ResearcherID: M-8251-2013

Аннотация. Государственная грантовая поддержка некоммерческого сектора социальных услуг ежегодно увеличивается, растут численность социальных проектов и объемы финансирования. Заинтересованность государства в качественном развитии социально ориентированных некоммерческих организаций, расширении сегмента их участия в социальном обслуживании определяется возможностями, которыми некоммерческие организации располагают как новые исполнители социальных услуг, способные внедрять инновации в решение социальных проблем граждан, нуждающихся в помощи. В России основным грант-оператором, аккумулирующим государственные средства и распределяющим их на конкурсной основе среди некоммерческих организаций, является Фонд президентских грантов. Его уникальная конкурсная система ха-

Для цитирования: Старшинова А.В., Бородкина О.И. (2022). Стратегии устойчивости социально ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 221–236. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.12

For citation: Starshinova A.V., Borodkina O.I. (2022). Sustainability strategies of socially oriented NPOs: Grant support mechanism. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), DOI: 221–236. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.12

рактически характеризуется современными стандартами поддержки проектных заявок и сопровождения социально ориентированных некоммерческих организаций в процессе реализации выигравших конкурс проектов. Отличается фонд и более значительным объемом выделяемых средств на поддержку грантов по сравнению с другими грантодателями, включая частные фонды. Проблема, определившая фокус рассматриваемых в статье вопросов, заключается в противоречии между значительностью поддержки, оказываемой региональным социально ориентированным некоммерческим организациям в процессе их становления как поставщиков социальных услуг, и сохраняющейся невысокой эффективностью деятельности организаций. Исследуя основные стратегии привлечения доходов социально ориентированных некоммерческих организаций, авторы показывают преобладание в портфеле доходов средств грантовой поддержки, которая сопровождается рисками финансовой неустойчивости организаций, нарастанием зависимости от грантовых средств как основного источника доходов. Эмпирическую базу исследования составили данные открытых источников и интервью с представителями региональных социально ориентированных некоммерческих организаций, ресурсных центров и грантодателей (n = 27). С опорой на анализ интервью с участниками исследования в статье рассмотрены возможности диверсификации доходов некоммерческих организаций и риски, содержащиеся в каждой из стратегических перспектив. Выявлена готовность некоммерческих организаций к развитию стратегий, ориентированных на привлечение донорских пожертвований и деятельности, приносящей доход. Определены условия, при которых организации способны реализовать обсуждаемые стратегии на практике.

Ключевые слова: грантовая поддержка, социально ориентированные некоммерческие организации, риски финансовой уязвимости, стратегии устойчивости, субсидии, Фонд президентских грантов.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 19-18-00246-П «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемого в СПбГУ.

Введение

Вхождение в сферу социальных услуг социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) как новых исполнителей услуг характеризует одну из тенденций трансформации социальных государств при переходе от моделей общественного благосостояния, основанных на социальном обеспечении, к современным социально-сервисным моделям. В России сфера социальных услуг также относится к приоритетным целям развития¹, и достижение этой цели предполагает государственную поддержку СОНКО как партнеров по межсекторному взаимодействию в решении социальных задач.

¹ О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 (ред. от 02.07.2021) № 7-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/87a16eb8a9431fff64d0d78eb84f86accc003448/?resource=cons&target=doc (дата обращения 30.05.2022).

Поддержка СОНКО государством осуществляется в различных формах², прежде всего через предоставление бюджетных субсидий, включая гранты³. Гранты относятся к эффективным способам прямой поддержки некоммерческих организаций (НКО), отличающимся целевым характером, позволяющим решать актуальные социальные проблемы с применением инновационных методов. Ожидаемая результативность грантовой поддержки,

² Об основах социального обслуживания граждан РФ: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/8aa93e4372acfa5dd8c704830619f2f65aa84528/ (дата обращения 02.03.2022).

³ О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 (ред. от 02.07.2021) № 7-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/87a16eb8a9431fff64d0d78eb84f86accc003448/?resource=cons&target=doc (дата обращения 30.05.2022).

включая частные гранты, достигается за счет соблюдения регламента при написании заявки, механизма конкурсного отбора, стандартов отчетности о полученных средствах, что обеспечивает контроль точного расходования предоставленных организациям средств, избегая при этом излишней формализации. В соответствии с российским законодательством бюджетные субсидии в форме грантов предоставляются напрямую организациям и через межбюджетный трансферт, т. е. через выделение регионам финансовых средств на гранты для распределения среди действующих на их территориях НКО. Гранты, финансируемые из бюджетов разного уровня, представляют собой инструмент социального инвестирования государства в некоммерческий сектор социальных услуг (Бородкина и др., 2022), благодаря которому организации развиваются, получая новые возможности для применения инновационных подходов в целях удовлетворения запросов своих целевых групп. Грантовые средства некоммерческие организации могут использовать и на привлечение дополнительных ресурсов для собственной деятельности.

Актуальность изучения складывающихся подходов НКО к грантовой поддержке прежде всего определяется общественными ожиданиями, связанными с реализацией потенциала НКО как исполнителей социальных услуг; заинтересованностью государства в увеличении и качественном развитии некоммерческого сектора, поскольку область социальных услуг олицетворяет систему общественного благосостояния и представляет собой сферу государственной ответственности; значительностью поддержки, предусмотренной государственными грантами, обеспечивающей им финансовую стабильность в период становления. Правительством РФ принят план мероприятий (дорожная карта) на 2016–2018 гг. «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере»⁴ и «Комплекс мер, направленных на обеспечение

позапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016–2020 годы»⁵. В 2019 году был утвержден Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации, предусматривающий включение в дорожные карты регионов мероприятия по развитию СОНКО и социального предпринимательства. Тем не менее, как свидетельствуют результаты отечественных исследований, потенциал бюджетного финансирования в сфере распределения грантовых средств для поддержки СОНКО остается невысоким (Мартынов, 2019; Степанов, 2020).

Учитывая возрастающий объем финансирования на грантовую поддержку НКО и большую востребованность грантов на начальном этапе функционирования организаций в сфере социальных услуг, следует изучить, насколько им удастся реализовывать появляющиеся при получении грантов возможности и преодолевать возникающие риски финансовой неустойчивости. Обозначенные вопросы определили предмет проведенного исследования, результаты которого представлены в статье. Цель работы состояла в анализе роли грантовых средств в стратегиях получения доходов региональных СОНКО для достижения стабильности, необходимой при выполнении ими своих функций в процессе вхождения в формирующийся рынок социальных услуг. Проведенный анализ основывался на интервью с руководителями и сотрудниками некоммерческих организаций, в том числе с представителями ресурсных центров и грантодателя – Фонда президентских грантов (ФПГ). В статье сделан акцент не только на преимуществах, но и на рисках грантовой поддержки, которые могут ограничивать развитие негосударственных поставщиков социальных услуг. Полученные результаты ис-

⁴ Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты»): Распоряжение Правительства РФ от 08.06.2016 № 1144-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199767/ (дата обращения 10.12.2021).

⁵ Комплекс мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016–2020 годы. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456050188> (дата обращения 10.12.2021).

следования вносят вклад в осмысление практики реализации грантов как формы поддержки СОНКО в условиях кардинальных изменений отечественной системы общественного благосостояния.

Портфель доходов НКО и риски финансовой уязвимости

Грантовая поддержка деятельности НКО находится в центре внимания исследователей и обсуждается, как правило, в контексте финансового положения организаций в рамках концепций финансовой уязвимости некоммерческих организаций. Финансовое положение организаций непосредственно влияет на вероятность получения грантов (Paarlberg et al., 2017), поскольку устойчивость НКО в этом аспекте является показателем их жизнеспособности (Bowman, 2011; Green et al., 2021). В связи с этим один из ключевых исследовательских вопросов, представленный в большинстве посвященных данной теме статей, состоит в изучении возможностей и умения организаций диверсифицировать источники доходов в целях прогнозирования и преодоления финансовой уязвимости (Mazanec, Bartosova, 2021; de Andres-Alonso et al., 2016; Tevel et al., 2015). Полученные результаты демонстрируют, что диверсифицированный портфель доходов обеспечивает больше стабильности и, следовательно, во многом определяет продолжительность жизни организаций (Carroll, Stater, 2009). Наличие нескольких потоков финансирования и определенная комбинация заработанного дохода, государственных контрактов, грантов, а также частных пожертвований и привлеченных средств создают условия, при которых НКО могут избежать чрезмерной зависимости от какого-либо одного источника доходов, стабилизировать свое финансовое положение и тем самым уменьшить риск финансовых кризисов или перебоев в финансировании (Frumkin, Keating, 2011). Более того, обосновывается необходимость диверсификации внутри источника дохода, в частности государственного финансирования, для получения больших выгод и предупреждения финансовых рисков, особенно когда речь идет о крупных организациях, способных управлять несколькими финансовыми потоками (Zhao, Lu, 2019).

Моделирование оптимального сочетания финансовых потоков базируется на концепции финансового портфеля (Kingma, 1993). В то же время последователи современной теории портфеля (МРТ) помимо требования диверсификации обращают внимание на более тонкий подход к стратегии доходов некоммерческих организаций (Qu, 2019). Портфельные риски, по их мнению, зависят от структуры доходов. Более высоки финансовые риски для организаций, имеющих в качестве основного дохода пожертвования или вообще не имеющих основного дохода. Значительно меньшим рискам финансового кризиса подвержены НКО, занимающиеся коммерческой деятельностью или имеющие государственные субсидии в качестве преобладающих в структуре доходов. Однако в последних случаях вызовом для НКО могут оказаться риски коммерциализации и ограничения, связанные с государственным финансированием. Хотя аналитики чаще всего рассматривают партнерство НКО и государства в производстве социальных услуг как существенный фактор финансовой устойчивости организаций, тем не менее государственное финансирование может повышать финансовые риски. Риски связаны с конкуренцией внутри некоммерческого сектора, а в России НКО одновременно конкурируют и с государственными социальными учреждениями за бюджетные субсидии (Старшинова, Бородкина, 2020). К этому добавляются требования жесткой экономики бюджетных средств и необходимости реагирования на возрастающий спрос на социальные услуги (Cortis, Lee, 2019).

К условиям, при которых некоммерческие организации, предоставляющие социальные услуги за счет бюджетных средств, могут справиться с потенциальными финансовыми рисками, эксперты относят умения организаций наращивать ресурсы и соответствующим образом управлять ими, включая при этом не только финансовые, но и человеческие ресурсы, информационно-разъяснительные мероприятия, целевые программы и услуги, в том числе стратегии управления, вопросы лидерства и другие (Searing et al., 2021). В то же время исследователи неоднозначно оценивают роль государственного финансирования в диверсификации

портфеля некоммерческих организаций, которое может вытеснять иные потоки или, напротив, стимулировать поиск новых источников дохода. Распространенное утверждение об эффекте вытеснения предпринимательской деятельности НКО при наличии государственного финансирования (De Wit et al., 2017) в условиях меняющейся социальной политики в сторону сокращения государственных расходов на социальные нужды во многом оспаривается результатами исследований, доказывающих, что НКО вынуждены разрабатывать предпринимательские стратегии для обеспечения своей финансовой устойчивости именно с целью получения или сохранения государственного финансирования (Mikołajczak, 2018).

Грантовая зависимость, по мнению ряда исследователей, является фактором риска финансового благополучия НКО (Green et al., 2021). На правительственные решения о предоставлении грантов некоммерческим поставщикам социальных услуг могут оказывать влияние коэффициенты административных затрат организаций (Ashley, Faulk, 2010). Установлено, что профессионализация некоммерческого сектора, измеряемая операционными и административными расходами, имеет небольшую, но, как утверждают авторы, практически и статистически значимую положительную связь с выделением грантов фондами (Stewart, Faulk, 2014). При этом профессионализация не должна превращать организации в излишне бюрократические, т. е. неэффективные в административном отношении. Такой риск не исключен при постоянном государственном финансировании (Lu, Zhao, 2019). Порядок предоставления грантов НКО предусматривает следующее: чтобы стать грантополучателями, первоначально НКО проверяются не только в аспекте финансового благополучия, во внимание принимается легитимность организации, соответствие выполняемой деятельности заявленной миссии, в дальнейшем организации с высокой степенью легитимности стимулируются, для того чтобы они могли сохранить партнерские отношения с грантодателем (Paarlberg et al., 2017).

Особое значение приобретает сетевая включенность/интегрированность НКО, создающая конкурентные преимущества при получении доступа к финансовым ресурсам на конкурент-

ных рынках, в частности грантов (Faulk et al., 2017). Организации с высоким уровнем социального капитала, приобретаемого и наращиваемого в процессе сетевого взаимодействия, более благополучны и имеют больше шансов получения грантовой поддержки (Dell et al., 2022).

Большинство российских СОНКО находятся, согласно теории жизненного цикла некоммерческих организаций, в стадии становления, имея относительно короткую историю деятельности, и испытывают острый финансовый дефицит (Старшинова, Бородкина, 2020), поэтому гранты на данном этапе их развития являются одним из наиболее востребованных способов поддержания доходов СОНКО (Степанов, 2020).

Обозначенные теоретико-методологические аспекты исследований, представленные в литературе, имеют принципиальное значение для дальнейшего осмысления отечественной практики, касающейся грантовой поддержки организаций некоммерческого сектора социальных услуг. Они были приняты во внимание при анализе эмпирических данных нашего исследования.

Методы и материалы исследования

Информационную базу исследования составили статистические данные о финансировании региональных СОНКО, размещенные в открытых источниках, документы, законодательные и нормативно-правовые акты, регулирующие развитие некоммерческого сектора социальных услуг.

В основе методологии находятся методы сбора социологической информации посредством полуструктурированных интервью с представителями СОНКО, получившими гранты, специалистами ресурсных центров, оказывающих поддержку организациям при подготовке заявок на гранты, в том числе с представителем Фонда президентских грантов, проведенные в рамках исследования развития некоммерческого сектора в российских регионах в 2019–2022 гг. ($n = 27$). Состав участников интервью, с одной стороны, позволил сформировать представление о том, как основные взаимодействующие акторы — грантополучатели и грантодатели — понимают роль грантовой поддержки в развитии новых исполнителей соци-

альных услуг, с другой – интервью были отобраны таким образом, чтобы показать позиции различных СОНКО, действующих в различающихся между собой российских регионах (Южного, Северо-Кавказского, Уральского и Дальневосточного федеральных округов, Татарстана и Москвы).

В статье также использованы данные социологического опроса, проведенного в 2020 году во всех федеральных округах РФ, посвященного изучению уровня цифрового развития региональных социальных служб, в том числе за счет грантовой поддержки. Выборочная совокупность исследования включала 22 СОНКО, зарегистрированных в региональных реестрах поставщиков социальных услуг, функционирующих в крупных и малых городских населенных пунктах, а также сельской местности. В анкету были включены вопросы о грантах как источниках финансирования цифровизации, что позволило сравнить по данному показателю некоммерческих и государственных поставщиков социальных услуг.

Результаты исследования

Организация грантовой поддержки региональных СОНКО. Основной организацией в России, оказывающей грантовую поддержку СОНКО, является Фонд президентских грантов (ФПГ), окончательно оформившийся в 2017 году в качестве единого государственного фонда-грантодателя из нескольких действующих с 2006 года фондов, сформированных за счет бюджетных средств. В настоящее время ФПГ аккумулирует и распределяет грантовые средства на развитие гражданского общества, проводит конкурсы и предоставляет гранты российским НКО на реализацию проектов по 13 направлениям, среди которых «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан»⁶. ФПГ выполняет функции не только грант-оператора, он осуществляет информационное, образовательное, юридическое и иное сопровождение некоммерческих организаций по социальному проектированию. Количество поддержанных проектов, предоставляемых НКО на конкурсы ФПГ, ежегодно возрастало до 2020 года включительно,

увеличивался и объем финансирования. В *таблице 1* содержатся данные по направлению «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан» и близкому к предмету нашего исследования направлению «Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства», отражающие динамику грантовой поддержки СОНКО за последние пять лет. Для сравнения отметим, что направление конкурса ФПГ по социальному обслуживанию является вторым по объему финансирования (85 проектов в объеме 4 945 000 руб.), уступая первенство направлению, поддерживающему молодые таланты в области культуры и искусства (18 проектов в объеме 228 112 040 руб.); третье место по объему финансирования занимает поддержка проектов в области культуры и искусства (46 проектов в объеме 64 469 765 руб.). В целом фондом проведено 9 конкурсов, в которых приняли участие 27 тысяч некоммерческих организаций, представивших 77 тысяч социальных проектов, из них по итогам конкурсов было поддержано 15877 проектных заявок на общую сумму 32,8 млрд рублей⁷. Следовательно, фондом был поддержан каждый пятый заявленный проект НКО (примерно 20% от общего числа заявок от НКО на гранты).

Социально ориентированные НКО получают также гранты частных российских фондов. Принципиальные отличия ФПГ состоят, как следует из интервью с его представителем, в размерах грантовой помощи и, что не менее важно, в развитой экосистеме поддержки НКО: *«Вообще 80% работы фонда – это не конкурсы, это сопровождение действующих проектов. За каждым проектом закрепляется куратор и финансовый аналитик. <...> Фонд президентских грантов подходит комплексно – оказывает значительную финансовую поддержку, развивает системы компетенций в сфере социального проектирования и управления, а также помогает в сопровождении и реализации проектов»* (Фонд президентских грантов, зам. руководителя, Москва, 2021 г.). ФПГ планирует транслировать созданную конкурсную модель в субъекты РФ.

⁶ Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/> (дата обращения 22.01.2022).

⁷ Подведены итоги специального конкурса на предоставление грантов Президента для некоммерческих организаций. URL: <http://kremlin.ru/events/administration/63960> (дата обращения 20.01.2022).

Таблица 1. Динамика грантовой поддержки ФПГ проектов НКО в период 2017–2021 гг. (по двум конкурсным направлениям)

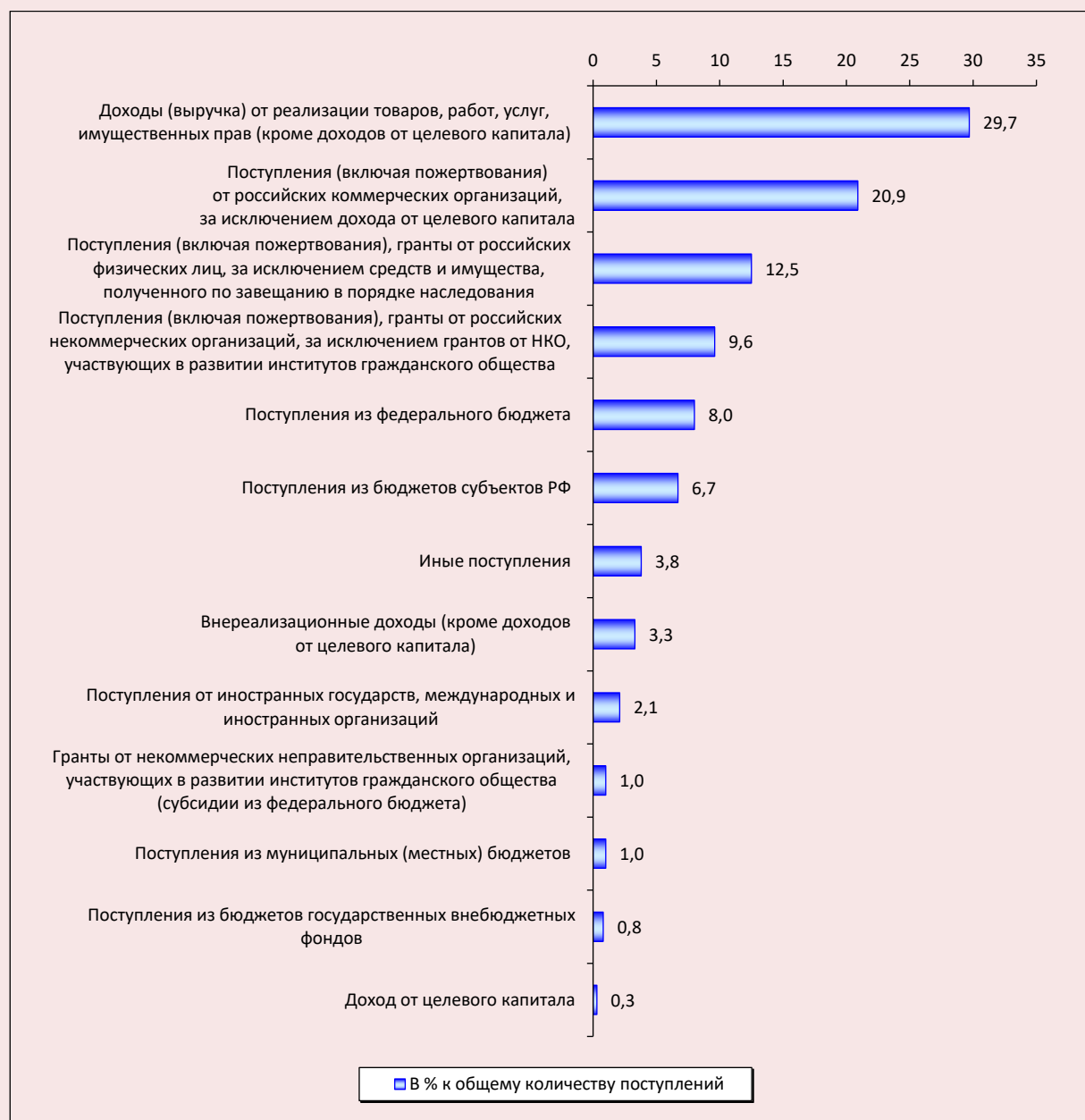
Направление поддержки	Целевая аудитория проектов	Год	Количество поддержанных проектов	Общий объем финансирования, руб.
Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан	Лица без определенного места жительства, лица, попавшие в трудную жизненную ситуацию, люди с ограниченными возможностями здоровья, пациенты с онкологическими заболеваниями и их близкие, малоимущие семьи, алко- и наркозависимые, подростки и молодежь с инвалидностью и ОВЗ, лица, освободившиеся из мест лишения свободы	2017	9	9 787 240
		2018	15	31 109 525
		2019	13	28 070 470
		2020	26	51 688 556
		2021	22	47 100 996
		Всего по направлению	85	4 945 000
Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства	Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, подростки, состоящие на профилактических учетах в ПДН, специалисты социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних, дети с ОВЗ, молодежь и студенты, педагоги, родители, многодетные и малоимущие семьи, беременные женщины	2017	6	9 751 010
		2018	9	13 583 518
		2019	6	14 456 802
		2020	14	33 632 253
		2021	9	16 281 488
		Всего по направлению	44	87 705 071
Источник: Фонд президентских грантов. URL: https://президентскиегранты.рф/				

Общий объем денежных средств и иного имущества российских СОНКО в 2020 году составлял 895 млн 345 тыс. рублей. На *рисунке* представлены разные источники получения грантовых средств и другие источники доходов НКО.

Анализ приведенных на *рисунке* данных показывает, что бюджетные средства, направляемые на поддержку НКО, в совокупности

составляют 17,5% по сравнению с 45% средств, которые организации получают из частных источников. Почти треть своих доходов организации обеспечивают за счет деятельности, приносящей доход. Рассмотрим позиции самих некоммерческих организаций, реально складывающихся стратегий привлечения ими доходов и возможных перспектив их диверсификации.

Источники денежных средств и имущества СОНКО (100% = 895345000 рублей)

Источник: Источники формирования денежных средств и иного имущества социально ориентированных некоммерческих организаций за 2020 год / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://clck.ru/aqGe2>

Гранты в структуре доходов СОНКО. Гранты являются самым востребованным среди СОНКО способом получения финансирования, особенно на начальном этапе создания организации. Об этом говорили представители НКО: «Сейчас все НКО развиваются за счет грантов» (АНО, специалист, Екатеринбург, 2022 г.), так

же считают и специалисты ресурсных центров, в чьи функции входит грантовое, информационное, правовое и иное сопровождение региональных НКО: «В основном все [НКО] ориентируются на гранты, <...> потом они, когда становятся более развитыми организациями, начинают идти в бизнес <...> и говорить о своих

проектах, привлекают бизнес, т. е. это уже пожертвование юридических лиц им идет, а начинают все, да, с грантов» (Ресурсный центр, зам. директора, Ростовская область, 2021 г.).

Руководители организаций некоммерческого сектора понимают предназначение грантов именно как стимулов инноваций в социальном обслуживании, появляющихся возможностей для разработки новых социальных проектов: *«Выигрывая гранты, получаешь хороший старт для проекта» (Частное социальное учреждение, руководитель, Ростов-на-Дону, 2021 г.).* В том числе гранты рассматриваются и как источник для привлечения новых средств, а также необходимых специалистов: *«Грант „Обними цифру” позволил мне на год нанять фандрайзера» (АНО, директор, Ростов-на-Дону, 2021 г.).*

Занимая приоритетное место в структуре финансовых источников, гранты, по мнению информантов, обеспечивают устойчивость организации: *«Нам необходим стабильный доход. Грантовые конкурсы позволяют обеспечить это» (Благотворительный фонд, директор, Свердловская область, 2022 г.).* В то же время гранты все больше становятся способом выживания, в частности источником заработной платы сотрудникам и других операционных расходов: *«Так случилось, что мне нечем было даже платить зарплату. <...> Я села писать гранты. И в итоге в прошлом году мы выиграла четыре гранта, в этом году еще два» (АНО, директор, Ростов-на-Дону, 2021 г.).*

Привлекая гранты, организации в настоящее время стремятся выстраивать за счет грантовых средств своеобразную непрерывную стратегию, обеспечивающую доход на перспективу: *«Выиграли один грант, это заложило нам зарплату на полгода, в феврале мы выиграли грант, в который закладывается зарплата на весь 2021 год, сейчас в июне мы надеемся, что получим грант на еще будущие полтора года, то есть это настолько циклично, потому что фонд президентских грантов дает возможность ведения двух грантов» (АНО, исполнительный директор, Ростов-на-Дону, 2021 г.).*

Тем не менее грантовая стратегия получения финансирования не лишена серьезных рисков, особенно в ситуациях, когда гранты являются основным источником доходов. Уже в начале работы над проектом существует риск не вы-

играть грант на его реализацию. Малочисленность специалистов, как характерная черта региональных НКО, вынуждает руководителей перестраивать рабочий график всей организации в соответствии с конкурсными периодами и сосредоточивать все усилия на подготовке очередного гранта формируют своеобразную зависимость, а риск финансовой нестабильности после его завершения деструктивен, т. к. новые направления, развиваемые в рамках социального проекта, нередко приостанавливаются и даже прекращаются: *«Мы не можем обеспечить стабильность, потому что у нас были гранты, которые мы не выиграли. <...> Была проблема с логопедом, <...> потрясающий специалист, но грант не выиграли и нет возможности оплатить [работу] человека» (Областная организация инвалидов, руководитель, Ростов-на-Дону, 2021 г.).* Получая гранты, призванные стимулировать развитие НКО в различных направлениях, после завершения проекта при отсутствии других источников доходов организации подвержены риску возвращения на исходные позиции: *«Если организация живет только благодаря грантам, она может быть жизнеспособна и устойчива, но не интересна для общества, друг для друга. У нее нет развития» (АНО, руководитель, Екатеринбург, 2021 г.).*

Необходимость предвидения подобных рисков признают все руководители СОНКО: *«Гранты просто стимулируют придумывать новые проекты, а что делать со старыми проектами? <...> Надо с самого начала продумать, что ты будешь делать с этим проектом после того, как грант закончится» (Частное социальное учреждение, руководитель, Ростов-на-Дону, 2021 г.).* Позиция в отношении роли грантов достаточно определенно была сформулирована грантодателем: *«Мы считаем, что все-таки проект и получение гранта – это некий старт, дальше деятельность должна самоорганизовываться» (Фонд президентских грантов, зам. руководителя, Москва, 2021 г.).* Следовательно, для грантодателей и самих грантополучателей становится все более очевидным, что грантовая зависимость действительно существует и организациям необходимо научиться находить альтернативные способы финансирования.

Руководители региональных СОНКО стремятся определить конструктивные пути преодоления грантовой зависимости: *«Я не считаю, что вообще гранты должны быть основным доходом организации. <...> Мой план – сползти с этой грантовой иглы и начать добывать деньги через частных корпоративных доноров. Есть еще одна идея, предпринимательская, <...> даже думаем подаваться в один из акселераторов, мы сами не дотянем, <...> как бизнес разработать, все пересчитать, понять, как стартовать на рынке. <...> Пока создали команду, <...> продумываем как, сколько нужно денег» (АНО, директор, Ростов-на-Дону, 2021 г.)*

С другой стороны, руководители НКО, работающие в сфере профилактики социально опасного поведения, отмечают, что проекты, ориентированные на помощь группам рискованного поведения (наркопотребители, бездомные и др.), крайне редко получают поддержку российский грантодателей. *«Мы с трудом выживаем, как и другие НКО» (НКО, руководитель, Казань, 2022 г.)*. Эти организации в свое время были получателями грантов зарубежных фондов, и уход международных организаций и фондов из России подорвал деятельность значительной части НКО, работающих с указанными целевыми группами.

Проблема диверсификации доходов СОНКО. Признавая наличие сложившейся зависимости от грантовой поддержки как во многом понятной и предсказуемой финансовой стратегии, все СОНКО в настоящее время озабочены необходимостью диверсификации доходов. Анализ интервью с представителями НКО показывает, что стратегии формирования доходов организаций включают достаточно однотипные источники финансирования, которые далеко не всегда обеспечивают долговременную финансовую устойчивость, к тому же каждый из источников содержит определенные риски. Участники исследования выделяли определенный набор источников доходов, характеризующий возможности диверсификации финансирования, изменения финансовой ситуации, в которой пока преобладают исключительно грантовые средства. Прежде всего к ним относятся субсидии из региональных бюджетов на проведение мероприятий в интересах целевых групп, возмещение затрат за предоставление услуг за счет бюджетных средств или выпол-

нение государственных заданий при вхождении в реестры поставщиков социальных услуг, пожертвования доноров, ресурсы волонтеров, деятельность, приносящая доход, и доходы от целевого капитала.

Полученные субсидии, как правило, рассматриваются как незначительные и затратные с точки зрения соотношения объема выделяемых денежных сумм и усилий, потраченных сотрудниками на их реализацию: *«Мы получаем субсидии государственные от Министерства труда, но там небольшие суммы» (НКО, председатель, Якутск, 2020 г.)*. Тем не менее иногда организациям удается получать целевые субсидии из регионального бюджета для трудоустройства специалистов, обеспечивающих те или иные направления деятельности, включая управление, то есть на зарплату руководителей организаций. Такие субсидии были получены в том числе и в виде грантов: *«По гранту я официально трудоустроена» (Областная организация инвалидов, руководитель, Ростов-на-Дону, 2021 г.)*. В целом информанты сошлись во мнении, что размер субсидий существенно сокращается и возможности их получения не помогают достигать стабильного состояния организаций.

При регистрации СОНКО в региональных реестрах поставщиков социальных услуг появляются возможности для возмещения затрат за счет бюджетных средств регионов или выполнения государственных заданий. Однако все организации сталкиваются с проблемой низких тарифов, что является серьезным препятствием для наращивания доходов: *«Насчёт риска поставщиков социальных услуг. <...> Тарифы настолько низкие, что это невозможно. Не вариант в реестр, не вариант. Мы пытались просчитать, но поняли, что никак. <...> У нас документооборот сожрет больше, чем то, что мы заработаем, эта же ещё сумма налогами облагается» (Областная организация инвалидов, специалист Центра развития, Ростов-на-Дону, 2021 г.)*. Вхождение в другие реестры, создающие возможности повышения престижа и узнаваемости НКО, не только не решает обозначенную проблему, но даже усиливает: *«Сейчас мы оформляем заключение по вхождению в реестр исполнителей общественно полезных услуг, там есть проблема – реестр есть, а тарифов нет» (Частное социальное учреждение, руководитель, Ростов-на-Дону, 2021 г.)*

Стратегия привлечения доходов за счет доноров становится все более реальной, основной и подходящей, по мнению участников исследования: *«Но у меня, да и у многих организаций, есть миссия перестроиться на привлечение больше частных и корпоративных пожертвований. Это более устойчивая схема развития, более сложная, длительная. Но все мы идем к этому. Некоммерческий сектор в стране появился не так давно. Система частных корпоративных пожертвований зародилась недавно, и сейчас это только все формируется»* (АНО, специалист, Екатеринбург, 2022 г.). Пока же средства от спонсоров или доноров в основном имеют целевой характер, в том числе и на ежемесячную зарплату приглашенным специалистам. В случаях отсутствия регулярных поступлений от спонсоров организация нередко не в состоянии обеспечить заработную плату своим сотрудникам: *«Специалисты могут уйти, потому что я просто не найду денег на их зарплату. А донести до спонсоров, что нужно просто деньги перечислить на заработную плату специалистов, потому что мы оказываем услуги всему населению бесплатно — это невозможно, <...> здесь проблема»* (НКО, директор, Екатеринбург, 2019 г.). Таким образом, НКО, особенно имеющие более длительный опыт работы, в настоящее время больше занимаются привлечением средств за счет частных пожертвований, преимущественно бизнеса. Реализация такой стратегии дает возможность организациям сосредоточиться на социальном обслуживании тех социальных групп, ради которых они создавались: *«...Общественники [НКО] <...> должны с бизнесом общаться. Нам теперь нужно <...> не думать о том, где заработать деньги. А сконцентрироваться на оказании услуг»* (НКО, директор, Екатеринбург, 2019 г.).

Отдавая предпочтение доходам в виде пожертвований доноров, представители НКО понимают типичные риски такой стратегии: *«У нас было четыре крупных донора, которые нам ежемесячно перечисляли определенную сумму, <...> и несколько частных доноров, более мелких. Нагрянул кризис, у нас два самых крупных донора отвалились. <...> [Остальные] просто прекратили финансирование без объяснений. <...> В апреле на счете организации было ноль рублей»* (АНО, директор, Ростов-на-Дону, 2021 г.).

В более благоприятной ситуации находятся организации, имеющие постоянное финансирование учредителя, но это скорее исключение, чем распространенная практика. Так, частному благотворительному фонду, одновременно выполняющему функции социального обслуживания детей с ограниченными возможностями здоровья, удалось сформировать качественный штат профессиональных сотрудников, соответствующий уровню современных организационных стандартов, благодаря ежемесячным поступлениям средств учредителя: *«У нас <...> 9 специалистов, все они официально трудоустроены в фонде, есть 3 специалиста на ДППХ, и остальные сотрудники по трудовому договору работают, у всех полный социальный пакет, чистая зарплата. Все так благодаря учредителю, потому что мы его лицо <...>. Мы ежемесячно получаем определенную сумму на благотворительность, и определенный процент идет на заработную плату, <...> работаем ежедневно, по определенному графику, с определенными должностными обязанностями. <...> Есть PR-менеджер, который ведет гранты, социальные сети, пишет заявки»* (АНО, исполнительный директор, Ростов-на-Дону, 2021 г.).

Успешность стратегии привлечения пожертвований от доноров определяется не только экономической ситуацией. Отношения некоммерческих организаций и доноров участники исследования рассматривали как взаимные заинтересованные отношения двух сторон. С одной стороны, это сами организации, имеющие опыт, партнеров из сферы бизнеса, отношения с которыми формируются годами и определяются авторитетом организации, общественным доверием к ней; с другой — жертвователи средств и, как подчеркивали представители СОНКО, система ценностей, традиций, принципов, т. е. культура пожертвований, которая сегодня еще не сложилась. Донорство не имеет системного характера, нередко спонсоры, благотворители, жертвователи не только не ожидают от организаций информирования о потраченных средствах, но отказываются от отчетов: *«Дали и забыли о нас. Это, конечно, в корне неправильный подход. Но переломить ситуацию не можем, сил на это не хватает. Похоже на то, что от нас как будто откупаются»* (Благотворительный фонд, руководитель, Екатеринбург, 2022 г.).

Взаимодействие между жертвователями и организациями, нуждающимися в пожертвованиях, чтобы быть результативным, должно мотивировать участников к еще во многом формирующейся практике, а не наоборот.

Ресурсом развития СОНКО является волонтерство, к тому же добровольческая деятельность может давать вполне ощутимые экономические эффекты для организации. Руководители и специалисты организаций, работающие на постоянной основе, чаще всего были приглашены учредителями для работы во время участия в волонтерских мероприятиях или когда проходили практику, будучи студентами, занимались волонтерством как родители «особых» детей, получающих услуги в организации. Однако в интервью неоднократно высказывалась схожая для многих участников позиция: *«Чаще всего, если люди работают бесплатно, то они работают некачественно, все-таки за труд платить надо, и даже волонтеров тоже поощрять нужно»* (АНО, исполнительный директор, Ростов-на-Дону, 2021 г.).

В противоположность безвозмездной деятельности в НКО начинают детально просчитывать развитие хотя и спорного для них направления, но вызывающего интерес возможными преимуществами — деятельности, приносящей доход. При этом среди информантов были представители организаций, занимающихся обслуживанием детей с инвалидностью, поэтому они не рассматривают бизнес в качестве альтернативного источника доходов. Произведенная такими организациями продукция чаще всего не способна конкурировать на рынке: *«То, что ребята делают, продавать <...> сложно, то же торговое место, аренду его оплатить. Эта продукция, мы рассчитывали, никак не окупится»* (Областная организация инвалидов, специалист, Ростов-на-Дону, 2021 г.). Появившись еще в советский период, такого типа организации длительное время управлялись и финансировались централизованно, не получив необходимых навыков ведения коммерческой деятельности. Прямо противоположной позиции придерживаются руководители организаций, имеющих опыт бизнес-деятельности в условиях рыночного развития: *«На данный момент мы полностью на самоокупаемости. Мы работаем только благодаря тому, что нам удает-*

ся заработать от продажи продукции, которую производят мастерские» (АНО, руководитель, Екатеринбург, 2022 г.). При этом деятельность, приносящая доход, может соответствовать профилю услуг, которые СОНКО предоставляют своим целевым группам. Не отказываясь от идеи развития бизнеса, представители СОНКО критически оценивали возможности стратегии, основными барьерами которой выступают дефицит кадровых ресурсов, отсутствие нужного уровня квалификации, необходимых компетенций в области бизнеса. К тому же органы управления, по их мнению, настороженно относятся к любому виду бизнеса некоммерческих организаций, близкого к профильной деятельности, которая для получателей является бесплатной, а затраты НКО возмещают из региональных бюджетов. В этом случае у организаций существует риск потерять бюджетное финансирование. Основная же проблема развития бизнеса в НКО связана с отсутствием «свободных» сотрудников: *«Народу мало у нас, менеджеров опытных»* (АНО, руководитель, Екатеринбург, 2022 г.). Данные Минэкономразвития о том, что средняя численность сотрудников российских СОНКО колеблется в пределах от трех до семи человек, подтверждают обозначенную проблему. Участники исследования убеждены, что стратегия, основанная на деятельности, приносящей доход, подходит в основном крупным организациям. Однако, как отмечали представители одного из регионов с численностью населения свыше 4 млн человек, таких организаций во всей области лишь несколько.

В качестве еще одной перспективной стратегии для СОНКО рассматривается получение дохода от фонда целевого капитала: *«Мы сейчас с нашими жертвователями <...> серьезно обсуждаем <...> создание целевого капитала. <...> Это долгосрочное решение проблемы устойчивости организации, <...> жить на пожертвования хорошо, но ты не знаешь, что будет дальше* (Частное социальное учреждение, руководитель, Ростов-на-Дону, 2021 г.). Для реализации стратегии по действующему законодательству необходим фонд целевого капитала, который не может быть менее трех миллионов рублей, также нужны партнеры из сферы бизнеса, банковского сектора, менеджмента. Далеко не все СОНКО обладают соответствующим уровнем доверия,

узнаваемости, включенности в сферу бизнеса. Никто из информантов, представляющих СОНКО из разных российских регионов, не имел опыта создания подобного фонда, поэтому идея получения доходов с помощью такого финансового инструмента пока остается привлекательной перспективой, а не близкой к осуществлению на практике стратегией.

Развитие социального капитала благодаря сетевой включенности некоммерческих организаций, интеграции их в сетевые взаимодействия могло бы способствовать повышению их авторитета, «видимости» и признанию потенциальными бизнес-партнерами. Во многом это определяется уровнем цифрового развития СОНКО и их финансовыми возможностями. По данным проведенного нами опроса, в совокупности источников финансирования, направляемого на цифровизацию деятельности СОНКО, грантовые средства составляют 18,8%, остальные средства формируются за счет самостоятельно заработанных доходов или предоставлены донорами. В этом отношении некоммерческие организации уступают государственным учреждениям социального обслуживания, развивающим свои цифровые траектории преимущественно за счет бюджетного финансирования (Архипова, Бородкина, 2021). Несмотря на представленность региональных СОНКО в разнообразных сферах цифрового пространства, данное направление их развития пока предполагает более значительные инвестиционные усилия, чем приносит дивиденды.

Выводы

Для российских социально ориентированных некоммерческих организаций грантовая поддержка является механизмом, обеспечивающим определенную финансовую стабильность, что позволяет им не только оставаться на формирующемся рынке социальных услуг, но и развивать инновационные социальные проекты. Созданная Фондом президентских грантов конкурсная модель, принципиально отличающаяся от других достаточно большими объемами грантового финансирования НКО и уникальной экосистемой поддержки конкурсантов, способствовала вовлечению большого числа СОНКО в процесс социального проектирования в относительно короткий период времени. Однако наряду с преимуществами грантового

субсидирования, которые дополняют гранты частных фондов, отчетливо начинают проявляться риски наиболее востребованной сегодня некоммерческими организациями грантовой стратегии формирования доходов. Предпочтения ее выбора в качестве основной, а нередко и единственной, усиливают финансовую уязвимость организаций, сдерживая возможности иных способов привлечения доходов, среди которых взаимодействие с потенциальными донорами, развитие предпринимательской деятельности, участие в выполнении государственных контрактов, поиск приемлемых финансовых инструментов, предлагаемых банками, и др. При этом постоянное участие в грантовых конкурсах не гарантирует развития организации, что предполагает грант, поскольку получение нового гранта, как правило, сопровождается завершением деятельности, поддержанной предыдущим грантом, а вероятность проигрыша в очередном грантовом конкурсе создает угрозы не только для реализации планируемых новых направлений, но и для поддержания текущей деятельности. Одна из главных причин обозначившихся рисков связана не столько с непониманием представителями НКО необходимости сочетать направления деятельности, формирующие портфель доходов, сколько с отсутствием условий и ресурсов для создания принципиально новых подходов к обеспечению финансовой устойчивости.

Вопрос о том, как преодолеть явную зависимость от грантовых средств, которая все больше довлеет над СОНКО, сохраняет актуальность, не получив однозначного решения со стороны представителей организаций, участвующих в исследовании. Очевидно, что наметились определенные пределы наращивания объемов государственного финансирования, включая грантовые средства. Об этом свидетельствуют снижение размеров субсидий, небольшой размер тарифов на социальные услуги, что делает указанные источники финансирования все менее привлекательными для СОНКО. В 2021 году уменьшилось количество поддержанных ФПГ социальных проектов.

В то же время обсуждаемые возможности развития иных источников финансового обеспечения, связанные с активизацией деловых инициатив самих организаций, свидетельству-

ют о наметившихся тенденциях конструктивного подхода к обозначенной проблеме. Развитие бизнес-деятельности и выстраивание отношений с донорами, спонсорами, благотворителями как ресурсов перспективных стратегий СОНКО подразумевает наличие опыта и соответствующих компетенций персонала, изменение организационной культуры, а также расширение штата сотрудников НКО. Для того чтобы перейти от обсуждения способов диверсификации доходов к практике их осуществления, организациям необходимо разнообразить и научиться сочетать стратегии доходов, принимая во внимание свои возмож-

ности. Усиливающийся интерес к этим стратегиям, несмотря на сопутствующие им риски, мотивирует представителей организаций участвовать в программах социальных акселераторов и других современных формах обучения (Старшинова, Чикова, 2021). Культура благотворительности и запрос на формирование партнерской среды в понимании участников исследования непосредственным образом определяют развитие стратегий, позволяющих обеспечить устойчивость некоммерческих организаций. Однако создание соответствующих условий в этом отношении требует системных изменений и времени.

Литература

- Архипова Е.Б., Бородкина О.И. (2021). Проблемы и противоречия цифровой трансформации социальных служб в России // Социология науки и технологий. Т. 12. № 4. С. 116–134. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-4-116-134
- Бородкина О.И., Старшинова А.В., Архипова Е.Б. (2022). Социальное инвестирование: проблемы и стратегии развития // Terra Economicus. Т. 20. № 2. С. 6–31. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-6-31
- Мартынов М.Ю. (2019). Социально-ориентированные некоммерческие предприятия – обретение легитимности? // Социологические исследования. № 10. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013216250007102-5
- Старшинова А.В., Бородкина О.И. (2020). Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики // Журнал исследований социальной политики. № 3. С. 411–428. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-3-411-428
- Старшинова А.В., Чикова Е.В. (2021). Акселерационные программы в экосистеме поддержки социального предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 4. С. 216–230. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.13
- Степанов В.А. (2020). Эффективность грантовой поддержки российских социально ориентированных некоммерческих организаций (на примере Фонда президентских грантов) // Социологические исследования. № 9. С. 79–89. DOI: 10.31857/S013216250009619-3
- Ashley S., Faulk L. (2010). Nonprofit competition in the grants marketplace: Exploring the relationship between nonprofit financial ratios and grant amount. *Nonprofit Management and Leadership*, 21(1), 43–57. DOI: 10.1002/nml.20011
- Bowman W. (2011). Financial capacity and sustainability of ordinary nonprofits. *Nonprofit Management and Leadership*, 22(1), 37–51. Available at: <https://doi.org/10.1002/nml.20039>
- Carroll D.A., Stater K.J. (2009). Revenue diversification in nonprofit organizations: Does it lead to financial stability? *Journal of Public Administration Research and Theory*, 19(4), 947–966. Available at: <http://dx.doi.org/10.1093/jopart/mun025>
- Cortis N., Lee I. (2019). Assessing the financial reserves of social service charities involved in public service delivery. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 48(4), 738–758. DOI: 10.1177/0899764018815619
- De Andres-Alonso P., Garcia-Rodriguez I., Romero-Merino M.E. (2016). Disentangling the financial vulnerability of nonprofits. *Voluntas*, 27, 2539–2560. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11266-016-9764-6>
- De Wit A., Bekkers R., van Groenou M.B. (2017). Heterogeneity in crowding-out: When are charitable donations responsive to government support? *European Sociological Review*, 33(1), 59–71. DOI: 10.1093/esr/jcw048
- Dell S., Subedi M., Hsu M.K., Farazmand A. (2022). Social capital and financial performance in nonprofits. *Public Organization Review*, 22(1), 193–210. DOI: 10.1007/s11115-021-00570-0
- Faulk L., McGinnis Johnson J., Leczy J.D. (2017). Competitive advantage in nonprofit grant markets: Implications of network embeddedness and status. *International Public Management Journal*, 20(2), 261–293. Available at: <https://doi.org/10.1080/10967494.2016.1141811>

- Frumkin P., Keating E.K. (2011). Diversification reconsidered: The risks and rewards of revenue concentration. *Journal of Social Entrepreneurship*, 2(2), 151–164. Available at: <https://doi.org/10.1080/19420676.2011.614630>
- Green E., Ritchie F., Bradley P., Parry G. (2021). Financial resilience, income dependence and organisational survival in UK charities. *Voluntas*, 32(5), 992–1008. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11266-020-00311-9>
- Kingma B.R. (1993). Portfolio theory and nonprofit financial stability. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 22(2), 105–119.
- Lu J., Zhao J. (2019). Does government funding make nonprofits administratively inefficient? Revisiting the Link. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 48(6), 1143–1161. DOI:10.1177/0899764019859435
- Mazanec J., Bartosova V. (2021). Prediction model as sustainability tool for assessing financial status of non-profit organizations in the Slovak Republic. *Sustainability (Switzerland)*, 13(17), 9721. Available at: <https://doi.org/10.3390/su13179721>
- Mikołajczak P. (2018). The impact of the diversification of revenues on NGOs' commercialization: Evidence from Poland. *Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*, 13(4), 761–779. DOI: 10.24136/eq.2018.037
- Paarlberg L.E., Moulick A.G., Van Puyvelde S. (2017). Testing a two-stage grant allocation process: The case of the united way. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 46(6), 1117–1141. DOI: 10.1177/0899764017720769
- Qu H. (2019). Risk and diversification of nonprofit revenue portfolios: Applying modern portfolio theory to nonprofit revenue management. *Nonprofit Management and Leadership*, 30(2), 193–212. DOI: 10.1002/nml.21385
- Searing E.A.M., Wiley K.K., Young S.L. (2021). Resiliency tactics during financial crisis: The nonprofit resiliency framework. *Nonprofit Management and Leadership*, 32(2), 179–196. DOI: 10.1002/nml.21478
- Stewart A.J., Faulk L. (2014). Administrative growth and grant payouts in nonprofit foundations: Fulfilling the public good amid professionalization? *Public Administration Review*, 74(5), 630–639. Available at: <https://doi.org/10.1111/puar.12231>
- Tevel E., Katz H., Brock D.M. (2015). Nonprofit financial vulnerability: Testing competing models, recommended improvements, and implications. *Voluntas*, 26(6), 2500–2516. DOI: 10.1007/s11266-014-9523-5
- Zhao J., Lu J. (2019). The crowding-out effect within government funding: Implications for within-source diversification. *Nonprofit Management and Leadership*, 29(4), 611–622. Available at: <https://doi.org/10.1002/nml.21351>

Сведения об авторах

Алевтина Викторовна Старшинова — доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620083, Российская Федерация, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru)

Ольга Ивановна Бородкина — доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (191124, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3; e-mail: o.borodkina@spbu.ru)

Starshinova A.V., Borodkina O.I.

Sustainability Strategies of Socially Oriented NPOs: Grant Support Mechanism

Abstract. The amount of grant support allocated by the state to the non-profit sector of social services is increasing annually; the number of social projects and the volume of their funding are growing as well. The state's interest in the qualitative development of socially oriented non-profit organizations and expansion of the segment of their participation in social services is determined by the opportunities that non-profit organizations possess as new performers of social services, capable of introducing innovation in addressing social problems of citizens in need of support. In Russia, the Presidential Grants Foundation is

the major grant operator that accumulates public funds and distributes them on a competitive basis among non-profit organizations. Its unique competitive system complies with modern standards for supporting project applications and supports socially oriented non-profit organizations in the process of implementing winner projects. The Foundation is also distinguished by a more significant amount of funds allocated to support grants in comparison with other grantmakers, including private foundations. The problem that determined the focus of the issues considered in the article is the contradiction between the significant amount of support provided to regional socially oriented non-profit organizations in the process of their formation as providers of social services, and the continuing low efficiency of these organizations. We investigate major strategies for raising funds by socially oriented non-profit organizations and show that their income portfolio consists mainly of the funding that comes from grant support, which is accompanied by risks of financial instability of organizations and an increasing dependence on grant funds as the main source of income. The empirical base of the study includes open source data and interviews with representatives of regional socially oriented non-profit organizations, resource centers and grantgivers (n = 27). Based on the analysis of interviews with the participants of the study, the article examines the possibilities of income diversification for non-profit organizations and the risks each strategic perspective may entail. We reveal the readiness of non-profit organizations to develop strategies aimed at attracting donor funding and income-generating activities. We also define conditions under which organizations are able to implement the discussed strategies in practice.

Key words: grant support, socially oriented non-profit organizations, financial vulnerability risks, sustainability strategies, subsidies, Presidential Grants Foundation.

Information about the Authors

Alevtina V. Starshinova – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Ural Federal University (51, Lenin Avenue, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru)

Olga I. Borodkina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Saint Petersburg State University (1/3, Smolny Street, Saint Petersburg, 191124, Russian Federation; e-mail: o.borodkina@spbu.ru)

Статья поступила 22.06.2022.

Проявления цифровой социализации в молодежной среде: на данных пилотного опроса старшеклассников

Максим Александрович

ГОЛОВЧИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: mag82@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7813-5170; ResearcherID: N-1706-2015

Аннотация. В современном мире процессы социализации (формирования личности) постепенно переносятся из офлайн в интернет-пространство. Однако в связи с нарастанием рисков цифровизации эффекты цифровой социализации для представителей молодого поколения становятся предметом полемики среди ученых и представителей общественности. В статье предложена авторская двухступенчатая типология интернет-пользователей, опирающаяся на признаки проявления онлайн-темперамента как поведенческой модели, которая формируется в ходе цифровой социализации. Классификацией предусматривается, что интернет-пользователи выступают носителями ряда признаков частных типов «оппортунист / идеалист» (отражает использование сети для обмана), «энтузиаст / скептик» (доверие / недоверие к контенту), «агрессор / толерантный» (проявление сетевой агрессии), «аддиктивный / автономный» (наличие сетевой зависимости). Сочетание признаков частных типов указывает на общие типы пользователей (адаптивный, замещающий, пассивный), которые отражают результаты цифровой социализации и сетевой аккультурации. Предложен алгоритм выявления типов интернет-пользователей в ходе социологического исследования. Апробация предлагаемого решения в рамках разведывательно-го исследования (на примере пилотной группы, сформированной из числа школьников города Вологды) позволила сформулировать рабочие гипотезы о разнообразном влиянии цифровой социализации на современных школьников; динамичности, неустойчивости и гибкости модели поведения представителей молодого поколения в интернете; тесной связи социализирующего

Для цитирования: Головчин М.А. (2022). Проявления цифровой социализации в молодежной среде: на данных пилотного опроса старшеклассников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 237–256. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.13

For citation: Golovchin M.A. (2022). Manifestations of digital socialization among young people: Findings of a pilot survey of high school students. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 237–256. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.13

влияния Интернета с уровнем формирования межличностной коммуникации. Гипотезы будут учтены в ходе развития тематики исследования. В статье предложена модель организации цифровой социализации на основе гармонизации интересов максимально широкого круга агентов. Результаты исследования могут применяться при формировании стратегических планов развития цифровой отрасли и образовательной политики. Научная новизна исследования состоит в разработке нового методологического решения для использования в процессе обобщения социализирующего влияния интернет-среды.

Ключевые слова: цифровая социализация, ожидаемая социализация, неожиданная социализация, сетевая аккумуляция, типология пользователей, социологический опрос.

Введение

Цифровизация ставит новые вызовы не только для экономики и общества, но и для социализации как сложного интерактивного процесса организации человеком взаимодействия со своим окружением, посредством которого в свою очередь развивается личность (Гунина, Дудина, 2020). Процесс социализации в ходе формирования установок, ценностей, действий и поведения превращает человека в существо общественное, в результате чего проявляются социальная интеграция и идентичность личности¹. Механизм социализации основан на синергии индивидуальных характеристик личности (пол, возраст, характер и т. д.), методов и форм передачи информации (язык, механизмы контроля, практика воспитания и т. д.), а также структур культуры поведения (общественные роли, социальный статус, мораль, этика и т. д.) (Pescaru, 2018).

Феномен социализации в науке интерпретируется с точки зрения разных теоретических подходов. Каждый из них представляет это явление в терминах определенного процесса: биогенетического; социогенетического; интеракционистского; социально-экологического; познавательного; освоения социальности в ходе взаимодействия со «значимыми другими» в рамках индивидуальных тезаурусных конфигураций знаний и установок; присвоения и усвоения социального опыта, отличающихся разнонаправленной динамикой прогрессивного и регрессивного развития личности, и т. д. (Луков, 2002; Шамионов, 2013). Мнения представителей разных подходов объединяет то, что

в рамках задач социализации они все выделяют важность передачи социально значимой информации от одного субъекта другому. Разница состоит в сущности этой информации (социальные знания, социальные роли, социальный опыт, культурные ценности, моральные и этические нормы, тезаурусы и т. д.).

Задачи социализации выполняются социальными институтами как совокупностью ролей и статусов (по терминологии Н. Смелзера), а также агентами как обладателями определенных ролей и статусов (Щеглов, 2016). К агентам первичной социализации (традиционным агентам) обычно относят родителей, педагогов, наставников, воспитателей, тренеров, а к агентам вторичной социализации (вторичной группе) — работодателей, чиновников, представителей государственных, силовых структур, политических партий, церкви, а также средств массовой информации. В последнее время в науке распространилось мнение о том, что роль институтов вторичной социализации активно выполняют коммуникативные платформы в сети Интернет (Прохорова, 2019).

Особое значение социализация имеет для людей молодого возраста, поскольку ребенок рождается и растет в социальной среде, а молодой человек, как никто другой, чувствует постоянную потребность находиться в сообществе людей (Schiori, Verza, 1995). Период детского развития (до 17 лет по периодизации Л.С. Выготского) относится к этапу первичной социализации — одной из самых активных фаз данного процесса. В это время ребенок становится полноценной личностью и членом общества, а позже (на этапе вторичной социализации) усваивает специфические социальные роли (Фолиева, 2012).

¹ Mishra P. (2021). Socialization's Effect on Personality Development. *Indian Journal of Law and Social Sciences*. Vol. 1. Issue 1. URL: <https://www.ijlss.cslr.in/2021/11/socializations-effect-on-personality.html>

Социализация, как и обучение, является двусторонним (субъект-субъектным) процессом. В ходе социализации формирование личности происходит в рамках активного использования норм, знаков, имитации, копирования, идентификации, адаптации, эмпатии, внушения; в ходе обучения – за счет использования образовательных средств и методов (Хлебодарова, 2010). Также принципиальным отличием социализации от обучения является ее итоговый результат. Ожидаемый результат обучения относится к сфере знаний, а ожидаемый результат социализации – к личностной сфере (ценности, установки, ориентации и т. д.). Поэтому можно говорить о двух видах социализации – ожидаемой (социально одобряемой) и неожиданной (имеющей эффект, противоположный заданному) (Фолиева, 2012).

В современном мире результаты ожидаемой социализации подвергаются значительным трансформациям, поскольку человек вынужден социализироваться в пространстве двух миров – реального и виртуального (Ершова, 2019). По мнению профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Г.У. Солдатовой, «ИКТ сегодня – важнейший агент социализации, который начинает конкурировать с семьей и школой» (Солдатова, 2018). В отношении влияния сетевой среды на социализацию в науке закрепился термин «цифровая (информационная или кибер) социализация», под которой обычно понимают опосредованный всеми доступными цифровыми технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах (Солдатова, 2018); непрерывный процесс приобщения личности к ценностям цифрового общества, цифровой культуры, формирования цифровой компетенции и адаптации в цифровой среде (Гревцева, 2022); локальный процесс качественных изменений структуры личности, происходящий в процессе использования ею ресурсов и коммуникации с агентами, встречающимися человеку в глобальной сети Интернет (Плешаков, 2012). В цифровой социализации выделяется четыре процессных компонента: цифровая культура (идеологические и организационные ценности), цифровое обучение (цифровые грамотность и навыки), цифровое развитие личности (цифровая личность, цифровая репутация), цифровое воспитание (Дудина, 2021).

Строго говоря, к понятию «цифровая социализация» в науке существует три подхода: 1) *фундаментальный* (Е.В. Морозова, Н.В. Плотицкина, К.И. Попова), который усматривает в этом процессе интернализацию (освоение) внешних практик, норм, правил, ролей сетевого общества, внедрение в систему жизненных ценностей образцов мировой культуры (Морозова и др., 2019); 2) *широкий* (Н.А. Голубева, В.А. Плешаков и т. д.), который признает за диджитал-миром неограниченную самостоятельность в формировании норм и ценностей, присущих современному обществу (Голубева, 2020); 3) *узкий* (Г.А. Стародубцева), который в цифровой социализации видит не более чем расширение функционала традиционной социализации, т. е. той, что реализуется за счет приложения усилий институтов семьи и образования (Стародубцева, 2021). В частности, Д.Ж. Сатклифф в рамках концепции социального мозга подчеркивал неразрывную связь между онлайн- и офлайн-социализацией (Sutcliffe et al., 2018).

К преимуществам цифровой социализации обычно относят возможности формирования Интернетом нового стиля коммуникации, предполагающей независимость, автономию, эмоциональную и интеллектуальную открытость, инновативность; создание в цифровом пространстве новых путей формирования идентичности и индивидуальности, приводящих к росту самоуважения (Tapscott, Barry, 2009). Благодаря активности Интернета как агента социализации в процессе формирования личности человека появляются новые тренды – персонализация, геймификация (Гревцева, 2022) и т. д. При этом, как утверждают ученые, эффекты цифровой социализации наиболее результативны, если социализирующиеся имеют мотивы обретения зрелости и общественного статуса (Smith et al., 2015).

В науке не раз подчеркивалась значимость цифровой социализации для детского и юношеского возраста. В частности, Сьюзан Дж. Дэнби из Технологического университета Квинслэнда (Австралия) пишет о новом социокультурном феномене «цифрового детства» как об особом историческом типе детства (Danby et al., 2018). М. Пренски говорил о представителях молодого поколения как о «цифровых аборигенах», которые имеют врожденное, а не приоб-

ретенное знание о цифровых технологиях, являются носителями особого (цифрового) языка, быстро привыкают к миру гаджетов, видеоигр и социальных сетей. «Цифровым аборигенам» он противопоставляет «цифровых иммигрантов» — поколение, родившееся до широкого внедрения цифровых технологий (Prensky, 2001). Действительно, по данным исследований, в мире 87% подростков в возрасте 13–17 лет имеют доступ к компьютеру, 58% — к планшетным устройствам, более 90% активны в социальных сетях (Ромм, Ромм, 2021). Для справки: согласно данным Лаборатории Касперского, дети из России проводят в Интернете сравнительно больше времени, чем их ровесники из зарубежных стран: 56% несовершеннолетних россиян проводят в сети почти весь день, в Европе — 51%, в США — 40% (Бочавер и др., 2019). При этом в наиболее развитых регионах страны охват населения Интернетом превышает 90%, а социальными медиа — 70% (Кожевников, Масликов, 2020).

Часто можно встретить мнение о том, что классические методы социализации в случае с «цифровыми аборигенами» в современном мире не работают (Игнатова, 2017). Сторонники М. Пренски придерживаются точки зрения, что молодое поколение в процессе цифровой социализации формирует сетевое мышление, которое коренным образом меняет видение мира и человеческих отношений². Особняком в этом дискурсе стоит идея о «цифровой личности» как ментальной структуре, которая в фундаментальном плане формируется у ребенка в ходе цифровой социализации. Цифровая личность проявляется в процессе интернет-общения; обладает свободой входа и выхода из коммуникативного пространства, а также глобальной, неопределенно множественной адресацией; отличается имediatностью (реагирует мгновенно, по принципу «здесь и сейчас»); обладает возможностью «экстензии» (создает желаемый образ, придавая при этом особую значимость отдельным фактам) (Попова, 2019).

Формирование нового типа личности в процессе цифровой социализации отражается на культуре общества. Так, Ю.А. Косик вводит в научный оборот термин «онлайн-аккультура-

ция», под которой понимается процесс длительного взаимодействия личности с ресурсами глобальной сети, в результате чего происходят качественные изменения в сознании, опосредованные асинхронностью, апостранственностью, динамичностью, интерактивностью и вариативностью. Трансформациям в этом случае подвергаются ценности личности, свободы и независимости, знания и образования, самореализации, духовного развития, социальных контактов, материального богатства и самовыражения (Косик, 2015).

В научной литературе часто обсуждаются достоинства социализирующего потенциала цифровой среды. В.А. Плешаков пишет о том, что жизнедеятельность в киберпространстве особенно важна для тех, чья реальная жизнь по тем или иным обстоятельствам межличностно обеднена, что позволяет рассматривать Интернет в качестве альтернативы непосредственного (реального) окружения, некоей квазисоциализирующей средой (Плешаков, 2009). Таким образом, цифровая социализация для современного ребенка необходима как ресурс, позволяющий молодым людям строить свою идентичность и компенсировать дефицит в других областях социальной реальности (Авдулова, 2011).

В то же время у целого ряда ученых цифровая социализация вызывает опасения, связанные с объективными рисками цифровизации для развития человека. Так, Б. Зизек считает, что взаимодействию в сети критически не хватает ключевых качеств социализирующего воздействия на личность, поскольку оно является «непривязанным, отфильтрованным и несостоятельным» (Zizek, 2017). По мнению ученого, агенты цифровой социализации подростка — это прежде всего анонимные собеседники, которые обычно выражают уверенность в том, что должны участвовать во взаимодействии поверхностно и без какого-либо серьезного воздействия на личность. В этом плане цифровая социализация никак не может конкурировать с традиционными формами процесса формирования личности. Ю.Н. Коротышева выделяет такие минусы цифровой социализации, как риск отрицательного результата (развитие жестокости, страхи, психологические травмы, нанесенные психике ребенка при посещении сомнительных сайтов); снижение умственной активности (из-за быстрой утомляемости

² Cornu B. Digital natives: How do they learn? How to teach them? Policy brief. September 2011. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000216681>

от экрана), которая порождает клиповость мышления³. Т.А. Ромм и М.В. Ромм считают, что ключевым вопросом цифровой социализации является вопрос о сочетании традиционных ценностей с ценностями диджитал-культуры, зачастую сопровождающейся агрессией и жестокостью (Ромм, Ромм, 2021).

На основании массового опроса школьников в возрасте 10–17 лет ученые сделали вывод о том, что Интернет сузил информационное пространство российских подростков до одного-двух каналов коммуникации, в результате чего происходит девальвация большинства существующих источников информации об окружающем мире в сознании детей (Цымбаленко и др., 2012). Негативное влияние интернет-активности на социальное настроение (Головчин, 2019) и культуру (Головчин, 2022) подтверждается выводами региональных исследований.

Таким образом, на современном этапе развития науки из-за отсутствия четкой позиции по поводу результатов цифровой социализации в исследовательском поле сформировалось противоречие, не позволяющее однозначно трактовать положительные и отрицательные стороны социализирующего эффекта интернет-среды. Это противоречие состоит в одномоментном принятии как преимуществ, так и рисков подобного формата социализации без четкого понимания механизмов воздействия глобальной сети на личность. Более того, это противоречие формирует гипертрофированные мифы как о безусловной пользе влияния глобальной сети на молодежь (к которым можно отнести концепцию цифрового детства и киберсоциализации, а также позицию «цифровизацию уже не остановить!»), так и его безусловном вреде (сравнение интернета с «цифровым лагерем»). В итоге отсутствие общественного консенсуса по обозначенным вопросам затрудняет понимание перспектив развития социализации в современном мире, адаптации к нему молодого поколения.

В исследовании мы намерены внести свой вклад в полемику о социализирующей роли сети Интернет для детей и подростков. Мы

придерживаемся узкого подхода к изучению этого явления, согласно которому в цифровом мире реализуется неполный (усеченный) процесс социализации. С нашей точки зрения, цифровая социализация не призвана создавать новые ценности и нормы (за которые несут ответственность семья и образование), но благодаря репрезентативности интернет-сообщества мощно воздействует на сферу поведения пользователя, формируя определенную модель установок и реакций. В этом плане наш взгляд согласуется с концепцией о том, что цифровая социализация лишь дополняет качества традиционной социализации, является надстройкой этого процесса.

Таким образом, в рамках нашего исследования цифровая социализация — это процесс формирования личности, детерминированный целенаправленным воздействием как со стороны семьи и образования, так и интернет-среды. Воздействие интернет-среды включает в себя формирование моделей поведения личности в сети. Это воздействие дополняет формирующее влияние первичных агентов социализации, которые создают универсальные ценности, нормы и культурные образцы, а также реализуется во взаимодействии с этими агентами.

Мы рассматриваем некий идеальный сценарий протекания процесса цифровой социализации, допуская, что цифровая социализация может базироваться на совместных усилиях традиционных агентов и интернет-сообщества, направленных на формирование выверенных образцов поведения в условиях виртуальной реальности. От того, реализуется или не реализуется этот сценарий, напрямую зависят итоги социализации как процесса. Другими словами, в идеале в процессе цифровой социализации должна быть задействована как онлайн-, так и офлайн-среда. Альянс традиционных агентов и интернет-сообщества обеспечивает ожидаемую социализацию, а замещение ролей одного агента другим — неожиданную. Ниже представлено концептуальное понимание природы объекта нашего исследования (*табл. 1*).

В процессе цифровой социализации, как и в процессе социализации вообще, участвуют личность (объект), агент(ы) и референтный образец, подражание которому формирует в сознании личности целостную картину мира.

³ Коротышева Ю.Н. Цифровое воспитание. Риски и опасности цифрового детства. URL: <https://spb.hse.ru/mirror/pubs/share/356124886.pdf>

Таблица 1. Концептуальная модель цифровой социализации

Среда	Объект	Институт	Агент	Функция	Механизм	Ценности	Нормы	Образец для поведения	Результат
Офлайн		Семья	Родители	Формирование базы для цифровой социализации путем ретрансляции норм, смыслов, ограничений	Традиционный (стихийный)	Саморегуляция, стимулирование, безопасность, достижение и т. д.	Общепринятые правила социальной жизни	Маскулинность, феминность и т. д.	Формирование основы для ожидаемой социализации: универсальные ценности, нормы и образцы поведения
		Образование	Педагоги		Институциональный				
Онлайн	Личность	Интернет	Пользователи сети, сетевое сообщество	Адаптация общепринятых ценностей, норм и образцов (базы для социализации) к условиям интернет-среды в ходе общения с социально значимыми представителями сетевого сообщества	Межличностный, стилизованный	Безопасность в использовании сетевой информации; автономность от влияния виртуального мира на межличностные отношения в «реале»	Сознательный запрет на использование сети для обмана и сетевой агрессии	Иммедиа-тивность, трансцендуальность, мобильность и т. д.	Критическое отношение к интернет-контенту; ограничение к использованию интернета для обмана; понимание рисков интернет-активности в отношении психики; конструктивное отношение к общению в сети

Источник: составлено автором.

В итоге объект либо четко отделяет правила виртуального мира от своей реальной жизни, либо интегрирует их. В последнем случае он замещает реальность, которая по тем или иным причинам его не устраивает. В этом плане важно понять, какие поведенческие модели воспринимает молодежь в онлайн-среде, как она на них реагирует, а также какому типу социализации соответствует этот процесс – ожидаемому или неожиданному. Ожидаемая цифровая социализация, по нашему мнению, должна быть направлена на формирование технологических условий для адаптации личности к вызовам современного мира посредством создания площадки для дистанционного взаимодействия пользователей сети (прежде всего в формате общения) с условием максимального расширения числа задействованных в этом процессе лиц. Неожиданная – связана с рисками цифровизации для подрастающего поколения и приводит к появлению гибридного типа саморегуляции у молодежи (основанного на наслаивании противоположных образцов, ценностей и норм в единый ментальный комплекс).

Цель исследования – разработать типологию интернет-пользователей, которая описы-

вает различные проявления ожидаемой и не-ожидаемой цифровой социализации в молодежной среде. Для реализации поставленной цели выполнены следующие задачи: обобщены представления о типологиях интернет-пользователей, сформированных в науке; разработаны авторская типология интернет-пользователей и алгоритм исследовательских шагов по определению онлайн-темперамента у представителей молодого поколения; проведена апробация типологии на данных разведывательного социологического исследования; сформулированы рабочие гипотезы о специфике поведения представителей молодежи в сети Интернет. В рамках разведывательного этапа исследования проводились поиск методологического решения по классификации интернет-пользователей и проверка этого решения на прочность. Мы предлагаем новый научный результат – авторскую типологию интернет-пользователей, которую можно будет применять для обобщения социализирующего влияния интернета на молодое поколение, а также выявления характера воздействия этого влияния на коммуникативные способности, которые важны для адаптации населения к условиям BANI-мира.

Методология исследования

Попытки классификации пользователей сети в науке начались относительно недавно. Наиболее раннюю и подробную классификацию предложил в 2011 году американский социолог Б. Солис. Он выделил восемнадцать различных типов пользователей на основании типовых стратегий, которые используются в рамках общения в социальных сетях: самопрезентация, прагматическая, риторическая, диалоговая, семантическая, дискредитационная⁴. Позднее традицию составления подобных типологий подхватили другие ученые. Каждый из них старается строить свои представления на одном или нескольких признаках интернет-активности пользователей: цели, мотивы, интенсивность использования сети, самопрезентация в сети и т. д.

Опыт составления типологий пользователей указывает на ряд важных методологических выводов. Во-первых, ученые признают, что пользователь в сети может быть как активен, так

и полностью пассивен (т. е. находиться в сети формально). Во-вторых, наряду с универсальными типологиями есть те, которые учитывают возрастные особенности пользователей (В.С. Собкин, А.В. Федотова, Г.У. Солдатова). В-третьих, типологии практически не рассматривают влияние цифровой социализации — группируют пользователей, исходя из целей и мотивов использования интернета, а не возможных результатов в отношении влияния на поведение и характер личности. Авторы типологий склонны уходить от учета социализирующих эффектов цифровизации и в целом недооценивают это явление. Используемые в качестве оснований для классификации психологические категории (мотивация, агрессия, креативность, лидерство, доверие и т. д.) применяются вне контекста цифровой социализации. Эта недооценка, с нашей точки зрения, пока не позволяет полноценно использовать разработанные классификации для оценки воздействия Интернета на молодое поколение (табл. 2).

Таблица 2. Типологии интернет-пользователей в научной литературе

Автор	Основание для типологии	Тип пользователя
Б. Солис	Стратегия общения в социальных сетях	Доброжелатель, решатель проблем, комментатор, исследователь, собеседник, куратор, производитель, вещатель, маркетолог, веб-звезда, эгокастер, селф-промоутер, наблюдатель, карьерист, «ЧМИ» (чрезвычайно много информации), спамер, личер, жалобщик
Master Card Digital Sharing and Trust Project	Экономические мотивы пользователей	Открытые пользователи, сетевые собеседники, целенаправленные покупатели, пассивные пользователи, проактивные защитники
WEB-Index	Используемое для выхода в сеть устройство	Десктоп-пользователи; мобайл-пользователи
First Direct, Э. Зекман	Закономерности активности в социальных сетях	Ультрас (одержимые), случайные, отрицающие, новички, наблюдатели, павлины, крикуны, перевертыши, призраки, информаторы, спрашивающие, ищущие одобрения
О.Н. Кондратьева	Компетентность / некомпетентность	Опытные пользователи («серферы»), ощущающие себя в интернете «как дома» («жители»), и неумелые пользователи («заблудившиеся путники»)
	Молодость / зрелость	Молодые пользователи («аборигены») и возрастные («иммигранты»)
	Агрессор / жертва	Виртуальные агрессоры («пауки»), их жертвы («мухи») и легко поддающиеся манипуляции пользователи («хомячки»)
	Креативность / копиальность	Креативные, создающие новый контент («пауки»), и пассивные потребители чужого контента («мухи»)

⁴ Solis B. Digital transformation: Executives need a sense of urgency to compete against digital natives. Available at: <https://www.briansolis.com/2019/11/digital-transformation-executives-need-a-sense-of-urgency-to-compete-against-digital-natives>

Окончание таблицы 2

Автор	Основание для типологии	Тип пользователя
Е.В. Лазуткина	Лидерство во мнении	Пользователь, получивший популярность в офлайн-среде; автор-эксперт (предоставляющий новостную информацию узкой тематики); пользователь, получивший популярность в онлайн-среде
А. Морозова	Уровень медиаактивности	Медиамейкер, юзермейкер, юзер
Ю.А. Косик	Общая цель использования Интернета	Потребительский, коммуникативный, продуктивный
В.С. Собкин А.В. Федотова	Мотивация использования Интернета	Пользователи, мотивированные стремлением к психологической компенсации, уходом от конфликтов и сложностей в реальной жизни, желанием самовыражения и потребностью расширения своих культурных и экономических возможностей; пользователи, ориентированные на поддержание реального общения, обусловленного интересом к самопрезентации в сети
Е.В. Бродовская А.Ю. Домбровская	Интенсивность использования сети; использование Интернета для коммуникации; интенсивность создания контента; типы предпочитаемого контента; уровень доверия к контенту	Человек информационный, человек развлекающийся, человек прагматичный, человек традиционный, человек неинформационный
Г.У. Солдатова Т.А. Нестик Е.И. Рассказова Е.Ю. Зотова	Цели активности в интернет-среде	Универсалы, игроки, сетевые читатели, коммуникаторы, ориентированные на обучение
Р.В. Brandtzaeg	Цели использования сети (прокрастинация, общение, полемика, самореализация)	Спорадические, скрытные, социализаторы, спорщики, активисты
Е. Ortega и др.	Ресурсы, которые применяются пользователями (интернет-услуги, ведомственные сервисы и т. д.)	Отстающие, недовольные, опытные, подписчики
J.B. Horrigan	Проявление интереса к определенному контенту	Всеядные, соединители, «тусклые ветераны», производительные, мобильные центристы, «подключенные с трудом», неопытные экспериментаторы, немногочисленные, равнодушные, офлайн-пользователи
S. Livingstone, E. Helsper	Цели использования Интернета (получение информации, медиа и т. д.)	Базовые, умеренные, широкие
C.F. Shih, A. Venkatesh	Разнообразие и степень использования Интернета	Интенсивные, специализированные, неспециализированные, ограниченные

Источники: Косик, 2015; Кондратьева, 2020; Лазуткина, 2017; Морозова, 2018; Собкин, Федотова, 2019; Бродовская, Домбровская, 2014; Солдатова и др., 2013; Brandtzaeg, 2010; Horrigan J.B. A typology of information and communication technology users. Pew Internet report. 2007; Livingstone, Heksper, 2007; Ortega et al., 2007; Shih, Venkatech, 2004; Solis B. Digital transformation: Executives need a sense of urgency to compete against digital natives. Available at: <https://www.briansolis.com/2019/11/digital-transformation-executives-need-a-sense-of-urgency-to-compete-against-digital-natives>; Онлайн-темперамент: типы персоналий в сети. URL: https://www.marketing.spb.ru/mr/social/online_personality_types.htm; Zeckman A. Five social media user types and tips for marketers to connect with each one. Available at: <https://www.toprankblog.com/2012/11/5-social-media-user-types/>

В рамках нашего подхода к категории «цифровая социализация» была разработана авторская типология интернет-пользователей. Отличие авторского решения от существующих в науке типологий интернет-пользователей состоит в учете социализирующих эффектов сетевой среды. В основу типологии была положена категория «онлайн-темперамент», которая еще не до конца проработана в науке. Под онлайн-

темпераментом мы понимаем базовую детерминанту поведения представителей молодого поколения в сети Интернет, которая формируется как в процессе ожидаемой, так и неожиданной цифровой социализации и отражает результат этого процесса в категориях типов интернет-пользователей. На основании концептуального понимания ожидаемых от цифровой социализации результатов были выделены факторы,

определяющие онлайн-темперамент молодежи: доверие к контенту, предлагаемому в Интернете; использование сети для обмана; склонность к сетевой агрессии и интернет-буллингу; стойкая психологическая зависимость от Интернета.

Нами определены восемь частных типов пользователей, попарно связанных между собой тем или иным способом проявления онлайн-темперамента (табл. 3). *Оппортунист* склонен к поиску в Интернете готовых решений образовательных задач и представлении этих решений как своих. *Идеалист* не использует подобные способы. *Энтузиаст* склонен доверять контенту, представленному в сети, как «истине в последней инстанции». *Скептик* проверяет сведения, полученные из Интернета, в альтернативных источниках информации. Признаком *агрессора* является участие в практиках оскорбления и давления на интернет-пользователей посредством сетевого общения, а также стремление выяснять отношения в сети публично. *Толерантный* тип не использует фейковые аккаунты и никнеймы, чтобы оскорблять других пользователей; избегает общения в сети с явными агрессорами. *Аддиктивный* тип проявляет зависимость от Интернета, которая влияет на межличностные взаимоотношения офлайн и выполнение социальных обязанностей. *Автономный* тип более выборочно относится к посещениям сети, не формирует конфликтных ситуаций с окружающими по поводу частоты посещения и просматриваемого контента (Головчин, 2022).

Для установления частных типов предлагаем использовать социологическую анкету, где вопросы скомпонованы в качестве кейсов (практических ситуаций). Необходимо признать, что наиболее деликатным аспектом онлайн-опыта является интернет-зависимость, уровень которой может определить только специалист-психолог в порядке регламентируемых медицинских процедур. Аддиктивный и автономный тип личности интернет-пользователей рекомендуем выделять посредством косвенных вопросов. Они касаются не проявлений аддикции, а воздействия глобальной сети на взаимоотношения в семье: наличие конфликтов с родителями по поводу времени, проведенного в Интернете и просматриваемого контента; пренебрежение общением с родителями, уроками

и домашними делами, чтобы больше времени находиться в сети. В принципе наличие подобных конфликтов будет косвенно указывать на проблемы с сетевой зависимостью.

Согласно нашему подходу в каждом интернет-пользователе могут проявляться черты сразу нескольких частных типов, которые объединяются в единый поведенческий комплекс, отражающий результаты цифровой социализации. Этот комплекс может быть обобщен в трех результирующих типах пользователей: адаптивный, замещающий и пассивный. Так, адаптивный тип объединяет черты идеалиста, скептика, толерантного и автономного пользователя; замещающий тип — черты оппортуниста, энтузиаста, агрессора и аддиктивного пользователя. Пользователи пассивного типа не используют Интернет как площадку для коммуникации, сетевой агрессии, поиска информации. В целом адаптивный тип указывает на то, что в ходе сетевой аккультурации сформировалась личность, воспринимающая виртуальный и реальный мир как самобытные и не зависящие друг от друга явления. Замещающий тип будет указывать на аккультурацию, в ходе которой личность заменяет реальный мир виртуальным. Пассивный тип будет указывать на отсутствие воздействия на личность со стороны цифровой социализации.

В то же время мы отдаем отчет, что существование адаптивного, замещающего и пассивного типа — это некий терминальный случай. Зачастую интернет-пользователь является носителем диаметрально противоположных онлайн-темпераментов, поэтому в исследовании мы предусмотрели как терминальные, так и промежуточные типы интернет-пользователей.

Для определения типов интернет-пользователей в ходе социологического исследования предлагаем следующий алгоритм.

а) Определение на основании обработки эмпирических данных субиндексов, отражающих признак того или иного частного типа пользователя. В рамках этой операции в случае наличия признаков идеалиста, скептика, толерантного и автономного пользователя наблюдению присваивается субиндекс 2; при наличии признаков оппортуниста, энтузиаста, агрессора и аддиктивного пользователя — субиндекс 1. Наблюдения, включающие отказ от ответа, помечаются 0.

Таблица 3. Типология интернет-пользователей по проявлениям онлайн-темперамента среди молодежи

Показатель	Индикатор	Частные типы (отражают влияние онлайн-темперамента)								Общие типы (отражают результат цифровой социализации)			
		Опор- турист	Идеа- лист	Энтузи- аст	Скеп- тик	Агрес- сор	Толе- рант- ный	Адик- тивный	Авто- номный	Адаптив- ный	Замеща- ющий	Пассив- ный	
1. Склонность к использованию сети для обмена	Находит в Интернете готовые работы и сдает их учителю, выдавая за свои (к1)	+	-								-	+	Нет ответа
	Считает, что можно безгранично доверять информации в сети Интернет (к2.1)			+	-						-	+	Нет ответа
2. Склонность доверять сетевому контенту	Чтобы удостовериться в истинности информации из Интернета, находит соответствующую информацию в альтернативных источниках (книга, учебник, журнал, газета и т. д.) (к2.2)			-	+						+	-	Нет ответа
	Считает, что интернет-пространство свободно от ограничений, а для общения в сети не требуются какие-либо правила вежливости (к3.1)					+	-				-	+	Нет ответа
3. Склонность к сетевой агрессии	Использует псевдоним (никнейм), чтобы можно было писать всё, что захочешь, и при этом о нем не узнал собеседник (к3.2)					+	-				-	+	Нет ответа
	В конфликтных ситуациях в сети выясняет отношения публично на форуме (к3.3)					+	-				-	+	Нет ответа
4. Склонность к интернет-аддикции	Использует фейковый аккаунт, для того чтобы оскорблять других людей в социальных сетях (к3.4)					+	-				-	+	Нет ответа
	Не общается с людьми, оскорбляющими в Интернете, сразу заносит их в «черный список» контактов (к3.5)					-	+				+	-	Нет ответа
4. Склонность к интернет-аддикции	Имеют место конфликты с родителями по поводу времени, проведенного в Интернете (к4.1)										+	-	Нет ответа
	Имеют место конфликты с родителями по поводу контента, просматриваемого в Интернете (к4.2)										+	-	Нет ответа
	Пренебрегает общением с родителями, уроками и домашними делами, чтобы больше времени находить в сети (к4.3)										+	-	Нет ответа
Источник: составлено автором.													

б) Подсчет общего индекса онлайн-темперамента на основе суммы всех субиндексов в диапазоне значений от 0 до 22.

в) Определение общего типа интернет-пользователя на основании интерпретации границ значений индекса онлайн-темперамента:

- адаптивный тип – 22;
- умеренно адаптивный тип – 15–21;
- умеренно замещающий тип – 11–14;
- замещающий тип – 11;
- умеренно пассивный тип – 1–10;
- пассивный тип – 0,0.

Предложенный алгоритм исследовательских операций был апробирован на материалах серии разведывательных социологических опросов. В рамках апробации использовалась пилотная (удобная) выборка⁵. Всего проведено три замера: в сентябре 2020 года в исследовании приняли участие 55 чел., в мае 2021 года – 53 чел., в марте 2022 года – 40 чел. Представители пилотной группы – это дети в возрасте от 15 до 17 лет, обучающиеся в старших классах двух школ города Вологды – МОУ «Средняя школа № 12», МОУ «Средняя школа № 13». Гендерный признак в выборке не учитывался. Для задач апробации (проверка предлагаемого решения) более ценным оказалось включение респондентов в один и тот же образовательный коллектив. В силу применения удобной выборки субъекты опроса отбирались по принципу доступности и близости к исследователю. Выбор возраста респондентов связан с тем, что, по мнению экспертов, именно в этот период происходит наиболее существенное изменение структуры интересов, пересмотр направления и степени включенности в различные компоненты информационного пространства (Авдулова, 2011).

Пилотный опрос проводился в форме раздаточного анкетирования по месту обучения респондентов. На всех этапах опроса использовался один и тот же инструментарий. В анкете представлено 11 кейсовых ситуаций, за-

давался вопрос о том, как респондент обычно поступает в такой ситуации. Заранее оговаривалось, что респондент может не предоставлять ответ, если в такой ситуации ни разу не был по причине отсутствия соответствующего интернет-опыта, аккаунта в социальных сетях, регистрации на форумах и т. д.

Для того чтобы показать надежность и прочность предлагаемого решения, кратко обобщим эмпирические результаты разведывательного исследования.

Результаты исследования

В рамках апробации мы придерживались шагов, соответствующих предложенному алгоритму исследования.

Первый шаг – определение на основе эмпирических данных за 2020–2022 гг. частных типов интернет-пользователей и их динамики. Апробация свидетельствует о том, что в выборке опроса на всех этапах его проведения чаще всего встречался тип автономного и толерантного пользователя с чертами скептика и идеалиста. Другими словами, опрошенные старшеклассники в целом не склонны использовать сеть Интернет для сетевой агрессии и кибербуллинга; не испытывают доверие к информации из интернет-источников; не используют Интернет для максимального упрощения выполнения образовательных задач и обмана. Интернет не мешает им в жизни, не формирует конфликтные ситуации в семье.

С другой стороны, в динамике наблюдаемых показателей значимость доминирующих типов постепенно ослабевает. В частности, за три года замеров пользователи-скептики постепенно замещались энтузиастами, а значит, растет доверие опрошенных школьников к сетевым ресурсам. Толерантные пользователи замещаются агрессорами, следовательно, нормы поведения в Интернете перестают быть для всех однозначными. Идеалисты замещаются оппортунистами, в результате чего использование Интернета для обмана переходит в разряд некой нормы. Однако эти тренды пока не свидетельствуют о перетекании конструктивного отношения к сети в деструктивное, поскольку в динамике не наблюдается замещения автономного типа пользователя на аддиктивный. Сложившаяся ситуация говорит о большей осмысленности роли Интернета как психологической ловушки,

⁵ Удобная выборка – это вид вероятностной выборки, представляющий результат отбора образцов из генеральной совокупности, при котором процедура выборки соответствует общим требованиям проведения исследования, но при этом не предъявляются требования к репрезентативности выборки и оценки вероятности. Этот тип выборки является наиболее полезным для пробного тестирования.

ведущей к смене образа жизни и конфликтам. Так, роль аддиктивного пользователя в 2022 году в выборке является наименее выраженной (11%). Для справки: в 2020 году наименьший удельный вес приходился на тип энтузиаста (7%), а роль аддиктивного пользователя была характерна для 22%.

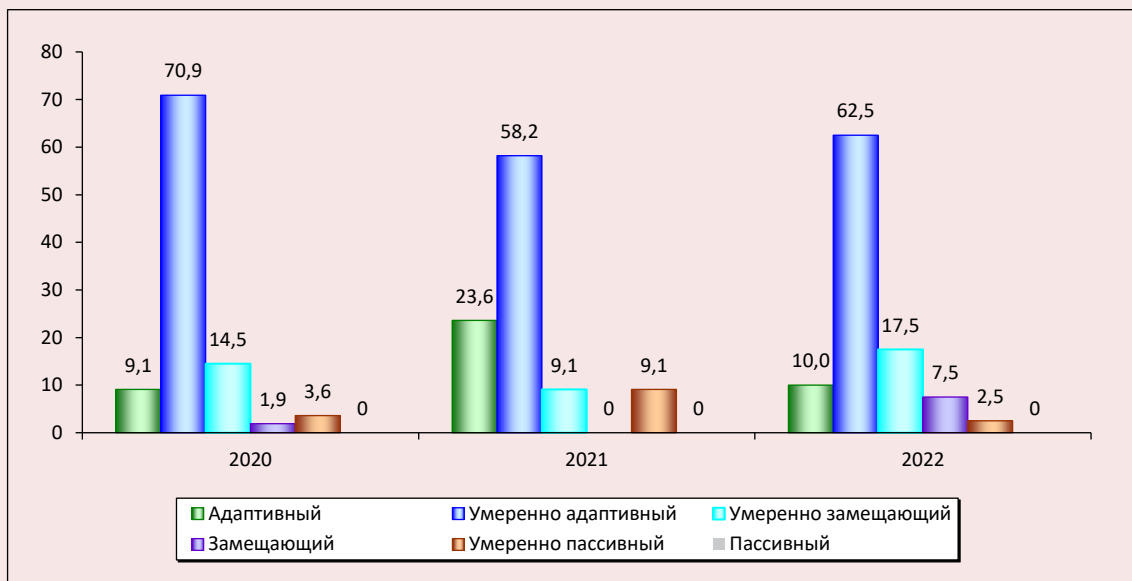
Второй шаг – это оцифровка в виде присвоения отдельным типам интернет-пользователей в выборке субиндексов от 0 до 2. Далее субиндексы суммировались в общий индекс онлайн-темперамента. В результате за каждый год измерений был получен ряд чисел в диапазоне от 0 до 22.

Третий шаг – полученные индексы ранжировались путем перестановки значений от большего к меньшему. В соответствии с границами значений для каждого респондента определялся один из трех общих типов интернет-пользователей. Проведенные обобщения показали, что в выборке на всех этапах исследования наибольшее представительство имеют адаптивные типы интернет-пользователей. Однако со временем состав группы адаптивных пользователей сокращается (с 80 до 73% за 2020–2022 гг.), чему способствует замена в выборке ролей

идеалиста, скептика и толерантного пользователя на оппортуниста, энтузиаста и агрессора. Нисходящий тренд имеет непрерывную динамику: за три года измерений удельный вес представителей адаптивного типа все больше снижается.

В плане дальнейших перспектив цифровой социализации настораживает укрепление позиций терминальной формы замещающего типа (рис. 1). В 2020 году тип чистого замещающего пользователя составлял 2% выборки, в 2021 году его вовсе не наблюдалось, а в 2022 году его доля достигла 8%. Напомним, что эти пользователи испытывают зависимость от посещения Интернета, полностью доверяют информации из сети, используют сетевые ресурсы для обмана и вовлечены в агрессию. Подобные случаи в принципе должны быть очень редкими, а рост показателей может говорить о неоднозначных трансформациях в духовной жизни молодежи. По динамике показателей заметно, что рост терминальной формы происходит не за счет перехода умеренного замещающего типа в чистый замещающий, а путем снижения представленности в выборке адаптивных пользователей.

Рис. 1. Представленность общих типов интернет-пользователей в выборке исследования (2020–2022 гг.), %

Источник: расчеты автора.

Для понимания отношения молодежи к сети Интернет важным является тот факт, что за весь период измерений не было зафиксировано ни одного чистого пассивного пользователя. Доля пользователей умеренно пассивного типа (с индексом меньше 11) критически мала: в 2020 году – 4%, в 2022 году – 2,5%. В той или иной мере опрошенные школьники испытывают на себе влияние цифровой социализации. По существу, за представителями молодого поколения сейчас прочно закреплена роль «цифровых аборигенов».

На данных пилотного замера мы проверили предположение о неоднозначном влиянии типа пользователя обучающейся молодежи (опосредованного онлайн-темпераментом) на уровень коммуникативных способностей личности. В целях оценки уровня коммуникативных способностей мы прибегли к инструментарию, предложенному В.В. Синявским и В.А. Федорошиным для тестирования детей в возрасте старше 14 лет. Ими составлен опросник, в котором коммуникативные способности определяются с помощью ответов на 20 вопросов. Каждый ответ оценивается в баллах по шкале от 0 до 1. Сумма баллов, умноженная на коэффициент 0,05, указывает на определенный уровень сформированности коммуникативных компетенций: высокий (выше 0,65 баллов), средний (0,56–0,65 баллов), низкий (ниже 0,56 баллов). Методика была выбрана по причине того, что она соотнесена с возрастными возможностями старшеклассников, а также беспрепятственно интегрируется в социологическое исследование (Жаворонко, Нязова, 2022). Вопросы из теста В.В. Синявско-

го и В.А. Федоршина были включены в анкету опроса в 2020 и 2021 гг.

В соответствии с методикой В.В. Синявского и В.А. Федоршина определены уровни коммуникативных способностей у респондентов, попавших в выборку: половина старшеклассников (50%) владеет коммуникативными способностями на высоком уровне, 37% – на низком и 13% – на среднем. Далее выявлялся уровень коммуникативных способностей у разных типов интернет-пользователей (табл. 4). Оказалось, что для представителей всех онлайн-темпераментов более всего характерен высокий уровень коммуникабельности. Однако низкий уровень чаще остальных является отличительным признаком двух групп – замещающих и пассивных пользователей. В целом по структуре коммуникативных способностей группы адаптивных и замещающих пользователей весьма схожи (за исключением представленности высокого уровня коммуникабельности).

В динамике 2020–2021 гг. связь онлайн-темперамента и коммуникабельности становится более устойчивой в группе адаптивных пользователей, но практически не подвергается изменениям в группе замещающих. В группе пассивных пользователей со временем сокращается доля лиц с низким уровнем коммуникативных способностей, что дает возможность говорить о том, что потенциал общения в школьном возрасте может быть реализован и вне сети. Важно отметить, что динамика показателей дает понять – поведенческие модели интернет-пользователей являются гибкими, а не данными раз и навсегда. Это значит, что онлайн-темпераментом вполне можно управлять (изменять).

Таблица 4. Матрица сопоставления общих типов интернет-пользователей с уровнем их коммуникативных способностей, %

Уровень коммуникативных способностей	Адаптивный		Умеренно адаптивный		Умеренно замещающий		Замещающий		Умеренно пассивный		Пассивный	
	2020	2021	2020	2021	2020	2021	2020	2021	2020	2021	2020	2021
Высокий	20,0	76,9	43,6	46,9	37,5	60,0	0,0	-	0,0	40,0	-	-
Средний	40,0	0,0	48,7	18,8	12,5	0,0	0,0	-	0,0	20,0	-	-
Низкий	40,0	23,1	7,7	34,4	50,0	40,0	100,0	-	100,0	40,0	-	-

Примечание: вопросы о коммуникативных способностях были включены в анкету в 2020 и 2021 гг. В 2022 году соответствующий блок в анкету не включен.
В 2021 году не было выявлено представителей замещающего типа, а также в целом в исследовании не было выявлено представителей пассивного типа, поэтому в матрице соответствующие значения не представлены.
Источник: расчеты автора.

Обсуждение результатов

В рамках осуществленного этапа научного исследования была предложена авторская типология интернет-пользователей, включая алгоритм исследовательских шагов для классификации представителей молодежи по проявлениям онлайн-темперамента, и разработан научный инструментарий (анкета). Алгоритм апробирован на примере пилотной группы старшеклассников в рамках разведывательного социологического исследования (2020–2022 гг.). В целом апробация показала надежность и прочность предлагаемого методологического решения, а также возможность его применения в ходе долговременных эмпирических замеров.

Перед тем как перейти к рефлексии по поводу полученных эмпирических данных, напомним, что задачей апробации авторской классификации не являлось получение новых знаний о процессе и следствиях цифровой социализации. Мы прежде всего пытались продемонстрировать работоспособность предложенного методологического решения, показать, какие результаты оно может предоставить в рамках применения. Этим было обусловлено проведение апробации на примере весьма ограниченной выборки. В то же время анализ эмпирического материала позволил нам прийти к ряду интересных рабочих гипотез.

В рамках *первой* гипотезы можно предположить, что результаты цифровой социализации, которые выражаются в формировании того или иного типа онлайн-темперамента, являются неодинаковыми для разных пользователей. Безусловно, цифровой мир в подростковом возрасте оказывает влияние на процесс формирования личности и картины мира, но пока сложно однозначно судить, насколько масштабно это влияние и замещает ли Интернет воздействие семьи и образования.

В рамках *второй* гипотезы мы предполагаем, что цифровая социализация не формирует у пользователей жесткие поведенческие модели. Наоборот, отношение к Интернету и его воздействию у молодежи очень динамично меняется (скорее всего, под влиянием традиционных институтов). Это дает основания полагать, что следствиями неожиданной цифровой социализации вполне возможно управлять при

должном уровне контроля со стороны основных акторов.

В рамках *третьей* гипотезы мы пришли к предположению, что социализирующее влияние Интернета, определяемое онлайн-темпераментом, выступает условием формирования межличностной коммуникации как важного социального навыка, но далеко не во всех случаях. На примере пилотной группы заметно, что если в рамках цифровой социализации сформировался тип адаптивного пользователя, то эта связь является более крепкой, чем у замещающих пользователей. Таким образом, в первом случае речь, возможно, идет о результатах ожидаемой социализации, во втором — неожиданной социализации.

Гипотеза об обратной связи результатов цифровой социализации с коммуникативными способностями пользователей пока не подтверждается данными других исследований. Чаще можно встретить утверждение, что сетевое общение не заканчивается на Интернете, а способствует развитию новых форм социальности. Однако такой вывод напрямую связан с вовлеченностью в деятельность сетевых сообществ, а не с итогами цифровой социализации и соответствующими поведенческими реакциями (Цымбаленко и др., 2012). В то же время можно предположить, что тот, кто менее способен к коммуникации офлайн, склонен деструктивно проявлять себя в Интернете — применять агрессивные формы общения; полностью погружаться в интернет-пространство, жертвуя личным временем и гармонией в семье, и т. д. В этой ситуации определенную роль играет социальное окружение. У старшеклассника не получается строить отношения с окружающими, поэтому он больше времени уделяет Интернету, общение в рамках которого не регламентировано четкими правилами и не сопровождается личными контактами. С другой стороны, очевидно, что реальное общение должно стать моделью для онлайн-коммуникации, но далеко не всегда собеседники и ближайшее окружение могут предоставить условия для этого.

Рабочие гипотезы будут использованы для планирования дальнейшего исследования. В связи с полученными в ходе апробации данными для дальнейших научных изысканий актуальными вопросами остаются следующие: с

чем связаны ошибки цифровой социализации? как их преодолеть? Для ответа на них в первую очередь нужно обратиться к характеру общения в сети. Оно отличается следующими чертами: уравнивание в правах участников сетевого сообщества (Масленников, 2009); анонимность и физическая неопределенность; обмен невербальной информацией (что активизирует механизмы стереотипизации и идентификации); добровольность и желаемость контактов; затрудненность эмоционального компонента общения (поскольку эмоции выражаются в знаковой форме); проявление в общении деловых, познавательных, корпоративных мотивов, мотивов самоутверждения, аффилиации, самореализации и развития личности (Жеребин др., 2017); стремление к нетипичному (ненормативному) поведению (Лучинкина, Лучинкина, 2017); особый этикет общения; опыт «потока» (потеря ощущения времени из-за ложного чувства контроля над ситуацией) (Пашковский, 2019). Подобная специфика привлекает прежде всего тех, кто обделен социальным общением в реальной жизни. Интернет помогает им максимально расширить число межличностных контактов, но препятствует эмоциональному восприятию общения, сопереживанию собеседнику, о чем свидетельствуют и данные эмпирических исследований (Zizek, 2017). В этом случае в результате цифровой аккультурации происходит не формирование картины мира, а деструкция нормативности, что выражается в снижении градуса обязательности в отношении выполнения социальных норм. Вследствие этого процесса возникает эффект «разности темпов», когда ускорение в одной сфере жизни приводит к отставанию в другой (Зубок, Любутов, 2021).

Однако главная институциональная ловушка цифровой социализации заключается в том, что организация соответствующего процесса в настоящее время весьма лаконична и упрощена, поскольку предусматривает активность только одного института – Интернета. Семья никак не включена в цифровую социализацию, образование ограничивает свое влияние формированием цифровых навыков. Более того, у традиционных агентов социализации нет четких представлений, каким образом они могут участвовать в формировании цифровой культу-

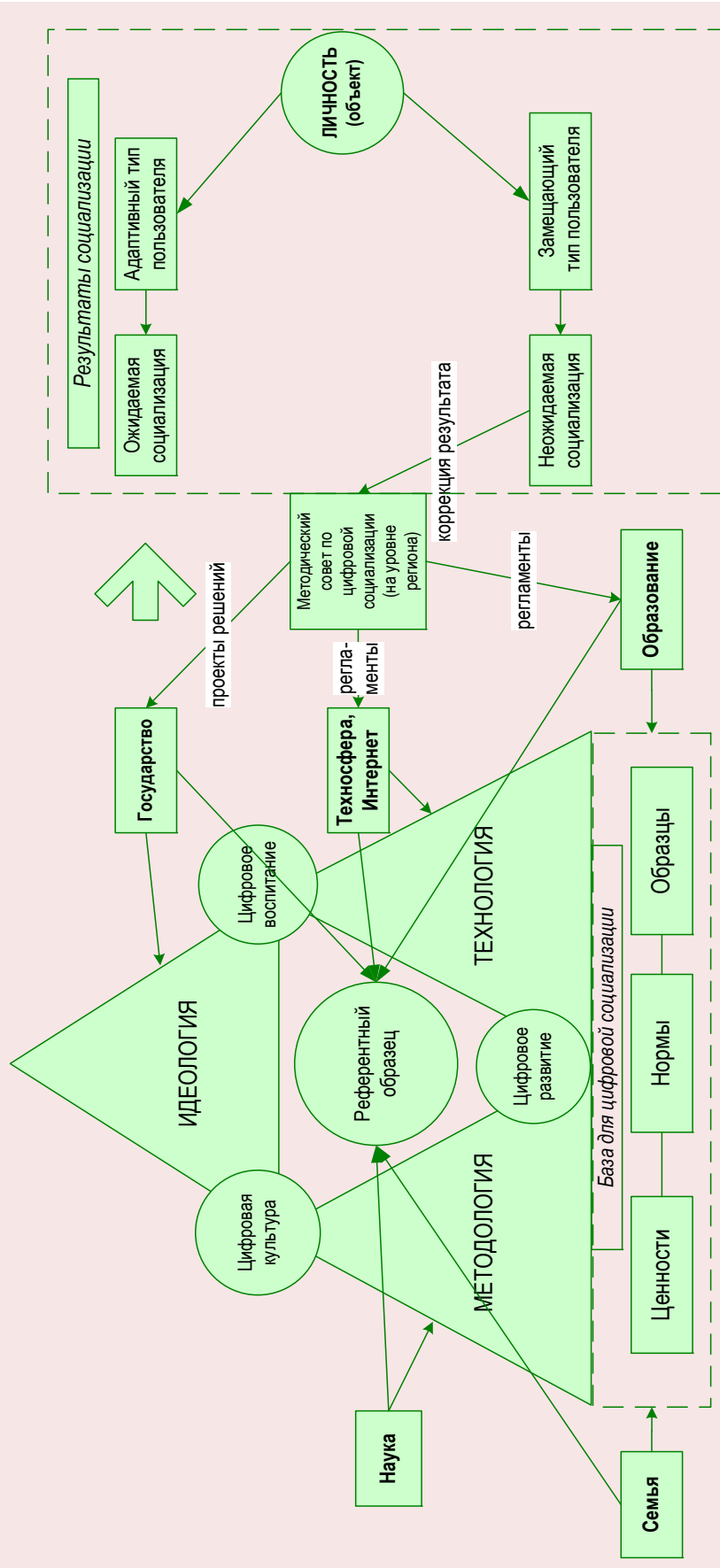
ры, цифрового воспитания и цифрового развития личности. Из-за этого цифровая социализация лишается своего базиса в виде культурных ценностей, норм и образцов.

В рамках этого дискурса нужно затронуть еще один момент. Интернет, как бы это странно ни звучало, до конца не является технологической средой. Для процессов социализации сеть – это прежде всего пользователи, которые в процессе обмена информацией воздействуют на личность человека (блогеры, инфлюенсеры, участники чатов или форумов). Специфика сетевой коммуникации приводит к тому, что пользователи не чувствуют себя в ответе за формирование картины мира в сознании личности. Подобную ситуацию никак не изменить, так как в этом выражается сущность Интернета. Более того, остальные агенты социализации не предоставляют пользователям инструментов для воздействия на личность.

Что в такой ситуации разумно предпринять? Нам кажется абсолютно верной представленная в научной литературе мысль о том, что эффективность программ социализации детей и подростков в современном информационном обществе зависит от согласованности трех элементов: идеологии (зачем?), методологии (как?) и технологии (за счет чего?) (Радионова и др., 2021). В целях развития этого подхода мы предлагаем теоретическую модель социализации в условиях цифрового детства (рис. 2).

Считаем, что цифровая социализация должна быть признана важной частью государственной политики (наравне с образовательной политикой), а основным условием этого процесса должно стать согласование интересов заинтересованных сторон. Представительство задействованных в цифровой социализации агентов должно быть критически расширено (интернет, наука, бизнес, государство, образование, семья). При этом каждый агент должен четко понимать свой функционал и обязанности. Усилия семьи и образования могут быть направлены на формирование базы для цифровой социализации (в виде ценностей, образцов и норм). Интернет (в лице пользователей) должен развивать базу, созданную традиционными агентами, в сетевых практиках. Наука должна предоставить выверенную методологию развития цифровой социализации, а госу-

Рис. 2. Модель согласования интересов агентов в рамках цифровой социализации

Источник: составлено автором.

дарство – идеологию. Идеология, методология и технология согласуются друг с другом посредством цементирующего элемента – референтного образца как ролевой модели для молодежи и основы для идентификации подрастающего поколения в VANI-мире. В настоящее время российский сегмент Интернета и блогосферы демонстрирует много разных ролевых моделей, но самостоятельно пока не может предоставить надежного образца для подражания, поскольку в сети часто эксплуатируется идея «любви к себе», хайпа и самопрезентации (Колпинец, Кожаринова, 2022).

Цифровая социализация должна быть направлена на формирование личности представителей молодого поколения, однако следует предусматривать и обратное влияние – результаты подобного формирования могут отражаться на элементах социализации. Так, для осуществления контроля над соответствующими процессами целесообразно на

уровне региона создать методический совет из представителей родительской, педагогической, научной общественности и интернет-сообщества, в задачи которого будет входить регулярный мониторинг хода цифровой социализации. Итог работы методического совета – это рекомендации и регламенты для агентов, в соответствии с которыми должны быть скорректированы основные элементы социализирующего влияния – референтный образец, методология, идеология и технология. Отметим, что для реализации задачи мониторинга перечисленные элементы должны быть максимально гибкими.

Представленные идеи будут развиты в рамках продолжения исследования. Дальнейшие перспективы научного поиска видим в формировании четкого представления о референтном образце как ядре цифровой социализации с опорой на требования времени и исторический опыт.

Литература

- Авдулова Т.П. (2011). Социализация подростков в информационном пространстве // Мир психологии. № 3 (67). С. 196–205.
- Бочавер А.А., Доука С.В., Новикова М.А. [и др.]. (2019). Благополучие детей в цифровую эпоху. М.: НИУ ВШЭ. 34 с.
- Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. (2014). Профили пользователей интернета и национальный менталитет в России и Швеции: результаты сравнительного кластерного анализа // Фундаментальные исследования. № 11-3. С. 661–664.
- Цымбаленко С., Шариков А., Майорова-Щеглова С., Макеев П. (2012). Влияние интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства. М.: Лига юных журналистов. 99 с.
- Головчин М.А. (2019). Влияние интернет-активности на жизнь в эпоху цифровизации общества и экономики: на данных регионального исследования // Актуальные проблемы экономики и права. Т. 13. № 3. С. 1356–1369. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.3.1356-1369
- Головчин М.А. (2022). Сетевая культура школьников в ракурсе свободного и управляемого формирования: по результатам эксперимента // Информатизация образования и науки. № 1 (53). С. 149–163.
- Голубева Н.А. (2020). Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». № 1. С. 130–150.
- Гревцева Г.Я. (2022). Цифровая социализация личности в образовательной среде // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. № 1. С. 40–49.
- Гунина Е.В., Дудина О.В. (2020). К вопросу изучения цифровой среды как фактора социализации личности // Казанский педагогический журнал. № 6 (143). С. 89–97.
- Дудина О.В. (2021). К вопросу о структуре цифровой социализации в контексте современного образования // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. № 3 (112). С. 161–166.
- Ершова Р.В. (2019). Цифровая социализация личности в эпоху глобальных перемен // Прикладная психология на службе развивающейся личности. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет. С. 49–54.

- Жаворонко Е.С., Ниязова А.А. (2022). Формирование функциональных ролей будущего педагога в цифровой образовательной среде // Концепт. № 4. С. 79–94. DOI: 10.24412/2304-120X-2022-11025
- Жеребин В.М., Алексеева О.А., Вершинская О.Н. (2017). Социально-психологические особенности пользователей Интернета // Народонаселение. № 1 (75). С. 116–124.
- Зубок Ю.А., Любутов А.С. (2021). Смысловое пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий в молодежной среде // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 3. С. 167–181. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.10
- Игнатова Н.Ю. (2017). Цифровые аборигены: взгляд со стороны // Открытое и дистанционное образование. № 1 (65). С. 58–65. DOI 10.17223/16095944/65/8
- Кожевников А.М., Масликов В.А. (2020). Современные исследования влияния интернет-коммуникаций на формирование ценностных ориентаций молодежи // Социология. № 1. С. 149–158.
- Колпинец Е.В., Кожаринова М.В. (2022). Женские ролевые модели в российском сегменте Instagram // Теория моды: одежда, тело, культура. № 63. С. 268–286.
- Кондратьева О.Н. (2020). Типология пользователей социальных сетей в метафорическом зеркале российских масс-медиа // Филологический класс. Т. 25. № 1. С. 62–72. DOI: 10.26170/FK20-01-06
- Косик Ю.А. (2015). Онлайн-аккультурация личности в современных интеграционных условиях // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия «Педагогические науки». № 15. С. 104–107.
- Лазуткина Е.В. (2017). Основные формы манипуляции информацией в социальных медиа Рунета // Знак: проблемное поле медиаобразования. № 2 (24). С. 221–225.
- Луков В.А. (2002). Тезаурусная концепция социализации // Дискурс: социологическая студия. Вып. 2. М.: Социум. С. 8–19.
- Лучинкина А.И., Лучинкина И.С. Методологические проблемы исследования коммуникативного поведения пользователей в интернет-пространстве // Гуманитарные науки. 2017. № 4 (40). С. 42–46.
- Масленников Р.М. (2009). Хаос и порядок в Интернете. Основы сетевой самоорганизации. Онтологическое исследование. М.: Litres. 200 с.
- Морозова А. (2018). Типология пользователей социальной сети // Мультимедийная журналистика / под ред. В. П. Воробьева. Минск: Издательский центр БГУ. С. 225–229.
- Морозова Е.В., Плотичкина Н.В., Попова К.И. (2019). Государство как агент цифровой социализации // Вестник Пермского университета. Политология. № 13 (2). С. 5–16.
- Пашковский Е.А. (2019). Интернет как проблема коммуникации // Дискурс. № 5 (1). С. 92–97. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-1-92-97
- Плешаков В.А. (2009). Киберсоциализация как инновационный социально-педагогический феномен // Преподаватель XXI век. № 3-1. С. 32–39.
- Плешаков В.А. (2012). Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a. М.: Прометей. 212 с.
- Попова Д.А. (2019). Цифровая личность как центральный элемент межперсонального интернет-дискурса // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. № 2. С. 87–91.
- Прохорова В.А. (2019). Социальные сети как агент социализации обучающихся // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе. Т. II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. С. 401–404.
- Радионова О.Р., Алиева Э.Ф., Авалуева Н.Б. [и др.]. (2021). Цифровая социализация. Дети и подростки в современном информационном пространстве // Образовательная политика. № 3 (87). С. 38–51. DOI: 10.22394/2078-838X-2021-3-38-51
- Ромм Т.А., Ромм М.В. (2021). Воспитание в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Серия «Акмеология образования. Психология развития». № 4 (40). С. 360–366.
- Собкин В.С., Федотова А.В. (2019). Сеть как пространство социализации современного подростка // Консультативная психология и психотерапия. Т. 27. № 3. С. 119–137. DOI: 10.17759/cpp.2019270308
- Солдатова Г.У. (2018). Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. Т. 9. № 3. С. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308

- Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. (2013). Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет. 144 с.
- Стародубцева Г.А. (2021). Об информационной и цифровой социализации детей дошкольного возраста // Международный журнал медицины и психологии. Т. 4. № 8. С. 77–86.
- Фолиева Т.А. (2012). Ожидаемая / неожиданная социализация: несколько критических замечаний // Вестник АГТУ. № 2. С. 113–117.
- Хлебодарова О.Б. (2010). Личность как результат социализации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 6. С. 266–271.
- Шамионов Р. (2013). Социализация личности: системно-диахронический подход // Психологические исследования. № 6 (27). С. 1-9. DOI: 10.54359/ps.v6i27.725
- Щеглов И.А. (2016). Социализация: агенты, институты, факторы // Общество: социология, психология, педагогика. № 4. С. 14–17.
- Brandtzaeg P.B. (2010). Towards a unified Media User Typology (MUT): A meta-analysis and review of the research literature on media user typologies. *Computers in Human Behavior*, 26 (5), 940–956.
- Danby S.J., Fleer M., Davidson C., Hatzigianni M. (2018). *Digital Childhoods: Technologies and Children's Everyday Lives*. Springer. DOI:10.1007/978-981-10-6484-5
- Livingstone S., Helsper E. (2007). Gradations in digital inclusion: Children, young people and the digital divide. *New Media & Society*, 9(4), 671–696.
- Muench R. (1981). Socialization and personality development from the point of view of action theory, the legacy of Emile Durkheim. *Sociological Inquiry*. 51(3-4), 311–354.
- Ortega E., Menendez M.R., Gonzalez M.V.R. (2007). Diffusion and usage patterns of Internet services in the European Union. *Information Research*, 12(2), 302.
- Pescaru M. (2018). The importance of the socialization process for the integration of the child in the society. *Revista Universitara de Sociologie*, 0(2), 18–26.
- Prensky M. (2001). Digital natives, digital immigrants (part 1). *On the Horizon*, 9 (5), 1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816
- Schiopu U., Verza E. (1995). *The Age Psychology. The Life Cycles*. Bucharest: Didactica si Pedagogica.
- Shih C.-F., Venkatesh A. (2004). Beyond adoption: Development and application of a use-diffusion model. *Journal of Marketing*, 68(1), 59–72.
- Smith J., Hewitt B., Skrbis Z. (2015). Digital socialization: young people's changing value orientations towards Internet use between adolescence and early adulthood. *Information Communication & Society*, 18(9), 1022–1038. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1007074
- Sutcliffe A.G., Binder J.F., Dunbar R.I.M. (2018). Activity in social media and intimacy in social relationships. *Computers in Human Behavior*, 85, 227–235. DOI: 10.1016/j.chb.2018.03.050
- Tapscott D., Barry B. (2009). *Grown Up Digital: How the Net Generation Is Changing Your World*. New York: McGraw-Hill.
- Zizek B. (2017). Digital socialization? An exploratory sequential analysis of anonymous adolescent internet-social interaction. *Human Development*, 60, 203–232. DOI: 10.1159/000479082

Сведения об авторе

Максим Александрович Головчин – кандидат экономических наук, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mag82@mail.ru)

Golovchin M.A.

Manifestations of Digital Socialization among Young People: Findings of a Pilot Survey of High School Students

Abstract. In the modern world, the processes of socialization (personality formation) are gradually moving from the real world to the online space. However, due to the increasing risks of digitalization, the impact of digital socialization on the younger generation becomes an object of controversy among scientists and the public. The paper proposes our own two-stage typology of Internet users, based on the signs of manifestation of online temperament as a behavioral model formed in the course of digital socialization. According to the classification, Internet users have features of the following types: “opportunist / idealist” (using the Internet for deception), “enthusiast / skeptic” (trust / distrust of the content), “aggressor / tolerant” (manifestation of online aggression), “addictive / autonomous” (presence of Internet addiction). Combinations of features of particular types make up the general types of users (adaptive, substitutional, passive), which reflect the results of digital socialization and network acculturation. We propose an algorithm for identifying the types of Internet users in the course of a sociological study. Having tested the proposed solution within the framework of an intelligence study (in the case of a pilot group of schoolchildren from the city of Vologda) we formulate working hypotheses about the diverse impact of digital socialization on modern schoolchildren; dynamics, instability and flexibility of online behavior models of the younger generation; close connection of the socializing influence of the Internet with the development of interpersonal communication. The hypotheses will be taken into account in the course of elaboration of the research topic. The article puts forward a model for organizing digital socialization based on the harmonization of interests of the widest possible range of agents. The findings of the research can be used in the formation of strategic plans for the development of the digital industry and educational policy. Scientific novelty of the research consists in the development of a new methodological solution for using the socializing influence of the Internet environment in the process of generalization.

Key words: digital socialization, expected socialization, non-expected socialization, network acculturation, typology of users, sociological survey.

Information about the Author

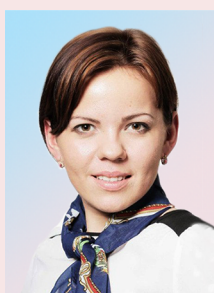
Maksim A. Golovchin – Candidate of Sciences (Economic), head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mag82@mail.ru)

Статья поступила 24.06.2022.

Моделирование влияния институциональной среды на развитие цифровых платформ и экономики совместного пользования

**Анна Юрьевна
ВЕРЕТЕННИКОВА**
Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: vay_uiec@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1808-7856; ResearcherID: N-4275-2016

**Ксения Михайловна
КОЗИНСКАЯ**
Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: ksush1@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9131-7342; ResearcherID: P-7068-2017

Аннотация. Цифровые платформы и экономика совместного пользования способствуют более эффективному распределению ресурсов за счет высвобождения недоиспользованных активов, а также снижению транзакционных издержек, что открывает дополнительные возможности для социально-экономического развития. Однако стремительное внедрение цифровых платформ и изменение моделей потребления обуславливают необходимость адаптации и трансформации текущей институциональной среды. Целью исследования является моделирование влияния формальной и неформальной институциональной среды на платформенную экономику и экономику совместного пользования в различных странах. В статье с помощью теоретического анализа показан характер возможного влияния формальных и неформальных институтов на развитие

Для цитирования: Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. (2022). Моделирование влияния институциональной среды на развитие цифровых платформ и экономики совместного пользования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 257–273. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.14

For citation: Veretennikova A.Yu., Kozinskaya K.M. (2022). Modeling the impact of the institutional environment on the development of digital platforms and the sharing economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 257–273. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.14

цифровых платформ и экономики совместного пользования, на основе этого сформулированы четыре соответствующие гипотезы. В качестве информационных баз были использованы данные по Digital Platform Economy Index 2020, Smart City Index 2021, WJP Rule of Law Index 2020, Social Capital Index 2020, Barometr Trust Index 2021 для 26 стран мира. Посредством применения корреляционного и регрессионного анализа авторами построены линейные модели, демонстрирующие влияние формальной институциональной среды на развитие платформенной экономики, а также неформальных институтов на сервисы экономики совместного потребления. Обосновано, что наиболее значимыми факторами формальной среды, оказывающими воздействие на данный вид деятельности, являются низкий уровень коррупции и открытость органов государственного управления. Неформальная среда характеризуется уровнем доверия и социальных контактов в стране, выраженным через социальный капитал. Новизна полученных результатов состоит в определении характера влияния формальной и неформальной институциональной среды на развитие экономики совместного пользования. Значимость результатов заключается в возможности применения выявленных закономерностей для развития цифровых платформ и экономики совместного пользования

Ключевые слова: платформенная экономика, экономика совместного пользования, институциональная среда, формальные институты, неформальные институты, шеринг.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01830 (<https://rscf.ru/project/22-28-01830/>).

Введение

Модель совместного пользования как относительно новая форма организации хозяйственной деятельности для российского менталитета является довольно привычной. Вместе с тем развитие цифровых технологий и активное их применение в ежедневных транзакциях, как в трансформационном, так и транзакционном секторе экономики, стали причиной предоставления нового шанса явлению, обозначенному в зарубежной экономике как «sharing economy». «Sharing economy» представляется многоаспектным феноменом, который от реализации непосредственного принципа совместного потребления (collaborative consumption) расширяется до включения аспектов цифровой, сетевой, коллаборативной, циркулярной экономики (Хусяинов, Урусова, 2017; Akhmedova et al., 2020), что, с одной стороны, раскрывает ее высокий потенциал, с другой стороны, порождает неоднородность, препятствующую комплексному анализу данного явления. Совмещение разнородных элементов, выражающееся в трансформации ценностей от потребления к сотрудничеству, пересмотре отношения к доверию, применению цифровых платформ, формировании сообществ с общими ценностями, приводит к трансформации поведения эконо-

мических агентов, к изменению институциональных норм и правил взаимодействия, а также к формированию новых экономических институтов, возникающих при пересечении старых и новых моделей потребления.

Вместе с тем появление новых форм взаимодействия требует соответствующей технологической основы. При этом срезе развитие «sharing economy» тесно переплетено с распространением платформенной экономики, способствующей развитию экономики совместного пользования. Институциональная среда, представляющая собой набор формальных и неформальных правил и норм поведения (North, 1994) способна как стимулировать образование новых форм взаимодействия, позволяя современным трендам встраиваться в текущие процессы, так и сдерживать, создавая ограничения для проникновения и закрепления данной бизнес-модели. Научная проблема исследования состоит в необходимости определения влияния институциональной среды на развитие экономики совместного пользования (ЭСП), что в дальнейшем позволит выявить области формирования и реализации потенциала экономики совместного пользования в решении социально значимых задач.

Цель исследования заключается в моделировании влияния формальной и неформальной институциональной среды на развитие цифровых платформ и экономики совместного пользования в различных странах. Для ее достижения были раскрыты трактовки определения платформенной экономики и экономики совместного пользования, с помощью теоретического обзора обоснована роль формальных и неформальных институтов в развитии «sharing economy», сформулированы гипотезы о влиянии формальной и неформальной институциональной среды, построены регрессионные модели, показывающие характер влияния анализируемых факторов на «sharing economy».

Институциональная среда развития платформенной экономики и экономики совместного пользования

Платформенная экономика и экономика совместного пользования: трактовка понятий

В начале XXI века наблюдается активный рост разнообразных онлайн-платформ, от небольших веб-сайтов с локальным охватом до международных компаний, которые предлагают различные услуги, такие как поисковые системы в Интернете, онлайн-рынки, платформы для обмена видео, музыкальные и видеоплатформы, социальные сети, платформы совместной экономики, онлайн-игры и т. д.

Являясь составляющей цифровой экономики, платформенная экономика не имеет унифицированных границ. Вместе с тем дискуссия о влиянии платформенной экономики на общественные процессы выступает продолжением обсуждения IT-революции (Kenney, Zysman, 2016). Платформизация становится одной из форм развития цифровой экономики. Роль и тренды развития цифровых платформ довольно детально раскрыты в работе Н. Срничека, в которой автор показывает как потенциал, так и риски развития цифровых платформ. Он отмечает, что «платформа находится между пользователями и выступает в качестве площадки, на которой они взаимодействуют, что позволяет держателю платформы получать привилегированный доступ к регистрации этого взаимодействия» (Срничек, 2019). Д. Хумарян (Хумарян, 2019), анализируя работу Н. Срничека, обосновывает, что главная цель держателей платформ не цифровизация рыночного обмена, а капитализация социального взаимодействия.

Платформенная экономика относится к цифровым технологиям, движущей силой которых являются Интернет, облачные вычисления, большие данные и Интернет вещей, с большим количеством платформенных организаций в качестве ведущих, разрабатывающих и реализующих полный набор платформ, потребителей и поставщиков услуг. Кроме того, платформенная экономика снижает транзакционные издержки организаций, способствует формированию новых типов экономической интеграции, в которой ресурсы в значительной степени интегрированы с традиционными отраслями.

Д. Эванс определяет платформенную экономику как исследование уникальных экономических явлений двусторонних рынков в традиционной рыночной экономике (Evans, 2003). Согласно мнению исследователя С. Макоева, ключевым звеном платформенной экономики выступает платформа как аналог площадки для размещения ресурсов только в цифровом пространстве, состоящая из двух важных структурных элементов: программное и техническое обеспечение и управление (Макоев, 2020).

В европейском законодательстве предложено несколько юридических определений цифровых платформ. Например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определила цифровые платформы (интернет-посредники) как организации, которые «объединяют или облегчают транзакции между третьими сторонами в Интернете, <...> они предоставляют доступ, размещают, передают и индексируют контент, продукты и услуги, созданные третьими лицами в Интернете, или предоставляют интернет-услуги третьим лицам»¹. В настоящее время понятие «посредник» все чаще заменяется термином «платформа», ассоциируется с ролью, выходящей за рамки связующего звена, и распространяется на предоставление общего пространства, где пользователи могут выполнять свою деятельность и создавать добавочную ценность. Члены комиссии Европейского союза в сообщении об онлайн-платформах не дают юридически обоснованные определения, а перечисляют некоторые общие черты: а) платформы

¹ OECD (2010): 'The Economic and Social Role of Internet Intermediaries', OECD Digital Economy Papers, No. 171.

способны создавать и формировать новые рынки, бросают вызов классическому бизнесу организовывать новые формы участия или ведения бизнеса на основе сбора, обработки и редактирования больших объемов данных; б) работают на различных рынках, однако с разной степенью контроля над прямыми взаимодействиями между группами пользователей; в) извлекают выгоду из «сетевых эффектов», таким образом, ценность услуги увеличивается с количеством пользователей; г) используют информационные и коммуникационные технологии для обеспечения мгновенной связи со своими пользователями².

Таким образом, можно выделить два противоположных дискурса. С одной стороны, цифровые платформы олицетворяют крайне пассивную позицию, тем самым ограничивая себя невмешательством между спросом и предложением на рынке, например, в случае с BlaBlaCar. С другой стороны, цифровые платформы активно влияют не только на работу своих провайдеров, но и на отношения, которые они устанавливают с пользователями. Например, с помощью комплексного алгоритма Uber может вовлекать водителей в более прибыльные зоны (например, торговые центры, вокзалы) и вводить дифференцированные тарифы в часы пик. Однако эта схема также является гибкой, поскольку платформы всегда обладают способностью изменять свои условия в любой момент времени в качестве реакции на внешние факторы.

В научных исследованиях отсутствует единое мнение о том, какие виды деятельности и какие компании могут быть отнесены к экономике совместного пользования, что обусловлено неоднородностью данного явления. Кроме того, в литературе используются альтернативные термины, такие как «совместное потребление», «совместное пользование (использование)», «гиг-экономика» или «экономика доступа» (Schlagwein et al., 2019). Вместе с тем Р. Ботсман подчеркивает, что эти общепотребительные и взаимозаменяемые термины

² European Commission (2016). Online Platforms. Accompanying the document Communication on Online Platforms and the Digital Single Market, Brussels, 25.5.2016 SWD (2016) 172. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52016SC0172>

имеют разное значение и охватывают различные спектры деятельности³.

Р. Ботсман и Р. Роджерс (Bostman, Rogers, 2011) определили экономику совместного потребления (collaborative consumption) как экономическую систему, в которой индивиды делятся своими недоиспользуемыми активами и услугами с целью взимать плату или делиться ими бесплатно и напрямую. Похожее определение также дается в Оксфордском словаре (2015), где экономика совместного потребления определяется как экономическая система, в которой различные частные лица совместно применяют активы и услуги, используя Интернет в качестве средства обмена.

Тем не менее Г. Петропулос (2017) назвал экономику совместного пользования (collaborative economy) системой, предоставляющей возможность обмена недоиспользованными активами различным лицам через посредников между потребителями, которые уравнивают спрос и предложение с использованием информационных технологий (Petropoulos, 2017). Однако Й. Хамари и его соавторы полагают, что экономика совместного потребления связана с потреблением товаров и услуг посредством различных видов деятельности, таких как обмен, торговля и аренда (Hamari et al., 2015). Б. Баларам⁴ обращает внимание на исследование М. Фелсон и Й. Спэт (Felson, Spaeth, 1978), в котором совместное потребление описано как событие, вовлекающее одного или нескольких лиц с целью потребления товаров и услуг в ходе нескольких совместных мероприятий. С другой стороны, Р. Белк утверждает, что экономика совместного пользования не включает в обмен деньги; он считает, что совместное потребление — это координация распределения и приобретения ресурсов людьми за вознаграждение или иную компенсацию; в случае, если оно включает в себя компенсацию, возможны торговля, обмен и бартер (Belk, 2014).

³ Bostman R. (2013). The sharing economy lacks a shared definition, Working paper. Available at: <https://www.fastcompany.com/3022028/the-sharing-economy-lacks-a-shared-definition>

⁴ Balaram B. (2016). Fair Share: Reclaiming power in the sharing economy. Available at: <https://medium.com/@thersa/fair-share-reclaiming-power-in-the-sharing-economy-499b46bd4b00>

В отчете, предоставленном правительством Великобритании, экономика совместного пользования (*sharing economy*) представляет собой онлайн-платформу, помогающую людям предоставлять доступ к активам, времени, навыкам и ресурсам (Woskow, 2014). Европейская комиссия определила совместную экономику как бизнес-модель, в которой деятельность через совместные платформы облегчается, создавая временный открытый рынок для использования товаров и услуг, которые могут предоставляться частными лицами. Таким образом, экономика совместного пользования является составляющей платформенной экономики, т. к. для ее эффективного функционирования необходимы современные решения цифровой экономики⁵.

Терминологический дискурс в отношении различий понятий, относящихся к «*sharing economy*» и «*collaborative economy*», в российской практике обусловлен как особенностями перевода, так и эволюцией развития данных концепций и соответствующих бизнес-моделей. Значительный вклад в обозначение границ смежных терминов, описывающих экономику совместного пользования, в российских исследованиях внесли Е.Ф. Авдокушин и Е.Г. Кузнецова. Авторы прежде всего разделяют «экономику совместного потребления» и «совместного использования», сопоставляя первую с кооперацией между физическими лицами по обмену, дарению, пользованию товарами и услугами, а вторую с обменом продуктами, факторами производства, отходами от основной деятельности, услугами между юридическими лицами, вследствие чего происходит отчуждение не собственности, а только результатов владения ею, и получение прибыли (Авдокушин, Кузнецова, 2022). По мнению ученых, шеринговая экономика (*sharing economy*) включает в себя различные подвиды этого вида деятельности: экономику совместного потребления, экономику обмена, экономику совместного пользования товарами, коллаборативную экономику и др. (Авдокушин, Кузнецова, 2019).

⁵ European Commission (2016a). A European agenda for the collaborative economy [COM (2016) 356]. Available at: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/16881>.

В рамках нашего исследования мы применяем термин «экономика совместного пользования», рассматривая его как одну из версий перевода «*sharing economy*». При этом «экономика совместного пользования», по нашему мнению, охватывает как «совместное потребление», так и «совместное использование» ресурсов для получения индивидуального и общего результата. Вместе с тем мы подчеркиваем, что основным условием отнесения того или иного сервиса по обмену недоиспользованными активами к экономике совместного пользования является наличие цифровой платформы. Таким образом, под экономикой совместного пользования понимается экономическая модель взаимодействия агентов, основанная на коллективном использовании различных типов активов посредством цифровых платформ. «*Sharing economy*» базируется на практике использования и обмена продуктами или услугами при поддержке Web 2.0 между поставщиком платформы, равноправным поставщиком услуг и клиентом (пользователем) — то есть возникает триадный обмен на денежную компенсацию, то есть обмен без передачи права собственности может происходить как локально в сообществе или районе, так и в глобальном масштабе.

Бизнес-модель организаций экономики совместного пользования осуществляется на платформах, создающих легкодоступный рынок для временного использования товаров или услуг, как правило, предоставляемых частными лицами. В нем участвуют три группы пользователей: поставщики услуг, которые делятся своими товарами, ресурсами, временем или навыками, пользователи этих услуг и посредники, связывающие поставщиков с пользователями, облегчающие транзакции между ними, то есть онлайн-платформы⁶.

Экономика совместного пользования имеет высокий потенциал для развития за счет масштабирования, позволяющего пользователям сэкономить, а поставщикам товаров и услуг — получить дополнительный доход. Кроме того, данный вид деятельности способствует снижению уровня чрезмерного потребления,

⁶ European Commission (2016). A European agenda for the collaborative economy [COM (2016) 356]. Available at: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/16881>

сокращению выбросов углерода, созданию доверия между членами общества, а также развитию социального капитала (см., например: Rinne, 2018).

На ранних этапах развития экономики совместного пользования были признаны такие ее преимущества, как сокращение чрезмерного потребления, положительное влияние на окружающую среду и возможность построения межличностных коммуникаций. Также меняется отношение к собственности: идея о том, что владение благами для их потребления не является обязательным, становится все более распространенной (Botsman, Rogers, 2011).

Таким образом, с одной стороны, экономика совместного пользования, предполагающая применение цифровой платформы при реализации своей деятельности, является вложенным множеством платформенной экономики; с другой стороны, принцип совместного пользования ресурсами, товарами или услугами наравне с экономическими целями позволяет реализовывать социальные и экологические задачи, что повышает значимость данной бизнес-модели при реализации институциональных изменений.

Актуальность исследования институционального контекста развития экономики совместного пользования также подтверждена в научных работах по данной теме. Например, большое внимание в литературе уделяется роли формальных институтов: обсуждаются пробелы в законодательстве, касающиеся, например, обеспечения безопасности пользователей или уплаты налогов, и неформальных, в том числе доверию на платформах (Williamson, 2009). Результаты исследования, проведенного PWC в 2015 году⁷, свидетельствуют, что наиболее важными причинами, побуждающими потребителей к совместному пользованию, являются выгодная цена на товары и услуги, возможность доступа к разнообразным товарам и услугам, высокое качество, возможность получить уникальный опыт, познакомиться с новыми людьми, участие в новом кооперативном образе

⁷ The Sharing Economy. Consumer Intelligence Series. PricewaterhouseCoopers LLP, 2015. Available at: <https://eco.nomia.pt/contents/documentacao/pwc-cis-sharing-economy-1-2187.pdf>

жизни, удобство проведения сделок, отсутствие обременений, связанных со стоимостью, обслуживанием, выбором (Finley, 2013). Наиболее важные причины отказа от участия в экономике совместного потребления касаются отношения к собственности — отдельные потребители по-прежнему характеризуются отсутствием доверия к платформам, предлагающим такие товары и услуги (Wallenstein, Shelat, 2017). Усиление воздействия благ и снижение влияния барьеров требует дальнейших изменений в формальных и неформальных институтах.

Институциональная среда экономики совместного пользования

Институциональная среда включает набор формальных и неформальных институтов (North, 1990). Формальные институты, как правило, контролируются государством, в их основе лежат установленное на той или иной территории законодательство, официально закрепленные нормы и правила поведения. Неформальные институты базируются на глубоко укоренившихся кодексах поведения, традициях, обычаях, санкциях и табу. Они существуют независимо от государства, формируются посредством взаимодействия между индивидами или сообществами (Finley, 2013).

Следует отметить, что формальные институты, имеющие отношение к экономике совместного потребления и цифровым платформам, за последние десятилетия, несомненно, подверглись существенным изменениям. Однако их преобразование происходит довольно медленно, зачастую не обеспечивая текущие запросы и возможности экономики совместного пользования. Например, в таких странах, как Россия, Греция, Венгрия, отсутствует защита прав потребителей, использующих цифровые платформы и сервисы экономики совместного пользования (Stephany, 2015). Данная проблема снижает спрос на услуги в этой сфере — отсутствие доверия становится одним из важнейших барьеров на пути развития экономики совместного потребления, так как потребителям нужны поддерживаемые извне четкие правила работы платформ обмена, обеспечивающие их безопасность и гарантирующие, что в случае возникновения проблем есть конкретные инструменты их решения.

Однако, несмотря на разрыв в скорости трансформации институциональной среды, а также в скорости формирования и распространения экономики совместного потребления, спрос на услуги данного вида деятельности растет. Это связано с происходящими в обществе изменениями, стимулирующими потребителей использовать возможности, предлагаемые экономикой совместного потребления. Таким образом, неформальные институты изменяются быстрее, чем формальные. Хотя согласно институциональной экономической теории принято считать, что скорость трансформации неформальных институтов довольно низкая (Williamson, 2000), данный тезис не применим для формирования модели совместного пользования (Helmke, Levitsky, 2004).

Таким образом, если развитие формальных институтов отстает от текущих экономических процессов, неформальные институты являются довольно гибкими к текущим запросам общества и делают возможным развитие экономики совместного пользования. Неформальные институты позволяют преодолеть недоверие к новым услугам и видам взаимодействия. В частности, потребители, использующие рейтинги или рекомендации друзей, в большей степени доверяют сервисам «sharing economy». Кроме того, потребители сервисов платформ экономики совместного пользования ценят принципы, которые обеспечивают прозрачность сделок, простоту и ценовую конкурентоспособность. Таким образом, неформальные договоренности заменяют традиционные институты и гарантируют безопасность потребителей.

В статье нами предложен подход к анализу экономики совместного пользования, учитывающий как формальные, так и неформальные институты, основанный на положениях институциональной экономики.

Развитие экономики совместного потребления связано со значительными институциональными изменениями, которые могут быть разделены на две группы. К первой группе относятся изменения отношения потребителей к владению товарами. Второй тип изменений включает правовые нормы, предназначенные для обеспечения безопасности транзакций на платформах, или правила, добровольно введенные платформами для повышения прозрачности и доверия пользователей (Schor,

Fitzmaurice, 2014). Таким образом, вновь созданные неформальные институты — отношения между пользователями платформы и доверие к чужим оценкам — в какой-то степени заменяют собой традиционные формальные регламенты. Рассмотрим формальные и неформальные институты, влияющие на экономику совместного потребления, более детально.

Формальные институты

Динамичное развитие экономики совместного потребления является важной задачей для государств, однако, как правило, скорость трансформации законодательных инициатив зачастую существенно ниже. Ключевые области необходимого регулирования касаются:

- безопасности пользователей (например, при поездках с Uber) и третьих лиц (например, аварии с участием городских самокатов);
- обеспечения высокого качества предоставляемых товаров и услуг;
- устранения внешних факторов (например, загрязнения окружающей среды арендованными автомобилями);
- эффекта безбилетника и морального риска, связанного с уходом от ответственности за причинение ущерба или ненадлежащее оказание услуг;
- уровня коррупции как фактора развития платформенной экономики и сервисов совместного пользования товарами и услугами.

Данные примеры регулирования показывают, насколько широк их спектр и насколько важны проблемы регулирующих органов. Кроме того, платформы пытаются влиять на форму нормативных актов, вводимых государством.

Также стоит подчеркнуть, что формальные правила поощряют развитие экономики совместного потребления. Анализ Timbro Sharing Economy Index показывает, что экономика совместного потребления лучше развита в странах с большей экономической свободой (Bergh et al., 2018).

При этом цифровые платформы, а следовательно и сервисы ЭСП, действуют в условиях внешней среды, обусловленной формальными нормами и правилами.

Представленный выше анализ показывает, что ЭСП может быть развита при реализации в формальной институциональной среде принципа открытости и взаимного сотрудничества. Это отразилось в следующих гипотезах:

Н1. На развитие цифровых платформ положительное влияние оказывает отсутствие коррупции в стране.

Н2. На развитие цифровых платформ положительное влияние оказывает открытость государственных организаций и прозрачность их деятельности.

Неформальные институты

С одной стороны, изменения неформальных институтов связаны с изменением отношения общества к популяризации ЭСП и укреплением доверия к ней. Поколение людей, родившихся после 1980-х годов, выработало новый подход к владению, удобству потребления, а также использованию технологий или опоре на рекомендации. Для этого поколения утверждение «Ты то, чем ты владеешь» меняется на «ты то, чем ты делишься» (Belk, 2014). PWC (2015) указывает на новое отношение к собственности, поскольку 43% респондентов в США воспринимают ее как бремя, а 57% считают доступ новым типом собственности. Более того, 81% респондентов отметили, что делиться товарами дешевле, чем владеть ими. Таким образом, потребители замечают преимущества совместного пользования и становятся более осведомленными о преимуществах и недостатках различных форм собственности⁸.

С другой стороны, экономика совместного пользования основана на построении отношений между рассредоточенными группами поставщиков и потребителей. Это требует создания прямых отношений между субъектами, ограничения анонимности, принятия процедур проверки благонадежности. Построение отношений с формальными и неформальными группами способствует укреплению доверия, в то время как общества с более высоким уровнем доверия меньше зависят от формальных институтов в части соблюдения соглашений. Для представителей данной группы отсутствует необходимость личного знакомства — достаточно того, что они являются членами одного сообщества лиц, использующих данную платформу. Таким образом, общий уровень доверия

в обществе и связи внутри него оказывают влияние на экономическое поведение субъектов.

С темой доверия и неформальными институтами тесно связаны исследования в области социального капитала. Социальный капитал обычно интерпретируется как степень доверия, нормы сотрудничества и ассоциативное членство или сети в обществе (Curtis, Lehner, 2019). Интерес к данной тематике вырос благодаря исследованиям социолога Дж. Коулмана (Coleman, 1988) и политолога Р. Патнэма (Putnam, 1993).

Результаты исследований по социальному капиталу показывают, что индивиды более склонны доверять людям, обладающим качествами и характеристиками, присущими им самим. Однако высокая репутация на платформе становится важнее высокого сходства, что позволяет преодолеть даже глубоко укоренившиеся предубеждения. В настоящее время практически каждая платформа пытается убедить своих пользователей, что она активно заботится о том, чтобы гарантировать безопасность. Например, Uber создал «руководство сообщества Uber», призванное повысить безопасность.

Высокие рейтинги и доверие имеют решающее значение для процветания поставщиков товаров и услуг. Прорывом для платформы Alibaba стало введение так называемого «пропуска доверия», т. е. сертификата для продавцов, который подтверждал их благонадежность. Продавцы, имеющие такой сертификат, получили в среднем в 6 раз больше заказов, чем незарегистрированные. Исследования для eBay также подтверждают важность репутации. Продавец, получивший отрицательный комментарий, потерял в среднем 8% недельных продаж. Таким образом, репутация оказывает измеримое финансовое влияние. Кроме того, один негативный комментарий увеличивает риск дальнейших негативных мнений на 25%⁹. По данным 2020 года 99% транзакций на Swaptree успешны, и только 1% получает негативные комментарии, в основном по тривиальным причинам, таким как задержка доставки (Georgoula, Skoultzos, 2020).

⁸ The Sharing Economy. Consumer Intelligence Series. PricewaterhouseCoopers LLP, 2015. Available at: <https://eco.nomia.pt/contents/documentacao/pwc-cis-sharing-economy-1-2187.pdf>

⁹ Chappelow J. (2020). Sharing Economy. Investopedia. Available at: <https://www.investopedia.com/terms/s/sharing-economy.asp>

Для повышения ценности рейтинговых систем вводятся модели оценки их достоверности, проверяющие качество оставленных комментариев. Примером проекта оценки рейтинговой системы является «Trustmark», запущенный в 2015 году. Это нисходящий проект, представленный властями Великобритании, которая стала первой страной, признавшей, что потребителям следует помогать оценивать надежность платформ обмена и их применения (Möhlmann, 2015). Аналогичные инициативы предпринимают частные компании, такие как Traity и TrustCloud. Они позволяют агрегировать информацию с разных платформ, социальных сетей и на их основе строят репутацию пользователей. Это дает возможность применить информацию с одной платформы на другой, что важно для потребителя, который начинает пользоваться новым сервисом без истории транзакций или оценок пользователей. Информация, которую оставляют пользователи во время онлайн-операций, позволяет обнаружить определенные модели поведения, например, оценить поведение в социальных сетях, в частности ответственность или предсказуемость, и связать его с рейтингами на разных платформах.

С целью дальнейшего моделирования влияния неформальной институциональной среды на организации платформенной экономики и экономики совместного пользования были сформулированы следующие гипотезы:

Н3. На развитие цифровых платформ и экономики совместного пользования положительное влияние оказывают уровень доверия внутри обществ и их социальные связи.

Н4. На развитие экономики совместного пользования положительное влияние оказывает уровень доверия к институтам.

Методология исследования

В связи с тем что модель экономики совместного пользования развивается преимущественно в крупных городах, для данного исследования применены два уровня наблюдений: стран и городов. В случае с развитием цифровых платформ исследован межстрановой уровень. Для проверки гипотез были использованы данные за 2020 год из отчета развития цифровых платформ – Digital Platform Economy Index,

рассчитанный Global Entrepreneurship and Development Institute¹⁰. Применение больших данных, новых алгоритмов и облачных вычислений создает глобальную цифровую платформу экономики, построенной вокруг компаний-платформ. Индекс экономики цифровых платформ (Индекс DPE) объединяет две отдельные, но родственные базы данных о цифровой и предпринимательской экосистемах. Эта новая структура рассматривает цифровое предпринимательство в более широком контексте.

Для другой зависимой переменной – уровня развития ЭСП – были использованы данные Индекса умных городов (IMD-SUTD Smart City Index) за 2021 год¹¹. Индекс фокусируется на том, как жители воспринимают эффективность усилий, направленных на то, чтобы сделать их города «умными», и включает опрос горожан об удовлетворенности различными сервисами, в том числе относящимися к экономике совместного пользования (каршеринг, прокат велосипедов), а также веб-сайтами или приложениями, которые позволяют жителям раздавать ненужные вещи.

В качестве независимых переменных для проверки гипотезы 1 на межстрановом уровне использованы данные Индекса верховенства закона WJP (WJP Rule of Law Index) за 2020 год¹². Индекс характеризует уровень развития верховенства права в 139 странах и юрисдикциях, предоставляя оценки и рейтинги на основе восьми факторов: ограничения полномочий правительства; отсутствие коррупции; открытость правительства; основные права; порядок и безопасность; нормативное правоприменение; гражданское правосудие; уголовная юстиция.

Для получения баллов и рейтингов в Индексе верховенства права WJP 2020 года были опрошены представители более 138000 домохозяйств, в том числе 4200 практикующих юри-

¹⁰ Digital Platform Economy Index, 2020. Available at: <https://thegeedi.org/wp-content/uploads/2020/12/DPE-2020-Report-Final.pdf>

¹¹ IMD-SUTD Smart City Index (SCI), 2021. Available at: <https://www.planbe.com.gr/news/smart-city-index-2021>

¹² WJP Rule of Law Index, 2020. Available at: <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/global/2021/table>

стов и экспертов со всего мира. Этот индекс является наиболее полным в мире набором данных такого рода и единственным, который в основном опирается на первичные данные, включая точки зрения и опыт гражданского общества.

В качестве независимых переменных на межстрановом уровне использован Индекс уровня доверия (Edelman Trust Barometer) 2021 года, проводимый ежегодно и отображающий уровень доверия к бизнесу, некоммерческим организациям, правительству, а также медиа (X_3). Кроме того, в отчете рассчитывается среднее арифметическое среди показателей в различных странах. В рамках исследования мы используем данный показатель как индикатор уровня доверия формальным институтам¹³.

Для проверки гипотезы 3 о влиянии неформальной институциональной среды на платформенную экономику и ЭСП был использован Индекс социального капитала (Social Capital Index)¹⁴ за 2020 год (X_4). Социальный капитал страны – это сумма социальной стабильности и благополучия всего населения (ощущаемого или реального). Социальный капитал создает социальную сплоченность и определенный уровень консенсуса, что, в свою очередь, обеспечивает стабильную среду для экономики и предотвращает чрезмерную эксплуатацию природных ресурсов (Georgoula, Skoultzos, 2020).

В дополнение к местным историческим и культурным влияниям на социальный консенсус в обществе воздействуют несколько факторов: системы здравоохранения и их доступность (измерение физического здоровья); равенство доходов и активов, которые коррелируют с уровнем преступности; демографическая структура (для оценки будущего баланса поколений в обществе); свобода самовыражения, отсутствие страха и насильственных конфликтов. Только в этих условиях экономика может процветать, создавать дополнительную стоимость, рабочие места и обеспечивать рост доходов населения.

¹³ Edelman Trust Barometer, 2021. Available at: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer>

¹⁴ Solability Social Capital Index, 2020. Available at: <https://solability.com/global-sustainable-competitiveness-index/the-social-capital-index>

В результате использования имеющихся статистических данных было получено 26 наблюдений. В ходе анализа рассмотрены такие страны, как Россия, Корея, Ирландия, Испания, Турция, Япония, Великобритания, ОАЭ, Германия, Австралия, Франция, Италия, Канада, Сингапур, Аргентина, Бразилия, Малайзия, США, Нидерланды, ЮАР, Колумбия, Мексика, Саудовская Аравия, Индия, Индонезия, КНР и их столицы.

Для проверки сформулированных гипотез и дальнейшего моделирования влияния формальной и неформальной институциональной среды на развитие цифровых платформ и ЭСП применялись следующие переменные:

Y_1 – индекс развития цифровых платформ в странах мира;

Y_2 – уровень развития каршеринга в городе, выраженный показателем, характеризующим согласие граждан с тем, что «приложения каршеринга уменьшили заторы»;

X_1 – индекс, основанный на опросе населения и показывающий согласие с тем, что в стране наблюдается отсутствие коррупции;

X_2 – индекс, основанный на опросе населения и показывающий согласие с тем, что в стране наблюдается открытость государственных институтов;

X_3 – индекс развития социального капитала в стране;

X_4 – индекс доверия в обществе к формальным институтам (общий показатель).

При построении модели был сделан предварительный анализ исходных статистических данных, в результате которого выявлен наиболее подходящий тип функциональной зависимости между рассматриваемыми экономическими процессами. На втором этапе проведен корреляционный анализ исследуемых факторов, позволивший определить, присутствуют ли в модели факторы, формирующие такое негативное явление, как мультиколлинеарность.

На третьем этапе были непосредственно построены многофакторные модели; на четвертом этапе – проведено исследование качества построенных моделей. Пятый этап включал проверку и устранение автокорреляции остатков в модели. На этапах обработки данных применялся программный продукт Python.

Результаты исследования

В результате исследования построено две модели, отражающие влияние формальной и неформальной институциональной среды на развитие цифровых платформ и экономики совместного пользования.

На первоначальном этапе анализа данных было выявлено, что распределение случайных величин по тестируемым факторам и зависимой переменной Y_1 является линейным в обеих моделях. В результате анализа матрицы попарных корреляций установлено, что мультиколлинеарность в модели отсутствует (*таблица*), далее определена зависимость уровня развития цифровых платформ от факторов X_1 и X_2 .

Результаты регрессионного анализа представлены на *рисунке 1*.

В результате была получена следующая модель:

$$Y_1 = -35,07 + X_1 \times 65,1 + X_2 \times 65,46. \quad (1)$$

Проверка гипотезы о влиянии индекса социального развития привела к следующим результатам (*рис. 2*).

В итоге была построена модель:

$$Y_2 = -23,59 + X_3 \times 1,49. \quad (2)$$

На следующем этапе проведена оценка адекватности и достоверности полученных результатов. Значимость коэффициентов детерминации в первой модели $\text{prob (F-statistic} = 1.01e-09)$ и $\text{prob (F-statistic} = 0,000720)$ позволяет сделать вывод о том, что модель в целом

Корреляционная матрица

	Y1	X1	X2
Y1	1	0,80	0,75
X1	0,81	1	0,44
X2	0,75	0,44	1
Df Residuals:	1	0,80	0,75

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Результаты регрессионного анализа

OLS Regression Results						
Dep. Variable:	DP	Ri squared:	0.835			
Model:	OLS	Adj. Ri squared:	0.820			
Method:	Least Squares	Fi statistic:	58.13			
No. Observations:	26	Prob (Fi statistic):	1.01e-09			
Df Residuals:			91.483			
			23			
Logi Likelihood:						
Df Model:	2	AIC:	189.0			
Covariance Type:	nonrobust	BIC:	192.7			
	coef	std err	t	P> t	[0.025	0.975]
const	35.0710	8.097	4.331	0.000	i51.821	18.321
X1	65.1050	10.491	6.206	0.000	43.403	86.807
X2	65.4636	12.852	5.094	0.000	38.877	92.050
Omnibus:	2.977	Durbini Watson:	1.563			
Prob(Omnibus):	0.226	Jarquei Bera (JB):	2.084			
Skew:	0.693	Prob(JB):	0.353			
Kurtosis:	3.015	Cond. No.	11.7			

Notes:
[1] Standard Errors assume that the covariance matrix of the errors is correctly specified.

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Результаты регрессионного анализа между сервисом ЭСП и индексом социального капитала

OLS Regression Results						
Dep. Variable:	DP		Ri squared:	0.385		
Model:	OLS		Adj. Ri squared:	0.359		
Method:	Least Squares		Fi statistic:	15.03		
No. Observations:	26		Prob (Fi statistic):	0.000720		
Df Residuals:	24		Logi Likelihood:	i 108.57		
			AIC:	221.1		
			BIC:	223.7		
	coef	std err	t	P> t	[0.025	0.975]
const	i 23.5913	18.865	i 1.251	0.223	i 62.526	15.344
X3	1.4911	0.385	3.876	0.001	0.697	2.285
Omnibus:	9.712	Durbini Watson:	0.320			
Prob(Omnibus):	0.008	Jarquei Bera (JB):	7.835			
Skew:	1.186	Prob(JB):	0.0199			
Kurtosis:	4.269	Cond. No.	288.			

Notes:

[1] Standard Errors assume that the covariance matrix of the errors is correctly specified.

Источник: составлено авторами.

достоверна, а также подтверждает репрезентативность выборки. Коэффициенты детерминации указывают, что вариации показателей развития цифровых платформ предпринимательства примерно на 83 и 38% зависят от показателей, отобранных на этапе моделирования матрицы парных коэффициентов корреляции. Проверка нулевых гипотез незначимости коэффициентов регрессии свидетельствует, что выбранные факторы действительно оказывают влияние, их коэффициенты регрессии статистически достоверны и значимы. Значение F-критерия и уровень значимости p демонстрируют, что построенная модель значима при уровне значимости $\alpha = 0,05$. Тест Дарбина – Уотсона, используемый для проверки моделей на наличие автокорреляции остатков, показал, что зависимость между остатками отсутствует, они распределены случайным образом и входят в диапазон от 0 до 4.

Также модели прошли проверку на гетероскедастичность с помощью визуального анализа графика остатков. Признаков непостоянства дисперсии и зависимости остатков не обнаружено, модель является гомоскедастичной.

Таким образом, с помощью проверки качества сделан вывод о том, что модели являются достоверными, подтверждено влияние факторов формальной и неформальной институциональной среды развитие цифровых платформ. Гипотезы H1 и H2 подтверждены. Гипотеза H3 подтверждена для экономики совместного пользования при рассмотрении влияния каршеринга на заторы на дорогах. Гипотеза H4 была опровергнута на этапе проведения корреляционного анализа.

Обсуждение результатов

В результате проведенного анализа было доказано, что характер влияния формальной и неформальной институциональной среды на развитие цифровых платформ и экономику совместного пользования различается. Так, на платформенную экономику в большей степени воздействует формальная среда, в частности уровень коррупции и открытость государственных институтов, что может быть обусловлено существенными усилиями для бизнеса при организации предприятий, основанных на платформенной экономике. Однако для развития ЭСП формальные институты менее существен-

ны, что может быть объяснено более значимым влиянием институтов, касающихся доверия непосредственно к компаниям, применяющим модель шеринг-экономики. Таким образом, доверие к платформам становится решающим фактором для развития экономики совместного потребления. Основываясь на своих знаниях, платформы используют применимые институциональные решения и внедряют системы оценки пользователей, обеспечивая таким образом анонимность пользователей.

При этом формальные и неформальные институты взаимосвязаны, взаимодействие между ними носит комплексный характер. Оба типа институтов могут быть связаны с одной и той же областью, и их общее влияние усиливается, или, наоборот, институты могут быть непоследовательными и функционировать в противовес друг другу. Неформальные институты способны заполнить пробелы в формальных институтах, модифицировать существующие формальные институты или привести к новым решениям. Несмотря на то, что неформальные нормы и правила заполняют возникающие пробелы отсутствующих или слабых формальных институтов, они не могут полностью решить вопросы с наличием институциональных дисфункций, особенно в условиях изменения экономических процессов (Eggertsson, 2006).

Вследствие вариативности организаций, относящихся к платформенной экономике, рассмотрение многообразия формальных институтов вызывает сложность. Однако в случае платформенной экономики и ЭСП не менее важны другие факторы, влияющие на развитие данных видов деятельности, в том числе рейтинговые системы, позволяющие укрепить доверие между субъектами, осуществляющими сделки, и поддержать неформальные институты. Таким образом, у пользователей платформ формируется доверие к другим субъектам, с которыми они могут договориться об условиях сделок. Следовательно, отсутствие формальных институтов может быть заменено развитием неформальных.

При сопоставлении полученных результатов с выводами предшествующих исследований, обратимся к работе (Helmke, Levitsky, 2004). Ее авторы рассматривают сближение формальных и неформальных институтов и их эффек-

тивность. Если следование формальным и неформальным институтам дает одинаковые результаты, они считаются конвергентными. Если результаты различны, то данное взаимодействие дивергентно. Формальные институты эффективны в ситуациях, когда существует эффективный механизм принуждения, в противном случае формальные институты неэффективны. Кроме того, формальные и неформальные институты являются взаимодополняющими, если приводят к одинаковым результатам, при этом формальные институты эффективны, а неформальные заполняют любые пробелы в формальных институтах и усиливают их эффективность (например, развитая правовая система в обществе). В случае приспособленческих институтов формальные правила также эффективны, но следование неформальным институтам не приводит к таким же результатам. Неформальные институты стимулируют поведение, отличное от формально принятого, хотя и не нарушают правила напрямую. Институты конкурируют, когда неформальные институты дают результаты, отличные от неэффективных формальных институтов. В связи с этим неформальные институты конкурируют с формальными и создают своего рода альтернативные правила. Институты являются замещающими, когда конвергентные неформальные институты сосуществуют с неэффективными формальными институтами. В данной ситуации, несмотря на то, что организации нарушают формальные правила, поставленные цели могут быть достигнуты. Таким образом, за счет неформальных институтов удастся добиться результатов, ожидаемых от формальных институтов. Кроме того, неформальные институты способствуют развитию соответствующих формальных институтов (например, в странах со слабыми государственными структурами). Важные наблюдения о роли неформальных институтов можно найти у Э. Острома (Ostrom, 1990). По мнению исследователя, решения, созданные сообществами, в некоторых случаях более эффективны, чем экзогенные правила. При этом создать такие правила невозможно без благоприятных условий, обеспечиваемых неформальными институтами, таких как доверие, готовность к сотрудничеству, позитивное отношение к обмену.

В отношении развития институтов, влияющих на экономику совместного пользования, следует отметить ожидания в сфере постепенно выстраивания конвергентных формальных и неформальных институтов. Однако на данном этапе развития платформенной экономики и ЭСП данный вывод не имеет однозначного подтверждения, т. к. не выявлено непосредственное влияние формальных институтов на сервисы ЭСП. Вместе с тем связи формальных институтов и развития цифровых платформ все же обнаружены, что связано с текущей адаптацией рыночных процессов к распространению цифровых платформ, а институциональной среды – к внедрению более эффективных и востребованных форм взаимодействия экономических агентов. Таким образом, на текущем этапе проникновения ЭСП в традиционные рыночные процессы можно говорить в большей степени о наличии замещающих и приспособленческих институтов.

Также полученные результаты показывают, что развитие платформенной экономики и ЭСП тесно коррелирует с развитием инклюзивных институтов, которые, в том числе, принято связывать со снижением трансакционных издержек (Аузан, 2019). Эффективность инклюзивных институтов для развития экономики и общества показана в работе (Acemoglu et al., 2003). Данный тип институтов тесно связан с «порядками открытого доступа» (North et al., 2009). Это позволяет каждому члену общества участвовать в решении политических и экономических задач, что создает благоприятные экономические и политические стимулы для развития инноваций и верховенства права, ведущие, в свою очередь, к экономическому росту. Инклюзивность институтов в данном контексте будет охарактеризована реализацией принципа открытости государственного управления, а также созданием благоприятной среды, основанной на принципах сотрудничества и доверия.

Заключение

В исследовании, проведенном с целью моделирования влияния формальной и неформальной институциональной среды на развитие платформенной экономики и ЭСП в мировом пространстве, были получены следующие результаты.

Во-первых, раскрыта связь между платформенной экономикой и ЭСП. Показано, что ЭСП является частью платформенной экономики, т. к. использует ее ресурсы. Вместе с тем ЭСП имеет цели, выходящие за рамки платформенной экономики, такие как эффективное распределение ресурсов и снижение загрязнения окружающей среды.

Во-вторых, при анализе влияния формальной институциональной среды на платформенную экономику и ЭСП построена линейная многофакторная модель, демонстрирующая наиболее значимое влияние таких факторов, как низкий уровень коррупции и открытость органов государственного управления.

В-третьих, при анализе воздействия неформальной институциональной среды на платформенную экономику и ЭСП построена однофакторная линейная модель, демонстрирующая влияние уровня развития социального капитала на развитие сервисов ЭСП.

Теоретическая значимость представленного исследования состоит в подтверждении важности инклюзивных формальных институтов для развития цифровых платформ. Вместе с тем институциональная среда экономики совместного пользования пока только формируется. В текущем периоде ее развития особое влияние на нее оказывает социальный капитал.

Представленные результаты исследования могут быть использованы при построении эффективной институциональной среды, позволяющей развивать потенциал цифровых платформ и экономики совместного пользования для решения общественно значимых задач.

Литература

- Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г. (2019). Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития // Экономический журнал. № 2 (54). С. 6–20.
- Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г. (2022). Модель шеринга как определяющий фактор функционирования современного бизнеса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. Т. 7. № 2 (24). С. 201–211.

- Аузан А.А. (2019). Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. С. 12–19.
- Макоев С.Р. (2020). Платформенная экономика как результат кооперации накопленного опыта прошлых поколений и цифровых технологий на примере потребительского сектора экономики // Цифровая трансформация. № 2. С. 26–32. DOI:10.38086/2522-9613-2020-2-26-32
- Срничек Н. (2019). Капитализм платформ // Экономическая социология. Т. 20 № 1. С. 72–82.
- Хумарян Д. (2019). «Капитализм платформ» Ника Срничека: кризис – реакция – бум – кризис – и снова реакция. Что мы вообще знаем о цифровой экономике? // Экономическая социология. Т. 20. № 3. 164–179.
- Хусяинов Т.М., Урусова Е.А. (2017). От общества потребления к экономике совместного пользования // Философия хозяйства. Т. 6 (114). С. 132–146.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Thaicharoen Y. (2003). Institutional causes, macroeconomic symptoms: Volatility, crises and growth. *Journal of Monetary Economics*, 50(1), 49–123.
- Akhmedova A., Mas-Machuca M., Marimon F. (2020). Value co-creation in the sharing economy: The role of quality of service provided by peer. *Journal of Cleaner Production*, 266, 121736. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.121736
- Belk R. (2014). You are what you can access: Sharing and collaborative consumption online. *Journal of Business Research*, 67(8), 1595–1600.
- Bergh D., Ketchen D., Orlandi I., Heugens P., Boyd B. (2018). Information asymmetry in management research: Past accomplishments and future opportunities. *Journal of Management*, 45(1), 122–158. DOI: 10.1177/0149206318798026
- Botsman R., Rogers R. (2011). *What's Mine Is Yours. The Rise of Collaborative Consumption*. London: HarperCollins.
- Coleman J. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94, 95–120.
- Curtis S., Lehner M. (2019). Defining the sharing economy for sustainability. *Sustainability*, 11(3), 567.
- Eggertsson B. (2006). The deflation bias and committing to being irresponsible. *Journal of Money, Credit and Banking*, 38(2), 283–321.
- Evans D. (2003). How catalysts ignite: The economics of platform-based start-ups. In: Gawer A. (Ed.). *Platforms, Markets and Innovation*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Felson M., Spaeth J. (1978). Community structure and collaborative consumption: A routine activity approach. *American Behavioral Scientist*, 21(4), 614–624.
- Finley K. (2013). *Trust in the Sharing Economy: An Exploratory Study*. Centre for Cultural Policy, University of Warwick.
- Georgoula V., Skoultos S. (2020). Mapping the tourism impacts of the sharing economy: The case of China. *Sustainability*, 12(16), 6333.
- Johnson N.D., Koyama M. (2019). *Persecution and Toleration: The Long Road to Religious Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. (2015). The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 67(9), 2047–2059.
- Helmke G., Levitsky S. (2004). Informal institutions and comparative politics: A research agenda. *Perspectives on Politics*, 2(4), 725–740.
- Kenney M., Zysman J. (2016). The rise of the platform economy. *Issues in Science and Technology*, 32, 61–69.
- Möhlmann M. (2015). Collaborative consumption: Determinants of satisfaction and the likelihood of using a sharing economy option again. *Journal of Consumer Behaviour*, 14(3), 193–207.
- North D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press.
- North D. (1994). Institutions. *Journal of Economic Perspectives*, 5, 97–112. DOI: 10.1257/jep.5.1.9
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ostrom E. (1990). *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge University Press.
- Petropoulos G. (2017). An economic review of the collaborative economy. *Bruegel Policy Contribution no. 2017/5*. Bruegel, Brussels. Available at: www.econstor.eu/handle/10419/173101
- Putnam R. (1993). The prosperous community. Social capital and public life. *The American Prospect*, 4(13), 35–42.

- Rinne A. (2018). *The Dark Side of the Sharing Economy*. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2018/01/the-dark-side-of-the-sharing-economy/>
- Schlagwein D., Schoder D., Spindeldreher K. (2019). Consolidated, systemic conceptualization and definition of the “sharing economy”. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 71. DOI:10.1002/asi.24300
- Schor J., Fitzmaurice C. (2014). Collaborating and connecting: The emergence of the sharing economy. In: *Handbook of Research on Sustainable Consumption*. DOI: 10.4337/9781783471270.00039
- Stephany A. (2015). *The Business of Sharing: Making it in the New Sharing Economy*. Springer.
- Wallenstein J., Shelat U. (2017). *Hopping aboard the Sharing Economy*. Available at: <https://www.bcg.com/publications/2017/strategy-accelerating-growth-consumer-products-hopping-aboard-sharing-economy>
- Williamson C.R. (2009). Informal institutions rule: Institutional arrangements and economic performance, *Public Choice*, 139(3/4), 371–387.
- Williamson O. (2000). The new institutional economics: Taking stock, looking ahead. *Journal of Economic Literature*, 38(3), 595–613.
- Wosskow D. (2014). *Unlocking the Sharing Economy: An Independent Review*, London: Department for Business, Innovation and Skills.

Сведения об авторах

Анна Юрьевна Веретенникова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: vay_uiec@mail.ru)

Ксения Михайловна Козинская – исследователь, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: ksush1@yandex.ru)

Veretennikova A.Yu., Kozinskaya K.M.

Modeling the Impact of the Institutional Environment on the Development of Digital Platforms and the Sharing Economy

Abstract. Digital platforms and the sharing economy contribute to a more efficient allocation of resources by releasing underutilized assets and reducing transaction costs; this opens up additional opportunities for socio-economic development. However, the rapid introduction of digital platforms and changing consumption patterns necessitate the adjustment and transformation of the current institutional environment. The aim of our study is to model the impact of the formal and informal institutional environment on the platform economy and the sharing economy in various countries. We apply theoretical analysis to show possible impact of formal and informal institutions on the development of digital platforms and the sharing economy; on this basis, four relevant hypotheses are formulated. In the study, we use data from the Digital Platform Economy Index 2020, Smart City Index 2021, WJP Rule of Law Index 2020, Social Capital Index 2020, Barometr Trust Index 2021 for 26 countries. With the help of a correlation and regression analysis, we construct linear models demonstrating the impact of the formal institutional environment on the development of the platform economy, as well as the influence of informal institutions on the services of the sharing economy. We prove that a low level of corruption and the transparency of public administration are major factors in the formal environment that affect this type of activity. The informal environment is characterized by the level of trust and social contacts in the country, expressed through social capital. The novelty of our findings consists in determining the nature of influence of the formal and informal institutional environment on the development of the sharing economy. The significance of the results lies in the possibility of using the identified patterns for the development of digital platforms and the sharing economy

Key words: platform economy, sharing economy, institutional environment, formal institutions, informal institutions, sharing.

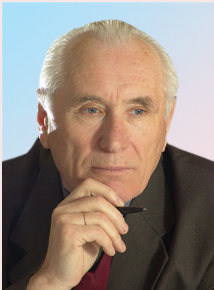
Information about the Authors

Anna Yu. Veretennikova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vay_uiec@mail.ru)

Kseniya M. Kozinskaya – Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: ksush1@yandex.ru)

Статья поступила 25.08.2022.

Вопросы охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий в деятельности Международной ассоциации академий наук и Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства

**Петр Александрович
ВИТЯЗЬ**

Научный совет по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий МААН
Минск, Беларусь
e-mail: vitiaz@presidium.bas-net.by

**Вячеслав Константинович
ЩЕРБИН**

Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси
Научный совет по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий МААН
Минск, Беларусь
e-mail: shcherbin5353@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается история формирования и деятельности Международной ассоциации академий наук (МААН), а также созданной в ее рамках системы научных советов. Институциональная специфика научных советов МААН раскрывается на примере деятельности Научного совета МААН по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий, от эффективной работы которого напрямую зависит успех в реализации научного потенциала входящих в ассоциацию академий наук и иных ведомственных организаций (научных

Для цитирования: Витязь П.А., Щербин В.К. (2022). Вопросы охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий в деятельности Международной ассоциации академий наук и Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 274–289. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.15

For citation: Vityaz P.A., Shcherbin V.K. (2022). Intellectual property protection and technology transfer in the activities of the International Association of the Academies of Sciences and the Inter-Academy Council on the Development of the Union State. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 274–289. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.15

фондов, университетов, международных исследовательских центров). Показывается, каким образом трансформировалось содержание понятий «миссия организации» и «видение организации» применительно к деятельности указанного Научного совета. Анализируется проблематика научных докладов, с которыми на заседаниях Научного совета традиционно выступают его члены и приглашенные докладчики (на примере докладов, прозвучавших на последнем заседании Научного совета, состоявшемся во время проведения Первого съезда научных советов МААН в ноябре 2021 года). Раскрываются также интеграционные инициативы Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства (разработка общих условий оборота интеллектуальной собственности в рамках единого инновационного пространства, создание институциональных структур интеграционного характера и др.). Обосновывается вывод об исключительном значении вопросов охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий для дальнейшего развития международного научного сотрудничества в рамках МААН и Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, коммерциализация науки, Международная ассоциация академий наук, Межакадемический совет по проблемам развития Союзного государства, научно-технологический консорциум, научный совет, передача (трансфер) технологий.

Деятельность любой международной структуры изначально регламентируется соответствующими организационно-техническими и нормативно-правовыми актами. Так, в качестве организационно-технической и нормативно-правовой основы деятельности Международной ассоциации академий наук (далее – МААН) в момент ее учреждения выступили следующие документы:

1) «Соглашение о создании Международной ассоциации академий наук» (1993), согласно которому в состав МААН вошли «Академии наук Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Социалистической Республики Вьетнам, Республики Грузия, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Словакии, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан, Украины, Чешской Республики»¹. При этом «Словацкая академия наук и Академия наук Чешской Республики принимают участие в работе Ассоциации в качестве наблюдателей»². Позднее весьма впечатляющий количественный и качественный состав МААН был дополнен за счет следующих полноправных членов: Китайская академия наук (2018), Черногорская академия наук и искусств (2018), Монгольская академия наук

(2019)³. Кроме того, в результате создания института ассоциированных членов МААН в состав ассоциации вошли такие известные и авторитетные в научном мире организации, как Объединенный институт ядерных исследований (1997), Российский фонд фундаментальных исследований (1999), Московский физико-технический институт (государственный университет) (2000), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (2002), Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт» (2009), получившие в 2020 году статус полноправных членов МААН, а также такие имеющие до сих пор статус ассоциированных членов МААН организации, как Российский гуманитарный научный фонд (1999), Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (2000), Национальная академия аграрных наук Украины (2018). Академия наук провинции Цзянси (2018); Академия наук провинции Хэйлунцзян (2019), Академия наук провинции Шаньдун (2019)⁴;

2) Указ Президента Украины «О Международной ассоциации академий наук» (1994), которым постановлялось:

«1. Признать Международную ассоциацию академий наук в качестве международной неправительственной самоуправляемой организации.

¹ Соглашение о создании Международной ассоциации академий наук (2008) // Международная ассоциация академий наук: 15 лет деятельности. Киев: Академперіодика. С. 33.

² Там же.

³ Международная ассоциация академий наук (2021) / под общей ред. В.Г. Гусакова. Минск: Беларуская навука. С. 3.

⁴ Там же.

Международная ассоциация академий наук является юридическим лицом и осуществляет свою деятельность на территории Украины в соответствии с законодательством Украины.

2. Поддержать инициативу учредителей Международной ассоциации академий наук о размещении штаб-квартиры этой ассоциации в городе Киеве»⁵.

Уже в первые годы работы МААН полностью оправдала надежды академических ученых стран СНГ, возлагавшиеся на эту международную научную организацию в процессе ее создания. Как справедливо заметил Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в своем приветствии в адрес Международной ассоциации академий наук по случаю ее 5-летнего юбилея, «жизнь показала, что объединение национальных академий наук стран СНГ в Ассоциацию стало логическим ответом ученых на драматические события, повлекшие после распада СССР свертывание совместных фундаментальных исследований и традиционных связей между научными коллективами... За короткий период существования МААН зарекомендовала себя авторитетной структурой, внесшей на рассмотрение глав государств и правительств стран СНГ ряд ценных и конструктивных предложений. Это во многом позволило заострить внимание на вопросах улучшения положения научной сферы и ученых и содействовало решению проблем функционирования науки в независимых государствах Содружества»⁶.

Формирование системы научных советов МААН

Вместе с тем с самого начала деятельности МААН стало очевидно, что помимо указанных выше основополагающих документов для решения задачи успешной научной интеграции многочисленных и весьма отличающихся в организационном плане национальных академических и ассоциированных с МААН иных ведомствен-

ных организаций на постсоветском пространстве необходимы постоянно работающие при МААН международные научные советы по различным проблемам и отраслям знаний. Первый такой научный совет (Научный совет по новым материалам) был создан по инициативе академика НАН Украины и РАН Б.Е. Патона в 1995 году на базе НАН Украины. Об эффективности работы первого научного совета можно судить хотя бы по тому факту, что к настоящему моменту его руководством проведено более двух десятков сессий совета, на которых были заслушаны и детально обсуждены около сотни проблемных научных докладов по материаловедению⁷. Вскоре в системе МААН были созданы и другие научные советы: Объединенный научный совет по фундаментальным географическим проблемам (1995), Совет директоров научных библиотек и информационных центров национальных академий наук (1996), Консультативный совет по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий (1997), Международный координационный комитет по вычислительной математике (1998), Научно-консультативный совет по вопросам научного сопровождения совместных работ по Чернобыльской тематике (2000), Союз физиологических обществ стран СНГ (2003) и другие инициативные структуры научно-консультативного характера.

Новый импульс практика создания научных советов в рамках МААН получила после того, как руководителем МААН был избран академик НАН Беларуси В.Г. Гусаков, а в качестве штаб-квартиры ассоциации определен город Минск. К настоящему моменту система научных советов МААН насчитывает 24 совета⁸, унифицирован и способ наименования: подавляющее их большинство получило название «научный совет». Поскольку работа научных советов МААН является основной организационной формой объединения усилий ученых,

⁵ Документы, определяющие деятельность Международной ассоциации академий наук (1998) // Международная ассоциация академий наук и развитие интеграции в сфере науки / под общей ред. А.П. Шпака. Киев: Наукова думка. С. 249.

⁶ Приветствие Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в адрес Международной ассоциации академий наук (1998) // Международная ассоциация академий наук и развитие интеграции в сфере науки / под общ. ред. А.П. Шпака. Киев: Наукова думка. С. 11.

⁷ Шербин В.К. (2018). Деятельность и перспективы развития научных советов МААН // Международное сотрудничество академий наук. 25 лет / под ред. В.Г. Гусакова. Минск: Беларуская навука. С. 251–256.

⁸ Полный перечень научных советов МААН см.: Научные советы Международной ассоциации академий наук (2021) // Международная ассоциация академий наук / под общей ред. В.Г. Гусакова. Минск: Беларуская навука. С. 62–157.

работающих в конкретных областях науки, попробуем раскрыть наиболее типичные институциональные моменты в деятельности таких советов на примере Научного совета МААН по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий, успешно функционирующего в течение четверти века.

Деятельность Научного совета МААН по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий (1997–2022 гг.)

В числе первых международных научных советов постановлением Совета МААН от 19 декабря 1997 г. № 57 был создан Консультативный совет по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий при МААН⁹, поскольку, как обоснованно считалось, именно его деятельность в наибольшей мере способствует решению проблем коммерциализации результатов исследовательской деятельности (РИД) академической науки.

Годом позже постановлением Совета МААН от 2 декабря 1998 г. № 74 был утвержден состав Консультативного совета, назначен его председатель (академик НАН Украины А.П. Шпак), а также утверждено Положение о Консультативном совете, работающем на базе НАН Украины. Первоначальный состав Консультативного совета включал таких известных ученых из академий наук — членов МААН, как академик НАН Беларуси П.А. Витязь, академик РАН Е.М. Дианов, академик АН Республики Казахстан С.З. Зиманов, академик АН Азербайджана М.И. Рустамов, академик НАН Кыргызской Республики К.С. Сулайманкулов, академик АН Туркменистана Х.Н. Эрнепесов, а также других известных специалистов в области охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий¹⁰.

Главными целями Консультативного совета были определены «изучение и распространение опыта охраны и практического использования интеллектуальной собственности в странах СНГ, подготовка предложений по совершенствованию международной и внутренней

(национальной) передачи технологий, оказание методической и экспертной помощи при заключении договоров на передачу технологий»¹¹. После создания Консультативного совета при МААН разработка указанных выше вопросов охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий в академиях наук — членах МААН резко активизировалась: «С 2000 по 2003 гг. заседания этого совета состоялись в рамках проведения в Киеве международных семинаров для ученых и специалистов стран СНГ по вопросам охраны интеллектуальной собственности, которые организовывались общими усилиями Всемирной организации интеллектуальной собственности, МААН, НАН Украины и Государственного департамента интеллектуальной собственности Министерства образования и науки Украины. Важно, что в работе этих семинаров принимали участие также эксперты Германии, Франции, Швейцарии и ряда других стран»¹².

Усилиями членов Консультативного совета по профилю его деятельности был опубликован ряд фундаментальных научных трудов и нормативно-правовых сборников. К их числу можно отнести следующие издания:

- Капица Ю.М. Экспорт — импорт технологий: правовое регулирование. Киев, 2000. 106 с.
- Передача технологий: заключение договоров и маркетинг: материалы IV международного семинара / отв. ред. Ю.М. Капица. Киев, 2002. 90 с.
- Нормативні акти з питань охорони інтелектуальної власності та трансферу. Київ, 2008. 130 с.
- Матеріали міжнародного семінару «Ліцензійні договори та договори про передачу прав інтелектуальної власності в Європейському Союзі та Україні: правове регулювання та практика» (Київ, 22–24 листопада 2010 р.). Київ, 2010. 203 с.
- Капица Ю.М. та ін. Трансфер технологій та охорона інтелектуальної власності в наукових установах: монографія. Київ, 2015. 431 с.

⁹ О Консультативном совете по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий: Постановление Совета МААН от 19 декабря 1997 г. № 57 // Бюллетень МААН. 1998. № 15. С. 60.

¹⁰ Приложение 1 к постановлению Совета МААН от 2 декабря 1998 г. № 74 // Бюллетень МААН № 18. Киев, 1999. С. 58–60.

¹¹ Приложение 2 к постановлению Совета МААН от 2 декабря 1998 г. № 74 // Бюллетень МААН № 18. Киев, 1999. С. 61.

¹² Международная ассоциация академий наук (2021) / под общей ред. В.Г. Гусакова. Минск: Беларуская навука. С. 3.

Вместе с тем, по свидетельству члена Консультативного совета с момента его создания академика НАН Беларуси П.А. Витязя, «в последние годы в деятельности Консультативного совета наблюдался определенный спад, который стал особенно заметен после безвременной кончины председателя Консультативного совета академика А.П. Шпака»¹³. Спад был отмечен также в постановлении Совета МААН от 3 июня 2015 г. № 247, в котором в качестве основной его причины называлось следующее: «Состав Консультативного совета давно не обновлялся, а его работа требует существенной активизации»¹⁴. Указанным постановлением Совета МААН № 247 был обновлен состав Консультативного совета (из его состава выведены А.П. Шпак, Т.Ф. Бекмуратов, И.Н. Ганиев, В.Ц. Гнуни, Дж.И. Джапаридзе, Е.М. Дианов, С.З. Зиманов, В.Г. Канцер, Май Ха, П.Г. Никитенко, В.Ф. Рудик, М.И. Рустамов, А.Б. Садыхов, К.С. Сулайманкулов, Ф.Т. Тахиров, Х.Н. Эрнепесов; впервые введены в состав совета академик РАН С.М. Алдошин, академик НАН Украины В.Л. Богданов, академик НАН Кыргызской Республики А.А. Борубаев, академик НАН Азербайджана И.С.о. Гулиев, генеральный директор Агентства по инновациям и трансферу технологий АН Молдовы Р.С. Киркэ, член-корр. НАН Республики Казахстан Т.К. Кулажанов, академик АН Республики Таджикистан А.С. Саидов, академик НАН Грузии А.Н. Силагадзе, академик РАН Г.В. Трубников, д-р техн. наук Я.И. Штромбах, академик НАН Республики Армения Ю.Г. Шукурян, канд. филол. наук В.К. Щербин (ученый секретарь Консультативного совета); назначен новый председатель Консультативного совета (академик НАН Беларуси П.А. Витязь), а организационно-

техническое обеспечение работы Консультативного совета возложено на Национальную академию наук Беларуси.

Из статьи нового председателя Консультативного совета академика НАН Беларуси П.А. Витязя следует, что «новый состав Консультативного совета активно включился в работу, начав свою деятельность с уточнения текста Положения о Консультативном совете¹⁵ и разработки Плана работы Консультативного совета на 2015–2016 гг. При этом новое руководство Консультативного совета целиком и полностью сознавало, что рассматриваемые сами по себе решения Совета МААН по обновлению состава Консультативного совета, смене его руководства и места локализации не приведут автоматически к активизации его деятельности. Это произойдет только в том случае, если вся деятельность нового состава Консультативного совета будет приведена в соответствие с изменившимися условиями жизни наших академий наук – членов МААН. Сегодня они, как и народнохозяйственные комплексы наших стран в целом, входят в эпоху формирования глобальной экономики знаний»¹⁶. Это означает, что Консультативный совет должен был кардинально пересмотреть свою стратегию и тактику, уточнив и конкретизировав содержание понятий *миссия организации* и *видение организации* применительно к нынешнему состоянию его деятельности.

В указанной выше статье академика НАН Беларуси П.А. Витязя процесс уточнения и конкретизации миссии Консультативного совета и видения организации его работы описывается так: «Каким же образом можно активизировать деятельность нашего Консультативного совета, повысив тем самым его значимость как одного из проблемных советов при

¹³ Витязь П.А. (2017). Деятельность Консультативного совета по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий при Международной ассоциации академий наук по организации научно-технологического сотрудничества академий наук – членов МААН // Международные и национальные научные организации как фактор формирования глобального научного сообщества: материалы международного симпозиума (Киев, 15–17 мая 2017 г.). Киев: Наш формат. С. 74–75.

¹⁴ О Консультативном совете по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий: Постановление Совета МААН от 3 июня 2015 г. № 247 // Постановления Совета МААН. URL: www.iaas.nas.gov.ua/resolutions/pages/default.aspx

¹⁵ Данное уточненное Положение о Консультативном совете вскоре было утверждено постановлением Совета МААН от 20 октября 2015 г. № 257 «О консультативном совете по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий» (Приложение 1).

¹⁶ Витязь П.А. (2017). Деятельность Консультативного совета по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий при Международной ассоциации академий наук по организации научно-технологического сотрудничества академий наук – членов МААН // Международные и национальные научные организации как фактор формирования глобального научного сообщества: Материалы международного симпозиума (Киев, 15–17 мая 2017 г.). Киев: Наш формат. С. 75.

МАН, в этих непростых условиях? На наш взгляд, это можно сделать, внося коррективы в стратегию и тактику Консультативного совета, уточнив и конкретизировав содержание понятий **миссия организации** и **видение организации** применительно к нынешнему состоянию его деятельности. Начнем с понятия **миссия организации**. В имеющейся справочной литературе оно толкуется по-разному, но для нашего случая особый интерес имеют следующие дефиниции данного понятия:

- это «предназначение, долговременная цель, идея, ... роль субъекта. ... Миссия – это заявление, отражающее интересы общества, владельцев и персонала предприятия, дающее представление о сфере деятельности, общих принципах работы и т. п. Миссия организации – это то, с чего начинается сам процесс целеполагания. Есть одно правило: ни одна цель в организации не должна противоречить миссии организации. ... хорошая миссия – это вещь первостепенной важности, и эта важность постоянно увеличивается. Теория и практика менеджмента не выработали единого подхода к правилам разработки миссии. Однако есть ряд рекомендаций, которые следуют из общих требований практики: 1) миссия безвременна, т. е. формируется вне временных рамок; 2) миссия не должна полностью зависеть от текущего положения дел и состояния организации; 3) в миссии не принято указывать в качестве главной цели получение прибыли или ограничивать систему целей потребностями руководства организации; 4) между миссией организации, её целями и миссиями её подразделений не должно быть противоречий»¹⁷;

- это «цель, вызывающая у членов организации состояние устремленности к чему-то. Формирование миссии – ответ на вопрос: почему организация (или человек) делает то, что она (или он) делает? Это нечто большее, чем определение роли организации. Миссия информирует членов организации, что ожидает общество от организации и что организация ожидает от своих членов»¹⁸.

¹⁷ Касьянов А.А. (2007). Словарь-справочник руководителя (Основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и политической жизни). Ростов н/Д.: Ростиздат. С. 301.

¹⁸ Кандыбович Л.А., Мудрик А.В. (2010). Менеджмент знаний: терминологический словарь-справочник. Минск. С. 258–259.

Если с учетом содержания приведенных выше дефиниций понятия **миссия организации** вернуться к формулировке миссии нашего Консультативного совета («изучение и распространение опыта охраны и практического использования интеллектуальной собственности в странах СНГ, подготовка предложений по совершенствованию международной и внутренней (национальной) передачи технологий, оказание методической и экспертной помощи при заключении договоров на передачу технологий»¹⁹), то сразу бросается в глаза, с одной стороны, чрезмерная глобальность первой части данной формулировки («изучение и распространение опыта охраны и практического использования интеллектуальной собственности в странах СНГ»). Зачем тогда нужны все остальные межгосударственные, государственные, отраслевые, частные и общественные структуры, регулирующие вопросы охраны интеллектуальной собственности и передачи (трансфера) технологий на постсоветском пространстве? При этом отмеченная глобальность миссии Консультативного совета ничем не подкреплена организационно и экономически. С другой стороны, становится очевидной чрезмерная утилитарность второй части формулировки («подготовка предложений по совершенствованию международной и внутренней (национальной) передачи технологий, оказание методической и экспертной помощи при заключении договоров на передачу технологий»). Подобная утилитарность с необходимостью предполагает кропотливую и ежедневную работу членов Консультативного совета по решению постоянно возникающих практических проблем в области охраны интеллектуальной собственности и передачи (трансфера) технологий в разных странах СНГ, чего на самом деле в принципе быть не может в деятельности Консультативного совета, который собирается на свои заседания в лучшем случае один раз в год. Поэтому руководством Консультативного совета была предложена новая формулировка миссии: **«проведение анализа результатов научных исследований по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи (трансфера)**

¹⁹ Положение о Консультативном совете по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий при Международной ассоциации академий наук (МАН) // Бюллетень МАН № 18. Киев, 1999. С. 61.

технологий, ознакомление органов управления и общественности постсоветских стран с результатами такого анализа».

В свою очередь понятие **видение организации** объясняется в существующей справочной литературе следующим образом: это «то, какой мы хотим видеть нашу организацию через 10–20 лет. Это видение может быть совершенно не связано с сегодняшним состоянием организации. Для того чтобы сформулировать видение, нужно задать себе следующие вопросы: Какой мы хотим видеть свою организацию в будущем? Что из себя представляет наш бизнес сейчас и каким он будет в будущем? Кто является потребителями нашей продукции (услуг) и на какую группу покупателей организация будет ориентироваться в будущем? Какими способами мы собираемся увеличивать ценность нашей продукции для потребителей?»²⁰

С учетом перечисленных выше вопросов, касающихся видения организации, перечень задач, решаемых Консультативным советом, новым руководством Консультативного совета было предложено существенно сократить, оставив в качестве основных задач следующие:

1. Организация совместных научных исследований в области охраны и коммерциализации интеллектуальной собственности, международной и внутренней передачи технологий.

2. Подготовка для Совета МААН и органов управления стран СНГ аналитических докладов по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий.

3. Подготовка совместных научных изданий и изданий справочного характера по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий.

4. Сотрудничество с национальными, международными и межгосударственными органами и организациями, занимающимися вопросами охраны и практического использования интеллектуальной собственности, передачи технологий.

5. Организация конференций, семинаров, совещаний по актуальным направлениям деятельности Консультативного совета.

²⁰ Касьянов А.А. (2007). Словарь-справочник руководителя (Основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и политической жизни). Ростов н/Д.: Ростиздат. С. 66.

6. Организация изучения вопросов охраны интеллектуальной собственности в научных организациях, подготовка предложений по совершенствованию охраны и коммерциализации интеллектуальных ценностей в академиях наук — членах МААН.

Сформулированные руководством Консультативного совета новые понимания его миссии, видения и решаемых им задач были вынесены для обсуждения на первое заседание нового состава Консультативного совета, которое состоялось 29 сентября 2016 года в г. Минске, в Президиуме НАН Беларуси²¹.

Позднее, обобщая высказанные на заседании Консультативного совета замечания и предложения а) по тексту доклада председателя Консультативного совета, академика НАН Беларуси П.А. Витязя «Миссия и видение Консультативного совета по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий при МААН в эпоху формирования глобальной экономики знаний» и б) по сути вопросов, поднятых участниками заседания в инициативном порядке, руководитель Консультативного совета академик НАН Беларуси П.А. Витязь наметил в интервью корреспонденту белорусского журнала «Наука и инновации» И. Емельянович следующие перспективные направления деятельности Консультативного совета: «Будем организовывать совместную научную работу в области охраны и коммерциализации интеллектуальной собственности, международной и внутренней передачи технологий, готовить для Совета МААН и органов управления стран СНГ аналитические доклады, научные и справочные издания по этим вопросам. Продолжим сотрудничество с профильными национальными, международными и межгосударственными органами и организациями, будем проводить конференции, семинары, совещания по актуальным направлениям деятельности Консультативного совета, изучать уровень охраны интеллектуальной

²¹ Витязь П.А. (2017). Деятельность Консультативного совета по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий при Международной ассоциации академий наук по организации научно-технологического сотрудничества академий наук — членов МААН // Международные и национальные научные организации как фактор формирования глобального научного сообщества: Материалы международного симпозиума (Киев, 15–17 мая 2017 г.). Киев: Наш формат. С. 79–82.

собственности в научных организациях, разрабатывать предложения по совершенствованию охраны и коммерциализации интеллектуальных ценностей в академиях наук — членах МААН. Словом, всячески способствовать продвижению знаний тех, у кого они есть, к тем, кому они нужны. Для этих целей предлагаем создать научно-практический журнал «Интеллектуальная собственность СНГ», в котором будут публиковаться статьи специалистов по этим вопросам»²².

Реализуя намеченные планы, Консультативный совет (теперь он называется Научный совет) за последние годы:

1) провел на базе НАН Беларуси четыре заседания Научного совета (26 сентября 2016 г., 12 декабря 2017 г., 21 сентября 2018 г. и 24 ноября 2021 г.);

2) создал при Научном совете на базе НАН Беларуси Межведомственную рабочую группу, включающую 12 ведущих белорусских специалистов в области охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий; она проводит предварительную научную экспертизу всех ключевых документов, которые выносятся руководством Научного совета на заседания;

3) подготовил и опубликовал аналитический доклад «Современное состояние и перспективы проведения в академиях наук — членах МААН научных исследований по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий» (Минск, 2016. 58 с.);

4) кооптировал дополнительно в состав Научного совета кандидатуру д-ра экон. наук, проф. БГТУ, евразийского патентного поверенного В.И. Кудашова²³, который впоследствии на очередном заседании единогласно был избран заместителем председателя Научного совета;

5) регулярно знакомил научную общественность стран СНГ с существующими проблемами, научно-методическими и научно-организационными достижениями Научного совета путем подготовки и публикации серии научных статей о его деятельности в периодических изданиях постсоветских государств и сборни-

ках материалов научно-исследовательских конференций и симпозиумов, которые регулярно проводятся на постсоветском пространстве²⁴.

²⁴ См., к примеру, следующие публикации: Витязь П.А., Шербин В.К. (2013). Участие белорусских ученых в деятельности МААН // Наука и науковедение. № 4. С. 19–30; Витязь П.А., Шербин В.К. (2014). Вклад белорусских ученых в создание и развитие Международной ассоциации академий наук // Вестник Фонда фундаментальных исследований. № 1. С. 36–51; Емельянович И. (2016). Нематериальные активы в поле зрения Консультативного совета при МААН (Интервью с председателем Консультативного совета при МААН академиком П.А. Витязем) // Наука и инновации. № 11. С. 10–13; Витязь П.А. (2017). Деятельность Консультативного совета по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий при Международной ассоциации академий наук по организации научно-технологического сотрудничества академий наук — членов МААН // Международные и национальные научные организации как фактор формирования глобального научного сообщества: Материалы международного симпозиума (Киев, 15–17 мая 2017 г.). Киев: Наш формат. С. 79–82; Витязь П.А., Шербин В.К. (2018). Научные советы при Международной ассоциации академий наук как форма самоорганизации отраслей научных знаний // Наука и науковедение. № 2. С. 91–110; Витязь П.А., Шербин В.К. (2018). Развитие академической формы организации исследований в мировой науке // XXVIII Киевский международный симпозиум по науковедению и истории науки «100-летие Национальной академии наук Украины: прошлое и современность» (Добровские чтения) (Киев, 12–13 марта 2018 г.). Киев: Феникс. С. 13–25; Шербин В.К. (2018). Научные советы МААН как перспективная форма организации межакадемических исследований // Белорусская наука в условиях модернизации: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 20–21 сент. 2018 г.) / гл. ред. Г.П. Коршунов. Минск: СтройМедиаПроект. С. 38–42; Шербин В.К. (2018). Деятельность и перспективы развития научных советов МААН // Международное сотрудничество академий наук. 25 лет / под ред. В.Г. Гусакова. Минск: Белорусская наука. С. 228–322; Витязь П.А., Шербин В.К. (2019). Современная технаука — результат конвергенции новых форм организации научных исследований // Международный симпозиум «Национальные академии наук: современное состояние, проблемы, перспективы развития и приоритеты сотрудничества в рамках МААН» посвящается 90-летию со дня рождения Геннадия Михайловича Доброва (1929–1989), члена-корреспондента АН УССР, профессора, основателя научной школы по науковедению в Украине, инициатора создания и первого руководителя Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки АН УССР (Киев, 6–7 июня 2019 г.). Киев: Наш формат. С. 69–88; Институциональное развитие Международной ассоциации академий наук: от научных советов к международным научно-технологическим консорциумам (2020) // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. № 2. С. 4–19; Витязь П.А. (2022). Нарращивание потенциала нематериальных активов // Наука и инновации. № 4. С. 50–52; и др.

²² Емельянович И. (2016). Нематериальные активы в поле зрения Консультативного совета при МААН (Интервью с председателем Консультативного совета при МААН академиком П.А. Витязем) // Наука и инновации. № 11. С. 12.

²³ Данная кандидатура была утверждена постановлением Совета МААН от 20 октября 2015 г. № 257.

В настоящее время секретариатом Научного совета ведется работа по подготовке к печати объединенного сборника материалов проведенных в 2016–2021 гг. заседаний Научного совета. Чтобы охарактеризовать традиционную проблематику научных докладов, с которыми выступают на заседаниях Научного совета его члены и приглашенные докладчики, приведем в качестве примера краткий обзор содержания докладов последнего заседания, состоявшегося в дни Первого съезда научных советов МААН (24 ноября 2021 г.).

Анализ проблематики докладов, представленных на последнем заседании Научного совета МААН по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий (Минск, 24 ноября 2021 года)

В соответствии с постановлением Совета МААН № 306 «О съезде научных советов МААН», принятым 20 сентября 2019 года на заседании Совета МААН в г. Душанбе, впервые было запланировано «проведение съезда научных советов МААН (далее – Съезд) в апреле 2020 года в г. Минске на базе Национальной академии наук Беларуси»²⁵. В рамках Съезда предполагалось собрать практически весь актив МААН, т. е. руководителей полноправных и ассоциированных членов МААН, всех членов научных советов МААН (в составе Ассоциации 24 таких совета), сотрудников аппарата МААН, а также приглашенных представителей крупнейших международных научных организаций. Однако по причинам, связанным с эпидемией коронавируса, запланированные сроки проведения Съезда несколько раз переносились. Наконец, была выработана наиболее безопасная (в условиях мировой пандемии коронавируса) форма его проведения: очно в его работе должны были участвовать только руководители полноправных и ассоциированных членов МААН, а также руководители и ученые секретари научных советов МААН. Что же касается основной массы членов научных советов МААН, то они могли присутствовать в режиме онлайн на тех заседаниях научных советов МААН, проведение которых было запланировано в дни работы Первого съезда научных советов МААН

(23–26 ноября 2021 г.). К числу таких комплексных (очно-онлайнных) заседаний научных советов МААН, в частности, относились следующие мероприятия:

- 1) заседание Совета молодых ученых МААН в формате видеоконференции (23 ноября 2021 г.);
- 2) заседание Научного совета по нефтехимии МААН совместно с IV Международным научно-техническим форумом по химическим технологиям и нефтегазопереработке (23 ноября 2021 г.) на базе Белорусского государственного технологического университета;
- 3) заседание Научного совета по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий МААН (24 ноября 2021 г.) в здании Президиума НАН Беларуси в формате видеоконференции. Рассмотрение проблематики докладов последнего заседания и является одним из способов раскрыть институциональные характеристики типового Научного совета МААН.

Открыл заседание Научного совета по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий МААН его председатель, академик НАН Беларуси **П.А. Витязь**. Он отметил особую актуальность вопросов, связанных с охраной интеллектуальной собственности и передачи технологий, для современной экономики знаний, огласил повестку дня и представил всех участников заседания.

Далее слово было предоставлено начальнику научно-инновационного отдела НИИ физико-химических проблем Белорусского государственного университета канд. хим. наук **Ю.В. Нечепуренко**. В совместном докладе **П.А. Витязя** и **Ю.В. Нечепуренко** «Система управления интеллектуальной собственностью в Национальной академии наук Беларуси» в рамках реализации государственной политики в сфере инновационной деятельности описана система управления интеллектуальной собственностью в НАН Беларуси. Она позволила подведомственным организациям выдвинуться в число лидеров в части создания изобретений, полезных моделей, сортов растений и секретов производства (ноу-хау), лицензирования объектов промышленной собственности на территории Республики Беларусь и Российской Федерации, а также ввести в гражданский оборот на производственной базе предприя-

²⁵ См.: Бюллетень Международной ассоциации академий наук № 69. Минск, 2020. С. 141.

тий Беларуси и подведомственных организаций большое количество объектов промышленной собственности (ОПС) и других результатов научно-технической деятельности и выпустить товарную продукцию, содержащую охраняемые ОПС, на сотни миллионов рублей в год. Также в докладе определены основные направления дальнейшего развития системы управления интеллектуальной собственностью в НАН Беларуси на ближайшую перспективу, что позволит Академии наук в полной мере реализовать свой высокий кадровый, научно-технический и инновационный потенциал для решения стоящих перед страной задач. Неудивительно, что доклад вызвал у участников заседания ряд вопросов. К примеру, член Научного совета академик РАН С.М. Алдошин задал вопрос о механизме выплаты роялти, сложившемся в НАН Беларуси.

Член Научного совета, директор Центра исследований интеллектуальной собственности и трансфера технологий НАН Украины (ЦИСТТ) д-р юрид. наук Ю.М. Капица выступил в режиме онлайн с докладом «Актуальные вопросы создания, охраны и использования объектов права интеллектуальной собственности научными организациями НАН Украины». Он отметил, что политика НАН Украины в области интеллектуальной собственности (ИС) была принята в 2008 году и включает Положение об использовании объектов права интеллектуальной собственности; Типовое положение о подразделении по вопросам трансфера технологий, инновационной деятельности и интеллектуальной собственности научных организаций НАН Украины; типовые договоры с изобретателями и авторами о служебных объектах права интеллектуальной собственности и выплате вознаграждения, а также иные акты НАН Украины. К настоящему времени отделы по вопросам трансфера технологий, инновационной деятельности и интеллектуальной собственности созданы в 92 академических организациях, в том числе Национальной библиотеке Украины им. В.И. Вернадского. Отвечая на вопрос академика НАН Беларуси П.А. Витязя относительно изменений в патентной активности, Ю.М. Капи-

ца сообщил, что по сравнению с 1987–1989 гг. в 90-х гг. наблюдался спад подачи заявок академическими институтами в связи с кризисом в экономике в 11 раз. В 2000 гг. в связи с постепенным ростом финансирования исследований имело место увеличение числа случаев подачи заявок и получения патентов. Наиболее отрицательно на изобретательскую деятельность как предприятий, так и академических организаций повлияло увеличение сборов за патентование в 2007 и 2019 гг.

Отвечая на вопросы канд. техн. наук А.А. Успенского относительно а) продаж организациями НАН Украины патентов на международных патентных аукционах и б) создания стартапов и спин-офф предприятий в системе НАН Украины докладчик сообщил следующее: а) с его точки зрения, целесообразно и более выгодно развивать инвестирование в коммерциализацию ИС институтов, чем продавать патенты; б) в 90-х годах в системе НАН Украины было создано 180 малых предприятий, около 100 научно-технических кооперативов, более 40 центров НИО, ВОИР, НТТО. Однако в связи с принятием в 2006 году Закона Украины «Об управлении объектами государственной собственности», который ограничил возможности государственных организаций выступать учредителем хозяйственных обществ, указанная деятельность была практически прекращена. В 2015 году приняты разработанные ЦИСТТ НАН Украины изменения к Закону Украины «О научной и научно-технической деятельности» об упрощенном порядке создания хозяйственных товариществ государственными научными организациями и учреждениями высшего образования. В то же время реализация этого Закона сдерживается нерешенностью вопроса о перечислении дивидендов от деятельности хозяйственных товариществ непосредственно государственным организациям. Докладчик отметил важность обмена опытом охраны и использования ИС в рамках МААН, а также целесообразность проведения сравнительных исследований опыта создания и коммерциализации ИС и трансфера технологий в академической науке академий – членов МААН. В частности, такой опыт был применен для

сравнения регулирования проведения исследований на патентную чистоту, патентной статистики в Беларуси, Казахстане, Российской Федерации и Украине²⁶.

Далее с докладом «**Интеллектуальная собственность как действенный инструмент устойчивого социально-экономического развития страны**»²⁷ выступил член Межведомственной рабочей группы при Научном совете, генеральный директор Национального центра интеллектуальной собственности при ГКНТ Республики Беларусь канд. юрид. наук **В.А. Рябоволов**. Он особо отметил, что интеллектуальная собственность является одним из наиболее ценных активов (общая стоимость мировых нематериальных активов в 2020 году достигла суммы в 65,7 трлн долл. США, а прибыль от использования объектов интеллектуальной собственности (ОИС) – 369,3 млрд долл. США), а также провел сравнительный анализ макродинамики использования прав на ОИС в наиболее развитых и среднеразвитых странах мира (США, Швейцарии, Венгрии, Российской Федерации, Польше, Чехии, Республике Беларусь, Украине). Результатом проведенного докладчиком анализа стал вывод о том, что по сравнению с наиболее развитыми странами (Японией, США и Китаем), в которых изобретательская и заявительская активность постоянно растёт, указанные виды активности в постсоветских государствах постепенно снижаются. По мнению В.А. Рябоволова, в Республике Беларусь снижение, к примеру, заявительской активности обусловлено следующими причинами: 1) обязательная коммерциализация результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств; 2) финансовая нагрузка на заявителей по уплате патентных пошлин. С 2014 года стоимость получения патента на изобретение увеличилась с 62 до 400 долл. США; 3) противоречивость

²⁶ Винахідницька діяльність у наукових установах (2021) / за ред. Ю.М. Капіци; кол. авторів: Ю.М. Капіца, Т.Г. Косско, Д.С. Махновський, І.І. Хоменко, Н.І. Аралова, М.П. Туров: Наук.-практ. вид. К.: Логос. 455 с. URL: https://ipr.nas.gov.ua/?page_id=1890

²⁷ В полном объеме с содержанием доклада можно ознакомиться в: Рябоволов В.А. (2022). Интеллектуальная собственность как инструмент устойчивого роста // Наука и инновации. № 1. С. 62–66.

отдельных норм в области стимулирования изобретательской активности. Нейтрализовать негативное действие указанных выше причин, по мнению докладчика, поможет ряд мероприятий, проведение которых определено в Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672. Высокий уровень интереса к содержанию доклада был подчеркнут вопросами от участников заседания. В частности, канд. техн. наук А.А. Успенского особо интересовал ответ на вопрос о том, выделяются ли в научных организациях и производственных предприятиях республики средства на зарубежное патентование.

Член Межведомственной рабочей группы при Научном совете, заведующий отделом «Республиканский центр трансфера технологий» Государственного научного учреждения «Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси» канд. техн. наук **А.А. Успенский** выступил с докладом «**Политика и законодательство в сфере трансфера технологий в Республике Беларусь: состояние, проблемы, перспективы**». Особый интерес участников заседания вызвали приведенные докладчиком данные о том, что доход на душу населения от экспорта лицензий и патентов соответственно составляет в Израиле 1750 USD/чел., Германии – 890, США – 390, Японии – 250, России – 25, а в Беларуси – 30 USD/чел. Беларусь по этому показателю как минимум в 8 раз отстает от ведущих мировых держав и в 58 раз от Израиля, численность населения которого (8,9 млн чел.) сравнима с численностью населения Беларуси (9,4 млн чел.). По итогам сравнительного анализа политики и законодательств Беларуси и развитых стран мира и степени их эффективности в сфере трансфера и коммерциализации технологий докладчик сформулировал 12 предложений по совершенствованию политики и законодательства Республики Беларусь в этой области. В их числе: а) разработка целого ряда новейших нормативных правовых актов в сфере интеллектуальной собственности; б) формирование механизмов, позволяющих организациям всех форм собственности привлекать зарубежных специалистов для реше-

ния стоящих перед ними технических проблем; в) введение в учебные программы белорусских вузов курса «Трансфер технологий»; г) создание в Республике Беларусь Республиканского аукциона ОИС. О высокой актуальности сформулированных докладчиком предложений свидетельствуют вопросы, поступившие от участников заседания (С.М. Алдошина, П.А. Витязя, Ю.М. Капицы и др.).

Ученый секретарь Научного совета по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий МААН канд. филол. наук **В.К. Щербин** представил доклад «**Анализ внешних и внутренних рисков и угроз в сфере интеллектуальной собственности**». Вначале он проанализировал внешние риски и угрозы, к числу которых были отнесены следующие рискогенные явления: промышленный шпионаж, опережающая коммерциализация идей отечественных ученых зарубежными фирмами, опережающее патентование общеизвестных научных идей западными корпорациями, заниженная оценка достижений белорусской науки в западных и отечественных СМИ, утечка умов и научного контента из постсоветских стран в дальнее зарубежье. Затем докладчик охарактеризовал внутренние риски и угрозы: интеллектуальное пиратство; явно недостаточная защита ОИС на внутреннем рынке и несовершенная практика ее правоприменения; нарушения норм научной этики (плагиат, компиляторство и т. п.); чрезмерная секретность в научно-технической сфере; формирование искаженных представлений об уровне ОИС в отечественных СМИ и др.

Проведенный докладчиком анализ внешних и внутренних рисков и угроз позволил выявить и обобщить предложения зарубежных и отечественных специалистов по вопросам охраны интеллектуальной собственности, разработанные с учетом специфики той или иной области деятельности, связанной с разработкой, охраной и использованием ОИС. Так, в *области международного разделения труда*, по мнению итальянского исследователя К. Верчеллоне, необходимо выполнить «два минимальных предварительных условия: 1) возврат к структуре, где признается право развитых и развивающихся стран устанавливать свою, отличную

от других, систему права на интеллектуальную собственность, и 2) восстановление права на выборочный протекционизм»²⁸. В *области патентной политики*, по мнению белорусского исследователя В.И. Кудашова, эффективным средством охраны национальных ОИС и даже их пополнения является патентно-лицензионный обмен²⁹. В *области научной политики* при оценке роли нематериальных активов и ОИС, как считает российский науковед С.Г. Кара-Мурза, необходимо выявить и «оживить» те «невидимые» ресурсы, которые были актуализированы в условиях СССР, но «омертвлены» в результате проведения перестроечных реформ³⁰. Наконец, в *области научной этики* эффективным средством охраны ОИС, по мнению докладчика, является разработка моральных кодексов в каждой области научных знаний, а также создание национальных комитетов и комиссий по научной этике, которые следили бы за соблюдением всеми учеными зафиксированных в указанных моральных кодексах норм научной этики в отношении ОИС.

Итоги заседания Научного совета по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий МААН подвел его председатель академик НАН Беларуси **П.А. Витязь**, предложив тем участникам комплексного (очно-онлайн-ового) заседания, которые не являются членами Научного совета, принимать более активное участие в его деятельности, а также в деятельности Межведомственной рабочей группы, что позволит в последующем ввести их в состав указанных научно-организационных структур МААН. Более того, наиболее актуальные вопросы и идеи, прозвучавшие на данном заседании Научного совета, были вынесены П.А. Витязем на рассмотрение участников пленарного заседания Первого съезда научных советов МААН, которое состоялось 25 ноября 2021 года

²⁸ Верчеллоне К. (2007). Вопрос о развитии в век когнитивного капитализма // Логос. № 4. С. 165.

²⁹ Кудашов В.И. (2008). Управление интеллектуальной собственностью: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд. Минск: ИВЦ Минфина. С. 4.

³⁰ Кара-Мурза С.Г. (2009). Наука для глобальной экономики или для жизни? // Наука России. От настоящего к будущему / под ред. В.С. Арутюнова, Г.В. Лисичкина, Г.Г. Малинецкого. М.: ЛИБРОКОМ. С. 49–50.

в здании Президиума НАН Беларуси в очном формате. На указанном пленарном заседании **П.А. Витязь** выступил с докладом «**О результатах деятельности научных советов МААН и расширении их перечня**». Неофициальное обсуждение вопросов, касающихся охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий, продолжалось и на торжественном приеме, организованном в этот же день для участников Первого съезда научных советов МААН в гостинице «Виктория СПА» (Минск).

Интеграционные инициативы Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства в области инновационного сотрудничества и оборота интеллектуальной собственности

Весомый вклад в решение проблем охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий на территории России и Беларуси вносит также деятельность Межакадемического совета РАН и НАН Беларуси по проблемам развития Союзного государства. Данный совет принимает активное участие в формировании Союзных научно-технических программ и проводит их научную экспертизу. Кроме того, на заседаниях Межакадемического совета обсуждаются концептуальные вопросы научно-инновационного развития Союзного государства. В частности, в третьем сборнике трудов совета, посвященном 15-летию Союзного государства и 20-летию СНГ, опубликована статья С.М. Дедкова «Межакадемическое научно-технологическое сотрудничество как фактор становления единого инновационного пространства»³¹. В ней обосновывается положение о том, что «„единое пространство” подразумевает общие „правила игры” в инновационной сфере: налоговые льготы разработчикам и производителям, правила трансфера технологий, условия оборота интеллек-

туальной собственности и т. п. В конечном итоге – это единая конфигурация Национальных инновационных систем государств-участников СНГ»³². Далее, в пятом сборнике трудов Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства опубликована статья С.М. Дедкова и В.К. Щербина «Белорусские стратегические инициативы в контексте евразийской интеграции»³³. Ее авторы высоко оценивают роль стратегических инициатив в развитии евразийской интеграции, «особенно если выдвигаются такие стратегические инициативы будет сопровождаться созданием соответствующих институциональных структур интеграционного характера (Центра высоких технологий ЕврАзЭС, Центра интеграционных исследований Евразийского Банка Развития, Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, Белорусско-Российского университета, Евразийской инновационной системы, концепция которой была утверждена главами правительств – членов Сообщества в феврале 2010 г.), принципы деятельности которых будут гармонизированы с уставами и регламентами работы соответствующих национальных структур»³⁴.

Выводы

Проведенный анализ истории формирования и деятельности Международной ассоциации академий наук и созданной в ее рамках системы научных советов (на примере Научного совета по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий МААН), а также интеграционных инициатив Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства в области инновационного сотрудничества и оборота интеллектуальной собственности позволяет нам сделать ряд выводов.

³¹ Дедков С.М. (2011). Межакадемическое научно-технологическое сотрудничество как фактор становления единого инновационного пространства // Интеграция науки как фактор строительства Союзного государства: научные материалы Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства. Выпуск третий / под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси. С. 231–239.

³² Там же. С. 238.

³³ Дедков С.М., Щербин В.К. (2013). Белорусские стратегические инициативы в контексте евразийской интеграции // Межакадемический совет по проблемам Союзного государства. Выпуск пятый. Интеграция и вопросы безопасности Союзного государства / под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси. С. 83–98.

³⁴ Там же. С. 97–98.

1. Вопросы охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий имеют исключительную актуальность для развития международного научного сотрудничества в рамках МААН, Союзного государства России и Беларуси, других интеграционных структур³⁵.
2. Только юридически выверенное решение вопросов охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий позволит создать необходимую правовую основу для формирования международных научно-технологических консорциумов на базе уже существующих научных советов МААН, а также интеграционных структур СНГ и Союзного государства России и Беларуси.
3. Именно международные научно-технологические консорциумы, формируемые в рамках МААН, Союзного государства России и Беларуси, других интеграционных структур СНГ, должны стать главными субъектами реализации Стратегии ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности.

Литература

- Верчеллоне К. (2007). Вопрос о развитии в век когнитивного капитализма // *Логос*. № 4. С. 144–167.
- Витязь П.А. (2022). Нарращивание потенциала нематериальных активов // *Наука и инновации*. № 4. С. 50–52.
- Витязь П.А., Щербин В.К. (2013). Участие белорусских ученых в деятельности МААН // *Наука и науковедение*. № 4. С. 19–30.
- Витязь П.А., Щербин В.К. (2014). Вклад белорусских ученых в создание и развитие Международной ассоциации академий наук // *Вестник Фонда фундаментальных исследований*. № 1. С. 36–51.
- Витязь П.А. (2017). Деятельность Консультативного совета по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий при Международной ассоциации академий наук по организации научно-технологического сотрудничества академий наук – членов МААН // *Международные и национальные научные организации как фактор формирования глобального научного сообщества: мат-лы междунар. симпозиума (Киев, 15–17 мая 2017 г.)*. Киев: Наш формат. С. 72–86.
- Витязь П.А., Щербин В.К. (2018). Научные советы при Международной ассоциации академий наук как форма самоорганизации отраслей научных знаний // *Наука и науковедение*. № 2. С. 91–110.
- Витязь П.А., Щербин В.К. (2018). Развитие академической формы организации исследований в мировой науке // *XXVIII Киевский международный симпозиум по науковедению и истории науки «100-летие Национальной академии наук Украины: прошлое и современность» (Добровские чтения) (Киев, 12–13 марта 2018 г.)*. Киев: Феникс. С. 13–25.
- Витязь П.А., Щербин В.К. (2019). Современная технонаука – результат конвергенции новых форм организации научных исследований // *Международный симпозиум «Национальные академии наук: современное состояние, проблемы, перспективы развития и приоритеты сотрудничества в рамках МААН» посвящается 90-летию со дня рождения Геннадия Михайловича Доброва (1929–1989), чл.-корр. АН УССР, профессора, основателя научной школы по науковедению в Украине, инициатора создания и первого руководителя Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки АН УССР (Киев, 6–7 июня 2019 г.)*. Киев: Наш формат. С. 69–88.

³⁵ В пользу обоснованности данного вывода свидетельствует постоянно растущий перечень научных статей на эту тему. См., например: Ильин В.А., Гулин К.А., Ускова Т.В. (2010). Интеллектуальные ресурсы как фактор инновационного развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 3. С. 14–25; Леонтьев Б.Б. (2013). Новая интеллектуальная экономика // *Партнерство цивилизаций*. № 4. С. 194–200; Леонтьев Б.Б. (2014). Принципы построения экономики интеллектуальной собственности // *Мониторинг правоприменения*. № 2. С. 61–65; Козырев А.Н. (2015). Экономика интеллектуальной собственности: измерения, мифология, математические модели // *Вестник Российской академии наук*. Т. 85. № 9. С. 776–784; Кудашов В.И., Каштелян Т.В. (2015). Условия и формы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности // *Экономика и управление*. № 3. С. 15–19; Витязь П.А. (2022). Нарращивание потенциала нематериальных активов // *Наука и инновации*. № 4. С. 50–52; Рябоволов В.А. (2022). Интеллектуальная собственность как инструмент устойчивого роста // *Наука и инновации*. № 1. С. 62–66; и т. д.

- Витязь П.А., Щербин В.К. (2020). Институциональное развитие Международной ассоциации академий наук: от научных советов к международным научно-технологическим консорциумам // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. № 2. С. 4–19.
- Дедков С.М. (2011). Межакадемическое научно-технологическое сотрудничество как фактор становления единого инновационного пространства // Интеграция науки как фактор строительства Союзного государства: науч. мат-лы Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства. Выпуск третий / под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси. С. 231–239.
- Дедков С.М., Щербин В.К. (2013). Белорусские стратегические инициативы в контексте евразийской интеграции // Межакадемический совет по проблемам Союзного государства. Выпуск пятый. Интеграция и вопросы безопасности Союзного государства / под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси. С. 83–98.
- Документы, определяющие деятельность Международной ассоциации академий наук (1998) // Международная ассоциация академий наук и развитие интеграции в сфере науки / под общей ред. А.П. Шпака. Киев: Наукова думка. С. 239–256.
- Емельянович И. (2016). Нематериальные активы в поле зрения Консультативного совета при МААН (Интервью с председателем Консультативного совета при МААН академиком П.А. Витязем) // Наука и инновации. № 11. С. 10–13.
- Ильин В.А., Гулин К.А., Ускова Т.В. (2010). Интеллектуальные ресурсы как фактор инновационного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3. С. 14–25.
- Кандыбович Л.А., Мудрик А.В. (2010). Менеджмент знаний: терминологический словарь-справочник. Минск: Харвест. 752 с.
- Кара-Мурза С.Г. (2009). Наука для глобальной экономики или для жизни? // Наука России. От настоящего к будущему / под ред. В.С. Арутюнова, Г.В. Лисичкина, Г.Г. Малинецкого. М.: ЛИБРОКОМ. С. 30–50.
- Касьянов А.А. (2007). Словарь-справочник руководителя (Основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и политической жизни). Ростов н/Д.: Ростиздат. 703 с.
- Козырев А.Н. (2015). Экономика интеллектуальной собственности: измерения, мифология, математические модели // Вестник Российской академии наук. Т. 85. № 9. С. 776–784.
- Кудашов В.И., Каштелян Т.В. (2015). Условия и формы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности // Экономика и управление. № 3. С. 15–19.
- Леонтьев Б.Б. (2013). Новая интеллектуальная экономика // Партнерство цивилизаций. № 4. С. 194–200.
- Леонтьев Б.Б. (2014). Принципы построения экономики интеллектуальной собственности // Мониторинг правоприменения. № 2. С. 61–65.
- Международная ассоциация академий наук и развитие интеграции в сфере науки (1998) / под общей ред. А.П. Шпака. Киев: Наукова думка. 288 с.
- Международная ассоциация академий наук. 15 лет деятельности (2008) / под общ. ред. А.П. Шпака. Киев: Академперіодика. 69 с.
- Международная ассоциация академий наук (2021) / под общ. ред. В.Г. Гусакова. Минск: Беларуская навука. 158 с.
- Рябоволов В.А. (2022). Интеллектуальная собственность как инструмент устойчивого роста // Наука и инновации. № 1. С. 62–66.
- Щербин В.К. (2018). Деятельность и перспективы развития научных советов МААН // Международное сотрудничество академий наук. 25 лет / под ред. В.Г. Гусакова. Минск: Беларуская навука. С. 228–322.
- Щербин В.К. (2018). Научные советы МААН как перспективная форма организации межакадемических исследований // Белорусская наука в условиях модернизации: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 20–21 сент. 2018 г.) / гл. ред. Г.П. Коршунов. Минск: СтройМедиаПроект. С. 38–42.

Сведения об авторах

Петр Александрович Витязь – доктор технических наук, академик НАН Беларуси, Заслуженный деятель науки БССР, председатель, Научный совет по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий МААН (220072, Беларусь, г. Минск, пр-т Независимости, д. 66; e-mail: vitiaz@presidium.bas-net.by)

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси; ученый секретарь, Научный совет по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий МААН (220072, Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, д. 1; e-mail: shcherbin5353@mail.ru)

Vityaz P.A., Shcherbin V.K.

Intellectual Property Protection and Technology Transfer in the Activities of the International Association of the Academies of Sciences and the Inter-Academy Council on the Development of the Union State

Abstract. The article considers history of establishment and activities of the International Association of the Academies of Sciences (IAAS) and the system of scientific councils created within it. Institutional features of IAAS scientific councils are shown on the example of the Scientific Council on Protection of Intellectual Property and Technology Transfer, which plays a crucial part in the successful implementation of scientific potential of the academies of sciences and other departmental organizations (research foundations, universities, international research centers) included in the association. We show how the content of the concepts “mission of the organization” and “vision of the organization” has been transformed with regard to the activities of the Scientific Council. We analyze the topics of scientific reports, which are traditionally presented at meetings of the Scientific Council by its members and invited speakers (using the example of the reports made at the last meeting of the Scientific Council, which took place during the First Congress of the Scientific Councils of the IAAS in November 2021). We also consider integration initiatives of the Inter-Academy Council on the Development of the Union State (developing general conditions for intellectual property turnover within the framework of single innovation space, creating institutional structures oriented toward integration, etc.). We substantiate the conclusion about the paramount importance of intellectual property protection and technology transfer for further development of international scientific cooperation within the IAAS and the Inter-Academy Council on the Development of the Union State.

Key words: intellectual property, commercialization of science, International Association of the Academies of Sciences, Inter-Academy Council on the Development of the Union State, scientific and technological consortium, scientific council, technology transfer.

Information about the Authors

Pyotr A. Vityaz – Doctor of Sciences (Engineering), Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Honored Scientist of the BSSR, chairperson, IAAS Scientific Council on Protection of Intellectual Property and Technology Transfer (66, Independence Avenue, Minsk, 220072, Belarus; e-mail: vitiaz@presidium.bas-net.by)

Vyacheslav K. Shcherbin – Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, Centre for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus; academic secretary, IAAS Scientific Council on Protection of Intellectual Property and Technology Transfer (1, Akademicheskaya Street, Minsk, 220072, Belarus; e-mail: shcherbin5353@mail.ru)

Статья поступила 02.03.2022.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.16

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (октябрь 2022 г.), а также за период с октября 2021 по октябрь 2022 г. (последние 7 опросов, то есть 12 месяцев).

Даётся сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018–2021 гг.²

В августе – октябре 2022 г. доля положительных оценок деятельности Президента РФ незначительно уменьшилась (на 2 п. п., с 61 до 59%); удельный вес отрицательных характеристик возрос на 2 п. п. (с 22 до 24%).

За период с февраля по октябрь 2022 г. (период проведения специальной военной операции) уровень одобрения деятельности главы государства возрос на 11 п. п. (с 48 до 59%), доля людей, не поддерживающих его деятельность, уменьшилась на 9 п. п. (с 33 до 24%).

За последние 12 месяцев (октябрь 2021 – октябрь 2022 г.) уровень одобрения деятельности главы государства возрос на 7 п. п. (с 52 до 59%); Председателя Правительства РФ – на 8 п. п. (с 40 до 48%), губернатора региона – на 6 п. п. (с 37 до 43%)³.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в октябре 2022 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в октябре 2021 г.

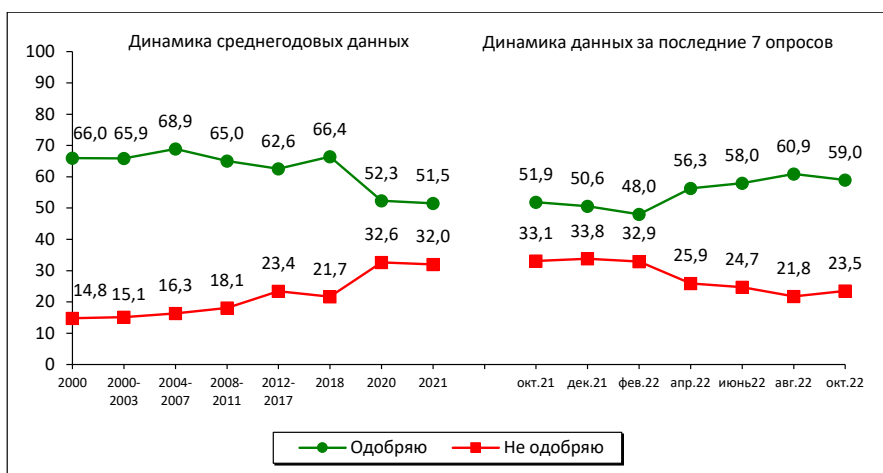
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт. 2022 к		
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Президент РФ																	
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	52,3	51,5	51,9	50,6	48,0	56,3	58,0	60,9	59,0	+7	+11	-2
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	32,6	32,0	33,1	33,8	32,9	25,9	24,7	21,8	23,5	-10	-9	+2
Председатель Правительства РФ*																	
Одобрю	-*	-*	59,3	49,6	48,0	38,7	39,9	39,7	38,3	37,6	43,6	45,5	47,5	48,1	+8	+11	+1
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	40,4	37,6	38,3	38,9	37,7	32,5	31,4	29,4	31,3	-7	-6	+2
Губернатор																	
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,0	36,7	37,5	35,9	33,9	38,2	41,2	43,3	43,0	+6	+9	0
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	42,5	40,5	40,7	41,9	41,6	37,3	34,3	32,5	33,9	-7	-8	+1

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?». Согласно методике проведения исследования ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются или считаются незначительными; в таблицах они выделены синим цветом. Позитивные изменения выделены зеленым цветом, негативные – красным.

*Вопрос задается с 2008 года.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Изменение (+/-), октябрь 2022 г. к			
Вариант ответа	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Одобрю	+7	+11	-2
Не одобряю	-1	-9	+2

Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2019, 2020, 2021 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

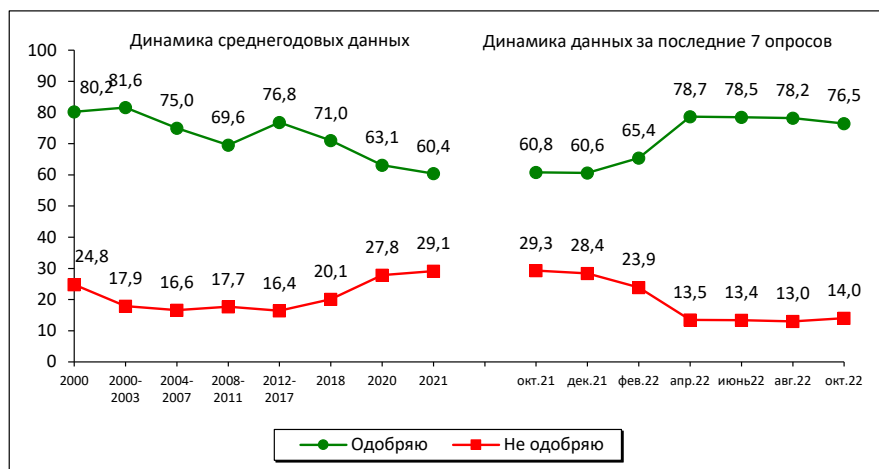
Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ с августа по 1 половину октября 2022 г. уменьшился на 2 п. п. (с 78 до 76%).

По сравнению с февралем 2022 г. доля положительных оценок деятельности главы государства увеличилась на 11 п. п. (с 65 до 76%).

За период с октября 2021 по начало октября 2022 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ увеличился на 16 п. п. (с 60 до 76%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Изменение (+/-), октябрь 2022 г. к			
Вариант ответа	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Одобряю	+16	+11	-2
Не одобряю	-15	-10	+1

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

Данные за октябрь 2022 г. – среднее за три опроса (2, 9, 16 октября).

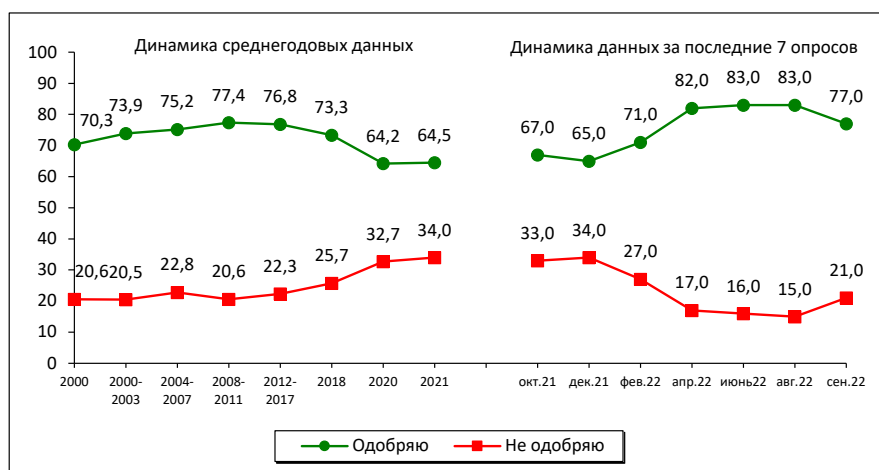
Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента в августе – сентябре 2022 г. снизился на 6 п. п. (с 83 до 77%).

За период с февраля по сентябрь 2022 г. отмечается рост доли позитивных суждений (на 6 п. п., с 71 до 77%).

С октября 2021 по сентябрь 2022 г. уровень одобрения деятельности главы государства увеличился на 10 п. п. (с 67 до 77%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Изменение (+/-), сентябрь 2022 г. к			
Вариант ответа	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Одобряю	+10	+6	-6
Не одобряю	-12	-6	+6

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?»

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

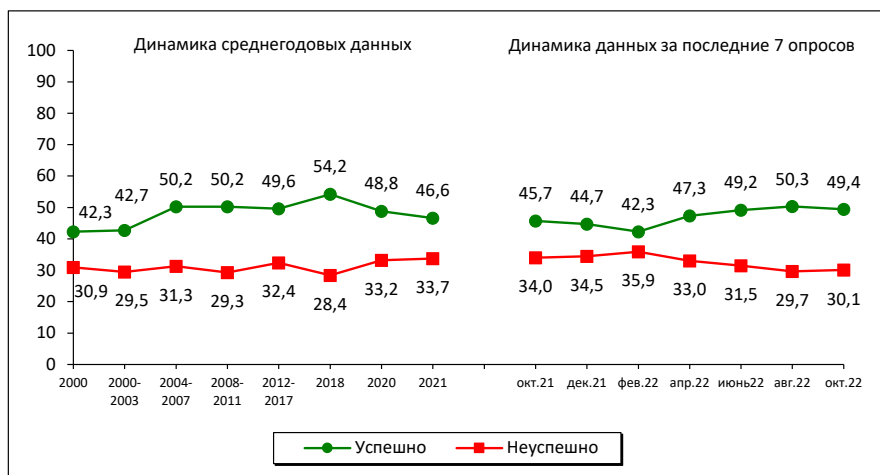
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца доля людей, считающих успешными действия Президента по укреплению международных позиций России, существенно не изменилась (49–50%). Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, также остается стабильным (30%).

С февраля по октябрь 2022 г. доля положительных оценок действий главы государства по укреплению позиций России на международной арене увеличилась на 7 п. п. (с 42 до 49%); отрицательных – уменьшилась на 6 п. п. (с 36 до 30%).

По сравнению с октябрём 2021 г. удельный вес жителей области, позитивно оценивающих деятельность главы государства по укреплению международных позиций России, увеличился на 4 п. п. (с 45 до 49%). Доля отрицательных суждений уменьшилась также на 4 п. п. (с 34 до 30%).

Укрепление международных позиций России

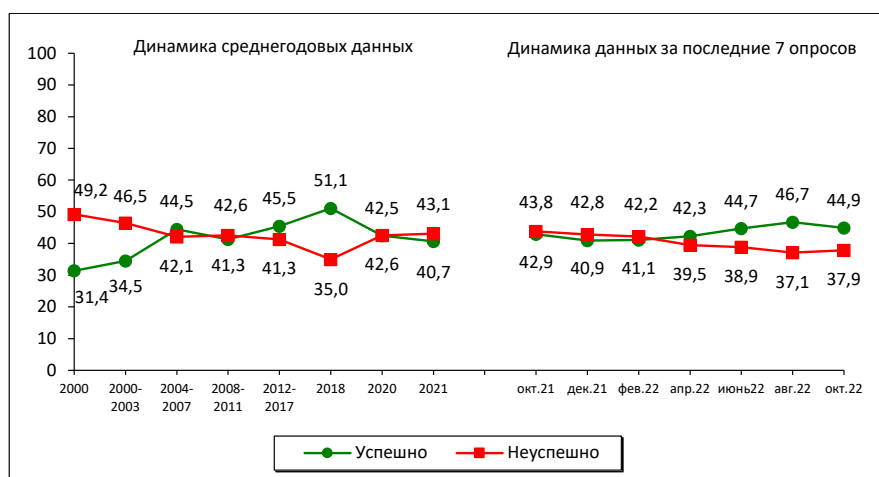
Изменение (+/-), октябрь 2022 г. к			
Вариант ответа	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Успешно	+4	+7	-1
Неуспешно	-4	-6	0

В августе – октябре 2022 г. уменьшилась доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране (на 2 п. п., с 47 до 45%). Удельный вес негативных оценок существенно не изменился (37–38%).

В целом за период с февраля по октябрь 2022 г. доля позитивных характеристик увеличилась на 4 п. п. (с 41 до 45%); отрицательных – уменьшилась на 4 п. п. (с 42 до 38%).

За последние 12 месяцев удельный вес жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, возрос на 2 п. п. (с 43 до 45%). Доля тех, кто придерживается противоположного мнения, уменьшилась на 6 п. п. (с 44 до 38%).

Наведение порядка в стране

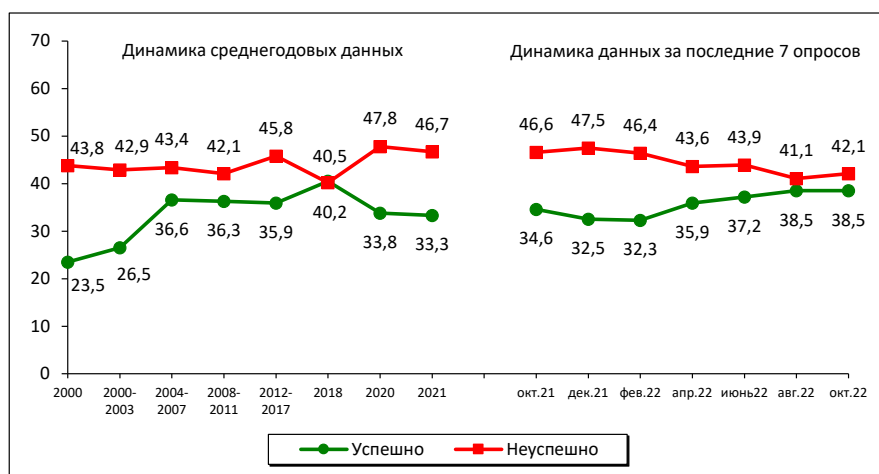
Изменение (+/-), октябрь 2022 г. к			
Вариант ответа	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Успешно	+2	+4	-2
Неуспешно	-6	-4	+1

Оценки успешности деятельности Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан за последние два месяца существенно не изменились: доля положительных суждений составляет 39%, удельный вес отрицательных характеристик – 41–42%.

Позитивные изменения отмечаются за период с февраля по октябрь 2022 г.: доля позитивных оценок возросла на 7 п. п. (с 32 до 39%), отрицательных – снизилась на 4 п. п. (с 46 до 42%).

За последние 12 месяцев (с октября 2021 по октябрь 2022 г.) общественное мнение о работе главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан также улучшилось: доля положительных оценок увеличилась на 4 п. п. (с 35 до 39%), отрицательных – снизилась на 5 п. п. (с 47 до 42%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

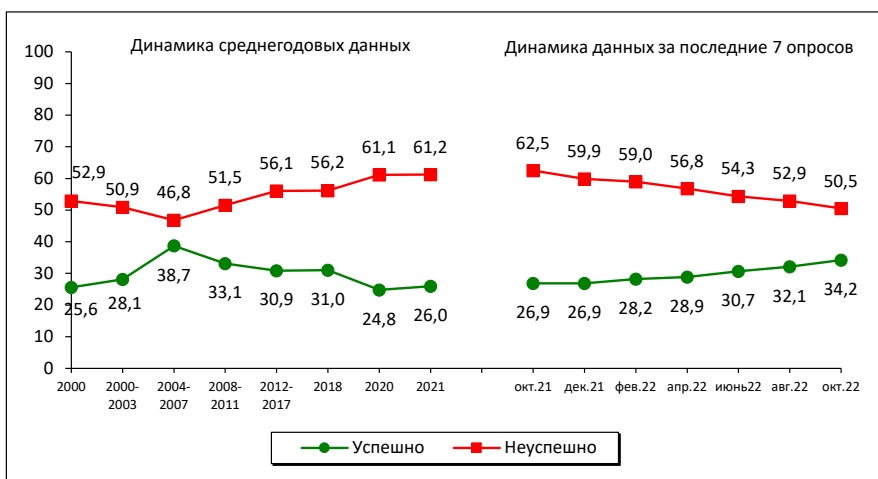
Изменение (+/-), октябрь 2022 г. к			
Вариант ответа	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Успешно	+4	+7	0
Неуспешно	-5	-4	+1

В августе – октябре 2022 г. продолжилась тенденция улучшения оценок общественного мнения о деятельности Президента РФ по подъему экономики и росту благосостояния граждан. За последние два месяца удельный вес позитивных характеристик возрос на 2 п. п. (с 32 до 34%), отрицательных – снизился на 2 п. п. (с 53 до 51%).

С февраля по октябрь 2022 г. доля положительных суждений увеличилась на 6 п. п. (с 28 до 34%), отрицательных – уменьшилась на 8 п. п. (с 59 до 51%).

За период с октября 2021 по октябрь 2022 г. также отмечаются позитивные изменения: удельный вес людей, считающих успешными действия главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан, возрос на 7 п. п. (с 27 до 34%), доля отрицательных характеристик снизилась на 12 п. п. (с 63 до 51%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), октябрь 2022 г. к			
Вариант ответа	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Успешно	+7	+6	+2
Неуспешно	-12	-8	-2

Структура партийно-политических предпочтений жителей области за последние два месяца существенно не изменилась: доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составляет 36–37%, КПРФ – 10%, ЛДПР – 6–7%, «Справедливая Россия» – 5%, «Новые люди» – 1–2%.

С февраля по октябрь 2022 г. отмечается рост поддержки «Единой России» (на 6 п. п., с 31 до 37%).

По сравнению с октябрём 2021 г. доля сторонников партии власти увеличилась на 4 п. п. (с 33 до 37%). Кроме того, уменьшилась доля людей, которые отмечают, что их интересы разделяет либерально-демократическая партия (на 5 п. п., с 11 до 6%).

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных											Динамика данных за последние 7 опросов						Изменение (+/-), окт. 2022 к			
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	32,7	31,9	31,1	34,2	34,9	36,2	36,7	+4	+6	+1
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	11,1	10,5	9,5	11,2	10,2	10,4	9,9	-1	0	-1
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	11,2	9,9	9,4	7,7	7,8	6,8	6,0	-5	-3	-1
«Справедливая Россия – Патриоты – За правду»	–	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	6,3	6,0	5,7	4,5	4,8	4,9	4,5	-2	-1	0
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	–	2,3	1,6	1,3	1,6	1,9	1,1	–	-1	+1
Другая	0,9	1,8	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,5	0,2	0,7	0,3	0,1	0,1	0,5	0	0	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	31,7	29,6	32,4	30,8	30,7	29,3	30,6	-1	-2	+1
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	6,6	9,7	9,6	10,0	9,9	10,5	10,8	+4	+1	0

* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

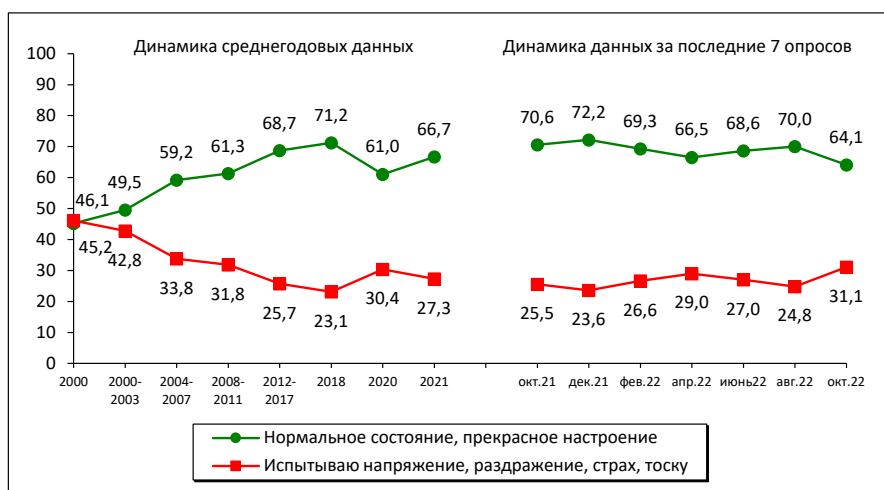
Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца социальное настроение жителей области в целом ухудшилось. Доля людей, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», уменьшилась на 6 п. п. (с 70 до 64%). Удельный вес тех, кто испытывает преимущественно «напряжение, раздражение, страх, тоску», возрос на 6 п. п. (с 25 до 31%).

По сравнению с февралем 2022 г. изменения в динамике социального настроения также носят негативный характер: доля позитивных оценок уменьшилась на 5 п. п. (с 69 до 64%), отрицательных – увеличилась также на 5 п. п. (с 26 до 31%).

За последние 12 месяцев (с октября 2021 по октябрь 2022 г.) удельный вес позитивных характеристик социального настроения снизился на 7 п. п. (с 71 до 64%), негативных – возрос на 6 п. п. (с 25 до 31%).

Социальное настроение

Изменение (+/-), октябрь 2022 г. к			
Вариант ответа	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-7	-5	-6
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+6	+5	+6

В августе – октябре 2022 г. ухудшились показатели запаса терпения. Доля людей, считающих, что «все не так плохо, жить можно; жить трудно, но можно терпеть», уменьшилась на 4 п. п. (с 79 до 75%). Удельный вес отмечающих, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», возрос на 2 п. п. (с 14 до 16%).

С февраля по октябрь 2022 г. доля положительных характеристик запаса терпения существенно не изменилась (75–76%), при этом удельный вес отрицательных оценок уменьшился на 2 п. п. (с 18 до 16%).

По сравнению с октябрем 2021 г. доля позитивных оценок уменьшилась на 2 п. п. (с 77 до 75%), отрицательных – существенно не изменилась (16–17%).

Запас терпения

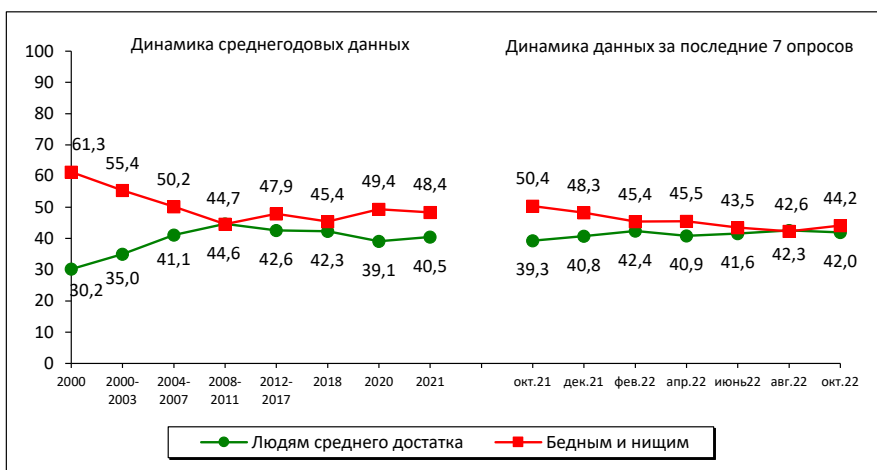
Вариант ответа	Изменение (+/-), октябрь 2022 г. к		
	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Все не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	-2	-1	-4
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-1	-2	+2

Удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», за последние два месяца возрос на 2 п. п. (с 42 до 44%); доля тех, кто субъективно причисляет себя к категории «людей среднего достатка», существенно не изменился (42–43%).

С февраля по октябрь 2022 г. ощутимых изменений в динамике социальной самоидентификации не наблюдается: доля «бедных и нищих» составляет 44–45%, удельный вес «людей среднего достатка» – 42%.

За последние 12 опросов (октябрь 2021 – октябрь 2022 г.) доля «бедных и нищих» жителей области уменьшилась на 6 п. п. (с 50 до 44%); удельный вес «людей среднего достатка» возрос на 3 п. п. (с 39 до 42%).

Социальная самоидентификация

Изменение (+/-), октябрь 2022 г. к			
Вариант ответа	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+3	0	+1
Доля считающих себя бедными и нищими	-6	-1	+2

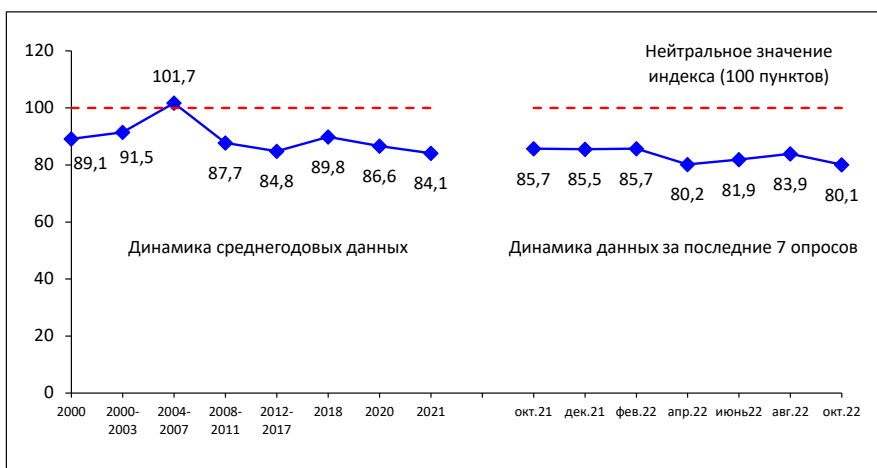
Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

За период с августа по октябрь 2022 г. ощутимо снизился индекс потребительских настроений (на 4 пункта, с 84 до 80 п.), что свидетельствует о росте пессимистических прогнозов людей относительно будущего российской экономики и своего личного материального положения.

По данным на октябрь 2022 г. значение ИПН ниже, чем в феврале 2022 г. (на 6 п. п., 80 и 86 п. соответственно).

При этом за последние 12 месяцев отмечается также ухудшение потребительских настроений населения (ИПН снизился на 6 п. п., с 86 до 80%).

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

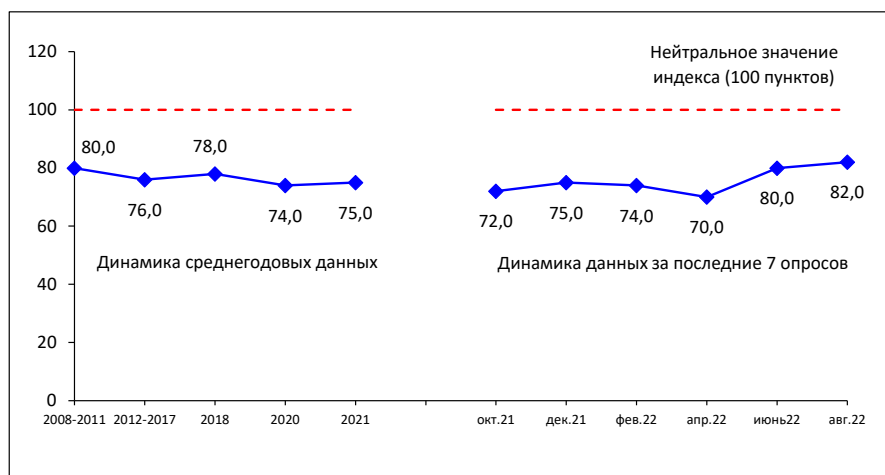
Изменение (+/-), октябрь 2022 г. к			
ИПН	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Значение индекса, в пунктах	-6	-6	-4

Для справки:

По данным общероссийских опросов Левада-Центра*, в динамике ИПН отмечаются позитивные тенденции (в апреле 2022 г. — 70 п., в июне — 80 п., в августе — 82 п.). Однако следует отметить, что на момент подготовки материала данных Левада-Центра* за октябрь 2022 г. не было. Общероссийская тенденция улучшения потребительских настроений населения, отмеченная в апреле — августе 2022 г., прослеживалась и по результатам региональных измерений ВолНЦ РАН (с апреля по август 2022 г., по данным опросов, проведенных на территории Вологодской области, ИПН увеличился на 4 пункта, с 80 до 84 п.).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+/-), август 2022 г. к		
ИПН	окт. 2021	июню 2022 г.
Значение индекса, в пунктах	+10	+2

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за август 2022 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

В динамике социального настроения за период с августа по октябрь 2022 г. негативные изменения отмечаются во всех основных социально-демографических категориях населения. В большинстве групп (в 10 из 14) доля положительных оценок уменьшилась на 5–7 п. п. Наиболее негативные изменения отмечаются среди людей со средним и неполным средним образованием (доля положительных оценок социального настроения уменьшилась на 10 п. п., с 69 до 59%).

Ухудшение психологического самочувствия людей отмечается и за период с февраля по октябрь 2022 г.: доля позитивных оценок социального настроения уменьшилась в 12 из 14 основных социально-демографических категорий населения, особенно среди женщин (на 9 п. п., с 72 до 63%); лиц со средним и неполным средним образованием (на 10 п. п., с 69 до 59%); людей, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наименее обеспеченных слоев населения (на 10 п. п., с 61 до 51%).

С октября 2021 по октябрь 2022 г. негативные изменения социального настроения отмечаются также во всех рассматриваемых социально-демографических категориях населения, кроме людей в возрасте до 30 лет (в этой группе доля положительных оценок существенно не изменилась – 75%).

В первую очередь удельный вес тех, кто характеризует свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», снизился среди:

- ✓ лиц старше 55 лет (на 10 п. п., с 68 до 58%);
- ✓ людей с высшим и незаконченным высшим образованием (на 10 п. п., с 77 до 67%);
- ✓ 20% наименее обеспеченных (на 10 п. п., с 60 до 50%).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Социальное настроение в различных социальных группах
(вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние»,
в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт. 2022 к		
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	окт. 2021	фев. 2022	авг. 2022
Пол																	
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	60,8	65,7	70,0	71,5	65,5	68,3	67,4	69,9	65,0	-5	-1	-5
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	61,2	67,4	70,9	72,8	72,3	65,1	69,7	70,2	63,3	-8	-9	-7
Возраст																	
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	67,6	73,5	75,3	81,9	75,3	81,8	77,3	77,8	74,5	-1	-1	-3
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	61,8	69,5	70,8	75,1	70,7	71,1	68,8	72,0	65,2	-6	-6	-7
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	57,4	60,5	68,3	65,2	65,3	55,2	65,3	64,6	58,7	-10	-7	-6
Образование																	
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,1	69,7	68,7	63,0	65,8	68,5	58,9	-5	-10	-10
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	63,5	66,7	70,4	70,1	68,3	69,8	70,5	71,0	65,8	-5	-3	-5
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	63,3	71,5	77,1	77,6	71,5	66,9	69,7	70,8	67,5	-10	-4	-3
Доходные группы																	
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	43,4	54,6	60,4	64,0	60,5	61,5	58,4	55,4	50,7	-10	-10	-5
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	62,6	67,3	70,9	71,1	68,8	64,2	70,3	73,2	65,9	-5	-3	-7
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	75,6	79,9	84,2	85,3	81,5	81,9	75,7	77,0	78,7	-6	-3	+2
Территория																	
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	60,9	60,3	64,0	65,7	63,2	60,2	61,0	61,5	55,7	-8	-8	-6
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	60,4	71,0	75,2	75,1	72,6	70,1	72,8	74,6	67,9	-7	-5	-7
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	61,4	67,8	71,5	74,2	70,8	68,1	70,6	72,3	66,6	-5	-4	-6
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	61,0	66,6	70,5	72,2	69,3	66,5	68,7	70,1	64,1	-6	-5	-6

РЕЗЮМЕ

Как показали результаты последней «волны» мониторинга, проведенной в октябре 2022 г., за последние два месяца наиболее ощутимые изменения произошли в оценках психологического самочувствия населения:

- ✓ доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», уменьшилась на 6 п. п. (с 70 до 64%), причем во всех основных социально-демографических категориях;
- ✓ удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», снизился на 4 п. п. (с 79 до 75%);
- ✓ индекс потребительских настроений, который во многом является показателем психологического самочувствия, поскольку отражает представления людей о своем собственном будущем и будущем страны в целом, снизился на 4 пункта (с 84 до 80 п.).

Указанная динамика оценок общественного мнения вполне адекватно отражает непростую ситуацию, сложившуюся в стране в последние месяцы: рост международной политической напряженности; сложная ситуация на линии фронта в ходе проведения специальной военной операции на

территории Украины⁴; участвовавшие теракты, направленные против России⁵; частичная мобилизация населения, которая стала, «безусловно, чувствительной темой для общества»⁶ и проведение которой вскрыло большое количество «бестолковщины»⁷ — всё это не могло не отразиться на психологическом состоянии людей.

При этом стоит отметить, что на фоне достаточно тревожных событий остается стабильной оценка людьми динамики своего материального положения: доля положительных суждений о деятельности Президента РФ по подъему экономики и росту благосостояния граждан продолжает увеличиваться с декабря 2021 г. (с декабря 2021 г. по октябрь 2022 г. она возросла на 7 п. п., с 27 до 34%).

Таким образом, вопрос о том, какими будут дальнейшие тенденции общественных настроений, во многом зависит от ситуации в мировой политике, от хода боевых действий на Украине и от решений, принимаемых верховным главнокомандующим РФ В.В. Путиным.

Однако было бы не вполне корректно делать «моментальное фото» общества и акцентировать внимание лишь на наиболее ярких и, возможно, недолгосрочных изменениях в его состоянии. Не менее важно то, как общество в принципе «чувствует» себя в период проведения спецоперации; как изменялись его ключевые характеристики за весь период с февраля 2022 г. по настоящее время.

В связи с этим следует отметить, что по всем основным показателям мониторинга в тенденциях общественного мнения жителей Вологодской области наблюдается целый ряд важных и позитивных изменений. С февраля по октябрь 2022 г.:

✓ увеличился уровень поддержки всех основных органов власти: Президента РФ (на 11 п. п., с 48 до 59%), Председателя Правительства (на 11 п. п., с 37 до 48%), губернатора области (на 9 п. п., с 34 до 43%);

✓ улучшились оценки успешности работы Президента РФ по всем ключевым направлениям: укреплению международных позиций России (на 7 п. п., с 42 до 49%), наведению порядка в стране (на 4 п. п., с 41 до 45%), защите демократии и укреплению свобод граждан (на 6 п. п., с 32 до 38%) и даже по самому сложному направлению — подъему экономики и росту благосостояния населения (на 6 п. п., с 28 до 34%);

✓ не менее важно, что за февраль — октябрь 2022 г. ощутимо увеличилась доля людей, отмечающих, что партия власти «Единая Россия» разделяет их интересы (на 6 п. п., с 31 до 37%);

✓ показатели психологического самочувствия общества за период проведения спецоперации несколько снизились: доля положительных оценок социального настроения уменьшилась на 5 п. п. (с 69 до 64%), запаса терпения — на 2 п. п. (с 77 до 75%), индекс потребительских настроений снизился на 6 пунктов (с 86 до 80 п.). Однако произошло это преимущественно за счет динамики оценок общественного мнения в августе — октябре 2022 г. В предшествующий период (с февраля по август) доля людей, положительно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние, удельный вес позитивных характеристик запаса терпения, индекс потребительских настроений в целом оставались стабильными (70, 79% и 84–86 пунктов соответственно).

⁴ Среди них — контрнаступление Вооруженных сил Украины 6–12 сентября 2022 г., отвод союзных сил из г. Красный Лиман 1 октября 2022 г.

⁵ См., например:

15 августа — предотвращенная попытка теракта на объекте нефтегазового комплекса в Волгоградской области;

20 августа — убийство российской журналистки, дочери философа А. Дугина Дарьи Дугиной;

25 сентября — подрыв в результате очередного обстрела гостиницы в Херсонской области (среди погибших — известный общественный деятель А. Журавко);

26 сентября — подрывы газопроводов «Северный поток» и «Северный поток — 2»;

8 октября — теракт, приведший к обрушению части Крымского моста;

11 октября — предотвращенный теракт на нефтепроводе «Дружба»;

15 октября — подрыв резервуаров нефтебазы в Белгородской области.

⁶ Аргументы недели. URL: <https://argumenti.ru/society/2022/09/791413> (В.А. Фадеев — с 21 октября 2019 г. Советник Президента РФ, председатель Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека).

⁷ Выступление Президента на встрече с избранными главами регионов // Официальный сайт Президента РФ. 10.10.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69567>

Динамика основных показателей мониторинга общественного мнения за период с февраля по октябрь 2022 г. (в % от числа опрошенных)

Показатель	фев. 2022	авг. 2022	окт. 2022	Изменение (+/-), п. п.		
				фев. – авг. 2022	авг. – окт. 2022	фев. – окт. 2022
Доля положительных оценок деятельности Президента РФ	48,0	60,9	59,0	+13	-2	+11
Доля положительных оценок деятельности Председателя Правительства РФ	37,6	47,5	48,1	+10	+1	+11
Доля положительных оценок деятельности губернатора Вологодской области	33,9	43,3	43,0	+9	0	+9
Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ проблемы укрепления международных позиций России	42,3	50,3	49,4	+8	-1	+7
Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ проблемы наведения порядка в стране	41,1	46,7	44,9	+6	-2	+4
Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ проблемы защиты демократии, укрепления свобод граждан	32,3	38,5	38,5	+6	0	+6
Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ проблемы подъема экономики, роста благосостояния населения	28,2	32,1	34,2	+4	+2	+6
Доля людей, отмечающих, что их интересы разделяет партия «Единая Россия»	31,1	36,2	36,7	+5	+1	+6
Доля положительных оценок социального настроения	69,3	70,0	64,1	+1	-6	-5
Доля положительных оценок запаса терпения	76,6	79,3	75,3	+3	-4	-1
Индекс потребительских настроений	85,7	83,9	80,1	-2	-4	-6

Таким образом, следует подчеркнуть, что результаты социологических измерений, осуществленных за весь период проведения спецоперации, указывают на то, что в обществе сохраняется достаточно стабильный психологический фон и высокий уровень поддержки населением деятельности органов власти (прежде всего Президента РФ).

Снижение показателей психологического самочувствия общества в августе – октябре 2022 г., безусловно, требует внимания со стороны органов власти и дальнейших наблюдений со стороны социологов. Однако оно по-прежнему остается достаточно позитивным (доля людей, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», составляет более 50% во всех социально-демографических категориях населения), кроме того, негативные изменения, проявившиеся в последние два месяца, являются вполне естественной реакцией людей на события, происходившие в этот период во внутренней и внешней политической жизни страны.

Важно то, что с самого начала боевых действий на Украине российское общество проявляет высокую степень консолидации вокруг Президента, а также готовность с пониманием и терпением преодолевать различные трудности, возникающие в процессе достижения целей специальной военной операции.

При этом признание и оперативное реагирование системы государственного управления на ошибки, возникшие в ходе частичной мобилизации; активная волонтерская помощь мобилизованным гражданам и военнослужащим, ведущим боевые действия непосредственно на линии фронта; «большое количество добровольцев»⁸ (как отметил Министр обороны С. Шойгу), принявших решение участвовать в специальной военной операции, и многие другие факты позволяют говорить, что в России укрепляются и формируются новые черты гражданского общества. Вполне возможно, это станет важным фактором в преодолении нынешнего, безусловно, не самого простого периода ее истории.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова

⁸ РИА-новости. 04.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221004/shoygu-1821393672.html>

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала

«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 28.10.2022.
Дата выхода в свет 31.10.2022.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 35,7. Тираж 500 экз. Заказ № 55.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru